Г. Замысловскій
Членъ Государственной Думы

УБІЙСТВО АНДРЮШИ ЮЩИНСКАГО

ИЗСЛѢДОВАНІЕ ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ

Съ 2 планами и 20 рисунками въ текстѣ, изъ коихъ одинъ въ краскахъ

ПЕТРОГРАДЪ
1917

Петроградъ, дозволено военной цензурой 1 октября 1916 г.

ВВЕДЕНІЕ.

Дѣло по обвиненію іудея Менделя Бейлиса въ убійствѣ изъ побужденій религіознаго изувѣрства, для обрядовыхъ цѣлей, 13-лѣтняго православнаго мальчика Андрюши Ющинскаго нельзя не признать безпримѣрнымъ историческимъ дѣломъ въ лѣтописяхъ русскаго правосудія. Ритуальные процессы неоднократно возникали у насъ и раньше, но впервые по дѣлу Бейлиса вопросъ о догматѣ крови у іудеевъ былъ поставленъ прямо и опредѣленно на судѣ присяжныхъ, впервые въ предложенномъ на ихъ разсмотрѣніе обвинительномъ актѣ, утвержденномъ Судебною Палатою, было указано, что, согласно заключенію эксперта, «убійства евреями христіанъ, по религіознымъ побужденіямъ, существуютъ въ дѣйствительности..., что убійство Ющинскаго... носитъ отличительныя и характерныя черты типичнаго ритуальнаго убійства».

Такая постановка вопроса, неизбѣжная по обстоятельствамъ дѣла, создала ему широчайшій интересъ. Газеты всего міра пестрѣли свѣдѣніями о дѣлѣ Бейлиса, а въ русской прессѣ количество относящихся сюда отчетовъ, статей и телеграфныхъ сообщеній громадно. Усиленная газетная агитація возникла, впрочемъ, задолго до обвинительнаго акта и экспертизы. Она началась сейчасъ же послѣ того, какъ въ мартѣ 1911 года на окраинѣ г. Кіева было обнаружено исколотое и обезкровленное тѣло замученнаго Андрюши, а въ народѣ пошелъ говоръ, что убили мальчика жиды передъ своей пасхой для христіанской крови. Уже съ этого момента вся печать, находящаяся или прямо въ рукахъ іудеевъ, или подъ ихъ вліяніемъ, забила тревогу. Клятвы о томъ, что обвиненіе въ ритуальныхъ убійствахъ есть лишь «кровавый навѣтъ на евреевъ», чередовались съ сенсаціонными

извѣстіями, что, де, кіевское преступленіе «раскрыто» и оказалось самымъ обыкновеннымъ убійствомъ, совершеннымъ безъ всякаго жидовскаго участія.

Чтобы такому раскрытію помочь, появились разслѣдователи-добровольцы и открытія ихъ, одно сенсаціоннѣе другого, но всѣ благопріятныя еврейству, не сходили съ газетныхъ столбцовъ. Дошло до того, что завѣдывавшій по дѣлу розысками начальникъ Кіевской сыскной полиціи, утверждавшій, что «въ XX в. ритуальныхъ убійствъ не бываетъ», оказался изобличеннымъ въ подлогѣ, въ созданіи лжеполичнаго, лжеуликъ, долженствовавшихъ сіи проницательныя утвержденія превратить въ реальный фактъ. Слѣдствіе наткнулось на систематическое, широко организованное противодѣйствіе правосудію и поневолѣ переплело разслѣдованіе самаго дѣла съ обнаруженіемъ такого противодѣйствія. Поведеніе самихъ же іудеевъ дало такой характеръ дѣлу, что, де, еврейство, какъ цѣлое, борется съ предъявленнымъ къ нему обвиненіемъ въ догматѣ крови—чѣмъ, разумѣется, было еще болѣе подчеркнуто громадное значеніе процесса.

Слѣдственное производство, обнимающее восемь томовъ, производилось два года: съ 21 марта 1911 г. по 1 апрѣля 1913 г. Начато оно было Судебнымъ Слѣдователемъ 5 участка г. Кіева, но уже черезъ три дня, 24 марта 1911 г., передано имъ, по предложенію Прокурора, Судебному Слѣдователю Кіевскаго Окружнаго Суда по особо важнымъ дѣламъ Фененкѣ.

3 августа 1911 г. былъ привлеченъ въ качествѣ обвиняемаго Мендель Бейлисъ; 5 января 1912 г. слѣдствіе, какъ оконченное, направлено къ Прокурорскому Надзору, коимъ составленъ обвинительный актъ, однако, въ виду вновь открывшихся обстоятельствъ, 21 іюня 1912 г. дѣло было обращено къ дослѣдованію, которое Министромъ Юстиціи Щегловитовымъ возложено на Судебнаго Слѣдователя по особо важнымъ дѣламъ Петроградскаго Окружнаго Суда Мышкевича.

Большое и весьма плодотворное участіе въ производствѣ предварительнаго слѣдствія принималъ наблюдавшій за нимъ Товарищъ Прокурора Кіевскаго Окружнаго Суда Карбовскій.

Судъ надъ Бейлисомъ происходилъ въ Кіевѣ 34 дня—съ 25 сентября по 28 октября 1913 года. Все это время присяжные засѣдатели домой не отпускались и ночевали въ зданіи Суда.

Предсѣдательствовалъ Предсѣдатель Кіевскаго Окружнаго Суда Болдыревъ, въ составѣ трехъ членовъ Суда—князя Жевахова, Вигуры и Юркевича. Обвинялъ Товарищъ Прокурора Петроградской Судебной Палаты Виппперъ. Гражданскими истцами были присяжный повѣренный округа Московской Судебной Палаты Шмаковъ и членъ Государственной Думы Замысловскій. Шмакову помогалъ помощникъ присяжнаго повѣреннаго Дурасовичъ. Защищали Бейлиса пять присяжныхъ повѣренныхъ—трое Петроградскихъ: Грузенбергъ, Карабчевскій, Зарудный; одинъ Московскій—членъ Государственной Думы Маклаковъ и одинъ мѣстный, Кіевскій—Григоровичъ-Барскій. Цѣлый рядъ ученыхъ явился въ качествѣ экспертовъ.

Въ залѣ засѣданій были заблаговременно сооружены особые хоры для представителей печати, коихъ туда вмѣстилось огромное количество. Въ столичныя газеты ихъ сотрудники, спеціально командированные на процессъ, посылали о ходѣ его ежедневно длинные телеграфные отчеты. Особо приглашенные стенографы записывали все, происходившее на судѣ, дословно, стенографически, расшифровывая немедленно, въ тотъ же день, свои записи и предоставляя ихъ къ оглашенію. Если подсчитать только эти расходы: по стенографированію, печатанію, передачѣ отчетовъ телеграфомъ—то получится громадная сумма.

Въ такихъ условіяхъ не протекалъ у насъ ни одинъ судебный процессъ.

О томъ, какой общій интересъ возбуждало дѣло, можно судить по грудѣ писемъ и телеграммъ, полученныхъ его участниками со всѣхъ концовъ Россіи. Въ обширнѣйшемъ матеріалѣ, который былъ, напримѣръ, адресованъ на мое имя, можно найти содержаніе самое разнообразное: тутъ большею частью привѣтствія, одобренія, совѣты, пожеланія успѣха со стороны лицъ, часто совершенно незнакомыхъ; даже присылка ими сочиненій, которыя они считали рѣдкими, малоизвѣстными, но имѣющими отношеніе къ ритуалу. Зато попадаются и осужденія, ругательства, угрозы, даже убійствомъ.

Великая заслуга, что дѣло, несмотря на всѣ козни и противодѣйствія, было доведено до суда, до гласнаго, публичнаго разбирательства, принадлежитъ тогдашнему Министру Юстиціи, Ивану Григорьевичу Щегловитову, и достойному его помощнику по Кіеву—Прокурору Кіевской Судебной Палаты Георгію Гавриловичу Чаплинскому. Непоколебимому чувству долга этихъ госу-

дарственныхъ дѣятелей обязана Россія тѣми разоблаченіями, ужасными для жидовства, которыя далъ процессъ Бейлиса.

Нашлись и частныя лица, поставившія самоотверженное служеніе раскрытію дѣла выше своихъ личныхъ интересовъ. Закончу настоящее вступленіе нѣсколькими словами о томъ изъ этихъ людей, кто геройски погибъ преждевременною смертью, о студентѣ Кіевскаго университета Владимірѣ Степановичѣ Голубевѣ. Онъ не могъ помириться съ мыслью, что дѣло объ убійствѣ Андрюши Ющинскаго не дойдетъ до гласнаго суда. Сейчасъ же послѣ обнаруженія тѣла замученнаго мальчика Голубевъ принялся цѣлыми днями изучать мѣстность, гдѣ былъ найденъ трупъ, разспрашивать тамошнихъ обывателей и добылъ данныя весьма цѣнныя. Стоя во главѣ патріотическаго общества Кіевской молодежи «Двуглавый Орелъ», Голубевъ былъ непреодолимою преградою для всѣхъ попытокъ въ дѣлѣ Бейлиса обработать кіевское общественное мнѣніе подъ жидовскій камертонъ. Убѣжденность этого человѣка, его идейность и чистота были настолько сильны, ярки, что даже его враги, захлебывавшіеся отъ ненависти къ нему, взводить на него обвиненіе въ неправдѣ, въ неискренности не рѣшались. Какъ только началась война, Голубевъ попелъ въ армію, былъ серьезно раненъ въ голову и отправленъ на излеченіе въ Кіевъ, однако, съ еще незажившей раной, вернулся на фронтъ, опять былъ раненъ во время развѣдки, но легко, остался въ строю и убитъ пулею, когда, командуя въ качествѣ прапорщика взводомъ, хотѣлъ вести его въ атаку. Офицерскій Георгіевскій крестъ уже не засталъ Голубева въ живыхъ.

Для меня дѣло объ убійствѣ Андрюши Ющинскаго неразрывно связано съ воспоминаніями о незабвенномъ Владимірѣ Степановичѣ Голубевѣ.

Г. Замысловскій

УБІЙСТВО
АНДРЮШИ ЮЩИНСКАГО

ИЗСЛѢДОВАНІЕ ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ

Съ 2 планами и 20 рисунками въ текстѣ, или болѣе одного въ тушевкѣ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ФАКТИЧЕСКАЯ.

I.

Родственники.

12 марта 1911 года, въ субботу, проживавшій на Предмостной Слободкѣ г. Кіева тринадцатилѣтній мальчикъ Андрюша Ющинскій рано утромъ ушелъ изъ дома и безслѣдно исчезъ. Всѣ поиски мальчика остались тщетными, пока, черезъ восемь дней, 20 марта 1911 г., мертвое тѣло Андрюши, все исколотое и обезкровленное, не было обнаружено верстъ за шесть отъ Слободки, въ совершенно противоположной части Кіева — за Лукьяновкой, на Загоровщинѣ, въ одной изъ тамошнихъ пещеръ, гдѣ на эту ужасную находку совершенно случайно наткнулись игравшіе около мальчики.

Самый видъ мертваго тѣла, съ его 47 уколами, полураздѣтаго, со связанными за спиной руками, выброшеннаго, какъ падаль, передъ еврейской пасхой—не могъ не возбудить въ народѣ толковъ, что убійство совершено жидами ради христіанской крови. Однако, полиція, принявшаяся за розыски, не замедлила сейчасъ же направить ихъ не въ сторону евреевъ, а по пути совершенно иному, явно исключавшему виновность жидовъ—по пути заподазриванія ближайшихъ родственниковъ убитаго. Это заставляетъ и насъ обратиться прежде всего къ семьѣ погибшаго мальчика, къ ея жизни.

Андрюша былъ внѣбрачнымъ сыномъ Александры Ющинской и Ѳеодосія Чиркова, съ которымъ она сожительствовала

около двухъ лѣтъ. Затѣмъ Ѳеодосій Чирковъ былъ взятъ въ военную службу и отправленъ на Дальній Востокъ, гдѣ, послѣ войны, пропалъ безъ вѣсти. Первоначально онъ располагалъ деньгами, вырученными отъ продажи принадлежавшаго ему на окраинѣ г. Кіева домика, но уже ко времени отправленія на Дальній Востокъ эти деньги — въ общей суммѣ двѣ тысячи рублей—совершенно изсякли, ибо Чирковъ не прочь былъ покутить, и Александру Ющинскую онъ оставилъ безъ всякихъ средствъ. Убѣдясь, что Ѳеодосій Чирковъ пропалъ безъ вѣсти, Александра Ющинская вышла замужъ за Луку Приходько, по ремеслу переплетчика, помогая ему стиркой бѣлья и торговлей на базарѣ. Поселились они на окраинѣ города, называемой Лукьяновкою, гдѣ прожили до 1910 года, а въ 1910 году, весною, мѣсяцевъ за десять до убійства, переѣхали въ Предмостную Слободку, гдѣ, къ марту 1911 г. занимали небольшую квартирку въ домикѣ Заблуцкихъ. Тутъ же рядомъ, отдѣленные лишь тонкою перегородкою, жили сами Заблуцкіе и другой квартирантъ, Толкачевъ. Помѣщеніе было настолько тѣсное и убогое, что въ немъ не то, что мальчика, а курицы нельзя было зарѣзать такъ, чтобы это сейчасъ же не сдѣлалось извѣстнымъ всѣмъ сосѣдямъ. Вдобавокъ, Лука Приходько ночевалъ дома только въ ночи съ субботы на воскресенье, а все остальное время работалъ и ночевалъ въ переплетной мастерской Колбасова, по Фундуклеевской улицѣ, т. е. въ большомъ отдаленіи какъ отъ Слободки, такъ отъ Лукьяновки и Загоровщины.

Вотъ что говорилъ о Лукѣ Приходькѣ на предварительномъ по дѣлу слѣдствіи его хозяинъ, Колбасовъ:

«Лука Приходько работаетъ въ моей мастерской около пяти лѣтъ. Я его считаю самымъ лучшимъ мастеромъ. Въ мѣсяцъ я ему плачу 26 рублей. Человѣкъ онъ трезвый, работящій и очень хорошій семьянинъ. Всѣ заработанныя деньги онъ отдаетъ своей семьѣ, на себя же тратитъ очень мало. Всю недѣлю Приходько работаетъ у меня и только по субботамъ уходитъ въ Слободку, откуда возвращается на работу въ понедѣльникъ. Я помню хорошо и утверждаю, что Лука Приходько, съ понедѣльника, 7-го марта 1911 г., до субботы, 12 марта, безотлучно находился въ моей мастерской».

Послѣднее обстоятельство вполнѣ подтвердилъ и переплетный мастеръ, работавшій у Колбасова вмѣстѣ съ Приходькою—Василевскій.

Къ Андрюшѣ Лука Приходько относился вполнѣ хорошо, что же касается Александры Приходько, то она горячо любила своего первенца и заботилась о немъ даже больше, чѣмъ о младшемъ сынѣ, прижитомъ отъ Луки; но еще сильнѣе была привязана къ Андрюшѣ его тетка, Наталья Ющинская, сестра Александры. Незамужняя, слабая здоровьемъ, съ начинавшеюся чахоткой, не перенесшая гибели Андрюши и преждевременно умершая скоро послѣ его смерти,—она всей душой отдалась мальчику и въ немъ видѣла весь смыслъ своей жизни. Сравнительно хорошо зарабатывая коробочнымъ мастерствомъ — отъ 50 до 100 рублей въ мѣсяцъ—она на свои средства, послѣ того, какъ Андрюша выучился грамотѣ въ дѣтскомъ пріютѣ и побылъ два года въ начальной школѣ, отдала его въ обученіе псаломщику Мочуговскому, которому платила около года по десять рублей въ мѣсяцъ, чтобы Мочуговскій подготовилъ Андрюшу къ поступленію въ пятиклассное Софійское духовное училище, куда онъ и былъ принятъ въ 1910 году, причемъ платить за него приходилось по 75 рублей въ годъ.

Поселилась Наталья Ющинская съ 1910 г. тоже на Слободкѣ, недалеко отъ своей сестры Александры, причемъ вмѣстѣ съ Натальей жила и мать ихъ—Олимпіада Ющинская, по второму мужу Нѣжинская, 70-лѣтняя старуха, тоже горячо любившая Андрюшу. У бабушки и тетки онъ бывалъ почти ежедневно.

Любовь, которою пользовался Андрюша, являлась вполнѣ заслуженною. Общіе отзывы о немъ сходились въ томъ, что это былъ мальчикъ замѣчательно хорошій: привязчивый, смирный, послушный, очень способный и трудолюбивый,—онъ даже среди сверстниковъ не имѣлъ недоброжелателей. Кого-кого только не разспрашивали по слѣдствіи объ Андрюшѣ: и его прежнихъ товарищей съ Лукьяновки, и товарищей по Слободкѣ, и товарищей по школѣ, и школьное начальство, и всѣхъ вообще, кто зналъ семью Приходьки,—и среди множества спрошенныхъ—ни одного худого слова. Зато много словъ прямо восторженныхъ. Въ школѣ Андрюша учился чрезвычайно прилежно и одно время былъ даже первымъ ученикомъ. Завѣтною мечтою мальчика была—по окончаніи ученія сдѣлаться священникомъ. Эту мечту знали его родные, сочувствовали ей и изъ послѣднихъ средствъ старались дать Андрюшѣ возможность получить соотвѣтствующее образованіе. На первой недѣлѣ Великаго поста (а пропалъ

онъ въ концѣ третьей недѣли) мать говѣла съ нимъ въ Кіево-Печерской Лаврѣ, несмотря на свою работу и на огромное разстояніе отъ Слободки до Лавры.

Всѣ обстоятельства эти, казалось бы, неопровержимо устанавливали, что заподозривать родственниковъ Андрюши въ его убійствѣ невозможно, а предполагать, что убивала мать у себя на квартирѣ, въ домѣ Заблуцкихъ—дико и явно-нелѣпо.

Иначе взглянула на дѣло кіевская сыскная полиція. Первымъ шагомъ ея начальника, Мищука, былъ арестъ Александры Приходько и строжайшій обыскъ въ ея квартирѣ. «Все было переворочено, все поломано. Тяжело было это и ужасно»... разсказывалъ потомъ на судѣ Лука Приходько, оправясь отъ обморока, который сдѣлался съ нимъ, когда онъ дошелъ въ своемъ показаніи до дѣйствій кіевской сыскной полиціи. Со стѣнъ квартиры отбили семь кусковъ штукатурки для химико-микроскопическаго изслѣдованія «темнобурыхъ пятенъ», показавшихся подозрительными. Съ тою же цѣлью взяли юбку и кофту Александры Приходько, рабочую блузу Луки и двѣ тряпки. Никакихъ результатовъ химико-микроскопическое изслѣдованіе не дало, признаковъ крови въ отобранныхъ предметахъ не оказалось,—но времени, пока сіе было удостовѣрено, прошло достаточно.

Показаніе объ этомъ Олимпіады Нѣжинской — сплошной вопль: «Совсѣмъ замучили... Все разбили и разгромили... Я кричала, плакала, говорила: что вы дѣлаете!?... А они: молчите, всѣмъ Сибирь будетъ!.. Я говорила: что вы тутъ шукаете, вы бы шукали тамъ, гдѣ люди его нашли... Тамъ не хотѣли шукать, а только до насъ ходили»...

Александру Ющинскую арестовали 24 марта (тѣло Андрюши найдено 20-го) и держали подъ арестомъ двѣ недѣли. Каждый день ее, на пятомъ мѣсяцѣ беременности, отводили рано утромъ изъ полицейскаго участка, гдѣ она ночевала, въ сыскную полицію, гдѣ держали въ напряженномъ состояніи до часа—двухъ ночи, хотя допрашивали сравнительно рѣдко.

«Мищукъ обращался со мной скверно,—показывала на судѣ Александра Приходько: — ругалъ меня, требовалъ, чтобы я сознялась, будто я убила. Я сказала Мищуку: вы арестуйте меня, только позвольте мнѣ похоронить сына. Онъ отвѣтилъ, что такую убійцу нельзя отпустить... Такъ я на похоронахъ и не была»...

Когда Александру Ющинскую, арестованную, беременную, водили черезъ базарную площадь, то въ толпу на базарѣ уже былъ пущенъ слухъ, что это убійца сына и въ нее кидали чѣмъ попало...

Если Александра Ющинская была арестована полиціею и двѣ недѣли содержалась подъ арестомъ, какъ убійца своего ребенка, несмотря на ея любовь къ сыну, несмотря на нахожденіе мертваго тѣла въ шести верстахъ отъ Слободки, несмотря на полную невозможность убійства въ той хаткѣ Заблуцкихъ, гдѣ жили Приходьки — то, вѣроятно, были же какія-нибудь противъ нихъ улики, хотя и оказавшіяся потомъ невѣрными, ошибочными, но имѣвшія хоть сначала видъ, достаточно внушительный?..

Такая улика (если только можно назвать это уликой) была одна и надъ происхожденіемъ ея надлежитъ остановить серьезное вниманіе: 21 марта судебный слѣдователь, получивъ отъ полиціи донесеніе, что въ пещерѣ за Лукьяновкой обнаружено мертвое тѣло Андрея Ющинскаго, прибылъ туда для первоначальнаго осмотра, а 22 марта, когда еще ни одинъ свидѣтель допрошенъ не былъ, къ судебному слѣдователю явился безъ его вызова, по собственному побужденію, нѣкто Симонъ Барщевскій, вѣроисповѣданія іудейскаго, и сообщилъ, что 16 марта въ редакцію газеты «Кіевская Мысль», гдѣ онъ, Барщевскій, состоитъ сотрудникомъ, явилась неизвѣстная женщина заявить о пропажѣ ея сына.

«Съ перваго же слова женщины, назвавшейся матерью Ющинскаго,—засвидѣтельствовалъ Барщевскій:—мнѣ показалось страннымъ ея отношеніе къ факту исчезновенія. Въ то время какъ обычно въ такихъ случаяхъ матери, являющіяся въ редакцію сообщать о пропажѣ дѣтей,—всегда плачутъ, крайне разстроены и поведеніемъ своимъ ясно выказываютъ горечь утраты,—Ющинская относилась къ случаю крайне равнодушно, говорила спокойно, точно дѣло шло не объ исчезновеніи мальчика, а о фактѣ, не имѣющемъ серьезнаго значенія. Я спросилъ, нѣтъ ли подозрѣній, чтобы Ющинскій могъ куда-нибудь уѣхать. Ющинская категорически опровергала такое предположеніе. Затѣмъ я попросилъ указать адресъ, по которому можно было бы сообщить о нахожденіи ребенка или же доставить его лично. Въ отвѣтъ на это мужчина, бывшій съ Ющинской, улыбнулся и сказалъ, что это, молъ, все равно—куда сообщить,—можно въ

полицію, или въ училище. Улыбнулась при этихъ его словахъ и Ющинская. Какъ во время разговора съ ними, такъ и сейчасъ же послѣ ихъ ухода, я все время былъ подъ страннымъ впечатлѣніемъ того, что здѣсь что-то неладно: слишкомъ ужъ безразлична была эта родная мать, а нѣсколько разъ повторявшіяся улыбки показались мнѣ совсѣмъ неумѣстными».

Такова улика: «странныя улыбки», которыя видѣлъ поспѣшившій къ слѣдователю еврейскій сотрудникъ «прогрессивной» еврейской газеты и никто больше. Этой улики, однако, оказалось достаточно (другихъ не было), чтобы ни въ чемъ неповинную мать замученнаго мальчика держать двѣ недѣли подъ стражей. Нужно ли добавлять, что впослѣдствіи, передъ лицомъ суда, прошелъ рядъ свидѣтелей, удостовѣрившихъ, что ни о какихъ улыбкахъ не могло быть и рѣчи, что горе матери не поддавалось описанію. Заблуцкая, напримѣръ, показала, что ей пришлось, послѣ извѣстія о смерти Андрюши, отливать водой лишившуюся чувствъ Александру Приходько. Но все это выяснилось потомъ, когда драгоцѣнное время было въ значительной мѣрѣ упущено, а пока, въ началѣ, явился къ Слѣдователю безъ вызова іудей Симонъ Барщевскій, заявилъ объ улыбкахъ—и этого оказалось достаточнымъ.

Поразительное поведеніе Кіевской полиціи, ея упорное нежеланіе обратить розыски не только въ направленіи жидовъ, но хотя бы въ направленіи Лукьяновки, гдѣ было найдено мертвое тѣло, вызвало, разумѣется, чрезвычайное возмущеніе всѣхъ тѣхъ, кто еще не пляшетъ подъ жидовскую дудку, и 18 апрѣля 1911 г. въ Государственной Думѣ третьяго созыва правыми былъ внесенъ спѣшный запросъ, гдѣ было указано на несомнѣнные признаки въ данномъ дѣлѣ ритуальнаго еврейскаго убійства, а также и на то обстоятельство, что правительство, широко раздвигая рамки изслѣдованія въ дѣлахъ объ изувѣрныхъ сектахъ, существующихъ среди христіанъ, дѣйствовало всегда наоборотъ въ тѣхъ случаяхъ, когда оно наталкивалось на изувѣрныя еврейскія убійства: суживало, стѣсняло эти рамки и, ставя на судъ большія дѣла о скопцахъ, хлыстахъ, съ массою подсудимыхъ, ни разу не предприняло разслѣдованія о той еврейской сектѣ, которая совершаетъ ритуальныя убійства.

Однако и послѣ запроса дѣйствія Кіевской полиціи не перемѣнились. Правда, рядомъ съ Мищукомъ появился другой

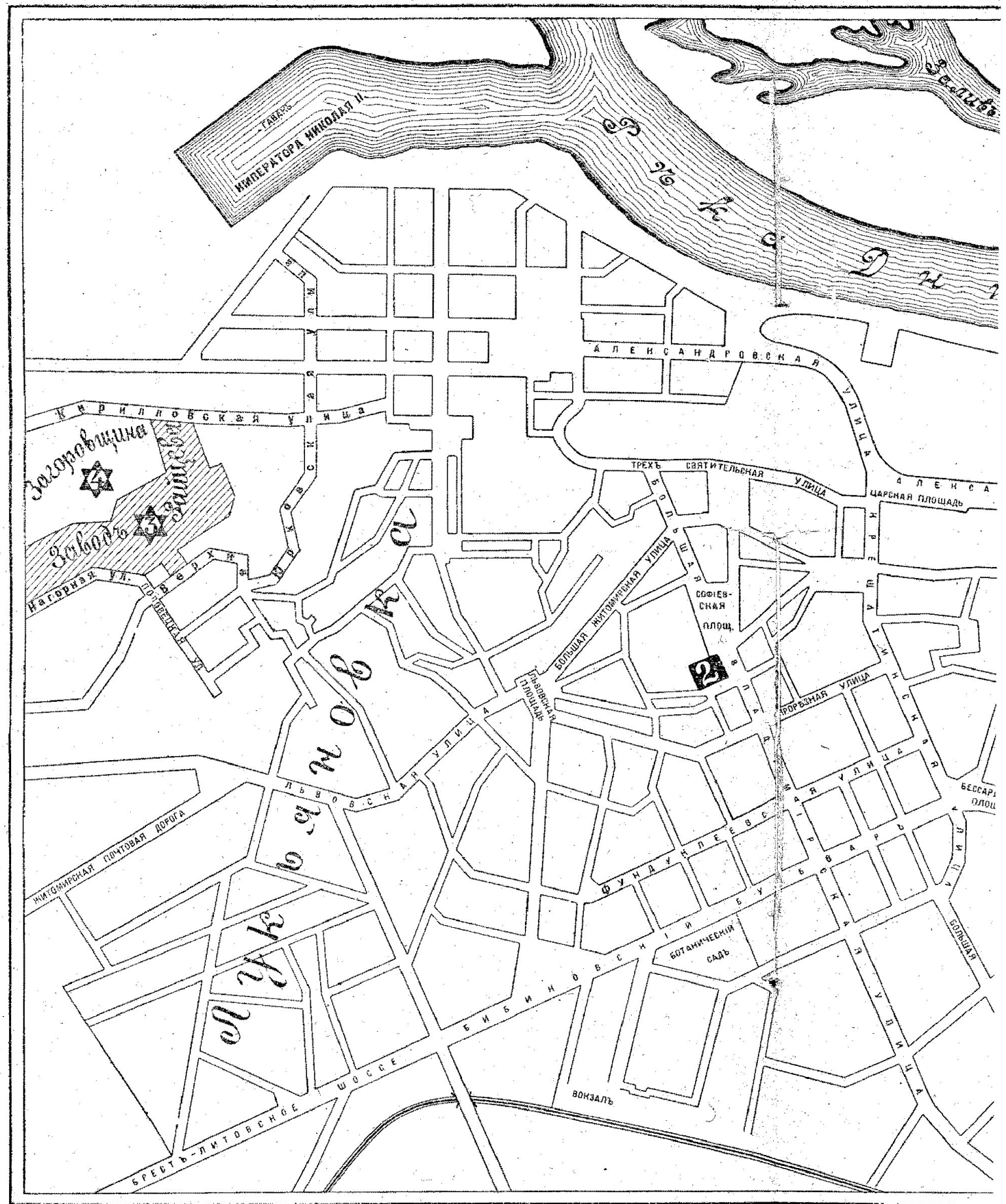
дѣятель — Красовскій, но отъ этого стало не лучше, а хуже. Красовскому, пользовавшемуся репутаціей опытнаго сыщика и занимавшему временно, до Мищука, должность начальника Кіевской сыскной полиціи, было теперь поручено спеціально заняться розысками по дѣлу объ убійствѣ Андрюши Ющинскаго и обратить особенное вниманіе на Лукьяновку. Какъ о самомъ Красовскомъ, такъ и о Лукьяновкѣ съ расположеннымъ на ней кирпичнымъ заводомъ іудея Зайцева, и объ уликахъ противъ обитателей завода подробный разговоръ будетъ ниже, а пока вернемся къ тому, съ какимъ упорствомъ чины Кіевской полиціи продолжали направлять подозрѣніе на ни въ чемъ неповинныхъ родственниковъ замученнаго мальчика, настойчиво отводя это подозрѣніе отъ жидовъ.

Красовскій принялся, главнымъ образомъ, за Луку-Приходьку. Еще Мищукомъ Лука былъ арестованъ одновременно съ Александрою и просидѣлъ подъ стражею, безъ всякихъ уликъ, двѣ недѣли. Но этого оказалось мало. 26 іюня Красовскій снова арестовалъ Луку и выдвинулъ противъ него двѣ улики: во-первыхъ, произведя у него, въ переплетной мастерской Колбасова, обыскъ, Красовскій нашелъ обрывокъ бумаги, на которомъ были написаны карандашомъ медицинскія названія, относящіяся къ височной кости. У простого переплетчика медицинское описаніе той части тѣла, на которой у Андрюши оказались наиболѣе характерные уколы!

Вторая улика заключалась въ слѣдующемъ: отыскался свидѣтель Василій Ященко, который, проживая на Лукьяновкѣ, утромъ 12 марта (т. е. въ день, когда Андрюша исчезъ), былъ около той пещеры, гдѣ впослѣдствіи нашли тѣло Андрюши, причемъ Ященко обратилъ вниманіе на человѣка, шедшаго возлѣ пещеры и показавшагося ему страннымъ. Когда Красовскій, на дознаніи, предъявилъ Ященкѣ Луку Приходьку, Ященко удостовѣрилъ поразительное сходство между Лукою Приходькой и тѣмъ страннымъ человѣкомъ, котораго свидѣтель видѣлъ 12 марта около пещеры. Сходство настолько большое, что Ященкѣ «такъ и хотѣлось сказать, что онъ 12-го марта видѣлъ Луку Приходьку».

Эти улики были посерьезнѣе впечатлѣній Симона Борщевскаго и, на первый взглядъ, несомнѣнно могли создать впечатлѣніе, что относительно Луки Приходьки что-то неладно.

Тѣмъ поразительнѣе были разоблаченія того, какъ все обстояло на самомъ дѣлѣ.

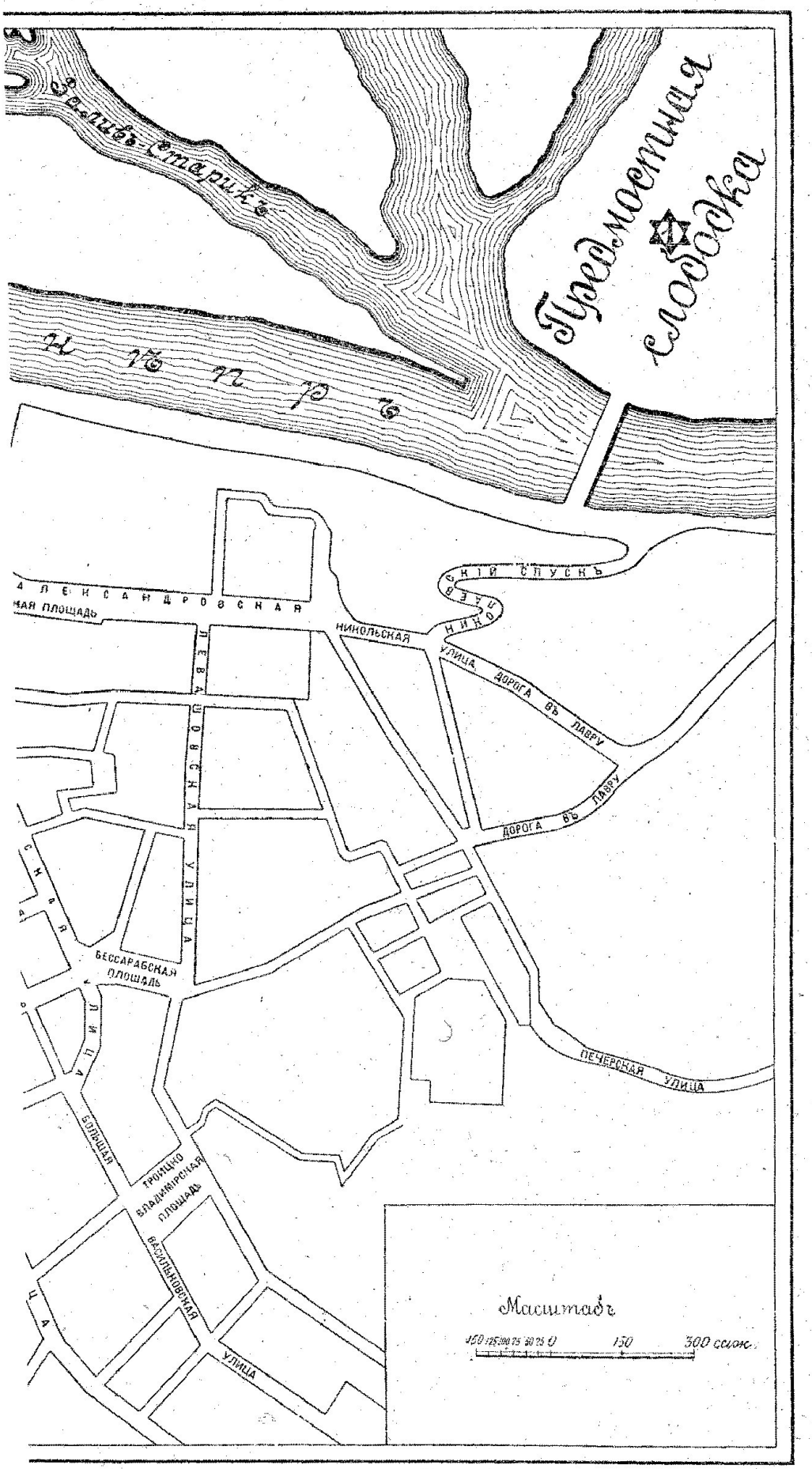


1 Домъ, гдѣ жилъ Ющинскій.

2 Училище, куда Ющинскій ходилъ учиться.

3 Кирпичный заводъ Зайцева, въ одномъ раго, согласно вердикту присяжныхъ, Ю

А.



ъ одномъ изъ помѣщеній кото-
жныхъ, Ющинскій былъ убитъ.

Пещера, гдѣ былъ най-
денъ трупъ Ющинскаго.

Обрывокъ бумаги со свѣдѣніями о височной кости дѣйствительно былъ въ переплетной мастерской Колбасова, но валялся въ цѣлой кучѣ другихъ обрывковъ и лоскутковъ, которые бросались на полъ при переплетѣ книгъ. Колбасовъ, въ числѣ прочихъ заказчиковъ, работалъ на магазинъ Просяниченко, торговавшій подержанными книгами. Въ нихъ всегда оказывалось много замѣтокъ, которыя при переплетѣ выбрасывались, и Лука Приходько не замедлилъ указать, что обрывокъ, остановившій вниманіе Красовскаго, такого же происхожденія, а, слѣдовательно, при желаніи, можно даже, по всей вѣроятности, отыскать ту книгу, изъ которой онъ выпалъ.

Однако Красовскій никакой провѣрки этихъ объясненій не предпринялъ и постарался всячески затушевать то обстоятельство, что обрывокъ, выдвинутый имъ въ качествѣ улики, былъ найденъ въ кучѣ другихъ, подобныхъ же обрывковъ, составлявшихъ въ данномъ случаѣ принадлежность переплетнаго мастерства.

Еще гораздо болѣе возмутительною и уже прямо преступною является исторія съ опознаваніемъ Луки Приходьки Ященкою. Сначала, какъ и полагается, Ященкѣ было предложено описать на полицейскомъ дознаніи примѣты видѣннаго имъ человѣка. Ященко описалъ: хорошее пальто съ каракулевымъ или котиковымъ воротникомъ, хорошая шляпа, калоши, на шеѣ платокъ или кашнэ — одѣтъ по-господски. Черный. Безъ бороды. Усы кверху. Выдающійся, всклокоченный затылокъ.

Описаніе это совершенно не подходило къ Лукѣ Приходькѣ. Хорошее пальто съ каракулевымъ или котиковымъ воротникомъ ему и не снилось. Волосы у него были темнорусые, а вовсе не черные. Усы опускались внизъ, была борода, а затылокъ нисколько не всклокоченный, гладкій.

Но Красовскаго такіе пустяки не остановили. Арестовавъ Луку Приходьку, онъ распорядился сбрить ему бороду, подчернить волосы, взбить ихъ на затылкѣ, а усы, тоже нафабренные, завить вверхъ колечкомъ. Достали пальто и шляпу, подходящія подъ описаніе Ященки. Надѣли ихъ на выбритаго, подкрашеннаго и подвитого Луку Приходьку и въ такомъ видѣ отправили его «на уличеніе»: поставили Василія Ященку на то мѣсто, съ котораго онъ, шагахъ въ тридцати, видѣлъ подозрительнаго человѣка, а Луку Приходьку въ этомъ же разстояніи повели мимо. Само собой разумѣется, что Ященко, съ полной добросо-

вѣстностью, засвидѣтельствовалъ «поразительное сходство», обративъ особенное вниманіе на «характерныя примѣты»: бритую бороду, черные усы и всклокоченный затылокъ. Потомъ, на судѣ, увидѣвъ Луку Приходьку въ подлинномъ его видѣ, Ященко, конечно, заявилъ, что 12 марта 1911 г. онъ встрѣтилъ на Загоровщинѣ другого человѣка.

Какую нравственную пытку перенесъ ни въ чемъ неповинный Лука Приходько, можно судить по такому его разсказу: «Когда меня обрили, накрасили, одѣли въ чужое пальто и повели, я увидѣлъ, что конецъ мнѣ приходитъ, что каторги не миновать, и началъ плакать, а сыщикъ одергиваетъ: «мерзавецъ, вытирай слезы, усы испортишь...» Когда Колбасовъ увѣрялъ, что я на глазахъ у всѣхъ, 12 марта утромъ, работалъ у него въ мастерской, Красовскій кричалъ: «Молчи, старый арестантъ, если будешь это повторять, получишь двѣнадцать лѣтъ каторги!»

Мало того, оказалось, что Лука Приходько уже почти что сознался въ убійствѣ: правая рука Красовскаго, сыщикъ Выграновъ, допрошенный по дѣлу въ качествѣ свидѣтеля судебнымъ слѣдователемъ Фененко 1 іюля 1911 г., описывая, какъ Луку Приходьку вели «на уличеніе», показалъ: «При этомъ Приходько сильно плакалъ и, обратившись ко мнѣ, сказалъ: «скажите, гдѣ отецъ?» Я отвѣтилъ ему, что отецъ его далеко и уже сидитъ (за что!?). Тогда Приходько *буквально* сказалъ мнѣ слѣдующее: *я одинъ виноватъ*, и я знаю, что меня повѣсятъ, но зачѣмъ же мучить другихъ».

Когда Выграновъ затѣмъ убѣдился, что съ Приходькою дѣло не выгорѣло, онъ не замедлилъ отпереться отъ своихъ словъ. Будучи допрошенъ черезъ годъ, 28 іюля 1912 г., судебнымъ слѣдователемъ Машкевичемъ, Выграновъ показалъ: «Приходько, собственно, мнѣ не сознавался въ убійствѣ, а лишь, когда я на его вопросъ объ отцѣ сказалъ, что отецъ его уже сидитъ, онъ разразился такой фразой: «Я виноватъ, такъ сажайте меня, но зачѣмъ другихъ мучить». Я понялъ эту его фразу въ такомъ смыслѣ: «*Если* вы меня считаете виновнымъ, то меня одного и казните, а зачѣмъ невинныхъ родственниковъ трогать». Въ такой фразѣ Приходько я не вижу сознанія въ убійствѣ. Протоколъ мнѣ прочитывался, но, можетъ

быть, я не обратилъ вниманія на такую редакцію моего показанія при быстромъ его чтеніи».

Какъ во-время, въ нужную для Красовскаго минуту, появилось сознаніе заподозрѣннаго, воспроизведенное «буквально», и съ какою ловкостью, по минованіи надобности, преданный Красовскому человѣкъ разъяснилъ, что было не сознаніе, а просто легкое недоразумѣніе вслѣдствіе быстраго чтенія протокола: пропустили слово «если».

Тотъ же Выграновъ принужденъ былъ подтвердить, что, когда Приходьку привели на то мѣсто, гдѣ опознавалъ его Ященко, то, кромѣ Ященки, тамъ было нѣсколько переодѣтыхъ въ штатское городовыхъ. Красовскій, обращаясь къ нимъ, какъ къ свидѣтелямъ, спрашивалъ ихъ, указывая на Приходьку: видѣли ли они этого человѣка на Загоровщинѣ утромъ 12 марта, и тѣ, наученные заранѣе, отвѣчали, что видѣли. Было это устроено, дабы «воздѣйствовать на Приходьку и побудить его сознаться».

На судъ Выграновъ не явился, хотя повѣстка ему была вручена и свѣдѣній о причинахъ неявки онъ не представилъ. Какъ было оглашено въ засѣданіи суда, еще наканунѣ его видѣли въ Кіевѣ, а затѣмъ онъ сѣлъ на дилижансъ, идущій въ Житоміръ, и уѣхалъ.

Чтобы покончить съ описываемымъ эпизодомъ, не лишнее добавить, что свидѣтеля Ященку, чуть не ставшаго роковымъ для Приходьки, розыскали сами же родственники Андрюши. Они, взявшись на Лукьяновкѣ за разспросы, узнали, что 12 марта тамошній печникъ замѣтилъ около пещеры человѣка, показавшагося ему подозрительнымъ, развѣдали, что печникъ этотъ — Ященко и сообщили о немъ полиціи. Установить личность человѣка, котораго онъ тогда видѣлъ, такъ и не удалось.

Кромѣ Луки Приходьки, котораго второй разъ продержали подъ стражей двѣ съ половиною недѣли, тогда же, лѣтомъ 1911 года, были арестованы: 1) отецъ Луки—старикъ, почти слѣпой, 2) братъ Луки, 3) братъ Андрюшинаго отца Ѳеодосія Чиркова—Василій Чирковъ и 4) единоутробный братъ Александры Приходько—Федоръ Нѣжинскій.

Почему ихъ арестовали? Повидимому, только потому, что они доводились родственниками Андрюшѣ; по крайней мѣрѣ, несмотря на самое тщательное изученіе дѣла, я не могъ найти никакихъ даже намековъ на улики въ отношеніи, напримѣръ, отца или брата Луки Приходьки.

Упорное заподозриваніе родственниковъ Андрюши въ убійствѣ обязывало указать хоть на какой-нибудь мотивъ, побудительную причину, которою эти убійцы руководствовались. И вотъ былъ пущенъ слухъ, что Андрюша являлся обладателемъ крупныхъ денегъ, доставшихся ему послѣ отца. Чтобы добраться до этого капитала, родственники и убили Андрюшу. Слуху этому была придана осязательная форма такимъ путемъ: къ судебному Слѣдователю добровольно, безъ вызова, явился, по примѣру Барщевскаго, другой сотрудникъ «Кіевской Мысли», Ордынскій и заявилъ, что въ домѣ своей знакомой, еврейки Трайны Клейнъ, онъ слышалъ разсказъ прачки Симоненковой о томъ, что ея сестрѣ Александра Ющинская разсказывала объ исчезновеніи сына и улыбалась. Улыбался и братъ Александры (Федоръ Нѣжинскій), а черезъ день или два послѣ пропажи мальчика, мужчина и женщина, имѣя при себѣ мѣшокъ съ тяжелымъ, повидимому, предметомъ, наняли извозчика отвезти ихъ къ Кирилловской больницѣ, и дорогой, на вопросъ извозчика, сказали, что везутъ больного мальчика.

Трайна Клейнъ показала болѣе опредѣленно, что, по словамъ Симоненковой, Андрюшу убила мать, вмѣстѣ съ мужемъ и братомъ, чтобы *воспользоваться деньгами, положенными на его имя.*

Убили въ Слободкѣ, а затѣмъ трупъ былъ перевезенъ на Загоровщину.

Спрошенная по этому поводу Симоненкова удостовѣрила, что передавала разныя сплетни и слухи, ходившіе на базарѣ. Сама ничего по дѣлу не знаетъ и зачѣмъ ее въ дѣло впутываютъ,— не понимаетъ, а на свою сестру никогда не ссылалась, хотя бы уже потому, что сестра три года, какъ живетъ въ Гомелѣ.

При допросѣ Ордынскаго на судѣ не обошлось безъ нѣкоторыхъ курьезовъ. Выяснилось, прежде всего, что Клейнъ говорила съ Симоненковой въ кухнѣ, а свидѣтель былъ въ столовой. Клейнъ предложила ему: «подойти къ двери и послушать»— это прогрессивный сотрудникъ «Кіевской Мысли» и исполнилъ.

Далѣе, въ показаніи Ордынскаго слѣдователю, разсказъ Симоненковой переданъ такъ: «Мужчина и женщина договорили извозчика въ Кирилловскую больницу и по дорогѣ сказали ему, что везутъ больного мальчика. На недоумѣніе извозчика по поводу такого способа перевозки, неизвѣстные отвѣтили, что такъ, молъ, предложилъ докторъ. По словамъ прачки, извозчикъ, когда выѣхалъ въ малолюдное мѣсто, почувствовалъ паническій страхъ

и хотѣлъ было отказаться везти своихъ пассажировъ, но потомъ махнулъ рукой и повезъ дальше».

Прокуроръ: Вы подтверждаете, свидѣтель, что прачка это вамъ разсказывала?

Ордынскій: Почти все.

Прокуроръ: Слова, что извозчикъ почувствовалъ паническій страхъ она говорила?

Ордынскій: Нѣтъ, это мое выраженіе, но мысль ея.

Повѣренный гражданской истицы Дурасовичъ: Она такъ и говорила, что по совѣту доктора везли больного мальчика въ мѣшкѣ? Васъ не удивилъ такой врачебный совѣтъ?

Ордынскій: Я считалъ себя обязаннымъ передать то, что слышалъ, не вдаваясь въ критику.

Пожалуй скажутъ: какъ можно было въ такомъ серьезнѣйшемъ, ужасномъ дѣлѣ тратить столько времени на подобный вздоръ? Дальнѣйшее изложеніе покажетъ, какъ все дѣло нарочно обволакивалось такимъ вздоромъ, какъ липкой паутиной, а пока достаточно напомнить, что нѣсколько мѣсяцевъ «прогрессивныя» газеты были полны сенсаціонныхъ разоблаченій, что Андрюшу убили родственники, къ счастью, молъ, уже арестованные энергичною Кіевскою полиціею. Сколько горя доставили эти «разоблаченія» людямъ, ни въ чемъ неповинным! Сколькихъ они сбили съ толку. А что стояло за этими разоблаченіями, кромѣ повѣствованій Борщевскаго, Ордынскаго, да продѣлокъ Мищука? И ровно ничего, и все: стояла острая необходимость отвлечь подозрѣніе отъ жидовъ.

Когда осенью 1911 года возобновились послѣ лѣтняго перерыва занятія Третьей Государственной Думы, правые, за множествомъ подписей, внесли по дѣлу Ющинскаго второй запросъ, спеціально о преступныхъ дѣйствіяхъ чиновъ Кіевской полиціи.

Запросъ гласилъ:

29 апрѣля 1911 г. въ Государственную Думу былъ внесенъ, въ порядкѣ ст. 33 ея Учрежденія, запросъ по поводу убійства въ Кіевѣ малолѣтняго Андрея Ющинскаго. Прошло болѣе полугода, когда, 3 ноября 1911 г., думская комиссія по запросамъ разсмотрѣла вышеназванный запросъ и высказалась за его отклоненіе. Между тѣмъ за эти полгода накопился цѣлый рядъ новыхъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что Кіевская полиція предприняла рядъ дѣйствій не къ выясненію, а къ сознательному затемненію дѣла, не къ обнаруженію истины, а къ сокрытію ея; не къ изобличенію іудеевъ, совершившихъ—по убѣжденію мѣстнаго населенія—звѣрское убійство ради

крови христіанскаго ребенка, а къ отвлеченію подозрѣнія и даже къ созданію ложныхъ уликъ противъ лицъ неповинныхъ. Когда правые члены Думы, поддерживавшіе запросъ, пробовали въ думской комиссіи освѣтить эти новые факты возмутительнаго беззаконія, совершеннаго въ угоду іудеямъ, то они были встрѣчены возраженіемъ, что таковые факты не подлежатъ разсмотрѣнію, ибо выходятъ за предѣлы запроса, ибо въ запросѣ о нихъ ничего не упомянуто. Нельзя отрицать, что съ внѣшней, формальной стороны такое возраженіе имѣетъ основаніе, а потому мы, нижеподписавшіеся, вынуждены внести новый самостоятельный запросъ о незаконномѣрныхъ дѣйствіяхъ Кіевской полиціи, кои были совершены по дѣлу Ющинскаго послѣ внесенія перваго запроса. А такъ какъ, къ глубокому изумленію нашему, несмотря на весь ужасъ самаго дѣла, формальной его сторонѣ придается столь крупное рѣшающее значеніе, то и мы въ дальнѣйшемъ изложеніи принуждены обратить на эту сторону особое вниманіе. Согласно Уставу Уголовнаго Судопроизводства (ст. 254—260, 271), съ того момента, какъ по дѣлу началось предварительное слѣдствіе, полиція имѣетъ право дѣйствовать лишь въ предѣлахъ тѣхъ порученій, которыя даетъ ей Судебный Слѣдователь. Если она и имѣетъ право захватить заподозрѣннаго, то во всякомъ случаѣ обязана немедленно доставить его Слѣдователю, а отнюдь не подвергать своею властью сколько-нибудь продолжительному задержанію. Ни обысковъ, ни допросовъ въ этомъ періодѣ процесса полиція производить не въ правѣ. Вообще, на самостоятельныя дѣйствія она не уполномочена. Между тѣмъ, въ своемъ стремленіи отвлечь всякое подозрѣніе отъ іудеевъ и направить таковое на христіанъ-родственниковъ или знакомыхъ замученнаго Ющинскаго, Кіевская полиція произвела цѣлый рядъ обысковъ и предварительныхъ арестовъ—такъ, по крайней мѣрѣ, гласятъ многочисленныя сообщенія, появлявшіяся въ газетахъ самыхъ разнообразныхъ политическихъ направленій, причемъ сообщенія эти правительствомъ опровергнуты не были. Не будемъ упоминать о продолжительномъ арестѣ матери Андрея Ющинскаго — ибо это случилось еще до внесенія перваго запроса. Но вотъ 27 іюня 1911 г. газеты сообщили объ арестѣ отчима убитаго—Луки Приходько. Такъ какъ слѣдователь арестовываетъ лишь тѣхъ, кого онъ предварительно привлекъ въ качествѣ обвиняемаго, а Лука Приходько по сіе время не привлеченъ, то, очевидно, онъ былъ арестованъ не Слѣдователемъ, а полиціею,—т. е. совершенно противозаконно. 29 іюня, за № 175, газета «Рѣчь» сообщаетъ: «До сихъ поръ, кромѣ отчима убитаго Луки Приходько, разновременно арестованы: 16-лѣтній братъ Луки — Николай Приходько, братъ матери убитаго—Федоръ Нѣжинскій, дядя убитаго—Василій Чирковъ и сосѣдка Ющинской—Вѣра Чеберякова. Есть много основаній предполагать, что на-дняхъ раскроется вся правда объ убійствѣ несчастнаго мальчика». Опять-таки, ни одно изъ перечисленныхъ лицъ въ качествѣ обвиняемаго не привлечено, слѣдовательно, вновь мы имѣемъ дѣло съ противозаконнымъ арестомъ, произведеннымъ полиціею, которая ведетъ какъ бы «параллельное» слѣдствіе и, притомъ, съ явною цѣлью выгородить іудеевъ. Въ № 176, отъ 30 іюня, «Рѣчь»

сообщаетъ: «Началось освобожденіе арестованныхъ. Сегодня освобожденъ дядя убитаго Чирковъ, въ которомъ подозрѣвался главный участникъ убійства. Ожидается также освобожденіе остальныхъ арестованныхъ». 3 іюля, за № 179, та же газета пишетъ: «По дѣлу Ющинскаго произведены новые аресты, подтверждающіе несомнѣнное прикосновеніе семьи убитаго къ преступленію». 5 іюля, за № 181: «Среди вновь арестованныхъ по дѣлу объ убійствѣ Ющинскаго находятся отецъ отчима убитаго мальчика, старикъ Приходько, и жена брата оматери убитаго Нѣжинская». Опять рядъ противозаконныхъ арестовъ д жены брата матери включительно, объяснимый развѣ только правилами іудейской мести: до седьмого колѣна. Приблизительно въ это же время (19 іюля, № 12697) газета «Новое Время» вполнѣ подтверждаетъ фактъ явно противозаконныхъ и весьма продолжительныхъ арестовъ, коимъ былъ подвергнутъ Кіевскою полиціею цѣлый рядъ родственниковъ Ющинскаго. Она въ весьма обстоятельной корреспонденціи съ мѣста (отдѣлъ внутреннихъ извѣстій, статья «Запорожца») прямо пишетъ, что «данныя» руководителей розыска — начальника Кіевской сыскной полиціи Мищука и пристава Красовскаго — оказались «подстроенными». Въ слѣдующей корреспонденціи (20 августа, № 12729) тотъ же авторъ «Запорожецъ» сообщаетъ, что два сыскныхъ агента, Полищукъ и Выграновъ, попробовали, вопреки стараніямъ Красовскаго и Мищука, направить розыскъ въ сторону евреевъ и добыли здѣсь очень цѣнныя свѣдѣнія отъ одного изъ главныхъ по дѣлу свидѣтелей—товарища и сосѣда покойнаго Андрея Ющинскаго, мальчика Жени Чеберяка. Однако Полищукъ и Выграновъ были немедленно уволены со службы. Женя Чеберякъ внезапно умеръ загадочной смертью, а на предполагаемомъ мѣстѣ преступленія (заводъ Зайцева) произошелъ пожаръ отъ неизвѣстной причины. Изложенное необходимо сопоставить съ тѣмъ обстоятельствомъ, что Судебный Слѣдователь,—насколько это стало извѣстнымъ въ печати, — привлекъ пока въ качествѣ обвиняемаго только одно лицо—іудея Бейлиса—и то лишь за послѣднее время. Разумѣется, только тщательное авторитетное и независимое разслѣдованіе, напр. сенаторская ревизія, можетъ съ точностью и полною документальностью установить всю злонамѣренность и преступность дѣйствій чиновъ Кіевской полиціи по дѣлу Ющинскаго, но незаконность произведенныхъ ею арестовъ очевидна и безъ этого разслѣдованія уже въ настоящій моментъ, а потому, на основаніи ст. 33 Учр. Гос. Думы и руководствуясь тѣмъ соображеніемъ, что, въ порядкѣ производства уголовныхъ дознаній, полиція подчинена не только своему непосредственному начальству, но и прокурорскому надзору (ст. 279 Уст. Угол. Судопр.)—въ данномъ случаѣ прокурору Кіевскаго Окружнаго Суда Брандорфу, нынѣ назначенному Товарищемъ Прокурора с.-петербургской судебной палаты, — мы предъявляемъ слѣдующій запросъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ и Министру Юстиціи: 1) Извѣстно ли имъ, что чины Кіевской полиціи, лѣтомъ сего года, во время производства слѣдствія по дѣлу объ убійствѣ Андрея Ющинскаго, учинили цѣлый рядъ противозаконныхъ арестовъ среди родственниковъ убитаго? 2) Если извѣстно, то какія мѣры приняты для привле-

ченія виновныхъ къ законной отвѣтственности и для выясненія тѣхъ цѣлей, въ осуществленіе коихъ эти противозаконные аресты были предприняты?»

Казалось бы, противъ этого запроса менѣе всего могли возражать представители лѣвыхъ партій. Не они ли всегда, при всякомъ удобномъ случаѣ, вопятъ о произволѣ полиціи даже тогда, когда нѣтъ и признаковъ произвола? Не они ли изображаютъ изъ себя «демократовъ», народниковъ, патентованныхъ друзей народа и заступниковъ за всѣхъ «униженныхъ и оскорбленныхъ»? Не они ли требуютъ широчайшихъ свободъ и, первѣе всего, «полной неприкосновенности личности и жилища»? Не они ли изображаютъ изъ себя неусыпныхъ стражей пресловутаго «правового порядка»?

Гдѣ же, какъ не въ данномъ случаѣ, можно найти болѣе яркіе образчики насилія, произвола, издѣвательства, беззастѣнчиваго попранія и неприкосновенности, и свободы? Съ кѣмъ, кромѣ безотвѣтнаго, многотерпѣливаго, многострадальнаго русскаго простонародья, можно безнаказанно продѣлывать то, что продѣлывали съ Приходьками? Какъ грубѣе нарушить законъ, ставящій границы праву полиціи арестовывать, лишать свободы?

И вотъ въ думской запросной комиссіи, куда былъ переданъ запросъ, все лѣвое крыло дружно голосовало противъ его принятія, а кадетскіе юристы—присяжные повѣренные Тесленко и Герасимовъ — выступили съ рѣчами объ отсутствіи основаній признавать дѣйствія Кіевской полиціи незакономѣрными.

Столь нужные для пріобрѣтенія популярности красивые лозунги о демократизмѣ, о законности, о любви къ свободѣ и ненависти къ произволу сразу попли на смарку, безъ колебаній были принесены въ жертву, отброшены въ сторону, когда на другой чашкѣ вѣсовъ оказались кровные интересы жидовскаго кагала. Служеніе еврейству—въ этомъ суть, здѣсь не простятъ не только измѣны, но даже малѣйшаго ослушанія, а громкіе «прогрессивные» принципы—вѣдь это для толпы, которую всегда сумѣютъ обработать, какъ надо, «захватившіе рынокъ» газеты «честнаго и независимаго направленія».

Кромѣ членовъ запросной комиссіи къ объясненіямъ былъ допущенъ не входившій въ ея составъ членъ Думы іудей Нисселовичъ—повидимому, какъ представитель еврейскаго народа, но даже его краснорѣчіе іудеямъ не помогло и запросъ голо-

сами праваго крыла и большинства октябристовъ былъ принятъ. Однако, до обсужденія его въ общемъ собраніи Думы не допустили: онъ такъ и остался незаслушаннымъ до окончанія полномочій Третьей Думы.

Такова первая страница Кіевскаго дѣла. Свалить вину на родственниковъ убитаго, правда, не удалось, но все же еврейство достигло огромныхъ результатовъ: свыше четырехъ мѣсяцевъ и общественное вниманіе, и розыски были повернуты въ сторону, совершенно противоположную той, гдѣ находились истинные виновники. Четыре мѣсяца, непосредственно слѣдующіе за совершеніемъ преступленія! Не нужно быть слѣдователемъ или прокуроромъ, чтобы понять, какое громаднѣйшее значеніе имѣетъ такой срокъ въ разслѣдованіи уголовнаго дѣла! Улики, неопровержимыя доказательства, которыя было такъ легко и просто обнаружить по горячимъ слѣдамъ, — часто оказываются не то, что черезъ четыре мѣсяца, а черезъ нѣсколько дней—стертыми навсегда.

Выиграть время — все выиграть. Упустить время—все упустить...

Какъ часто эти изреченія въ полной своей силѣ примѣнимы къ уголовнымъ розыскамъ...

Сколько драгоцѣннѣйшаго матеріала было упущено, пока возились съ Приходьками, Нѣжинскимъ и Чирковымъ...

И если въ отношеніи этихъ людей, полная невиновность которыхъ съ первой же минуты была очевидной, безспорной, удалось соорудить и подозрительныя улыбки, и изобличающіе клочки бумаги, и почти что оповнаніе и почти что собственное признаніе виновности, то ясно было, что вслѣдъ за этими многообѣщающими цвѣточками скоро созрѣютъ ягодки.

Подозрѣнія противъ Андрюшиной родни сдѣлали свое дѣло. Къ нимъ еврейству смѣло можно было больше не возвращаться...

— Святая женщина,—говорилъ про Александру Приходько въ своей рѣчи защитникъ Бейлиса, г. Грузенбергъ.

— Да, святая,—отвѣтилъ я ему,—но не вамъ, г. Грузенбергъ, это говорить.

Предсѣдатель остановилъ меня.

II.

Мѣсто и время убійства.

Мертвое тѣло Андрюши, послѣ тщетныхъ восьмидневныхъ поисковъ, было обнаружено 20 марта 1911 г. совершенно неожиданно мальчикомъ Элланскимъ. Онъ, играя на Загоровщинѣ съ товарищемъ, залѣзъ въ одну изъ пещеръ, которыхъ тамъ нѣсколько, наткнулся на трупъ и поднялъ тревогу. Безъ этого чисто случайнаго обстоятельства тѣло могло бы еще очень долго пролежать въ пещерѣ, никѣмъ не замѣченное, и разложиться до полной неузнаваемости, до невозможности опредѣлить характеръ и причину смерти.

Входъ въ пещеру сильно покатый, крутой и низкій—аршина въ полтора, такъ что взрослому человѣку надо довольно сильно нагнуться. Внутри нѣсколько выше, до двухъ съ четвертью аршинъ, но темно. Длина пещеры четыре аршина, въ глубинѣ развѣтвленія въ видѣ глубокихъ нишъ направо и налѣво. Въ лѣвой нишѣ находился трупъ, въ сидячемъ положеніи, со склоненной головой, затянутыми назадъ и связанными бечевкою руками, полураздѣтый—въ рубахѣ, подштанникахъ и одномъ чулкѣ. Другой чулокъ, фуражка, куртка и кожаный кушакъ лежали тутъ же, а надъ головой, въ небольшомъ углубленіи, были всунуты пять тетрадей, въ принадлежности которыхъ Андрюшѣ не могло быть сомнѣнія, въ виду надписей на нихъ: «Ученика пр. класса Андрея Ющинскаго». Кромѣ того, на одной изъ тетрадей было напечатано: «Кіево-Софійское духовное училище». Слѣдовъ крови въ пещерѣ не оказалось: замѣчены были только два кровяныхъ мазка на томъ мѣстѣ стѣны пещеры, къ которому прикасался израненный затылокъ Андрюши. Вообще было очевидно, что мальчикъ убитъ внѣ пещеры и туда уже принесенъ его трупъ въ состояніи трупнаго окоченѣнія. Вскрытіемъ на головѣ, шеѣ и туловищѣ обнаружено 47 ранъ, повлекшихъ почти полное обезкровленіе тѣла. Всѣ раны, въ томъ числѣ проникавшія въ кости черепа, въ мозгъ, разорвавшія крайне чувствительную мозговую оболочку,—нанесены при жизни, когда мальчикъ былъ въ стоячемъ положеніи, острымъ колющимъ орудіемъ, вѣрнѣе всего шилкою—инструментомъ, употребляющимся въ сапожной и въ шорной работѣ. Ротъ былъ заткнутъ.

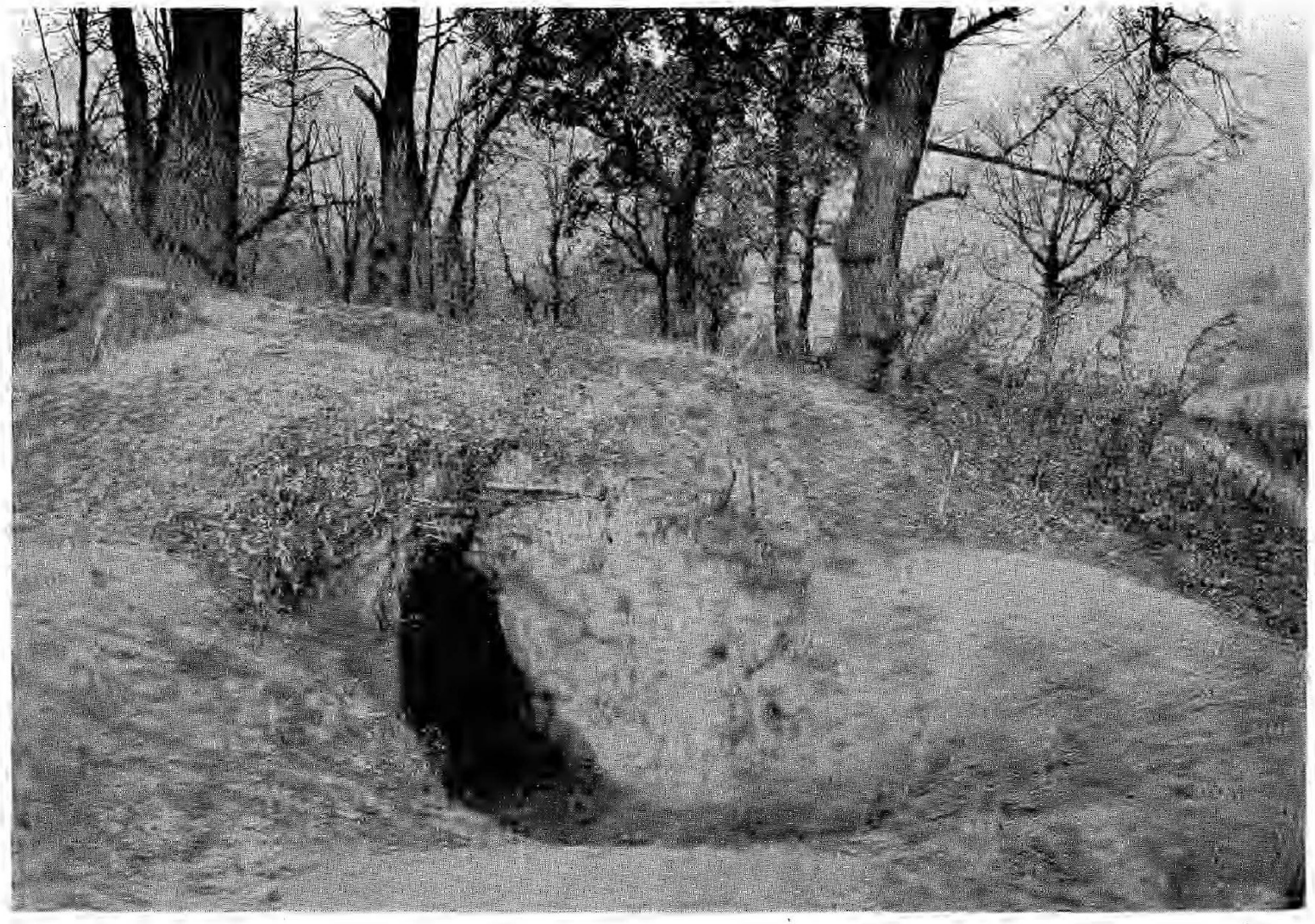
Убійцъ нѣсколько. На фуражкѣ четыре прокола со слѣдами крови. Наоборотъ, въ куркѣ цѣлость ткани нигдѣ не нарушена—мальчикъ, когда его кололи, былъ безъ куртки, полураздѣтъ. Самый актъ убійства продолжался минутъ 15, не меньше. Въ желудкѣ найденъ постный борщъ въ непереваренномъ видѣ—это привело къ выводу, что смерть мальчика послѣдовала не больше, чѣмъ черезъ четыре часа послѣ того, какъ онъ поѣлъ борща. На рубашкѣ, подштанникахъ и куркѣ слѣды глины, причемъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ комочки глины, «глиняныя помарки» пропитаны кровью.

Кромѣ вещей, несомнѣнно находившихся въ пещерѣ и несомнѣнно принадлежавшихъ Ющинскому, полиція представила слѣдователю еще предметы, взятые тогда же, при обнаруженіи трупа и возбудившіе на судѣ очень много разговоровъ. Это были: 1) кусокъ холста, съ частью вышивки красными и черными нитками—повидимому отъ наволочки и 2) двѣ длинныя полоски бумаги съ поперечными проколами, раздѣляющими каждую полоску на шесть неравныхъ частей. На судѣ оказалось весьма важнымъ установить, откуда, собственно, взялась эта бумага и кусокъ холста? Взяты они въ самой пещерѣ, или около пещеры и, въ послѣднемъ случаѣ, близко ли отъ нея? Въ какомъ направленіи? Можно ли считать доказаннымъ, что эти бумага и холстъ принесены убійцами вмѣстѣ съ трупомъ, или же, значительно раньше, ихъ бросилъ тамъ какой-нибудь случайный прохожій?

При изслѣдованіи сихъ обстоятельствъ выяснились порядки, весьма удивительные. Въ слѣдственномъ протоколѣ допроса полицейскихъ чиновъ, явившихся первыми изъ должностныхъ лицъ на мѣсто обнаруженія трупа, читаемъ такое показаніе городового Лещенка:

«Кажется, куски бумаги были найдены не въ самой пещерѣ, а около пещеры, но кто ихъ нашелъ, не знаю... Помню хорошо, что въ карманѣ тужурки (т. е. куртки) я нашелъ обрывокъ какого-то платка или наволочки съ вышивкой, который я обратно положилъ въ карманъ. Опознать этотъ кусокъ платка не могу, такъ какъ его не разсматривалъ хорошо».

Такъ показывалъ городовой Лещенко, а вотъ что заявляетъ околоточный Погорскій. Объяснивъ, что куски бумаги ему далъ кто-то изъ мальчиковъ около пещеры, онъ продолжаетъ: «Те-



Пещера, гдѣ былъ найденъ трупъ Андрюши Ющинскаго.

перь я не помню, осматривалъ ли карманы тужурки или нѣтъ; кажется, что осматривалъ, и если въ карманѣ тужурки оказался кусокъ наволочки и *у меня записано въ протоколѣ, что въ карманахъ тужурки ничего не найдено*, то, я думаю, просто по ошибкѣ произошло это, совершенно случайно».

Оба свидѣтеля допрошены слѣдователемъ 14 мая—спустя почти два мѣсяца послѣ обнаруженія трупа. Не нужно имѣть особаго опыта въ слѣдственномъ дѣлѣ, дабы знать, что полицейскій чинъ, чуть не ежедневно «обнаруживающій», составляющій протоколы, участвующій въ актахъ дознанія,—не можетъ черезъ два мѣсяца удержать въ памяти, гдѣ именно были найдены такіе для него, на первый взглядъ, малозначущіе предметы, какъ тряпка, кусокъ бумаги.

И вотъ, съ одной стороны полицейскій протоколъ, составленный сейчасъ же, категорически удостовѣряетъ, что «въ карманахъ тужурки ничего не найдено», а съ другой стороны—почти черезъ два мѣсяца городовой «помнитъ хорошо», что тряпка съ вышивкой, которую, однако, опознать онъ не можетъ, была именно въ карманѣ тужурки. Если бы не столь счастливое напряженіе памяти, то положеніе оказалось бы печальнымъ: въ дѣлѣ вещественное доказательство, неизвѣстно откуда взявшееся! Впрочемъ, относительно бумаги съ проколами такъ и вышло: возстановить къ 14 мая, гдѣ и кто ее нашелъ, оказалось совершенно невозможнымъ.

А между тѣмъ эта бумага и тряпка въ стараніяхъ разбить улики, изобличавшія подсудимаго, играли на судѣ виднѣйшую роль.

Неужели у слѣдователя по особо важнымъ дѣламъ не было возможности болѣе своевременно допросить полицейскихъ чиновъ, гдѣ и кѣмъ были найдены вещественныя по дѣлу доказательства?!

При разспросахъ на судѣ о первыхъ шагахъ дознанія выяснилась еще одна изумительная подробность: какъ только околоточный и городовые, узнавъ о находкѣ трупа, пришли къ пещерѣ, такъ одинъ изъ нихъ распорядился достать лопату и расчистить отъ снѣга дорогу къ пещерѣ, а затѣмъ выкинуть нѣсколько лопатъ земли и изъ самаго входа въ пещеру—дабы удобнѣе было пройти ожидавшемуся приставу, тѣмъ болѣе, что приставъ былъ человѣкъ большой и толстый, а входъ въ пещеру

маленькій. О томъ, что такимъ путемъ уничтожаются, можетъ быть, слѣды преступленія, имѣющіе громадное значеніе, никто не подумалъ.

Разслѣдованіе началось съ заметанія слѣдовъ!

Но если про заметавшаго можно было сказать: o sancta simplicitas! [1]), то заметатели, появившіеся позднѣе, отличались обратными качествами.

Несмотря, однако, на грубые промахи, допущенные съ первыхъ же шаговъ, видъ трупа, данныя вскрытія воспроизводили картину убійства слишкомъ опредѣленную, чтобы отъ ея ужаснаго, неизгладимаго впечатлѣнія можно было отдѣлаться.

По вопросу о томъ, когда и какъ исчезъ Андрюша, Александра Приходько удостовѣрила, что онъ въ субботу, 12 марта 1911 г., какъ обыкновенно, собрался рано утромъ, еще до шести часовъ, въ школу и Александра, передъ уходомъ сына, тоже какъ обыкновенно, дала ему поѣсть—а такъ какъ въ домѣ никакой другой ѣды не было и денегъ тоже не было, то ѣда ограничилась постнымъ борщомъ. Остатки этого борща видѣла черезъ нѣсколько часовъ и Наталья Ющинская, зайдя къ сестрѣ, которая стала ей жаловаться, что нѣтъ денегъ.

Показаніе Александры Приходько подтверждается двумя сосѣдями—Маріею и Павломъ Пушками.

Проживавшій рядомъ съ домомъ, гдѣ жили Приходьки, десятилѣтній Павелъ Пушка видѣлъ, какъ мимо него часовъ въ 6 утра, 12 марта, прошелъ, видимо торопясь, Андрюша въ пальто и форменной фуражкѣ съ гербомъ. Сейчасъ передъ тѣмъ сестра Павла Пушки, семнадцатилѣтняя Марья, отправилась продавать капусту на базаръ, расположенный въ Слободкѣ около моста черезъ Днѣпръ.

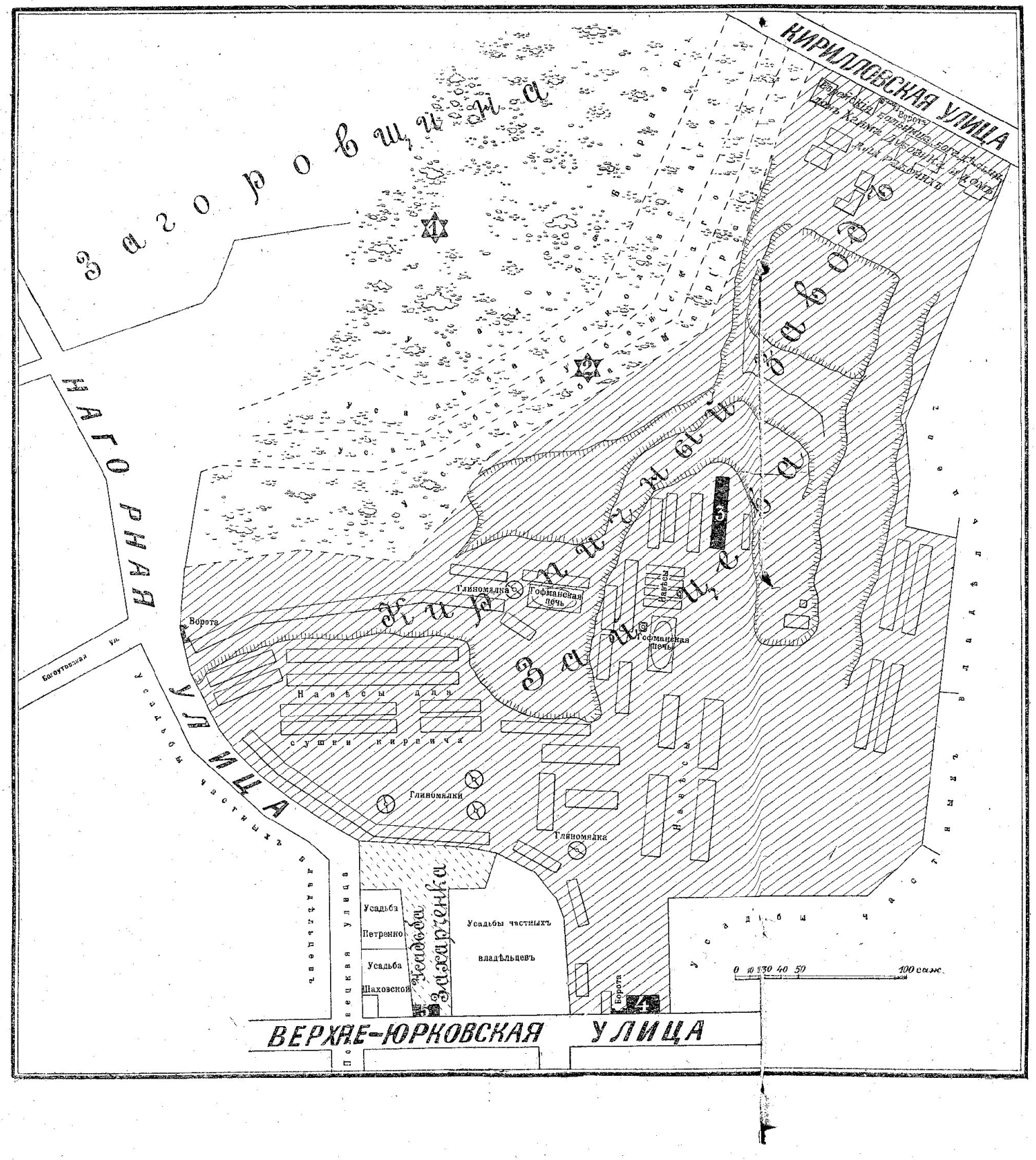
Согласно показанію Маріи Пушки, только что она пришла въ субботу, 12 марта, на базаръ, какъ мимо, къ мосту, прошелъ Андрюша въ пальто, въ фуражкѣ съ гербомъ и съ большой связкой книгъ въ ремняхъ. Было въ это время пять или десять минутъ седьмого, ибо вышла свидѣтельница изъ дома безъ пяти или безъ десяти шесть, а до базара ходьбы 15—20 минутъ.

Огромная важность этихъ показаній выяснилась потомъ, когда развернулись доказательства, уличавшія Бейлиса, но уже съ первыхъ же шаговъ было ясно, насколько заявленія Маріи

---

[1]) О святая простота!

ПЛАНЪ МѢСТА УБІЙСТВА И ОБНАРУЖЕНІЯ ТРУПА.



1 Пещера гдѣ былъ найденъ трупъ Ющинскаго.

2 Мѣсто въ заборѣ, гдѣ Вл. Голубевъ видѣлъ послѣ убійства свѣже-выломанную доску.

3 Конюшня и жилое при ней помѣщеніе на Зайцевскомъ заводѣ (заштрихованъ), сгорѣвшія за три дня до произведеннаго Слѣдователемъ осмотра.

4 Домъ Бейлиса.

5 Домъ, гдѣ жили Чеберяковы.

и Павла Пушки исключаютъ возможность подозрѣвать, что убійство совершено Александрою Приходькою у нея на дому.

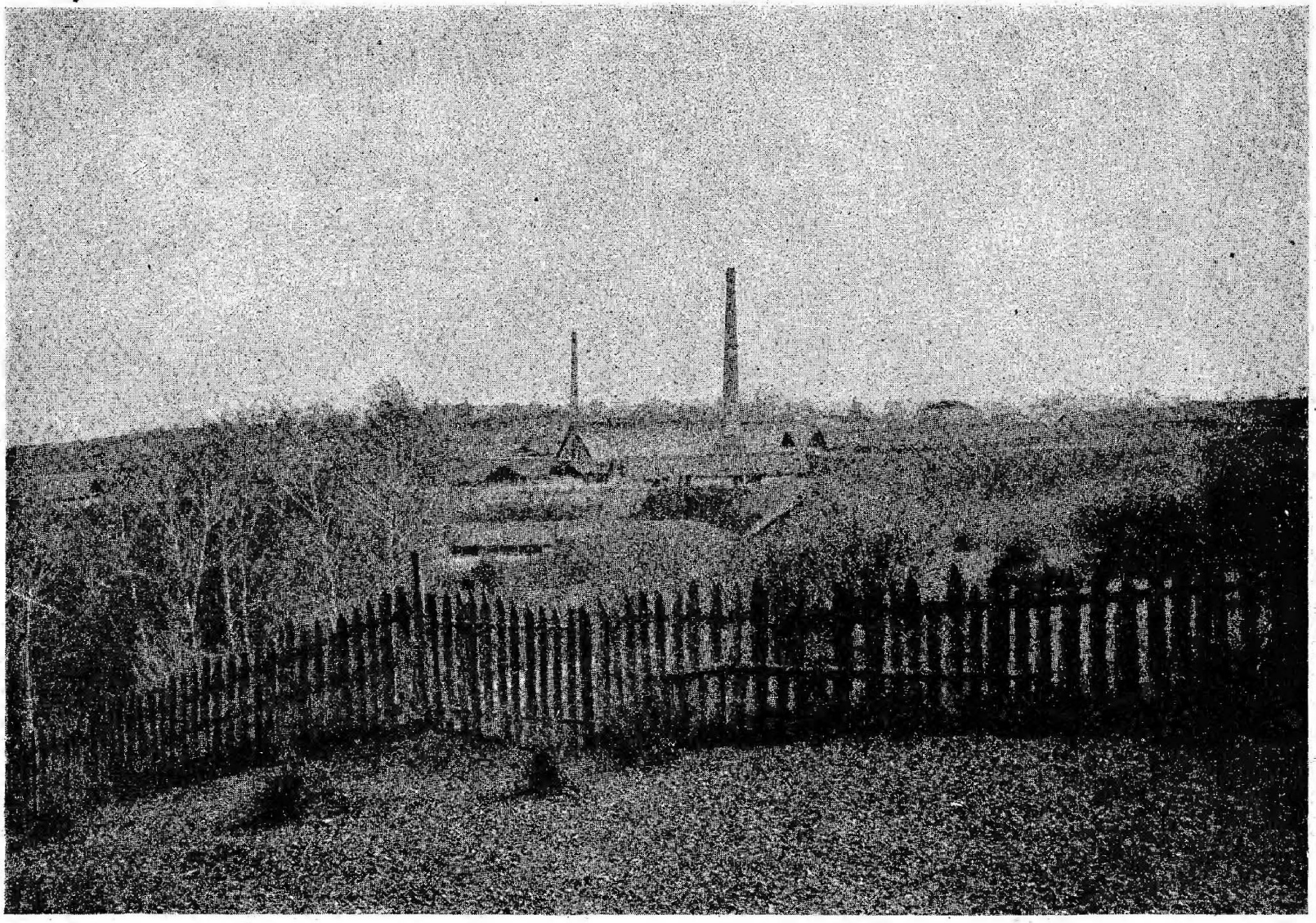
Этого было достаточно, чтобы отношеніе чиновъ Кіевской сыскной полиціи къ приведеннымъ показаніямъ, ни въ чемъ не опороченнымъ, сразу же пріобрѣло вполнѣ опредѣленный отпечатокъ.

Показаніе слѣдователю Маріи Пушки заканчивается фразами: «Такъ я разсказывала и агентамъ сыскного отдѣленія, какъ разсказала вамъ теперь, и если они записали, что я *не помню, въ какую именно субботу Андрюша исчезъ*, то они очевидно меня не поняли и *невѣрно записали*. Я именно видѣла Андрюшу въ ту субботу, когда онъ въ послѣдній разъ шелъ въ школу. Когда въ Слободкѣ стали говорить, будто бы Андрюшу убила мать, мнѣ прямо было странно и непонятно, какъ мать могла его убить въ ночь на субботу, когда я утромъ въ субботу видѣла Андрюшу, какъ онъ шелъ къ Цѣпному мосту съ книжками».

Еще большее впечатлѣніе произвело заявленіе Павла Пушки, сдѣланное имъ на судѣ, въ отвѣтъ на вопросъ прокурора: «Меня вызвали въ полицію, стали допрашивать и сказали, что, если я буду говорить, что видѣлъ Андрюшу въ субботу утромъ, меня *засадятъ на всю Пасху*».

Послѣ показанія Павла Пушки поднялся одинъ изъ пятерыхъ защитниковъ Бейлиса, присяжный повѣренный Зарудный и заявилъ суду протестъ, что «разслѣдуется поведеніе какого-то сыщика». «Я вижу въ этомъ нарушеніе...,—говорилъ господинъ Зарудный,—я прошу не разслѣдовать дѣйствій сыщика».

Но возвращаемся къ интересующимъ насъ фактамъ. Итакъ, въ субботу, 12 марта, Андрюша ушелъ изъ дома невступно въ шесть часовъ утра—минутъ за десять, пятнадцать до шести, надѣвъ пальто и завязавъ въ ремни свои книги. Такимъ образомъ, борщъ онъ ѣлъ, приблизительно, въ половинѣ шестого утра, безъ двадцати шесть, а убитъ былъ не больше, какъ черезъ четыре часа послѣ этого, т. е., примѣрно, въ половинѣ десятаго утра, а если принять во вниманіе, что самый актъ убійства продолжался не меньше 15 минутъ, то во власть убійцъ Андрюша попалъ въ четвертъ десятаго—скорѣе раньше, чѣмъ позже. Это исчисленіе, подробно обоснованное, я приводилъ на судѣ въ своей рѣчи и оно рѣшительно ничѣмъ опровергаемо не



Заводъ Зайцева.

было. Расчетъ, повторяю, настолько очевидный и точный, что ошибка можетъ быть не больше, какъ на 15—20 минутъ, и то скорѣе въ сторону болѣе ранняго, чѣмъ болѣе поздняго времени.

Въ Софійское училище Андрюша 12 марта не приходилъ, но свидѣтельскими показаніями Лукьяновскихъ жителей вполнѣ установлено и на судѣ не опровергалось, что въ началѣ девятаго Андрюшу видѣли на Лукьяновкѣ, по Верхне-Юрковской улицѣ, въ компаніи съ его товарищемъ и сверстникомъ Женею Чеберяковымъ.

Андрюша отправился туда, гдѣ онъ жилъ раньше, гдѣ у него остался товарищъ и сверстникъ. Тамъ его видѣли за часъ до того, какъ онъ попалъ во власть убійцъ...

Что же представляетъ изъ себя Лукьяновка и кто такой Женя Чеберяковъ?

Значительную часть окраины Кіева, называемую Лукьяновкою, занимаетъ кирпичный заводъ Зайцевыхъ. Подъ заводской усадьбой находится огромная площадь свыше десяти десятинъ, добрая половина которой представляетъ пустынную и мрачную мѣстность, пересѣченную оврагами и покрытую зарослями. Основатель завода—очень богатый и очень набожный, благочестивый еврей стараго склада, Іойна Мордковъ Зайцевъ, умеръ лѣтъ за восемь до описываемыхъ событій, завѣщавъ главную часть заводскихъ доходовъ—а они въ благопріятное время достигали двадцати пяти тысячъ рублей въ годъ—еврейскимъ благотворительнымъ учрежденіямъ, которыя основывались тутъ же, на заводской землѣ. Особый комитетъ, большинство членовъ котораго должно было принадлежать къ потомкамъ Зайцева, стоялъ во главѣ дѣла, распоряжался его хозяйственной частью. Въ той сторонѣ завода, которая выходила на Кирилловскую улицу, была построена еврейская богадѣльня и еврейская хирургическая больница—ей, юридически, и принадлежалъ кирпичный заводъ съ его землею и постройками. Тутъ же, на Кирилловской улицѣ, стоялъ домикъ управлявшаго заводомъ Хаима Дубовика. Противоположная сторона, очень отдаленная, ибо, какъ упомянуто, всего заводская земля обнимала десять десятинъ,—выходила на Верхне-Юрковскую и Нагорную улицы. По Верхне-Юрковской былъ домъ, занятый заводскимъ приказчикомъ Менахилемъ—Менделемъ Бейлисомъ и его семействомъ. Бейлисъ завѣдывалъ погрузкою и отпускомъ кирпича. Въ подвальномъ помѣщеніи того

же дома жили заводскіе рабочіе. Когда лѣтомъ кирпичныя работы были въ разгарѣ, этихъ рабочихъ пріѣзжало много, съ лошадьми и подводами, изъ Кіевской, Черниговской и даже Могилевской губерній. Работали они сдѣльно. Зимою же и ранею весною, когда строительныхъ работъ еще не было, на заводѣ оставалось человѣкъ пять постоянныхъ рабочихъ, работавшихъ поденно. На пространствѣ между Верхне-Юрковской и Нагорной улицей съ одной стороны и Кирилловской съ другой, были расположены двѣ громадныя печи для обжиганія кирпичей, рядъ навѣсовъ для ихъ просушки и, ближе къ Верхне-Юрковской и Нагорной улицамъ, нѣсколько мялъ — приспособленій для растиранія глины, гдѣ по кругу вращается прикрѣпленное по серединѣ его бревно. Этими мялами очень любили пользоваться для катанія окрестныя дѣти, садясь на вращающіяся бревна. Почти посерединѣ описываемаго пространства, около огромныхъ обжигательныхъ «гоффманскихъ» печей, было выстроено на краю обрыва длинное деревянное помѣщеніе, большая часть котораго служила конюшней, а меньшая, вполнѣ пригодная для жилья, шорной мастерской; и въ той и въ другой особенная надобность была, разумѣется, въ то время, когда работы шли уже полнымъ ходомъ, когда на заводѣ скоплялось много лошадей и постоянно требовалась починка упряжи. Тутъ же, вдоль помѣщенія для конюшни и шорной, совсѣмъ близко отъ нихъ, тянулся сарайчикъ. И то, и другое впослѣдствіи «сгорѣло отъ неизвѣстной причины». Третья сторона завода, между Нагорной и Кирилловской улицами, особенно глухая и овражистая, примыкала вплотную къ необитаемой мѣстности, называемой Загоровщиной, гдѣ въ пещерѣ нашли мертвое тѣло Андрюши. Отъ пещеры до заводскихъ воротъ на Нагорной улицѣ 366 шаговъ, согласно измѣренію, сдѣланному слѣдователемъ при мѣстномъ осмотрѣ. По прямой кратчайшей линіи отъ пещеры до заводской границы разстояніе еще короче—вѣроятно, отъ 250 до 300 шаговъ, никакъ не больше. Кромѣ воротъ по Нагорной улицѣ, одни заводскія ворота расположены на Кирилловской, другія на Верхне-Юрковской—послѣднія рядомъ съ домомъ Бейлиса. Что касается Нагорной, то она совершенно безлюдна, идетъ пустырями, отгороженными отъ нея заборами. Однимъ концомъ Нагорная улица упирается въ Загоровщину, причемъ густыя заросли этого урочища ничѣмъ отъ нея не отдѣлены; другимъ концомъ въ Половецкую улицу. Все это разстояніе отъ Заго-

ровщины до Половецкой занимаетъ шаговъ триста. Половецкая улица, соединяющая Нагорную съ Верхне-Юрковской, еще короче—въ ней 114 шаговъ.

Здѣсь расположена усадьба Захарченки, выходящая одною стороною на Половецкую улицу, другою—на Верхне-Юрковскую (въ которую Половецкая упирается почти подъ прямымъ угломъ) и третьею стороною примыкающая къ заводской землѣ. Тамъ, гдѣ усадьба выходитъ на Верхне-Юрковскую, построенъ фасадомъ на эту улицу двухэтажный домъ. Первый этажъ отведенъ подъ винную лавку и квартиру сидѣлицы Малицкой; во второмъ этажѣ двѣ квартиры—одну занимали Чеберяковы, другую рядомъ—семья чиновника Балавина. Кромѣ этого дома, тутъ же на дворѣ расположенъ еще жилой флигель. Площадь усадьбы небольшая—въ длину 105 шаговъ, въ ширину гораздо меньше. Отъ дома, гдѣ жили Чеберяковы, до дома, гдѣ жилъ Бейлисъ—шаговъ сто вдоль Верхне-Юрковской улицы.

Семья Чеберяковыхъ состояла изъ мужа, Василія Чеберякова, телеграфнаго чиновника, жены его Вѣры и трехъ дѣтей: одиннадцатилѣтняго (въ 1911 г.) сына Евгенія (Жени), дочерей Людмилы (Люды) 8 лѣтъ и Валентины (Вали) 6 лѣтъ.

Приходьки жили на Лукьяновкѣ почти рядомъ съ Чеберяковыми, и Андрюша очень подружился съ Женей. До переѣзда Андрюши на Слободку, они часто и вдвоемъ, и вмѣстѣ съ Жениными сестрами, и съ другими дѣтьми ходили кататься на заводскія мяла.

Таковы, пока въ самыхъ общихъ чертахъ, свѣдѣнія о времени убійства, о мѣстности, гдѣ былъ найденъ трупъ Андрюши и гдѣ Андрюшу видѣли за часъ до убійства. Казалось бы, не надо обладать какими-то особенными розыскными способностями, дабы понять, что съ первыхъ же шаговъ надлежало сосредоточить розыски въ двухъ направленіяхъ: во-первыхъ, подвергнуть самому тщательному изслѣдованію Зайцевскій заводъ и его обитателей; во-вторыхъ, добиться отъ одиннадцатилѣтняго Жени Чеберякова, чтобы онъ, искренне и правдиво, разсказалъ все, что знаетъ объ Андрюшѣ.

Это было настолько ясно и очевидно, что даже семидесятилѣтняя Олимпіада Нѣжинская говорила сыщикамъ, такъ трудившимся на Слободкѣ:

— Что вы здѣсь шукаете, вы бы шукали тамъ, гдѣ люди его нашли.

Это было, при желаніи, настолько возможно, что студенту университета Владиміру Голубеву, начавшему разспрашивать того—другого на Лукьяновкѣ, Женя Чеберяковъ сказалъ (и это впослѣдствіи вполнѣ подтвердилось), что въ то утро, какъ исчезъ Андрюша, они, Женя и Андрюша, были вмѣстѣ на Верхне-Юрковской улицѣ. А затѣмъ тотъ же Женя на допросахъ началъ отмалчиваться, отъ всего отпираться и давать явно придуманныя показанія.

Для того, чтобы сразу же вести изслѣдованіе въ направленіи Лукьяновки, Жени Чеберякова и особенно—Зайцевскаго завода, заводскихъ жидовъ—не нужно было «вѣрить въ ритуальныя убійства», или «не вѣрить въ ритуальныя убійства», «считать убійство Ющинскаго ритуальнымъ», или не считать его ритуальнымъ. Надлежало лишь тщательно и вдумчиво идти шагъ за шагомъ въ томъ направленіи, которое ясно намѣчалось несомнѣнными данными, вытекавшими изъ сопоставленія времени убійства, мѣста, гдѣ нашли трупъ Андрюши, и мѣста, гдѣ видѣли Андрюшу послѣдній разъ.

Гдѣ могли убить мальчика въ десятомъ часу утра? Откуда могли протащить его трупъ въ пещеру на Загоровщинѣ? Всякій безпристрастный разслѣдователь, внимательно ознакомившійся съ мѣстностью, долженъ былъ отвѣтить совершенно независимо отъ вопроса о ритуалѣ: насколько легко и удобно было это сдѣлать, по условіямъ мѣстности, въ одномъ изъ помѣщеній обширнаго Зайцевскаго завода, настолько трудно гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ.

Конечно, такой выводъ былъ пока недостаточенъ для непререкаемаго утвержденія, что убійство совершено на заводѣ, но онъ уже обязывалъ всѣ силы розыска обратить именно на заводъ.

Непосредственное впечатлѣніе, разумѣется, гораздо сильнѣе всякаго описанія. И вотъ, когда судъ въ полномъ составѣ, съ присяжными, экспертами, чинами полиціи, нѣкоторыми свидѣтелями, подсудимымъ, сопровождаемый многочисленными корреспондентами, прибылъ на мѣстный осмотръ завода, одинъ изъ шедшихъ впереди меня, дѣятель, не принадлежавшій къ составу «сторонъ», очень сдержанный и старавшійся составить самый безпристрастный и самостоятельный взглядъ, не могъ удержаться отъ невольнаго замѣчанія: «Да здѣсь не то, что Ющинскаго, а сорокъ человѣкъ можно зарѣзать такъ, что ни-

кто не увидитъ». То же самое по мысли замѣчаніе, но, конечно, высказанное различными выраженіями, я слышалъ затѣмъ тутъ же, на осмотрѣ, отъ шести-семи лицъ самаго разнообразнаго общественнаго положенія, по мѣрѣ того, какъ мы заглядывали во внутренность огромныхъ обжигательныхъ печей, ходили между навѣсами, заполненными сохнущимъ кирпичомъ и созерцали на краю оврага то мѣсто, гдѣ помѣщалась конюшня и шорная, столь неожиданно сгорѣвшія.

Возможно ли было съ заводской земли принести трупъ напрямикъ въ пещеру, минуя заводскія ворота и Нагорную улицу? Если обратиться къ плану, то окажется, что между пещерой, расположенной на землѣ Бернера, и заводомъ лежатъ цѣлыхъ три усадьбы—Соколовскаго, Лубенскаго и Марра. Въ дѣйствительности, однако, перечисленныя усадебныя мѣста представляютъ длинныя и узкія полосы земли, тянущіяся отъ Нагорной къ Кирилловской, покрытыя зарослями и лишенныя какихъ-либо построекъ или искусственныхъ насажденій. Только въ самомъ концѣ этихъ полосъ, внизу, на Кирилловской, внѣ пространства, насъ интересующаго и въ значительномъ отъ него отдаленіи, были кое-какія постройки. Между пещерой, расположенной на землѣ Бернера, и полосою земли, принадлежащею Соколовскому, не было никакихъ преградъ: согласно акту слѣдственнаго осмотра отъ 7 мая 1911 г. граница обозначена лишь рѣдкими столбиками. Далѣе, между землею Соколовскаго и полосою слѣдующаго владѣльца, Лубенскаго, выстроенъ заборъ, но, согласно осмотру, «во многихъ мѣстахъ доски забора отсутствуютъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нѣтъ и самаго забора». Однако, отъ земли слѣдующаго владѣльца, Марра, земля Лубенскаго отдѣлена заборомъ болѣе крѣпкимъ и, наконецъ, есть заборъ между полосою Марра и примыкающею къ ней заводской землею.

Такимъ образомъ, если отъ пещеры идти къ заводу напрямикъ (меньше 300 шаговъ!), то препятствій два: во-первыхъ, заборъ между землею Лубенскаго и землею Марра, во-вторыхъ, заборъ между землею Марра и землею, принадлежащею заводу. Оба забора изъ досокъ, поставленныхъ стоймя, вертикально.

По поводу состоянія этихъ заборовъ въ то время, когда было обнаружено убійство, весьма важное показаніе далъ Голубевъ. Будучи дѣятельнымъ членомъ общества патріотической молодежи «Двуглавый Орелъ» и чрезвычайно интересуясь ха-

рактеромъ убійства, онъ, Голубевъ, ходилъ на Лукьяновку, разспрашивалъ, наблюдалъ, изучалъ прилегающую къ пещерѣ мѣстность и обратилъ вниманіе, что въ заборѣ, отдѣляющемъ полосу Лубенскаго отъ полосы Марра, одна доска была сорвана и затѣмъ снова прибита изнутри новыми гвоздями, рѣзко отличавшимися по своему свѣжему виду и отсутствію ржавчины отъ сосѣднихъ гвоздей. Объ этомъ Голубевъ немедленно, въ первыхъ же числахъ апрѣля, сказалъ Мищуку, которому еще не имѣлъ основаній тогда недовѣрять. Черезъ нѣкоторое время Голубевъ привелъ на это мѣсто своего товарища, Пащенку, показалъ свое открытіе, но увидѣлъ, что, кромѣ одной свѣже забитой доски, бывшей раньше, вокругъ цѣлый рядъ новыхъ досокъ и, такимъ образомъ, заборъ вообще имѣетъ видъ недавно починеннаго, тогда какъ въ первый разъ никакихъ слѣдовъ общей починки не было, а было лишь одно отверстіе, только что недавно задѣланное.

Послѣ того, какъ Голубевымъ было сообщено объ этомъ въ своемъ показаніи судебному слѣдователю Фененкѣ, Слѣдователь, 7 мая 1911 г., произвелъ осмотръ мѣстности, прилегающей къ пещерѣ.

Согласно протоколу осмотра, въ заборѣ, отдѣляющемъ землю Лубенскаго отъ земли Марра, вставлено шесть новыхъ досокъ. Присутствовавшій при осмотрѣ свидѣтель Голубевъ указалъ въ верхней части забора половину отломанной доски, заявивъ, что именно объ этомъ заборѣ и объ этой доскѣ онъ говорилъ въ своемъ показаніи. Отверстіе въ заборѣ, черезъ которое можно было свободно пролѣзть человѣку, оказалось задѣланнымъ новой доской. Нѣсколько выше въ заборѣ оказались вставленными новыя 12 досокъ. По объясненію присутствовавшаго при осмотрѣ Самофалова, заявившаго, что въ усадьбѣ онъ живетъ уже 30 лѣтъ, заборъ Марру каждой весной приходится исправлять, вставляя новыя доски, такъ какъ въ разное время года доски неизвѣстными лицами похищаются для топлива. Всѣ новыя доски въ этомъ заборѣ вставлены послѣ Пасхи, до Пасхи же имѣлись дыры, черезъ которыя свободно можно было проходить.

Далѣе, о другомъ заборѣ, идущемъ между полосою Марра и заводскою землею, въ протоколѣ значится:

«Усадьба Марра отдѣляется отъ усадьбы наслѣдниковъ Зайцева досчатымъ заборомъ, онъ принадлежитъ Марру и ремонтируется послѣднимъ. Въ заборѣ этомъ отверстій не имѣется. Длина его болѣе 200 шаговъ».

Въ концѣ протокола приписка:

«*Присутствовалъ при осмотрѣ и присовокупляю, что въ заборѣ усадьбы Марръ, прилегающемъ къ усадьбѣ Зайцева, отверстія имѣются. Владиміръ Голубевъ*».

Можно относиться различно къ тому, насколько важное значеніе имѣло подозрительное обстоятельство, замѣченное и удостовѣренное Голубевымъ; можно спорить, дѣйствительно ли свидѣтельствуетъ имъ видѣнное, что кто-то пролѣзалъ черезъ заборъ, отодралъ для этого доску и затѣмъ постарался скрыть слѣды своего пролѣзанія, но представляется несомнѣннымъ, что заборъ, отдѣлявшій землю Лубенскаго отъ земли Марра, не могъ быть серьезною помѣхою для того, чтобы пройти съ завода Зайцева напрямикъ къ пещерѣ. Не лишнее упомянуть, что мѣсто, гдѣ, согласно указанію Голубева, была выломана и вновь прибита доска, находится почти на прямой линіи между пещерой и сгорѣвшимъ впослѣдствіи строеніемъ съ конюшней и шорной. Уклоненіе будетъ шаговъ въ десять—пятнадцать.

Остается, слѣдовательно, лишь вопросъ о заборѣ между землею Марра и заводомъ, какъ о единственномъ препятствіи, которое могло помѣшать въ томъ случаѣ, если трупъ несли съ завода въ пещеру — и не черезъ ворота и Нагорную улицу, а по направленію болѣе короткому и еще болѣе глухому, напрямикъ.

По отношенію къ этому препятствію въ протоколѣ судебнаго слѣдователя по особо важнымъ дѣламъ находимъ удивительныя вещи. Сначала удостовѣряется, что въ заборѣ, длиною свыше 900 шаговъ, отверстій не имѣется. Замѣчательно крѣпкій, исправный заборъ! Но въ концѣ протокола приписка: «Въ заборѣ отверстія имѣются. Владиміръ Голубевъ». О томъ, носитъ ли заборъ слѣды недавняго ремонта, свѣжихъ починокъ—подобно другому, сосѣднему забору, принадлежащему тому же Марру—ничего не сказано.

По поводу сдѣланной имъ приписки Голубевъ на судѣ, подъ присягой, удостовѣрилъ, что слѣдователь протокола на мѣстѣ не составлялъ, а дѣлалъ лишь для себя замѣтки и самъ забора, о которомъ идетъ рѣчь, не измѣрялъ, а послалъ туда го-

Владимиръ Голубевъ

родовыхъ, со словъ которыхъ и заносилъ себѣ различныя отмѣтки. Весь осмотръ продолжался 35—40 минутъ. На четвертый или пятый день слѣдователь вызвалъ Голубева для подписанія уже изготовленнаго протокола. Прочтя его, Голубевъ заявилъ слѣдователю, что въ протоколѣ ошибка—написано, что въ заборѣ нѣтъ дыръ, тогда какъ дыры есть. Слѣдователь отвѣтилъ: «Я не помню». Теперь, подъ присягой, онъ, Голубевъ, категорически утверждаетъ, такъ же, какъ и тогда, что видѣлъ въ заборѣ отверстіе, вполнѣ достаточное, чтобы пролѣзть человѣку.

Послѣ долгаго перекрестнаго допроса, эту часть показанія Голубева предсѣдатель резюмировалъ присяжнымъ такимъ образомъ:

Голубевъ относительно забора говоритъ, что онъ его внимательно осматривалъ и отвергаетъ то, что написалъ въ своемъ протоколѣ слѣдователь. Онъ говоритъ, что слѣдователь или не обратилъ вниманія на дыру, или, по забывчивости, написалъ, что дыры нѣтъ, но онъ, Голубевъ, своею подписью удостовѣрилъ, что дыра тамъ была. Когда Голубевъ обратилъ вниманіе на это слѣдователя, то тотъ ему сказалъ: «Если помните, что дыры были, то сдѣлайте надпись».

Показанія Голубева производили на судѣ такое впечатлѣніе, что въ ихъ безусловной правдивости не рѣшились усумниться даже защитники Бейлиса, несмотря на всю опасность этихъ показаній для подсудимаго. Въ частности, приведенный эпизодъ, какъ и все остальное, сейчасъ же сдѣлался достояніемъ самой широкой гласности, однако, утвержденія Голубева никѣмъ не опровергались. Далѣе, онъ указалъ, что заборъ, о коемъ рѣчь, мѣстами идетъ по сильному косогору, а, слѣдовательно тамъ, помимо отверстій въ самомъ заборѣ, очень легко подлѣзть подъ него—въ этомъ на осмотрѣ мы всѣ могли убѣдиться, проходя мимо заборовъ, построенныхъ по крутымъ склонамъ.

Свидѣтель Павелъ Панчукъ, служившій на заводѣ дворникомъ со стороны Кирилловской улицы, допрошенный 2 октября 1911 г. тѣмъ же слѣдователемъ Фененкою, удостовѣрилъ ему, что, несмотря на окружавшій заводскую усадьбу заборъ, даже послѣ ремонта этого забора, произведеннаго осенью 1910 г., «проникнуть на заводъ было легко, такъ какъ подъ заборомъ можно было прорыть землю и черезъ образовавшееся отверстіе

пролѣзть въ заводъ. Такъ поступали обыкновенно мальчики. Въ заводѣ ихъ всегда очень много гуляетъ. Гуляли мальчики зимой, и въ мартѣ мѣсяцѣ передъ Пасхой (1911 г.), и послѣ Пасхи».

На судѣ, подтверждая это показаніе, Панчукъ добавилъ, что самъ, пользуясь обваломъ земли, неоднократно пролѣзалъ съ завода на Лукьяновку, въ «винополію»,—пролѣзть можно было свободно.

Постоянный заводскій рабочій Иванъ Дыкуша, проживавшій также, какъ и Панчукъ, въ помѣщеніи, выходившемъ на Кирилловскую улицу, удостовѣрилъ слѣдователю, что «деревянные заборы въ усадьбу Марра и дальше къ Бернеру тогда (въ Великій постъ 1911 г.) были почти въ разрушенномъ видѣ въ разныхъ мѣстахъ, такъ что съ завода Зайцева свободно можно было пройти въ указанныя усадьбы, не перелѣзая черезъ заборъ, такъ какъ въ заборѣ были дыры».

То же самое подтвердилъ свидѣтель и въ судѣ на перекрестномъ допросѣ.

Такимъ образомъ, нельзя сомнѣваться, что и послѣднее препятствіе—заборъ между землею заводскою и Марра въ дѣйствительности не могъ служить препятствіемъ, если трупъ несли отъ завода къ пещерѣ.

Но необходимо сказать нѣсколько словъ о другомъ,—о томъ способѣ, которымъ составлялъ судебный слѣдователь по особо важнымъ дѣламъ Фененко протоколъ осмотра отъ 7 мая 1911 г. Если даже оставить въ сторонѣ объясненіе Голубева, то возникаетъ вопросъ, какъ могъ слѣдователь сначала удостовѣрить, что отверстій въ заборѣ нѣтъ, а потомъ допустить приписку, что отверстія есть. Одно изъ двухъ. Если свидѣтель настаивалъ на приписке по недоразумѣнію, по ошибкѣ или по злому умыслу, то слѣдователь былъ обязанъ немедленно принять мѣры, чтобы ошибка, недоразумѣніе были устранены, а злой умыселъ обнаруженъ. Онъ долженъ былъ сейчасъ же предложить свидѣтелю показать, гдѣ тѣ отверстія, о которыхъ онъ говоритъ, и затѣмъ, провѣривъ вмѣстѣ съ понятыми утвержденія свидѣтеля, или уличить *его* въ ошибкѣ, даже въ недобросовѣстности, или сознаться *самому въ своей* ошибкѣ и ее исправить. Оставить въ протоколѣ осмотра и свое, слѣдовательское, утвержденіе и заявленіе приглашеннаго на осмотръ свидѣтеля о противоположномъ; не примирить, не устранить, не разъяснить такого вонію-

щаго противорѣчія—это значитъ свести на нѣтъ весь осмотръ, подрывать довѣріе и къ своему слѣдственному акту и къ показанію ничѣмъ не опороченнаго свидѣтеля. Этого мало. Азбука слѣдственнаго дѣла гласитъ, что въ протоколы осмотровъ нельзя включать свидѣтельскихъ показаній. Начинающему участковому слѣдователю извѣстно, какія процессуальныя затрудненія и путаницу вплоть до полнаго опороченія всего протокола осмотра можетъ влечь такое смѣшеніе. Между тѣмъ, слѣдователь по особо важнымъ дѣламъ вдругъ вдвигаетъ въ протоколъ осмотра разсказъ нѣкоего Самофалова, являющійся чистѣйшимъ свидѣтельскимъ показаніемъ, и при этомъ такого лица, которое не поставлено въ необходимыя для свидѣтельскаго показанія условія, даже не предупреждено о присягѣ (по 443 ст. у. у. с.).

Поневолѣ приходится загромождать изложеніе этими спеціальными техническими подробностями, дабы меня не упрекнули въ пристрастности и бездоказательности того, весьма важнаго для меня, вывода, которому я дамъ подтвержденія и въ дальнѣйшемъ—что слѣдствіе г. Фененко было произведено чрезвычайно неумѣло и съ грубыми промахами.

Осмотръ мѣстности, прилегающей къ пещерѣ и къ землѣ Бернера, предпринятъ только 7 мая, т. е. черезъ полтора мѣсяца послѣ приступа къ слѣдствію, тогда какъ здѣсь былъ важенъ каждый день. Но даже и 7 мая осматривали очень поверхностно—о заводскихъ помѣщеніяхъ сказано въ протоколѣ осмотра въ самыхъ общихъ чертахъ, а про постройку, гдѣ была конюшня и шорная, не упомянуто вовсе. Лишь на 13 октября слѣдователь назначилъ подробный осмотръ всѣхъ помѣщеній завода—но тогда, 10 октября, помѣщеніе для конюшни и шорной, вмѣстѣ съ вытянувшимся противъ нихъ сарайчикомъ, вдругъ сгорѣло отъ неизвѣстной причины...

III.

Дѣянія Мищука.

Потративъ достаточно времени на изслѣдованіе того, не убили ли Андрюшу на Слободкѣ его родственники, какъ богатаго наслѣдника, руководившіе розысками чины Кіевской полиціи и журналисты изъ «Кіевской Мысли» перешли на слѣдую-

щую позицію, на версію о томъ, что Андрюшу убили воры не то съ цѣлью избавиться отъ доносчика, не то въ намѣреніи «поддѣлать ритуальное убійство», чтобы вызвать погромъ, а на погромѣ поживиться еврейскимъ добромъ.

Починъ рѣшительныхъ дѣйствій въ семъ направленіи принадлежалъ Мищуку. Положеніе его въ это время было уже сильно поколебленнымъ. Руководство розысками все больше и больше забиралъ въ свои руки дѣйствовавшій гораздо тоньше и умнѣе Красовскій. Хотя, въ конечномъ счетѣ, и тотъ и другой работали во славу іудейства, но отношенія между ними, на почвѣ соревнованія, конкуренціи, становились все враждебнѣе. Въ такомъ положеніи, понимая, что не сегодня-завтра его окончательно устранятъ отъ розысковъ, Мищукъ рѣшилъ идти напроломъ. 25 августа 1911 г. онъ по телефону торжественно сообщилъ судебнымъ властямъ, что убійство Ющинскаго раскрыто, что вещественныя доказательства, не оставляющія въ томъ сомнѣнія, только что обнаружены имъ, Мищукомъ. Немедленно пріѣхавшія на мѣсто этого обнаруженія судебныя власти застали Мищука на Татарской улицѣ, выходящей на Верхне-Юрковскую, причемъ сыскные агенты уже успѣли на склонѣ Юрковской горы выкопать мѣшокъ съ вещественными доказательствами. По удостовѣренію судебнаго слѣдователя Фененки, Мищукъ велъ себя до невозможности вызывающе, почти не давалъ говорить прокурору суда и съ побѣдоноснымъ видомъ заявлялъ, что «ритуальныхъ убійствъ въ двадцатомъ вѣкѣ не бываетъ».

Въ мѣшкѣ, откопанномъ на Юрковской горѣ, оказалась куча угля, кусочки обгорѣвшей матеріи и бумаги, пуговица, крючокъ отъ брюкъ, подтяжки, два шила, а также неповрежденные огнемъ клочки записокъ. Въ нихъ былъ обозначенъ адресъ Романюка по Татарской улицѣ, упоминались фамиліи Кучеренко, Цупенко, имена «Миша», «Вѣра». Возстановить полностью текстъ записокъ нельзя было, но изъ содержанія отдѣльныхъ фразъ слѣдовало, что Миша и Цупенко приглашаютъ Кучеренка къ Вѣрѣ по очень важному дѣлу.

Такимъ образомъ все становилось яснымъ: убійцы закопали, во-первыхъ, орудія преступленія—два шила, во-вторыхъ, приличное—тѣ вещи Ющинскаго, которыхъ не оказалось въ пещерѣ: тамъ нашли чулки, подштанники, рубашку, куртку, поясъ, фуражку и тетради. Слѣдовательно, нехватало башмаковъ, брюкъ,

подтяжекъ, пальто и книгъ. Обгорѣвшіе остатки именно этихъ предметовъ и были найдены талантливыми сыщиками на Юрковской горѣ. Наконецъ, въ-третьихъ, неосторожные преступники сунули туда же и свои записки, правда, полууничтоженныя, въ клочкахъ, но сохранившія какъ разъ то, что надо: имена, фамиліи, адресъ.

Поддѣлка, фальсификація сихъ вещественныхъ доказательствъ обнаружилась очень скоро. Врачи-эксперты единогласно и категорически удостовѣрили, что найденными въ Юрковской горѣ шилами невозможно нанести уколы, обнаруженные на тѣлѣ Ющинскаго. Такъ какъ брюки у Андрюши были «казенныя», выданныя изъ училища, то не представило особаго труда выяснить, изъ какого сукна онѣ были сшиты, и оказалось, что это сукно совершенно не подходитъ къ тѣмъ обгорѣлымъ кускамъ, которые были въ мѣшкѣ. Къ довершенію конфуза, родственники Андрюши удостовѣрили, что, хотя у него были подтяжки, но онъ ихъ никогда не носилъ и 12 марта тоже ушелъ безъ подтяжекъ, которыя остались дома и по требованію Слѣдователя были ему предъявлены.

Очень недавнее нахожденіе въ землѣ откопаннаго Мищукомъ мѣшка явствовало изъ того, что никакой плѣсени на немъ не обнаружено, между тѣмъ уголь и находившіеся среди угля предметы, а также прилегающая часть мѣшка были сильно влажны, повидимому смочены водой. Другія части мѣшка суховаты. Найти въ горѣ мѣшокъ посчастливилось Мищуку сразу — земля была вскопана лишь въ одномъ мѣстѣ, и то очень неглубоко. Столь же удачно обнаружили въ мѣшкѣ клочки подозрительныхъ записокъ: по удостовѣренію прокурора Кіевскаго окружнаго суда, въ его присутствіи одинъ изъ сыскныхъ агентовъ вдругъ, безъ всякой видимой надобности, принялся развязывать мѣшокъ, даже не давая отвѣта на вопросъ его, прокурора, зачѣмъ это дѣлается. Проворно развязавъ мѣшокъ, агентъ сразу засунулъ руку въ одинъ изъ угловъ мѣшка и досталъ оттуда изорванную записку съ фамиліями.

По объясненію Мищука, о нахожденіи въ горѣ мѣшка сообщилъ ему нѣкій Кушниръ, заявивъ, что убійство Ющинскаго совершено ворами, которые, «симулируя его ритуальнымъ», преслѣдовали этимъ цѣль вызвать еврейскій погромъ, и что въ убійствѣ участвовали Кучеренко, Цупенко, Вѣра Чеберякова и Романюкъ, котораго Мищукъ ко времени откапыванія мѣшка

уже успѣлъ арестовать. «Когда Кушниръ сталъ передавать такія подробности убійства, изъ которыхъ можно было думать, что Кушниръ или самъ присутствовалъ при этомъ, или получилъ свѣдѣнія отъ непосредственныхъ виновниковъ»,— такъ значится въ одномъ изъ позднѣйшихъ показаній Мищука,— «то я спросилъ Кушнира, откуда все это ему извѣстно. Кушниръ отвѣтилъ, что видѣлъ все это во снѣ. Во всякомъ случаѣ Кушниръ произвелъ на меня такое впечатлѣніе, что я вполнѣ повѣрилъ въ правильность сообщаемыхъ имъ свѣдѣній».

Далѣе, Мищукомъ было представлено письмо Кушнира, гдѣ сообщается, что Кучеренко, Цупенко, Романюкъ и Чеберякова, рѣшивъ убить передъ еврейской пасхой какого-нибудь мальчика, исполнили это въ домѣ Романюка, на Лукьяновкѣ; выборъ ихъ палъ на Ющинскаго, вещи котораго послѣ убійства они зарыли въ Юрковской горѣ.

Изъ ближайшихъ помощниковъ Мищука, сыскной агентъ Смоловикъ показалъ, что Кушниръ—это «подсѣвайло», т. е. воръ, выдающій дѣла своихъ пріятелей, а другой агентъ, Падалка, заявилъ, что подсѣвайло Кушниръ по профессіи барышникъ и кражами, насколько ему, Падалкѣ, извѣстно, не занимается, недавно только онъ попался въ покупкѣ краденыхъ вещей и за это высидѣлъ въ тюрьмѣ.

Что касается самого Кушнира, допрошеннаго по особому дѣлу о Мищукѣ въ качествѣ свидѣтеля нѣсколько разъ, то, согласно одному изъ этихъ показаній, ему, Кушниру, Падалка и Смоловикъ сказали, что убійство Ющинскаго совершено ворами Кучеренкой и Цупенкой, при участіи Чеберяковой, въ домѣ Романюка на Лукьяновкѣ, чтобы вызвать еврейскій погромъ. Тогда же Падалка далъ ему, Кушниру, готовое и запечатанное въ конвертѣ заказное письмо съ адресомъ на имя Мищука, добавивъ, что, если онъ, Кушниръ, хочетъ, то можетъ распечатать письмо, переписать своей рукой и отослать изъ мѣстечка Хмѣльника по адресу, а готовое уничтожить. Однако, онъ, Кушниръ, по пріѣздѣ въ Хмѣльникъ отправилъ Мищуку, даже не распечатывая, то письмо, которое получилъ отъ Падалки. Въ Хмѣльникъ велѣлъ ему ѣхать Мищукъ, сказавъ, что тамъ, въ паркѣ, онъ, Кушниръ, встрѣтитъ человѣка, отъ котораго узнаетъ, какъ былъ убитъ Ющинскій, и тѣмъ для Кушнира откроется возможность впослѣдствіи, подъ присягой, передать разсказъ того неизвѣстнаго человѣка. Дѣйствительно, въ Хмѣльникѣ, ве-

черомъ, въ паркѣ, Кушниръ встрѣтилъ незнакомца, который, заговоривъ съ нимъ о дѣлѣ Ющинскаго, разсказалъ почти слово въ слово то, что говорили раньше Смоловикъ съ Падалкою, и сообщилъ, что вещи убитаго закопаны въ Юрковской горѣ.

Впослѣдствіи это свое показаніе Кушниръ измѣнилъ въ томъ смыслѣ, что письмо Мищуку написано имъ, Кушниромъ, собственноручно.

Экспертиза письма не дала по этому вопросу вполнѣ опредѣленнаго результата, ибо составилось два мнѣнія: одно — что письмо написано Кушниромъ, другое—что инымъ лицомъ, поддѣлывавшимся подъ почеркъ Кушнира.

Въ Мищуковскихъ дѣяніяхъ былъ усмотрѣнъ судебными властями должностной подлогъ, и Мищукъ, Падалка, Смоловикъ были преданы суду. Кіевская судебная палата, однако, оправдала подсудимыхъ, но Сенатомъ приговоръ этотъ былъ отмѣненъ и дѣло передано въ Харьковскую судебную палату. Ея приговоромъ Мищукъ, Падалка и Смоловикъ, за должностной подлогъ, были приговорены къ лишенію всѣхъ особенныхъ правъ состоянія и отданы въ исправительныя арестантскія отдѣленія на одинъ годъ каждый. Кассаціонныя жалобы подсудимыхъ были оставлены Сенатомъ безъ послѣдствій. Приговоръ вступилъ въ законную силу и въ отношеніи Падалки и Смоловика приведенъ въ исполненіе безъ замедленій. Что касается Мищука, то онъ скрылся и, будучи вызванъ на судъ по дѣлу Ющинскаго въ качествѣ свидѣтеля, не явился, а повѣстка ему оказалась неврученной за нерозыскомъ.

Производившій по дѣлу розыски начальникъ сыскного отдѣленія, котораго самого ищутъ, но розыскать не могутъ! Въ какомъ другомъ дѣлѣ фигурировали подобные персонажи!?

Еврействующія газеты старательно упирали на то, что первымъ приговоромъ, хотя бы и отмѣненнымъ по его неправильности, Мищукъ былъ оправданъ. Для нашихъ выводовъ это имѣетъ очень мало значенія. Самый фактъ поддѣлки вещественныхъ доказательствъ внѣ сомнѣній. Онъ на лицо, безспоренъ. Старанія Мищука всячески, во что бы то ни стало, отводить розыски отъ евреевъ, отъ Зайцевскаго завода тоже достаточно очевидны. Это для насъ главное. Заключаются ли затѣмъ въ дѣяніяхъ Мищука всѣ признаки того должностного преступленія, которое именуется подлогомъ, совершеннымъ при исполне-

нiи служебныхъ обязанностей (362 ст. Улож. о нак.), или же не всѣ юридическiе признаки этого довольно сложнаго дѣянiя представлялись суду достаточно доказанными—для настоящаго изложенiя вопросъ второстепенный.

Весьма характерны тѣ пріемы, тѣ объясненiя, которые были пущены въ ходъ Мищукомъ съ одной стороны, Кушниромъ съ другой. Прежде всего, при сопоставленiи этихъ объясненiй мы попадаемъ въ заколдованный кругъ, не имѣющiй начала: Иванъ сказалъ Петру, Петръ Сидору, Сидоръ Ивану—а кто первый сказалъ—неизвѣстно. Такъ и тутъ: Мищукъ убѣдился, что убiйство совершено Кучеренками и Цупенками, потому что ему послалъ объ этомъ письмо Кушниръ, а у Кушнира такая увѣренность создалась потому, что ему сообщилъ о семъ незнакомецъ, направленный къ нему Мищукомъ. А когда Мищукъ, уже привлеченный въ качествѣ обвиняемаго, оказался совсѣмъ припертымъ къ стѣнѣ, то обнаружилось, что первоисточникомъ былъ ..... сонъ: «подсѣвайло» Кушниръ, повѣствуя о подробностяхъ убiйства, признался начальнику сыскного отдѣленiя, что видѣлъ «все это» во снѣ, но начальникъ сыскного отдѣленiя, тѣмъ не менѣе, вполнѣ повѣрилъ въ правильность свѣдѣнiй, сообщаемыхъ почтеннымъ «подсѣвайломъ».

Не менѣе характерно, что сiи сновидцы и прорицатели очень подумывали, и весьма заблаговременно, о собственной безопасности. У Мищука, откапывающаго на Юрковской горѣ вещественныя доказательства и арестующаго ни въ чемъ неповиннаго Романюка, припасенъ на всякiй случай документикъ: «Я, молъ, тутъ не причемъ; я самъ—жертва; меня самого ввели въ заблужденiе—вотъ и письмо». Отправитель же письма, Кушниръ, за всю исторiю тоже не отвѣчаетъ по той простой причинѣ, что не является лицомъ должностнымъ. Но, на всякiй случай, и Кушниръ запасся доводомъ: «Вы, можетъ быть, намѣреваетесь потянуть меня за лжесвидѣтельство? Такъ имѣйте въ виду: я лишь повторяю то, что слышалъ отъ неизвѣстнаго человѣка. Вотъ когда отыщется этотъ неизвѣстный человѣкъ и удостовѣритъ, что онъ мнѣ этого не говорилъ—тогда только я могъ бы отвѣчать за лжесвидѣтельство».

Въ разслѣдованiи о Мищукѣ есть небезынтересныя свѣдѣнiя, касающiяся Красовскаго.

Оказывается, 13 iюля 1911 г. Мищукъ подалъ по начальству оффiцiальный рапортъ, въ которомъ прописалъ:

«Сего числа явился ко мнѣ проживающій въ гор. Кіевѣ еврей Іосифъ Лобко и заявилъ, что Красовскій просилъ его, Лобко, немедленно доставить какого-то человѣка, который ложно уличилъ бы содержащагося подъ стражей Луку Приходько въ томъ, что Приходько ѣхалъ на извозчикѣ со Слободки въ конецъ Кирилловской улицы на Поляну въ среднихъ числахъ марта мѣсяца сего года и имѣлъ съ собой съ чѣмъ-то мѣшокъ. Это Красовскій желалъ сдѣлать, чтобы обвинить Приходько въ убійствѣ пасынка, мальчика Ющинскаго. Дѣлая настоящее заявленіе въ присутствіи агента Падалки, Лобко просилъ моего совѣта, какъ быть въ данномъ случаѣ. Когда же я категорически запретилъ Лобко искать лжесвидѣтеля, объяснивъ ему объ отвѣтственности, то онъ разсказалъ мнѣ, что нѣсколько времени тому назадъ къ нему, Лобко, прибылъ околоточный надзиратель Плосскаго участка, фамиліи котораго не знаетъ, и потребовалъ явиться въ участокъ и ожидать тамъ Красовскаго. Спустя нѣсколько часовъ послѣ прибытія Лобко въ участокъ явился Красовскій, который началъ упрашивать Лобко, чтобы онъ самъ выступилъ лжесвидѣтелемъ противъ Луки Приходько въ дѣлѣ убійства Ющинскаго, но онъ на просьбу Красовскаго не согласился».

Мищукъ и Падалка, при опросѣ ихъ совѣтникомъ губернскаго правленія, все изложенное подтвердили, Лобко же отрицалъ.

Затѣмъ, на предварительномъ о Мищукѣ слѣдствіи, были допрошены въ качествѣ свидѣтелей Сруль Эпштейнъ и Иларіонъ Шидловскій, которые показали:

Эпштейнъ: «Іосифъ Лобокъ со мной хорошо знакомъ, онъ выкрестъ изъ евреевъ. Этого Лобко я даже самъ познакомилъ съ Красовскимъ лѣтомъ 1910 года. Красовскій принялъ его къ себѣ тайнымъ агентомъ. Лѣтомъ сего года, мѣсяца не помню, Лобокъ нѣсколько разъ передавалъ мнѣ, что Красовскій, поручившій ему розыски по дѣлу Ющинскаго, требуетъ отъ него, Лобка, чтобы онъ далъ ему подставныхъ свидѣтелей по этому дѣлу. Я еще предупреждалъ Лобка, чтобы онъ не путался въ это дѣло, такъ какъ дѣло это серьезное; при этомъ я посовѣтовалъ Лобку заявить Мищуку о просьбѣ Красовскаго достать подложныхъ свидѣтелей. Послѣ того Лобокъ мнѣ разсказывалъ, что онъ дѣйствительно былъ у Мищука и заявилъ ему объ этомъ».

Шидловскій: «Хорошо знакомъ съ Іосифомъ Лобко. Лѣтомъ текущаго года приставъ Красовскій принялъ къ себѣ этого Лобка въ качествѣ секретнаго агента по дѣлу Ющинскаго. Бывая часто у Лобка, я заставалъ иногда у него Красовскаго. Лобокъ передавалъ мнѣ, что Красовскій проситъ его дать ему свидѣтелей по дѣлу Ющинскаго, причемъ спрашивалъ меня, не могу ли я указать нужныхъ свидѣтелей, на что я отвѣтилъ отказомъ. Однажды Лобокъ передалъ мнѣ, что Красовскому нужно трехъ подставныхъ свидѣтелей для опознанія Приходько; при этомъ Лобокъ попросилъ меня принять участіе въ качествѣ такого подставного свидѣтеля, обѣщая, что мнѣ дадутъ денегъ за это. Я категорически отказался отъ такого предложенія. Падалка и Смоловикъ тоже часто ходили къ Лобку и ко мнѣ, разспрашивая, не знаю ли я чего-либо по дѣлу Ющинскаго».

Необходимо имѣть въ виду, что показанія Шидловскаго и Сруля Эпштейна появились въ то время, когда исторія съ бритьемъ, завиваніемъ и гримированіемъ Луки Приходьки еще не выплыла наружу. Такимъ образомъ, если признать эти показанія измышленными, то, во всякомъ случаѣ, по роковой случайности вымыселъ о томъ, какъ Красовскій подыскивалъ лжесвидѣтеля, оказался пріуроченнымъ именно къ той исторіи (о коей во время «измышленія» ничего еще не было извѣстно), гдѣ Красовскій на живомъ человѣкѣ устраивалъ лже-поличное. Бритье и гримировка происходили 30 іюня. Рапортъ Мищука поданъ 13 іюля. Лжесвидѣтель, согласно показаніямъ Шидловскаго и Эпштейна, долженъ былъ удостовѣрить, какъ Лука Приходько везъ на Лукьяновку подозрительный мѣшокъ, а явившійся къ судебному слѣдователю по собственному побужденію, безъ вызова, сотрудникъ «Кіевской Мысли» Ордынскій какъ разъ и далъ свѣдѣніе, что, де, родственники, дѣйствительно, везли несчастнаго Андрюшу въ мѣшкѣ на Лукьяновку. А тамъ, на Лукьяновкѣ, какъ разъ и оказался бы свидѣтель Ященко, который, молъ, видѣлъ пріѣхавшаго Луку около пещеры.

Послѣ раскопки на Юрковской горѣ 25 августа «вещественныхъ доказательствъ», Мищукъ былъ окончательно устраненъ отъ розысковъ. Немногимъ дольше продержался Красовскій—въ послѣднихъ числахъ августа ему было предложено то же самое. Почти одновременно прекратилъ свою оффиціальную дѣятельность и правая рука Красовскаго—сыщикъ Выграновъ,

Оба они появляются затѣмъ уже въ качествѣ разслѣдователей-добровольцевъ. Съ сентября 1911 г. и до конца дѣла единственнымъ оффиціальнымъ лицомъ, руководящимъ полицейскими розысками по дѣлу Ющинскаго, остается жандармскій подполковникъ Ивановъ, а съ 20 марта до конца августа, въ теченіе первыхъ пяти мѣсяцевъ, т. е. времени наиболѣе драгоцѣннаго, розыски были въ рукахъ лицъ, которыя не остановились даже передъ преступленіемъ для направленія дѣла по ложному пути.

А тѣмъ временемъ еврействующія газеты надрывались отъ вопля, какъ можно подозрѣвать въ убійствѣ евреевъ, когда противъ нихъ самые образцовые сыщики не могли собрать никакихъ доказательствъ.

IV.

Бразуль-Брушковскій и поѣздка въ Харьковъ.

Первый періодъ розысковъ можно считать законченнымъ къ концу августа 1911 г., когда и Мищукъ, и Красовскій были устранены. Несмотря на всѣ ихъ старанія направить подозрѣніе сначала на родственниковъ убитаго, потомъ на какихъ-то воровъ, 3 августа, благодаря энергіи и настойчивости прокурора Кіевской судебной палаты Чаплинскаго, былъ привлеченъ въ качествѣ обвиняемаго въ убійствѣ Андрюши и взятъ судебнымъ слѣдователемъ подъ стражу приказчикъ Зайцевскаго завода Мендель Бейлисъ, арестованный, еще за нѣсколько дней до привлеченія, жандармскимъ начальствомъ. Очень скоро послѣ этого, когда Вѣра Чеберякова была на нѣсколько дней взята въ административномъ порядкѣ подъ арестъ, въ ея отсутствіе заболѣли, при очень странной обстановкѣ, острымъ желудочнымъ разстройствомъ ея трое дѣтей. Изъ нихъ первымъ умеръ 8 августа Женя, такъ и не давъ правдиваго, откровеннаго показанія, за нимъ умерла Валя, а Люда, находившаяся нѣсколько дней между жизнью и смертью, выздоровѣла.

Послѣ этихъ событій, когда съ оффиціальными разслѣдователями, такъ старавшимися въ направленіи, столь нужномъ еврейству, пришлось разстаться, начинается новый періодъ—наступаетъ полоса частныхъ разслѣдованій, производимыхъ сыщиками-добровольцами, во главѣ которыхъ открыто становится со-

трудникъ «Кіевской Мысли» Бразуль-Брушковскій, христіанинъ, но женатый на еврейкѣ. Помогаетъ ему все тотъ же Выграновъ, но уже въ качествѣ добровольца, и, нѣсколько позже, къ веснѣ 1912 года, опять появляется Красовскій — тоже не какъ оффиціальное лицо, а какъ доброволецъ. Съ нимъ въ это время сотрудничаютъ еще два добровольца—Караевъ и Махалинъ. Естественно напрашивается вопросъ: кто же организовалъ эти добровольные розыски, стоившіе, прежде всего, большихъ денегъ. Пока къ слѣдователю являлись, по собственному побужденію, то Барщевскій, то Ордынскій, ихъ появленіе можно было объяснить личнымъ партизанскимъ усердіемъ, а то обстоятельство, что появленіе это происходило въ нужные для Мищука или Красовскаго моменты — случайнымъ совпаденіемъ. Во всякомъ случаѣ, Барщевскій и Ордынскій играли второстепенную роль. Теперь, послѣ привлеченія Бейлиса и послѣ устраненія Мищука и Красовскаго, появляется цѣлая группа лицъ, прекрасно спѣвшихся между собою и ведущихъ совокупными силами, вполнѣ согласованно, добровольные розыски на широкую ногу, не стѣсняясь расходами. Кто же ихъ организовалъ и кто далъ деньги? Если вѣрить ихъ объясненіямъ — никто. Они сами сошлись и сами тратили свои скудныя средства, руководимые единственнымъ побужденіемъ — служеніемъ правдѣ и правосудію, безкорыстнымъ желаніемъ раскрыть истину.

Къ описанію сего безкорыстнаго служенія и способовъ, коими безкорыстные служители раскрывали эту истину—и надлежитъ приступить.

Первымъ шагомъ Бразуля было сойтись поближе, при посредствѣ Выгранова, съ Вѣрою Чеберяковой. Оба начали посѣщать ее чуть не ежедневно и 6 декабря состоялась ихъ общая поѣздка изъ Кіева въ Харьковъ, о которой, однако, ея участники даютъ показанія настолько несхожія, что приходится каждое изъ показаній разбирать отдѣльно.

Разсказъ Чеберяковой сводится къ тому, что Бразуль и Выграновъ настаивали на необходимости свезти ее въ Харьковъ къ важному господину, члену Государственной Думы, который желаетъ поразспросить Чеберякову о дѣлѣ. Она согласилась и поѣхала на счетъ своихъ спутниковъ въ скоромъ поѣздѣ, во второмъ классѣ. Пріѣхавъ въ Харьковъ, остановились всѣ трое въ одной гостиницѣ, «Эрмитажѣ», и, закусивъ, пошли къ важному господину. Пришли они въ роскошно обставленную го-

стиницу—какъ выяснилось, лучшую изъ харьковскихъ гостиницъ, «Грандъ-Отель»—и тамъ, въ богатомъ номерѣ, состоялось свиданіе Чеберяковой съ незнакомымъ ей дотолѣ «членомъ Государственной Думы», который, какъ выяснилось впослѣдствіи, оказался кіевскимъ присяжнымъ повѣреннымъ и еврейскимъ «общественнымъ дѣятелемъ» Арнольдомъ Марголинымъ, сыномъ кіевскаго милліонера Давида Марголина. По удостовѣренію Чеберяковой, сей «важный господинъ», начавъ разговоръ объ убійствѣ Ющинскаго, сказалъ ей: «Ну, что-жъ, дѣтей не вернете, а остальное можно поправить: будете жить еще лучше, вотъ только намъ помогите», послѣ чего ей было предложено принять вину въ убійствѣ на себя, а за это сулили большія деньги.

Убѣждали не бояться — въ случаѣ чего, лучшіе защитники защищать будутъ, да и дѣло до суда не дойдетъ: ей такой документъ выправятъ, что днемъ съ огнемъ не найти, отвезутъ, куда угодно. Чеберякова отказалась. Ей посовѣтовали «подумать», и съ этимъ она вернулась въ «Эрмитажъ», гдѣ ее снова принялся уговаривать Бразуль, обѣщая, что, если она подпишетъ чистый листъ бумаги, то уже получитъ денегъ. Въ виду рѣшительнаго ея отказа, 8-го декабря собрались въ обратный путь. Вся поѣздка была обставлена большимъ секретомъ: отъ Чеберяковой требовали, чтобы она никому о ней не говорила и старались не оставить никакихъ слѣдовъ пребыванія въ Харьковѣ: Бразуль и Выграновъ запретили ей заворачивать дорожныя вещи харьковскими газетами; увидѣвъ коробочку пудры съ обозначеніемъ на коробочкѣ «Харьковъ», пудру высыпали въ бумажку, а коробочку выбросили. Тогда Чеберякова сообразила, что впослѣдствіи, если ей придется указать на харьковскую поѣздку, то указаніе это окажется бездоказательнымъ и ей могутъ совершенно не повѣрить, а потому постаралась такими доказательствами запастись: она послала домой изъ Харькова собственноручно написанное письмо, на коемъ, слѣдовательно, оказался поставленный въ Харьковѣ почтовый штемпель съ обозначеніемъ мѣста и времени отправленія. Далѣе, она взяла со стѣнки своего номера одно изъ объявленій гостиницы «Эрмитажъ» и, наконецъ, тамъ же на обояхъ незамѣтно написала свою фамилію — предусмотрительность, какъ увидимъ, не излишняя.

На разспросы Чеберяковой, Бразуль говорилъ ей, что «важный господинъ» имѣетъ въ своемъ распоряженіи большія деньги

Г. Г. ЗАМЫСЛОВСКІЙ.

«отъ общества», что поѣздка и проживаніе въ Харьковѣ — все на его счетъ, и что если Бразулю требуются деньги по этому дѣлу, то важный господинъ всегда даетъ. «Нужно ковать желѣзо, пока горячо» — добавлялъ Бразуль, а какъ-то черезъ нѣкоторое время сказалъ: «Металлъ все сдѣлаетъ».

Когда, черезъ значительный промежутокъ времени, Чеберякова сообщила о своей харьковской поѣздкѣ судебнымъ властямъ, то, несмотря на энергичныя распоряженія прокурора Кіевской судебной палаты Г. Г. Чаплинскаго, представило большія трудности установить, кто былъ тотъ постоялецъ «Грандъ-Отеля», въ номеръ котораго ходила Чеберякова. Только случайно, по ресторанному счету, удалось прокурорскому надзору выяснить, что это былъ Марголинъ. Ѣздившій по этимъ розыскамъ въ Харьковъ вмѣстѣ съ товарищемъ прокурора жандармскій подполковникъ Ивановъ удостовѣрилъ на судѣ, что они тогда разсматривали въ «Грандъ-Отелѣ» книгу для записи пріѣзжающихъ и отмѣтки о Марголинѣ въ ней не было. Затѣмъ, когда уже въ концѣ 1912 года судебный слѣдователь произвелъ осмотръ этой книги, то отмѣтка о Марголинѣ въ ней оказалась, но при слѣдующихъ особенностяхъ: записи въ книгѣ ведутся отдѣльно на каждую букву алфавита, а въ предѣлахъ этой буквы—въ хронологическомъ порядкѣ, по мѣрѣ пріѣзда постояльцевъ—какъ это дѣлается почти вездѣ въ крупныхъ гостиницахъ. Въ исключеніе изъ такого общаго порядка, запись о прибытіи «8 декабря 1911 г.» Марголина сдѣлана не тамъ, гдѣ ей надлежало бы быть. Она, внѣ всякой хронологической послѣдовательности, вписана между отмѣтками о лицахъ, останавливавшихся въ «Грандъ-Отелѣ» уже въ 1912 году. Въ книгу же для записи пріѣзжихъ, посылаемую изъ гостиницы въ полицію, Марголинъ и вовсе внесенъ не былъ, какъ пришлось признаться швейцару гостиницы Шульцу, заявившему, однако, что все это произошло по случайной ошибкѣ.

Спутники Чеберяковой, не имѣя возможности отрицать самой поѣздки, объяснили ее, разумѣется, совершенно иначе, чѣмъ Чеберякова.

Въ показаніи своемъ судебному слѣдователю по особо важнымъ дѣламъ (уже не Фененко, а Машкевичу) отъ 1 августа 1912 г. Бразуль-Брушковскій, разсказывая послѣдовательно ходъ событій и дойдя уже до января 1912 года, затѣмъ объясняетъ:

«На вашъ вопросъ о томъ, что за поѣздка была у меня въ Харьковъ съ Чеберяковой, отвѣчаю, что я опустилъ изъ виду это обстоятельство, хотя оно имѣло мѣсто въ декабрѣ... Однажды Чеберякова заявила, что она могла бы собрать свѣдѣнія у «блатныхъ» (т. е. у людей преступнаго міра) въ Харьковѣ. Она говорила такъ много всякихъ фамилій, что я не помню, на кого она указывала въ Харьковѣ, какъ на источникъ свѣдѣній. Кажется, она называла Лисунова. Разсказывая то, о чемъ мнѣ говорила Чеберякова, я у многихъ встрѣчалъ скептическое отношеніе къ сообщаемымъ ею свѣдѣніямъ. Мнѣ говорили, что я увлекаюсь. А, съ другой стороны, совѣтовали не оставлять Чеберяковой. Желая провѣрить себя, я задумалъ устроить встрѣчу Чеберяковой со свѣжимъ человѣкомъ и узнать, какое она произведетъ впечатлѣніе. Однажды я съ этой цѣлью пошелъ къ прис. повѣр. Марголину и предложилъ ему повидаться съ Чеберяковой и подѣлиться со мною впечатлѣніями отъ этой встрѣчи. Я ему сказалъ, что везу Чеберякову въ Харьковъ. Онъ сначала отказался, а затѣмъ согласился и подогналъ эту поѣздку, по соглашенію со мною, къ своей дѣловой поѣздкѣ въ Харьковъ. Наканунѣ поѣздки, или днемъ раньше, я сказалъ Чеберяковой, что въ Харьковѣ я ее представлю одному своему хорошему знакомому, гласному харьковской думы и журналисту. Чеберякова высказала подозрѣніе, не поведу ли я ее къ какому-либо сыщику, почему я и назвалъ Марголина гласнымъ харьковской думы. На вашъ вопросъ, зачѣмъ я скрывалъ Марголина подъ видомъ журналиста и гласнаго харьковской думы,— отвѣчаю, что я не нашелъ возможнымъ назвать его Чеберяковой, такъ какъ не желалъ его компрометировать, ибо знакомство съ Чеберяковой не могло ему сдѣлать чести... Выграновy я также не называлъ Марголина сначала и только, когда мы возвращались изъ Харькова, я назвалъ ему Марголина... Поѣздка эта состоялась на мой счетъ. На вашъ вопросъ о томъ, какія свѣдѣнія и гдѣ въ Харьковѣ Чеберякова добывала, чтобы оправдать поѣздку, отвѣчаю, что точнаго отвѣта на этотъ вопросъ дать не могу, такъ какъ задача добыванія свѣдѣній лежала главнымъ образомъ на Выграновѣ... Въ цѣляхъ конспираціи ни я, ни Выграновъ въ Харьковѣ у Чеберяковой не разспрашивали о томъ, добыла ли она какія-либо свѣдѣнія по дѣлу. На вашъ вопросъ, въ цѣляхъ какой конспираціи мы не разспрашивали Чеберякову о свѣдѣніяхъ, которыя она должна была до-

быть въ Харьковѣ, отвѣчаю: добываніемъ свѣдѣній отъ Чеберяковой цѣликомъ завѣдывалъ Выграновъ, и хотя я и бывалъ вмѣстѣ съ нимъ у Чеберяковой, тѣмъ не менѣе рискованные вопросы задавалъ ей Выграновъ не при мнѣ».

Однако и Выграновъ, старавшійся не разнорѣчить съ Бразулемъ, по вопросу о «добываніи свѣдѣній» ничего объяснить не могъ.

«Я вспомнилъ,—показываетъ онъ Слѣдователю,—что Чеберякова говорила о необходимости ей съѣздить въ Харьковъ и повидаться тамъ съ Лисуновымъ, который тогда, по ея словамъ, содержался въ харьковской тюрьмѣ... Бразуль сказалъ мнѣ, между прочимъ, что онъ въ Харьковѣ познакомитъ Чеберякову съ сотрудникомъ газеты, состоящимъ членомъ харьковской городской думы (не проще ли сказать—гласнымъ), который, какъ сотрудникъ газеты — какой, не говорилъ — интересуется также этимъ дѣломъ и поможетъ устроить ей свиданіе въ тюрьмѣ съ Лисуновымъ...Я сказалъ Чеберяковой объ этомъ, и она заявила мнѣ, то она сама себѣ устроитъ свиданіе съ Лисуновымъ... Впослѣдствіи я узналъ отъ Бразуля, что это былъ не членъ харьковской думы (опять: почему не просто «гласный»), а присяжный повѣренный Марголинъ. Я изъ деликатности не спрашивалъ у Бразуля, зачѣмъ понадобилась такая мистификація. Всѣ расходы по этой поѣздкѣ были оплачены Бразулемъ, но изъ какихъ средствъ, я не знаю... Выѣзжая изъ Кіева, я забылъ у себя на столѣ бумажникъ и документы, а потому и не могъ прописаться въ Харьковѣ».

Съ пропиской Марголина вышли ошибки, а тутъ опять такая разсѣянность... И еще недоразумѣніе: Бразуль называлъ все время Марголина членомъ думы *харьковской*, городской, а Чеберякова твердитъ, будто *Государственной*. Хотя, съ другой стороны, должно признать и то, что выдавать Марголина за члена харьковской думы, за харьковскаго гласнаго не было для Бразуля никакой надобности, ни малѣйшаго смысла.

Итакъ, поѣхали собирать свѣдѣнія и, главнымъ образомъ, повидаться съ содержавшимся въ харьковской тюрьмѣ Лисуновымъ, а свиданіе съ Марголинымъ было дѣломъ побочнымъ, второстепеннымъ. Но вотъ бѣда: рѣшительно никакихъ свѣдѣній не собрали и съ Лисуновымъ не видались, да и не могли видѣться. ибо *Лисунова въ то время вовсе не было въ Харьковѣ и въ харьковской тюрьмѣ онъ не содержался.*

Этого мало,—оказывается, Бразуль и Выграновъ взяли съ собою, *тайно отъ Чеберяковой*, человѣка, носившаго фамилію Перехристъ и служившаго въ «Кіевской Мысли» конторщикомъ, для спеціальнаго порученія: *незамѣтно отъ Чебяряковой, всюду слѣдить за нею въ Харьковѣ.*

Относительно свиданія Марголина съ Чеберяковой, и Бразуль, и Выграновъ, разумѣется, показали, что никакихъ предложеній принять вину на себя при этомъ не дѣлалось и о денежномъ вознагражденіи даже разговора не заходило.

Однако, и здѣсь не обошлось безъ досаднаго для нихъ недоразумѣнія. Въ показаніи Красовскаго, данномъ судебному слѣдователю Машкевичу, читаемъ:

«Марголинъ, по словамъ Бразуля, сказалъ Чеберякъ, что прогрессивная часть общества, представителемъ которой онъ является, очень заинтересована полнѣйшимъ раскрытіемъ этого дѣла и уничтоженіемъ версіи о ритуальномъ убійствѣ и что если она поможетъ *въ этомъ направленіи*, то будетъ *матеріально вознаграждена.* Въ случаѣ, если бы со стороны преступниковъ ей угрожала какая-либо опасность, ей *будетъ предоставлена возможность выѣхать*, куда она захочетъ».

Значитъ, разговоръ о вознагражденіи былъ! О, конечно, въ совершенно невинной формѣ... Подкупать Чеберякову никто и не думалъ... но все-таки говорили, что, при извѣстныхъ условіяхъ, матеріально вознаградятъ. Зачѣмъ же Бразуль отрицаетъ это вовсе?! Былъ, оказывается, разговоръ и о томъ, что, пожалуй, Чеберяковой придется куда-то выѣзжать, причемъ обезпечивали ей безпрепятственность такого выѣзда. Опять-таки, разумѣется, не въ томъ смыслѣ, какъ передаетъ Чеберякова: рѣчь шла не о томъ, чтобы бѣжать отъ преслѣдованія властей, а о томъ, чтобы укрыться отъ мести разоблаченныхъ преступниковъ. Но все же о чеберяковскомъ отъѣздѣ говорили.

Это топкое мѣсто, заключавшееся въ столь странныхъ противорѣчіяхъ съ Бразулемъ, Красовскій на судѣ обошелъ совершенно, не упомянулъ о немъ ни слова, а когда, по моей просьбѣ, соотвѣтствующая часть слѣдственнаго протокола была свидѣтелю, въ виду его запамятованія, оглашена, Красовскій упорнѣйшимъ образомъ затвердилъ, что не помнитъ, говорилъ ли онъ это слѣдователю, или нѣтъ, вслѣдствіе чего произошелъ такой діалогъ:

Замысловскій. Говорили вы это судебному слѣдователю?

Красовскій. Я уже три раза отвѣчалъ, что не помню.

Замысловскій. Но если слѣдователь записалъ, значитъ это такъ?

Красовскій. Нѣтъ, еще не значитъ, что это такъ.

Предсѣдатель. Да вы, свидѣтель посмотрите: этотъ протоколъ подписанъ вами?

(Свидѣтелю предъявляется протоколъ).

Красовскій. Подпись моя.

Предсѣдатель. Показаніе у слѣдователя вамъ тогда читали?

Красовскій. Да, какъ это обыкновенно бываетъ.

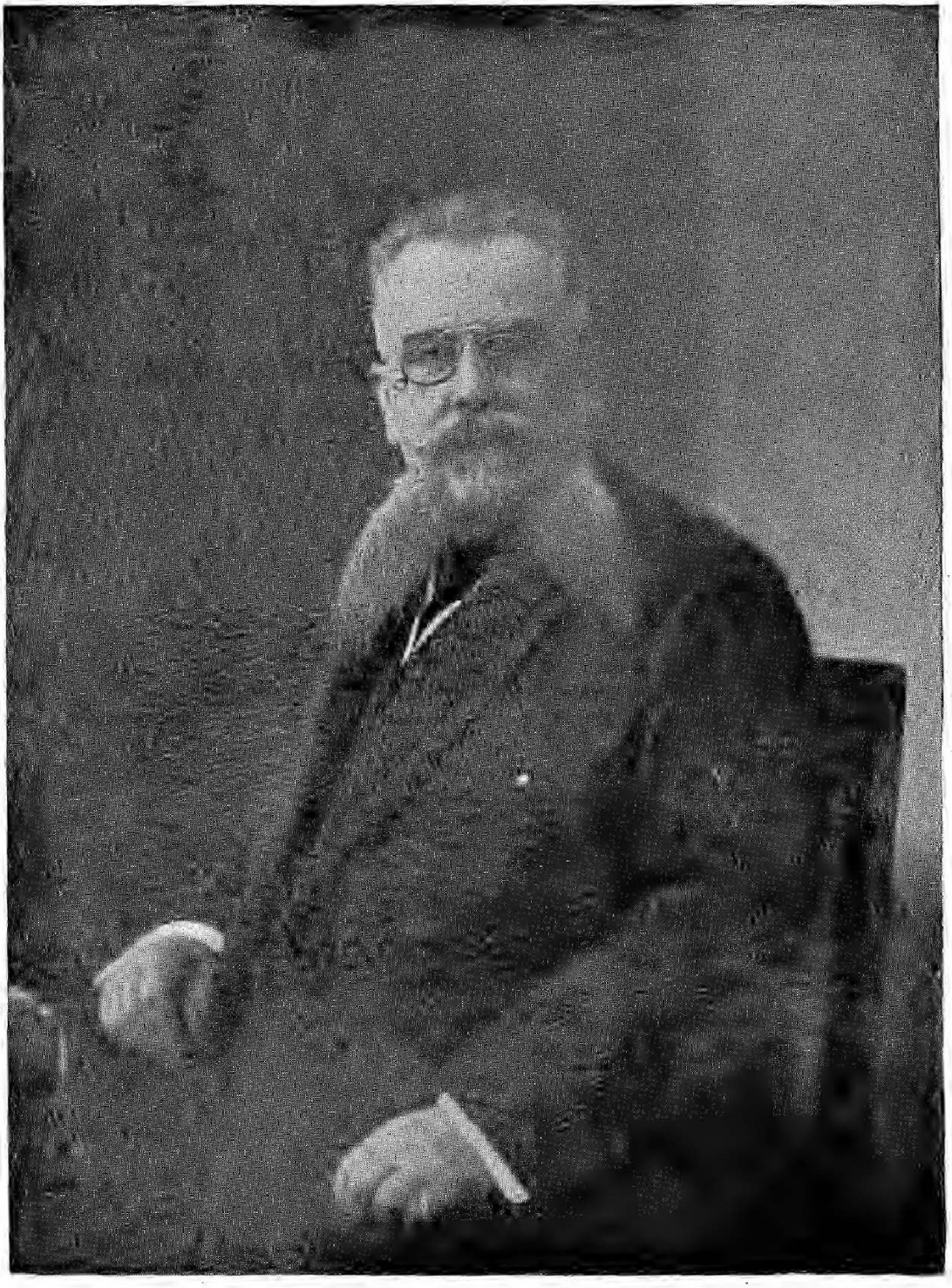
Итакъ, съ одной стороны, Бразуль утверждаетъ, что никакого разговора о вознагражденіи съ Чеберяковой не было, а съ другой—Красовскій, со словъ Бразуля, показалъ на предварительномъ слѣдствіи, что Чеберяковой сулили вознагражденіе за ея труды по раскрытію убійства въ опредѣленномъ направленіи.

Изъ столь затруднительнаго положенія Марголинъ вышелъ очень остроумно. Онъ занялъ среднюю позицію: то обстоятельство, что Чеберяковой на харьковскомъ свиданіи предлагалось вознагражденіе—отрицалъ, но, заявилъ свидѣтель, *если бы* оказалось, что Чеберякова разсчитываетъ на таковое, то онъ, Марголинъ, правда не самъ, а черезъ Бразуля, сказалъ бы ей... какъ разъ воспроизведенное намъ Красовскимъ: если она убійство раскроетъ, то будетъ вознаграждена, «ибо за всякій трудъ платятъ».

Про Бразуля Марголинъ сообщилъ, что это «человѣкъ очень искренній, очень честный — въ его работѣ проявлялось, я бы сказалъ, донкихотство въ самомъ лучшемъ смыслѣ этого слова».

По вопросу о той странной и крайне разнообразной, по своему общественному положенію, компаніи, которая собралась у него въ номерѣ, Марголинъ объяснилъ, что Выгранова раньше не зналъ, а Бразуль рекомендовалъ его, какъ вольнослушателя—онъ былъ въ студенческой тужуркѣ.

Когда я спросилъ Марголина на судѣ, находитъ ли онъ такой поступокъ Бразуля очень искреннимъ, очень честнымъ и донкихотскимъ, Марголинъ отвѣтилъ, что «къ себѣ онъ относится строже, чѣмъ къ другимъ. Полагаетъ, что поступокъ Бразуля былъ вызванъ непремѣннымъ желаніемъ, дабы свиданіе состоялось, и его знаніемъ Выгранова съ хорошей стороны».



Ф. А. БОЛДЫРЕВЪ, предсѣдатель Кіевскаго окружнаго суда.

На мой вопросъ, подавалъ ли Марголинъ руку своимъ гостямъ, онъ отвѣтилъ, что никому изъ нихъ тогда руки не подавалъ и пояснилъ: «Мнѣ кажется, что даже очень фешенебельно при первомъ знакомствѣ не подавать руки. Такъ это принято въ Западной Европѣ. Такъ что, если вы считаете, что я долженъ былъ быть фешенебельнымъ, то я былъ на высотѣ положенія».

Однако, Кіевскій окружный судъ, подъ предсѣдательствомъ Ф. А. Болдырева, а затѣмъ и судебная палата, видимо, не сошлись съ Марголинымъ во взглядѣ на фешенебельность и за харьковскую эпопею исключили его изъ сословія присяжныхъ повѣренныхъ.

Заключительная часть опредѣленія окружнаго суда, утвержденнаго судебною палатою, гласитъ слѣдующее:

Разсмотрѣвъ настоящее дѣло и выслушавъ заключеніе Прокурора Суда, полагавшаго исключить присяжнаго повѣреннаго Марголина изъ числа присяжныхъ повѣренныхъ, Общее Собраніе окружнаго суда находитъ: фактъ свиданія Вѣры Чеберякъ въ Харьковѣ съ присяжнымъ повѣреннымъ Марголинымъ не подлежитъ сомнѣнію и имъ не оспаривается; что же касается цѣли этой поѣздки Чеберяковой въ Харьковъ, то въ распоряженіи Общаго Собранія имѣются два источника; съ одной стороны показаніе Вѣры Чеберякъ, а съ другой показанія Бразуля и Выгранова и объясненіе Марголина, сходныя по существу между собою, но противорѣчащія объясненію по этому поводу Чеберяковой. При оцѣнкѣ этихъ двухъ источниковъ въ связи съ имѣющимися въ дѣлѣ свѣдѣніями, необходимо, по мнѣнію Общаго Собранія, остановиться на первомъ изъ нихъ — показаніи Чеберякъ, какъ на наиболѣе соотвѣтствующемъ всѣмъ даннымъ. Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что распорядителями поѣздки въ Харьковъ Вѣры Чеберякъ отъ начала и до конца ея, въ смыслѣ выбора дня и часа, являлись Бразуль и Выграновъ, причемъ поѣздка эта совпадаетъ со днемъ отъѣзда Марголина изъ Кіева, а возвращеніе — со временемъ отъѣзда Марголина изъ Харькова. Всѣ расходы, связанные съ этой поѣздкой и пребываніемъ въ Харьковѣ, принимаетъ на себя Бразуль. Объ арестантѣ Лисуновѣ за все время поѣздки не только не вспоминаютъ, но даже ни Бразуль, ни Выграновъ, ни Марголинъ предварительно не озаботились узнать и провѣрить, содержался ли Лисуновъ въ это время въ харьковской тюрьмѣ, гдѣ онъ на самомъ дѣлѣ и не содержался въ теченіе всего 1911 года, и какія основанія имѣлись у Чеберякъ разсчитывать на самую возможность для нея добиться свиданія съ арестантомъ. Наконецъ, спеціально командированный для наблюденія за дѣйствіями Чеберякъ — Перехристъ сообщилъ Бразулю и Выгранову лишь на обратномъ пути изъ Харькова въ Кіевъ о томъ, что Чеберякъ въ этомъ направленіи ничего не предпринимала. Съ другой же стороны изъ дѣла видно, что

Чеберякъ выходила изъ гостиницы на свиданіе съ Марголинымъ сейчасъ же по пріѣздѣ въ Харьковъ.

Между тѣмъ ни Бразуль, ни Выграновъ не заботятся о томъ, чтобы по прибытіи въ Харьковъ была достигнута главная, по ихъ словамъ, цѣль поѣздки туда—полученіе черезъ Лисунова новыхъ свѣдѣній по дѣлу объ убійствѣ Ющинскаго, не интересуются даже въ Харьковѣ, видѣлась ли Чеберякова съ Лисуновымъ, несмотря на то, что поѣздка эта повлекла за собой у Бразуля значительный расходъ, достигающій, повидимому, ста или болѣе рублей. Вмѣстѣ съ тѣмъ и объясненіе Марголина о поѣздкѣ его въ Харьковъ для того, чтобы навести справку въ Харьковской Судебной Палатѣ о положеніи двухъ частныхъ жалобъ, поданныхъ на опредѣленіе Екатеринославскаго окружнаго суда или имъ, Марголинымъ, какъ юрисконсультомъ Общества пароходства по Днѣпру, или его помощниками (но этого онъ точно не помнитъ) и кстати увидѣться по настоянію Бразуля съ Чеберяковой, не заслуживаетъ, по мнѣнію Общаго Собранія, довѣрія, ибо подобную справку Марголинъ могъ съ успѣхомъ навести черезъ присяжнаго повѣреннаго Носалевича, на котораго онъ ссылается въ своемъ прошеніи, и если онъ поѣхалъ въ Харьковъ, то главнымъ образомъ, какъ полагаетъ Общее Собраніе отдѣленій суда, для условленнаго свиданія и бесѣды съ Чеберяковой и уже кстати навелъ справку по помянутымъ дѣламъ въ Харьковской Судебной Палатѣ.

Изложенныя данныя и соображенія приводятъ Общее Собраніе къ убѣжденію въ томъ, во-первыхъ, что иниціатива поѣздки въ Харьковъ исходила отъ Бразуля, Выгранова и Марголина, и во-вторыхъ, въ томъ, что исключительной цѣлью ея было свиданіе послѣдняго съ Чеберякъ. Исходя изъ этого положенія и обращаясь къ разрѣшенію вопроса, какова же была цѣль такого свиданія и въ чемъ заключалась сущность переговоровъ Чеберякъ съ Марголинымъ, Общее Собраніе не находитъ возможнымъ признать вполнѣ доказаннымъ утвержденіе Чеберякъ, что ей предложено было Марголинымъ и другими лицами въ его присутствіи принять за вознагражденіе на себя вину въ убійствѣ Ющинскаго, такъ какъ показаніе Чеберякъ въ этой части не могло быть вполнѣ провѣрено другими объективными данными. Однако, несмотря на значительное противорѣчіе между показаніемъ Вѣры Чеберяковой и объясненіемъ присяжнаго повѣреннаго Марголина, и показаніемъ Бразуль-Брушковскаго, изъ нихъ можно сдѣлать несомнѣнный выводъ, что предметомъ переговоровъ между Чеберяковой и Марголинымъ было дѣло объ убійствѣ Андрея Ющинскаго. Что касается вопроса о томъ, было ли сдѣлано Марголинымъ предложеніе Чеберяковой принять вину въ убійствѣ Ющинскаго на себя, или же Марголинъ, какъ показывалъ на предварительномъ слѣдствіи свидѣтель Красовскій со словъ Бразуля, убѣждалъ тогда Чеберякову помочь раскрыть дѣло объ убійствѣ Ющинскаго и уничтожить версію о ритуальномъ убійствѣ, за что обѣщалъ Чеберяковой матеріальное вознагражденіе, или наконецъ въ Харьковѣ велись переговоры съ Чеберяковой о томъ, чтобы она выступила лжесвидѣтель-

ницей по версіи объ убійствѣ Ющинскаго Мифле и другими [1]), при обсужденіи неправильныхъ дѣйствій присяжнаго повѣреннаго Марголина по данному дѣлу рѣшающаго значенія не имѣетъ, но съ несомнѣнностью лишь нужно прійти къ выводу, что Чеберякову возили тогда въ Харьковъ для какихъ-то переговоровъ съ Марголинымъ по дѣлу Ющинскаго, причемъ и самъ Марголинъ, и лица, сопровождавшія Чеберякову, ясно сознавали, что переговоры эти по своему содержанію были неэтичны и предосудительны и могли вызвать серьезныя послѣдствія въ смыслѣ отвѣтственности для прис. повѣр. Марголина, разъ это обнаружится въ будущемъ. Этимъ-то и объясняется, по мнѣнію Общаго Собранія, что мѣстомъ встрѣчи Чеберяковой съ Марголинымъ былъ избранъ другой большой городъ, находящійся отъ Кіева сравнительно въ значительномъ разстояніи, и поѣздка Чеберяковой обставлялась конспираціей, какъ заявилъ Выграновъ и какъ это ясно слѣдуетъ изъ всѣхъ предшествующихъ и сопровождавшихъ поѣздку обстоятельствъ, причемъ отъ Чеберяковой скрывается мѣсто свиданія съ Марголинымъ до самаго отъѣзда изъ Кіева, Марголина при свиданіи называютъ ей членомъ Государственной или Харьковской Думы, самъ Марголинъ также старается скрыть свою поѣздку въ Харьковъ. Если бы согласиться съ Марголинымъ относительно цѣли свиданія, характера бесѣды и побужденій, которыми Марголинъ руководствовался, скрывая отъ Чеберяковой свою фамилію, то представляется необъяснимымъ, почему мѣстомъ встрѣчи съ Чеберяковой былъ избранъ гор. Харьковъ, а не какой либо ресторанъ или гостиница города Кіева, гдѣ при желаніи Марголинъ съ одинаковымъ успѣхомъ могъ бы сохранить свое инкогнито, причемъ такое свиданіе не повлекло бы за собой значительныхъ денежныхъ расходовъ, какъ въ данномъ случаѣ на поѣздку въ гор. Харьковъ, и непроизводительной траты времени по поѣздкѣ.

Поведеніе Мерголина, Бразуля и Выгранова въ Харьковѣ и показаніе Вѣры Чеберяковой даютъ полное основаніе сдѣлать предположеніе, что цѣлью свиданія Марголина съ Чеберяковой и переговоровъ его съ нею было стремленіе освободить отъ отвѣтственности Менделя Бейлиса и уничтожить версію о ритуальномъ характерѣ убійства Ющинскаго, какое предположеніе находитъ себѣ подтвержденіе какъ въ показаніи свидѣтеля Митрофана Петрова [2]), удостовѣрившаго, что по возвращеніи изъ Харькова Бразуль-Брушковскій разсказывалъ ему объ этой поѣздкѣ и называлъ Чеберякову «дурой» за то, что она не приняла предложенныхъ ей условій, такъ и въ томъ, что послѣ свиданій съ Марголинымъ Чеберякова чувствовала себя въ опасности и старалась сохранить доказательства своего пребыванія въ Харьковѣ, для чего она послала изъ Харькова письмо своему мужу, написала свое имя на обояхъ того номера, гдѣ жила, взяла плакатъ своей гостиницы.

---

[1]) См. ниже.

[2]) См. ниже.

Кромѣ того свидѣтель Красовскій со словъ Бразуля-Брушковскаго удостовѣрилъ на предварительномъ слѣдствіи, что Марголинъ, какъ видный дѣятель еврейскаго общества въ Кіевѣ, былъ заинтересованъ въ томъ, чтобы разъяснить дѣло объ убійствѣ Ющинскаго—и разсѣять создавшуюся версію о ритуальномъ убійствѣ, а потому и согласился на свиданіе съ Чеберяковой въ гор. Харьковѣ, причемъ на этомъ свиданіи Марголинъ обѣщалъ матеріальное вознагражденіе Чеберяковой, если она поможетъ раскрытію дѣла Ющинскаго и уничтоженію версіи о ритуальномъ убійствѣ.

Въ виду изложеннаго Общее Собраніе Отдѣленій Кіевскаго окружнаго суда признаетъ доказаннымъ:

1) что иниціатива поѣздки Вѣры Чеберякъ въ Харьковъ исходила если не всецѣло отъ присяжнаго повѣреннаго Марголина, то, съ его вѣдома и одобренія, отъ Бразуля;

2) что единственной цѣлью этой поѣздки было свиданіе Марголина съ Чеберяковой для переговоровъ по дѣлу объ убійствѣ Ющинскаго;

3) что переговоры эти велись присяжнымъ повѣреннымъ Марголинымъ съ Чеберяковой, которая являлась однимъ изъ главныхъ свидѣтелей по помянутому дѣлу, причемъ переговоры велись въ то время, когда Марголинъ предполагалъ быть защитникомъ Бейлиса, и

4) что самые переговоры Марголина съ Чеберяковой по характеру своему являлись недопустимыми и предосудительными.

Описанныя дѣйствія присяжнаго повѣреннаго Марголина противорѣчатъ основной задачѣ его профессіональной дѣятельности—служить идеѣ правосудія порядкомъ и мѣрами, закономъ установленными. Допущеніе подобныхъ неправильныхъ дѣйствій по столь серьезному дѣлу, какъ убійство, въ связи съ тѣмъ, что Марголинъ вступилъ въ дѣло защитникомъ лица, привлеченнаго къ слѣдствію въ качествѣ обвиняемаго вскорѣ послѣ переговоровъ съ одной изъ главныхъ свидѣтельницъ по дѣлу, является важнымъ нарушеніемъ со стороны Марголина своего профессіональнаго долга, почему и должно повлечь за собой примѣненіе къ Марголину отвѣтственности, указанной въ 4 п. 368 ст. учр. суд. уст., —а именно исключеніе его изъ числа присяжныхъ повѣренныхъ, каковое дисциплинарное наказаніе Общее Собраніе и избираетъ для Марголина.

Излишне распространяться, какую путаницу, какое вліяніе на ходъ дѣла, особенно въ то время, могло произвести письменное признаніе Чеберяковой, что она убивала, въ особенности если бы одновременно Чеберякова исчезла, пропала безъ вѣсти.

Дружба Бразуля съ Чеберяковой продолжалась и послѣ. Между прочимъ, по удостовѣренію Чеберяковой, Бразуль нѣсколько разъ былъ съ нею въ ресторанахъ то вмѣстѣ съ Выграновымъ, то съ Красовскимъ, то съ незнакомыми ей людьми, оказавшимися сотрудниками «Кіевской Мысли» Ордынскимъ и

Яблоновскимъ. Бразуль въ своемъ показаніи объяснилъ это послѣднее обстоятельство все тѣмъ же желаніемъ показать Чеберякову свѣжимъ людямъ; Чеберякова же удостовѣряла, что свиданія эти неизмѣнно оканчивались прямыми или косвенными уговорами со стороны Бразуля, Выгранова или Красовскаго, чтобы она приняла вину на себя. Какъ-то разъ Бразуль при этомъ жаловался, что у него больше нѣтъ силъ: ему пришлось быть въ обществѣ, гдѣ незнавшіе его въ лицо ругали его жидовскимъ наймитомъ и ему пришлось краснѣть. Относительно ресторанаго угощенія между показаніями Бразуля и Чеберяковой тоже возникло сильное разнорѣчіе. Въ то время, какъ Бразуль говорилъ, что пили сельтерскую воду, Чеберякова разсказывала о крупныхъ счетахъ и о шампанскомъ.

Между тѣмъ, предварительное слѣдствіе по дѣлу объ убійствѣ Ющинскаго шло своимъ чередомъ и 5 января 1912 г. было закончено, послѣ чего, съ составленнымъ 10 января обвинительнымъ актомъ о Бейлисѣ получило дальнѣйшее движеніе. Становилось очевиднымъ, что Бейлису суда не избѣжать, и вотъ 18 января Бразуль-Брушковскій подаетъ прокурору Кіевскаго окружнаго суда оффиціальное письменное заявленіе, гдѣ излагаетъ, что убійство Ющинскаго,—«дѣло рукъ шайки преступниковъ», о дѣятельности которыхъ многое было извѣстно Ющинскому; это и побудило ихъ убить мальчика, являвшагося для нихъ постоянно угрозою, причемъ, «для сокрытія слѣдовъ преступленія и направленія слѣдственныхъ властей въ другую сторону», имѣлось въ виду «инсценировать ритуальное убійство». Убивали вблизи пещеры Лука Приходько, Федоръ Нѣжинскій, два брата Мифле, Назаренко и еще какое-то неизвѣстное лицо. Къ мѣсту убійства Ющинскій былъ приведенъ Назаренкомъ, а первый ударъ ему нанесенъ Нѣжинскимъ. О добытыхъ данныхъ Бразуль-Брушковскій счелъ необходимымъ довести до свѣдѣнія властей, «все еще не теряя вѣры въ то, что слѣдствіе возвратится на вѣрный путь».

Главными свидѣтелями, могущими подтвердить достовѣрность всего изложеннаго въ заявленіи, были указаны Бразулемъ Чеберякова и нѣкій Митрофанъ Петровъ—мастеровой, столяръ, хорошій знакомый Чеберяковой, жившій даже послѣдніе нѣсколько мѣсяцевъ у нея на квартирѣ. Что касается проживавшихъ тамъ же, невдалекѣ, на Лукьяновкѣ, братьевъ Мифле, то одинъ изъ нихъ, Павелъ, былъ раньше въ очень близкихъ отноше-

ніяхъ съ Чеберяковой и та, изъ ревности, плеснула ему въ лицо кислотой, послѣ чего Павелъ Мифле почти совершенно ослѣпъ. Тогда Чеберякова съ нимъ помирилась и стала носить ему ежедневно обѣдъ, но, незадолго до подачи Бразулемъ его заявленія, осенью 1911 г., между Чеберяковой и Павломъ Мифле опять произошла ссора, причемъ Мифле довольно серьезно побилъ Чеберякову.

Совершенная вздорность бразулевскаго заявленія выяснилась очень быстро. О полной непричастности родственниковъ къ убійству Андрюши изложено достаточно. Участіе въ убійствѣ слѣпого Мифле, само по себѣ, было невѣроятно и, наконецъ, относительно Назаренки установлено, что 12 марта 1911 г., въ день убійства, онъ содержался подъ стражею.

Допрошенный въ качествѣ свидѣтеля Митрофанъ Петровъ показалъ на предварительномъ слѣдствіи, а затѣмъ подтвердилъ подъ присягою и на судѣ, что съ Выграновымъ и Бразулемъ познакомился черезъ Чеберякову, которую они объ этомъ просили. Бразуль и Выграновъ многократно угощали его въ ресторанахъ, убѣждая, что Бейлисъ ни въ чемъ неповиненъ, что нужно быть младенцемъ, дабы повѣрить въ «ритуальность» убійства и что, согласно провѣреннымъ свѣдѣніямъ, у нихъ имѣющимся, убивали Павелъ Мифле, Нѣжинскій, Назаренко. На вопросъ Петрова, зачѣмъ этимъ людямъ понадобилось убивать Ющинскаго, Выграновъ отвѣтилъ, что и самъ не знаетъ, зачѣмъ. Далѣе, Выграновъ показывалъ, и даже читалъ, копіи слѣдственнаго производства, говоря, что достать ихъ удалось съ большимъ трудомъ. Наконецъ, передъ подачею прокурору бразулевскаго заявленія, Выграновъ и Бразуль начали уговаривать Петрова подтвердить передъ властями все, тамъ написанное, обѣщая плату. На возраженіе Петрова, что не можетъ же онъ подтверждать обстоятельства, ему неизвѣстныя, его стали убѣждать, пусть онъ подтвердитъ хотя бы въ видѣ предположенія— это, молъ, не будетъ свидѣтельское показаніе, а потому и бояться нечего. Въ концѣ концовъ, Петровъ согласился и, будучи затѣмъ вызванъ, послѣ подачи Бразулемъ заявленія, къ жандармскому подполковнику Иванову, тамъ подтвердилъ. Однако, черезъ нѣкоторое время, Выграновъ сообщилъ Петрову, что бразулевскаго заявленія для освобожденія Бейлиса оказалось недостаточно и что было бы правдоподобнѣе всего, если бы Чеберякова приняла вину на себя, такъ какъ у Чеберяковыхъ

часто бывалъ Ющинскій. Вслѣдъ затѣмъ Выграновъ сказалъ, что достанетъ такую тетрадь, какая была у Ющинскаго, а онъ, Петровъ, сможетъ подбросить ее Чеберяковой и такимъ образомъ Чеберякову изобличить. Однако, отъ такой продѣлки Петровъ отказался наотрѣзъ, сказавъ, что пока дѣло шло о предположеніяхъ, онъ еще могъ ихъ высказывать, но подбрасывать кому-нибудь вещи — не согласенъ. На этомъ и порвались его отношенія къ Выгранову и Бразулю. Еще раньше, послѣ харьковской поѣздки, про которую онъ, Петровъ, зналъ, Бразуль говорилъ ему, что Чеберякова дура: ей предлагали въ Харьковѣ и деньги, и документъ, обѣщали перевести черезъ границу, лишь бы приняла вину на себя, но она не согласилась. Самъ онъ, Петровъ, получилъ отъ Бразуля, послѣ того, какъ подтвердилъ бразулевское заявленіе, 50 рублей.

Чеберякова, также, какъ и Петровъ, показала сначала слѣдователю Машкевичу, а потомъ и на судѣ, что бразулевское заявленіе подтвердила властямъ вслѣдствіе уговоровъ, просьбъ и посуловъ Бразуля, получивъ отъ него тогда же 25 рублей и спустя нѣкоторое время 10 рублей. Еще раньше, когда она отказывалась принять вину на себя, Бразуль говорилъ: «Ну, тогда будемъ продолжать, что начали—ахнемъ на Мифле». Затѣмъ какъ-то Выграновъ обратился къ ней съ порученіемъ узнать, нѣтъ ли у Мифле бумаги съ проколами, такой, какую нашли у трупа Ющинскаго. На отвѣтъ Чеберяковой, что такую бумагу она видала у рабочихъ, везшихъ кирпичъ отъ Бейлиса, Выграновъ сказалъ: «Васъ не про Бейлиса спрашиваютъ, а про Мифле». Кромѣ 25 и 10 рублей, о которыхъ уже упомянуто, она какъ-то получила отъ Бразуля черезъ Выгранова еще 20 рублей. Потомъ Бразуль даже спросилъ, сколько передалъ ей Выграновъ. Она отвѣтила, что 20 рублей, а Бразуль сказалъ, что далъ въ тотъ разъ Выгранову для передачи ей не 20, а 25 рублей.

Такъ какъ измышленность поданнаго Бразулемъ 18 января 1912 г. заявленія обнаружилась съ полной очевидностью и весьма быстро, то никакого вліянія на дальнѣйшее движеніе дѣла это заявленіе и не возымѣло. Дѣло было назначено къ слушанію на 17 мая 1912 г., безъ обращенія его къ дослѣдованію. 6 мая 1912 г. поступило къ властямъ новое заявленіе Бразуля, что убійство Ющинскаго совершено въ квартирѣ Чеберяковой, съ ея вѣдома и участія, ворами Сингаевскимъ, Рудзинскимъ и Латышевымъ.

Такъ какъ у Бразуля нашлись новые свидѣтели, начавшіе подтверждать эту его версію, то для приведенія въ полную ясность сихъ новыхъ обстоятельствъ, дѣло, уже готовое къ слушанію, пришлось обратить опять къ производству слѣдствія, къ дослѣдованію, которое закончилось лишь въ апрѣлѣ 1913 г. Такимъ образомъ, слушаніе дѣла оказалось отложеннымъ больше, чѣмъ на годъ и состоялось лишь въ сентябрѣ 1913 г. Дослѣдованіе производилось уже не Фененкою, а слѣдователемъ по особо важнымъ дѣламъ С.-Петербургской судебной палаты Машкевичемъ.

Подробно разбирать эту новую версію будемъ въ слѣдующихъ главахъ, а пока вернемся все къ тому же Бразулю-Брушковскому. На протяженіи четырехъ мѣсяцевъ—съ 18 января до 6 мая — онъ подалъ властямъ два заявленія, совершенно исключающія одно другое. По первому заявленію оказывалось, что убивали родственники съ Мифле и Назаренкою, а Чеберякова — главная ихъ изобличительница. По второму заявленію — что убійство у самой Чеберяковой и совершалось, при ея участіи, на ея квартирѣ. Чтобы выйти изъ такого противорѣчія, Бразуль не задумался отъ перваго заявленія отречься совершенно. Судебному слѣдователю Машкевичу онъ показалъ, что, подавая первое заявленіе, своимъ же свѣдѣніямъ не довѣрялъ, а опубликовалъ ихъ лишь съ «тактическою цѣлью» — внести тѣмъ раздоръ въ преступную среду и такимъ образомъ создать благопріятную почву для разъясненія дѣла. Онъ лично, — вопреки тому, что написано въ первомъ заявленіи,— увѣренъ, что убивавшіе Ющинскаго не думали о ритуальномъ убійствѣ и поддѣлкѣ подъ него.

Еще труднѣе было изворачиваться Бразулю на судѣ подъ перекрестнымъ допросомъ. Съ самаго начала Бразуль заявилъ, что отношенія его къ Чеберяковой дѣлились на три періода: во-первыхъ, періодъ полной вѣры, тянувшійся вплоть до перваго заявленія, т. е. до 18 января 1912 г.; во-вторыхъ, періодъ и вѣры и недовѣрія, окончившійся ко второму заявленію, т.-е. къ 6 мая 1912 г. и, наконецъ, третій періодъ — полнаго недовѣрія. Достаточно ясно, для чего понадобилась Бразулю эта теорія трехъ періодовъ. Разъ онъ утверждаетъ, что въ Харьковъ ѣздили для свиданія Чеберяковой съ Лисуновымъ, котораго въ Харьковѣ вовсе и не было, то объяснить сей противный здравому смыслу поступокъ можно единственно вѣрой въ Чеберя-

кову. Если онъ, Бразуль, подалъ доносъ, гдѣ обвиняетъ въ убійствѣ ни въ чемъ неповинныхъ родственниковъ Андрюши, слѣпого Мифле и какого-то Назаренку, сидѣвшаго во время убійства подъ стражею, если теперь его же, Бразуля, интересы требуютъ отъ этого доноса отпереться—то на что же можно еще сослаться, какъ не на довѣріе къ Чеберяковой; если, наконецъ, въ настоящее время нужно на самое Чеберякову взводить обвиненіе въ убійствѣ, ибо иного выхода изъ положенія нѣтъ, то какое же иное заявленіе возможно, какъ не то, что полная вѣра смѣнилась полнымъ недовѣріемъ. Однако, лишь только удалось Бразулю вытащить хвостъ, какъ у него завязъ носъ, ибо естественно послѣдовалъ вопросъ, чѣмъ же собственно, какими дѣлами и подвигами удалось Чеберяковой, при ея весьма скверной репутаціи, снискать довѣріе Бразуля. Увы, ни одного факта Бразуль, какъ и слѣдовало ожидать, привести не могъ, но съ выводомъ, что, значитъ, вѣра была слѣпая, безотчетная—упорно не хотѣлъ согласиться. Далѣе, Бразулю пришлось признать, что, согласно его собственному разсказу, Чеберякова его въ Харьковѣ надула—никакихъ свѣдѣній тамъ не собирала, да еще изобрѣла про Лисунова. И однако, видя такое надувательство, Бразуль продолжалъ вѣрить до 18 января! Но при этомъ, однако, не затруднился для негласнаго наблюденія за Чеберяковой, тайно отъ нея, приставить къ ней особаго человѣка—поступокъ изумительный въ отношеніи той, которой такъ вѣришь! Въ этихъ противорѣчіяхъ Бразуль запутался безнадежно, а такъ какъ онъ, вдобавокъ, очень обижался на то, что дѣянія его называли сыскомъ, а заявленія—доносами, то защитники подсудимаго, въ лицѣ присяжныхъ повѣренныхъ Карабчевскаго и Маклакова, не замедлили протянуть утопающему руку помощи, въ результатѣ чего произошелъ такой діалогъ:

Карабчевскій. Вы не слышали о томъ, что во время запутанныхъ процессовъ какіе-либо литераторы принимали участіе въ разслѣдованіи? Вы не знаете объ этомъ изъ литературы? Можетъ быть, лавры этихъ литераторовъ не давали вамъ спать?

Бразуль-Брушковскій. Не то, что не давали спать, но я зналъ, что такіе случаи бывали за границей; я зналъ, однако, и то, что тѣ пріемы, которые примѣнимы за границей, непримѣнимы у насъ въ Россіи. Я во всякомъ случаѣ думаю, что границъ не перешелъ.

Карабчевскій. Не имѣли ли вы свѣдѣній изъ литературы, что въ дѣлѣ о Филоновѣ принималъ участіе Короленко, а въ дѣлѣ братьевъ Скитскихъ—Дорошевичъ, извѣстный журналистъ? Или у васъ были какія-нибудь спеціальныя побужденія?

Бразуль-Брушковскій. Нѣтъ. Спеціальныхъ побужденій у меня не было, а былъ цѣлый рядъ входящихъ соображеній о томъ, что это дастъ мнѣ возможность выдвинуться, что это дастъ мнѣ заработокъ.

Маклаковъ. Вы думали, что деньги вамъ вернутся, траты ваши окупятся.

Бразуль-Брушковскій. Я былъ увѣренъ, что деньги мои не пропадутъ.

Маклаковъ. Такъ что вы тратили послѣднія деньги въ надеждѣ, что онѣ сторицей вернутся?

Бразуль-Брушковскій. Да.

Замысловскій. Вы надѣялись, что деньги вамъ вернутся. Можетъ быть онѣ уже вернулись?

Отвѣта на мой вопросъ не послѣдовало, ибо меня остановилъ предсѣдатель,—какъ мнѣ думается, незаслуженно, ибо, если можно спрашивать о свѣдѣніяхъ свидѣтеля по литературѣ и о его надеждахъ покрыть свои расходы въ будущемъ, то почему же нельзя спросить, не покрылись ли они въ настоящемъ?

Впрочемъ, съ «расходами» положеніе Бразуля тоже оказалось не изъ блестящихъ, что можно усмотрѣть хотя бы изъ такой страницы допроса:

Членъ суда Юркевичъ. Свидѣтель, давали вы деньги когда-нибудь Петрову, сколько и за что?

Бразуль-Брушковскій. Никогда не давалъ.

Членъ суда Юркевичъ. Не давали вы ему 50 рублей за то, чтобы онъ подтвердилъ ваше заявленіе, поданное 18 января?

Бразуль-Брушковскій. Нѣтъ.

Карабчевскій. Петрову, вообще, не за то, чтобы онъ показывалъ, а за какія-либо другія услуги вы какія-нибудь деньги давали?

Бразуль-Брушковскій. Давалъ мелкими суммами.

Предсѣдатель. Вы сейчасъ на вопросъ члена суда отвѣтили, что никакихъ денегъ Петрову не давали — ни 50 рублей, ни вообще—а на вопросъ защитника сказали, что мелкими суммами давали.

Бразуль-Брушковскій. Мелкими суммами давалъ.

Приглашается свидѣтель Петровъ.

Предсѣдатель. Свидѣтель Петровъ, вы слышали, Бразуль-Брушковскій говоритъ, что не давалъ вамъ 50 рублей.

Петровъ. Я получилъ отъ него и 50 и 25 рублей.

Предсѣдатель. За что?

Петровъ. 25 рублей я получилъ отъ Бразуля, чтобы внести въ казначейство наложенный на меня штрафъ за ношеніе револьвера, 50 рублей за подачу заявленія.

Предсѣдатель. Свидѣтель Бразуль-Брушковскій, вы удостовѣряете, что ни 25, ни 50 рублей не давали?

Бразуль-Брушковскій. Я денегъ ему не давалъ. Чеберякова просила освободить его отъ штрафа за ношеніе оружія, и я внесъ за него 25 рублей.

Замысловскій. Свидѣтель Петровъ, на эти 25 руб. въ казначействѣ должна быть росписка?

Петровъ. Да.

Замысловскій. Такъ что, если бы Бразуль-Брушковскій вздумалъ это отрицать, то имѣется росписка.

Петровъ. Безусловно.

Замысловскій. Значитъ, на 25 рублей есть росписка, а на 50 рублей росписки нѣтъ?

Петровъ. Нѣтъ.

Какое тонкое разграниченіе понятій! 25 рублей *Петрову* не давалъ, но 25 рублей *за Петрова* вносилъ... Значитъ, такъ или иначе, а 25 рублей отъ Бразуля въ пользу Петрова пошли. Этого не можетъ отрицать и самъ Бразуль, ибо есть квитанція. Но въ такомъ случаѣ очень искреннему, очень честному и донкихотствующему Бразулю не мѣшало бы объяснить, за что, собственно, онъ былъ такъ щедръ въ отношеніи Петрова.

Не лишнее добавить, что въ показаніи своемъ Бразуль нѣсколько разъ подчеркивалъ, въ какое стѣсненное матеріальное положеніе онъ попалъ во время своего «служенія правосудію», изъ-за крупныхъ расходовъ, вызванныхъ этимъ служеніемъ. У него, де, накопился чуть не цѣлый пукъ ломбардныхъ квитанцій на заложенныя вещи. Однако, не замедлило выясниться, что очень скоро послѣ подачи своего второго заявленія отъ 6 мая Бразуль уѣхалъ на довольно продолжительное время въ Крымъ, на курортъ, чего раньше за нимъ не водилось.

Жандармскій подполковникъ Ивановъ, вызванный на судъ по ходатайству защиты и дававшій свое свидѣтельское показаніе послѣ Бразуля, удостовѣрилъ, что по свѣдѣніямъ безусловно достовѣрнымъ, за точность которыхъ онъ ручается, всѣ лица, принимавшія участіе въ добровольномъ разслѣдованіи, получали вознагражденіе. Суммами до 50 рублей завѣдывалъ Бразуль, выше 50 рублей—присяжный повѣренный Виленскій; самъ Бразуль, когда ѣздилъ въ Крымъ, получилъ три тысячи рублей.

Опроверженій этихъ фактовъ на судѣ мы отъ Бразуля не слыхали.

V.

Красовскій и Дьяконовы.

Итакъ, послѣ упорныхъ обвиненій, арестовъ и обысковъ, направленныхъ противъ родственниковъ Андрюши, послѣ поддѣлки вещественныхъ доказательствъ, такъ своевременно откопанныхъ на Юрковской горѣ, послѣ загадочной поѣздки въ Харьковъ, послѣ заподазриванія Романюковъ, Цупенокъ, Кучеренокъ, даже слѣпого Мифле и Назаренка, сидѣвшаго въ день убійства подъ арестомъ, черезъ годъ съ лишнимъ по совершеніи преступленія, когда слѣдствіе было окончено, обвинительный актъ написанъ и судъ надъ Бейлисомъ являлся дѣломъ самаго близкаго будущаго — въ этотъ моментъ была выдвинута новая «версія», что Андрюша убитъ въ квартирѣ Чеберяковой, при ея участіи, ворами Сингаевскимъ, Рудзинскимъ и Латышевымъ. Въ подтвержденіе этой версіи объявился цѣлый рядъ новыхъ показаній: знакомыя Чеберяковой, проживавшія недалеко отъ нея сестры Дьяконовы видѣли, будто бы, у нея въ квартирѣ нѣчто чрезвычайно подозрительное. Проживавшая въ томъ же домѣ, подъ Чеберяковыми, Малицкая слышала, будто бы, у нихъ странное перетаскиванье какого-то предмета изъ комнаты въ комнату. Нѣкіимъ Махалину и Караеву Сингаевскій, братъ Чеберяковой, прямо сознался, и т. д.

Версія эта была изложена въ заявленіи Бразуля отъ 6 мая 1912 г. Несомнѣнно, однако, что настоящимъ ея авторомъ и вдохновителемъ былъ не Бразуль, а Красовскій, а потому на его дѣятельности необходимо остановиться.

Красовскій раньше исправлялъ должность начальника кіевской сыскной полиціи и пріобрѣлъ извѣстность, ибо считали, что имъ раскрыто нѣсколько громкихъ и загадочныхъ преступленій. Изъ кіевской сыскной полиціи Красовскій попалъ на должность пристава 3 участка Сквирскаго уѣзда. Когда характеръ работы Мищука по дѣлу Ющинскаго выяснился достаточно, то спеціально для разслѣдованія этого убійства «прикомандировали» въ Кіевъ Красовскаго, который, однако, продолжалъ числиться приставомъ Сквирскаго уѣзда. Исторія съ бритьемъ и завиваніемъ Луки Приходько не оставляетъ сомнѣнія, что Красовскій очень быстро пошелъ по мищуковской дорожкѣ, однако, повидимому, онъ отлично соображалъ и учитывалъ всѣ особенности своего положенія. Въ самомъ дѣлѣ, отрицательное отношеніе начальства къ Мищуку создалось вначалѣ потому, что Мищукъ упрямо, вопреки очевидности, сосредоточивалъ розыски на Слободкѣ и не желалъ вести ихъ какъ слѣдуетъ на Лукьяновкѣ, твердя, что разслѣдованія въ отношеніи евреевъ производить нечего, ибо ритуальныхъ убійствъ въ двадцатомъ вѣкѣ не бываетъ. Если въ этомъ заключались «ошибки» Мищука, вызвавшія къ нему недовѣріе, а Красовскаго выписали изъ Сквирскаго уѣзда для поправленія сихъ ошибокъ, то представлялось очевиднымъ, что, искренне или для вида, на самомъ ли дѣлѣ или на показъ, но Красовскому произвести розыски въ отношеніи Лукьяновки, въ отношеніи евреевъ, было необходимо.

И онъ это прекрасно сообразилъ. Не менѣе хорошо понялъ Красовскій и то, что съ нимъ будутъ серьезно считаться только тогда, когда изъ этихъ розысковъ увидятъ, что онъ въ курсѣ дѣла, что онъ нащупалъ, гдѣ настоящія нити — только тогда онъ, временно прикомандированный приставъ Сквирскаго уѣзда, явится настоящей величиною, съ которою и разговоры будутъ настоящіе.

Отсюда вытекаетъ, прежде всего, двойственность въ поведеніи Красовскаго. Весьма характернымъ является въ этомъ отношеніи первое показаніе, которое онъ далъ слѣдователю Фененкѣ 29 іюля 1911 г.:

«5 мая текущаго года, по распоряженію прокурора Кіевскаго Окружнаго Суда, я пріѣхалъ въ Кіевъ, гдѣ мнѣ было поручено производить разслѣдованіе по настоящему дѣлу... Изъ осмотра пещеры я убѣдился, что убійство это было совершено гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ и трупъ покойнаго мальчика, конечно, ночью'

былъ принесенъ въ пещеру, причемъ, несомнѣнно, былъ принесенъ тѣмъ лицомъ, которое было знакомо съ этой мѣстностью и особенно съ пещерой... Осматривая квартиру Приходекъ, я убѣдился, что убійство здѣсь не могло быть совершено. Квартирка состоитъ всего изъ одной комнаты съ перегородкой, причемъ рядомъ помѣщается квартира хозяевъ Заблудскихъ, въ которой все рѣшительно слышно, что дѣлается у Приходько. Придя къ этому заключенію, я главнымъ образомъ перенесъ всѣ свои розыски на Лукьяновку... Удалось мнѣ установить, что Женя вмѣстѣ съ Андрюшей и другими мальчиками часто ходили въ заводскую усадьбу Зайцева, гдѣ катались на мялѣ... Та усадьба, въ которой проживаетъ Чеберякова, граничитъ съ усадьбой Зайцевскаго завода, причемъ заборъ, отдѣляющій эти двѣ усадьбы, былъ поломанъ и въ усадьбу Зайцева изъ усадьбы, гдѣ жила Чеберякова, не только можно было пройти въ мартѣ мѣсяцѣ, но и проѣхать. Въ усадьбѣ Зайцева, въ зимнее время очень пустынной, мальчишки даже устраивали войны, причемъ любимымъ ихъ занятіемъ было устраивать игры въ громадной гофманской печи, расположенной въ оврагѣ этой усадьбы... Я обратилъ, главнымъ образомъ, вниманіе на гофманскую печь. Въ этой печи, по моему мнѣнію, скорѣе всего и было совершено убійство Андрюши. Въ мартѣ мѣсяцѣ въ усадьбѣ Зайцева лежалъ еще снѣгъ и на открытомъ мѣстѣ да еще и утромъ трудно было совершить такое дѣло. О снѣгѣ я упомянулъ вотъ почему. Когда мнѣ показали вещи убитаго мальчика, я увидѣлъ на нихъ приставшую глину, что указывало на то, что убійство совершено было именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ была глина, а послѣдняя была тогда именно только въ гофманской печи, такъ какъ всюду въ другихъ мѣстахъ имѣлся снѣгъ... 26 іюля я, между прочимъ, произвелъ обыскъ въ квартирѣ Бейлиса и нашелъ тамъ среди другихъ инструментовъ и четыре швайки. Въ квартирѣ Менделя помѣщалась и въ настоящее время помѣщается шорная мастерская... Сына Менделя Бейлиса Пиньку я разспрашивалъ, причемъ мнѣ онъ говорилъ, что ни Андрюшу Ющинскаго, ни Женю Чеберякова онъ не зналъ и съ ними никогда не гулялъ. Такое заявленіе Пиньки оказалось ложнымъ, такъ какъ мнѣ удалось установить, что Пинька хорошо былъ знакомъ съ Андрюшей и Женей, съ которыми онъ неоднократно гулялъ въ заводской усадьбѣ».

Оставимъ пока въ сторонѣ вопросъ о швайкахъ, о глинѣ, о гофманской печи—все это будетъ подробно разсмотрѣно въ своемъ

мѣстѣ. Пока для меня важно общее впечатлѣніе отъ заявленій Красовскаго. Они не оставляютъ сомнѣнія, что по его, Красовскаго, убѣжденію, мѣсто убійства—заводская усадьба. «Въ этой печи (гофманской), по моему мнѣнію, скорѣе всего и было совершено убійство» — таковы буквальныя слова Красовскаго въ ту пору. «На вещахъ убитаго мальчика я увидѣлъ глину, а послѣдняя была тогда именно только въ гофманской печи». Утвержденіе не вполнѣ вѣрное: глина была тогда и въ сгорѣвшей впослѣдствіи конюшнѣ, къ которой примыкала расположенная съ ней подъ одной крышей шорная, и въ сарайчикѣ, тоже сгорѣвшемъ, который тянулся противъ конюшни и шорной. Но нѣкоторая ошибка, допущенная Красовскимъ, не мѣняетъ общаго характера этихъ его указаній, всецѣло направленныхъ къ изобличенію заводскихъ жидовъ.

Кромѣ умозаключеній, онъ даже даетъ какъ будто реальную, осязательную улику, имъ самимъ обнаруженную все въ томъ же направленіи—на обыскѣ, произведенномъ въ квартирѣ Бейлиса, найдены имъ, Красовскимъ, четыре швайки, и не его вина, что таковыя не подошли къ ранамъ, причиненнымъ Ющинскому. Во всякомъ случаѣ, его, Красовскаго, нельзя упрекнуть, что онъ не направилъ розысковъ на Лукьяновку. Нѣтъ, онъ дѣйствовалъ всесторонне, онъ искалъ и на Лукьяновкѣ и даже—больше того—на самомъ заводѣ. Искалъ, нашелъ швайки, сдѣлалъ изобличающія евреевъ умозаключенія насчетъ глины. Чего же еще требовать? «Видимость» соблюдена въ полной мѣрѣ. Раскусить сразу, что это только хожденіе кругомъ да около, нужное для показа, для отвода глазъ — не такъ легко, а пока не раскусили, какія же основанія для судебной власти не довѣрять Красовскому? И слѣдователь Фененко, видимо, довѣряетъ. Красовскій заявляетъ ему прямо, что производитъ «обыски», и слѣдователь считаетъ это какъ будто въ порядкѣ вещей, по крайней мѣрѣ ничѣмъ на таковое заявленіе не реагируетъ, между тѣмъ, постановленія Устава Уголовнаго Судопроизводства не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что, разъ началось предварительное слѣдствіе, обыски долженъ производить *слѣдователь* самолично, а полиція на ихъ производство не имѣетъ ни малѣйшаго права, за исключеніемъ лишь тѣхъ особенныхъ обстоятельствъ, о которыхъ въ данномъ случаѣ, разумѣется, не было и рѣчи (напримѣръ, необходимости произвести одновременно нѣсколько обысковъ въ разныхъ мѣстахъ). Такимъ обра-

зомъ, Красовскій пріобрѣтаетъ такое довѣріе слѣдователя, что какъ будто почти его замѣняетъ: самъ обыскиваетъ, самъ арестуетъ, производитъ совершенно самостоятельные допросы, даетъ свое заключеніе объ одеждѣ убитаго, которую онъ видѣлъ не на трупѣ, а лишь въ качествѣ вещественнаго доказательства, — слѣдователь же все сіе заноситъ въ протоколъ.

Итакъ, съ этой стороны Красовскій сумѣлъ устроить свое положеніе наилучшимъ образомъ. Однако, никакихъ сколько-нибудь серьезныхъ уликъ противъ завода и его обитателей онъ не далъ, и здѣсь ни одного ареста не произвелъ. Общія соображенія и разсужденія Красовскаго, тщательно записанныя слѣдователемъ, еще не суть улики, а представленныя Красовскимъ четыре швайки (отобранныя, кстати сказать, не въ квартирѣ Бейлиса, а въ шорной мастерской) мало-мальски серьезнаго значенія имѣть тоже не могли. Важно, что на заводѣ была шорная мастерская. Для установленія этого обстоятельства въ Красовскомъ никакой нужды не настояло. А затѣмъ, сколько оставалось въ той мастерской швaекъ черезъ четыре съ половиною мѣсяца послѣ убійства — было рѣшительно безразлично. Однако, если убійство дѣйствительно совершалось въ шорной или въ конюшнѣ (а мое убѣжденіе именно таково), то обыскъ, произведенный Красовскимъ, повидимому, весьма поверхностный, не давъ никакихъ положительныхъ результатовъ, никакихъ уликъ, несомнѣнно, всполошилъ убійцъ и заставилъ ихъ видѣть въ Красовскомъ человѣка, который сунулся въ одно изъ наиболѣе опасныхъ для нихъ мѣстъ, съ которымъ надо серьезно считаться.

Пріобрѣтя довѣріе слѣдователя Фененки, поразсказавъ ему цѣлый рядъ соображеній о томъ, что убійство было на заводѣ, но не представивъ въ этомъ направленіи ни одной фактической улики, Красовскій одновременно учинилъ такія дѣйствія, которыя приводятъ къ прямому выводу, что поведеніе его у слѣдователя было только для показа, только для пріобрѣтенія довѣрія у судебныхъ властей и для укрѣпленія тѣмъ своего положенія.

При допросѣ на судѣ Красовскій, напримѣръ, показалъ слѣдующее:

«Это было приблизительно недѣли двѣ съ половиной послѣ того, какъ я вступилъ въ исполненіе своихъ обязанностей. Генералъ-губернаторъ потребовалъ, чтобы я высказалъ свой взглядъ,

свое опредѣленное мнѣніе по этому дѣлу. На основаніи тѣхъ данныхъ, которыми я располагалъ, я доложилъ генералъ-губернатору, что, по моему мнѣнію, это дѣло рукъ воровской шайки. Генералъ-губернаторъ спросилъ меня, почему у меня составилось такое мнѣніе? Тогда я высказалъ ему свои соображенія».

Итакъ, въ концѣ мая Красовскій докладываетъ генералъ-губернатору, что убійство совершено шайкою воровъ; въ концѣ іюля онъ же, Красовскій, показываетъ слѣдователю, что убійство совершено на заводѣ, вѣрнѣе всего въ гофманской печи—ни словомъ не упоминая о ворахъ, о воровской шайкѣ, а въ промежутокъ между этими совершенно противоположными сообщеніями, Красовскій, переходя отъ словъ къ дѣлу и не трогая ни одного жида, арестуетъ чуть не всѣхъ родственниковъ Ющинскаго и подстраиваетъ улики противъ Луки Приходько, не останавливаясь передъ пріемами, явно преступными.

Къ августу такая его дѣятельность была, наконецъ, оцѣнена по достоинству и Красовскій откомандированъ обратно въ Сквирскій уѣздъ, а затѣмъ, къ началу 1912 года, вовсе уволенъ отъ службы. Съ этого времени, съ весны 1912 года, начинается дѣятельность Красовскаго, какъ добровольца, въ тѣсномъ единеніи съ Бразулемъ, а нѣсколько позже съ Караевымъ и Махалинымъ. «Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1912 г.—показываетъ Красовскій судебному слѣдователя Машкевичу:—на основаніи опыта прежнихъ лѣтъ и на основаніи глубокаго убѣжденія въ томъ, что убійство Ющинскаго есть обыкновенное убійство обыкновенныхъ преступниковъ изъ мести, я сталъ собирать свѣдѣнія объ этомъ дѣлѣ въ преступной средѣ, гдѣ у меня были связи еще по моей прежней службѣ въ должности начальника сыскной полиціи въ Кіевѣ». Какъ видите, ничего общаго съ тѣмъ, что годъ тому назадъ этотъ же самый Красовскій показывалъ слѣдователю Фененкѣ. На вопросъ Машкевича, почему Красовскій не прибѣгъ раньше, годъ тому назадъ, когда еще былъ на службѣ, къ помощи этихъ своихъ связей въ преступномъ мірѣ, которыя, по его, Красовскаго, словамъ, сразу дали столь успѣшные результаты, — послѣдовалъ отвѣтъ, что тогда мѣшали Мищукъ и правыя организаціи! Въ чемъ выражалась эта помѣха со стороны правыхъ организацій, какъ могли таковыя помѣшать ему сноситься съ преступнымъ міромъ—Красовскій такъ и не разъяснилъ, но, во всякомъ случаѣ, когда онъ брилъ и завивалъ Луку Приходьку, то помѣхи правыхъ организацій не побоялся.

Первымъ шагомъ Красовскаго въ апрѣлѣ 1912 г. было сближеніе съ сестрами Екатериною и Ксеніею Дьяконовыми, дѣвицами въ возрастѣ одна 21, другая 23 лѣтъ, по ремеслу, согласно ихъ заявленію, модистками, хорошими знакомыми Чеберяковой.

Сближеніе выразилось въ томъ, что на другой же день послѣ того, какъ Красовскій, подъ видомъ москвича, корреспондента московскихъ газетъ, познакомился съ Екатериною Дьяконовой, они вчетверомъ — вмѣстѣ съ Ксеніей Дьяконовой и Выгановымъ—ужинали и пили вино въ отдѣльномъ кабинетѣ одного изъ ресторановъ. Такіе ужины Красовскаго съ Екатериною Дьяконовою повторялись, согласно ея показанію, разъ тридцать. По счетамъ платилъ Красовскій, но сколько—она не помнитъ. Въ періодъ сихъ ужиновъ и появились «откровенныя показанія» сестеръ Дьяконовыхъ.

О прошломъ свидѣтельницъ самъ Красовскій заявилъ судебному слѣдователю между прочимъ такъ:

«Дьяконовы мнѣ говорили, что черезъ Чеберякову какая-то содержательница тайнаго дома терпимости продала ихъ какому-то старому чиновнику», а затѣмъ, разсказывая о различныхъ кражахъ, къ которымъ была причастна Чеберякова, и о томъ, какъ она изъ дѣлъ объ этихъ кражахъ выпутывалась, Красовскій показалъ, что однажды, дабы выпутаться, Чеберяковой пришлось сослаться, будто оказавшееся у нея краденое платье она купила на толчкѣ, и эту ссылку *завѣдомо ложно* подтвердила у мирового судьи Ксенія Дьяконова, вслѣдствіе чего Чеберякова была оправдана. Правда, свѣдѣнія эти приводились Красовскимъ въ той части его показанія, гдѣ онъ расписывалъ Чеберякову олицетвореніемъ всѣхъ пороковъ, всѣхъ злодѣяній, однако нельзя сказать, чтобы и Дьяконовы были обрисованы здѣсь чертами, возбуждающими довѣріе къ этимъ свидѣтельницамъ. Относительно же Чеберяковой яркихъ красокъ не жалѣли. Такъ, напримѣръ, Красовскій, со словъ Дьяконовыхъ, повѣствуетъ въ своемъ показаніи судебному слѣдователю, что въ 1905 году, послѣ еврейскаго погрома, къ Чеберяковой на квартиру свозили много награбленныхъ вещей, и когда пошли обыски, то у нея остались цѣлыя штуки шелка. И сбывать, и хранить его было опасно, а потому Чеберякова рѣшила сжечь все въ печи и такъ накалила печь сжиганіемъ шелка, что, не подкладывая дровъ, испекла булки, а чеберяковская компанія шутила потомъ, какъ вкусны булки, испеченныя на шелку.

Однимъ словомъ, злодѣйство, преступность, доведенныя почти до легендарности.

Еще до знакомства съ Красовскимъ, Екатерина Дьяконова была знакома, оказывается, съ жандармскимъ подполковникомъ Ивановымъ, который по этому поводу показалъ, что, производя разслѣдованіе по дѣлу Ющинскаго, пользовался своей агентурой, въ которой состояла и Екатерина Дьяконова, однако свѣдѣнія она доставляла очень скромныя. Затѣмъ, послѣ появленія въ маѣ 1912 г. второго Бразулевскаго заявленія, Дьяконова вдругъ стала давать свѣдѣнія одно сенсаціоннѣе другого. При изложеніи ею этихъ совершенно новыхъ фактовъ, Иванова поразила слѣдующая особенность: въ первый день, когда онъ ее допрашивалъ, Дьяконова на цѣлый рядъ вопросовъ давала туманные и сбивчивые отвѣты, въ слѣдующій же день на вопросы, которые ей были заданы ранѣе, слѣдовали отъ нея вполнѣ ясные и опредѣленные отвѣты, а на новые вопросы она снова затруднялась отвѣчать, говорила туманно и сбивчиво. У Иванова получилось впечатлѣніе, что ясность отвѣтовъ Дьяконовой появлялась изгнѣ, т. е. ее кто-нибудь подучалъ. При допросѣ Красовскаго, Ивановъ тщетно старался выяснить, откуда, изъ какого первоисточника были получены Красовскимъ свѣдѣнія для майскаго заявленія Бразуля: Красовскій придавалъ отвѣту таинственность и заявлялъ, что назвать источникъ не считаетъ себя въ правѣ.

На судѣ, по поводу отношеній Екатерины Дьяконовой къ Иванову мой допросъ этой свидѣтельницы принялъ такую форму:

Замысловскій. Свидѣтельница Дьяконова, вы не были агентомъ у подполковника Иванова?

Дьяконова. Нѣтъ. Я только ходила къ нему, говорила то, что знаю—разсказывала.

Замысловскій. И деньги получали?

Дьяконова. Да, онъ мнѣ иногда давалъ.

Замысловскій. За свѣдѣнія?

Дьяконова. За свѣдѣнія онъ мнѣ не платилъ.

Замысловскій. А за что же?

Дьяконова. Онъ давалъ мнѣ деньги на трамвай.

Замысловскій. Копѣекъ по пять, по восемь?

Дьяконова (обидчиво). Нѣтъ, по пять рублей давалъ.

Замысловскій. Сколько разъ онъ вамъ по пять рублей давалъ?

Дьяконова. Раза два, три.

Замысловскій. Можетъ быть, и больше?

Дьяконова. Не помню.

Показанія Екатерины Дьяконовой сводились въ общемъ къ слѣдующему: дня за три до убійства Ющинскаго къ ней пришла Чеберякова и пригласила ее съ сестрой къ себѣ въ гости, такъ какъ, молъ, у нея, Чеберяковой, поселились интересные квартиранты: доктора и профессора. Вечеромъ Дьяконовы пришли и застали у Чеберяковой четырехъ молодыхъ людей, съ которыми и познакомились. Одного Екатерина Дьяконова знавала раньше: это былъ Николай Мандзалевскій, котораго Чеберякова называла Колинешкой, объясняя раньше Дьяконовой, что онъ фельдшеръ и всегда имѣетъ деньги. Другой былъ Михалкевичъ, третій Иванъ Латышевъ—его Чеберякова выдавала за доктора, четвертаго звали «Витька Бритый».

По этому поводу прокуроръ спросилъ на судѣ Дьяконову: «Что-жъ, его такъ и звали «Витькой Бритымъ», несмотря на то, что онъ былъ профессоръ?»

Отвѣта на этотъ вопросъ не послѣдовало.

Когда всѣ эти доктора и профессора собрались, то, по словамъ Дьяконовой, «у насъ разыгрался журфиксъ»: начали играть въ почту. Мандзалевскій вынулъ изъ кармана книжку съ бѣлой бумагой, листики которой имѣли *проколы.* Изъ этой книжки игравшіе вырывали по листку, а затѣмъ Мандзалевскій книжку спряталъ. Во время игры Дьяконова получила «по почтѣ» «оскорбительное письмо». Оказалось, что написалъ его «Витька Бритый». Дьяконова назвала его дуракомъ, обидѣлась и ушла. Въ ближайшіе дни, однако, обида прошла и Дьяконова съ сестрой опять была у Чеберяковой уже днемъ. Застали тамъ тѣхъ же четырехъ мужчинъ, а кромѣ нихъ приходили Рудзинскій, Клименко, Лисуновъ. 11 марта Екатерина Дьяконова вновь пошла къ Чеберяковой уже одна, утромъ. Во время этого ея посѣщенія, между 12 и 1 часомъ дня, во всякомъ случаѣ не позже часа, къ Чеберяковымъ явился Андрюша Ющинскій. Дьяконова ушла около трехъ часовъ дня и въ это время Андрюша только собирался съ Женей гулять на Загоровщину.

12 марта Дьяконова была у Чеберяковой между 12 и часомъ дня. Застала тамъ Рудзинскаго, Ивана Латышева, Лисунова и брата Чеберяковой, Петра Сингаевскаго. Коверъ, лежавшій передъ диваномъ, былъ завернутъ приблизительно на половину. На полу валялись окурки. При появленіи Дьяконовой, Сингаев-

скій, Латышевъ, Рудзинскій и Лисуновъ поспѣшили скрыться въ другую комнату, а Дьяконову Чеберякова пригласила въ кухню, сама же нѣсколько разъ выходила въ большую комнату и спрашивала у «хлопцевъ», не будутъ ли они пить чай, не послать ли за булкой. Дьяконова освѣдомилась у Чеберяковой, почему «хлопцы» спрятались, а Чеберякова отвѣтила, что они отдыхаютъ, такъ какъ имъ скоро надо идти на дежурство, однако, судя по смѣху и разговору, они не отдыхали. Въ кухнѣ Дьяконова обратила вниманіе на «бадью» съ грязной водой. На вопросъ Дьяконовой: зачѣмъ въ лоханкѣ вода,—Чеберякова отвѣтила, что мужъ, Василій Петровичъ, и дѣти будутъ купаться. По сему поводу на судѣ произошелъ такой разговоръ:

Замысловскій. Свидѣтельница Дьяконова, относительно этой ванны Чеберякова вамъ говорила, что будетъ купать и дѣтей и мужа?

Дьяконова. Да, и мужа.

Замысловскій. А вода какая была, холодная или горячая (въ протоколѣ слѣдователя записано «холодная»).

Дьяконова. Я не знаю, я не видѣла.

Замысловскій. Вѣдь отъ горячей воды паръ идетъ? (Молчаніе). Вамъ не показалось страннымъ, какъ же мужа 12 марта будутъ купать въ холодной грязной водѣ? (*Смѣхъ въ публикѣ*).

Дьяконова. Я не придала этому значенія.

Замысловскій. Вамъ не показалось это чѣмъ-то несообразнымъ?

Дьяконова. Мнѣ подозрительно было, что вода грязная.

Послѣдующія за днемъ 12 марта событія свидѣтельница описывала такъ: того же числа, часовъ въ 8 вечера, пришла къ ней Чеберякова и собралась уходить уже послѣ 12 ночи, говоря, что ей нужно сдавать на вокзалѣ въ багажъ докторскіе инструменты «Ваньки», т. е. Латышева. На другой день, 13 марта, Чеберякова снова пришла къ Дьяконовымъ и говорила, что предчувствуетъ какую-то непріятность, ибо видѣла въ окнѣ тѣнь городового, а это у нея всегда къ непріятности. Вечеромъ она стала просить Дьяконову идти къ ней ночевать: дѣтей и мужа нѣтъ дома, ей одной будетъ скучно и страшно спать. Екатерина Дьяконова согласилась. Онѣ зашли за ихъ знакомой Еленою Черняковою и всѣ втроемъ пошли къ Чеберяковой ночевать, но, какъ только пришли, ихъ объялъ какой-то непонятный страхъ и онѣ, оставивъ въ кухнѣ зажженную лампу, всѣ

втроемъ отправились къ Дьяконовой, гдѣ и переночевали. 14 марта подъ вечеръ Чеберякова опять принялась звать Екатерину Дьяконову къ себѣ ночевать. Та согласилась. Онѣ пришли на квартиру Чеберяковой, гдѣ никого кромѣ нихъ не было, и улеглись спать на одной кровати, Дьяконова ближе къ стѣнкѣ. Ночью, протянувъ во снѣ ногу, свидѣтельница прикоснулась къ какому-то предмету, и ощущеніе прикосновенія напомнило ей прикосновеніе къ предмету, напоминающему по упругости человѣческое тѣло. Утромъ Дьяконова обнаружила, что это былъ мѣшокъ, прикрытый сверху грязнымъ бѣльемъ, набросаннымъ въ безпорядкѣ.

Таково, въ главныхъ чертахъ, показаніе, данное Екатериною Дьяконовою слѣдователю и долженствовавшее послужить тою канвою, на которой была вышита Красовскимъ «версія», изложенная въ послѣднемъ бразулевскомъ заявленіи.

Игра въ почту давала указаніе на ту бумагу съ проколами, которая фигурировала въ числѣ вещественныхъ доказательствъ, какъ найденная около трупа. Не была ли это совсѣмъ такая же, съ такими же проколами бумага, какъ та, на которой профессоръ Витька Бритый написалъ дерзость мадемуазель Дьяконовой и получилъ отъ нея дурака!?

Появленіе у Чеберяковыхъ Андрюши 11 марта, наканунѣ убійства, не дастъ ли нитей къ выясненію того, зачѣмъ, собственно, Чеберякова и ея сотрудники учинили такое, на первый взглядъ, совершенно для нихъ безсмысленное убійство?

Смятеніе и безпорядокъ, застигнутые Дьяконовою у Чеберяковой 12 марта, не показываютъ ли, что она попала туда, гдѣ только что совершено тяжкое преступленіе? Завернутый наскоро коверъ не скрывалъ ли трупа, а вода въ лоханкѣ не предназначалась ли для замыванія слѣдовъ убійства — можетъ быть это замываніе уже и началось, потому что вода была грязная, мутная.

Упорное нежеланіе Чеберяковой оставаться одной ночевать 13 и 14 марта не указываетъ ли на неспокойную совѣсть, на тотъ страхъ убійцы, который передается окружающимъ? А забросанный грязнымъ бѣльемъ мѣшокъ, производившій впечатлѣніе чего-то упругаго—не въ него ли былъ спрятанъ трупъ Ющинскаго, пока не перетащили его въ пещеру!?

Именно такъ и вышивалъ на этой канвѣ свои узоры Красовскій. Онъ былъ допрошенъ судебнымъ слѣдователемъ Маш-

кевичемъ раньше, чѣмъ Дьяконова, и между прочимъ показалъ:

«Изъ сообщенія Дьяконовой я узналъ, что Чеберякова со своими единомышленниками представляла тѣсно сплоченную организацію, выработавшую извѣстную систему конспирацій». По словамъ Красовскаго выходило, что сія «организація» совершала чуть ли не большую часть всѣхъ кіевскихъ кражъ и была «потревожена» обысками и арестами ея сочленовъ какъ разъ передъ 12 марта—это дало основаніе членамъ организаціи предполагать, что ихъ кто-то выдалъ. Пока компанія Чеберяковой не была потревожена, у нея, какъ разсказывала Красовскому Дьяконову, постоянно происходили пирушки, а на нихъ игра въ почту, причемъ записки писались на небольшихъ квадратикахъ бумаги съ проколами—«а мнѣ извѣстно, продолжаетъ Красовскій, что подобные куски бумаги съ проколами были найдены въ пещерѣ у трупа Ющинскаго». Передавая далѣе разсказъ Дьяконовой о ночевкахъ, Красовскій показываетъ:

«Впослѣдствіи Чеберякова, вспоминая объ этой ночи, говорила Дьяконовой, что ей казалось, будто за нею по пятамъ слѣдуетъ Ющинскій. Такъ какъ у трупа былъ найденъ кусокъ наволочки, который я видѣлъ и внимательно изучалъ, то я и спросилъ у Дьяконовыхъ, какія были наволочки у Чеберяковой... Однажды Екатерина Дьяконова бросила такую фразу: Когда начали колоть Ющинскаго, то онъ пытался было закричать, Вѣрка же крикнула: «Сорвите вторую наволочку съ подушки и заткните ему ротъ». Сказавъ мнѣ это, Екатерина Дьяконова была крайне взволнована. На мои же просьбы, чтобы она продолжала разсказывать подробности, она отвѣтила, уклоняясь отъ разсказа: «Страшно, страшно, страшно!» Въ такомъ же душевномъ состояніи Дьяконова сообщила мнѣ, что Ющинскаго кололи швайкой, чтобы нечаянно не разбрызгать кровь, и въ то время, когда одинъ кололъ, другой подставлялъ тряпку и вымакивалъ кровь. Я спросилъ у Дьяконовой: откуда она все это знаетъ, на что Дьяконова, крайне взволнованная, смущенно отвѣтила:—Мнѣ это по-дружески сказала сама Вѣрка».

Однако, всѣ эти разсказы, при первой же провѣркѣ ихъ, начали расползаться по всѣмъ швамъ.

Во-первыхъ, разсказъ Дьяконовой оказался въ непримиримомъ противорѣчіи съ нѣкоторыми, совершенно несомнѣнными обстоятельствами дѣла; во-вторыхъ, между показаніемъ самой

Дьяконовой и тѣмъ, что съ ея, будто бы, словъ воспроизводилъ Красовскій, обнаружилась весьма существенная разница, очень ясно показывающая, какъ весь разсказъ выдумывался и пригонялся къ тѣмъ уликамъ, которыя нужно было создать.

Дьяконова удостовѣрила, что 11 марта, наканунѣ убійства, видѣла у Чеберяковыхъ Андрюшу: онъ пришелъ не позже часа дня и еще въ три часа дня оставался у Жени, собираясь съ нимъ гулять.

Этого быть не могло, ибо данными дѣла твердо установлено, что 11 марта Андрюша учился въ Софійскомъ училищѣ, откуда вышелъ со своими школьными товарищами, купилъ, по порученію своей тетки, Наталіи, особыхъ кнопокъ, нужныхъ ей для ея коробочнаго производства, около двухъ часовъ дня вернулся уже домой, а около трехъ явился съ кнопками къ теткѣ. И 10 и 9, вообще всѣ послѣдніе дни онъ, по окончаніи училища,—гдѣ нахожденіе его было установлено и показаніями товарищей, и класснымъ журналомъ,—сразу же возвращался домой.

Не могъ быть у Чеберяковой 12 марта и Лисуновъ по той простой причинѣ, что въ это время, какъ документально установлено, онъ содержался подъ стражей. Сіе недоразумѣніе Дьяконова постаралась исправить: на судѣ она говорила уже, что 12 марта видѣла у Чеберяковой не четырехъ, а только трехъ «хлопцевъ», Лисунова не было и назвала она его слѣдователю «по ошибкѣ». Однако, стоитъ обратиться къ тексту слѣдственнаго протокола, дабы убѣдиться, что о случайной ошибкѣ здѣсь не можетъ быть рѣчи. Въ протоколѣ отъ 20 іюля 1912 г. читаемъ: «Все то, что я вамъ до сихъ поръ показывала, я разсказывала и Красовскому, а также и подполковнику Иванову, причемъ и тому, и другому говорила, что 12 марта я видѣла въ большой комнатѣ Чеберяковыхъ четырехъ человѣкъ, а не трехъ. Мнѣ показывалъ Ивановъ карточки, и я ему указала на карточкахъ всѣхъ 4-хъ: Латышева, Сингаевскаго, Рудзинскаго и *Лисунова*. Я фамиліи эти помнила, и когда я разсказывала объ этомъ Красовскому, то всѣхъ 4-хъ человѣкъ назвала по фамиліямъ. Послѣ вашего сообщенія о томъ, что Красовскій съ моихъ словъ не называетъ Лисунова въ числѣ бывшихъ у Чеберяковой 12 марта, я могу лишь сказать, что Красовскій забылъ про Лисунова. На вашъ вопросъ, почему фамилія Лисунова пропущена въ моемъ показаніи 15 мая с. г., данномъ

подполковнику Иванову, я ничего не могу объяснить и не знаю, почему какъ Ивановъ, такъ и Красовскій о Лисуновѣ ничего не упоминаютъ. Я и теперь утверждаю, что 12 марта при моемъ входѣ въ квартиру Чеберяковой Латышевъ, Лисуновъ, Сингаевскій и Рудзинскій скрылись въ комнату Чеберякова».

Такимъ образомъ, точность, опредѣленность заявленія полнѣйшая.

Очевидно, въ первоначально составленномъ разсказѣ Лисуновъ фигурировалъ; затѣмъ, при дальнѣйшей провѣркѣ, въ разсказъ были внесены поправки, но Дьяконова, ко времени слѣдственнаго допроса, ихъ не усвоила. Въ дѣлѣ есть любопытныя данныя, что околоточный Кириченко собиралъ по полицейскимъ участкамъ справки, какія лица тамъ содержались подъ арестомъ въ серединѣ марта 1911 г., и сообщилъ эти свѣдѣнія Красовскому, которому былъ очень преданъ, хотя тотъ былъ въ это время уже разслѣдователемъ добровольцемъ. Премудрая осторожность, послѣ недоразумѣній сначала съ Назаренкой, потомъ съ Лисуновымъ...

Съ дьяконовскимъ разсказомъ о ночевкахъ вышли тоже осложненія. Передавая слѣдователю эту часть повѣствованія Дьяконовой, Красовскій первою по времени поставилъ ту ночевку, которая была доведена до конца и гдѣ происходило прикосновеніе къ мѣшку, а второю — ночевку съ ужасомъ и бѣгствомъ. Разумѣется, правдоподобность разсказа требовала именно такого порядка: если въ первую же ночь на ночевавшую напалъ ужасъ, заставившій ее бѣжать безъ оглядки, то на слѣдующую ночь она уже ночевать не пойдетъ, тѣмъ болѣе, что къ тому нѣтъ и никакой нужды. Съ другой стороны, если надлежало дать намекъ, указаніе, что, молъ, въ мѣшкѣ былъ трупъ, то, конечно, слѣдовало отнести сіе къ 13-му, а не къ 14-му марта: трудно предположить, чтобы мертвое тѣло могло пролежать въ теплой комнатѣ свыше сутокъ, не издавая запаха и не оставляя на мѣшкѣ пятенъ, но распространить такое предположеніе на двое съ половиною сутокъ совершенно невозможно. Соотвѣтственно сему, въ показаніи Красовскаго ночевки и были поставлены, такъ сказать, въ правильномъ порядкѣ: сначала ночевка, доведенная до конца, съ прикосновеніемъ къ ужасному мѣшку, а потомъ ночевка, прерванная паническимъ страхомъ, бѣгствомъ, но Дьяконова, увы, ихъ переставила и получилось уже нѣчто совершенно невѣроятное.

Между прочимъ, слѣдователь Машкевичъ, составивъ планъ чеберяковской квартиры, предложилъ Дьяконовой указать на планѣ, гдѣ была кровать, на которой она спала, и гдѣ мѣшокъ. Изъ указаній, сдѣланныхъ свидѣтельницей и подтвержденныхъ ею по плану на судѣ, совершенно очевидно, что, лежа къ стѣнѣ и просунувъ ногу, она дотронуться до мѣшка никоимъ образомъ не могла.

Съ другими свидѣтельскими показаніями разсказъ Екатерины Дьяконовой о ночевкахъ тоже находится въ полномъ противорѣчіи. Такъ, сестра ея Ксенія показала по сему поводу судебному слѣдователю.

«До Пасхи, но уже *послѣ обнаруженія трупа Ющинскаго*, Чеберякова приглашала меня и сестру идти ночевать къ ней... Я не пошла тогда, а ходила моя сестра съ Еленой Черняковой. Онѣ среди ночи вернулись къ намъ съ Чеберяковой. Это былъ *единственный случай*, когда сестра ходила ночевать къ Чеберяковой. Ни раньше, ни позже сестра никогда у Чеберяковой не ночевала».

Такимъ образомъ, Ксенія Дьяконова, хотя, какъ будто, и подтверждаетъ ночевку ея сестры у Чеберяковой, но описываетъ событія совершенно иначе, ибо категорически заявляетъ, во-первыхъ, что ночевка была одна, а не двѣ, какъ разсказываетъ ея сестра, и, во-вторыхъ, уже послѣ обнаруженія трупа Ющинскаго, т. е. послѣ 20 марта, а вовсе не 13 или 14, какъ повѣствуетъ Екатерина. На судѣ Ксенія пробовала отговариваться, что этихъ обстоятельствъ она хорошо не помнитъ, но впечатлѣніе, что весь разсказъ о ночевкахъ измышленъ, едва ли путемъ такой отговорки ослабилось, тѣмъ болѣе, что столь же крупное противорѣчіе оказалось у Екатерины Дьяконовой съ Еленою Черняковой, показаніе которой слѣдователемъ записано такъ:

«Я категорически заявляю, что не было такого случая, чтобы я отъ Дьяконовыхъ, по приглашенію Чеберяковой, ходила когда-либо съ Екатериной Дьяконовой и Чеберяковой къ послѣдней ночевать... Положительно такого случая никогда не было. Съ Чеберяковой я еще въ 1910 г. прекратила всякое знакомство, такъ какъ она, приревновавъ меня къ Ивану Дьяконову, подстерегла на улицѣ и побила».

На судѣ Чернякова измѣнила это показаніе, но противорѣчіе отъ такого измѣненія не только не устранилось, но усугу-

билось; свидѣтельница показала, что припомнила такой случай: мѣсяцевъ за шесть до убійства, она была у Дьяконовой. Явилась Чеберякова и попросила придти къ ней посидѣть — ей скучно. «Когда мы пришли къ Чеберяковой на квартиру, она приняла насъ не въ комнатѣ, а въ кухнѣ. Мы задали вопросъ, почему она принимаетъ насъ не въ комнатѣ, а въ кухнѣ. Чеберякова заявила, что это ея любимый уголокъ, стала угощать насъ чаемъ. Когда она стала наливать чай, на насъ напалъ ужасъ. Я взглянула на Дьяконову—Дьяконова на меня; я обратилась къ ней съ просьбой: уйдемъ, я сидѣть не могу... Мы ушли, а когда были на улицѣ, Чеберякова догнала насъ. Я пошла къ себѣ ночевать, она къ Дьяконовой».

Прокуроръ. Не было тогда какого-нибудь разговора о мертвецахъ, о чемъ-нибудь страшномъ? Почему напалъ на васъ такой ужасъ?

Чернякова. Мнѣ вообще квартира была непріятна.

Прокуроръ. Потому что тамъ былъ какой-то притонъ?

Чернякова. Не потому, что притонъ, но мнѣ было несимпатично.

Прокуроръ. Можетъ быть, такое впечатлѣніе производила на васъ кухня, ванна, напримѣръ?

Чернякова. Нѣтъ, ванна не производила: когда я бывала у Чеберяковой, я всегда бывала у нея на кухнѣ и тамъ всегда стояла ванна.

Прокуроръ. Екатерина Дьяконова ничего вамъ не разсказывала, что послѣ этого паническаго ужаса она посѣщала Чеберякову, ночевала и тронула мѣшокъ съ трупомъ?

Чернякова. Ни звука не говорила.

Прокуроръ. Вы чѣмъ занимаетесь?

Чернякова. Я теперь замужемъ.

Карабчевскій. Вы бывали у Чеберяковой не часто?

Чернякова. Очень рѣдко. Я ее считала для себя подругой совершенно неподходящей. Вообще я считала ее дамой солидныхъ лѣтъ, а я была молодая дѣвица.

Карабчевскій. Въ тотъ разъ, когда вы испугались, вы дальше кухни не вошли?

Чернякова. Не вошла. И вообще, когда я заходила, она въ комнату не приглашала, а принимала въ кухнѣ.

Карабчевскій. Говорила, что это ея любимый уголокъ?

Чернякова. Да.

Карабчевскій. Вродѣ будуара?

Чернякова. Да.

Показанія сестеръ Дьяконовыхъ стоятъ въ связи и съ вещественными по дѣлу доказательствами. Въ числѣ таковыхъ, какъ упомянуто, находились два куска бумаги съ проколами и тряпка съ вышивкой—повидимому, обрывокъ наволочки. Кто и гдѣ именно нашелъ эти предметы, такъ и осталось, къ сожалѣнію, въ точности невыясненнымъ. Не исключено предположеніе, что ни куски бумаги, ни обрывокъ тряпки никакого отношенія къ трупу не имѣютъ, что ихъ оставили около пещеры въ другое время другія лица; но, конечно, много вѣроятія за то, что бумага и тряпка принадлежали преступникамъ, брошены ими. И вотъ оказывается, что сестры Дьяконовы, играя на чеберяковскихъ журфиксахъ въ почту, видѣли тамъ какіе-то листки бумаги, какъ разъ съ проколами. Правда, Екатерина Дьяконова говоритъ, что книжечка, изъ которой вырывались эти листки, принадлежала Мандзалевскому, а Ксенія—что Чеберяковой, но о проколахъ на листкахъ обѣ твердятъ весьма настойчиво. Дальнѣйшая исторія съ тряпкой дѣлаетъ очень вѣроятнымъ предположеніе, что если бы слѣдователь предъявилъ Дьяконовымъ находящіеся при дѣлѣ два листка съ проколами, сестры бы немедля воскликнули: «Это точь-въ-точь такіе, какіе мы видѣли у Чеберяковой». Но Н. А. Машкевичъ поступилъ иначе: онъ предложилъ сестрамъ, каждой порознь, нарисовать тѣ листки, на которыхъ играли въ почту. Оказалось, что форма листка и расположеніе на немъ проколовъ, изображенные Екатериною, совершенно непохожи на то, что изобразила Ксенія, причемъ какъ то, такъ и другое, совсѣмъ несхоже съ листками, имѣющимися при дѣлѣ, которые, кстати сказать, вовсе не представляютъ изъ себя листковъ изъ отрывной книжки, блокъ-нота, ибо края у нихъ гладкіе, безъ проколовъ, а проколами отдѣляются лишь однѣ части самаго листка отъ другихъ частей.

Послѣ этого, имѣя въ виду, что свидѣтельницы явно говорятъ о какихъ-то другихъ листкахъ, а не о томъ, который при дѣлѣ, слѣдователь счелъ предъявленіе свидѣтельницамъ этого листка излишнимъ.

То же самое повторилось и съ тряпкой. Дьяконовы усиленно подчеркивали, что отлично помнятъ чеберяковскія наволочки и вышитый на нихъ рисунокъ, а Красовскій прямо уже сопоставлялъ эти свѣдѣнія съ нахожденіемъ у трупа куска наволочки,

внимательно, де, имъ, Красовскимъ, «изученнаго» и съ разсказомъ Екатерины Дьяконовой, какъ во время убійства «Вѣрка крикнула: сорвите вторую наволочку съ подушки и заткните ему ротъ». Тогда слѣдователь опять предложилъ Дьяконовымъ описать внѣшность чеберяковскихъ наволочекъ. Дьяконовы показали, что съ вышивкой была лишь одна наволочка, бумажная, причемъ вышивка, сдѣланная «крестикомъ», состояла только изъ красныхъ нитокъ—ни черныхъ, ни какихъ либо другихъ небыло.

Такъ какъ тряпка, находившаяся при дѣлѣ, была не бумажная, а полотняная, вышивка на ней не «крестикомъ», а «елочкой» и не только красными, но и черными нитками, то, очевидно, свидѣтельницы говорили не про нее, а потому и въ предъявленіи Дьяконовымъ этой тряпки слѣдователь надобности не встрѣтилъ.

Конечно, защитѣ это было весьма не по вкусу, и вотъ на судѣ присяжный повѣренный Зарудный обратился къ Предсѣдателю съ такимъ заявленіемъ: «позволю обратить себѣ ваше вниманіе на то, что по закону свидѣтелю предъявляются вещественныя доказательства, относящіяся къ предмету его допроса на предварительномъ слѣдствіи, между тѣмъ свидѣтельницѣ Екатеринѣ Дьяконовой на предварительномъ слѣдствіи не были предъявлены ни кусокъ наволочки, ни бумажка съ проколами».

Черезъ нѣкоторое время, при допросѣ Ксеніи Дьяконовой, въ томъ же направленіи сталъ дѣйствовать и Грузенбергъ, заявивъ: «Я просилъ бы замѣтить, что судебный слѣдователь Машкевичъ не предъявилъ ей наволочки, разспрашивая ее объ этомъ».

Тогда мнѣ пришлось обратиться къ Предсѣдателю съ просьбой разъяснить присяжнымъ засѣдателямъ, обязанъ былъ или нѣтъ судебный слѣдователь предъявлять свидѣтельницамъ тѣ вещественныя доказательства, о коихъ шла рѣчь. И если обязанъ, то на основаніи какой статьи закона. Я утверждалъ, что ни такого закона, ни такой обязанности не существуетъ, между тѣмъ заявленіями защиты у присяжныхъ засѣдателей создается совершенно невѣрное впечатлѣніе, будто судебный слѣдователь Машкевичъ учинилъ какія-то неправильности, противозаконныя нарушенія во вредъ подсудимому.

На мою просьбу Зарудный возражалъ такъ:

«Позвольте заявить: этотъ вопросъ можетъ быть спорный; можно быть разныхъ мнѣній; нужно ли сейчасъ говорить объ

этомъ? Не лучше ли, если мы въ рѣчахъ выскажемся, а вы, г. Предсѣдатель, скажете тогда, кто изъ насъ правъ».

Изумительно! Не самъ ли Зарудный поднялъ вопросъ, который онъ, произведя на присяжныхъ извѣстное впечатлѣніе, объявляетъ теперь несвоевременнымъ? Не Зарудный ли заявлялъ, въ категорическомъ тонѣ, не допускающемъ сомнѣній, что «по закону» вещественныя доказательства надо было предъявлять; а теперь оказывается, это «вопросъ спорный», допускающій «разныя мнѣнія». Но, главное, гдѣ же тотъ «законъ», та статья уголовнаго судопроизводства, которой пугалъ насъ г. Зарудный? Почему ни онъ, ни Грузенбергъ, который такъ любитъ сыпать кстати и некстати статьями закона и сенатскими рѣшеніями, упустили такой прекрасный случай привести если ужъ не статью, то, хотя бы, соотвѣтствующее сенатское рѣшеніе?

Предсѣдатель исполнилъ мою просьбу и объяснилъ присяжнымъ, что такого закона нѣтъ и никакой неправильности слѣдователемъ не допущено.

Однако, въ стенографическомъ отчетѣ, который издавался газетою «Кіевская Мысль», а затѣмъ былъ выпущенъ отдѣльнымъ изданіемъ, читаемъ: «Предсѣдатель разъяснилъ присяжнымъ засѣдателямъ, что слѣдователь при допросѣ ея (?) всегда обязанъ предъявлять вещественныя доказательства» (т. I, стр. 649)—т. е. въ «стенографическомъ» отчетѣ удостовѣрено, во славу Грузенберга и Заруднаго, какъ разъ обратное тому, что произошло въ дѣйствительности. Лишь послѣ предсѣдательскаго разъясненія Зарудный попросилъ «прочесть, въ дополненіе къ разъясненію, [illegible]чный текстъ, если не ошибаюсь, статьи 695 Устава Уголовнаго Судопроизводства».

Г. Зарудный опять ошибался, ибо статья 695 ни вещественныхъ доказательствъ, ни свидѣтелей не касается вовсе. Вѣроятно, онъ имѣлъ въ виду одну изъ сосѣднихъ статей, 697-ую, которая гласитъ: «Вещественныя доказательства, по осмотрѣ ихъ судьями и присяжными засѣдателями, предъявляются подсудимому и потерпѣвшему отъ преступленія, если онъ находится на лицо». Такимъ образомъ, статья эта, во-первыхъ, говоритъ о судѣ, а не о предварительномъ слѣдствіи и, во-вторыхъ, о судьяхъ и сторонахъ, а не о свидѣтеляхъ.

Видимо, хорошо понимая, что сей номеръ не прошелъ, Грузенбергъ замѣтилъ, что «совершенно безцѣльно теперь спорить о статьяхъ».

Противъ ходатайства защиты о предъявленіи Дьяконовымъ здѣсь, на судѣ, тряпки и бумажекъ съ проколами представители гражданскаго иска не возражали. Сначала Екатерину Дьяконову—она допрашивалась первою—спросили о той вышивкѣ, которую она видѣла на чеберяковской наволочкѣ, и свидѣтельница отвѣтила, что та вышивка шита и красными и черными нитками. Показавъ слѣдователю, что тамъ только красныя нитки, она ошиблась, а потомъ вспомнила. Какъ только затѣмъ Екатеринѣ Дьяконовой предъявили полотняную тряпку, свидѣтельница сейчасъ же, почти не глядя, заявила съ полной опредѣленностью, что это чеберяковская наволочка.

Предсѣдатель. Вѣдь вы говорили слѣдователю, что та наволочка бумажная?

Дьяконова. Я не говорила, что бумажная.

Предсѣдатель. Свидѣтельница, вы посмотрѣли бы лучше, а то сразу взяли и сказали, что наволочка эта та самая. Значитъ, у слѣдователя вы показывали неправильно?

Дьяконова. Нѣтъ, правильно.

Предсѣдатель. Господа присяжные засѣдатели, я напоминаю, что свидѣтельница говорила слѣдователю, что наволочка бумажная и вышита краснымъ цвѣтомъ—другихъ цвѣтовъ нѣтъ.

Когда очередь дошла до Ксеніи Дьяконовой, то ее допросили предварительно о примѣтахъ чеберяковской наволочки уже болѣе подробно; такъ, свидѣтельницѣ было предложено нарисовать узоръ той вышивки. Дьяконова изобразила нѣчто, совершенно непохожее на рисунокъ вещественнаго доказательства. Далѣе, такъ какъ Ксенія, подобно сестрѣ, утверждала, что у слѣдователя она, говоря только о красныхъ ниткахъ, ошиблась, а теперь вспомнила, что были и черныя нитки, то я предложилъ ей объяснить, какъ чередовались эти два цвѣта на вышивкѣ. Свидѣтельница очень увѣренно заявила, что чернаго цвѣта было столько же, сколько и краснаго—пополамъ, и что черный цвѣтъ все время чередовался съ краснымъ—«крестикъ черный, крестикъ красный, крестикъ черный, крестикъ красный», а на тряпкѣ, приложенной въ качествѣ вещественнаго доказательства, черныхъ нитокъ гораздо меньше, чѣмъ красныхъ, и идутъ онѣ лишь съ одного бока въ видѣ маленькаго стерженька, сплошь зашитаго черными нитками.

Несмотря на все это, какъ только Ксеніи Дьяконовой предъявили тряпку, она немедленно заявила, что это та самая, чеберяковская.

— Но вы же рисовали и разсказывали совсѣмъ иначе?

— Теперь я вижу, что та самая.

Такая же исторія повторилась при предъявленіи пріобщенныхъ къ дѣлу листковъ съ проколами, совершенно непохожихъ на рисунокъ, сдѣланный свидѣтельницею слѣдователю. Она сейчасъ же заявила: «я припоминаю, что начерчено неправильно».

Предсѣдатель. Почему же вы тогда этого не заявляли?

Кс. Дьяконова. Теперь я припоминаю, что бумага была другого размѣра, чѣмъ нарисовано...

О предъявленіи листковъ Екатеринѣ Дьяконовой защита уже не просила.

Но самая интересная часть показанія этой свидѣтельницы—разсказъ о таинственной маскѣ. Какъ уже изложено, Красовскій, ссылаясь на слова Екатерины Дьяконовой, воспроизвелъ даже картину убійства: какъ кололи, затыкали наволочкой ротъ и вымакивали кровь тряпками, чтобы не разбрызгать. «Все это по-дружески разсказала мнѣ сама Вѣрка» — такъ, по удостовѣренію Красовскаго, говорила, будто бы, ему Екатерина Дьяконова. Однако сія послѣдняя на слѣдовательскомъ допросѣ не рѣшилась показать, что Чеберякова ей прямо созналась въ убійствѣ. Но заявить, что она вовсе ничего подобнаго Красовскому не говорила — Дьяконовой тоже нельзя было. И вотъ, въ протоколѣ ея допроса читаемъ: «Передъ Пасхой въ 1912 году, когда я однажды часовъ около 8 вечера шла къ одной своей знакомой, живущей на Кадетскомъ шоссе, ко мнѣ, возлѣ больницы для чернорабочихъ, подошелъ человѣкъ въ маскѣ. Ни по голосу, ни по фигурѣ я его опознать не могла и до сихъ поръ не знаю, кто это былъ... Подойдя ко мнѣ, незнакомецъ назвалъ меня по имени и сказалъ, что онъ меня знаетъ и видѣлъ меня у Чеберяковой... я съ нимъ простояла часовъ до 11 и къ своей знакомой такъ и не попала. Во все это время онъ велъ со мною общіе разговоры и не касался дѣла Ющинскаго. Онъ тогда же мнѣ назначилъ свиданіе тамъ же на второй или третій день. Я въ то время еще съ Красовскимъ не была знакома... Я была на свиданіи и снова встрѣтилась съ маской... Маска сказала, что собирается компанія, чтобы убить судебнаго слѣдователя Фененко, Красовскаго и Иванова и что для этого дѣла нужна я

На мой вопросъ, зачѣмъ я имъ нужна, онъ отвѣтилъ, что не нужно будетъ ничего дѣлать, а что я лишь буду стоять на стражѣ... Слѣдующаго свиданія онъ мнѣ не назначалъ, но сказалъ, что можетъ быть встрѣтимся случайно. Маска въ этотъ день предлагала мнѣ поѣхать ужинать. На мой вопросъ, какъ онъ въ маскѣ поѣдетъ ужинать, онъ сказалъ, что я должна буду войти первой и заказать ужинъ, а онъ явится впослѣдствіи. Я отказалась ужинать за неимѣніемъ свободнаго времени... Дня черезъ два-три послѣ этого я снова встрѣтила маску... Онъ снова сталъ меня уговаривать не бояться того дѣла, которое онъ мнѣ раньше предлагалъ. Я тогда же сказала ему, что соглашусь вступить въ ихъ дѣло только тогда, когда онъ скажетъ, кто убилъ Ющинскаго. Этотъ способъ узнать, кто убилъ Ющинскаго, принадлежитъ мнѣ, и меня къ этому никто не подговаривалъ. Онъ отказался... Я стала шутя его упрашивать... Я ему высказала, какъ свое мнѣніе, что убійство было въ квартирѣ Чеберяковой. Тогда онъ отвѣтилъ: «какая хитрая! сама знаетъ, а спрашиваетъ». Бесѣда у насъ становилась болѣе откровенной... Въ дальнѣйшемъ онъ уже безъ вопросовъ съ моей стороны самъ разсказалъ, что убійство было совершено въ квартирѣ Чеберяковой тремя лицами: Латышевымъ, Сингаевскимъ и Рудзинскимъ, что Ющинскаго кололи шайками и кровь впитывали въ тряпки... На этомъ наша бесѣда окончилась.. Я ушла и больше мнѣ съ нимъ не приходилось встрѣчаться».

На судѣ Дьяконова подтвердила свой разсказъ о маскѣ почти буквально, пояснивъ, что первый разъ бесѣдовала съ маской три часа. На изумленный вопросъ: «о чемъ же?», отвѣчала: «такъ-себѣ».

Такого же характера были и другіе ея отвѣты, вродѣ, напримѣръ, слѣдующихъ:

— Когда вы разговаривали съ маской, публика проходила?

— Да, проходила.

— Не обращали на васъ проходившіе вниманія: стоитъ барышня съ человѣкомъ въ маскѣ и разговариваютъ?

— Это было въ тѣни.

— А васъ не удивило, что по Кіеву ходитъ человѣкъ въ маскѣ?

— Я спросила его, но онъ мнѣ не отвѣтилъ.

Итакъ, первоисточникомъ свѣдѣній о Сингаевскомъ, Рудзинскомъ и Латышевѣ, о томъ, что убивали у Чеберяковой, оказалась... таинственная маска!

Повторился тотъ же заколдованный кругъ, которымъ выгораживалъ себя Мищукъ:

— Откуда извѣстно, что убивали Цупенко и Кучеренко, а вещи закопали на Юрковской горѣ?

— Отъ подсѣвайлы Кушнира.

Обращаются къ Кушниру. Онъ невозмутимо поясняетъ, что знаетъ это дѣло отъ неизвѣстнаго человѣка, свиданіе съ которымъ устроилъ ему Мищукъ.

Въ такомъ родѣ и здѣсь. Гдѣ первоисточникъ? Красовскому извѣстно, что убивали у Чеберяковой, что затыкали ротъ наволочкой, а кровь «вымакивали» тряпками. Извѣстно со словъ Дьяконовой. А ей разсказалъ незнакомецъ въ маскѣ, предлагавшій убить того Красовскаго, котораго Дьяконова тогда, по ея словамъ, даже и не знала.

Впрочемъ, въ концѣ своего показанія слѣдователю, Екатерина Дьяконова начинаетъ увѣрять, что ей полусозналась дочь Чеберяковой, десятилѣтняя Люда, на разспросы Дьяконовой будто бы сказавшая, что «мама не убивала, а стояла въ это время на лѣстницѣ», что «кололи швайками, взятыми у Мифле, а потомъ ихъ повыбрасывали».

На судѣ Дьяконова заявила, что признаніе это происходило весной, а слѣдователю—что послѣ смерти Вали, которая умерла въ августѣ. Кромѣ того, въ другомъ мѣстѣ своего обширнаго показанія, Дьяконова говорила, что на все время убійства Чеберякова отослала дѣтей къ родственникамъ, гдѣ тѣ и ночевали, и что дѣти ужасно боялись и слушались Чеберякову и противъ воли матери никогда ничего не дѣлали и не говорили.

Хорошо, что послѣ повѣствованій Дьяконовой о маскѣ показаніе ея пріобрѣло совершенно опереточный характеръ. Хорошо, что всѣ ея безчисленныя нелѣпости и противорѣчія весьма рельефно, отчетливо вылѣзли наружу. Хорошо, что судебный слѣдователь Машкевичъ съ большимъ талантомъ и съ отмѣннымъ терпѣніемъ тщательно допросилъ сестрицъ о всѣхъ подробностяхъ ихъ встрѣчъ, ночевокъ и сновидѣній. Если бы только къ этимъ показаніямъ отнестись поверхностно, если бы не поставить ребромъ вопроса о первоисточникѣ сихъ свѣдѣній, если бы сразу предъявить свидѣтельницамъ и листки съ проколами, и тряпку съ вышивкой—тогда весьма возможно, что у людей, недостаточно вдумчивыхъ, создалось бы впечатлѣніе совершенно иное.

Недаромъ защита такъ негодовала на слѣдователя, что онъ не предъявилъ свидѣтельницамъ вещественныхъ доказательствъ.

Недаромъ послѣ того, какъ мы убили въ судѣ цѣлый день на допросъ Дьяконовыхъ, пятый защитникъ, Григоровичъ-Барскій заявилъ «подъ занавѣсъ»: «Я прошу обратить вниманіе присяжныхъ засѣдателей, что сегодня въ теченіе цѣлаго дня имя Бейлиса не было произнесено ни разу».

Дѣйствительно, произнесено не было, но кто же тому причиной? Не тѣ ли, кто и на предварительномъ и на судебномъ слѣдствіи прилагали всѣ усилія, чтобы *отвлечь вниманіе* отъ Бейлиса?

Показаніе Дьяконовыхъ не осталось одинокимъ. Въ подтвержденіе ему была выдвинута свидѣтельница Малицкая, сидѣлица винной лавки, помѣщавшейся въ первомъ этажѣ того дома, гдѣ во второмъ этажѣ жили Чеберяковы.

Допрошенная слѣдователемъ первый разъ 8 іюля 1911 г., она показала, что «рѣшительно ничего по настоящему дѣлу не знаетъ», съ Чеберяковой состоитъ въ ссорѣ: «Какъ-то во дворѣ я взяла ее за плечо, а она ударила меня по физіономіи — съ тѣхъ поръ я съ ней и разссорилась». Вслѣдъ затѣмъ Малицкая начала заявлять иное: что она слышала въ квартирѣ Чеберяковой какую-то странную возню и дѣтскій крикъ, а потому не сомнѣвается, что убійство Ющинскаго совершено именно тамъ. Однако, будучи допрошена по сему поводу въ полиціи, свидѣтельница показала, что возня эта происходила въ 7—8 часовъ вечера и лишь впослѣдствіи пріурочила описываемыя ею событія къ 11 часамъ утра, объяснивъ, что полиція ее неправильно поняла, а слѣдователю она первый разъ ничего не показала отчасти потому, что опасалась Чеберяковой, отчасти потому, что была занята и не раздумывала надъ этимъ случаемъ. Вообще, съ показаніемъ Малицкой произошло какъ разъ обратное тому, что всегда бываетъ со свидѣтельскими показаніями. Обычно, чѣмъ больше времени проходитъ послѣ описываемаго событія, тѣмъ болѣе человѣческая память тускнѣетъ и свидѣтель подробности, оттѣнки, которые онъ помнилъ вначалѣ, потомъ забываетъ. Не то было съ Малицкой: съ каждымъ новымъ слѣдовательскимъ допросомъ она воспроизводила все новыя подробности, которыя слышало ея чуткое ухо въ квартирѣ Чеберяковой и, наконецъ, на судѣ свидѣтельница разсказала намъ о «слабомъ звукѣ черезъ носъ», который былъ изданъ ребенкомъ, о томъ, какъ она по

Н. А. МАШКЕВИЧЪ, Судебный Слѣдователь.

шуму опредѣлила длину мягкаго предмета, который тащили во второмъ этажѣ, о томъ, что когда несли, то Чеберякова шла посерединѣ и т. д.—все это она слышала изъ своей квартиры.

Во время мѣстнаго осмотра судомъ былъ произведенъ опытъ: часть судей и присяжныхъ засѣдателей помѣстились въ квартирѣ Малицкой, а другая часть наверху, въ квартирѣ Чеберяковой, гдѣ велѣли мальчику бѣгать и кричать. Я былъ во второмъ этажѣ. Тѣ изъ бывшихъ въ первомъ этажѣ, кого я спрашивалъ, всѣ говорили мнѣ, что никакого крика они не слыхали и отдѣльныхъ шаговъ различить совершенно не могли. Если даже допустить, что при очень изощренномъ слухѣ можно было уловить крикъ и отдѣльные шаги, то, во всякомъ случаѣ, было очевиднымъ, что невозможно, немыслимо различить тѣ оттѣнки и подробности, о которыхъ показывала Малицкая.

Такимъ образомъ, и показаніе Малицкой едва ли произвело болѣе убѣдительное впечатлѣніе, чѣмъ показаніе Дьяконовыхъ.

Однако, кругъ доказательствъ, пріуроченныхъ къ квартирѣ Чеберяковой, симъ еще не заканчивается. По сосѣдству отъ нея проживала нѣкая Адель Равичъ, державшая тутъ же, на Верхней Юрковицѣ, бакалейную лавочку. Эту Равичъ судебный слѣдователь Фененко допрашивалъ дважды—22 апрѣля и 18 октября 1911 г.

Свидѣтельница дала показанія, по существу не имѣющія особаго значенія—о горѣ Андрюшиной бабушки, о разсказѣ дѣвочекъ Чеберяковъ, какъ бывалъ у нихъ Андрюша, но свой взглядъ на дѣло она выразила очень опредѣленно. Въ показаніи ея читаемъ:

«Въ тотъ день, когда былъ обнаруженъ трупъ Андрея Ющинскаго, я около 11 часовъ вечера уѣхала съ сестрой въ Минскую губернію и о находкѣ этого трупа услышала около пяти часовъ вечера. Уѣзжая изъ Кіева, я была увѣрена, что убійство это совершено евреями и въ вагонѣ объ этомъ говорила своей сестрѣ, причемъ говорила ей, что лѣтъ двадцать тому назадъ въ мѣстечкѣ Долгиновѣ, Вилейскаго уѣзда, Виленской губерніи, гдѣ жила тогда и я, былъ похищенъ евреями сынъ мѣстнаго обывателя Красовскаго, причемъ трупъ мальчика, всего исколотаго, нашли потомъ въ лѣсу. Послѣ этого случая въ Долгиновѣ былъ даже еврейскій погромъ. Вамъ, можетъ быть, и странно слышать, что евреи могутъ убить ребенка для того,

чтобы взять изъ него кровь, а я вотъ въ этомъ убѣждена. Въ Долгиновѣ убійство тогда было тоже передъ Пасхой».

Пока тянулось слѣдствіе, Адель Равичъ и ея мужъ эмигрировали въ Америку. Едва ли въ этомъ фактѣ можно видѣть что-либо особенное. Среди виленскихъ католиковъ-поляковъ, къ числу которыхъ принадлежали супруги Равичъ, отъѣздъ въ Америку очень распространенъ и представляетъ явленіе заурядное, особенно для людей бездѣтныхъ, какими были Равичъ. Но сіе событіе дало возможность валить на уѣхавшихъ Равичъ—какъ на мертвыхъ—всякую небылицу, что и было использовано въ широкихъ размѣрахъ.

Убитаго Ющинскаго завернули на первое время въ чеберяковскій коверъ—таково было одно изъ положеній самой послѣдней бразулевской версіи. Соотвѣтственно сему, Екатерина Дьяконова, придя, будто бы, 12 марта къ Чеберяковой, обратила вниманіе не только на скрывавшихся въ сосѣдней комнатѣ четырехъ «хлопцевъ», въ числѣ которыхъ былъ сидѣвшій тогда подъ стражей Лисуновъ, не только на бадію съ холодной грязной водой, въ которой Вѣрка собиралась купать своего Василія Петровича, но и на подозрительно завернутый коверъ, а затѣмъ ей, Дьяконовой, приснился сонъ, что въ коврѣ лежалъ убитый Ющинскій. Но такъ какъ предмета, завернутаго внутрь ковра, нельзя видѣть даже и во снѣ, ибо коверъ тому мѣшаетъ—то, вѣроятно, по этой причинѣ, защитникъ подсудимаго Зарудный спросилъ Дьяконову: «Свидѣтельница, вы видѣли трупъ завернутымъ въ коверъ или лежащимъ на коврѣ?» И уже предсѣдатель остановилъ тогда Зарудnаго, сказавъ: «Г. защитникъ, не все ли равно, какой сонъ видѣла свидѣтельница».

Но оказалось, что рѣчь идетъ не только о снѣ. Когда допросъ Ек. Дьяконовой перешелъ къ Грузенбергу, то послѣдовали такіе вопросы и отвѣты:

Грузенбергъ. Вы были знакомы съ Аделью Равичъ?

Дьяконова. Была.

Грузенбергъ. О чемъ вы бесѣдовали съ Аделью Равичъ?

Дьяконова. Она говорила мнѣ, что знаетъ что-то страшное относительно Чеберяковой, но боится сказать, чтобы ея не выдать.

Грузенбергъ. А затѣмъ?

Дьяконова. А потомъ говорила мнѣ, что видѣла у Чеберяковой въ квартирѣ въ коврѣ завернутый трупъ Ющинскаго.

Грузенбергъ. Объ этомъ разговорѣ съ Аделью Равичъ вы говорили кому-нибудь?

Дьяконова. Нѣтъ, никому не говорила.

Грузенбергъ. Полковнику Иванову или слѣдователю?

Дьяконова. Не говорила, такъ какъ я ей дала слово, что я никогда никому не скажу.

Грузенбергъ. Значитъ, Адель Равичъ говорила, что, зайдя, она застала, *по ея мнѣнію*, трупъ завернутый въ коверъ и что боится разсказать объ этомъ?

Дьяконова. Да.

Какой удачный допросъ! Какъ своевременно сказано это «а затѣмъ», послужившее какъ бы шторами, благодаря которымъ свидѣтельница повѣдала ту страшную улику, которую она таила даже отъ слѣдователя, хотя слѣдователю чего-чего только она не разсказала. И какъ деликатно обойдена эта маленькая непріятность, что завернутаго въ коверъ вообще нельзя видѣть, ибо оно завернуто. Вмѣсто того, чтобы, подобно Зарудному, ставить точки на і, здѣсь къ показанію незамѣтно добавили всего три слова: «по ея мнѣнію» — и вышло совсѣмъ хорошо. «По мнѣнію Равичъ въ коврѣ лежалъ трупъ»—это, конечно, куда правдоподобнѣе, чѣмъ утвержденіе, что Равичъ «видѣла трупъ, завернутый въ коверъ». Показаніе Дьяконовой слегка передѣлали на болѣе правдоподобный манеръ....

Но этимъ исторія съ ковромъ и съ признаніями Равичъ не кончилась. Въ числѣ свидѣтелей, слѣдователемъ не допрошенныхъ, но вызванныхъ прямо въ судъ, былъ нѣкто Вышемирскій, на котораго защита сослалась по вопросу о томъ, бывали ли дѣти Чеберяковы на заводѣ у Бейлиса. Однако, свидѣтель, ни слова не говоря по этому предмету, началъ съ совершенно иной темы:

«Равичъ мнѣ разсказывалъ,—таково показаніе Вышемирскаго,— что его жена зашла въ квартиру Чеберяковой и наткнулась на трупъ—увидѣла, что тамъ въ коврѣ былъ завернутъ мальчикъ».

Тщетно старались добиться отъ свидѣтеля, о чемъ еще, кромѣ столь ошеломляющаго признанія, шла тогда рѣчь и почему Равичъ вздумалъ пускаться въ такія откровенности. Вышемирскій пояснилъ лишь, что было это передъ отъѣздомъ Равичей въ Америку, когда Равичъ, котораго онъ зналъ давно, пришелъ къ нему прощаться. Рѣшительно ни о какихъ подробностяхъ ну-

тешествія не было тогда разговора: ни о томъ, въ какомъ городѣ Равичи сядутъ на пароходъ, ни о томъ, гдѣ именно въ Америкѣ поселятся и чѣмъ собираются тамъ заняться. По удостовѣренію Вышемирскаго, Равичъ сказалъ про трупъ мальчика, завернутый въ коверъ, и только: сказалъ и ушелъ.. Единственная подробность, которую удалось выяснить перекрестнымъ допросомъ, что, согласно разсказу Равича, коверъ съ трупомъ *лежалъ въ ваннѣ*!

Впечатлѣніе отъ сего свидѣтельскаго показанія было настолько несомнѣннымъ, что защитникъ Бейлиса, Григоровичъ-Барскій, счелъ нужнымъ заявить суду: «защита не знала, что свидѣтель сообщитъ о разсказѣ Равичъ», а другой защитникъ, Маклаковъ, нашелъ не лишнимъ предложить вопросъ:

— Свидѣтель, вы сами-то повѣрили разсказу?

— Мнѣ кажется,—отвѣтилъ Вышемирскій,—для Равича не было никакого интереса сочинять.

— Не подумали вы, что онъ просто болтаетъ?

— Нѣтъ, повѣрилъ.

Выходомъ изъ положенія, столь во-время предложеннымъ, свидѣтель рѣшительно пренебрегъ и отвергъ протянутую ему такъ умѣло руку помощи....

Такимъ образомъ, послѣ его показанія, исторія съ ковромъ обрисовалась въ слѣдующемъ видѣ: когда послѣдняя «бразулевская версія», сирѣчь повѣствованіе о томъ, какъ воры убивали Андрюшу на квартирѣ Чеберяковой, обставлялась для большей убѣдительности «вещественными доказательствами», то коверъ долженъ былъ сыграть роль не менѣе существенную, чѣмъ тряпка съ вышивкой, бумага съ проколами, мѣшокъ съ упругимъ предметомъ и ванна съ мутной водой.

Въ коврѣ лежалъ первое время послѣ убійства трупъ убитаго мальчика...

Когда, однако, это заданіе начали вдвигать въ дѣло, то произошла неудача: на поставленный ребромъ вопросъ о первоисточникѣ такихъ свѣдѣній, Екатерина Дьяконова не нашла у слѣдователя иного, болѣе удовлетворительнаго объясненія, кромѣ ссылки на сонъ: свидѣтельницѣ *приснился* Ющинскій, завернутый въ коверъ. Такъ было на предварительномъ слѣдствіи. Столь слабое мѣсто, очевидно, нуждалось въ подкрѣпленіи. И вотъ, затѣмъ, во время судебнаго разбирательства, Дьяконова, на вопросы Грузенберга, приводитъ, кромѣ сна, уже новую

ссылку, о которой раньше не говорила: она знаетъ, что Ющинскій былъ завернутъ въ чеберяковскій коверъ не только потому, что это ей приснилось, но и потому, что такъ ей разсказывала уѣхавшая въ Америку Адель Равичъ,—а та, молъ, видѣла сама, на яву.

Этого мало: то, что говорила Дьяконовой жена, свидѣтелю Вышемирскому повѣдалъ мужъ. Онъ, Равичъ, передъ отъѣздомъ въ Америку, признался именно въ томъ, въ чемъ призналась въ другое время и въ другомъ мѣстѣ его жена: да, Адель Равичъ видѣла мальчика, завернутаго въ чеберяковскій коверъ. Это мужъ Адели сказалъ Вышемирскому, а Вышемирскій суду, и притомъ совершенно неожиданно, ибо защита, вызвавшая на судъ дотолѣ недопрошеннаго Вышемирскаго, сама-де не знала, что Вышемирскій знаетъ о разсказѣ Равича...

Какія роковыя совпаденія и какіе вѣщіе сны! Пожалуй, даже вѣщій сонъ подсѣвайлы Кушнира о томъ, какъ «воры симулировали убійство ритуальнымъ» — остался далеко позади...

Недоразумѣніе вышло только съ ванной. Видимо, по первоначальному заданію, среди лже-уликъ и вещественныхъ лжедоказательствъ ваннѣ была отведена почти столь же крупная роль, какъ и ковру. Хотя нахожденіе въ кухнѣ ванной представляется явленіемъ самымъ обычнымъ, заурядным. Дьяконова на ванну «обратила особенное вниманіе», но объяснить, чѣмъ именно столь невинный предметъ возбудилъ ея подозрѣніе,—свидѣтельница не сумѣла. И вотъ, на судъ приходитъ, по вызову защиты, недопрошенный ранѣе Вышемирскій, изъ разсказа котораго мы начинаемъ догадываться, что недаромъ вѣщее вниманіе Дьяконовой особенно остановилось на ваннѣ: оказывается, въ ванну положили коверъ съ трупомъ мальчика! Зачѣмъ понадобилось убійцамъ прибѣгать къ такимъ манипуляціямъ,—мало понятно; но развѣ не достопримѣчательна изумительная прозорливость, обнаруженная свидѣтельницею Дьяконовой? Запечатлѣлась въ ея памяти, по какой-то неизвѣстной причинѣ, ванна—и какъ разъ про ванну повѣдалъ Вышемирскому страшную тайну уѣзжавшій въ Америку Равичъ.

Судебный слѣдователь Машкевичъ простеръ тщательность своего изслѣдованія до того, что розыскалъ пресловутый чеберяковскій коверъ и подвергъ его черезъ эксперта химико-микроскопическому анализу. Оказалось, что слѣдовъ крови коверъ не

содержитъ. Такому же анализу подверглись содранныя со стѣнъ чеберяковскіе обои, но и на нихъ кровь не обнаружена.

Едва ли кто-нибудь усумнится въ измышленности, придуманности показаній Вышемирскаго, Малицкой, Дьяконовыхъ. Но поражаетъ *комбинированность* этихъ измышленій. Они тщательно подогнаны одно къ другому, являясь какъ бы частями одного рисунка, одного узора. Этого мало: какъ умѣло пріурочены къ подробностямъ вымысла такія обстоятельства дѣла, которыя можно было усвоить только подробнымъ его изученіемъ. И порочность Чеберяковой, и бумага съ проколами, и тряпка съ вышивкой, и отсутствіе находящихся въ Америкѣ Равичей—все использовано, все сплетено такъ, чтобы придать разсказу полную видимость достовѣрности, опирающейся на объективные факты.

Бороться съ этими хитросплетеніями на судѣ, не имѣя опоры въ актахъ предварительнаго слѣдствія,—было бы очень трудно. Съ другой стороны стоило судебному слѣдователю ограничиться поверхностнымъ, мало вдумчивымъ допросомъ—механическимъ записываніемъ того, о чемъ ему такъ гладко повѣствовали бы свидѣтели,—и воздвигнутое Красовскимъ зданіе осталось бы во всей красѣ. Искусственность, нелѣпости, противорѣчія, приведшія къ полному его крушенію, обнаружились только послѣ ряда глубокихъ, вдумчивыхъ вопросовъ и сопоставленій, предложенныхъ на предварительномъ слѣдствіи, попавшемъ, по обращеніи его къ дослѣдованію, въ руки Н. А. Машкевича. Здѣсь-то и постигла авторовъ послѣдней бразулевской версіи ошибка въ расчетѣ: они, какъ уже указано, имѣли полное основаніе надѣяться, что дослѣдованія совсѣмъ не будетъ и, во всякомъ случаѣ, не могли предполагать, что оное поручатъ такому слѣдователю, какъ Машкевичъ.

VI.

Махалинъ и Караевъ.

Повѣствованіе Бразуля-Брушковскаго о томъ, что Андрюшу убили воры въ квартирѣ Чеберяковой, опиралось одною своею частью на Дьяконовыхъ и Малицкую, на тѣ событія, которыя будто бы происходили у Чеберяковыхъ и названными свидѣ-

тельницами были обнаружены. Но этимъ бразулевскія улики не исчерпывались. Другая ихъ часть гласила о томъ, что видѣнное и слышанное въ квартирѣ Чеберяковой Дьяконовыми и Малицкою вполнѣ согласуется съ тѣмъ *сознаніемъ*, которое учинилъ одинъ изъ убійцъ, Сингаевскій, разслѣдователямъ-добровольцамъ Махалину и Караеву.

Какъ Чеберякова въ самой рѣшительной формѣ отрицала все то, что взводили на нее Дьяконовы и Малицкая, такъ братъ Чеберяковой, Петръ Сингаевскій, по прозвищу Плисъ, заявилъ и слѣдователю, и на судѣ, что никакого убійства онъ никогда не совершалъ, никому въ немъ не сознавался, а Караевъ съ Махалинымъ взводятъ на него, Сингаевскаго, чистѣйшую небылицу.

Показаніе, данное на предварительномъ слѣдствіи Караевымъ, и, за неявкою свидѣтеля, прочтенное на судѣ, сводится къ слѣдующему:

Въ сентябрѣ 1910 года онъ отбылъ въ г. Кіевѣ тюремное заключеніе за преступленіе, предусмотрѣнное 126 ст. Угол. Улож.—принадлежность къ сообществу, поставившему цѣлью своей дѣятельности ниспроверженіе существующаго строя. По отбытіи наказанія уѣхалъ на родину, на Кавказъ, но въ февралѣ 1911 года возвратился въ Кіевъ, прожилъ тамъ почти годъ, въ январѣ 1912 года опять отправился на Кавказъ, но уже черезъ мѣсяцъ, въ февралѣ, сталъ получать письма отъ своего знакомаго, Махалина, съ приглашеніемъ вернуться въ Кіевъ, «но безъ указанія цѣли». «Я полагалъ»,—объясняетъ Караевъ слѣдователю,—«что Махалинъ меня вызываетъ по партійнымъ дѣламъ. На вашъ вопросъ, по дѣламъ какой партіи меня, какъ я предполагалъ, вызывалъ Махалинъ, я, въ виду разъясненія Вами 722 ст. У. У. С., отказываюсь отвѣчать».

Статья 722 Устава Уголовнаго Судопроизводства гласитъ: «свидѣтель не обязанъ отвѣчать на вопросы, уличающіе его самого въ какомъ бы то ни было преступленіи».

Въ Кіевъ Караевъ пріѣхалъ, согласно его показанію, въ первыхъ числахъ апрѣля 1912 г. и на второй же день Махалинъ ему объяснилъ, что съ нимъ желаетъ видѣться человѣкъ, заинтересованный дѣломъ Ющинскаго. «Дня черезъ два»,—продолжаетъ свое показаніе Караевъ:—«ко мнѣ въ гостиницу Михайловскаго монастыря, гдѣ я остановился, вечеромъ явился Махалинъ въ сопровожденіи господина, назвавшагося Кара-

севымъ, оказавшагося впослѣдствіи бывшимъ Начальникомъ Сыскной Полиціи—Красовскимъ. Красовскій мнѣ сказалъ, что, по имѣющимся у него свѣдѣніямъ, я, по содержанію въ тюрьмѣ вмѣстѣ съ общеуголовными преступниками, пріобрѣлъ связи съ преступнымъ міромъ, а потому онъ предлагаетъ мнѣ использовать эти связи для розысковъ по дѣлу Ющинскаго, которому, по мнѣнію Красовскаго, придаютъ совершенно неправильный характеръ—ритуальный. Такое предложеніе Красовскаго было для меня совершенно неожиданно, и я ему заявилъ, что я дамъ ему отвѣтъ дня черезъ два, обдумавъ это предложеніе и посовѣтовавшись съ товарищами. Я посовѣтовался съ товарищами, которые нашли, что дѣло Ющинскаго пріобрѣло большой общественный интересъ вслѣдствіе того, что ему приданъ характеръ ритуальнаго, почему совершенно не будетъ противорѣчить нашимъ принципамъ выясненіе этого дѣла съ возможной полнотой. Кромѣ того, у меня были еще и соображенія личнаго характера, а именно: въ прессѣ появились противъ меня инсинуаціи, будто я состою сотрудникомъ охраннаго отдѣленія и, хотя эти инсинуаціи въ той же прессѣ были впослѣдствіи опровергнуты, но относительно моей репутаціи остался непріятный осадокъ въ средѣ товарищей, и я находилъ, что работа моя по дѣлу Ющинскаго можетъ быть подходящимъ легальнымъ случаемъ для реабилитаціи моего имени. Поэтому, дня черезъ три я объявилъ явившемуся ко мнѣ съ Махалинымъ Красовскому что готовъ принять участіе въ розыскѣ убійцъ Ющинскаго. Со времени пріѣзда сюда въ апрѣлѣ и до настоящаго времени — 18 іюля 1912 г.—я добываю себѣ средства уроками, кромѣ того, мнѣ помогаютъ мои старые товарищи, а затѣмъ у меня есть невѣста, обладающая большими средствами и оказывающая мнѣ матеріальную поддержку».

Красовскій посвятилъ его, Караева, въ нѣкоторыя детали дѣла и сказалъ, что располагаетъ основательными данными о томъ, что къ убійству причастна Вѣра Чеберякова, у которой былъ воровской притонъ; изъ этого Красовскій дѣлалъ выводъ, что убійство Ющинскаго есть дѣло воровъ. Тогда онъ, Караевъ, черезъ знакомаго парикмахера познакомился съ братомъ Чеберяковой, воромъ Сингаевскимъ, и 23 апрѣля устроилъ знакомство Сингаевскаго, по прозвищу Плиса, съ Махалинымъ, а въ бесѣды свои съ Плисомъ посвящалъ Бразуль-Брушковскаго и Красовскаго, который говорилъ что-то, въ связи съ Сингаев-

скимъ, о Рудзинскомъ и Латышевѣ, но что именно — изгладилось изъ памяти. Вслѣдъ затѣмъ, на совѣщаніи Бразуля, Красовскаго, Махалина и Караева было рѣшено дѣйствовать болѣе энергично, а для этого придуманъ такой пріемъ: Караевъ долженъ былъ сказать Плису, что получилъ вѣрныя свѣдѣнія о предстоящемъ арестѣ по дѣлу Ющинскаго его, Плиса, и Чеберяковой.

24 апрѣля, зазвавъ Сингаевскаго въ ресторанъ, онъ, Караевъ, приступилъ къ выполненію предначертаннаго. Плисъ, будто бы, страшно заволновался и сказалъ: «пойдемъ, сегодня же пришьемъ (т. е. убьемъ) двухъ Дьяконовыхъ.

Караевъ спросилъ: «Какихъ Дьяконовыхъ»?

— «Это шмары (дѣвицы неодобрительнаго поведенія), которыя подсѣваютъ (выдаютъ)»,—отвѣтилъ Сингаевскій.

«Тогда только впервые я узналъ фамилію Дьяконовыхъ»— поясняетъ слѣдователю Караевъ.

Далѣе, по его словамъ, дѣло пошло еще успѣшнѣе: онъ позвалъ Сингаевскаго къ себѣ въ гостиницу, чтобы тамъ все обсудить сообща съ Махалинымъ, которому, де, можно вѣрить такъ же, какъ и ему, Караеву. Плисъ согласился и тогда, въ номерѣ, обращаясь къ пришедшему туда Махалину, Караевъ, указывая на Плиса, сказалъ: «Вотъ настоящій убійца Ющинскаго и вмѣстѣ съ нимъ участвовали Вѣра Чеберякъ, Рудзинскій и Латышевъ».

— «Да, это наше дѣло»,—отозвался Плисъ.

Тогда онъ, Караевъ, предложилъ подумать о мѣрахъ для спасенія Плиса и всей его компаніи, а Махалинъ замѣтилъ, что для принятія мѣръ нужно знать сущность дѣла,—разсчитывая, де, вызвать такимъ замѣчаніемъ Плиса на откровенность.

Плисъ сталъ разсказывать, что не нужно было байструка близко прятать, а слѣдовало или въ Днѣпръ спустить или повезти въ корзинѣ по желѣзной дорогѣ и сбросить.

На вопросъ Караева, почему же дѣло было сдѣлано такъ глупо, послѣдовалъ, будто бы, отвѣтъ Плиса: «Это все министерская голова Рудзинскаго расписала такъ».

Имѣя въ виду вывѣдать у Сингаевскаго что-нибудь о мѣстѣ нахожденія вещей Ющинскаго, необнаруженныхъ при трупѣ, и желая эти вещи какъ-нибудь отъ Плиса получить, онъ, Караевъ, высказалъ ему такую мысль: если есть гдѣ-нибудь подобныя вещи, то ихъ можно подбросить какому нибудь еврею, знако-

мому Бейлиса, а затѣмъ написать анонимное письмо о мѣстѣ нахожденія вещей, но вещи, де, должны быть настоящія, не сфабрикованныя. Эта мысль, будто бы, очень понравилась Сингаевскому; онъ согласился, но, не называя вещей и не указывая, гдѣ онѣ хранятся, заявилъ, что долженъ посовѣтоваться съ Рудзинскимъ.

Казалось бы, еще одинъ шагъ и дѣло раскрыто: убійца попадается съ вещественными доказательствами—не такими, которыя Мищукъ откопалъ на Юрковской горѣ, а настоящими, не сфабрикованными. Но тутъ-то, на самомъ «интересномъ мѣстѣ» все и оборвалось: свиданіе Плиса съ Рудзинскимъ не состоялось, а тѣмъ временемъ появились, де, преждевременныя газетныя разоблаченія, и — заканчиваетъ Караевъ: «въ глазахъ Плиса я былъ проваленъ».

И Красовскій, и Бразуль-Брушковскій, и Махалинъ старались всячески подкрѣпить разсказъ Караева, придать ему больше вѣры, значенія. Такъ, напримѣръ, въ показаніи Махалина находимъ пространное описаніе того, какимъ замѣчательно благороднымъ человѣкомъ былъ Караевъ и сколь безграничнымъ довѣріемъ, авторитетомъ онъ пользовался среди преступнаго міра. Однако, когда партнерамъ Караева пришлось отъ изъявленій ему довѣрія и уваженія перейти къ изложенію событій, повторилась та же исторія, что и съ разсказомъ Дьяконовой: получилось множество противорѣчій столь острыхъ и непримиримыхъ, что не только караевское показаніе оказалось совершенно разрушеннымъ, но и обрисовался весьма отчетливо его настоящій источникъ, его подлинное происхожденіе, не имѣющее ничего общаго съ Плисомъ и плисовскими, будто бы, признаніями. Правда, на судѣ партнеры Караева старались по возможности затушевать, сгладить наиболѣе острые, опасные углы сихъ противорѣчій, но таковыя были настолько закрѣплены протоколами предварительнаго слѣдствія, что отвертѣться отъ нихъ оказалось задачею мало благодарною.

Такъ, Махалинъ воспроизвелъ судебному слѣдователю сознаніе Сингаевскаго въ такомъ видѣ: придя къ Караеву въ номеръ, онъ засталъ тамъ Караева и Сингаевскаго видимо взволнованными и спросилъ, что случилось. Тогда Караевъ попросилъ у Сингаевскаго позволенія разсказать, въ чемъ дѣло, ручаясь за него, Махалина, какъ за человѣка вѣрнаго, надежнаго.

Сингаевскій, хотя и неохотно, согласился.

Караевъ сказалъ, что убійство байструка, которое «шьютъ жиду Бейлису»,—«ихъ дѣло»—и при этомъ указалъ на Сингаевскаго. Въ послѣднее время начали до нихъ доискиваться и уже состоялось постановленіе арестовать Сингаевскаго, который, де, такъ нуженъ для крупной кражи, задуманной имъ, Караевымъ, вмѣстѣ съ Махалинымъ. «Послушай, Петя»,—обратился затѣмъ Караевъ къ Петру Сингаевскому, — «разскажи подробнѣе объ этомъ дѣлѣ, чтобы мы знали, какъ можно помочь».

Тогда Сингаевскій объяснилъ, что убивали у его сестры онъ, Рудзинскій, Латышевъ. Только прихватили байструка, какъ къ сестрѣ постучались и вошли двѣ шмары. «Ни насъ, ни байструка онѣ не видѣли, — продолжалъ Сингаевскій, — такъ какъ мы убѣжали въ другую комнату, а байструкъ былъ покрытъ пальто». Шмары спросили у Чеберяковой о томъ, что подъ пальто; та отвѣтила, что хлопцы принесли барахло (краденое). Когда нашли тѣло Ющинскаго, шмары догадались, но сперва молчали, а теперь начали *капать* (т. е. понемногу выдавать). У Махалина явилась тогда мысль какъ-нибудь вывѣдать отъ Сингаевскаго о вещахъ Ющинскаго и онъ, обращаясь къ Караеву, сказалъ: «Хорошо было бы, если бы отъ байструка остались какія-либо вещи; можно было бы ихъ сунуть какому-нибудь жиду, но непремѣнно цадику, тогда былъ бы у Бейлиса соучастникъ и жидамъ изъ этого дѣла не вылѣзть, а обвиненіе противъ Петьки отпало бы».

Эта мысль очень понравилась Сингаевскому, но онъ не указалъ, гдѣ вещи, а сказалъ, что нужно посовѣтоваться съ Рудзинскимъ. О Латышевѣ Плисъ говорилъ, какъ о «слабомъ человѣкѣ въ мокромъ дѣлѣ»[1]), изъ чего Махалинъ вывелъ заключеніе, что Латышевъ непосредственнаго участія въ убійствѣ не принималъ.

Подтверждая на судѣ это свое показаніе, Махалинъ добавилъ еще одну подробность: Сингаевскій, говоря о Латышевѣ, будто бы выразился, что тотъ во время убійства «поѣхалъ въ Ригу»,—т. е. его стошнило, вырвало.

Общее сопоставленіе махалинскаго разсказа съ показаніемъ Караева уже даетъ большую разницу. Тема одна, но обработка совершенно иная: ходъ передаваемаго разговора, порядокъ во-

[1]) На воровскомъ жаргонѣ «мокрое дѣло»—убійство.

просовъ и отвѣтовъ, ихъ связь—совсѣмъ иные. Есть разнорѣчія и въ чисто фактической сторонѣ — Махалинъ, напримѣръ, показываетъ, что, перечисляя убійцъ, Сингаевскій не только называлъ Латышева, но даже говорилъ именно о немъ очень характерныя фразы (слабый человѣкъ въ мокромъ дѣлѣ и т. д.), между тѣмъ, согласно показанію Караева, Сингаевскій про Латышева ни словомъ не заикнулся: «о Латышевѣ совсѣмъ ничего не говорилъ» — такъ удостовѣряетъ Караевъ слѣдователю.

Если эти разнорѣчія еще можно объяснить, хотя и съ грѣхомъ пополамъ, естественнымъ путемъ—запамятованія, ошибокъ, неточностей, то положеніе становится вовсе безвыходнымъ при дальнѣйшихъ сопоставленіяхъ.

Такъ, Бразуль-Брушковскій сообщаетъ по сему поводу слѣдующее:

«Рѣшено было, что въ одно изъ свиданій Караевъ долженъ напоить Плиса, привести ночевать его къ себѣ на квартиру и тамъ уже осторожно завести разговоръ по дѣлу Ющинскаго. Приблизительно 18—19 апрѣля Караеву удалось привести Плиса къ себѣ на квартиру... Тамъ они посылали за пивомъ мальчика. Я пришелъ къ Махалину, жившему въ той же гостиницѣ, и Махалинъ, находившійся съ Плисомъ у Караева, вышелъ къ себѣ и передавалъ мнѣ, что Плисъ не пьянъ, а оба они опьянѣли и боятся, какъ бы не испортить дѣла. Я сейчасъ же ушелъ. На другой день Махалинъ и Караевъ мнѣ разсказывали, что... Плисъ проговорился, заявивъ, что убійство Ющинскаго—ихъ дѣло, что Ющинскаго искололъ Борисъ Рудзинскій... Плисъ тогда кромѣ Рудзинскаго никого изъ участниковъ убійства не называлъ».

Нѣчто совершенно новое и неожиданное! Разсказъ Караева и Махалина сводится въ общемъ къ тому, что Сингаевскій сразу же, съ первыхъ словъ, призналъ убійство Ющинскаго своимъ дѣломъ, между тѣмъ изъ показанія Бразуля явствуетъ иное: предварительно пришлось напаивать Плиса, причемъ операція эта затянулась настолько, что начала грозить полной неудачей. Встревоженный Махалинъ, отлучась съ мѣста дѣйствій въ свой номеръ, повѣдалъ прогрессивному журналисту, поджидавшему тамъ результатовъ спаиванья, что дѣло плохо: результаты получаются обратные — спаиваемый трезвъ, а спаиватели охмелѣли. Значитъ, повѣствованіе о томъ, какъ немедленно послѣ прихода Махалина въ караевскій номеръ нача-

лось тамъ сознаніе Плиса во всякомъ случаѣ невѣрно. Началось не сознаніе, а выпивка, притомъ настолько серьезная и продолжительная, что Бразуль, несмотря на всю свою любознательность, конца ея не дождался, ушелъ и лишь на слѣдующій день узналъ, что Плисъ «проговорился» или «полусознался», какъ значится въ заявленіи Бразуля отъ 6 мая 1912 г.

Еще неожиданнѣе показаніе Красовскаго. По его словамъ, когда Караевъ сказалъ Плису о готовящемся арестѣ, Плисъ вскочилъ, ударилъ кулакомъ по столу, закричалъ: «это капаютъ тѣ двѣ шмары», хотѣлъ немедленно ихъ «пришить», но тутъ Караевъ самъ заволновался, сталъ предлагать Сингаевскому цѣлый рядъ вопросовъ, чѣмъ *спугнулъ* Сингаевскаго и тотъ *ограничился только фразой: «безъ Борьки (Рудзинскаго) я тебѣ не могу разсказать»*.

Тѣмъ сознаніе и кончилось. Сингаевскаго спугнули, и онъ разсказывать не пожелалъ... Это даже не «полусознаніе», не *половина* сознанія, а дробь, гораздо болѣе мелкая; во всякомъ случаѣ, съ показаніемъ Караева и Махалина общаго очень мало.

Самымъ важнымъ, однако, является непримиримое противорѣчіе ихъ показаній съ несомнѣнными обстоятельствами дѣла. Оказывается, какъ только «байструка прихватили» и накрыли пальто, такъ появились сестры Дьяконовы и спросили Чеберякову о томъ, что подъ пальто. Она отвѣтила: «барахло». Если Сингаевскій дѣйствительно убивалъ и затѣмъ, въ порывѣ душевнаго волненія, сознавался, то ужъ, конечно, онъ описывалъ совершеніе убійства такъ, какъ оно было, и, во всякомъ случаѣ, подробностей о «шмарахъ» *выдумать* не могъ—это было бы безцѣльно, безсмысленно, прямо-таки невѣроятно.

Между тѣмъ изъ показаній Дьяконовыхъ явствуетъ, что если въ день убійства, 12 марта 1911 г., кто-нибудь изъ нихъ былъ у Чеберяковой, то лишь одна Екатерина, видѣвшая перебѣгавшихъ хлопцевъ, завернутый коверъ, ванну и т. п. Ксеніи тогда съ Екатериною не было—объ этомъ обѣ сестры заявляютъ совершенно опредѣленно.

Такимъ образомъ, сознающійся въ припадкѣ откровенности убійца воспроизводитъ обстановку убійства явно придуманную.

Между тѣмъ, обращаясь къ «бразулевской версіи», къ его заявленію отъ 6 мая 1912 года, читаемъ, что онъ можетъ указать «двухъ свидѣтельницъ, которыя зашли въ квартиру Чеберяковой непосредственно послѣ совершенія убійства».

Не приводитъ ли сіе къ умозаключенію, что первоначальный расчетъ Бразуля и Красовскаго былъ построенъ не только на Екатеринѣ, но и на Ксеніи Дьяконовой. Предполагалось, что обѣ сестры покажутъ, какъ онѣ приходили 12 марта къ Чеберяковой и видѣли тамъ рядъ подозрительныхъ лицъ и предметовъ. Но Ксенія на такое показаніе не рѣшилась и осталась Екатерина одна, да и она о «барахлѣ» ничего не показала.

Отсюда и недоразумѣніе съ сознаніемъ Сингаевскаго, который, если вѣрить Караеву и Махалину, сознался по «бразулевской версіи» даже въ той ея части, отъ которой пришлось отказаться самимъ авторамъ.

Защита Бейлиса не преминула сдѣлать попытку выйти изъ столь непріятнаго положенія: послѣ весьма продолжительнаго допроса Махалина и оглашенія тѣхъ частей его показанія, даннаго у слѣдователя, въ которыхъ свидѣтель противорѣчилъ съ тѣмъ, что онъ говорилъ на судѣ, я обратился къ присяжнымъ засѣдателямъ съ заявленіемъ, въ которомъ просилъ ихъ удержать въ памяти изъ показанія Махалина, что Сингаевскій, сознаваясь ему, сказалъ, будто бы, о приходѣ *двухъ* шмаръ.

Здѣсь защитникъ Бейлиса Карабчевскій перебилъ меня словами: «этого не оглашали».

— Да,—возразилъ я:—но лишь потому, что это было буквально воспроизведено свидѣтелемъ на судѣ. Иначе я, конечно, просилъ бы объ оглашеніи.

Меня поддержалъ Предсѣдатель, заявивъ: «Да, это свидѣтель показывалъ; я слѣдилъ за его показаніемъ».

Тогда Карабчевскій, возобновя допросъ Махалина, спросилъ его: «Относительно этихъ двухъ шмаръ, Сингаевскій вамъ говорилъ, что онѣ *одновременно* пришли?»

Махалинъ. Онъ сказалъ, что двѣ шмары постучались и застали врасплохъ.

Карабчевскій. Не говорилъ ли вамъ Красовскій о какой-нибудь Равичъ и Дьяконовой и о томъ, что 12 марта и одна и другая заходили туда?

Махалинъ. Ничего не говорилъ.

Итакъ, вотъ какой выходъ изъ положенія: двѣ шмары—это уже не Екатерина и Ксенія Дьяконовы, а Екатерина и уѣхавшая въ Америку Адель Равичъ, приходившая, молъ, къ Чеберяковой, можетъ быть, нѣсколько позже и лишенная способовъ что-либо на судѣ опровергать, ибо она въ Америкѣ.

Свидѣтель, однако, не принялъ протянутой ему руки помощи и имѣлъ на то свои основанія: въ показаніи его, данномъ судебному слѣдователю, категорически сказано, что приходили *двѣ сестры*.

Какъ уже упомянуто, разборъ показаній Махалина и Караева даетъ, самъ по себѣ, достаточно указаній и на ихъ измышленность и на источникъ, отъ котораго измышленіе пошло, но и то, и другое становится еще гораздо болѣе очевиднымъ, если обратиться все къ тому же, крайне непріятному для разслѣдователей-добровольцевъ, вопросу: какъ, по чьему приглашенію они вступили въ дѣло, ради чего, собственно, старались и на кого пали весьма немалыя матеріальныя издержки, съ ихъ стараньями сопряженныя.

Въ отношеніи Караева все это особенно интересно, ибо, оказывается, онъ спеціально для розысковъ пріѣхалъ съ Кавказа по письму Махалина, имѣвшему настолько конспиративно-партійный характеръ, что даже говорить объ этой партіи значило изобличать себя въ преступленіи.

Если Бразуль взялся за разслѣдованіе съ цѣлью послужить правосудію, если Красовскій сдѣлалъ то же, дабы «реабилитировать себя» послѣ увольненія со службы начальствомъ, то и Караевъ съ Махалинымъ руководились, по ихъ словамъ, побужденіями, не менѣе идеальными. Махалинъ, согласно его показанію на судѣ, не вѣря въ возможность ритуала, «интересовался правдой, хотѣлъ найти правду», ибо передъ нимъ «вставали ужасы погромовъ», а Караевъ, кромѣ правды, искалъ еще, подобно Красовскому, и «реабилитаціи»—только область, въ которой надлежало реабилитироваться, была другая: представлялось желательнымъ разсѣять подозрѣніе, что онъ, Караевъ,—политическій провокаторъ. Путь къ сему должно признать, впрочемъ, довольно страннымъ и своеобразнымъ: войти въ довѣріе вора предложеніемъ совершать кражи съ нимъ вмѣстѣ; напоить его пьянымъ и, ошеломивъ ложнымъ, вымышленнымъ извѣстіемъ объ опасности, выманить у опьянѣвшаго вора сознаніе, а затѣмъ постараться закрѣпить таковое предложеніемъ подбросить невинному человѣку вещественныя доказательства и написать властямъ анонимное письмо, по которому этотъ невинный человѣкъ будетъ съ поличнымъ, съ вещественными доказательствами, захваченъ,—таковы пріемы, которые должны были наглядно убѣдить, что ихъ авторъ никоимъ образомъ не могъ

раньше быть провокаторомъ. Логика воистину изумительная! Казалось бы, напрашивается умозаключеніе, какъ разъ обратное: только очень опытный, искушенный провокаторъ можетъ изобрѣсти подобный способъ дѣйствій.

Любопытно и другое обстоятельство: какъ могъ человѣкъ, осужденный за принадлежность къ революціонному сообществу и до послѣдняго момента не порвавшій связей съ прежними «товарищами», — какъ онъ могъ сойтись съ бывшимъ начальникомъ сыскного отдѣленія и начать рука объ руку съ нимъ работу по добровольному сыску.

И здѣсь матеріалъ, предназначенный для того, чтобы «разъяснить», только усугубляетъ недоумѣнія.

Такъ, напримѣръ, Красовскій показываетъ по этому поводу слѣдующее: взявшись за добровольные розыски, онъ сказалъ Бразулю, что не имѣетъ *помощника*, которому могъ бы давать порученія. Бразуль отвѣтилъ, что къ нему «обращался съ предложеніемъ услугъ по розыску, какъ волонтеръ, нѣкто Махалинъ, слушатель сельско-хозяйственныхъ курсовъ». Онъ, Красовскій, рѣшилъ все-таки скрыть отъ Махалина свою настоящую фамилію, дабы не привести его въ смущеніе, и назвался Иваномъ Ивановичемъ Карасевымъ. Махалинъ, произведшій на Красовскаго «хорошее впечатлѣніе», предложилъ въ сотрудники Караева.

— «Караева я знаю давно»,—продолжаетъ Красовскій,— «еще по должности начальника сыскной полиціи. Въ 1907 году у него сыскной полиціей были обнаружены бомбы и оружіе. Онъ тогда принадлежалъ къ анархистамъ. За бомбы былъ осужденъ на 4 года въ крѣпость и наказаніе отбывалъ въ тюрьмѣ... Первая встрѣча моя съ Караевымъ въ присутствіи Махалина произошла въ номерѣ гостиницы Михайловскаго монастыря, гдѣ жилъ Караевъ. Онъ продолжалъ выдавать себя за анархиста. Меня не узналъ, хотя Махалинъ и онъ догадывались, что я не Карасевъ. Эта конспирація мною моего имени ихъ не смущала, такъ какъ они сами заинтересовались дѣломъ и видѣли въ моихъ словахъ и дѣйствіяхъ такой же интересъ къ дѣлу».

Прогресивный журналистъ, шествующій по стопамъ Короленки, Дорошевича и сводящій бывшаго начальника сыскной полиціи подъ чужимъ именемъ съ дѣятелями, вродѣ Махалина, представляетъ, конечно, зрѣлище умилительное, но все же, если

возможно допустить, что Красовскаго не зналъ Махалинъ, то это совершенно невѣроятно въ отношеніи Караева. Сыскная полиція, во главѣ которой стоялъ тогда Красовскій, нашла въ 1907 г. у Караева по обыску бомбы, послѣ чего Караевъ долго сидѣлъ въ тюрьмѣ; неужели онъ за это время не узналъ, хотя бы въ лицо, начальника сыскной полиціи? Неужели Красовскій могъ разсчитывать на такую неосвѣдомленность человѣка, «продолжавшаго выдавать себя за анархиста»?

Разумѣется, Красовскій нашелъ себѣ «помощниковъ, которымъ могъ бы давать порученія»,—инымъ путемъ, но какимъ—этого нельзя было сказать на судѣ, почему и понадобился разсказъ о Карасевѣ.

Понимая всю слабость, всю натянутость объясненія, что пріѣхавшій съ Кавказа въ Кіевъ по конспиративно-партійному письму анархистъ Караевъ вдругъ, ни съ того ни съ сего, начинаетъ заниматься сыскомъ по дѣлу Ющинскаго—Махалинъ всячески старался окопать это мѣсто. На судѣ онъ показалъ такъ: «Я пояснилъ Караеву, что есть одно дѣло, которымъ я лично очень заинтересовался, предпринимая розыски; долгъ и совѣсть говорятъ мнѣ, что этимъ дѣломъ нужно заняться. Караевъ отнесся къ моимъ словамъ очень скверно, спросилъ, какое же дѣло, что за розыски? Я отвѣтилъ, что розыски по дѣлу Ющинскаго. Онъ страшно вспылилъ, сказалъ: «Ты мнѣ говоришь, чтобы я розыски велъ!? Какъ ты смѣешь!?»—вынулъ браунингъ... Я по возможности успокоилъ его. Говорю: не волнуйся, сядь, убери браунингъ. Познакомилъ его со своимъ взглядомъ на дѣло, на то, какую злобу вноситъ оно въ темныя массы, когда даже сознательные элементы сомнѣваются. Вскорѣ, чуть ли не на другой день, онъ далъ мнѣ отвѣтъ, что согласенъ».

Описаніе караевскаго гнѣва, скоро, впрочемъ, смѣнившагося на милость, очень красиво, но, къ сожалѣнію, находится въ противорѣчіи съ показаніемъ Красовскаго, удостовѣряющаго, что, познакомясь черезъ Махалина съ Караевымъ и предложивъ ему заняться розыскомъ по дѣлу Ющинскаго, онъ встрѣтилъ со стороны Караева не гнѣвъ или негодованіе, а заявленіе, что надо подумать, посовѣтоваться; отвѣтъ можно дать завтра—послѣзавтра, когда Караевъ и выразилъ свое согласіе.

На очной ставкѣ Красовскаго съ Махалинымъ послѣдній пробовалъ объяснять это противорѣчіе такъ, что свиданій съ

Караевымъ было по вопросу объ участіи Караева въ розыскахъ не одно, а два (чего, однако, раньше Махалинъ не говорилъ). На первомъ свиданіи, гдѣ Красовскаго не было, произошли вспышки гнѣва и вытаскиваніе браунинга, а затѣмъ Махалинъ пришелъ къ Караеву второй разъ уже съ Красовскимъ, и тогда все обошлось спокойно.

Однако, во-первыхъ, выпутавшись этимъ новымъ объясненіемъ изъ противорѣчія съ Красовскимъ, Махалинъ попалъ въ полное противорѣчіе съ разсказомъ самого Караева (см. выше, стр. 99); а во-вторыхъ, тогда представляется непонятнымъ, зачѣмъ же уже рѣшенный вопросъ понадобилось подымать наново и зачѣмъ Караевъ, уже давшій Махалину свое согласіе, говоритъ теперь, что ему надо подумать.

Всѣ сіи странности приводятъ насъ вплотную къ необходимости уяснить себѣ, кто же такіе, въ сущности, эти Караевъ и Махалинъ? Каково ихъ общественное положеніе?

На предложенные мною въ этомъ направленіи вопросы Махалинъ отвѣчалъ съ видимымъ неудовольствіемъ и съ явной неохотой, однако допросомъ удалось все же выяснить, что образовательный его цензъ ограничивается первымъ классомъ Харьковскаго шестиклассnаго земледѣльческаго училища. Когда Махалинъ, достигнувъ 16-лѣтняго возраста, перешелъ во второй классъ, то, въ 1907 году, былъ арестованъ «по обвиненію въ экспропріаціи» и просидѣлъ нѣсколько мѣсяцевъ въ тюрьмѣ, но дѣло о немъ было прекращено.

За это время изучилъ воровской жаргонъ.

Дѣйствительно, показанія его и Караева всѣ испещрены забористыми словечками о ксивѣ, марухѣ, о томъ, какъ пмары капаютъ, байструка прихватываютъ, малины проваливаются и т. д.

Въ земледѣльческую школу послѣ этого онъ уже не возвращался, но въ 1908 году былъ снова арестованъ и просидѣлъ мѣсяца полтора. Далѣе занимался уроками (!?). «Были у меня и безплатные уроки,—поясняетъ Махалинъ,—часто я бесѣдовалъ съ моими учениками на разныя темы и въ популярной формѣ излагалъ отвѣты на животрепещущіе вопросы, вносилъ, такъ сказать, въ ихъ сознаніе искру правды»... На вопросъ, не раздѣлялъ ли свидѣтель программы партіи соціалистовъ-революціонеровъ,—онъ отвѣтить не пожелалъ. Слылъ за студента сельско-хозяйственныхъ курсовъ и носилъ соотвѣтствую-

щую тужурку, но, по его собственнымъ словамъ, посѣтилъ только пять лекцій. На мое замѣчаніе, что, значитъ, онъ является человѣкомъ безъ опредѣленныхъ занятій—очень обидѣлся и заявилъ, что готовится къ оперной карьерѣ: хотя въ консерваторіи или въ какой-либо опредѣленной музыкальной школѣ и не былъ, но беретъ уроки пѣнія.

Допросъ Махалина состоялся 10 и 11 октября 1913 года, а 15 октября 1913 г. въ «Новомъ Времени» за № 13504 появилась замѣтка дословно слѣдующаго содержанія:

«О Махалинѣ. Центромъ вниманія на послѣднихъ засѣданіяхъ Окружнаго Суда по дѣлу Бейлиса былъ нѣкій Махалинъ. Личность эта возбуждала вокругъ себя не мало разнорѣчивыхъ толковъ.

Изъ достовѣрныхъ источниковъ намъ сообщаютъ, что свидѣтель по дѣлу объ убійствѣ Ющинскаго состоялъ секретнымъ агентомъ Кіевскаго охраннаго отдѣленія. Онъ находился въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ завѣдующимъ политическимъ розыскомъ и давалъ свѣдѣнія изъ студенческихъ кружковъ, а также освѣщалъ дѣятельность группы кіевскихъ анархистовъ, куда онъ проникъ со спеціальною цѣлью выдавать членовъ этой организаціи.

Махалинъ, какъ намъ сообщаютъ, былъ «сотрудникомъ» Кіевскаго охраннаго отдѣленія въ теченіе года. Въ минувшемъ іюнѣ мѣсяцѣ завѣдующій политическимъ розыскомъ въ Кіевѣ былъ принужденъ разстаться съ Махалинымъ, такъ какъ онъ проявилъ себя некорректнымъ въ денежныхъ расчетахъ.

Изъ тѣхъ же источниковъ сообщаютъ, что Махалинъ былъ въ сношеніяхъ съ присяжнымъ повѣреннымъ Марголинымъ, который пользовался его услугами».

Номеръ «Новаго Времени» отъ 15 октября съ приведенною замѣткою былъ полученъ въ Кіевѣ задолго до окончанія судебнаго слѣдствія по дѣлу Ющинскаго и до отпуска изъ залы засѣданія свидѣтелей. Слѣдствіе завершилось лишь 22 октября.

Замѣтка произвела «въ кулуарахъ» суда сенсацію и едва ли возможно допустить, чтобы она осталась неизвѣстною Махалину, еще не отпущенному изъ суда. Однако, я не знаю, чтобы онъ привлекъ «Новое Время» за клевету или, по крайней мѣрѣ, печатно выступилъ съ опроверженіемъ означенной замѣтки.

Что касается Караева, то, за неявкою этого свидѣтеля въ судъ, разспросы его о занятіяхъ, объ образѣ жизни сдѣлались

невозможными, но сей пробѣлъ оказался въ значительной мѣрѣ восполненнымъ благодаря весьма интересному письменному документу, именуемому «письмомъ Феофилактова».

Алексѣй Феофилактовъ, анархистъ, лишенный всѣхъ правъ состоянія и бѣжавшій съ поселенія изъ Сибири (отсюда его кличка «Енисейскій»), былъ задержанъ въ Кіевѣ, гдѣ онъ проживалъ подъ фамиліей Томилина, и заключенъ въ тюрьму. Когда Феофилактова выслѣдили и схватили, то на немъ былъ костюмъ, данный ему Караевымъ. Въ тюрьмѣ Феофилактовъ написалъ Караеву письмо, которое было перехвачено, осмотрѣно судебнымъ слѣдователемъ и пріобщено къ дѣлу. Въ письмѣ рядъ условностей, сокращеній—однако, выяснить ихъ смыслъ путемъ сопоставленія представляется вполнѣ возможнымъ. Во всякомъ случаѣ, когда я въ своей рѣчи на судѣ далъ отдѣльнымъ сокращеннымъ фразамъ письма опредѣленное толкованіе и настаивалъ, что иное, по общему содержанію письма, невозможно,—то опроверженій не услышалъ. Зато защита съ большой настойчивостью, энергіею возражала раньше, на судебномъ слѣдствіи, противъ моего ходатайства о прочтеніи письма, ссылаясь на препятствія формальнаго, процессуальнаго характера.

Признавъ письмо подлежащимъ прочтенію, судъ, однако, нѣкоторыя его части, въ виду ихъ революціоннаго содержанія, огласилъ, къ сожалѣнію, въ закрытомъ засѣданіи; это лишаетъ меня права теперь ихъ касаться, но и то, что было заслушано при открытыхъ дверяхъ, я полагаю, уже представляется достаточно убѣдительнымъ.

Общая схема письма такова: Феофилактовъ обвиняетъ Караева въ провокаторствѣ, въ томъ, что Караевъ дѣйствовалъ заодно съ нѣкіимъ «Марой», выдавшимъ Феофилактова властямъ, а Мара—какъ удостовѣрено показаніемъ жандармскаго подполковника Иванова (о немъ ниже)—это присяжный повѣренный Маркъ Виленскій, еврей, другъ и пріятель присяжнаго повѣреннаго Марголина.

Согласно письму, Мара предложилъ Караеву заняться розысками по дѣлу Бейлиса. Неожиданнымъ препятствіемъ къ принятію такого предложенія послужилъ Феофилактовъ, который склонялъ Караева, какъ товарища-анархиста, на совсѣмъ иное: на участіе въ нѣкоемъ чисто революціонномъ дѣйствѣ. Разъ Караевъ, по выраженію Красовскаго, «продол-

жалъ выдавать себя за анархиста», то положеніе его получилось не изъ удобныхъ: принять «идейное» предложеніе Феофилактова, грозившее каторгой, у Караева не было ни малѣйшей охоты, а отвергнуть таковое и одновременно взяться за дѣло Бейлиса — значило окончательно «потерять лицо» среди «товарищей анархистовъ». Попытки склонить и Феофилактова на розыски по дѣлу Бейлиса окончились полной неудачей. Оставалось единственное: отдѣлаться отъ Феофилактова такъ, чтобы онъ объ этомъ не догадался. Однако Феофилактовъ оказался достаточно проницательнымъ. «Алеша устраненъ, но не одураченъ»,—пишетъ онъ въ письмѣ: по цѣлому ряду признаковъ, между прочимъ, по сочетанію арестовъ, по «той компаніи, которая сѣла», для него становится яснымъ, что онъ арестованъ не по «жандармской слѣжкѣ», а потому, что выданъ.

«*Когда у меня стали требовать доказательствъ противъ васъ*»,— пишетъ Караеву Феофилактовъ,—«*я отказался дать ихъ. Между тѣмъ согласитесь, что ихъ было бы достаточно, чтобы укрѣпить о васъ мнѣніе, какъ о провокаторѣ.*

Попытавшись убѣдить меня и получивъ рѣшительный и рѣзкій отказъ,— что долженъ былъ дѣлать Мара, чтобы предотвратить этотъ ударъ?

Попытаться убѣдить Караева.

Онъ видится съ Караевымъ.

Чѣмъ его убѣждать? ритуалъ, нація, Бейлисъ, крахъ того дѣла, надъ которымъ онъ работалъ (т. е. возможность провала того революціоннаго дѣла, надъ которымъ «работали» Феофилактовъ и Караевъ). *Опасность предпріятія* (т. е. этого революціоннаго дѣла, предпріятія, о возможномъ крахѣ котораго только что сказано) *и, наконецъ, Караеву намекали, что подарятъ 5 тысячъ рублей: значитъ и матеріальная выгода.*

Согласитесь, что аргументовъ много: тутъ и идея вродѣ ритуала, и выгода—5 тысячъ рублей, и опасность тюрьмы (т. е. опасность, если продолжать «дѣло», надъ которымъ работаетъ «Алеша»).—*И дѣйствительно нужно быть очень стойкимъ человѣкомъ, чтобы не отказаться* (отъ этого революціоннаго дѣла).

— *Я, пожалуй, и не прочь отказаться* (отъ него) — *отвѣчаетъ Караевъ,* — *но Алеша,* — *онъ не отступитъ. Вѣдь онъ дѣлу Бейлиса посторонній, никакой благодарности не полу-*

чить, о націи онъ вамъ уже отвѣтилъ. Что съ нимъ подѣлаешь? Тогда Мара предлагаетъ Караеву сказать Алешѣ, что онъ (т. е. Караевъ) *не хочетъ* (больше участвовать въ этомъ революціонномъ предпріятіи).

Но Караевъ не согласенъ; тогда о немъ будутъ плохого мнѣнія. Скажутъ, что онъ трусъ, болтунъ, шантажистъ: пока требовать и угрожать — годится, а когда приходится дѣйствовать—не хочетъ. Нѣтъ. Караевъ не согласенъ.

Что остается Марѣ предложить? нужно Алешу убрать съ дороги. Ивановъ свой человѣкъ, да хотя бы и не свой, сдѣлаетъ съ удовольствіемъ.

— Нѣтъ, и на это я не согласенъ,—отвѣчаетъ Караевъ.

— Почему?

— Это значитъ, вы хотите, чтобы я выдалъ анархиста?

Начинается снова убѣжденіе идейное и т. д.: развѣ если бы Ал. (т. е. Алеша) *былъ анархистомъ, онъ не посчитался бы съ дѣломъ Б.* (т. е. Бейлиса)? *Съ ритуаломъ? Націей и т. д. И, наконецъ, отъ васъ никто не требуетъ его выдавать, а только молчать.*

Караевъ снова возражаетъ: «Но если Ал. (Алешу) *арестуютъ—онъ меня будетъ подозрѣвать въ выдачѣ?!*

— Ну, что же, придется (чтобы отвлечь, разсѣять его подозрѣнія) *немного посидѣть и вамъ «за знакомство, во имя націи и... пяти тысячъ».*

Караевъ начинаетъ молчать.

Финалъ письма такой:

Только ваше дѣло Бейлиса является поразительнымъ нелѣпымъ случаемъ: буржуй, жандармъ, сыщикъ и анархистъ — дружно работаютъ въ одномъ дѣлѣ. Задумывались ли вы надъ этимъ? Если нѣтъ—посмотрите, что изъ этого выходитъ».

Итакъ, два документа о двухъ разныхъ лицахъ и изъ двухъ совершенно различныхъ, чуть ли не противоположныхъ источниковъ: замѣтка «Новаго Времени» о Махалинѣ, со свѣдѣніями, происхожденія, повидимому, офиціознаго, и письмо анархиста о Караевѣ, перехваченное по обыску.

Оба документа, столь различные по своему характеру, гласятъ одно: лица, о которыхъ они повѣствуютъ, изобличаются въ провокаторской дѣятельности.

Если къ этому присоединить прошлое Караева и Махалина вообще, превосходное знаніе ими воровского языка, пріемы, пу-

щенные въ ходъ по отношенію Сингаевскаго, сотрудничество съ Красовскимъ, которому нужны были «помощники», невозможность объяснить, почему и какъ они, чуть ли не анархисты, вдругъ взялись за сыскъ по дѣлу Бейлиса, — то все это даетъ показаніямъ Караева и Махалина вполнѣ опредѣленныя очертанія и въ связи съ непримиримыми противорѣчіями, подробно разобранными, сводитъ эти показанія на нѣтъ, убѣждаетъ въ полной измышленности разсказа о тѣхъ признаніяхъ, которыя будто бы сдѣлалъ имъ Сингаевскій.

Караеву съ Махалинымъ также, какъ и Бразулю, и Красовскому, очень не по нутру вопросъ о томъ, на кого падали далеко не маленькіе расходы, вызываемые добровольнымъ розыскомъ. Уже въ письмѣ Феофилактова мы находимъ на этотъ счетъ указанія, весьма любопытныя, но еще болѣе опредѣленныя данныя сообщилъ по сему поводу жандармскій подполковникъ Ивановъ, вызванный на судъ въ качествѣ свидѣтеля по ходатайству защиты.

«Въ дѣлахъ Кіевскаго губернскаго жандармскаго управленія»,—показалъ онъ: — «имѣются безусловно достовѣрныя свѣдѣнія, что всѣ лица, принимавшія участіе въ частномъ разслѣдованіи, получали вознагражденіе. Суммами до 50 рублей завѣдывалъ Бразуль, а болѣе 50 рублей присяжный повѣренный Виленскій. Когда Бразуль ѣздилъ въ Крымъ, послѣ подачи имъ заявленія, то получилъ три тысячи. Относительно Махалина и Караева имѣю свѣдѣнія, что имъ ежемѣсячно выдавали около 50 рублей. Вообще расходы производились крупные. Опредѣленной суммы, сколько получилъ Красовскій, не знаю, но знаю, что получилъ».

Какъ упорно твердили разслѣдователи-добровольцы, что только идейныя побужденія, только любовь къ правдѣ подвигли ихъ на розыски. Бразуль даже ссылался на пукъ ломбардныхъ квитанцій, явившихся результатомъ непосильныхъ расходовъ отъ поѣздки въ Харьковъ и отъ посѣщенія ресторановъ въ компаніи съ Вѣрой Владиміровной. Ужины съ дѣвицами Дьяконовыми обошлись Красовскому, вѣроятно, не дешевле. Выпивки Караева и Махалина съ Сингаевскимъ давали, надо полагать, нѣкоторую экономію въ качествѣ продукта, но удручали зато его количествомъ настолько, что даже вызвали негодующее замѣчаніе одного изъ разслѣдователей: «Плисъ пьетъ какъ лошадь». А затѣмъ поѣздка изъ Кавказа въ Кіевъ

съ послѣдующимъ проживаніемъ въ оном̀ъ городѣ тоже стоила денегъ. Какъ деликатно обходили почтенные разслѣдователи сей щекотливый вопросъ въ отношеніи изумительно-благороднаго Караева: «давалъ въ Кіевѣ уроки, помогали старые товарищи, получалъ кое-что отъ богатой невѣсты»! И вдругъ вся эта возвышенная идиллія разрушается самымъ грубымъ и безпощаднымъ образомъ: одинъ изъ «старыхъ товарищей» начинаетъ изобличать въ провокаціи, а свидѣтель, котораго сама же защита вызвала въ судъ, устанавливаетъ не только фактъ денежныхъ воспособленій, но даже ихъ размѣръ—отъ пятидесяти до шестидесяти ежемѣсячно.

Самъ Грузенбергъ не вытерпѣлъ. Вы, можетъ быть, думаете, что онъ, въ порывѣ душевнаго волненія, потребовалъ очной ставки подполковника Иванова съ Махалинымъ, Красовскимъ, Бразулемъ, дабы тѣ могли тутъ же, на судѣ, въ глаза Иванову опровергнуть возведенную на нихъ напраслину? Нѣтъ, отъ этого Грузенбергъ благоразумно воздержался. Случилось иное: когда, по окончаніи допроса Иванова, я обратилъ вниманіе присяжныхъ засѣдателей, что свидѣтель этотъ вызванъ не прокуроромъ, не гражданскими истцами, а защитниками Бейлиса, Грузенбергъ заявилъ:

«Нѣтъ свидѣтелей отъ обвиненія или отъ защиты, есть свидѣтели честные и безчестные».

Послѣ просьбы моей занести эту выходку въ протоколъ и перерыва, объявленнаго судомъ, Предсѣдатель обратился къ Грузенбергу такъ: «Г. Грузенбергъ, я долженъ предупредить васъ, что если съ вашей стороны будутъ продолжаться такіе недопустимые выпады, я, къ сожалѣнію, буду поставленъ въ необходимость примѣнять крайнія мѣры».

— «Мое заявленіе ни къ кому лично не относилось»,—возразилъ поощренный снисходительностью Предсѣдателя Грузенбергъ.

Несомнѣнно, показаніе Иванова было полнымъ сюрпризомъ для защиты. Видимо, она ожидала совершенно иного. Присяжнымъ свидѣтельскимъ показаніемъ, ничѣмъ не опровергнутымъ, было удостовѣрено существованіе спеціальнаго денежнаго фонда, крупнаго по размѣрамъ и расходуемаго съ полною планомѣрностью для цѣлей, достаточно опредѣленныхъ. На дѣятельность разслѣдователей - добровольцевъ, уже обрисовавшуюся, впро-

чемъ, съ большою рельефностью, былъ наложенъ послѣдній штрихъ.

«Вѣра Владиміровна, металлъ все сдѣлаетъ»,—такъ, по удостовѣренію Чеберяковой, говорилъ ей Бразуль.

«Буржуй, сыщикъ и анархистъ, дружно работающіе въ одномъ дѣлѣ! Задумывались ли вы надъ этимъ!?»

Такъ, въ изумленіи, смѣшанномъ съ негодованіемъ, писалъ «Алеша», «устраненный, но не одураченный».

Женатый на еврейкѣ прогрессивный журналистъ, завѣдывающій «денежными выдачами до пятидесяти рублей», и два присяжныхъ повѣренныхъ—іудеевъ, изъ которыхъ одинъ завѣдывалъ денежными выдачами «свыше пятидесяти рублей», а другой принималъ видное участіе въ харьковской эпопеѣ.

Сопоставьте все это и вы получите нѣчто, превосходящее самую смѣлую фантазію.....

VII.

Воры.

Сестры Дьяконовы съ одной стороны, Махалинъ и Караевъ съ другой—были главными козырями бразулевской игры. Зловѣщія, подозрительныя событія въ квартирѣ Чеберяковой, удостовѣряемыя Дьяконовыми, и согласующееся съ этими событіями сознаніе Сингаевскаго, воспроизводимое Караевымъ и Махалинымъ—таковы основные устои добровольнаго разслѣдованія. Для всей постройки, однако, этихъ устоевъ было еще недостаточно. Понадобились сооруженія дополнительныя и вспомогательныя.

Въ области сознаній былъ выдвинутъ свидѣтель Швачко, удостовѣрившій сознаніе Бориса Рудзинскаго. Швачко—тотъ самый парикмахеръ, который свелъ Караева съ Сингаевскимъ. Отбывалъ наказаніе въ тюрьмѣ. За что?—не пожелалъ отвѣтить. Въ іюлѣ 1911 года былъ снова арестованъ и просидѣлъ четыре дня въ полицейской арестантской Старо-Кіевскаго участка. Причинъ ареста до сихъ поръ не знаетъ—предполагаетъ какое-то недоразумѣніе. Тогда же въ арестантской содержался Борисъ Рудзинскій и другой воръ—Крымовскій. Ночью, лежа рядомъ съ прочими арестованными на нарахъ—всѣхъ

было человѣкъ 25—Швачко, проснувшись, услыхалъ, что Крымовскій спросилъ Рудзинскаго: «а какъ же байструкъ»? и тотъ отвѣтилъ: «пришили его», послѣ чего Швачко снова заснулъ. Почти годъ спустя, когда появились въ «Кіевской Мысли» разоблаченія Бразуля съ портретами предполагаемыхъ убійцъ—Сингаевскаго, Рудзинскаго и Латышева—онъ, Швачко, въ іюнѣ 1912 года, вспомнилъ разговоръ, происходившій въ арестантской, узналъ въ Рудзинскомъ, на газетномъ портретѣ, того самаго арестанта, изъ устъ котораго тогда, ночью, услышалъ, что пришили байструка, и отправился въ редакцію «Кіевской Мысли» сообщить объ этомъ Бразулю. Не заставъ Бразуля, оставилъ ему записку съ указаніемъ своего адреса и съ увѣдомленіемъ, что располагаетъ данными объ убійствѣ Ющинскаго. Черезъ нѣсколько дней къ Швачкѣ явился съ разспросами Караевъ,—его Швачко раньше не зналъ, а потомъ пришли Красовскій съ Выгановымъ, который попросилъ вымыть голову, завить—и начался разговоръ.

Показаніе о томъ, что свидѣтель ночью услыхалъ какъ разъ сознаніе убійцы, послѣ чего опять заснулъ,—само по себѣ мало правдоподобно, но кромѣ того Швачко не избѣгъ общей участи всѣхъ свидѣтелей «бразулевской версіи» и въ другой области—взаимныхъ противорѣчій. Швачкѣ особенно не дались опредѣленія времени. Такъ, напримѣръ, когда произошло его знакомство съ Караевымъ? Швачко говоритъ: послѣ того, какъ я, прочтя въ газетахъ разоблаченія Бразуля, отправился въ редакцію «Кіевской Мысли» и оставилъ тамъ Бразулю записку—слѣдовательно, не раньше середины *мая* 1912 г. Но тотъ же Швачко заявляетъ, что это онъ свелъ Караева съ Сингаевскимъ. Между тѣмъ, обхаживаніе Сингаевскаго почтеннѣйшими разслѣдователями-добровольцами и спаиванье его въ номерѣ у Караева происходило уже *въ апрѣлѣ* 1912 г. Значитъ, Швачко познакомился съ Караевымъ не въ то время и не по тому поводу, какъ это онъ разсказалъ суду, а совсѣмъ иначе и такъ, что суду объ этомъ лучше было не разсказывать.

Далѣе, обращаясь къ показанію Красовскаго, мы, правда, находимъ, что сначала тамъ, въ отношеніи Швачки, все какъ будто благополучно. Красовскій сообщаетъ, какъ отвѣчалъ на его разспросы Швачко: онъ, де, увидѣлъ въ журналахъ снимки заподозрѣнныхъ Сингаевскаго, Рудзинскаго, Латышева и узналъ въ Рудзинскомъ того арестанта, который ночью, въ арестант-

ской, произнесъ слова, на которыя Швачко обратилъ вниманіе, Въ то время Рудзинскаго Швачко не зналъ, но на снимкѣ указалъ Красовскому. Роковыя слова, сказанныя, будто бы, Рудзинскимъ, въ передачѣ Красовскаго оказались нѣсколько иными, чѣмъ въ передачѣ Швачки. Согласно Красовскому, Рудзинскій сказалъ о байструкѣ: «пусть не будетъ предателемъ», тогда какъ самъ Швачко про «предательство» ничего не упоминалъ—дальнѣйшее изложеніе покажетъ, зачѣмъ понадобилось Красовскому вносить такое видоизмѣненіе, но пока обращать серьезное вниманіе только на это разнорѣчіе было бы придиркой: надлежитъ признать, что до сихъ поръ разсказъ Швачки въ общемъ согласуется съ разсказомъ Красовскаго.

Однако, дальше Красовскій заявляетъ слѣдующее: «Одной изъ побудительныхъ причинъ убійства Ющинскаго являлось то, что у нихъ было подготовлено грандіозное преступленіе. Было задумано ограбленіе Софійскаго собора и, такъ какъ проникнуть въ Софійскій соборъ посредствомъ взлома не было физической возможности, то нужно было, чтобы кто-нибудь пролѣзъ черезъ рѣшетку, но отверстія рѣшетки были настолько узки, что взрослый человѣкъ туда не могъ пролѣзть. Въ этотъ планъ ограбленія Софійскаго собора былъ посвященъ Ющинскій, котораго думали использовать, чтобы онъ, какъ мальчикъ, пролѣзъ въ соборъ и изнутри отворилъ. *Это передавалъ мнѣ Швачко.* Свѣдѣніямъ Швачки я безусловно повѣрилъ: по даннымъ, имѣвшимся у меня, Ющинскій былъ мальчикъ очень скрытный и вовсе не такъ добродушенъ, какъ его здѣсь обрисовываютъ. По моему глубокому убѣжденію, мальчикъ этотъ былъ далеко не чистоплотенъ».

Такія измышленія на замученнаго ребенка, такое очерненіе его памяти подозрѣніемъ, что онъ собирался обокрасть Софійскій соборъ чуть ли не въ то самое время, когда говѣлъ въ Кіево-Печерской Лаврѣ, — не могло остаться безъ дальнѣйшаго выясненія и, когда начался допросъ Швачки, то прокуроръ спросилъ его, что онъ знаетъ о предполагавшемся ограбленіи Софійскаго собора. Швачко отвѣтилъ, что во время его пребыванія въ арестантской, объ этомъ говорилъ Крымовскій, но уже не ночью, а днемъ, при всѣхъ арестантахъ, во всеуслышаніе,— разсказывалъ, что была такая попытка, въ которой участвовалъ, будто бы, и самъ Крымовскій, но она не удалась: пришли вчетверомъ.... двое пробрались за ограду.... одного арестовали....

пришлось удирать... Однако, объ участіи въ этой попыткѣ Ющинскаго Крымовскій, по удостовѣренію Швачки, *ничего не упоминалъ*, а потому и онъ, Швачко, не говорилъ, будто тамъ принималъ участіе Ющинскій.

Сейчасъ же былъ приглашенъ на очную ставку съ Швачкою Красовскій, сидѣвшій тутъ же, среди допрошенныхъ свидѣтелей. Онъ немедленно извернулся, заявивъ, что разсказъ Швачки объ участіи Ющинскаго въ ограбленіи Софійскаго собора слышалъ не отъ самого Швачки непосредственно, а черезъ Бразуля.

Былъ приглашенъ сидѣвшій въ залѣ, чуть ли не рядомъ съ Красовскимъ, Бразуль. Однако, на время бразулевскихъ объясненій, Швачку, по моей просьбѣ, удалили изъ залы.

Положеніе Бразуля оказалось не изъ легкихъ. Съ одной стороны нельзя было выдавать головой Красовскаго; съ другой—Швачко въ своемъ показаніи подчеркивалъ, что онъ вовсе не встрѣчался съ Бразулемъ: не засталъ его въ редакціи, оставилъ записку, а по запискѣ пришелъ не Бразуль, а сначала Караевъ, потомъ Красовскій съ Выграновымъ.

Въ семъ достаточно безвыходномъ положеніи Бразуль далъ такое объясненіе: 6 іюня онъ получилъ написанную Швачкою записку, а на другой, на третій день, т. е., примѣрно, 7 іюня къ нему на квартиру пришелъ самъ Швачко. Собиравшійся ѣхать въ Крымъ и занятый укладкою Бразуль вышелъ къ Швачкѣ на лѣстницу, и здѣсь Швачко сказалъ, что имѣетъ свѣдѣнія по дѣлу Ющинскаго:—слышалъ разговоръ, что Андрей Ющинскій долженъ былъ участвовать въ ограбленіи Софійскаго собора.

«Я тогда вообще дѣломъ уже не занимался,—продолжалъ Бразуль.—Я сообщилъ объ этомъ Красовскому, передалъ ему записку, сказалъ: будьте добры, пойдите провѣрить».

На дальнѣйшіе вопросы сторонъ, Бразуль пояснилъ, что лѣстничный разговоръ съ Швачкою происходилъ, въ сущности, мелькомъ. Точно этого разговора онъ, Бразуль, не помнитъ. Швачко бросилъ фразу про Софійскій соборъ, объ участіи же въ этомъ дѣлѣ Ющинскаго Бразуль сообщилъ Красовскому *въ формѣ предположительной*.

Однако, тутъ уже вмѣшался Предсѣдатель. «Подойдите сюда,—обратился онъ къ Красовскому,—вамъ Бразуль въ какой формѣ передавалъ—положительной или предположительной?

Красовскій. Не помню.

Предсѣдатель. А вы намъ какъ показывали?

Красовскій. Не помню.

Должно признать, что Красовскій былъ приведенъ въ положеніе, при которомъ, кромѣ ссылки на внезапное запамятованіе, ничего другого не оставалось. Куда дѣвались категоричность, непререкаемость его первоначальныхъ утвержденій!?

Затѣмъ ввели въ залу засѣданія Швачку, временное удаленіе котораго оказалось предосторожностью, далеко не излишней, ибо свидѣтель, признавая, что онъ ходилъ на квартиру къ Бразулю и видѣлся съ нимъ на лѣстницѣ, заявилъ, однако, что это было послѣ писанія записки не черезъ день—другой, а *спустя полтора—два мѣсяца*, когда, слѣдовательно, онъ уже былъ разспрошенъ Красовскимъ во всѣхъ подробностяхъ. Лѣстничный разговоръ, по словамъ Швачки, ограничился только тѣмъ, что онъ освѣдомился, будутъ ли его вызывать въ качествѣ свидѣтеля. Значитъ, и знакомство съ Бразулемъ, какъ и знакомство съ Караевымъ, произошло при столь специфической обстановкѣ, что на судѣ пришлось по этому поводу прибѣгнуть къ измышленію.

Исторія съ показаніемъ Швачки очень ярко обрисовываетъ то, что мною все время отмѣчалось въ предшествующемъ изложеніи: какъ только въ повѣствованіяхъ Красовскаго или въ «версіи Бразуля» стараются добраться до первоисточника, такъ начинается невѣроятная путаница и сплошныя противорѣчія.

Въ данномъ случаѣ истинную ихъ причину—характера, такъ сказать, органическаго—удалось довести до полнаго «обнаженія».

Ходъ версіи таковъ: Красовскій сообщаетъ съ полной увѣренностью, что, какъ ему извѣстно, Андрюша собирался обокрасть Софійскій соборъ.

Подъ давленіемъ настойчиваго допроса, начинается выясненіе первоисточника сихъ достовѣрныхъ свѣдѣній.

Оказывается, что Красовскому сказалъ Бразуль, Бразулю—отбывшій за что-то тюремное заключеніе Швачко, а Швачкѣ—невызванный на судъ воръ Крымовскій. При этомъ Красовскій говоритъ о предполагавшемся участіи Ющинскаго въ ограбленіи собора категорически, съ полною увѣренностью. Бразуль показываетъ, что сказалъ Красовскому въ формѣ предположенія, а самъ слышалъ отъ Швачки мелькомъ, на лѣстницѣ, и Швачко заявляетъ, что Крымовскій, хотя и разсказывалъ

что-то насчетъ ограбленія собора, но объ Ющинскомъ не упоминалъ.

Итакъ, когда, наконецъ, добрались до первоисточника, то отъ обстоятельства, весьма нужнаго для построеній Красовскаго, остался ровнымъ счетомъ круглый нуль. Построенія же эти настойчиво требовали, чтобы былъ указанъ мотивъ, побудительная причина, въ силу которой воры вдругъ вздумали убивать Андрюшу. Если убійство совершено въ квартирѣ Чеберяковой Рудзинскимъ, Сингаевскимъ, Латышевымъ, то вѣдь существовали же какія-нибудь основанія у этихъ лицъ нанести ни въ чемъ неповинному мальчику 47 уколовъ!?

Подыскать эти основанія, указать мотивъ, побудительную причину убійства было для разслѣдователей-добровольцевъ дѣломъ не легкимъ. Выходъ они видѣли въ двухъ направленіяхъ: во-первыхъ, Андрюшу, де, убили воры за то, что онъ ихъ выдалъ, а если не выдалъ, то собирался выдать, а если и не собирался, то у воровъ создалось такое впечатлѣніе, увѣренность.

Во-вторыхъ, способъ убійства—сорока семью уколами—выбранъ для того, чтобы «поддѣлать убійство подъ жидовъ, подъ ритуалъ». Этимъ, де, и отъ себя подозрѣнія отводились, и создавалась возможность устроить еврейскій погромъ, а на погромѣ поживиться.

Построеніе, само по себѣ, достаточно дикое и мало вѣроятное, но въ томъ положеніи, въ которомъ находились изобрѣтатели всевозможныхъ «бразулевскихъ версій», ничего лучшаго, болѣе правдоподобнаго для нихъ, повидимому, не представлялось. И вотъ къ такому построенію Красовскій начинаетъ подгонять фактическій матеріалъ. Если, молъ, воры считали, что Ющинскій ихъ выдалъ, то здѣсь нѣтъ ничего удивительнаго, ибо это мальчикъ порочный, нравственно нечистоплотный и вращавшійся въ воровской компаніи настолько, что даже при его участіи хотѣли ограбить Софійскій соборъ. И сейчасъ же легкій штрихъ о «предательствѣ» умѣло вставляется въ разсказъ Швачки.

Но почему, все-таки, у воровъ явилась мысль, что Ющинскій—хотя бы и порочный, хотя бы и вращающійся въ воровскомъ кругу—ихъ выдаетъ или собирается выдать?

И на сей предметъ у Красовскаго заготовлено свѣдѣніе, вродѣ свѣдѣнія объ ограбленіи собора.

Красовскій удостовѣряетъ: Женя Чеберякъ и Андрюша Ющинскій, вмѣстѣ съ какимъ-то третьимъ неизвѣстнымъ, необнаруженнымъ мальчикомъ, отправились гулять на Загоровщину, гдѣ, вырѣзавъ себѣ по прутику, поссорились, изъ-за того, чей прутъ лучше, и, во время ссоры, Андрюша сказалъ Женѣ: «Вотъ я напишу въ сыскное отдѣленіе бумагу, что у твоей мамы скрываются постоянно воры и приносятъ туда краденыя вещи». Женя сейчасъ же пошелъ домой и доложилъ объ этомъ матери.

Таковыя обстоятельства, по словамъ Красовскаго, «были установлены». Вотъ, значитъ, и основанія, по которымъ воры сочли Ющинскаго предателемъ, а за предательство убили.

Кто и какъ «установилъ» столь невѣроятныя обстоятельства? Этого Красовскій, разумѣется, пояснять не сталъ. «Было установлено»—и точка. Однако прокуроръ и гражданскіе истцы опять проявили настойчивое желаніе добраться до первоисточника «легенды о прутикахъ» и выяснилось слѣдующее: въ серединѣ апрѣля 1911 г. обитательница Лукьяновки, свидѣтельница Репецкая, шла мимо одной изъ мѣстныхъ пивныхъ лавокъ, откуда, уже передъ ея закрытіемъ, появилась группа выпивавшихъ въ лавкѣ, причемъ какая-то пьяная баба сообщала во всеуслышаніе вышеприведенный разсказъ о прутикахъ. Репецкая передала слышанное Пылаеву, Пылаевъ — сторожу лукьяновской водопроводной будки Мащенко, Мащенко— нѣкоей Пимоненковой, а Пимоненкова торжественно была допрошена судомъ, послѣ чего «первоисточникъ» окончательно удостовѣренъ—болтовня неизвѣстной пьяной бабы при выходѣ изъ пивной.

Не больше успѣха имѣли попытки Красовскаго дать «установленныя» свѣдѣнія, которыя, хотя бы косвенно, приводили къ выводу, что, молъ, убійство Ющинскаго было нарочно совершено «подъ жидовъ», «подъ ритуалъ», дабы вызвать еврейскій погромъ и на погромѣ ворамъ поживиться.

Въ этомъ направленіи Красовскій пробовалъ обрабатывать два факта: разброску на похоронахъ Ющинскаго, 22 марта 1911 г., воззваній, направленныхъ противъ жидовъ, и полученіе Ющинскою, за подписью «Христіанинъ», анонимнаго письма, авторъ котораго остался необнаруженнымъ.

Въ письмѣ—повѣствуетъ Красовскій—давали указанія, что убійство совершено евреями съ ритуальною цѣлью, и говорили

опредѣленно о количествѣ уколовъ на тѣлѣ Ющинскаго. Однако лицамъ, присутствовавшимъ при обнаруженіи трупа, публикѣ, совершенно не были извѣстны число и характеръ раненій, нанесенныхъ Ющинскому. Только послѣ вскрытія стало извѣстно огромное количество уколовъ, а вскрытіе произведено *22 марта* около 4 часовъ дня. Между тѣмъ на конвертѣ письма штемпель отъ *24 марта* почтоваго вагона, курсирующаго между Херсономъ и Кіевомъ и приходящимъ въ Кіевъ въ шесть часовъ утра. Значитъ, молъ, письмо было написано не позже 23 числа. Слѣдовательно, лицо, его писавшее, было *заранѣе* освѣдомлено о характерѣ раненій на трупѣ Ющинскаго.

Какіе тонкіе и остроумные выводы! Неизвѣстный авторъ писалъ о множествѣ уколовъ въ то время, когда про это множество могли знать только участники убійства. Отсюда выводъ, что самъ авторъ причастенъ къ убійству. Но если лицо, замѣшанное въ убійствѣ, пишетъ въ анонимномъ письмѣ родственникамъ убитаго, что, молъ, убивали жиды для ритуальныхъ цѣлей, то, очевидно, де, что на самомъ дѣлѣ убійцы поддѣлывались подъ жидовъ, подъ ритуалъ.

Все это, пожалуй, было бы до извѣстной степени убѣдительно, если бы опять-таки фактъ, положенный въ основаніе сего построенія, не оказался измышленнымъ.

Разсужденія Красовскаго зиждутся на томъ, что до вскрытія, т. е. *до 4 часовъ дня 22 марта*, никто не зналъ о числѣ и характерѣ раненій, о множествѣ ихъ.

Тогда А. С. Шмаковъ предложилъ свидѣтелю такой вопросъ: не извѣстно ли вамъ, что въ номерѣ «Кіевской Мысли» отъ 22 марта (т. е. слѣдовательно, 22 марта *утромъ*, до вскрытія) было *напечатано*, какія раны у Ющинскаго и какое впечатлѣніе производилъ его трупъ.

Этотъ вопросъ воздѣйствовалъ на защиту подобно взорвавшейся бомбѣ, ибо послѣ него наступило слѣдующее:

Зарудный (вскакивая, возвышая голосъ и перебивая). Этого не было... Если повѣренный гражданскаго истца удостовѣряетъ извѣстный фактъ, то равноправіе сторонъ требуетъ...

Предсѣдатель пробуетъ остановить Заруднаго, но тщетно.

Зарудный. Повѣренный гражданскаго истца удостовѣряетъ, что это было напечатано, а въ «Кіевской Мысли» 22 марта это не было напечатано!

Предсѣдатель. Какъ же вы врываетесь въ допросъ въ качествѣ свидѣтеля и удостовѣряете, что въ «Кіевской Мысли» не было напечатано?

Зарудный. Я только сдѣлалъ возраженіе на вопросъ повѣреннаго гражданскаго истца.

Предсѣдатель. Какое же вы имѣете право возражать? Вы можете возражать только съ моего разрѣшенія.

Зарудный. Я къ вамъ и обращаюсь...

Шмаковъ. Вы говорите неправду.

Зарудный. Прошу занести въ протоколъ! Прошу защищать меня отъ оскорбленій! Господинъ Предсѣдатель!! это оскорбленіе — говорить человѣку въ глаза, что онъ сказалъ неправду! Будьте добры защищать меня! *(Съ пафосомъ):* Я никому не позволю сказать мнѣ, что я говорю неправду! *(Плаксиво):* г. Предсѣдатель, если вы не будете меня защищать, то кто же меня защититъ!?

Предсѣдатель. Я просилъ бы васъ не волноваться. Вы сами держите себя некорректно: перебиваете, кричите...

Зарудный (снова перебивая). Онъ сказалъ, что неправда...

Предсѣдатель. Вы первый...

Зарудный (перебивая). Я не говорилъ про неправду, я только сказалъ, что въ «Кіевской Мысли» этого не было, а онъ...

Предсѣдатель. Сядьте и держите себя, какъ подобаетъ. Дѣлаю вамъ выговоръ и предупреждаю, что въ слѣдующій разъ буду принужденъ принять болѣе рѣшительныя мѣры.

Зарудный. Это ваше право, но...

Предсѣдатель. Сядьте и не спорьте со мной. Вы не ждете, пока свидѣтель отвѣтитъ, а сами, вмѣсто него, заявляете, что этого не было. Развѣ вы свидѣтель?

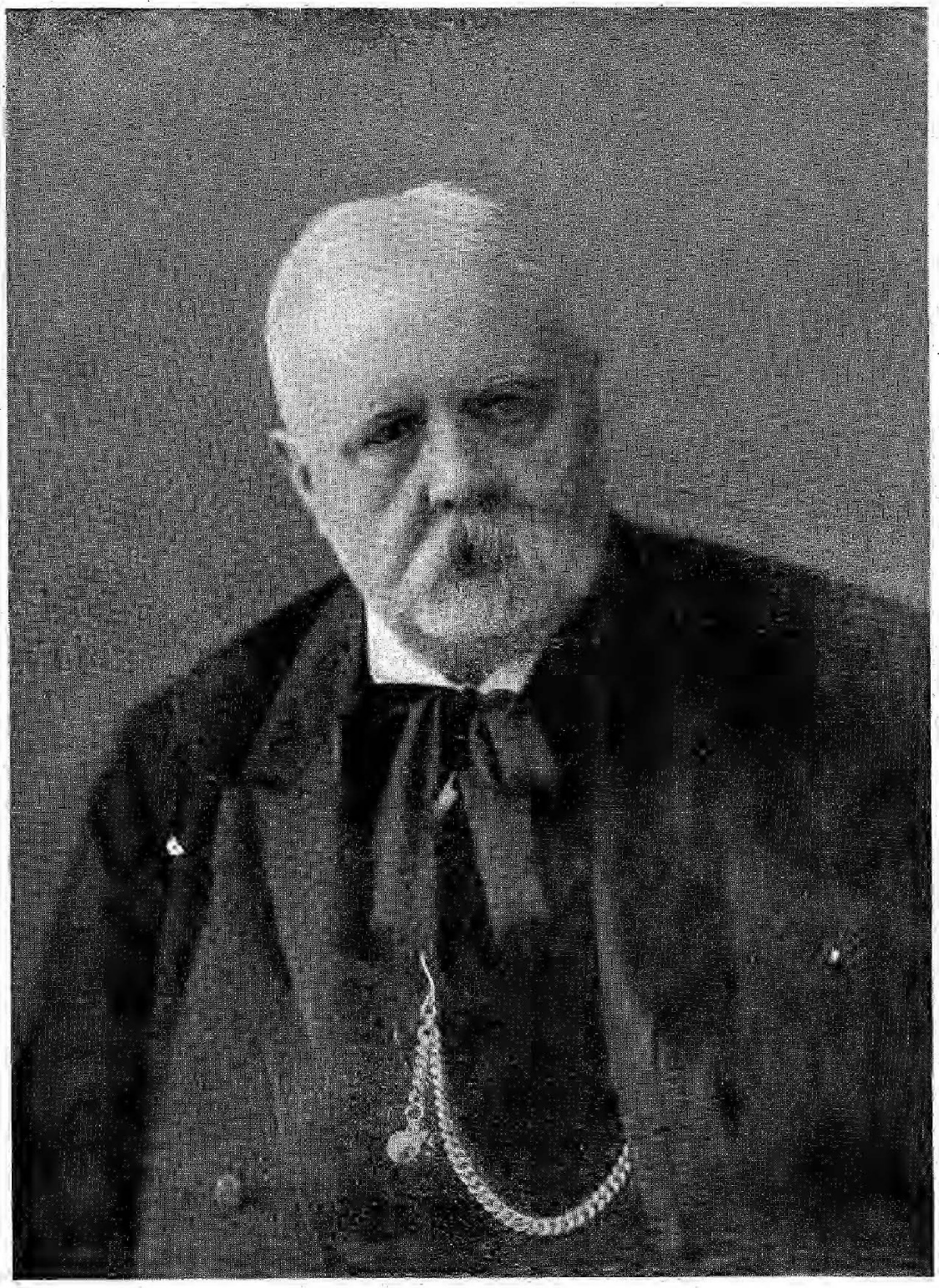
Зарудный. Повѣренный гражданскаго истца спросилъ: извѣстно ли вамъ, что въ «Кіевской Мысли» было напечатано? Значитъ, это было напечатано. А оно не было напечатано.

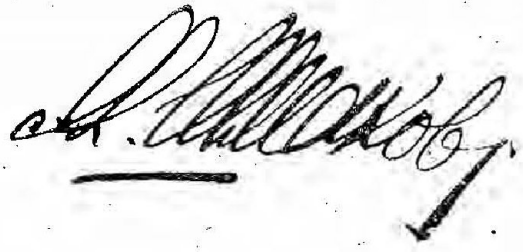
Предсѣдатель. Садитесь, пожалуйста.

Зарудный. Разрѣшите мнѣ стоять.

Предсѣдатель. Стойте, но молчите.

Когда А. С. Шмаковъ получилъ, наконецъ, возможность вернуться къ вопросу, который онъ предложилъ Красовскому, то Красовскій, по своему обыкновенію, прибѣгъ къ уклончивому отвѣту, что, молъ, было въ «Кіевской Мысли» тогда какое-то сообщеніе, а какое именно—онъ не помнитъ.





На этомъ, за позднимъ временемъ, засѣданіе прервалось до слѣдующаго дня, когда А. С. Шмаковъ принесъ комплектъ номеровъ «Кіевской Мысли» за 1911 годъ и нотаріально засвидѣтельствованную копію той статьи отъ 22 марта, которую онъ имѣлъ въ виду. По его настоянію, статья эта, подъ заглавіемъ «Загадочное убійство на Лукьяновкѣ», была оглашена. Въ ней подробно изложено, гдѣ и какъ былъ обнаруженъ трупъ Андрюши Ющинскаго, какія изъ его вещей были найдены въ пещерѣ, какихъ недоставало, а въ заключеніе прописано: «Когда тѣло несчастнаго мальчика было вынесено изъ пещеры, толпа вздрогнула, раздались рыданія среди толпы. Видъ убитаго производилъ ужасное впечатлѣніе. Лицо его посинѣло, въ крови, руки сильно и нѣсколько разъ перетянуты крѣпкимъ шнуркомъ, который въѣлся въ кожу. На головѣ оказались три раны: всѣ нанесены какимъ-то колющимъ орудіемъ. Такихъ же нѣсколько ранъ оказалось и на лицѣ и на обѣихъ сторонахъ шеи. Когда подняли рубашку мальчика, грудь, спина и животъ оказались въ такихъ же колотыхъ ранахъ. Двѣ раны въ области сердца, три на животѣ, нѣсколько въ боку. Число ранъ на тѣлѣ убитаго до двадцати. Всѣ раны, очевидно, нанесены въ голое тѣло, ибо рубаха оказалась безъ прорѣзовъ. Обнаруженіе этихъ ранъ вызвало крайнее негодованіе толпы».

А Красовскій авторитетно увѣрялъ, что до вскрытія «число и характеръ раненій публикѣ совершенно не были извѣстны»— и на этомъ «фактѣ» успѣлъ воздвигнуть цѣлое построеніе, тогда какъ, въ дѣйствительности, лишь только 20 марта трупъ былъ обнаруженъ, такъ сейчасъ же толпа убѣдилась и въ множествѣ раненій, и въ общемъ ихъ характерѣ, послѣ чего тутъ же, не дожидаясь никакого вскрытія, начала говорить, что это жидовскихъ рукъ дѣло. Стоитъ вспомнить, напримѣръ, хотя бы показаніе той же Равичъ, которая категорически удостовѣряетъ, что, уѣхавъ изъ Кіева въ тотъ же вечеръ, двадцатаго, она въ вагонѣ выражала свое убѣжденіе, что убійство ритуальное.

И вотъ, въ заключеніе, оказывается, что даже въ столь непререкаемомъ для разслѣдователей-добровольцевъ источникѣ, какъ «Кіевская Мысль», до вскрытія, чернымъ по бѣлому пропечатано и про негодованіе толпы, и про то, что раны—колотыя, что кололи въ голое тѣло, не черезъ рубашку, и про то, что ранъ очень много, нанесены онѣ и въ голову, и въ лицо, и въ шею, и въ сердце, и въ туловище!

А выступившій на помощь Красовскому присяжный повѣренный Зарудный такъ кричалъ, шумѣлъ и всѣхъ перебивалъ, разъ пять повторивъ, что такой статьи въ «Кіевской Мысли» 22 марта не было.

Когда оную столь быстро разыскали, принесли въ судъ и огласили, для защиты наступилъ великій конфузъ — такое положеніе, гдѣ «податься некуда».

— Будьте впередъ болѣе осмотрительны,—наставительно обратился Предсѣдатель къ Зарудному — такъ какъ это вызываетъ споры, страстность въ преніяхъ и *отвлекаетъ вниманіе присяжныхъ засѣдателей.* Когда дѣлаете заявленія, прошу васъ дѣлать ихъ вооруженнымъ надлежащимъ образомъ.

Зарудному ничего не оставалось, какъ признать, что «по существу повѣренный гражданскаго истца былъ правъ, а я нѣтъ».

Послѣднимъ звеномъ въ измышленіяхъ Красовскаго была обработка эпизода съ разбросной «погромныхъ прокламацій» на похоронахъ Андрюши Ющинскаго. Того факта, что воззванія, направленныя противъ жидовъ, тогда разбрасывались — никто не отрицалъ. Къ дѣлу было даже представлено одно изъ такихъ воззваній и на судѣ оглашено, но при закрытыхъ дверяхъ, вслѣдствіе чего я не считаю себя въ правѣ воспроизвести дословное содержаніе прочитаннаго. Однако, появленіе подобныхъ воззваній, фактъ ихъ разбрасыванія — еще рѣшительно ничего не давалъ для бразулевской версіи. Далѣе, Чеберякова не скрывала, что такое воззваніе попалось и ей на похоронахъ. Она принесла его домой и показывала кое-кому изъ сосѣдей. Но и здѣсь еще нельзя было усмотрѣть какихъ-либо указаній, что, молъ, къ воззваніямъ причастна «чеберяковская шайка», которая, де, сначала убила, а потомъ хочетъ, сваливъ убійство на жидовъ, произвести погромъ, дабы за жидовскій счетъ поживиться.

И вотъ, въ такомъ положеніи дѣла, допросъ Красовскаго принялъ слѣдующія формы:

Грузенбергъ. Вамъ извѣстенъ нѣкій Павловичъ?

Красовскій. Извѣстенъ.

Грузенбергъ. Какое онъ имѣетъ отношеніе къ Чеберякъ?

Красовскій. Онъ состоитъ членомъ «Двуглаваго Орла», зарегистрованъ сыскной полиціей, какъ квартирный воръ и грабитель, отбывалъ въ 1908 г. наказаніе.

Грузенбергъ. Судился за кражу со взломомъ и былъ осужденъ!?

Красовскій. На шесть мѣсяцевъ тюрьмы—по несовершеннолѣтію. А въ октябрѣ былъ арестованъ и подозрѣвался въ ограбленіи (какъ, однако, чередуются у Красовскаго, по мѣрѣ надобности, проявленія столь точной, прекрасной памяти съ періодами полнаго запамятованія).

Грузенбергъ. Въ день похоронъ Ющинскаго Павловичъ разбрасывалъ прокламаціи?

Красовскій. Да. Былъ арестованъ за распространеніе прокламацій.

Грузенбергъ. Этотъ самый воръ и грабитель, осужденный въ тюрьму, былъ, значитъ, разбрасывателемъ прокламацій на кладбищѣ?

Красовскій. Да.

Предсѣдатель. Откуда вы это знаете? Вѣдь вы на кладбищѣ не были.

Красовскій. Не былъ. Но я это установилъ. А о томъ, что онъ зарегистрованъ, какъ воръ, мнѣ извѣстно по службѣ.

Предсѣдатель. А откуда вы знаете, что онъ разбрасывалъ прокламаціи?

Красовскій. Объ этомъ открыто говорили среди чиновъ полиціи. Я имѣлъ общеніе съ ними, слышалъ разговоры. Второй разъ онъ былъ арестованъ въ Радомысльскомъ уѣздѣ вмѣстѣ съ членомъ «Двуглаваго Орла» Пащенко—по подозрѣнію въ мошенническомъ подученіи 500 рублей изъ почтовой конторы.

Предсѣдатель. Вы говорите по слухамъ, или излагаете факты?

Красовскій. Я говорю факты.

Предсѣдатель (настойчиво). Да вы хорошо ли помните, что съ Пащенкой?

Красовскій (послѣ нѣкоторой заминки). Кажется, что былъ Пащенко.

Замысловскій. Только что утверждалъ, а теперь отказывается!

Предсѣдатель. Вы категорически удостовѣряете, что Павловичъ съ Пащенкой? Это навѣрное?

Красовскій. О Павловичѣ—это категорически, а о Пащенкѣ не могу удостовѣрять.

Грузенбергъ. Но Павловичъ, который былъ осужденъ за кражу, домовой воръ, грабитель—этотъ самый разбрасывалъ прокламаціи!?

Красовскій. Да.

Какой опять удачный допросъ у Грузенберга. Пожалуй, не менѣе удачный, чѣмъ тогда, съ Вышемирскимъ. «Какое отношеніе имѣетъ Павловичъ къ Чеберякъ?»—проницательно спрашиваетъ Грузенбергъ.

— «Онъ членъ Двуглаваго Орла, воръ, грабитель, разбрасыватель противоеврейскихъ прокламацій», — отвѣчаетъ Красовскій.

И сразу все становится яснымъ, все завязывается въ одинъ узелъ—воры, грабители, погромщики евреевъ, Чеберякова, члены Двуглаваго Орла, убійцы Ющинскаго—все это, молъ, одна компанія. Правда, предсѣдательскія придирки подпортили номеръ съ Пащенкой, но Грузенбергъ выручилъ, въ третій разъ оттѣнивъ лестныя качества Павловича и переведя такимъ образомъ вниманіе опять на сего послѣдняго.

Однако, и здѣсь то, что «установилъ» Красовскій, обрушилось весьма быстро. На слѣдующій же день, при дополнительномъ допросѣ Голубева, А. С. Шмаковъ спросилъ его о Павловичѣ, Пащенкѣ, и Голубевъ удостовѣрилъ, что купецъ Пащенко, дѣйствительно, судился, но лишь потому, что былъ ложно оговоренъ однимъ изъ настоящихъ виновниковъ дѣла. Ложность этого оговора раскрылась и судъ Пащенку оправдалъ. Хотя ему, Голубеву, обстоятельства дѣла, по которому судился Пащенко, въ общемъ извѣстны, но чтобы въ этомъ дѣлѣ былъ замѣшанъ какой-то Павловичъ—онъ ничего не знаетъ. Что касается вопроса о Павловичѣ, то, дѣйствительно, членомъ общества «Двуглавый Орелъ» состоялъ Николай Павловичъ, который на похоронахъ Андрюши Ющинскаго былъ задержанъ по подозрѣнію въ разбросѣ противоеврейскихъ прокламацій. Теперь онъ отбываетъ воинскую повинность въ Ромнахъ. За кражи, мошенничества или грабежи *никогда не судился.* Когда Голубевъ, наканунѣ, услыхалъ на судѣ изъ показанія Красовскаго, будто членъ «Двуглаваго Орла» Павловичъ зарегистрованъ сыскной полиціей, какъ воръ и грабитель, то немедленно отправился къ начальнику кіевской сыскной полиціи Репойто-Дубяго и убѣдился, что это неправда. Репойто Дубяго выдалъ

даже въ томъ официальную справку, которую онъ, Голубевъ, готовъ представить суду.

На послѣднее обстоятельство не замедлилъ реагировать Карабчевскій. «Частному лицу выдаются справки,—заявилъ онъ:—прошу занести въ протоколъ, что свидѣтель получалъ справки изъ полиціи».

Не вполнѣ понятно, что, собственно, возмутило знаменитаго адвоката? Если при Голубевѣ, являющемся однимъ изъ главныхъ дѣятелей и организаторовъ общества «Двуглавый Орелъ», говорятъ на судѣ — и говорятъ не безъ умысла — что членами этого общества состоятъ воры и грабители, то, разумѣется, Голубевъ не могъ и не долженъ былъ оставаться къ этому равнодушнымъ. Онъ немедленно представилъ оффиціальное документальное доказательство того, что говорившій сказалъ неправду. И вотъ, вмѣсто того, чтобы опровергать самое доказательство по существу, защита заявляетъ о неправильности полученія его свидѣтелемъ. Не значитъ ли это, что ничего иного возразить нельзя было, а такимъ возраженіемъ *вниманіе* все же *отвлекалось* отъ непріятнаго защитѣ обстоятельства въ сторону. Почему начальникъ сыскной полиціи не имѣлъ права выдать справки Голубеву и какое дѣло до этого суду—я до сихъ поръ недоумѣваю. Впрочемъ, я тогда же заявилъ, что если, можетъ быть, защита считаетъ желательнымъ допросъ самого Репойто-Дубяги, то мы будемъ ходатайствовать о немедленномъ же вызовѣ его въ качествѣ свидѣтеля. Карабчевскій отвѣтилъ, что находитъ подобный допросъ «очень нецѣлесообразнымъ».

Окончательно выяснилъ исторію съ Павловичемъ подполковникъ Ивановъ. Онъ удостовѣрилъ, что, по подозрѣнію въ разбросѣ на похоронахъ Ющинскаго противоеврейскихъ воззваній, былъ задержанъ Николай Павловичъ, но затѣмъ *освобожденъ за недостаточностью улик*ъ. Этотъ Павловичъ не воръ и въ кражахъ не обвинялся. Есть другой Павловичъ, *Константинъ*—тотъ сидѣлъ за кражу, но рѣшительно никакихъ указаній на участіе его въ разбросѣ прокламацій не было.

Такимъ образомъ, и эта попытка Красовскаго провалилась столь же плачевно, какъ остальныя. Связать разброску прокламацій одной стороной съ ворами, «чеберяковской шайкой», а другой стороной съ «Двуглавымъ Орломъ» — не представилось никакой возможности. А надежды въ этомъ направленіи были, повидимому, большія, по крайней мѣрѣ заявленія Заруднаго

«по поводу прокламацій» сыпались на судебномъ слѣдствіи какъ изъ рога изобилія. Даже по окончаніи допроса всѣхъ свидѣтелей, уже во время экспертизы, защита сдѣлала попытку заручиться хоть чѣмъ-нибудь, позволяющимъ говорить, что убійство было «подъ жидовъ», «подъ ритуалъ». Послѣ заключенія профессора Бехтерева, вызваннаго по ходатайству защиты и давшаго крайне благопріятное защитѣ показаніе, Карабчевскій спросилъ эксперта, не считаетъ ли онъ вѣроятнымъ предположеніе, что люди, убивавшіе Ющинскаго и преслѣдовавшіе *только цѣль убійства*, нанесли цѣлый рядъ ранъ, чтобы *спутать слѣды* и придать убійству *другой характеръ*.

Увы, даже Бехтеревъ отвѣтилъ, что такое предположеніе является *невѣроятнымъ*.

Чтобы покончить съ разсказами о ворахъ, которые въ квартирѣ Чеберяковой убивали несчастнаго мальчика «подъ ритуалъ» за какое-то невѣдомое предательство — надлежитъ разобраться въ томъ, что говорятъ сами воры — Сингаевскій, Рудзинскій и Латышевъ. Хотя Красовскій рекомендуетъ ихъ, какъ видныхъ членовъ «чеберяковской шайки», но обстоятельство это, равно какъ и самое существованіе подобной «шайки», надлежитъ признать совершенно недоказаннымъ. Общеніе съ ворами Чеберякова имѣла, хотя бы уже потому, что братъ ея, Сингаевскій, занимался кражами. Проходили черезъ руки Чеберяковой и кое-какія краденыя вещи, но вотъ и все, что можно считать въ этомъ направленіи болѣе или менѣе установленнымъ по дѣлу. Остальное является совершенно голословнымъ разсказомъ Красовскаго, а разборъ цѣлаго ряда подобныхъ же его разсказовъ показываетъ, съ какою осторожностью надлежитъ къ нимъ относиться.

Знакомство, якшаніе съ ворами фактъ, конечно, предосудительный. При желаніи и умѣніи его можно раздуть и перелицевать, какъ «участіе въ воровской шайкѣ», но, само собою разумѣется, между этими двумя понятіями большая разница, очевидная не только для юриста, но, я полагаю, и для всякаго обывателя. Точно также, если кто-либо сбываетъ, даже нѣсколько разъ, отдѣльныя краденыя вещи, то отсюда еще нельзя сдѣлать вывода, что у него въ квартирѣ «притонъ», куда тащатъ и укрываютъ чуть не все краденое съ цѣлаго города. Впрочемъ, если даже допустить, въ видѣ предположенія, совершенно произвольнаго, что Чеберякова была участницей воров-

ской шайки и что у нея на квартирѣ шайка эта держала свой притонъ, то даже такое предположеніе, по дѣлу, однако, ничѣмъ не установленное, еще не даетъ, само по себѣ, указаній на связь чеберяковской квартиры съ убійствомъ Ющинскаго. Чеберякова знакомство съ Латышевымъ отрицала совершенно. Знакомство съ Рудзинскимъ признавала, а относительно брата, Петра Сингаевскаго, заявила, что видѣлась съ нимъ рѣдко. Латышевъ ко времени суда умеръ, а на предварительномъ слѣдствіи на какіе-либо вопросы отвѣчать отказался; Рудзинскій же и Сингаевскій, какъ на предварительномъ слѣдствіи, такъ и на судѣ объяснили въ общемъ слѣдующее: 12 марта 1911 года вечеромъ, они, втроемъ, вмѣстѣ съ Латышевымъ, обокрали на Крещатикѣ оптическій магазинъ Адамовича. Мысль украсть возникла еще наканунѣ, 11-го, когда вечеромъ Рудзинскій, запасшись необходимыми инструментами, пробрался въ подвалъ подъ магазиномъ, откуда путемъ взлома предполагалъ проникнуть въ самый магазинъ. Однако, не успѣлъ онъ приступить къ работѣ, какъ у него неожиданно потухъ электрическій фонарикъ и, оставшись въ темнотѣ, онъ вернулся ни съ чѣмъ къ товарищамъ. На другой вечеръ, 12-го, дѣло у Рудзинскаго пошло удачнѣе: онъ проникъ въ магазинъ, гдѣ вмѣстѣ съ Сингаевскимъ—Латышевъ стоялъ на стражѣ—забрали много цѣнныхъ вещей, главнымъ образомъ биноклей. Съ этой добычей на слѣдующій день, 13-го марта, около полудня, они всѣ втроемъ отправились со скорымъ поѣздомъ въ Москву, для сбыта похищеннаго. Пріѣхали 14-го утромъ, сбыли, на вырученныя деньги стали кутить и 16-го марта были въ Москвѣ всѣ втроемъ задержаны агентомъ сыскной полиціи въ пивной, гдѣ Латышевъ, во время кутежа, началъ мѣнять крупныя деньги. Относительно того, кто и зачѣмъ убилъ Ющинскаго—ничего не знаютъ. Караевъ и Махалинъ, дѣйствительно, завели знакомство съ Сингаевскимъ, угощали его, поили, предлагали участвовать въ какой-то кражѣ и, наконецъ, завели рѣчь, что на него падаетъ подозрѣніе въ убійствѣ Ющинскаго, что сестры Дьяконовы видѣли его у Чеберяковой во время убійства, что надо подбросить какія-то вещи въ сарай къ Бейлису. Онъ, Сингаевскій, сказалъ лишь, что подобныя подозрѣнія—«чушь», и, видя въ дѣйствіяхъ Караева и Махалина подвохъ, пересталъ съ ними видѣться. Точно также и Рудзинскій объяснилъ, что разговоровъ о «байструкѣ», о томъ что его «пришили», не велъ никогда, а тѣмъ

болѣе не могъ ихъ вести въ полицейской арестантской, гдѣ вообще «неразговорчивъ».

При допросѣ Сингаевскаго не обошлось безъ курьезовъ. Его спросили, не говорилъ ли онъ, что Ющинскаго «такъ росписала министерская голова Рудзинскаго».

— «Нѣтъ»,—отвѣчалъ Сингаевскій:—«не говорилъ. Я никогда и не видалъ такой головы, да мнѣ этого и не выговорить».

Еще менѣе вѣроятно, что малограмотный, тупой Сингаевскій могъ употреблять такія выраженія, какъ «поѣхалъ въ Ригу» (въ смыслѣ вырвало, стошнило).

Когда передъ Сингаевскимъ развернули весь лексиконъ тюремнаго, воровского жаргона, которымъ такъ щеголяли Караевъ и Махалинъ, то Сингаевскій долго и терпѣливо слушалъ, но, по поводу одного словца рѣшительно запротестовалъ: «Такого слова у насъ нѣтъ»,—заявилъ онъ:—«хоть всю тюрьму спросите. Развѣ вотъ у политическихъ»...

Разсказъ Сингаевскаго и Рудзинскаго о томъ, какъ они совершали кражу изъ магазина Адамовича, сколько и какихъ взяли оттуда вещей, вполнѣ совпадаетъ съ обстоятельствами дѣла и съ заявленіемъ потерпѣвшаго Адамовича, а затѣмъ задержаніе ихъ втроемъ съ Латышевымъ 16-го марта въ Москвѣ на кутежѣ, при размѣнѣ крупныхъ денегъ—представляетъ фактъ, удостовѣренный съ несомнѣнностью. Такимъ образомъ, считать разсказъ объ этой кражѣ измышленнымъ, въ особенности послѣ тѣхъ подробностей, которыя были приведены Сингаевскимъ и Рудзинскимъ *на судѣ* — очень мудрено. Впрочемъ, даже защита Бейлиса такъ далеко не шла, а старалась опорочить показаніе Сингаевскаго и Рудзинскаго другимъ путемъ.

— «Почему вы думаете»,—спрашивалъ Сингаевскаго Грузенбергъ:—«что, если въ ночь съ 12-го на 13-е вы украли, то это значитъ, что утромъ, часовъ въ десять, одиннадцать вы не могли убить?»

На столь изумительный вопросъ о томъ, что свидѣтель *думаетъ*, отвѣта, разумѣется, не послѣдовало, да и вопросъ, надо полагать, былъ предложенъ не для полученія отвѣта, а чтобы поскорѣе закинуть присяжнымъ засѣдателямъ мысль: «Ну что же, ночью, дѣйствительно, крали, а передъ тѣмъ утромъ убивали—одно другому не мѣшаетъ».

Съ допросомъ какихъ-то воровъ защитники Бейлиса вообще не церемонились настолько, что Карабчевскій, будучи наконецъ

остановленъ предсѣдателемъ на одномъ изъ вопросовъ, предложенныхъ Сингаевскому, сталъ возражать Предсѣдателю, въ результатѣ чего послѣдовало такое заявленіе Шмакова: «Я прошу занести въ протоколъ, что, когда Предсѣдатель сдѣлалъ замѣчаніе Карабчевскому, что онъ въ своемъ вопросѣ Сингаевскому излагаетъ факты, обстоятельства невѣрно, Карабчевскій всталъ и сказалъ:—«Г. Предсѣдатель, какъ вы не хотите понять, что я, быть можетъ, нам!ренно сообщаю ему невѣрныя свѣдѣнія, для того, чтобы получить отъ него лучшія».

Въ такой формулировкѣ происшедшаго Карабчевскій оспаривалъ только слово *«лучшія»*: «не *лучшія*, а *отъ него*»,—замѣтилъ онъ на заявленіе Шмакова.

Этимъ не измѣняется выводъ, что допросъ Сингаевскаго былъ веденъ защитою пріемами весьма своеобразными и, во всякомъ случаѣ, не предусмотрѣнными Уставомъ Уголовнаго Судопроизводства.

Но, въ самомъ дѣлѣ, почему нельзя ночью совершить кражу, а утромъ убить?

Если разсматривать только внѣшнее сцѣпленіе событій, то, конечно, Грузенбергъ правъ: можно ночью обокрасть, утромъ убить и, мало того, въ теченіе тѣхъ же сутокъ днемъ бросить бомбу, а подъ вечеръ поджечь. Нѣтъ той *физической* невозможности, которая исключала бы подобное предположеніе. Однако, если обратиться къ внутренней сторонѣ событій, то окажется иное. Утромъ воры, на квартирѣ Чеберяковой, убили ребенка, заподозрѣннаго ими въ предательствѣ... Къ чему должны быть направлены всѣ ихъ дальнѣйшія мысли и усилія? Къ скрытію трупа, къ тому, чтобы съ наступленіемъ темноты вынести его изъ квартиры и понадежнѣе спрятать. Но воры поступаютъ какъ разъ въ обратномъ направленіи: они оставляютъ мертвое тѣло неубраннымъ у Чеберяковой, гдѣ каждую минуту преступленіе можетъ открыться, а сами, какъ ни въ чемъ не бывало, идутъ на кражу, которую, казалось бы, съ такимъ же успѣхомъ можно совершить и завтра, и послѣзавтра, и черезъ недѣлю. Съ похищеннымъ немедленно уѣзжаютъ въ Москву; тамъ принимаются кутить, швырять деньгами, а трупъ убираетъ кто-то другой. При смѣлой фантазіи предполагать можно все, что угодно, но должно признать, что предположеніе, будто утромъ воры убили, а къ вечеру пошли на кражу, оставивъ убитаго на квартирѣ у своей пріятельницы, и послѣ кражи укатили въ

другой городъ—такое предположеніе представляется явно невѣроятнымъ. Кстати, куда же дѣвалось ихъ намѣреніе поживиться на погромѣ, ради котораго убивали «подъ ритуалъ» и разбрасывали прокламаціи, такъ заинтересовавшія Заруднаго?

Хотя данныя экспертизы составляютъ предметъ особой главы, но, чтобы вполнѣ разобраться съ «бразулевской версіей», одного изъ вопросовъ, затронутыхъ экспертизою, необходимо коснуться теперь же. На Андрюшиной курткѣ были обнаружены кровяныя и глиняныя «помарки»—небольшія пятна крови и глины. Они были подвергнуты на предварительномъ слѣдствіи химико-микроскопическому изслѣдованію, согласно актамъ котораго «кровь на курткѣ наблюдается въ трехъ видахъ: 1) въ видѣ пятенъ чистой крови; 2) въ видѣ окровавленной глины, получившейся такимъ образомъ, что глина попала на влажное еще кровяное пятно, пропиталась кровью и присохла къ кровяному пятну болѣе или менѣе толстымъ слоемъ и, наконецъ, 3) въ видѣ окровавленной глины, попавшей во влажномъ еще состояніи на неокровавленныя части куртки и присохшей болѣе или менѣе крупными комочками къ ворсу матеріи. Глина на курткѣ по составу и органическимъ примѣсямъ составляетъ большое сходство съ глиной на чулкахъ, на рубахѣ и кальсонахъ Андрея Ющинскаго». Изложенное относится къ пятнамъ «буроватой глины». Кромѣ нихъ были еще пятна другой глины, желтоватой, въ которыхъ крови не обнаружено.

Соотвѣтственно изложенному, среди вопросовъ, предложенныхъ экспертамъ, вопросъ 23-й гласилъ: «Когда и при какихъ обстоятельствахъ могли получиться на курткѣ убитаго глиняныя помарки и кровяныя пятна, бывшія предметомъ химико-микроскопическаго изслѣдованія».

Профессоръ Косоротовъ, дававшій на судѣ заключеніе первымъ изъ экспертовъ, отвѣтилъ такъ: «на курткѣ имѣется разная глина. Есть глина, которая попала *на* кровь такъ, что сверху чистая глина, а снизу засохшая кровь (см. пунктъ 1 изслѣдованія). Эта глина, очевидно, могла попасть какъ на мѣстѣ преступленія, такъ и въ пещерѣ. Есть, далѣе, глиняныя помарки, *пропитанныя* кровью (п. 2-й изслѣдованія) и такія, которыя *покрыты* засохшею кровью (п. 3-й изслѣдованія). Тѣ и другія (т. е. и п. 2-й и п. 3-й) образовались на мѣстѣ преступленія.

При послѣдующемъ допросѣ, профессоръ Косоротовъ привелъ подробныя основанія для такого вывода. «На бѣльѣ и на курткѣ,—заявилъ онъ,—вы можете видѣть кусочки глины, очень смѣшанные съ кровью, причемъ здѣсь возбуждался вопросъ о томъ, какъ скоро *высыхаетъ* кровь и какъ долго она теряетъ способность *смѣшиваться* съ глиной. Это не все равно: кровь совершенно высохшая, или потерявшая способность смѣшиваться. Надо имѣть въ виду, что выпущенная кровь претерпѣваетъ свертываніе, на подобіе свертыванія молока, причемъ отдѣляется сгустокъ и сыворотка. Свертываніе наступаетъ черезъ нѣсколько минутъ, такъ что, если спустя четверть или полчаса насыпать глину, она не смѣшается, потому что кровь уже утратила способность хорошо смѣшиваться: уже свернулась, а свернувшаяся кровь имѣетъ видъ желе, которое нужно сперва растереть, чтобы смѣшать съ глиной. По поводу помарокъ глиною рубашки и изнанки куртки я долженъ сказать, что совершенно нельзя предположить, чтобы мальчикъ, играя въ мартѣ мѣсяцѣ, снялъ куртку, остался въ бѣльѣ и запачкалъ его глиной. На основаніи всего этого я полагаю, что глина на бѣльѣ и на курткѣ происходитъ изъ мѣста преступленія и что преступленіе совершено въ мѣстѣ, гдѣ имѣлась такая глина».

На доводы проф. Косоротова о свертываніи крови, о пропитываніи ею глины никто изъ другихъ экспертовъ (о заключеніи которыхъ будетъ подробный разговоръ въ особыхъ главахъ)—не возражалъ, да едва ли возможны вообще сколько-нибудь научныя возраженія, настолько приведенные доводы очевидны и непрекаемы. Если смѣшиваться съ глиною, *пропитывая* ее, можетъ только кровь несвернувшаяся, а свертываніе происходитъ уже черезъ нѣсколько минутъ послѣ истеченія крови, то-гдѣ же, какъ не на мѣстѣ преступленія, могли пристать къ одеждѣ убитаго въ незапачканныхъ, чистыхъ ея частяхъ комочки глины, «очень смѣшанные» съ кровью, ею пропитанные!? Другими словами, расположенная во второмъ этажѣ квартира Чеберяковой быть мѣстомъ убійства никоимъ образомъ не могла.

Все изложенное позволяетъ наконецъ подвести «бразулевской версіи» заключительные итоги. Они выразятся въ слѣдующихъ положеніяхъ:

1. Никакихъ положительныхъ, фактическихъ данныхъ, указывающихъ, что убійство было совершенно ворами въ квартирѣ Чеберяковой,—нѣтъ. Такими данными могли бы быть по-

казанія Дьяконовыхъ, Малицкой, Вышемирскаго, Караева, Махалина и Швачки о различныхъ подозрительныхъ обстоятельствахъ въ квартирѣ Чеберяковой, о сознаніи или «полусознаніи» лицъ виновныхъ. Однако, всякое значеніе перечисленныхъ показаній, какъ уликъ, падаетъ вслѣдствіе того, что они являются придуманными. Эта измышленность устанавливается не только ихъ невѣроятностью, иногда полной фантастичностью («слабый звукъ черезъ носъ», услышанный изъ другого этажа, маски и т. д.), но и непримиримымъ противорѣчіемъ какъ между собою, такъ, главное, съ несомнѣнными обстоятельствами дѣла. Ходъ этихъ показаній, ихъ появленіе и дальнѣйшее развитіе даетъ достаточное основаніе къ выводу, что не они вызвали «бразулевскую версію», а, наоборотъ, сами ею вызваны: сначала была обдумана, налажена «версія», а потомъ къ ней подогнаны показанія.

2. Самое предположеніе, что Андрюшу убили воры на квартирѣ Чеберяковой, помимо своей совершенной бездоказательности и голословности, еще и *невѣроятно*, ибо убійство было, безспорно, умышленнымъ, значитъ, преслѣдовало извѣстную цѣль, вызывалось опредѣленными побужденіями. Какая же цѣль и какія побужденія могли быть у воровъ убивать Андрюшу? Творцы чеберяковской версіи отвѣчаютъ: месть предателю, желаніе отъ него отдѣлаться. Но чистая, свѣтлая личность Андрюши, такъ ярко обрисовавшаяся на судѣ, и его жизнь, мѣсто, гдѣ онъ жилъ, распредѣленіе его времени — удостовѣренныя многочисленными и разнообразными свидѣтелями, вполнѣ безпристрастными и сторонними дѣлу, — доказываютъ съ несомнѣнностью не только то, что Андрюша не могъ выдавать воровъ, но и то, что ворамъ подобная мысль не могла взбрести въ голову, какъ совершенно сумасбродная. А если исключить мысль о предательствѣ, то убійство является для воровъ безцѣльнымъ, болѣе того—безсмысленнымъ. Далѣе, если убивали воры, то необъяснимъ способъ убійства — 47-ю уколами. Пробуютъ отвѣтить: это поддѣлывались «подъ жидовъ», «подъ ритуалъ», чтобы съ одной стороны отвести отъ себя подозрѣніе, скрыть свой слѣдъ, а съ другой — устроить погромъ и на немъ поживиться. Но на единственный вопросъ, предложенный защитою экспертамъ въ этомъ направленіи, вызванный по ходатайству защиты и наиболѣе благопріятный для нея экспертъ профессоръ Бехтеревъ заявилъ, что предполагать подобную си-

муляцію на основаніи картины раненій съ научной точки зрѣнія *невѣроятно*, а въ области фактовъ житейскаго характера оказывается, что мнимые убійцы, разсчитывавшіе поживиться на погромѣ, какъ разъ на это время уѣхали въ Москву, а сокрытіемъ слѣдовъ пренебрегли настолько, что оставили неубранный трупъ въ жилой квартирѣ. Торжественный провалъ исторій съ «прутиками» и съ разбросною прокламацій дополняетъ полную неудачу поползновеній приплести сюда «погромщиковъ».

3. Разсматриваемое предположеніе не только невѣроятно — оно *невозможно*, опять-таки съ точки зрѣнія и научной, и житейской, обывательской. Невозможность по основаніямъ научнымъ изъяснена въ экспертизѣ профессора Косоротова: убивали тамъ, гдѣ была глина, а въ квартирѣ Чеберяковой глины не было. Невозможность житейская ясна для каждаго, кто былъ на квартирѣ Чеберяковой, хотя бы во время осмотра: тутъ же рядомъ за стѣнкой другая квартира, гдѣ тогда жила многочисленная семья чиновника Балавина; внизу, подъ квартирой, винная лавка, а окна выходятъ на дворъ, гдѣ постоянно народъ. Достаточно все это увидѣть своими глазами, чтобы придти къ твердому убѣжденію, что въ такой обстановкѣ не могло быть такого убійства.

Бразулевскую версію отъ 6 мая 1912 г. выдвинули послѣ безнадежнаго провала цѣлаго ряда другихъ версій, направленныхъ все къ той же цѣли — отвести подозрѣніе въ убійствѣ отъ жидовъ, отъ Зайцевскаго завода. Это была, такъ сказать, послѣдняя ставка. Если въ уличеніи сначала родственниковъ убитаго, а потомъ Кучеренокъ, Цупенокъ, Назаренокъ, Мифле и прочихъ не жалѣли усилій и не церемонились въ выборѣ средствъ, то теперь, на послѣдней позиціи, въ изобличеніи Сингаевскаго, Рудзинскаго, Латышева была проявлена, какъ и слѣдовало ожидать, особенная энергія, пущено въ ходъ все возможное и даже невозможное. Результатъ оказался, однако, не лучше прежнихъ. Измышленность, невѣроятность и даже прямая невозможность новыхъ «разоблаченій» отчеканилась не менѣе рельефно, чѣмъ прежнихъ.

Такой исходъ даетъ уже право на выводы не только отрицательные, но и положительные. Если всѣ возможныя комбинаціи, отвергающія ритуалъ и участіе жидовъ, были исчерпаны съ отмѣннымъ рвеніемъ и если всѣ онѣ до единой при-

вели въ тупикъ—къ нелѣпости, къ абсурду, то не указуетъ ли такой результатъ, что истина именно на томъ пути, который до сихъ поръ предвзято исключался?

Между доказательствами юридическими и математическими сравненіе, параллель можно приводить, конечно, лишь до извѣстной степени. Однако, даже въ математикѣ, въ области точныхъ наукъ, извѣстныя истины считаются доказанными, если всякое иное предположеніе приводитъ къ нелѣпости. Нельзя отрицать, что такой способъ разсужденія имѣетъ серьезное значеніе и въ области изслѣдованія преступленій. Если всѣ возможныя построенія, сдѣланныя внѣ Зайцевскаго завода, внѣ ритуала—разсыпались въ прахъ, то не даетъ ли это, само по себѣ, помимо какихъ-либо другихъ соображеній, серьезнѣйшаго указанія, что надо обратиться къ заводу, задаться вопросомъ о наличности іудейскаго изувѣрнаго убійства?

Отрицательный путь, способъ исключенія, привелъ насъ къ выводу, хотя, разумѣется, еще недостаточному для постановленія приговора, но уже весьма знаменательному. Посмотримъ теперь, не приведетъ ли туда же другой путь—положительныхъ уликъ и доказательствъ.

VIII.

Чеберяковы.

Показанія Вѣры Чеберяковой и членовъ ея семьи имѣютъ въ дѣлѣ объ убійствѣ Ющинскаго громадное значеніе.

Это было ясно съ первыхъ шаговъ разслѣдованія и до послѣдняго дня судебныхъ по дѣлу засѣданій. Несмотря на всѣ усилія полицейской власти съ Мищукомъ во главѣ отвести розыски отъ Лукьяновки, Владиміръ Голубевъ, принявшись тамъ за разспросы, очень быстро наткнулся на Женю Чеберяка, который сказалъ ему, что 12 марта утромъ былъ вмѣстѣ съ Андрюшей. Однако, уже черезъ нѣсколько дней Женя началъ передъ Голубевымъ отпираться отъ этого признанія, говоря, что тогда Андрюши не видалъ. Допрошенный 11 мая 1911 г. слѣдователемъ, Женя Чеберяковъ показалъ, что, послѣ переѣзда Андрюши съ Лукьяновки на Слободку (т. е. съ мая 1910 г.) почти съ нимъ не встрѣчался. «За все это время»,—читаемъ

въ показаніи,—«онъ (т. е. Андрюша) былъ у меня раза три. Помню, онъ зашелъ ко мнѣ прошлой осенью раза два, и я тогда гулялъ съ нимъ на улицѣ, а затѣмъ Андрюша уже ко мнѣ совсѣмъ не приходилъ, и я о немъ ничего не слышалъ. Только *дней за десять*, а можетъ быть и больше до того, какъ Андрюшу нашли убитымъ (т. е. до 20 марта), онъ зашелъ ко мнѣ послѣ уроковъ, съ книжками, такъ, приблизительно, часа въ два дня, даже, вѣроятно, было больше тогда... Онъ пригласилъ меня гулять; я отказался, и Андрюша ушелъ.»

Вѣра Чеберякова отодвинула день послѣдней встрѣчи ея сына съ Андрюшей къ еще болѣе раннему сроку. «Когда Андрюша переселился на Слободку»,—говоритъ она въ первомъ своемъ показаніи слѣдователю отъ 22 апрѣля 1911 г.,—«съ тѣхъ поръ я его не видѣла, но сынъ мой Женя мнѣ говорилъ, что къ нему *недѣли за четыре*, а можетъ быть и меньше до того дня, въ который былъ найденъ Андрюша убитымъ, Андрюша приходилъ и предлагалъ идти гулять. По словамъ Жени, Андрюша шелъ изъ училища. Было тогда часа два».

9 іюля 1911 г. слѣдователемъ былъ допрошенъ жившій рядомъ съ Чеберяковыми фонарщикъ Казиміръ Шаховскій, удостовѣрившій, что 12 марта, получивъ рано утромъ жалованье отъ своего подрядчика и возвращаясь домой, онъ, минутъ въ десять—пятнадцать девятаго, около дома, гдѣ жили Чеберяковы, увидѣлъ противъ винной лавки Андрюшу и Женю. Андрюша даже подбѣжалъ къ нему и въ шутку ударилъ неожиданно по плечу.

Это показаніе Казиміра Шаховскаго было вполнѣ подтверждено его женою Ульяною, заявившею, что тогда же она выходила изъ дома въ сосѣднюю бакалейную лавочку и тоже видѣла на томъ же мѣстѣ Женю и Андрюшу, который съ нею поздоровался.

На послѣдующемъ допросѣ Казиміръ Шаховскій пояснилъ, что онъ, дня черезъ два—три послѣ того, какъ видѣлъ Андрюшу и Женю, снова встрѣтился съ Женей и спросилъ его, хорошо ли они тогда гуляли, а Женя отвѣтилъ, что погулять не удалось, такъ какъ на заводскомъ мялѣ, куда они съ Андрюшей пошли кататься, за ними погнался приказчикъ Мендель.

Эту часть своего показанія Шаховскій, котораго допрашивали на предварительномъ слѣдствіи шесть разъ, все время мѣнялъ: то онъ передавалъ слова Жени въ такомъ видѣ, что ихъ

на мялѣ «спугнулъ мужчина съ черной бородой»—а, молъ, выводъ, что это былъ заводскій приказчикъ Мендель Бейлисъ,—сдѣлалъ уже я, Шаховскій, самъ, ибо больше тамъ спугивать было некому; то Шаховскій вовсе отрекался отъ этого своего разсказа, то снова на немъ настаивалъ... О причинахъ такого поведенія Шаховскаго и о степени достовѣрности его показанія въ этой части—будетъ рѣчь впереди, но, во всякомъ случаѣ, другая часть, гдѣ Шаховскій утверждаетъ, что 12 марта утромъ видѣлъ около Чеберяковскаго дома Андрюшу и Женю—никакихъ сомнѣній въ своей достовѣрности не возбуждала. Здѣсь разсказъ свидѣтеля оставался неизмѣннымъ все время и подтверждался показаніемъ Ульяны Шаховской, рѣшительно ничѣмъ не опороченнымъ.

Тѣмъ не менѣе, Женя и послѣ допроса Шаховскихъ продолжалъ отрицать, что Андрюша приходилъ къ нему 12 марта. Въ полномъ соотвѣтствіи съ Женинымъ поведеніемъ было поведеніе его младшихъ сестеръ, Люды и Вали (Людмилы и Валентины): по удостовѣренію Адели Равичъ, онѣ, въ день Андрюшиныхъ похоронъ, говорили свидѣтельницѣ, что Андрюша былъ у нихъ *недавно*, а какъ только начались розыски, дѣвочки стали твердить, что *больше года* не видали Андрюши и даже какъ-то упрекали Равичъ, зачѣмъ она передала ихъ первый разговоръ «мамѣ»—она, де, сердится.

Если принять во вниманіе, что утромъ 12 марта Андрюшу видѣлъ на Лукьяновкѣ мальчикъ Добжанскій и что, при дальнѣйшемъ ходѣ слѣдствія, были обнаружены подруги Люды и Вали, двѣ дѣвочки Волощенковы, которымъ Женя, оказывается, тоже говорилъ на первыхъ порахъ, что Андрюша былъ у него незадолго до того, какъ нашли Андрюшинъ трупъ,—то станутъ безспорными два обстоятельства: во-первыхъ, что 12 марта 1911 г., въ субботу утромъ Андрюша, дѣйствительно, былъ вмѣстѣ съ Женей; во-вторыхъ, что, съ началомъ розысковъ, Женѣ было запрещено объ этомъ говорить—и не трудно догадаться, кѣмъ?—Матерью, Вѣрою Чеберяковой, запретившей не только сыну, но и дочерямъ. Женя сталъ говорить, что видѣлъ Андрюшу за десять дней, а то и больше до находки трупа (т. е., значитъ, ни въ коемъ случаѣ не 12-го, а, самое позднее, 10-го). Вѣра Чеберякова, «со словъ Жени», утверждала, что это было даже не за десять дней, а недѣли за четыре; Люда же и Валя—что не видали Андрюши больше года. Тѣмъ временемъ

производились усиленныя попытки все вниманіе сосредоточить на родственникахъ Ющинскаго, какъ на изобличаемыхъ въ его убійствѣ. Такъ продолжалось дѣло до первыхъ чиселъ августа, когда наступилъ крутой поворотъ, совершенно неожиданный для завѣдывавшаго розысками Красовскаго—какъ онъ самъ это признавалъ: 3 августа состоялось постановленіе судебнаго слѣдователя Фененки о привлеченіи Бейлиса въ качествѣ обвиняемаго и о содержаніи его подъ стражею.

Эти дѣйствія слѣдователя не были, однако, самостоятельными, а представляли лишь исполненіе предложенія, даннаго 2 августа прокуроромъ Кіевской Судебной Палаты Г. Г. Чаплинскимъ. Согласно закону (ст. 285 У. у. с.), слѣдователь не исполняетъ такихъ предложеній прокурорскаго надзора, если находитъ, что «обвиняемый не навлекаетъ на себя достаточнаго подозрѣнія въ преступленіи». Такимъ образомъ, съ одной стороны, судебный слѣдователь Фененко призналъ, что подозрѣнія, навлекаемыя въ совершеніи преступленія Бейлисомъ, были «достаточны», но, съ другой стороны, привлекъ его и постановилъ содержать подъ стражею только по предложенію прокурора Палаты.

Возвращаемся, однако, къ ходу событій: почти одновременно съ лишеніемъ свободы Бейлиса была арестована въ административномъ порядкѣ, но безъ всякаго постановленія судебнаго слѣдователя, Вѣра Чеберякова, а вслѣдъ затѣмъ, пока она сидѣла въ заключеніи, заболѣли острымъ желудочнымъ разстройствомъ ея дѣти. Изъ нихъ Женя умеръ очень быстро—8 августа, т. е. черезъ пять дней послѣ привлеченія Бейлиса. Послѣ Жени умерла Валя, а Люда, казавшаяся одно время безнадежною, перенесла болѣзнь и выздоровѣла. Какъ только Женя, заболѣвшій первымъ, почувствовалъ себя плохо, отецъ его, Василій Чеберяковъ, видя, что поносъ и рвота у больного усиливаются, немедленно повезъ сына въ больницу. Положить его туда оказалось не такъ легко: въ двухъ больницахъ отказали, ссылаясь на ремонтъ, наконецъ въ третьей, Александровской, приняли. Однако, по словамъ Василія Чеберякова, Женя скоро началъ жаловаться, что ему тамъ нехорошо, и проситься домой. Въ это время, 7 августа, была освобождена Вѣра Чеберякова. Думая, что теперь сыну обезпеченъ уходъ дома, видя, что въ больницѣ ему съ каждымъ днемъ хуже и хуже, слыша отъ мальчика неотступныя просьбы вернуть его домой, Василій Чеберяковъ

8 августа утромъ взялъ Женю изъ больницы. Дома онъ засталъ сыщиковъ—Выгранова и Полищука,—почти не выходившихъ изъ комнаты больного. Мальчикъ, видимо, умиралъ. Пригласили священника—отца Федора Сенькевича. Женя исповѣдывался, причастился и къ вечеру того же 8 августа скончался. Передъ смертью онъ тяжело мучился, бредилъ и неоднократно призывалъ «Андрюшу». Сидѣвшая тутъ же, надъ сыномъ, Вѣра Чеберякова говорила, обращаясь къ Женѣ и указывая на сыщиковъ: «скажи имъ, что я тутъ не причемъ». Но умиравшій Женя, которому уже трудно было говорить, не отвѣчалъ. По удостовѣренію отца Сенькевича, послѣ причастія, когда онъ собирался уходить, мальчикъ позвалъ: «батюшка».

— «Съ теплымъ чувствомъ участія,—продолжалъ отецъ Федоръ,—подошелъ я къ нему и спрашиваю: что тебѣ, дитя мое? Но мальчикъ ничего не сказалъ. Затѣмъ онъ еще разъ позвалъ: «батюшка». Я опять говорю: «что тебѣ, дитя мое?» Старался ласковыми словами ободрить мальчика, чтобы онъ высказалъ то, что хотѣлъ, но онъ опять ничего не сказалъ»...

Содержаніе самой исповѣди не должно быть, по закону (ст. 704 У. у. с.), предметомъ свидѣтельскаго показанія. Исповѣдная тайна ограждается закономъ настолько, что даже на судѣ, ради раскрытія преступленія, священникъ не имѣетъ права ее обнаружить, но свое мнѣніе о преступленіи можетъ имѣть каждый. Когда одинъ изъ журналистовъ, Г. І. Клепацкій, присутствовавшій на дѣлѣ Бейлиса и дававшій объ этомъ дѣлѣ отчетъ, попросилъ затѣмъ отца Федора Сенькевича написать ему свое мнѣніе объ убійствѣ Ющинскаго, отецъ Сенькевичъ, въ письмѣ отъ 16 ноября 1913 года, написалъ объ Андрюшѣ такъ:

«Его нѣтъ на свѣтѣ. Въ холодной могилѣ мирно почиваетъ главный свидѣтель по этому зловѣщему дѣлу. Мирно онъ спитъ, съ его очей, по слову Божію, отерта теперь всякая слеза, но кровь его непрестанно вопіетъ къ Богу вмѣстѣ съ кровью другихъ христіанъ-мучениковъ: «Доколѣ, Владыко Святый и Истинный, не судишь и не мстишь живущимъ на землѣ за кровь нашу». (Откр. І. Б., гл. 6, ст. 10).

Впрочемъ не всѣмъ своимъ тѣломъ этотъ свидѣтель въ землѣ. Часть его внутреннихъ, обезкровленныхъ органовъ, а также черепъ покойнаго предлежали во все время

процесса на судѣ, передъ глазами судей, присяжныхъ засѣдателей и самого виновника печальнаго процесса, будя въ послѣднемъ слѣды уснувшей совѣсти.

И не разъ, лишь заходитъ на судѣ рѣчь о подробностяхъ преступленія, о мученіяхъ бѣдной жертвы въ рукахъ изверговъ-мучителей, подсудимый плачетъ, ему становится дурно, и конвойные солдаты уводятъ его изъ залы суда на время, пока придетъ въ себя.

Нѣтъ на свѣтѣ и другихъ весьма важныхъ свидѣтелей по дѣлу. Они бы раскрыли его передъ человѣчествомъ, но неумолимая, роковая смерть прежде времени смежила имъ очи.

Многимъ придетъ по этому случаю въ голову вопросъ: зачѣмъ такъ случилось, почему Господь попустилъ умереть главнымъ свидѣтелямъ и такимъ образомъ какъ бы отнялъ у людей возможность непосредственнаго изобличенія преступника? Это же обстоятельство, повидимому, создало болѣе благопріятную почву для распространенія всесвѣтной лжи и клеветы, а также для подкупа и иныхъ преступленій, которыми такъ изобиловало это дѣло и все время сопровождалось со стороны евреевъ.

Вотъ посильный отвѣтъ на этотъ вопросъ:

Давно уже многіе и многіе, именуемые русскіе люди, перешли на сторону враговъ Христа—іудеевъ, перешли и не чувствуютъ, что вмѣстѣ съ такимъ переходомъ они позорятъ свое русское имя, идутъ противъ своей матери-церкви, запрещающей всякое общеніе христіанъ съ іудеями подъ страхомъ церковнаго отлученія, наконецъ ведутъ этимъ путемъ Россію къ вѣрной исторической гибели, если, разумѣется, не будутъ остановлены твердой рукой, рѣшительнымъ противодѣйствіемъ здравомыслящей части русскаго общества.

Въ дѣлѣ Бейлиса недостатокъ свидѣтелей-очевидцевъ преступленія вызвалъ къ жизни вопросъ несравненно большей важности, чѣмъ вопросъ о виновности Бейлиса. Выдвинутъ вопросъ объ историческомъ, ритуальномъ злодѣяніи жидовскаго народа, и мы видимъ, что на судѣ раздались открыто голоса ученѣйшихъ и весьма авторитетныхъ лицъ, стяжавшихъ большое имя въ наукѣ, за существованіе у евреевъ ритуала вытачиванія крови изъ

христіанскихъ дѣтей для своихъ гнусныхъ религіозныхъ цѣлей.

Подтверждены эти мнѣнія ссылками на разные историческіе документы и ученыя сочиненія. Поэтому, отнынѣ, благодаря безпристрастному русскому суду, вопросъ о ритуалѣ у евреевъ, несомнѣнно, получилъ новое освѣщеніе, какое онъ имѣлъ до сихъ поръ только въ глазахъ отдѣльныхъ изслѣдователей, а не передъ лицомъ цѣлаго свѣта. Это — побѣда христіанъ и весьма важная на пути спасенія человѣчества отъ разрушительнаго дѣйствія сообщества съ евреями и довѣрія къ нимъ.

Спаси, Господи, христіанъ отъ жидовъ и дай имъ силы въ борьбѣ съ послѣдними одержать побѣду, дабы не погибло нравственно и исторически наше дорогое отечество.

Священникъ Ѳеодоръ Сенькевичъ».

Письмо это было предано гласности въ книгѣ Юрія Бартошевича «Судъ надъ кіевскими вампирами» (Петроградъ, 1914, стр. 169).

Такое мнѣніе вынесъ изъ процесса исповѣдывавшій Женю о. Ѳедоръ Сенькевичъ.

Относительно причинъ смерти Жени Красовскій сейчасъ же, не обинуясь, заявилъ, что, вѣроятно, де, отравила сына сама Чеберякова. Въ показаніи его Слѣдователю отъ 11 августа 1911 г., т. е. черезъ три дня послѣ Женина смерти, читаемъ: «Докладывая Прокурору (Суда) о болѣзни Жени, я высказалъ подозрѣніе, что мать его вмѣстѣ съ другими лицами могла отравить Женю, желая избавиться отъ свидѣтеля, который многое знаетъ по дѣлу объ убійствѣ Ющинскаго... На Лукьяновкѣ ходятъ упорные слухи, что Женя Чеберяковъ отравленъ матерью».

Пріемъ заподозриванія упрощенъ до послѣдней степени... Нѣтъ даже излюбленной у Красовскаго ссылки, что «это мною установлено». «Всѣ на Лукьяновкѣ говорятъ» — и довольно. Для Чеберяковой, молъ, при ея репутаціи, хватитъ. Есть, правда, статья закона, воспрещающая свидѣтелю повторять слухи, неизвѣстно отъ кого исходящіе, но если слѣдователь по важнѣйшимъ дѣламъ тѣмъ не менѣе включаетъ ихъ въ свой протоколъ, то при чемъ же тутъ свидѣтель? А то обстоятельство,

что даже Красовскій ничего, кромѣ слуховъ, противъ Чеберяковой здѣсь привести не сумѣлъ, объясняется просто: почувствовалъ себя Женя нехорошо въ то время, когда Чеберякова уже нѣсколько дней сидѣла подъ стражей. Заболѣвшаго въ ея отсутствіе сына она увидѣла лишь за нѣсколько часовъ до его смерти, когда онъ уже былъ въ безнадежномъ состояніи, а около неотступно стояли сыщики, посланные тѣмъ же Красовскимъ, — это онъ самъ подтверждаетъ въ своемъ показаніи. При такихъ условіяхъ, если бы даже у Чеберяковой явилась столь же чудовищная, сколь и трудно объяснимая мысль: немедленно послѣ ареста Бейлиса отравить собственнаго сына, то, во всякомъ случаѣ, должно признать, что болѣзнь и смерть Жени произошли безъ всякаго участія его матери. Отсюда полная невозможность выставить противъ Чеберяковой, какъ отравительницы сына, хоть какія-либо улики, но свалить подозрѣніе на злодѣйку—Чеберякову было не менѣе важно, чѣмъ потомъ заявить, что Андрюшу убивали у нея на квартирѣ.

Отсюда такая поспѣшность Красовскаго, ссылающагося хотя бы на лукьяновскіе слухи, за неимѣніемъ ничего другого.

Поведеніе Чеберяковой въ послѣднія минуты ея сына тоже пробуютъ изобразить, какъ улику противъ матери. Она, будто бы, «замыкала Женѣ уста поцѣлуями»... Такими пріемами изъ области психологіи можно какое угодно «поведеніе» обернуть, какъ улику: когда мать цѣлуетъ умирающаго сына, то она, видите ли, старается «поцѣлуями замкнуть уста». А если бы мать не цѣловала!? О, тогда была бы сугубая улика: посмотрите, молъ, на этого изверга, у него не нашлось даже поцѣлуя для отходящаго въ вѣчность ребенка!

При жизни сына Чеберякова, несомнѣнно, старалась, чтобы онъ никому не разсказывалъ того, что зналъ про Андрюшу, но когда Женя умиралъ, то, повидимому, взяли верхъ другія чувства, столь присущія всякой матери, даже порочной, даже преступной: родители поспѣшили пригласить священника, чтобы исповѣдывать и причастить Женю. Если бы Чеберякова видѣла въ смерти сына только избавленіе отъ опаснаго свидѣтеля, еще не проболтавшагося, но всегда могущаго проболтаться, едва ли такая рѣшительная и не стѣснявшаяся въ средствахъ женщина, какъ она, стала бы звать духовника. Еще нѣсколько часовъ, и опасная тайна будетъ погребена навѣки... Между тѣмъ, на исповѣди умирающій мальчикъ откроетъ свою душу и, несмотря

на его смерть, опасность раскрытія тайны не уменьшится, а возрастетъ. Правда, священникъ, даже въ судѣ, не имѣетъ права обнаружить признанія, сдѣланнаго ему на духу, но крайне сомнительно, чтобы Чеберяковой было извѣстно отношеніе закона къ исповѣдной тайнѣ, да, наконецъ, какъ легко ребенокъ могъ послѣ исповѣди повторить открыто то, что онъ сказалъ втайнѣ всего нѣсколько минутъ тому назадъ.

Если, тѣмъ не менѣе, священникъ былъ приглашенъ, то для обвиненія Чеберяковой, будто даже въ послѣднія минуты единственнаго сына она думала не о своей утратѣ, а о томъ, какъ бы опасный свидѣтель не проболтался,—нужны данныя покрѣпче одной психологіи и слуховъ, распускаемыхъ неизвѣстно кѣмъ по Лукьяновкѣ.

Согласно актамъ судебно-медицинскаго вскрытія и химико-микроскопическаго изслѣдованія, смерть Жени Чеберякова послѣдовала отъ остро-заразной болѣзни дизентеріи, называемой иначе кровавымъ поносомъ. Что касается причины, отъ которой появилась эта болѣзнь, то Василій Чеберяковъ сначала указалъ на зеленыя, неспѣлыя груши, которыя часто ѣлъ его сынъ, но затѣмъ, на судѣ, объяснилъ иное: послѣ ареста его жены, дѣти остались безъ всякаго призора, такъ какъ онъ самъ, въ качествѣ телеграфнаго чиновника, былъ все время на службѣ. Каждый день къ дѣтямъ стали являться сыщики—Красовскій и его помощники Выграновъ, Полищукъ иногда даже по два, три раза на день. Когда затѣмъ Василій Чеберяковъ началъ разспрашивать уже заболѣвшаго сына: «Женичка, не можешь ли припомнить, послѣ чего тебѣ худо стало?»—онъ отвѣтилъ: «Мнѣ припоминается, что тогда, когда я съѣлъ принесенное Красовскимъ пирожное, мнѣ нехорошо стало». Затѣмъ Женя началъ просить: «Папочка, скажи имъ, чтобы они перестали бывать, потому что намъ отъ этого не лучше, а хуже становится». «Я говорилъ тогда Красовскому, — показываетъ далѣе свидѣтель, обтирая слезы, — имѣйте совѣсть... Дѣти нездоровы... Вамъ ихъ болѣзнь извѣстна... Они васъ стѣсняются»... Впослѣдствіи Василій Чеберяковъ обратился съ разспросами относительно пирожнаго къ Полищуку и тотъ подтвердилъ, что пирожныя приносились.

Самъ Полищукъ, командированный сначала въ помощь Красовскому, но затѣмъ Красовскимъ отъ розысковъ отстраненный, на судѣ, на вопросъ предсѣдателя: «знаетъ ли онъ, отчего

заболѣлъ Женя?»—отвѣтилъ: «Я только могу подозрѣвать, что мальчикъ заболѣлъ и умеръ вслѣдствіе того, что ему дали поѣсть пирожнаго».

Изъ дальнѣйшаго допроса Полищука выяснилось, что Красовскій завелъ угощеніе дѣтей-Чеберяковыхъ пирожными, указывая, что такимъ путемъ будетъ пріобрѣтено расположеніе дѣтей и получены отъ нихъ болѣе откровенныя показанія. Однажды Красовскій, въ отсутствіе родителей, привезъ дѣтямъ-Чеберяковымъ такихъ пирожныхъ и оставилъ, попросивъ покушать. Женя заболѣлъ послѣ этого въ ту же ночь.

Согласно экспертизѣ профессора Косоротова, противъ которой въ этой ея части другіе эксперты не возражали, можно считать установленнымъ съ несомнѣнностью, что Женя умеръ отъ кроваваго поноса, отъ дизентеріи. Главное условіе, которое требуется для этой болѣзни—зараза, заразное начало. Дизентерійный микробъ, дизентерійныя «палочки» были обнаружены въ испражненіяхъ Жени. Попасть въ организмъ они могутъ различно, чаще всего въ тѣхъ продуктахъ, которые употребляются въ пищу—могли быть такими продуктами и груши, и пирожное.

Возможно ли дизентерійными палочками нарочно заразить данный продуктъ?

— Да, возможно. Дизентерійныя палочки находятся въ испражненіяхъ. Изъ испражненій легко добыть этотъ матеріалъ.

А возможно ли *установить*, что болѣзнь произошла отъ продукта, *умышленно* зараженнаго?

— Нѣтъ, невозможно. Картина болѣзни не измѣнится отъ того, попала зараза на продуктъ случайно или умышленно.

— Есть ли основанія утверждать, или допускать, что въ случаѣ съ Женей Чеберяковымъ было отравленіе?

— Какъ экспертъ, никоимъ образомъ этого вопроса не могу разрѣшить ни въ ту, ни въ другую сторону.

Въ такомъ же смыслѣ профессоръ Косоротовъ отвѣтилъ и на вопросъ защиты: «Насколько прививку дизентерійныхъ палочекъ можно считать удачно выбраннымъ способомъ для того, чтобы кого-либо уничтожить».

Оба эти вопроса были признаны профессоромъ выходящими за предѣлы научной, судебно-медицинской экспертизы.

Такъ же отнесся Д. П. Косоротовъ къ вопросу, предложенному затѣмъ мною: «Насколько искусственное зараженіе дизентеріей безспорный способъ для того, чтобы отравить совершенно

незамѣтно, не возбуждая никакихъ подозрѣній въ томъ, что человѣкъ отравленъ? Если такова цѣль у преступника—не вызвать подозрѣній—то искусственное зараженіе дизентеріей пригодный для этого способъ?

— Вторая часть вопроса не имѣетъ, собственно, отношенія къ эксперту—отвѣчалъ Д. П. Косоротовъ,—могу только сказать, что отъ прививки получается такая же болѣзнь: искусственная она или естественная, знать нельзя.

Такимъ образомъ, умеръ ли Женя естественною или насильственною смертью, другими словами, заболѣлъ ли онъ кровавымъ поносомъ случайно, или былъ зараженъ умышленно, нарочно—этотъ гнетущій вопросъ остался неразрѣшеннымъ. Экспертиза оказалась безсильною на него отвѣтить, ибо картина болѣзни не зависитъ отъ того, какимъ путемъ попала въ организмъ дизентерійная зараза. Рука отравителя не оставляетъ здѣсь слѣдовъ, которые могли бы быть распознаны наукой, а что касается свидѣтелей, то, конечно, разсказъ ихъ о пирожныхъ, которыми потчевалъ дѣтей Красовскій и послѣ которыхъ Женя, будто бы, почувствовалъ себя нехорошо — еще недостаточенъ для какихъ-либо выводовъ. Остаются лишь совпаденія, которыя нельзя не признать роковыми: главный по дѣлу свидѣтель, упорно не желавшій сказать то, что онъ знаетъ, заболѣлъ и умеръ какъ разъ тогда, когда совершенно внезапно былъ привлеченъ въ качествѣ обвиняемаго и взятъ подъ стражу Мендель Бейлисъ, т. е. когда слѣдствіе вполнѣ опредѣленно повернуло на путь ритуальнаго убійства. Этотъ главный свидѣтель, Женя Чеберяковъ, заболѣлъ кровавымъ поносомъ тогда, когда внезапно остался безъ всякаго присмотра родителей и, заболѣвъ, жаловался, что ему сдѣлалось нехорошо послѣ пирожныхъ, принесенныхъ завѣдующимъ розысками Красовскимъ, по мнѣнію котораго убійство Андрюши Ющинскаго есть «обыкновенное убійство обыкновенныхъ преступниковъ изъ мести».

Послѣ загадочной смерти Жени началось усиленное сближеніе съ Чеберяковой Бразуля-Брушковскаго и Выгранова, уволеннаго къ этому времени отъ офиціальныхъ розысковъ и перешедшаго на роль «сыщика-добровольца». Чуть ли не ежедневно Бразуль и Выграновъ посѣщали Чеберякову, пока, въ декабрѣ 1911 года, не сочли почву достаточно подготовленной для харьковской поѣздки. Не взирая на то, что таковая кончилась очевидной неудачей, трогательное «довѣріе» къ Чеберяко-

вой продолжается: 18 января 1912 г. Бразуль подаетъ прокурору заявленіе, гдѣ убійство Ющинскаго пряписывается Мифле и Назаренкѣ, а Чеберякова указана, какъ главная свидѣтельница и разоблачительница. Даже послѣ полнѣйшаго провала этой «версіи» продолжаются ресторанныя свиданія Чеберяковой съ Бразулемъ, Выграновымъ и Красовскимъ, тоже уволеннымъ и тоже вступившимъ въ ряды «сыщиковъ-добровольцевъ».

Только въ маѣ 1912 года, когда предварительное слѣдствіе давно закончилось, обвинительный актъ былъ утвержденъ и судъ надъ Бейлисомъ сталъ дѣломъ самаго близкаго будущаго, только тогда, когда никакого другого исхода не оставалось, «разслѣдователи-добровольцы» выступили съ обвиненіемъ Чеберяковой, съ «чеберяковской версіей».

Дѣло было обращено къ дослѣдованію, поступило въ руки новаго слѣдователя—Н. А. Машкевича и тогда впервые, 13 августа 1912 г., была допрошена десятилѣтняя Людмила Чеберякова.

Люда показала слѣдователю, а затѣмъ подтвердила въ общемъ и на судѣ, что приблизительно за недѣлю до того, какъ нашли Андрюшу убитымъ, онъ, рано утромъ, часовъ въ восемь, заглянулъ къ нимъ, Чеберяковымъ, и сталъ звать дѣтей кататься на мяло. Собрались она, Валя, Женя, ея подруга Дуня Наконечная и, кажется, Назаръ Заруцкій, впрочемъ, этого она твердо не помнитъ. Пришли на заводъ не по улицѣ, а черезъ дыру въ заборѣ.. Выбрали мяло подальше отъ дома, гдѣ жилъ Мендель. Дѣвочки сѣли на одномъ концѣ бревна, мальчики на другомъ. Когда во время катанья бревно на мялѣ повернулось такъ, что дѣвочки очутились ближе къ забору, онѣ увидѣли, что съ противоположнаго направленія бѣжитъ къ мальчикамъ Мендель Бейлисъ и еще два человѣка. Дѣвочкамъ, за которыми, впрочемъ, никто и не гнался, легко было убѣжать къ забору и пробраться черезъ дыру къ себѣ во дворъ, а Женю и Андрюшу Мендель поймалъ. Женя какъ-то вывернулся и убѣжалъ, Андрюшу же Бейлисъ сталъ тянуть за руку по направленію къ нижней печи. Люда такъ перепугалась, что поспѣшила домой, а Валя, которая была меньше и не могла такъ скоро бѣжать, оставалась тамъ еще нѣкоторое время и потомъ говорила Людѣ, что видѣла, какъ Мендель, торговецъ сѣномъ и старый еврей потащили Андрюшу къ печкѣ. Когда дѣти разсказали объ этомъ матери, та сказала, чтобы не смѣли ходить на за-

водъ, такъ какъ они, можетъ быть, дѣлаютъ тамъ какія-нибудь пакости и Мендель когда-нибудь надеретъ имъ уши, а то и выбьетъ. Раньше они, Чеберяковы, брали ежедневно у Бейлиса молоко. Однажды, когда еще былъ снѣгъ, она, Люда, пошла съ Женей къ Бейлисамъ за молокомъ. Вошли въ коридоръ; Женя шелъ впереди. Онъ заглянулъ въ комнату, гдѣ жена Бейлиса готовила всегда обѣдъ, и вдругъ, какъ бы испугавшись чего, повернулъ назадъ. Тогда заглянула туда же Люда и увидѣла въ комнатѣ, сосѣдней съ той, гдѣ жена Бейлиса варила обѣдъ, двухъ какихъ-то старыхъ евреевъ съ длинными бородами. На головахъ у нихъ были высокія шляпы изъ черной матеріи, на плечахъ черныя накидки. Оба бормотали что-то непонятное. Она, Люда, также испугалась и побѣжала вслѣдъ за Женей. Послѣ того дѣти уже боялись ходить къ Бейлисамъ и молоко стали брать въ другомъ мѣстѣ. Случилось это до происшествія на мялѣ, но за сколько времени — Люда опредѣлить не могла. Послѣ того, какъ трупъ Андрюши нашли въ пещерѣ, былъ такой случай, что въ гости къ ней, Людѣ, и къ Валѣ пришли дѣвочки Волощенковы и поздно засидѣлись, такъ что Люда даже уснула. Проснулась она отъ дѣтскаго шума и крика, причемъ оказалось, что когда дѣвочки Волощенковы собрались уходить, то впереди пошелъ Женя. Только что онъ вышелъ изъ дома, какъ наткнулся на двухъ человѣкъ, изъ которыхъ одинъ неожиданно схватилъ его. Женя вырвался и побѣжалъ обратно, незнакомецъ погнался за нимъ, но долженъ былъ прекратить погоню, такъ какъ бросились двѣ чеберяковскія собаки. Скоро собаки эти сдохли отъ неизвѣстной причины—повидимому, были отравлены.

Разсказъ Люды о погонѣ за Женей подтвердила старшая Волощенкова, одиннадцатилѣтняя Евгенія; младшая, девятилѣтняя Софья, объ этомъ спрошена не была.

Далѣе, все показаніе Людмилы Чеберяковой, въ цѣломъ, было подтверждено матерью ея, Вѣрою Чеберяковой, на допросахъ у слѣдователя отъ 11—13 іюля 1912 г. и отцомъ, Василіемъ Чеберяковымъ, допрошеннымъ ранѣе. Оба и на судѣ, подъ присягою, удостовѣрили все изложенное, со словъ не только Люды, но также умершихъ Жени и Вали. Василій Чеберяковъ добавилъ, что случай, когда Женя и Люда натолкнулись въ квартирѣ Бейлиса на странныхъ евреевъ, произошелъ

незадолго до обнаруженія Андрюшинаго трупа—приблизительно за недѣлю [1]).

Такимъ образомъ, мы имѣемъ прямое показаніе свидѣтеля-очевидца, Людмилы Чеберяковой, не оставляющее никакого сомнѣнія—если оно достовѣрно—въ томъ, что убійство Андрюши произошло на заводѣ при участіи Менделя Бейлиса. Но въ томъ-то и вопросъ, можно ли считать это показаніе достовѣрнымъ? Какъ отнестись къ тому, на первый взглядъ очень сильному возраженію, что дѣвочка говоритъ по наущенію матери, а мать, вообще не заслуживающая довѣрія, старается такимъ путемъ выгородить самое себя и заодно отмстить тѣмъ, кто взводитъ на нее обвиненіе въ убійствѣ? Тогда и ссылка на Женю и Валю, которые, де, говорили родителямъ то же, что Люда — теряетъ свою доказательную силу.

Несомнѣнно, съ этимъ возраженіемъ надо серьезно считаться и, прежде всего, не брать показанія Людмилы Чеберяковой, какъ нѣкую безспорную истину, а подвергнуть подробному разбору: посмотрѣть, подтверждается, или опровергается оно дру-

---

[1]) На судѣ былъ довольно длинный разговоръ по поводу того, что въ домовой книгѣ Зайцевскаго завода, за время, соотвѣтствовавшее, въ общемъ, убійству Ющинскаго, оказались прописанными нѣкіе Эттингеръ и Ландау. Возникло подозрѣніе, что это и есть тѣ два еврея страннаго вида, которыхъ дѣти Чеберяковы видѣли у Бейлиса и о которыхъ возникло предположеніе, что они участвовали въ убійствѣ. Мое мнѣніе, сложившееся еще до суда и на судѣ подтвердившееся, было въ томъ, что, разъ жиды пріѣхали на заводъ потайнымъ образомъ, то едва ли они будутъ по заводу *прописываться*, а если ужъ пропишутся, вынужденные обстоятельствами, то, конечно, именами не своими, а по чужимъ или подложнымъ паспортамъ, обзавестись которыми проще простого. Повидимому, я не ошибся, ибо защита представила объясненіе, что Эттингеръ и Ландау заграничные евреи, пріѣхавшіе къ Зайцевымъ, какъ къ родственникамъ, на побывку, а такъ какъ Зайцевы—люди богатые—жили въ одномъ изъ лучшихъ, центральныхъ участковъ г. Кіева—Дворцовомъ, гдѣ могутъ проживать только евреи, пользующіеся повсемѣстнымъ въ Россіи правомъ жительства, а Эттингеръ и Ландау, какъ іудеи иностранные, таковымъ правомъ не пользовались, то ихъ прописали якобы живущими на заводѣ, гдѣ въ районѣ Плоскаго полицейскаго участка, какъ окраиннаго, и иностранные евреи имѣли право жительства. Въ дѣйствительности же, прописавшись по заводу, Эттингеръ и Ландау жили вовсе не тамъ, а въ центрѣ города, на квартирѣ Зайцевыхъ. Въ числѣ другихъ доказательствъ, подтверждающихъ это объясненіе, явились изъ-за границы, въ качествѣ свидѣтелей, сами Эттингеръ и Ландау, на видъ евреи состоятельные и интеллигентные. Въ томъ, что не про нихъ говорили дѣти Чеберяковы—едва ли могло быть сомнѣніе.

гими безспорными обстоятельствами дѣла. Если вдвинуть въ самую середину столь сложныхъ уликъ и доказательствъ измышленное показаніе, то оно сейчасъ же себя выдастъ множествомъ непримиримыхъ противорѣчій, крупныхъ и принципіальныхъ, чему въ предшествующихъ главахъ было дано достаточно примѣровъ.

Съ другой стороны, если показаніе вполнѣ согласуется съ такими обстоятельствами, которыя показывающему даже не были извѣстны, то это надежный залогъ его правдивости. Примѣнимъ этотъ способъ провѣрки въ дальнѣйшемъ изложеніи къ показанію Люды Чеберяковой, а пока обратимся къ вопросу, дѣйствительно ли оно продиктовано желаніемъ матери выгородить себя и отмстить своимъ изобличителямъ?

Отвѣтъ приходится дать отрицательный. Правда, показаніе Люды появилось въ августѣ 1912 г., т. е. *послѣ* «чеберяковской версіи», послѣ того, какъ разслѣдователи-добровольцы выдвинули противъ самой Чеберяковой обвиненіе въ убійствѣ, но прежде, чѣмъ была допрошена Люда, то, что Люда показала, удостовѣрилъ на слѣдовательскомъ допросѣ со словъ своихъ дѣтей Василій Чеберяковъ, и это случилось значительно *раньше* появленія «чеберяковской версіи». Таковое произошло *въ маѣ 1912 года*, а Василій Чеберяковъ былъ допрошенъ *20 декабря 1911 года*, когда не было еще ни дослѣдованія, ни перваго обвинительнаго акта, когда дѣло находилось въ производствѣ слѣдователя Фененки, а Вѣра Чеберякова состояла въ трогательной дружбѣ съ Выграновымъ и Бразулемъ, который переживалъ періодъ полнаго къ ней довѣрія. Вѣдь даже первая «бразулевская версія» о томъ, что убивали Мифле и Назаренко, версія, гдѣ Чеберякова обрисована благородной разоблачительницей, появилась 18 января 1912 года, т. е. почти мѣсяцъ спустя послѣ показанія, даннаго Василіемъ Чеберяковымъ. Слѣдовательно тогда, 20 декабря 1911 г., у Вѣры Чеберяковой и мысли быть не могло о самозащитѣ, о мести изобличителямъ, а между тѣмъ уже въ это время Василій Чеберяковъ, на первомъ и единственномъ допросѣ, который былъ сдѣланъ ему на предварительномъ слѣдствіи по дѣлу объ убійствѣ Андрюши Ющинскаго — прямо показалъ, ссылаясь на разсказъ своихъ дѣтей, и о томъ, какъ они видѣли у Бейлиса странныхъ евреевъ, и о томъ, какъ Андрюшу схватили жиды во время катанія на мялѣ, и о томъ, какъ была погоня за Женей.

Свидѣтели, дающіе характеристику Чеберяковыхъ, тщательно отдѣляютъ Василія Чеберякова отъ его супруги. Отзываясь, почти поголовно, весьма нелестно о Вѣрѣ Чеберяковой, они совсѣмъ иначе говорятъ объ ея мужѣ, какъ о человѣкѣ порядочномъ, честномъ, труженикѣ, безусловно непричастномъ къ продѣлкамъ жены, но слабомъ, безвольномъ, подчинявшемся женѣ и очень мало бывавшемъ дома вслѣдствіе обязанностей своей службы. Если опорачивать показаніе такого свидѣтеля, то нужно же привести тому какія-либо вѣскія основанія. Если Люда въ августѣ 1912 г. давала свое показаніе по наущенію матери, то кто же наущалъ Василія Чеберякова воспроизвести тотъ же самый разсказъ слѣдователю въ декабрѣ 1911 г.? Правда, и этотъ срокъ довольно поздній, если принять во вниманіе, что убійство было въ мартѣ, но здѣсь Чеберяковы уже не виноваты. Почему, въ самомъ дѣлѣ, судебный слѣдователь по особо важнымъ дѣламъ Фененко не допросилъ вовсе Людмилы Чеберяковой, а такого важнаго свидѣтеля, какъ Василій Чеберяковъ, допросилъ только черезъ девять мѣсяцевъ послѣ начала слѣдствія и за двѣ недѣли до его окончанія?

Въ отношеніи десятилѣтней Людмилы Чеберяковой можетъ быть данъ, я полагаю, только одинъ отвѣтъ, что слѣдователь считалъ ее слишкомъ маленькой, малолѣтней, чтобы допрашивать. Однако, онъ счелъ нужнымъ допросить сестеръ Волощенковыхъ, изъ которыхъ Евгенія приблизительно на годъ старше Люды, а Софія—на нѣсколько мѣсяцевъ моложе. Этого мало, слѣдователь даже счелъ возможнымъ включить въ показаніе одиннадцатилѣтней Евгеніи Волощенковой фразу: «У насъ на Лукьяновкѣ всѣ говорятъ, что Чеберякова продала Андрюшу Ющинскаго жидамъ»,—хотя законъ прямо воспрещаетъ допрашивать свидѣтелей о слухахъ, неизвѣстно отъ кого исходящихъ. При такихъ условіяхъ трудно понять, почему слѣдователь, допрашивая одну дѣвочку даже о слухахъ, другую дѣвочку, ея сверстницу, не допрашиваетъ вовсе, хотя, по ходу слѣдствія, ясно, что она можетъ располагать свѣдѣніями гораздо большей цѣнности. Еще непонятнѣе, что такого свидѣтеля, какъ Василій Чеберяковъ, оставляютъ безъ допроса девять мѣсяцевъ, послѣ чего, разумѣется, воспользоваться для раскрытія дѣла тѣми данными, которыя онъ сообщилъ, время было упущено.

Своевременное вниманіе къ столь важнымъ свидѣтелямъ, какъ Василій и Людмила Чеберяковы, помогло бы раскрытію

ВѢРА ЧЕБЕРЯКОВА съ мужемъ и дочерью Людмилою.

истины гораздо больше, чѣмъ записываніе слуховъ, ходившихъ по Лукьяновкѣ о Вѣрѣ Чеберяковой.

Ея роль въ дѣлѣ объ убійствѣ Ющинскаго до сихъ поръ является спорною и невыясненною. Конечно, бразулевское повѣствованіе о томъ, что Андрюшу убивала какая-то воровская чеберяковская шайка у самой Чеберяковой на квартирѣ — является сплошнымъ вздоромъ и невѣроятнымъ, и прямо-таки невозможнымъ, но, съ другой стороны, едва ли можно сомнѣваться, что именно Вѣра Чеберякова воздѣйствовала на Женю въ томъ направленіи, чтобы онъ упорно скрывалъ обстоятельства огромной важности, извѣстныя ему, какъ свидѣтелю очевидцу, и даже вовсе отрицалъ приходъ Андрюши на Лукьяновку утромъ 12 марта. Этого мало: установлено съ несомнѣнностью, что Андрюша вышелъ тогда изъ дома въ пальто, между тѣмъ видѣвшіе его на Лукьяновкѣ говорятъ, что онъ былъ безъ пальто. Куда же дѣвалось пальто, такъ и неразысканное? Напрашивается выводъ, что Андрюша, зайдя къ Чеберяковымъ, снялъ тамъ и оставилъ пальто, чтобы затѣмъ погулять или поиграть налегкѣ. Тогда, значитъ, Чеберякова, вмѣсто того, чтобы, по исчезновеніи мальчика, представить пальто властямъ, скрыла его или уничтожила... Такое предположеніе должно признать вполнѣ допустимымъ, весьма правдоподобнымъ и соотвѣтствующимъ обстоятельствамъ дѣла. Не здѣсь ли корень слуховъ, что Чеберякова продала Андрюшу жидамъ? Слухъ не есть доказательство, ибо онъ голословенъ и не имѣетъ за собою фактическихъ данныхъ, но все же слухи бываютъ разные: тогда какъ одни явно-нелѣпы, другіе заставляютъ серьезно призадуматься. Лично я не думалъ и не думаю, чтобы, дѣйствительно, Чеберякова, заманивъ къ себѣ Андрюшу, передала мальчика жидамъ съ Зайцевскаго завода, предварительно уговорясь съ ними и получивъ за это плату. Однако я долженъ признать, что такой слухъ отнюдь нельзя признать нелѣпымъ, или явно противорѣчащимъ обстоятельствамъ дѣла. Нѣтъ, подобное предположеніе, правда не подкрѣпленное вовсе какими-либо доказательствами, ничего *фактически невозможнаго* въ себѣ не заключаетъ. Тѣмъ не менѣе я полагаю, что Чеберякова этого не дѣлала и вотъ почему: лица, задумывающія преступленіе, вводятъ въ свой планъ участниковъ лишь постольку, поскольку они необходимы. Была ли надобность убійцамъ Ющинскаго брать участницей Чеберякову? Нѣтъ, ибо, какъ будетъ доказано

послѣдующимъ изложеніемъ, заманить Андрюшу на заводъ жидамъ было не трудно помимо Чеберяковой. А разъ оказывалось возможнымъ обойтись безъ нея, то ужъ, конечно, лишняго человѣка вводить въ такое дѣло не стали бы. Далѣе, если Чеберякова «продала Андрюшу жидамъ», то за крупныя деньги. Гдѣ же ихъ слѣдъ? Жили Чеберяковы все время въ бѣдности, на какія-либо сколько-нибудь значительныя траты Чеберяковой нѣтъ никакихъ указаній, а предположеніе, что она до поры, до времени припрятала деньги въ кубышку, совершенно противорѣчитъ и ея характеру, и всему складу ея поведенія.

Таковое объясняется, я полагаю, проще: Чеберякова должна была раньше многихъ догадаться, гдѣ и какъ убитъ Андрюша. Что ей дѣлать? Идти къ властямъ со своими догадками и съ подтверждающимъ эти догадки пальто? Она отлично понимала, что это—лучшій способъ нажить себѣ бездну непріятностей, больше того—подпасть самой подъ такія обвиненія, изъ которыхъ можно и не выпутаться. Полиція, съ первыхъ же шаговъ, въ своемъ желаніи оградить евреевъ и отвести отъ нихъ всякое подозрѣніе, схватила рѣшительно безъ всякихъ уликъ несчастную мать убитаго и въ это время Чеберякова, при ея репутаціи, при ея знакомствахъ пойдетъ въ полицію заявлять на жидовъ!? Она слишкомъ умна, чтобы не понять, какія отсюда проистекаютъ послѣдствія, и въ ней слишкомъ мало нравственныхъ началъ, чтобы ради нихъ она стала причинять себѣ вредъ въ погонѣ за истиной и справедливостью. А выгоды, свои интересы, расчетъ требовали, чтобы Чеберякова поступала именно такъ, какъ она и дѣйствовала: ни ей, молъ, ни Женѣ ни о чемъ не извѣстно... Ничего не знаемъ.

— А Ющинскій у васъ былъ?

— Какъ-то заходилъ, но давно, а когда—не помнимъ.

И замѣчательно, что, изобрѣтая во славу Израиля всевозможныя небылицы о томъ, кто и какъ убилъ Ющинскаго, изобрѣтатели тщательно обходятъ Чеберякову. Сажаютъ подъ стражу чуть не всѣхъ родственниковъ Андрюши, красятъ и завиваютъ Луку Приходьку, а о ней ни слова. Вродѣ взаимнаго страхованія: ты о насъ помолчи, а мы о тебѣ говорить не будемъ. Черезъ четыре съ половиной мѣсяца арестуютъ, наконецъ, Бейлиса, а немедленно всѣдъ затѣмъ загадочно умираетъ Женя. Однако и послѣ этого разслѣдователи-добровольцы стараются сохранить наилучшія отношенія съ Чеберяковой. Ее везутъ въ Харьковъ.

Она говоритъ, что для уговоровъ взять вину на себя и получить хорошія деньги. Разслѣдователи объясняютъ, что для какихъ-то другихъ цѣлей, достаточно, впрочемъ, непонятныхъ. Но вотъ чего нельзя отрицать и разслѣдователямъ, что даже послѣ харьковской поѣздки они дружатъ съ Чеберяковой и выдвигаютъ ее главной разоблачительницей въ новой и явно нелѣпой версіи о Мифле и Назаренкѣ.

Какое упорство въ поддержаніи добрыхъ отношеній, въ стараніи обойтись по-хорошему!

Противъ Чеберяковой пошли лишь тогда, когда ничего больше не оставалось, когда судъ надъ Бейлисомъ иначе былъ неминуемъ. Это было послѣднее средство, пущенное въ ходъ лишь въ маѣ 1912 года.

Такому образу дѣйствій, весьма характерному, были свои, очень вѣскія, основанія. Молчаніе Чеберяковой признавалось настолько цѣннымъ, что пренебречь имъ заставила только крайность и провалъ всѣхъ согласительныхъ предложеній.

Когда начали обвинять самое Чеберякову, она, разумѣется, перестала молчать, ибо молчаніе не давало больше выгодъ, не обезпечивало ея интересовъ. Она разсказала то, что знала, въ тѣхъ предѣлахъ, которые, по ея пониманію, не грозили ея собственной безопасности, какъ личности, заподозрѣнной въ убійствѣ.

Въ этой шахматной игрѣ все было послѣдовательно и стороны отвѣчали другъ другу тѣми ходами, которые требовались положеніемъ.

Во время процесса и послѣ него еврействующія газеты, съ пѣною у рта отрицавшія ритуалъ, настаивавшія на непричастности жидовъ къ убійству Ющинскаго и на виновности Чеберяковой, приводили, между прочимъ, тотъ аргументъ, что, молъ, даже многіе, убѣжденные въ ритуальномъ характерѣ убійства, находятъ, что Чеберякова виновна. Если, де, въ этомъ сходятся люди противоположныхъ взглядовъ, то насколько, значитъ, эта виновность несомнѣнна!

Подкладку такого софизма не трудно обнаружить. Виновность виновности рознь. Законъ знаетъ весьма различныя формы виновности—сообщничество, укрывательство, попустительство, недоносительство и т. д. Нѣтъ виновности *вообще*, а есть лишь опредѣленная виновность въ опредѣленномъ дѣяніи, которое безусловно должно быть очерчено точными фактическими дан-

ными. Здѣсь и разгадка софизма. Въ чемъ именно виновна Чеберякова? Если въ томъ, что вмѣстѣ съ воровскою шайкою убивала Андрюшу у себя на квартирѣ, то, разумѣется, съ такимъ вздоромъ не согласится никто, признающій убійство Андрюши ритуальнымъ. Если же считать Чеберякову виновною въ томъ, что, заманивъ Андрюшу, выдала его за деньги жидамъ,—то противъ этого будетъ возражать всякій, отрицающій ритуалъ. Оказывается, что одна виновность противорѣчитъ другой. Онѣ взаимно исключаютъ другъ друга, чѣмъ и рушатъ весь софизмъ. Въ самомъ дѣлѣ, разъ Чеберякова заманивала и потомъ выдавала жидамъ Андрюшу—то, вѣдь, это лишь подтвержденіе, и очень сильное, что убійство было ритуальнымъ.

Какъ ни смотрѣть на Чеберяковыхъ, несомнѣнно, что у нихъ былъ ключъ къ раскрытію дѣла. Онъ долго, слишкомъ долго оставался подъ спудомъ. Если бы Судебный Слѣдователь допросилъ Василія Чеберякова не черезъ девять мѣсяцевъ, а черезъ девять дней послѣ приступа къ слѣдствію, если бы свѣдѣнія, сообщенныя Чеберяковымъ 20 декабря 1911 г., были въ распоряженіи слѣдственной власти при первыхъ шагахъ слѣдствія, если бы слѣдователь Фененко принялся своевременно и съ должной энергіей за ихъ провѣрку, если бы онъ вообще проявилъ побольше иниціативы, а не перелагалъ бы ее всецѣло на Красовскаго, то весьма вѣроятно, что картина ритуальнаго убійства предстала бы на судѣ во всей своей полнотѣ и съ достаточнымъ количествомъ подсудимыхъ.

Несмотря, однако, на условія самыя неблагопріятныя, на страшную запоздалость такихъ основныхъ слѣдственныхъ дѣйствій, какъ допросъ Василія Чеберякова, осмотръ и обыскъ заводскихъ помѣщеній, успѣвшихъ сгорѣть за три дня до осмотра, на полное отсутствіе настоящаго полицейскаго розыска, направленнаго въ сторону ритуальнаго убійства,—разсказъ Люды и Василія Чеберякова нашелъ себѣ въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ дѣла столь поразительное и неожиданное подтвержденіе, что мысль о придуманности этого разсказа должна быть отброшена безповоротно.

IX.

Лукьяновка.

Въ то время, какъ сотрудники «Кіевской Мысли» и разслѣдователи-добровольцы выдвигали одну «версію» за другою для отвлеченія подозрѣнія въ убійствѣ Ющинскаго отъ евреевъ, не менѣе энергичная дѣятельность все въ томъ же направленіи была развита среди обитателей Лукьяновки. Въ показаніи, данномъ Вѣрою Чеберяковою еще на предварительномъ слѣдствіи, 12 іюля 1912 г., она передаетъ слова Бразуля, что стоило большого труда «разсѣять» ту опасность, которая могла грозить Бейлису отъ показанія Лукьяновскихъ жителей. На вопросъ Чеберяковой, чѣмъ «разсѣяли», Бразуль отвѣтилъ: «Металлъ все сдѣлаетъ, да и Добжанскій теперь на нашей сторонѣ. Намъ удалось на Юрковицѣ многихъ склонить на свою сторону; если кто и знаетъ что, то изъ страха будетъ молчать».

На судѣ Владиміръ Голубевъ удостовѣрилъ, что въ 1913 году подъ осень, уже послѣ допроса его Слѣдователемъ, незадолго до слушанія дѣла, онъ, Голубевъ, вмѣстѣ съ другимъ членомъ общества «Двуглавый Орелъ», студентомъ Кіевскаго университета Александромъ Поздняковымъ, пройдя на Загоровщину, увидѣли около пещеры, гдѣ былъ найденъ Ющинскій, трехъ незнакомцевъ, распивавшихъ водку. Съ однимъ изъ нихъ у Голубева и Позднякова завязался разговоръ. Это оказался Добжанскій, содержатель мѣстной пивной лавки, человѣкъ, хорошо извѣстный на Лукьяновкѣ. Онъ сталъ звать студентовъ въ свою компанію выпить водки и налилъ стаканъ ихъ угостить, а когда тѣ отказались отъ угощенія, выпилъ самъ. Рѣчь зашла о дѣлѣ Бейлиса и Добжанскій заявилъ, что это его другъ, котораго ни въ какомъ случаѣ не осудятъ. «Самъ Марголинъ сказалъ, что Бейлисъ не виноватъ, и его не осудятъ», — такъ нѣсколько разъ повторилъ Добжанскій. На вопросъ Голубева: «А кто такой Марголинъ?» послѣдовалъ изумленный отвѣтъ Добжанскаго: «Какъ!? Вы Марголина не знаете! Значитъ, вы ничего не знаете!» «Во всемъ виновата Чеберякова», — такъ продолжалъ Добжанскій,—«хотите, я покажу вамъ дыру, черезъ которую трупъ вы-

несли?» Когда студенты согласились, онъ повелъ ихъ къ усадьбѣ Захарченки, гдѣ въ 1911 г. жила Чеберякова, и указалъ въ заборѣ, отдѣляющемъ усадьбу отъ Нагорной улицы, огромную дыру, которой раньше не было и черезъ которую, по выраженію Голубева, не то что трупъ, а возъ можно было провезти. Послѣ того, какъ Добжанскій нѣсколько разъ повторилъ, ссылаясь на Марголина, что виновата Чеберякова, а не Бейлисъ, что противъ Бейлиса нѣтъ уликъ, Голубевъ сказалъ, что, по его свѣдѣніямъ, улики есть, что на Бейлиса показываетъ Шаховскій, фонарщикъ.

— «Онъ измѣнилъ свое показаніе»,—возразилъ Добжанскій.

— «Измѣнилъ?»—переспросилъ его Голубевъ.

— «Измѣнить»,—послѣдовалъ отвѣтъ Добжанскаго:—«мы его здорово побили; всѣмъ, кто будетъ противъ Бейлиса показывать, придется плохо».

Студентъ Александръ Поздняковъ, вполнѣ подтверждая показаніе Голубева, привелъ, между прочимъ, такую фразу Добжанскаго: «Дуракъ этотъ фонарщикъ—своего человѣка топитъ; мы его выручать должны — а онъ его топитъ»,— и, нѣсколько спустя, Добжанскій началъ хвастать, что они избили Шаховскаго и тотъ больше противъ Бейлиса показывать не будетъ.

На очной ставкѣ съ Голубевымъ и Поздняковымъ, Добжанскій не отрицалъ своей встрѣчи съ ними около пещеры, гдѣ онъ съ двумя товарищами распивалъ водку. По словамъ Добжанскаго, зашелъ разговоръ объ убійствѣ Ющинскаго, и студенты говорили, что Ющинскій замученъ евреями, а онъ, Добжанскій, и его товарищи это оспаривали, причемъ одинъ изъ товарищей будто бы даже сказалъ: «Какъ евреи? Я знаю, что Ющинскій лежалъ въ коврѣ три дня подъ диваномъ у Чеберяковой». Потомъ пошли осматривать дыру въ заборѣ усадьбы Захарченки, однако никакого разговора ни о Шаховскомъ, ни о Марголинѣ не было. Онъ, Добжанскій, Марголина совершенно не знаетъ и даже про него никогда и не слыхивалъ.

Вообще, упоминаніе о Марголинѣ особенно дѣйствовало на свидѣтеля, и подъ конецъ очной ставки онъ, совершенно потерявъ самообладаніе и побагровѣвъ, началъ кричать на Позднякова: «Что вы говорите?! Въ первый разъ слышу о Марголинѣ! Ничего подобнаго не знаю! Понятія о Марголинѣ не имѣю!».

— «Свидѣтель Добжанскій, ведите себя прилично»,—унималъ его Предсѣдатель.

Помимо того довѣрія, которое внушали Голубевъ и Позднякова своею личностью, помимо совершенно несомнѣннаго впечатлѣнія, которое получилось отъ очной ставки двухъ студентовъ съ содержателемъ пивной лавки Добжанскимъ, заявленіе сего послѣдняго, что онъ, давнишній кіевскій житель, столь освѣдомленный въ дѣлѣ Бейлиса, слыхомъ не слыхалъ про Марголина—представлялось само по себѣ невѣроятнымъ, а потому защита не замедлила и этому свидѣтелю протянуть руку помощи, какъ она ее въ свое время протягивала, напримѣръ, Вышемирскому.

— «Свидѣтель», — обратился къ Добжанскому Зарудный,— «вы вотъ говорили, что Марголина не знаете. А не читали ли вы въ газетахъ объ убійствѣ Ющинскаго?».

Добжанскій. Читалъ.

Зарудный. Не читали ли въ газетахъ, что Марголинъ принимаетъ какое-то участіе въ розыскахъ?

Добжанскій. Можетъ быть и читалъ, но сейчасъ не помню. Не одно это у меня въ головѣ.

Зарудный. Такъ что возможно, что вы читали о Марголинѣ и могли разсказать г.г. Позднякову и Голубеву? Припомните!?

Увы, и сей свидѣтель руки помощи принимать не пожелалъ...

Добжанскій. Ничего подобнаго не говорилъ.

Зарудный. Не о томъ, что Марголинъ лично вамъ сказалъ а о томъ, что вы читали въ газетахъ?

Вѣдь уже, кажется, разжевано и въ ротъ положено, но что подѣлаешь съ упрямымъ человѣкомъ. «Нѣтъ — отвѣчалъ Добжанскій—о Марголинѣ ничего не читалъ, а если, можетъ быть и читалъ, то не помню».

Предсѣдатель. Вы не слышали этой фамиліи?

Добжанскій. Не слышалъ.

Предсѣдатель. Про Марголина вы первый разъ услыхали здѣсь? Раньше не слыхали?

Добжанскій. Нѣтъ, не слыхалъ.

Предсѣдатель. Вы дыру не указывали?

Добжанскій. Не помню, можетъ быть и показывалъ, а можетъ быть и нѣтъ.

Зарудный. Давно эта дыра существуетъ?

Добжанскій. Да. Какъ домъ стоитъ.

Предсѣдатель. А вы слышали — студентъ говорилъ, что, когда онъ послѣ убійства осматривалъ заборъ, тогда этой дыры не было?

Добжанскій. Всегда была такая дыра. Я живу тамъ — знаю.

Предсѣдатель. Такъ что студентъ ошибается, а вы говорите намъ всю правду?

Добжанскій. Да.

Если очной ставкой и перекрестнымъ допросомъ достаточно выяснилось, на чьей сторонѣ правда въ вопросѣ о разговорѣ про Марголина, то съ неменьшею очевидностью обнаружилось это и въ отношеніи Шаховскаго.

Началось съ того, что въ первый же день суда, когда судебное засѣданіе только открывалось съ предварительной провѣрки явившихся и неявившихся свидѣтелей, было доложено суду, что вышла задержка изъ-за свидѣтелей Шаховскихъ, мужа и жены, которые въ судъ не явились, хотя, по свѣдѣніямъ полиціи, находятся въ Кіевѣ. Далѣе, стало извѣстно, что чины полиціи, прибывъ на квартиру Шаховскаго, дабы разузнать о причинѣ его неявки, удостовѣрились, что Шаховскіе дома, но, просто-напросто, отказываются идти въ судъ, не хотятъ. Только послѣ весьма настоятельныхъ «приглашеній» со стороны полиціи, они, наконецъ, были доставлены въ судебное засѣданіе, куда прибыли съ большимъ запозданіемъ. Показаніе свое суду Казиміръ Шаховскій, маленькій, взъерошенный, тщедушный и загнанный человѣчекъ, давалъ крайне неохотно. Объяснилъ, что незадолго до суда, когда онъ зажигалъ въ глухомъ мѣстѣ фонарь, его окружили нѣсколько человѣкъ и сильно избили. «Хорошо подъ бокъ дали»,—жаловался прерывающимся голосомъ свидѣтель:—«хоть теперь трубку приставьте».

— За что же били?

— За то, что я говорилъ... насчетъ того...

— Насчетъ чего? (*Молчаніе*). Насчетъ Бейлиса?

Шаховскій долго молчалъ, наконецъ отвѣтилъ: «Не могу знать».

По его словамъ, какъ только обнаружилось, что онъ располагаетъ важными свѣдѣніями по дѣлу Ющинскаго, къ нему начали ежедневно ходить сыщики и его спаивать. «Когда они меня совсѣмъ запутали, тогда оставили»,—выразился Шаховскій. Всѣ попытки добиться отъ него на судѣ болѣе опредѣ

ленныхъ отвѣтовъ, привели къ тому, что наконецъ, послѣ долгаго отмалчиванья, онъ, на одинъ изъ вопросовъ г. Предсѣдателя, заявилъ: «Мнѣ свѣтъ милѣй...» и больше ничего не отвѣтилъ.

По существу, свидѣтель и на судѣ далъ такое же показаніе, какъ на шести допросахъ, учиненныхъ ему Слѣдователемъ: онъ удостовѣрилъ, что 12 марта 1911 г. утромъ встрѣтился около Зайцевскаго завода съ Андрюшей и Женей, а потомъ, дня черезъ четыре, слышалъ отъ Жени, что въ тотъ разъ Женя и Андрюша пошли кататься на заводское мяло и тамъ ихъ «спугнули», но *кто*, согласно Жениному разсказу, «спугнулъ»: Бейлисъ ли, или просто «мужчина съ черной бородой», или вообще «незнакомый человѣкъ» — этого такъ и нельзя было узнать отъ Шаховскаго, всячески здѣсь отмалчивавшагося.

Кромѣ семьи Чеберяковыхъ, Шаховскій былъ единственнымъ изъ Лукьяновскихъ жителей, давшимъ показаніе, опасное Бейлису. О томъ, что произошло съ семьей Чеберяковыхъ — изложено въ предшествующей главѣ. Достаточно было взглянуть на Шаховскаго, дабы убѣдиться, что и ему доля выпала не сладкая. Въ побояхъ, нанесенныхъ Шаховскому, и въ причинѣ, по которой они наносились,—сомнѣваться не приходится.

Совершенно иного характера было показаніе другого Лукьяновскаго жителя, Михаила Наконечнаго. По прозвищу «лягушка», по ремеслу сапожникъ, занимавшійся, однако, не только шитьемъ сапогъ, но также писаніемъ прошеній и дачею разнообразныхъ «юридическихъ совѣтовъ», Наконечный, въ противоположность Шаховскому, говорилъ очень много, бойко, самоувѣренно, отнюдь не обнаруживая смущенія или страха, и очень опредѣленно сводя свое показаніе въ пользу Бейлиса.

Какъ упомянуто въ предшествующей главѣ, Люда Чеберякова, разсказывая о томъ, какъ она 12 марта 1911 г. каталась на мялѣ съ Андрюшей, Женей и Валей, упомянула, что въ ихъ компаніи была и Дуня Наконечная—дочь Михаила Наконечнаго. Сей послѣдній по этому поводу объяснилъ суду, что дочь сообщила ему послѣ слѣдовательскаго допроса о ссылкѣ, сдѣланной на нее Людою, однако, онъ, Михаилъ Наконечный, «прямо сказалъ тогда, что этого никогда не могло бы быть, потому что тамъ существовалъ заборъ». Свидѣтель пояснилъ далѣе, что, какъ онъ хорошо знаетъ и твердо помнитъ, заборъ этотъ былъ поставленъ *въ ноябрѣ 1910 г.* и «дѣти туда не могли

проникнуть», да и вообще «такой заборъ былъ не только на этой границѣ усадьбы Зайцевыхъ, но и на всѣхъ границахъ». Раньше дѣти часто катались на мялѣ—но все это происходило до ноября 1910 года, а послѣ—не катались.

Такимъ образомъ, столь важное показаніе Людмилы Чеберяковой опровергалось со стороны Наконечнаго самымъ рѣшительнымъ образомъ на основаніи факта, какъ будто непререкаемаго: нельзя было кататься, ибо тому препятствовалъ недавно построенный заборъ.

Если свѣдѣнія Наконечнаго о заборѣ вѣрны, то, конечно, такую улику, какъ разсказъ очевидицы, должно было бы признать разрушенною.

Однако, что говорятъ намъ о состояніи забора другіе свидѣтели?

Шаховскій, жившій тамъ же, по сосѣдству, удостовѣряетъ категорически, что заборъ, отдѣлявшій усадьбу Захарченки отъ Зайцевскаго завода, находился въ мартѣ 1911 г. въ полуразрушенномъ состояніи и проходъ былъ свободный. Но допустимъ, что Шаховскій ошибается или говоритъ неправду: почему Шаховскому вѣрить больше, чѣмъ Наконечному?

Однако, и Панчукъ, и Дыкуша, показанія которыхъ приведены выше, во второй главѣ, опровергаютъ Наконечнаго. Мало того, Голубевъ, нарочно осматривавшій послѣ обнаруженія убійства тамошніе заборы, далъ показаніе, вполнѣ согласное съ Шаховскимъ.

Этого мало: Красовскій, самъ Красовскій, правда, въ первомъ своемъ показаніи, отъ 29 іюля 1911 года, когда онъ еще высказывалъ Слѣдователю свое «мнѣніе», что убійство «скорѣе всего было совершено въ (заводской) печи»—объ интересующемъ насъ заборѣ заявилъ буквально такъ: «Усадьба, въ которой проживаетъ Чеберякова (т. е. усадьба Захарченки), граничитъ съ усадьбой Зайцевскаго завода, причемъ заборъ, отдѣляющій эти двѣ усадьбы, былъ поломанъ и въ усадьбу Зайцева изъ усадьбы, гдѣ жила Чеберякова, не только можно было пройти въ мартѣ мѣсяцѣ, но и проѣхать».

Если, однако, даже все изложенное признать недостаточно убѣдительнымъ, то имѣется еще показаніе нѣкоего Степана Васильева, котораго ни единый человѣкъ ни въ чемъ плохомъ не заподозрилъ и который служилъ въ усадьбѣ Захарченки

дворникомъ, т. е., уже въ силу сего обстоятельства, несомнѣнно, вполнѣ освѣдомленъ по такому вопросу, какъ состояніе забора усадьбы.

Ко времени суда Васильевъ умеръ, но на предварительномъ слѣдствіи былъ допрошенъ 18 іюля 1911 г. и показалъ: «Усадьба, гдѣ я живу, отдѣляется отъ усадьбы Зайцевскаго завода высокимъ заборомъ. Заборъ этотъ Зайцевъ ремонтировалъ послѣ Пасхи въ этомъ году, а до этого времени въ заборѣ было очень много дырокъ такой величины, что черезъ нихъ можно было не только пройти, но и проѣхать. Такимъ образомъ, изъ нашей усадьбы въ заводскую усадьбу ходъ былъ совершенно свободный».

Послѣ такого показанія едва ли можетъ быть сомнѣніе, что Наконечный о заборѣ говорилъ неправду. А надо было слышать, какимъ тономъ заявлялъ свидѣтель, что у него «есть доля порядочности», что «изъ-за легкомысленнаго отношенія можетъ невинно пострадать человѣкъ», и въ подкрѣпленіе своихъ словъ ссылался даже на могилу матери: онъ, де, «на Пасху 1911 года хотѣлъ туда пройти и нельзя было—заборъ существовалъ».

Разъ на судѣ сказана неправда, то надлежитъ искать цѣль, для которой это сдѣлано. Въ показаніи Наконечнаго ее не трудно найти, ибо самъ свидѣтель поясняетъ, что всѣ его соображенія относительно забора возникли, какъ отвѣтъ, какъ возраженіе на ссылку Люды Чеберяковой, что, де, Дуня Наконечная каталась на мялѣ вмѣстѣ съ нею, когда пропалъ Андрюша. Такимъ образомъ, цѣль ясна—доказать, что подобнаго катанья не было и *не могло* быть, что Люда выдумываетъ.

Это естественно обращаетъ насъ къ вопросу: а что же говоритъ о катаніи сама Дуня?

Она была допрошена Судебнымъ Слѣдователемъ Машкевичемъ 16 августа 1912 года и показала:

«Андрюшу Ющинскаго я знала и когда онъ жилъ на Юрковицѣ, то я часто съ нимъ и другими мальчиками и дѣвочками гуляла на Загоровщинѣ и катались на заводскихъ мялахъ. Когда Андрюша перебрался на Слободку, то я его видѣла очень рѣдко, всего два раза, насколько помню. Одинъ разъ я его видѣла на Рождествѣ передъ тѣмъ, какъ его убили... Второй разъ я видѣла Андрюшу уже въ постъ передъ Пасхой въ

прошломъ году. Когда именно это было, я не помню... Кто былъ тогда еще съ нами, кромѣ указанныхъ мною лицъ, я не помню... Мы пошли на мяло черезъ усадьбу Захарченки, въ которой жили Чеберяковы. Тамъ въ заборѣ было много дырокъ, черезъ которыя можно было пройти на заводъ... Я не помню, какъ долго мы катались, и не помню, чтобы насъ кто-нибудь тогда гналъ съ мяла и кричалъ на насъ за то, что мы катаемся на мялѣ. Насколько помню, мы тогда съ мяла пошли обратно во дворъ Захарченки, гдѣ и продолжали гулять...».

Показаніе, заслуживающее самаго серьезнаго вниманія. Съ одной стороны, Дуня Наконечная какъ будто опровергаетъ показаніе Люды Чеберяковой—не было, де, такого случая, чтобы насъ гнали съ мяла, чтобы Андрюшу преслѣдовали и схватили жиды. Съ другой стороны, однако, свидѣтельница не могла отрицать, что «въ постъ передъ Пасхой» было общее катаніе на мялѣ, съ участіемъ и дѣтей Чеберяковыхъ и Андрюши. Но предшествующимъ изложеніемъ твердо установлено, что Великимъ Постомъ 1911 года Андрюша былъ на Лукьяновкѣ только одинъ разъ—именно въ роковой для него день 12 марта. Слѣдовательно, разсказъ Дуни можетъ относиться только къ этому числу, и ни къ какому больше. Значитъ, свидѣтельница, хотя и противорѣчитъ Людмилѣ Чеберяковой, но въ то же время закрѣпляетъ улику громадной важности: 12 марта, послѣ встрѣчи съ дѣтьми Чеберяковыми, Андрюша пошелъ вмѣстѣ съ ними на заводскую усадьбу, на мяло. Мною было подробно разобрано соотношеніе времени, та чрезвычайная краткость срока, которая отдѣляетъ моментъ, когда Андрюшу видѣли на Верхней Юрковицѣ, около монополіи, отъ того момента, когда онъ уже былъ во власти убійцъ. Здѣсь важны каждыя пять минутъ и потому тотъ фактъ, что Андрюша и Женя, послѣ своей встрѣчи, собрали цѣлую компанію ребятъ, съ которой пошли на заводское мяло—пріобрѣтаетъ рѣшающее значеніе и опредѣляетъ безповоротно, на основаніи *исчисленія времени* (о другихъ основаніяхъ пока не говоримъ), что Андрюша попалъ въ руки убійцъ именно на заводской усадьбѣ и нигдѣ больше. Такимъ образомъ, повторяю, хотя показаніе, данное Слѣдователю Дунею Наконечною, какъ будто опровергаетъ Люду, хотя въ этомъ показаніи *прямо*, непосредственно, ни одного слова, уличающаго жидовъ, не сказано, тѣмъ не менѣе, путемъ *вывода*, на первый взглядъ даже незамѣтнаго, показаніе даетъ страшную противъ

нихъ улику, ибо, если про Люду говорятъ, что ее показывать *противъ* жидовъ научили родители, то, вѣдь, Дуня *въ этомъ направленіи*, конечно, родителями не научена—остается разобраться, не было ли на нее воздѣйствія въ направленіи *обратномъ*. Отмѣтимъ кстати, что по вопросу о знаменитомъ заборѣ показаніе, данное Слѣдователю Дуней, только подчеркиваетъ ту неправду, которую сказалъ на судѣ отецъ Дуни, ибо она также, какъ и Шаховскій, и Голубевъ, и Красовскій, и дворникъ Васильевъ, удостовѣрила Слѣдователю, что передъ Пасхой заборъ былъ дырявый и никакого препятствія Михаилу Наконечному ходить на могилу матери представить не могъ.

На судѣ Дуня Наконечная производила тяжелое впечатлѣніе. Она не рѣшалась отрицать своего показанія, даннаго Слѣдователю, но и не смѣла подтвердить таковое, а говорила лишь, что забыла, не знаетъ, не можетъ припомнить.

Зато отецъ ея не терялъ увѣренности и принялся объяснять суду, что, молъ, «дочь у меня неразвитая: она не могла принять во вниманіе, о чемъ Слѣдователь ее спрашивалъ... Она говоритъ, что ей Богъ на душу положитъ».

Относительно забора Дуня начала говорить суду уже иное, чѣмъ на предварительномъ слѣдствіи: что былъ построенъ новый заборъ (о которомъ, однако, она Слѣдователю не упоминала), послужившій полнымъ препятствіемъ для катаній на мялѣ. До постройки этого забора дѣти катались, послѣ постройки перестали кататься—заборъ мѣшалъ.

Итакъ, вмѣсто противорѣчія, бывшаго раньше въ этомъ вопросѣ между показаніями отца и дочери, теперь оказалось, что «неразвитая» дочь, прежде говорившая то, «что Богъ на душу положитъ» и «не принимавшая во вниманіе, о чемъ ее спрашиваютъ», — теперь исправилась, развилась, приняла это во вниманіе и стала уже скорѣе подтверждать, чѣмъ опровергать показаніе отца—поскольку такой поворотъ былъ возможенъ при наличности перваго показанія свидѣтельницы, запротоколеннаго Слѣдователемъ.

Не лишенъ интереса допросъ другого участника катаній на мялѣ— одиннадцатилѣтняго мальчика Заруцкаго. Относительно него Люда Чеберякова показала, что, *кажется*, онъ участвовалъ въ томъ катаніи, на которомъ жиды схватили Андрюшу, но навѣрное не помнитъ. Назаръ Заруцкій съ самаго начала отрицалъ это обстоятельство. Онъ показалъ Слѣдователю, что «на

мялѣ катался всего два раза: я боюсь кататься, такъ какъ оттуда можно упасть. Оба раза катался съ Женей. Съ Андрюшей никогда не катался».

На судѣ Заруцкій, продолжая утверждать, что его не было на томъ катаніи, о которомъ разсказываетъ Люда, въ другой части показанія существенно измѣнилъ свои первоначальныя слова. О боязни кататься, о томъ, что онъ катался всего два раза—мальчикъ на судѣ даже не упомянулъ, напротивъ, сталъ утверждать, что въ компаніи другихъ дѣтей часто катался на заводскомъ мялѣ, но лишь до опредѣленнаго момента — до того, какъ поставили новый заборъ. Послѣ сооруженія новаго забора—о которомъ, однако, Слѣдователю Заруцкій не сказалъ ни слова—сразу прекратилось катаніе.

Это свидѣтель утверждалъ суду съ настойчивостью, которая невольно обращала вниманіе въ такомъ маленькомъ мальчикѣ.

— Раньше часто катались, а когда загородили — перестали кататься—упорно твердилъ онъ.

Несомнѣнно, и здѣсь скрывалась какая-то неправда: если по первоначальному объясненію мальчика онъ вообще почти не катался изъ боязни упасть, а согласно его послѣдующему заявленію онъ катался часто, пока не появилось тому препятствіе въ видѣ новаго забора,—то, очевидно, одно изъ этихъ двухъ объясненій (если не оба) измышлено, не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. А неправда, вымыселъ въ свидѣтельскихъ показаніяхъ почти всегда появляются не случайно, а вслѣдствіе причинъ, достаточно серьезныхъ.

И вотъ, сопоставляя показанія Назара Заруцкаго и Дуни Наконечной, какъ между собою, такъ съ показаніемъ Михаила Наконечнаго, мы видимъ, что у Слѣдователя и Дуня, и Назаръ дали совершенно различныя показанія. На судѣ таковыя были измышлены и вдругъ совпали между собою въ обстоятельствѣ и совершенно новомъ, и явно противорѣчащемъ тому, что и одинъ и другой свидѣтель говорили раньше — совпали въ разсказѣ о заборѣ, будто бы мѣшавшемъ кататься на мялѣ. Это обстоятельство, совершенно новое въ устахъ обоихъ малолѣтнихъ свидѣтелей и противорѣчащее ихъ первоначальному разсказу, въ свою очередь совпало съ утвержденіями отца одной изъ нихъ — Михаила Наконечнаго, а его утвержденія о заборѣ во-первыхъ оказались неправдою—какъ это незыблемо доказано предшествующимъ изложеніемъ; во-вторыхъ, были приведены

съ явною цѣлью, которую свидѣтель даже не счелъ нужнымъ скрывать,—съ цѣлью опровергнуть уличавшее Бейлиса показаніе Люды Чеберяковой—той Люды, которая сама сослалась на Дуню и Назара.

Эта цѣпь фактовъ неумолимо приводитъ насъ къ вопросу: неужели такое совпаденіе неправды въ показаніяхъ Назара и Дуни возможно, если ихъ кто-нибудь не научилъ? А если научилъ, то кто именно? Какъ объяснить, что произошло это въ отношеніи тѣхъ измышленныхъ обстоятельствъ, изъ которыхъ Михаилъ Наконечный постарался создать такой доводъ, который всецѣло опрокидывалъ бы громадную улику, заключавшуюся въ показаніи Людмилы Чеберяковой? И если задаться этою цѣлью—разрушить показаніе Люды,—то развѣ однимъ изъ наиболѣе дѣйствительныхъ для того способовъ не представляются показанія тѣхъ ея сверстниковъ, на которыхъ она же сама сослалась?

Значеніе свидѣтеля Михаила Наконечнаго въ дѣлѣ Бейлиса очерчено всѣмъ изложеннымъ, я полагаю, достаточно.

Огромное вліяніе, которое могутъ имѣть родители на показанія своихъ малолѣтнихъ дѣтей, понятно всякому. Что показаніе Наконечнаго на судѣ всецѣло клонилось въ пользу Бейлиса — оспаривать не приходится. Какой, однако, переворотъ произошелъ бы въ дѣлѣ при обратномъ положеніи! Представимъ себѣ, что дочь Наконечнаго, Дуня, подтвердила бы разсказъ Людмилы Чеберяковой, удостовѣрила бы, что, дѣйствительно, при ней, на ея глазахъ, утромъ 12 марта 1911 года, во время катанія на мялѣ, Андрюша былъ схваченъ жидами, потащившими его вглубь заводской усадьбы. Предположимъ, далѣе, что самъ Михаилъ Наконечный подкрѣпилъ бы такой разсказъ своей дочери заявленіемъ, что она тогда же все это сообщала ему, отцу. Каково было бы при такихъ условіяхъ положеніе Бейлиса?

Установивъ роль и значеніе свидѣтеля Наконечнаго, надлежитъ перейти къ весьма важной уликѣ противъ подсудимаго, подкрѣпляемой доказательствомъ документальнаго характера. Когда Бейлисъ во время предварительнаго слѣдствія содержался подъ стражею, то въ одной съ нимъ камерѣ помѣщался другой арестантъ, Казаченко. Въ ноябрѣ 1911 года онъ былъ судомъ оправданъ, вслѣдствіе чего подлежалъ немедленному освобожденію. Когда Казаченко уже выходилъ изъ тюрьмы, то

тюремному надзирателю Омельяновскому удалось захватить у него записку, подписанную Бейлисомъ, въ которой, какъ это занесено въ обвинительный актъ, было написано: «Дорогая жена, человѣка, который отдастъ тебѣ эту записку, прими, какъ своего... Онъ можетъ тебѣ очень много помочь въ дѣлѣ моемъ; скажи ему, кто на меня еще показываетъ ложно. Почему никто не хлопочетъ?.. Я чувствую, что не выдержу въ тюрьмѣ, если мнѣ придется еще сидѣть... Если этотъ человѣкъ попроситъ отъ тебя денегъ, ты ему дай на расходъ, который нуженъ будетъ... Это враги мои, которые на меня ложно показываютъ»...

Какъ выяснилось, письмо это, по просьбѣ Бейлиса и подъ его диктовку, написалъ арестантъ Пухальскій, а Бейлисъ, подписавъ письмо, собственноручно добавилъ: «небеспокойся на это человек можну надеичи такъ какъ и самъ». Кромѣ того въ письмѣ упоминается, что въ тюрьму пріѣзжалъ присяжный повѣренный Виленскій, который хочетъ защищать его, Бейлиса, безплатно.

Допрошенный Судебнымъ Слѣдователемъ Фененкою 23 ноября 1911 г. въ качествѣ свидѣтеля, Иванъ Петровъ Казаченко показалъ, что, сидя въ тюрьмѣ вмѣстѣ съ Бейлисомъ и относясь къ нему хорошо, сталъ пользоваться его довѣріемъ. Въ убійствѣ Ющинскаго Бейлисъ не сознавался, но говорилъ, что, если его осудятъ, то пострадаетъ вся еврейская нація. Затѣмъ Бейлисъ началъ уговаривать Казаченку отравить свидѣтелей «Фонарщика» и «Лягушку». Онъ, Казаченко, «на такое предложеніе Бейлиса изъявилъ свое согласіе, но, конечно, этого не сдѣлалъ бы, такъ какъ не хочетъ, чтобы жидъ пилъ русскую кровь». Тогда Бейлисъ сказалъ, что на расходы по такому его порученію дали бы рублей триста — четыреста, а то и пятьсотъ, въ случаѣ же удачи—столько денегъ, что хватило бы на всю жизнь. Деньги дала бы «вся еврейская нація». Для этого въ запискѣ Бейлиса къ женѣ и было написано: «Ты ему дай на расходъ, который нуженъ будетъ». Расправиться съ «Лягушкой» и «Фонарщикомъ» Бейлисъ совѣтовалъ посредствомъ стрихнина, который положить въ водку, а достанутъ и дадутъ ему, Казаченкѣ, стрихнинъ изъ больницы, которая есть въ усадьбѣ Зайцевскаго завода.

На судъ Казаченко не явился за нерозыскомъ, такимъ образомъ судить о степени достовѣрности его показанія по лич-

ному впечатлѣнію, производимому свидѣтелемъ, не пришлось. Изъ прошлаго Казаченки для такого сужденія матеріала тоже было недостаточно. Правда, онъ разъ судился—за грабежъ, но въ ноябрѣ 1911 г. въ этомъ оправданъ. Для опороченія Казаченки защитою былъ вызванъ спеціальный свидѣтель, Синява, но онъ показалъ лишь, что на какой-то свадьбѣ Казаченко собирался бить жидовъ и что, будто бы, взялъ у него, Синявы, въ долгъ три рубля и не отдалъ—данныя, мало опредѣляющія, насколько достовѣрно свидѣтельское показаніе.

Итакъ, для рѣшенія этого вопроса приходится обратиться все къ тому же способу, къ которому мы обращались и раньше: къ выясненію, насколько данное показаніе соотвѣтствуетъ или, наоборотъ, противорѣчитъ несомнѣннымъ обстоятельствамъ дѣла? Если предположить, что свидѣтель выдумалъ, то можно ли было такъ выдумать?

Для этого нужно прежде всего сопоставить показаніе Казаченки съ письмомъ, которое несомнѣнно исходило отъ Бейлиса. Подобныя письма, посылаемыя арестантами «на волю» не черезъ тюремное начальство, а контрабаннымъ путемъ, имѣютъ свои общія черты, проходящія красною нитью въ огромномъ ихъ большинствѣ. Арестантъ отлично понимаетъ и всегда твердо помнитъ, что подобное письмо, несмотря на самый усовершенствованный и потайной способъ его пересылки, можетъ быть перехвачено и попасть въ руки властей. Отсюда всегдашнее стараніе тѣ секретныя свѣдѣнія и порученія, ради которыхъ обыкновенно посылается письмо, изложить въ формѣ настолько замаскированной, чтобы, въ случаѣ неудачи, въ случаѣ обнаруженія письма, оно причинило вреда возможно меньше. Другими словами, задача выражается въ томъ, чтобы лицо, коему письмо посылается, поняло, чего отъ него въ письмѣ ждутъ, требуютъ, начальство же не могло бы понять, а если бы и стало догадываться, то чтобы у арестанта осталась возможность истолковать письмо на невинный манеръ, для себя безвредный.

Таковы общія «правила» сего рода писемъ, хотя и допускающія, разумѣется, исключенія, которыя бываютъ среди всякихъ правилъ.

Главная цѣль разсматриваемаго письма очевидна: разсѣять въ женѣ недовѣріе, которое у нея естественно возникнетъ къ незнакомому человѣку, убѣдить жену, что на этого незнакомца она можетъ спокойно положиться. Не довольствуясь тѣмъ, что

пишетъ другой арестантъ подъ его диктовку, Бейлисъ самъ выводитъ каракулями, чтобы на Казаченку надѣялись «такъ, какъ и самъ».

Письмомъ Казаченко рекомендуется, какъ лицо, которое можетъ «много помочь въ дѣлѣ». Надо сообщить ему, «кто еще показываетъ ложно», и дать денегъ «на расходъ, который нуженъ будетъ». А тѣ, кто «показываетъ на меня ложно» — это «враги мои»—считаетъ нужнымъ пояснить въ письмѣ Бейлисъ. Упоминаетъ онъ въ письмѣ и о присяжномъ повѣренномъ Виленскомъ, какъ о своемъ будущемъ безплатномъ защитникѣ, но мы знаемъ изъ предшествующаго изложенія, что Маркъ Виленскій—тотъ «Мара», о которомъ писалъ Феофилактовъ—сыгралъ въ дѣлѣ Бейлиса иную роль: защитникомъ онъ не выступалъ, но былъ тѣмъ кассиромъ, который завѣдывалъ выдачами свыше пятидесяти рублей.

Итакъ, наличность странныхъ, загадочныхъ мѣстъ и совпаденій въ письмѣ едва ли можно оспаривать. Въ чемъ, напримѣръ, долженствовалъ заключаться «расходъ, который нуженъ будетъ», требовавшій, чтобы жена Бейлиса давала деньги Казаченкѣ?

При такихъ условіяхъ надлежитъ признать, что, если Казаченко выдумалъ, сочинилъ свой разговоръ съ Бейлисомъ, то, во всякомъ случаѣ, онъ очень ловко, искусно подогналъ его къ тексту письма. Но вотъ что далѣе изумительно и совершенно необъяснимо: Казаченко прямо указалъ тѣхъ двухъ свидѣтелей, которыхъ поручилъ ему отравить Бейлисъ, указалъ даже не по фамиліямъ, ибо фамиліи Бейлисомъ не были названы, а по прозвищамъ, именно такъ, какъ были извѣстны эти люди на Лукьяновкѣ — Фонарщикъ и Лягушка. Насколько былъ обезпокоенъ бейлисовскій лагерь показаніемъ фонарщика—Шаховскаго—стало на судѣ очевиднымъ послѣ того, какъ раскрылась исторія съ Добжанскимъ и было удостовѣрено, что несчастнаго Шаховскаго незадолго до суда избили. Надо признать, что безпокойство было не напраснымъ, ибо, конечно, показаніе фонарщика могло представлять очень серьезную улику противъ Бейлиса. Что касается «Лягушки», свидѣтеля Михаила Наконечнаго, отца «неразвитой» Дуни Наконечной, то его роль тоже нами выяснена. Если задаться вопросомъ, кто изъ свидѣтелей являлись самыми важными, самыми опасными Бейлису, то, безспорно, надлежитъ отвѣтить: самые важные свидѣтели—

это дѣти Чеберяковы, особенно Женя. Они, всѣ трое, немедленно послѣ ареста Бейлиса, въ августѣ 1911 г., тяжело заболѣли отъ неизвѣстной причины и двое, въ томъ числѣ Женя, умерли, а третья, Люда, неожиданно уцѣлѣла, выздоровѣла.

Непосредственно вслѣдъ за дѣтьми Чеберяковыми, по степени важности показаній и опасности ихъ для Бейлиса, идутъ, конечно, Шаховскій и Наконечные. И вотъ, именно о Фонарщикѣ и Лягушкѣ говоритъ совершенно незнающій ихъ Казаченко, какъ о тѣхъ двухъ свидѣтеляхъ, которыхъ поручалъ ему отравить Бейлисъ. Исторія съ бейлисовскимъ письмомъ произошла въ ноябрѣ 1911 года, когда сейчасъ же и состоялся допросъ Казаченки, а разсказъ Чеберяковскихъ дѣтей сталъ достояніемъ предварительнаго слѣдствія только 20 декабря 1911 г., когда былъ допрошенъ Василій Чеберяковъ, роль же Наконечныхъ начала выясняться еще гораздо позднѣе, къ осени 1912 года.

Если предполагать, что Казаченко свое показаніе выдумалъ и сочинилъ, то оказывается, что онъ не только приспособился къ настоящему, подогнавъ свой разсказъ съ выдающимся искусствомъ и ловкостью къ письму Бейлиса, но сверхъестественно провидѣлъ будущее, ибо располагать свѣдѣніями о томъ, какое значеніе имѣютъ для дѣла Фонарщикъ и Лягушка, почему какъ разъ этихъ двухъ лицъ имѣлъ основаніе Бейлисъ опасаться—сидѣвшій въ тюрьмѣ Казаченко въ ноябрѣ 1911 года знать не могъ, выяснилось это лишь впослѣдствіи.

Разсказъ Казаченки выдумать было невозможно. Едва ли и Чеберякова была въ состояніи измыслить тѣ слова, приведенныя въ началѣ главы, которыя, по ея удостовѣренію, сказалъ ей о лукьяновскихъ жителяхъ Бразуль. Опасность, которая могла грозить Бейлису отъ показаній этихъ жителей, несомнѣнно «разсѣялась». Женя и Валя Чеберяковы умерли. Избитый, перепуганный «Фонарщикъ» бормоталъ на судѣ, что ему «свѣтъ милѣй». Добжанскій и Наконечный дали показанія, Бейлису вполнѣ благопріятныя...

«Намъ удалось многихъ на Юрковицѣ склонить на свою сторону... И Добжанскій теперь на нашей сторонѣ... Если кто и знаетъ что, то изъ страха будетъ молчать»...

Это предсказаніе, о которомъ Чеберякова, со словъ Бразуля, сообщила Слѣдователю больше, чѣмъ за годъ до суда, исполнилось на судѣ въ полной мѣрѣ.

X.

Заводъ Зайцева.

Дѣятельность Зайцевскаго завода, какъ всякаго крупнаго кирпичнаго производства, рѣзко дѣлилась, въ теченіе года, на два періода—лѣтній и зимній. Лѣтомъ шли усиленныя работы какъ по выдѣлкѣ, обжиганію кирпича, такъ по его вывозкѣ. На заводъ съѣзжались многочисленныя артели не только кіевскихъ, но черниговскихъ и даже могилевскихъ рабочихъ, работавшихъ сдѣльно и, въ большинствѣ, своими лошадьми. Число лошадей на заводѣ доходило до 80, даже до 90. Начиналось такое оживленіе со второй половины марта или съ первыхъ чиселъ апрѣля, въ зависимости отъ хода весны и начала строительнаго сезона. Заканчивалось съ окончаніемъ этого сезона, позднею осенью, при наступленіи холодовъ. Жизнь на заводѣ замирала: оставалось лишь нѣсколько постоянныхъ служащихъ и поденныхъ рабочихъ. Лошадей распродавали. Какъ упомянуто во второй главѣ, жилыя постройки завода были расположены, главнымъ образомъ, по Кирилловской улицѣ,—тамъ же помѣщались благотворительныя еврейскія учрежденія, основанныя или самимъ Іойной Мордковымъ Зайцевымъ, или въ его память—богадѣльня, хирургическая больница. За интересующій насъ періодъ времени—съ осени 1910 года до весны 1911 г.—въ Зайцевскихъ помѣщеніяхъ, выходившихъ на Кирилловскую улицу, изъ заводскихъ служащихъ жилъ управляющій заводомъ Хаимъ Дубовикъ съ двумя помощниками: братомъ, Мордкой Дубовикомъ и Бенціономъ Шлемовымъ Заславскимъ, дворникъ Павелъ Панчукъ и человѣкъ пять-шесть остававшихся на зиму рабочихъ, русскихъ.

Съ противоположной стороны Зайцевской усадьбы, выходя на Верхнюю Юрковицу, былъ расположенъ домъ, въ верхнемъ этажѣ котораго жилъ съ семьей Мендель Бейлисъ, завѣдывавшій отпускомъ кирпича. Въ подвальномъ этажѣ помѣщался помощникъ Бейлиса, Мошка Чернобыльскій. Остальная часть подвальнаго этажа предназначалась для рабочихъ и лѣтомъ ихъ скоплялось въ немъ нѣсколько десятковъ, но на зиму оставалось два—три. Зимой 1910—1911 года тамъ жили трое—Иларіонъ Шидловскій,

Максимъ Алексѣевъ и Максимъ Воробьевъ. Отъ строеній, расположенныхъ по Кирилловской улицѣ, до дома, гдѣ жилъ, на Верхней Юрковицѣ, Бейлисъ, значительно больше версты, въ чемъ не трудно убѣдиться по плану (см. стр. 24—25), принявъ въ расчетъ, что вся усадьба занимаетъ свыше десяти десятинъ.

На огромномъ пространствѣ между домомъ Бейлиса и строеніями по Кирилловской улицѣ, отчасти пустопорожнемъ, отчасти занятомъ навѣсами для кирпичей, мялами и двумя кирпиче-обжигательными печами, находилось только одно жилое помѣщеніе. почти посерединѣ была расположена большая конюшня, гдѣ могло стоять до 80 лошадей, и тутъ же, подъ одной крышей, квартира изъ трехъ комнатъ, гдѣ лѣтомъ устраивалась шорная мастерская. Вдоль всего этого строенія, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, тянулся деревянный сарайчикъ. Зимою 1910—1911 года описанная конюшня стояла пустою—по крайней мѣрѣ, въ дѣлѣ нѣтъ ни единаго указанія, чтобы въ ней, къ марту 1911 года, продолжали стоять тѣ нѣсколько лошадей, которыя не были распроданы съ осени, а оставались для заводскихъ надобностей на всю зиму. Очевидно, этихъ лошадей, въ виду ихъ малаго количества, было удобнѣе перевести или на Кирилловскую улицу или на Верхнюю Юрковицу. Въ жиломъ помѣщеніи рядомъ съ конюшней жилъ служащій по кирпичнымъ подрядамъ Юдка Прицкеръ. По вопросу о времени его выбытія оттуда, у свидѣтелей-евреевъ оказалось разнорѣчіе, невольно останавливающее вниманіе. Допрошенный Слѣдователемъ очень скоро послѣ привлеченія Бейлиса, 17 августа 1911 г., Бенціонъ Заславскій показалъ, что, «если не ошибаюсь, Прицкеръ выбрался изъ завода числа 20 марта» (день обнаруженія трупа Ющинскаго).

Почти такъ же показалъ допрошенный вслѣдъ затѣмъ, 18 августа 1911 г., Хаимъ Дубовикъ: «Прицкеръ уѣхалъ изъ завода приблизительно 18 марта»—т. е., значитъ, въ день убійства Ющинскаго, 12 марта 1911 г., Прицкеръ еще жилъ въ помѣщеніи рядомъ съ конюшнею.

Допрошенный Слѣдователемъ нѣсколько позже, 7 октября 1911 г., Мошка Чернобыльскій показалъ менѣе опредѣленно, что «Прицкеръ уѣхалъ изъ завода незадолго до еврейской Пасхи»—а еврейская Пасха была въ 1911 году 27 марта.

Однако, самъ Прицкеръ, допрошенный еще позже, 10 октября 1911 г., удостовѣрилъ совсѣмъ иное: «Около трехъ лѣтъ я служилъ въ заводѣ Зайцева... Жилъ я все время въ помѣщеніи,

находящемся рядомъ съ конюшнею, подъ одною крышею съ этой послѣдней. Службу въ заводѣ я оставилъ 10 января этого года и *5 февраля*, вмѣстѣ со своей семьей, уѣхалъ изъ завода. Кто жилъ въ моей бывшей квартирѣ послѣ моего отъѣзда, я не знаю и была ли тамъ шорная мастерская, сказать не могу».

Почему же Хаимъ Дубовикъ и Бенціонъ Заславскій, въ такомъ согласіи между собою, утверждали Слѣдователю, что Прицкеръ выѣхалъ не въ первыхъ числахъ февраля, а во второй половинѣ марта?

Впрочемъ, на судѣ они уже измѣнили свои показанія, согласовавъ ихъ съ утвержденіями Прицкера и заявляя, что сей послѣдній уѣхалъ съ завода отнюдь не въ мартѣ, а, кажется, въ февралѣ или даже въ январѣ. Соотвѣтственно такому повороту и Мошка Чернобыльскій пояснилъ суду, что слова свои въ слѣдственномъ протоколѣ, опредѣляющія отъѣздъ Прицкера «незадолго до еврейской Пасхи»—надо понимать въ томъ смыслѣ, что это произошло мѣсяца за полтора передъ Пасхою, т. е. опять-таки въ февралѣ.

Итакъ, жившій на заводѣ, въ помѣщеніи около конюшни, Юдка Прицкеръ вдругъ уѣхалъ оттуда или за мѣсяцъ съ небольшимъ до убійства Ющинскаго, зимою, въ началѣ февраля, или сейчасъ же послѣ убійства, причемъ вопросъ о времени его отъѣзда вызвалъ у свидѣтелей-евреевъ несомнѣнную заминку и неправду въ показаніяхъ, хотя и прикрытую, насколько было возможно, осторожностью выраженій. Оказывается, такимъ образомъ, одно изъ двухъ: или конюшня и жилое помѣщеніе рядомъ съ конюшнею были во время убійства Ющинскаго совершенно необитаемы, или, если тамъ кто либо и жилъ, то Прицкеръ. Никого изъ христіанъ, во всякомъ случаѣ, не жило. О расположеніи конюшни, жилого помѣщенія при ней и вытянувшагося вдоль сарайчика было говорено достаточно: они стояли въ совершенно глухомъ мѣстѣ, на краю обрыва. Ни отъ заводскихъ построекъ, находящихся на Кирилловской улицѣ, ни отъ заводскихъ построекъ съ Верхней Юрковицы нельзя было ни видѣть, ни слышать, что тамъ дѣлается за дальностью разстоянія и пересѣченностью мѣстности.

Относительно шорной работы было установлено, что съ 1911 года шорникомъ на заводѣ былъ Берка Гулько, работавшій въ помѣщеніи на Кирилловской улицѣ, рядомъ съ дворницкой, въ которой жилъ Павелъ Панчукъ. Ночевать Гулько ухо-

дилъ къ себѣ на квартиру, внѣ заводской усадьбы. По его словамъ, онъ такъ работалъ до среднихъ чиселъ февраля, когда вовсе прекратилъ работу на заводѣ и пересталъ туда ходить. Снова приступилъ къ заводской работѣ въ первыхъ числахъ апрѣля, но уже въ другомъ помѣщеніи—не на Кирилловской улицѣ, а рядомъ съ конюшней. Проработалъ тамъ до начала мая, послѣ чего Дубовикъ разсчиталъ его и взялъ русскаго шорника, Емельяна Горбатку. Уходя, Гулько на заводѣ оставилъ мѣшокъ со своими шорницкими инструментами, въ числѣ которыхъ было четыре шила, швайки. Этотъ мѣшокъ взяла полиція осенью 1911 г. въ квартирѣ, расположенной при конюшнѣ. Ни одно изъ четырехъ шилъ, оказавшихся въ мѣшкѣ, къ ранамъ Андрюши Ющинскаго, согласно общему заключенію всѣхъ экспертовъ, не подошло.

Однако, и въ разсказѣ Берки Гулько не обошлось безъ противорѣчія съ показаніями другихъ свидѣтелей. Такъ, дворникъ Павелъ Панчукъ категорически удостовѣрилъ и на предварительномъ слѣдствіи, и на судѣ, что шорникъ Борисъ—такъ называли Гульку рабочіе—вовсе не оставлялъ работы съ середины февраля до первыхъ чиселъ апрѣля, а работалъ на заводѣ въ 1911 году непрерывно до мая, когда былъ замѣненъ Горбаткою. Въ судѣ, на очной ставкѣ между Панчукомъ и Гулькою каждый остался при своемъ показаніи. Такимъ образомъ, споръ возникъ опять почти о томъ же періодѣ времени, какъ и въ отношеніи Юдки Прицкера, о періодѣ, обнимающемъ какъ разъ то время, когда былъ убитъ Андрюша. Присяжные засѣдатели заинтересовались, почему Гулько вздумалъ, уйдя съ завода, оставить тамъ свои шорные инструменты. Гулько отвѣтилъ на это, что ушелъ къ такому хозяину, у котораго сталъ работать не своими, а хозяйскими инструментами.

Дальнѣйшая судьба конюшни и жилого при ней помѣщенія была со второй половины марта такова: когда начались весною 1911 г. кирпичныя работы, въ конюшню эту вновь было поставлено до 70 лошадей. Находился при нихъ сначала Павелъ Панчукъ, который и спалъ въ конюшнѣ, а потомъ конюхъ Харитонъ Быховецъ. Въ квартиркѣ около конюшни работали шорники—до мая Гулько, съ мая Горбатко. Такъ продолжалось до ареста Менделя Бейлиса, послѣ чего квартирку начали вдругъ ремонтировать и туда перебралась изъ дома съ Верхней Юрковицы семья Бейлиса. На вопросъ, чѣмъ былъ такой переѣздъ

вызванъ, отвѣчали, что женѣ Бейлиса въ прежней квартиркѣ оставаться было страшно, хотя, казалось бы, на новомъ мѣстѣ должно быть еще страшнѣе, потому что оно болѣе прежняго глухое и мрачное.

Съ осени 1911 года, по мѣрѣ окончанія кирпичныхъ работъ, лошадей, по обыкновенію, начали распродавать и въ октябрѣ ихъ осталось въ конюшнѣ 20 штукъ, когда 10 октября конюшня, квартирка при ней, гдѣ жила тогда семья Бейлиса, и сарайчикъ сгорѣли.

По удостовѣренію конюха Харитона Быховца, онъ 10 октября 1911 года, въ понедѣльникъ, водилъ на ярмарку съ завода лошадей для продажи и продалъ 10 головъ. Вернулся на заводъ подъ вечеръ, часовъ около восьми, и пошелъ къ себѣ ужинать,— а такъ какъ семья Бейлиса переселилась въ помѣщеніе около конюшни, то ему, Быховцу, отвели часть той квартиры на Верхней Юрковицѣ, гдѣ жилъ раньше Бейлисъ. Начавъ тамъ ужинать, онъ услыхалъ крики, что пожаръ, и, прибѣжавъ къ конюшнѣ, увидѣлъ, что *горитъ снаружи*. Лошадей вывели всѣхъ. Сгорѣлъ кое-какой скарбъ, часть сбруи—остальное вынесли, обгорѣло нѣсколько телѣгъ, а затѣмъ огонь уничтожилъ самыя постройки—конюшню, жилое при ней помѣщеніе и сарайчикъ напротивъ. Семья Бейлиса послѣ пожара вернулась опять въ свою прежнюю квартиру, на Верхней Юрковицѣ. Причина пожара осталась неустановленною. Изъ немногочисленныхъ рабочихъ, оставшихся въ заводской усадьбѣ на зиму, свидѣтель Емельянцевъ опредѣленно заявилъ суду, что, по его мнѣнію, былъ поджогъ. Другой рабочій, Дыкуша, также показалъ Слѣдователю: «не иначе, какъ поджогъ былъ, но кто его совершилъ я не знаю».

Послѣ пожара на прежнемъ мѣстѣ снова была построена конюшня и, подъ одной съ ней крышей, небольшое жилое помѣщеніе.

Какъ уже излагалось, на одеждѣ Ющинскаго оказались пятна сѣроватой глины, глиняныя «помарки», мѣстами смѣшавшіяся съ кровью, ею пропитанныя. Таковыя, по заключенію профессора Косоротова, могли образоваться только на мѣстѣ совершенія преступленія.

14 марта 1913 г. Судебный Слѣдователь Машкевичъ взялъ въ различныхъ мѣстахъ Зайцевскаго завода шесть пробъ глины, между прочимъ былъ взятъ образчикъ глины и у крыльца жи-

лого помѣщенія возлѣ конюшни, тогда вновь отстроеннаго, оштукатуреннаго и выбѣленнаго послѣ пожара—проба номеръ три.

Химическій анализъ этихъ пробъ и сличеніе ихъ состава съ составомъ сѣроватой глины на одеждѣ убитаго былъ произведенъ на предварительномъ слѣдствіи экспертомъ Туфановымъ, который далъ суду заключеніе, что пять пробъ не схожи съ глиной на одеждѣ убитаго, а одна проба—подъ номеромъ третьимъ—по органическимъ измѣненіямъ и по количеству примѣсей сходна, но отличается присутствіемъ извести.

Вопросъ о томъ, не могла ли въ глину попасть известь потому, что въ этомъ самомъ мѣстѣ недавно производилось оштукатуриваніе и побѣлка новой постройки—остался открытымъ.

Предшествующимъ изложеніемъ выяснено, какое значеніе для дѣла имѣлъ тотъ или другой періодъ дѣятельности завода. Когда дѣятельность эта, вслѣдствіе холодовъ, затихала—заводъ дѣлался совершенно глухимъ и безлюднымъ. Наоборотъ, въ разгаръ строительняго сезона тамъ было людно и оживленно—съѣзжались многочисленныя артели рабочихъ и, разумѣется, совершить убійство такъ, чтобы оно осталось незамѣченнымъ, становилось гораздо труднѣе. Это обстоятельство было учтено въ полной мѣрѣ: обвиняемый сейчасъ же сослался Слѣдователю на нѣсколькихъ иногородныхъ рабочихъ, изъ деревни Гребенокъ, Кіевской губ., которые не замедлили показать на допросѣ, что уже съ первыхъ чиселъ марта 1911 года пріѣхали на заводъ и принялись возить кирпичъ.

Выходило такимъ образомъ, что ко дню убійства Андрюши, къ 12 марта, заводскія работы были уже въ полномъ разгарѣ, а слѣдовательно и самое убійство, разъ оно совершилось на заводской усадьбѣ, едва ли могло остаться незамѣченнымъ. Однако, провѣркою объясненій этихъ рабочихъ—Бориса Бобровскаго, Григорія Усенки, Андрея и Мины Калитенки—удалось съ несомнѣнностью установить, что показанія ихъ неправильны, что пріѣхали на заводъ они позже, что утромъ 12 марта 1911 года ни одинъ изъ нихъ на заводѣ не былъ и работа, въ сколько нибудь широкомъ размѣрѣ, еще не начиналась. Эпизодъ этотъ настолько подробно разобранъ въ моей рѣчи, что здѣсь его можно не повторять. Упомяну еще въ этой области лишь объ одномъ показаніи—рабочаго изъ Черниговской губ., Андрея Ермака. Онъ жилъ въ Кіевѣ, но не на заводѣ, еще съ февраля 1911 г.—возилъ кладь. Недѣли за 2—3 до убійства, Ермакъ ѣхалъ по

Верхне-Юрковской улицѣ и, увидѣвъ тамъ Бейлиса, котораго зналъ раньше, спросилъ его, когда можно будетъ становиться на заводскую работу. Бейлисъ отвѣтилъ: «Послѣ 12 марта».

Такъ Ермакъ и сдѣлалъ.

Если Бейлису не удалась ссылка на рабочихъ изъ деревни Гребенокъ, показавшихъ, что, будто бы, они пріѣхали на заводъ уже съ первыхъ чиселъ марта, то немногимъ больше имѣло успѣха заявленіе обвиняемаго, что у него въ 1911 году не было коровы. На первый взглядъ, довольно длинные разговоры, происходившіе на судѣ о бейлисовской коровѣ, вызываютъ крайнее удивленіе. Причемъ тутъ корова? Однако, и про корову подсудимый говорилъ, надо полагать, не безъ цѣли. Какъ упомянуто выше, дѣти Чеберяковы разсказали родителямъ, а Люда подтвердила и на судѣ, что, приходя къ Бейлису за молокомъ, они, незадолго до убійства Андрюши, увидѣли тамъ двухъ старыхъ евреевъ необычнаго вида, въ странной одеждѣ.

Но если у Бейлиса въ то время не было коровы, то нечего было дѣтямъ Чеберяковымъ приходить къ нему за молокомъ. А если дѣти Чеберяковы не ходили тогда къ Бейлису за молокомъ, то они не могли видѣть того, о чемъ разсказывали...

И вотъ появляется рядъ свидѣтелей, удостовѣряющихъ, что «у Бейлиса не было коровы». Заявляетъ это нѣкая Эстеръ Зусева Быкова, іудейка, не допрошенная на предварительномъ слѣдствіи и вызванная прямо въ судъ, по ходатайству защиты; подтверждаетъ Быкову тоже недопрошенный на предварительномъ слѣдствіи, но знакомый намъ по предшествующему изложенію свидѣтель Вышемирскій—тотъ самый, которому уѣзжавшій въ Америку Равичъ столь откровенно разсказалъ, что жена Равича видѣла у Чеберяковой трупъ Ющинскаго, завернутый въ коверъ и положенный въ ванну. Два свидѣтеля изъ заводскихъ рабочихъ—Самоновъ и Мельникъ—тоже говорятъ, что коровы не было.

Любопытное явленіе происходитъ далѣе съ показаніемъ Екатерины Маслашъ, по прозвищу Перепелицы. Она была допрошена Слѣдователемъ 3 августа 1912 года по ссылкѣ обвиняемаго, не касавшейся, однако, вопроса о коровѣ, но Слѣдователь Машкевичъ попутно спросилъ Перепелицу про корову, и Перепелица показала: «У Бейлиса была одна корова и я у него покупала молоко, заходя къ нему сама лично. Молоко я покупала по мѣрѣ надобности, иногда каждый день, иногда черезъ день. Покупала

ли у него молоко Чеберякова, не знаю. Припоминаю, что весною прошлаго года я покупала у него молоко. Лѣтомъ прошлаго года я молока уже не покупала. Чеберякова мнѣ говорила, что она должна Менделю Бейлису деньги. Молоко мнѣ продавала жена Бейлиса. У Бейлисовъ была прислуга, которая доила коровъ. Кромѣ покупки молока, я заходила иногда къ Бейлису попросить взять лучины на заводѣ, и онъ мнѣ разрѣшалъ».

На судѣ допросъ свидѣтельницы Маслашъ происходилъ такъ:

Прокуроръ. Вы торговка фруктами?

Маслашъ. Да.

Прокуроръ. У Бейлиса была корова?

Маслашъ. Была.

Прокуроръ. Вы покупали у него молоко?

Маслашъ. Покупала.

Прокуроръ. Не покупали ли вы весной 1911 года?

Маслашъ. Нѣтъ. Я покупала весной 1907 и 1908 годовъ.

Въ виду явнаго противорѣчія этихъ словъ свидѣтельницы съ тѣмъ, что она говорила раньше Слѣдователю, Судъ огласилъ ея показаніе, приведенное выше.

Грузенбергъ. Свидѣтельница, вамъ читали показаніе насчетъ того, когда была у Бейлиса корова и когда вы покупали молоко?

Маслашъ. Я теперь припоминаю, что это было въ 1907 и въ 1908 годахъ.

Грузенбергъ. А въ 1909 и 1910 году.

Маслашъ. Тогда я не помню, была ли у Бейлиса корова, потому что ребенокъ мой подросъ.

Изъ дальнѣйшаго выясняется, однако, что у свидѣтельницы, по ея же словамъ, пятеро дѣтей: младшему полтора года, слѣдующему пять лѣтъ, слѣдующему семь.

Не обошлось съ коровой и безъ другихъ недоразумѣній. Самъ Бейлисъ заявилъ суду, что корову *продалъ* 20 сентября 1910 года и послѣ этого у него коровы не было. На вопросъ своего собственнаго защитника Заруднаго (?): «Не *пала* ли у него одна корова», подсудимый отвѣтилъ: «Пала, но это было давно».

Между тѣмъ, изъ свидѣтельскихъ показаній явствовало, что коровы на стало у Бейлиса не потому, что онъ ее продалъ, а именно потому, что она «убилась».

Такъ, свидѣтель Вышемирскій прямо удостовѣрилъ, что у Бейлиса «была одна корова, упала внизъ, разбилась и съ тѣхъ поръ коровы не было».

На мой вопросъ, самъ ли онъ видѣлъ, что корова разбилась, или отъ другихъ слышалъ, свидѣтель отвѣтилъ: «Я рядомъ живу—какъ же не знать несчастья сосѣда».

Другой свидѣтель, Никифоръ Тысовецкій, съ коровою совсѣмъ запутался. Слѣдователю онъ показалъ: «Знаю, что у Менделя Бейлиса была одна корова и онъ продавалъ молоко, но въ прошломъ году (допросъ отъ 8 декабря 1912 г.) у него коровы уже не было, такъ какъ она упала въ оврагъ и убилась. Случай этотъ, насколько мнѣ помнится, былъ еще за годъ до убійства Ющинскаго».

На судѣ Тысовецкій отвѣчалъ такъ:

Прокуроръ. У Бейлиса была въ 1911 г. корова?

Тысовецкій. Была.

Прокуроръ. Вы хорошо это помните?

Тысовецкій. Хорошо помню.

Прокуроръ. Не показывали вы Слѣдователю, что корова упала въ оврагъ?

Тысовецкій. Да, показывалъ.

Прокуроръ. Какъ же это вы говорите: то была, то упала? Что же она, упавши, сохранила жизнь, осталась жива?

Тысовецкій. Да, осталась жива.

Прокуроръ. Значитъ, въ 1911 г. была корова?

Тысовецкій. Кажется, не было.

При самомъ снисходительномъ отношеніи къ подобнымъ показаніямъ, полагаться на нихъ не приходится, между тѣмъ, когда еще не было извѣстно о разсказѣ дѣтей Чеберяковыхъ и, слѣдовательно, вопросъ о томъ, была ли у Бейлиса въ 1911 г. корова, представлялся совершенно безразличнымъ и никого не интересующимъ, былъ допрошенъ Слѣдователемъ *18 іюля 1911 г.* дворникъ усадьбы Захарченки, Степанъ Васильевъ, ко времени суда, какъ уже упомянуто, умершій. Онъ показалъ: «Мендель (Бейлисъ) въ очень хорошихъ отношеніяхъ съ Чеберяковой и послѣдняя *у него покупаетъ молоко.* Менделя въ нашемъ дворѣ мнѣ никогда не приходилось видѣть, а то, что къ нему ходитъ Чеберякова,—это я знаю».

Едва ли возможно такому показанію не вѣрить. Дворникъ маленькаго домика на окраинѣ, гдѣ всего нѣсколько квартирантовъ, разумѣется, прекрасно знаетъ, у кого они берутъ молоко, а сказать неправду для этого дворника нѣтъ никакого побужденія, никакого смысла, ибо, повторяю, значеніе вопроса о коровѣ

и молокѣ выяснилось лишь впослѣдствіи, къ тому же заподозрить Степана Васильева, что онъ держитъ руку Чеберяковой, рѣшительно невозможно, ибо тутъ же, въ этомъ же показаніи, ей дается Васильевымъ самая скверная характеристика.

Такимъ образомъ, надлежитъ признать полный неуспѣхъ попытки опорочить разсказъ дѣтей Чеберяковыхъ указаніемъ, что они-де не могли видѣть у Бейлиса тѣхъ странныхъ евреевъ, о которыхъ разсказываютъ, ибо не имѣли никакого повода къ Бейлису придти.

Наличность такого повода—покупка молока—вполнѣ подтвердилась. Достопримѣчательно, однако, до какихъ мелочей, съ неизмѣнной обдуманностью и планомѣрностью, были доведены усилія разрушить, опорочить каждое обстоятельство, неблагопріятное для подсудимаго.

— Дѣти Чеберяковы говорятъ, будто видѣли нѣчто подозрительное, приходя къ Бейлису за молокомъ.

— Пожалуйте свидѣтелей, что не могли приходить, ибо не было молока, не держали коровы.

— Заводская усадьба настолько безлюдна, что на ней можно убить незамѣтно.

Опять свидѣтели, долженствующіе доказать, что въ день убійства тамъ было полно людей—самый разгаръ работы.

Лишь тщательнымъ перекрестнымъ допросомъ и очными ставками удалось выяснить, что рабочіе съѣхались на заводскую усадьбу лишь послѣ того, какъ произошло убійство, что, тогда какъ самъ подсудимый говоритъ о продажѣ своей коровы, свидѣтели показываютъ о томъ, что она у него убилась и т. д.

Большую настойчивость и энергію проявилъ при перекрестномъ допросѣ поддерживавшій обвиненіе Товарищъ Прокурора Петроградской Судебной Палаты О. Ю. Випперъ. Цѣлый рядъ сооруженныхъ здѣсь махинацій былъ разоблаченъ его усиліями.

Нельзя не остановить далѣе самаго пристальнаго вниманія на той заводской постройкѣ, гдѣ была конюшня и при ней небольшое жилое помѣщеніе, только что описанное. Среди цѣлаго ряда загадочныхъ и роковыхъ совпаденій, которыми такъ изобилуетъ настоящее дѣло, совпаденія, пріуроченныя къ этой постройкѣ, занимаютъ не послѣднее мѣсто. Въ глинѣ, взятой передъ ея крыльцомъ, химическій анализъ обнаружилъ сходство съ глиной, приставшей къ одеждѣ убитаго. Въ жиломъ помѣщеніи при постройкѣ была портная мастерская, требовавшая

О. Ю. ВИППЕРЪ, государственный обвинитель по дѣлу Бейлиса.

именно такого инструмента—шила, швайки—которымъ было совершено убійство. Такіе инструменты тамъ и находились. Часть ихъ даже попала въ число вещественныхъ доказательствъ. Послѣ ареста Бейлиса семья его безъ всякаго видимаго основанія въ эту постройку переѣхала, а вслѣдъ затѣмъ постройка сгорѣла при столь странной обстановкѣ, что у сбѣжавшихся на пожаръ рабочихъ создалась увѣренность въ наличности поджога. Пожаръ произошелъ за три дня до того, какъ Судебный Слѣдователь долженъ былъ произвести на мѣстѣ подробный, тщательный осмотръ. Вопросъ о томъ, кто же, за тотъ періодъ времени, когда произошло убійство, жилъ въ этой постройкѣ—вызвалъ рядъ необъяснимыхъ противорѣчій среди свидѣтелей-евреевъ, которые показывали сначала одно, потомъ другое. Мѣсто, гдѣ стояла постройка, настолько глухое, безлюдное и овражистое, что болѣе подходящее въ этомъ отношеніи для убійства найти трудно.

Таковы совпаденія, которыя все неразрывнѣе связываютъ Зайцевскій заводъ съ убійствомъ Ющинскаго.

Область этихъ совпаденій еще далеко не исчерпана.

XI.

Шнеерсонъ.

Въ домѣ на Верхне-Юрковской улицѣ, гдѣ жилъ Бейлисъ, кромѣ тѣхъ обитателей, о которыхъ уже было сказано въ предшествующей главѣ, обитателей, которые всѣ до единаго имѣли тѣсное отношеніе къ кирпичному производству, къ заводу — жилъ еще одинъ человѣкъ, никакого отношенія ни къ заводу, ни къ кирпичному дѣлу не имѣвшій. Это—мѣщанинъ мѣстечка Любавичи, Оршанскаго уѣзда, Могилевской губерніи, Файвель Бунимовъ Шнеерсонъ.

Однако, изъ осмотра домовыхъ книгъ Зайцевской усадьбы выяснилось, что по дому на Верхне-Юрковской улицѣ Шнеерсонъ не прописанъ вовсе, а по другому дому, тоже входящему въ составъ усадьбы, но расположенному на противоположномъ ея концѣ, на Кирилловской улицѣ, Шнеерсонъ прописанъ, какъ прибывшій 12 марта 1911 года (день убійства Андрюши Ющинскаго) «изъ В.-Юрковской ул.» и выбывшій 6 апрѣля 1911 г. «на родину».

Допрошенный слѣдователемъ, Шнеерсонъ показалъ, что до отбыванія воинской повинности жилъ въ мѣстечкѣ Носовкѣ, Нѣжинскаго уѣзда, Черниговской губерніи, гдѣ его отецъ былъ общественнымъ рѣзникомъ. Отбывая воинскую повинность былъ, во время Русско-Японской войны, во Владивостокской крѣпости. Съ 1907 года водворился въ Кіевѣ, гдѣ открылъ сѣнную торговлю въ домѣ Добжанскаго на Татарской улицѣ (т. е. въ самомъ близкомъ разстояніи отъ Бейлиса—Татарская улица упирается въ Верхне-Юрковскую какъ разъ противъ дома, гдѣ жилъ Бейлисъ). Прописался по дому Добжанскаго, а «въ дѣйствительности квартировалъ и столовался у Менделя Бейлиса, но по его квартирѣ не прописывался». Въ мартѣ 1911 года полиція потребовала отъ него, Шнеерсона, чтобы онъ, какъ неимѣющій права жительства въ Кіевѣ, выѣхалъ изъ Лукьяновскаго участка (въ районъ котораго входятъ Татарская и Верхне-Юрковская улицы и гдѣ евреи, не обладающіе правомъ повсемѣстнаго жительства, не должны находиться). Тогда онъ, Шнеерсонъ, прописался по Кирилловской улицѣ, какъ входящей въ Плосскій участокъ (гдѣ евреи, не обладающіе правомъ повсемѣстнаго жительства, могутъ проживать). Далѣе, въ апрѣлѣ 1911 г. прописался на Слободкѣ (гдѣ, такъ же, какъ и въ Плосскомъ участкѣ, имѣлъ право жить), а затѣмъ, мѣсяцевъ черезъ пять, снова прописался по Татарской улицѣ, уже не какъ торговецъ, а какъ ремесленникъ—переплетчикъ (евреи-ремесленники имѣютъ право повсемѣстнаго жительства). Фактически, все это время продолжалъ вести прежнюю торговлю сѣномъ въ домѣ Добжанскаго. О томъ, что среди евреевъ существуютъ хассиды и миснагиды, совершенно не знаетъ. Про книжку Шулханъ-Арухъ даже не слыхалъ, хотя по древне-еврейски можетъ читать. Ющинскаго не зналъ вовсе и на трупъ его къ пещерѣ смотрѣть не ходилъ.

На судѣ Шнеерсонъ, въ общемъ, подтвердилъ это показаніе, но заявилъ, что у Бейлиса онъ не жилъ, а только столовался. На вопросъ, не говорилъ ли онъ Слѣдователю иного, свидѣтель отвѣтилъ: «Можетъ быть и говорилъ. Не помню. Слѣдователь давно допрашивалъ». Когда, затѣмъ, Шнеерсона спросили, не приходилось ли ему, по крайней мѣрѣ, ночевать у Бейлиса, онъ сказалъ: «Можетъ быть, иногда и приходилось ночевать». Спрошенный о судьбѣ своей сѣнной торговли, Шнеерсонъ пояснилъ, что больше сѣномъ не торгуетъ.

— Чѣмъ же вы теперь занимаетесь?

— Ничѣмъ.

По поводу своего отца свидѣтель заявилъ, что тотъ у него въ Кіевѣ не бывалъ.

Мыслимо ли допустить, чтобы еврей, читающій по древнееврейски, ничего не зналъ о хасидахъ, миснагидахъ и даже не слыхалъ о Шулханъ-Арухѣ, выяснится дальше, когда рѣчь пойдетъ о ритуалѣ, здѣсь же отмѣтимъ прежде всего, что Людмила Чеберякова, описывая Судебному Слѣдователю, какъ жиды схватили Андрюшу на мялѣ, показала, что дѣти, катаясь, увидѣли, какъ бѣжитъ къ нимъ «Мендель Бейлисъ и тотъ еврей, который торговалъ тогда сѣномъ на Татаркѣ, а жилъ у Менделя. За Менделемъ и торговавшимъ сѣномъ медленно бѣжалъ старикъ еврей, котораго я раньше никогда не видѣла».

На судѣ дѣвочка заявила, что не можетъ теперь припомнить, кто именно изъ евреевъ бѣжалъ тогда съ Бейлисомъ.

Подполковникъ Ивановъ удостовѣрилъ суду, что свѣдѣнія о Файвелѣ Шнеерсонѣ собиралъ и въ Носовкѣ, гдѣ выяснилъ, что отецъ Файвеля, бывшій тамъ общественнымъ рѣзникомъ, уѣзжалъ въ Кіевъ въ концѣ февраля 1911 года, но когда именно онъ пріѣхалъ въ Кіевъ и когда уѣхалъ изъ Кіева, не было возможности установить, ибо онъ жилъ безъ прописки.

Бабушка Андрюши Ющинскаго, Олимпіада Нѣжинская, показала, что какъ она, такъ и Андрюша, пока жили на Лукьяновкѣ, часто приходили въ лавку Шнеерсона за сѣномъ. Послѣ Андрюшиной смерти свидѣтельница со Слободки снова перебралась на Лукьяновку и опять пришла къ Шнеерсону купить сѣна. Тамъ въ лавкѣ застала еврея, который, читая газету, о чемъ-то оживленно говорилъ со Шнеерсономъ. Увидя Олимпіаду Нѣжинскую, Шнеерсонъ сказалъ тому еврею какую-то фразу, въ которой свидѣтельница могла разобрать только слово «бабка», и еврей, подозрительно взглянувъ на нее, сразу прекратилъ разговоръ.

Спрошенный по этому поводу Шнеерсонъ началъ самымъ рѣшительнымъ образомъ отрицать разсказанное Олимпіадою Нѣжинскою, заявляя, что ничего подобнаго не происходило. «Въ той мѣстности мало евреевъ—утверждалъ онъ—даже совсѣмъ ихъ не было. Былъ Бейлисъ, я, а потомъ еще одинъ слесарь—тотъ даже неграмотный... Тогда ей (Нѣжинской) совсѣмъ не нужно было сѣна».

Я спросилъ на это Шнеерсона, откуда же ему извѣстно, что Нѣжинской тогда не нужно было сѣна, разъ онъ все время твердитъ, что ни Андрюши, ни его родственниковъ не зналъ?

Шнеерсонъ далъ отвѣтъ, ни въ малой мѣрѣ не объяснившій того противорѣчія, на которое я ему указалъ. Онъ заявилъ дословно такъ: «Разъ она не приходила въ лавку, то ей не нужно сѣна».

При дальнѣйшемъ допросѣ свидѣтеля по другимъ обстоятельствамъ, онъ самъ показалъ, что къ нему въ лавку приходили разные евреи — и старые и молодые—по торговому дѣлу: предлагали овесъ.

Когда Шнеерсону указали, что раньше онъ говорилъ иное, ссылаясь, въ опроверженіе показанія Нѣжинской, на чуть ли не полное отсутствіе евреевъ въ той мѣстности, Шнеерсонъ возразилъ, что евреи, которыхъ онъ теперь имѣетъ въ виду, только приносили пробу овса и называли цѣну — ни о чемъ другомъ разговора съ ними не было и газеты они не читали.

То обстоятельство, что Файвель Шнеерсонъ, отрекавшійся на судѣ отъ своего знакомства съ Ющинскимъ, въ дѣйствительности зналъ мальчика и даже очень хорошо зналъ—нашло себѣ подтвержденіе въ показаніи студента Позднякова. Онъ удостовѣрилъ, что, разспрашивая мальчиковъ, товарищей Андрюши, и на Лукьяновкѣ, и на Слободкѣ, узналъ отъ нихъ, что Андрюшу иногда дразнили его внѣбрачнымъ происхожденіемъ, называли «байструкомъ». Андрюша обижался и, какъ бы въ оправданіе, говорилъ, что вотъ Шнеерсонъ, дядя Файвель, обѣщалъ ему найти отца.

Не лишнее припомнить, что отецъ Андрюши, Чирковъ, ушелъ солдатомъ на Дальній Востокъ и оттуда не вернулся, а Файвель Шнеерсонъ былъ въ то самое время тоже солдатомъ на Дальнемъ Востокѣ.

Кромѣ студента Позднякова, и другой членъ общества «Двуглавый Орелъ», Владиміръ Галкинъ, удостовѣрилъ суду, что, занявшись на Слободкѣ разспросами, онъ узналъ про Андрюшинаго товарища, мальчика Калиновскаго, который, со словъ Андрюши, передавалъ, что солдатъ Павелъ, познакомясь съ Андрюшей, сулилъ Андрюшѣ показать его отца.

Сыщикъ Полищукъ показалъ, что Андрюша раньше бывалъ у Бейлиса нѣсколько разъ, зналъ Файвеля Шнеерсона—солдата Павла — и говорилъ съ нимъ о своемъ отцѣ — это Полищукъ

установилъ разсказами дѣтей на Лукьяновкѣ. Далѣе, когда Приходьки переѣхали на Слободку, то оказалось, что недалеко отъ нихъ живетъ нѣкій Мовша Арендарь, сынъ котораго, Гершка, сверстникъ Андрюши, вошелъ въ его дружбу и довѣріе. Шнеерсонъ бывалъ на Слободкѣ и знакомъ съ Арендаремъ. Въ компаніи Гершки Арендаря и Калиновскаго Андрюша говорилъ: «Вотъ этотъ дядя Павелъ покажетъ мнѣ моего отца». Такія свѣдѣнія дѣти на Слободкѣ сообщали сначала охотно, но потомъ начали отмалчиваться и отрекаться отъ своихъ прежнихъ словъ. У Арендаря бывалъ старикъ-еврей Тартаковскій, который очень полюбилъ Андрюшу, привязался къ нему. Когда Андрюша погибъ, Тартаковскій началъ обнаруживать признаки ненормальности и вскорѣ внезапно умеръ. По этому поводу Полищукъ разспрашивалъ Арендаря, и Арендарь сказалъ, что Тартаковскій, про котораго говорятъ, будто его задушили, въ дѣйствительности, у него, Арендаря, въ гостяхъ задавился костью во время ѣды.

Свидѣтель Мовша Арендарь, признавая дружбу своего сына Гершки съ Андрюшей, а также и внезапную смерть Тартаковскаго у него, Арендаря, на квартирѣ—знакомство свое съ Шнеерсономъ отрицалъ. Мальчикъ Калиновскій показалъ, что Андрюша про своего отца ему ничего не говорилъ. Шнеерсона, или солдата Павла онъ не знаетъ.

Въ предшествующемъ изложеніи было упомянуто, что Андрюша очень любилъ возиться съ порохомъ: устраивалъ взрывы, смастерилъ самодѣльное ружье, изъ котораго стрѣлялъ. Повидимому, на почвѣ этихъ забавъ произошло сближеніе его съ Женей Чеберяковымъ. Откуда мальчикамъ удавалось достать порохъ—они держали въ секретѣ и на слѣдствіи это осталось невыясненнымъ. Къ пятницѣ, 11 марта 1911 г., наканунѣ убійства, у Андрюши порохъ весь вышелъ и, по удостовѣренію Олимпіады Нѣжинской, внукъ говорилъ ей, что пойдетъ за порохомъ. Желая попугать мальчика, чтобы онъ не стрѣлялъ, Нѣжинская сказала ему: «Какъ же ты будешь доставать порохъ? Что же, ты въ лавкѣ купишь? Вѣдь тебя арестуютъ?!» На это Андрюша сказалъ, что не въ лавкѣ: найдутся добрые люди, которые дадутъ ему пороха.—«Какіе это добрые люди — я не знаю»,—поясняла на судѣ старуха.

Говорилъ Андрюша бабушкѣ и то, что порохъ, который онъ достаетъ въ Слободкѣ, хуже пороха, который онъ достаетъ въ Кіевѣ.

Александра Ющинская прямо заявила, что Андрюша, передъ тѣмъ днемъ, какъ пропалъ, говорилъ ей: «У меня нѣтъ больше пороха; я завтра пойду и достану порохъ».

Такъ какъ Андрюша собирался за порохомъ, имѣя въ карманѣ не больше пятачка, то, очевидно, не въ деньгахъ была тутъ сила. Кто же эти необнаруженные слѣдствіемъ «добрые люди», видимо, привлекшіе къ себѣ расположеніе, довѣріе мальчика, шедшіе навстрѣчу даже его забавамъ, снабжавшіе его порохомъ и въ Кіевѣ, *и на Слободкѣ*, причемъ, повидимому, въ Кіевѣ получалъ отъ нихъ порохъ не только Андрюша Ющинскій, но и Женя Чеберяковъ? Невозможно себѣ представить, чтобы эти «добрые люди» не узнали объ убійствѣ Андрюши, о томъ, что ищутъ, вызываютъ всѣхъ, у кого только онъ бывалъ, всѣхъ, кто его знаетъ. Дѣло получило широчайшую, міровую огласку. Однако «добрые люди» не откликнулись—вѣроятно, имѣли на то свои основанія.

Возвращаясь къ Зайцевскому заводу и къ Шнеерсону, надлежитъ отмѣтить еще одно обстоятельство изъ показаній Полищука. Бейлисъ былъ арестованъ въ послѣднихъ числахъ іюля 1911 г. въ административномъ порядкѣ и одновременно въ помѣщеніи его былъ произведенъ Начальникомъ Кіевскаго Охраннаго Отдѣленія обыскъ. Затѣмъ содержавшійся подъ стражею Бейлисъ 3 августа былъ привлеченъ въ качествѣ обвиняемаго Судебнымъ Слѣдователемъ Фененкою и продолжалъ оставаться въ тюрьмѣ уже согласно слѣдовательскому постановленію. По удостовѣренію Полищука, недѣли двѣ-три спустя послѣ перваго обыска, на которомъ онъ не присутствовалъ, Красовскій, уже вмѣстѣ съ нимъ и Выграновымъ, произвелъ второй обыскъ. «Найдена была—показалъ свидѣтель—разная переписка на русскомъ и еврейскомъ языкахъ, разныя замѣтки; взяты книги. Обыскъ вызвалъ большое безпокойство среди евреевъ... Черно-быльскій забѣгалъ, Шнеерсонъ также». Среди книгъ, согласно дальнѣйшему показанію Полищука, была найдена старинная еврейская книга въ комодѣ у Чернобыльскаго—а Мошка Чернобыльскій, помощникъ Бейлиса по отпуску кирпича, жилъ, какъ упомянуто выше, въ одной съ нимъ квартирѣ. Шнеерсонъ говорилъ тогда, что это молитвенникъ палестинскихъ каббалистовъ, или просто каббалистовъ. Полищукъ обратилъ вниманіе, что на книжкѣ былъ написанъ рядъ фамилій, въ числѣ ихъ

Шнеерсонъ, Чернобыльскій, Арендарь и братъ Менделя Бейлиса—Ааронъ Бейлисъ.

Въ дальнѣйшемъ, на вопросы сторонъ, свидѣтель отвѣчалъ, что протокола обыска составлено не было. Почему?—не знаетъ. Взятое по обыску доставили на квартиру Красовскому, а *когда* препроводили Слѣдователю—тоже не знаетъ. Помнитъ, что Слѣдователь сомнѣвался, все ли ему доставлено, такъ какъ доставлялось изъ гостинницы отъ Красовскаго посторонними людьми.

Допрошенный по этому поводу Красовскій заявилъ, что, не принимая непосредственнаго участія въ первомъ обыскѣ, произведенномъ чинами охраннаго отдѣленія, онъ затѣмъ «неоднократно осматривалъ домъ, гдѣ жилъ Бейлисъ, а также и остальныя (заводскія) постройки». Описывая далѣе квартиру Бейлиса, свидѣтель показалъ, что одна маленькая комната была заперта на замокъ. «Я спросилъ, кто здѣсь живетъ—продолжалъ Красовскій—мнѣ точно этого не опредѣлили, и я потребовалъ, чтобы замокъ былъ отпертъ. Я увидѣлъ, что тамъ была кровать, на столѣ лежало нѣсколько книгъ на еврейскомъ языкѣ. Просматривая эти книги, я увидѣлъ подпись: Чернобыльскій. Я спросилъ, что значитъ *Чернобыльскій*. Оказалось, Чернобыльскій не располагалъ правомъ жительства. Вотъ результаты моего осмотра».

Опять прежнее! Самый фактъ не отрицается, но ему придается совершенно иное значеніе, не имѣющее къ дѣлу никакого отношенія: да, была книга, остановившая вниманіе подписью на ней, но лишь ради того, чтобы обнаружить проживаніе Чернобыльскаго тамъ, гдѣ онъ жить не имѣлъ права. Неужели, однако, Красовскій, приступая къ обыску въ квартирѣ Бейлиса, не собралъ раньше свѣдѣній о томъ, кто именно въ обыскиваемой квартирѣ проживаетъ? Вѣдь это азбука розыскного дѣла. Неужели присутствіе Чернобыльскаго, нисколько не скрывавшагося, продолжавшаго отпускать на заводѣ кирпичъ, было Красовскимъ впервые обнаружено лишь въ августѣ 1911 года благодаря надписи на книгѣ!?

Послѣдующимъ вопросомъ прокурора Красовскій, однако, былъ возвращенъ къ сути вещей.

Прокуроръ. Значитъ, книга была найдена въ одинъ изъ осмотровъ квартиры Бейлиса?

Красовскій. Виноватъ, я теперь вспомнилъ, что взялъ съ собою одну, двѣ, три—не могу вспомнить сколько—книгъ, взялъ

нѣсколько писемъ, и всѣ эти книги, письма принесъ слѣдователю Фененкѣ, показалъ ему, что вотъ при обыскѣ въ квартирѣ Бейлиса я взялъ эти книги. Не помню, къ какому опредѣленному заключенію тогда пришли, но, во всякомъ случаѣ, оказалось, что книги эти не имѣютъ никакого отношенія къ дѣлу. Въ различныхъ помѣщеніяхъ, при обыскахъ, я часто бралъ различные предметы, приносилъ и показывалъ судебному слѣдователю».

Если это показаніе Красовскаго вѣрно, то остается лишь изумляться, какъ слѣдователь по важнѣйшимъ дѣламъ Фененко допускалъ подобные порядки, явно противозаконные. Прежде всего, какъ уже упомянуто, разъ началось предварительное слѣдствіе, то полиція не имѣетъ ни малѣйшаго права производить дальнѣйшіе обыски—на это есть слѣдователь. Затѣмъ, Уставъ Уголовнаго Судопроизводства точно и подробно указываетъ, какъ при обыскахъ производится выемка тѣхъ предметовъ, которые считаетъ нужнымъ взять лицо, производящее обыскъ. Цѣлый рядъ строгихъ формальностей тутъ направленъ къ обезпеченію вѣрности свѣдѣній, гдѣ, когда, при какихъ обстоятельствахъ взятъ каждый предметъ, подвергнутый выемкѣ (ст. 357—374 Уст. Угол. Судопр.). Совершенно недопустимо, немыслимо, чтобы чинъ полиціи являлся время отъ времени то въ одно, то въ другое помѣщеніе, бралъ бы тамъ то одну, то другую вещь и приносилъ бы къ слѣдователю: «не пригодится ли, молъ, вамъ, какъ улика, а если не понадобится, то я обратно отнесу».

Обращаясь къ актамъ предварительнаго слѣдствія по дѣлу Ющинскаго, мы находимъ тамъ составленный судебнымъ слѣдователемъ Фененкою отъ 17 декабря 1911 г. протоколъ осмотра различныхъ документовъ, книгъ и писемъ, «взятыхъ при обыскѣ въ квартирѣ Менделя Бейлиса», при чемъ, согласно постановленію судебнаго слѣдователя, всѣ документы эти, книги и письма, какъ «неимѣющіе для настоящаго дѣла никакого значенія», возвращены Менделю Бейлису.

Однако протоколъ этотъ нисколько не разрѣшаетъ возникшихъ недоразумѣній. Включена въ него та книга, о которой показалъ Полищукъ, или нѣтъ? Въ протоколѣ, правда, перечислено нѣсколько еврейскихъ книгъ духовнаго содержанія,—но это еще ничего не доказываетъ, заголовокъ же протокола даетъ полное основаніе на поставленный нами вопросъ отвѣтить отри-

цательно: нѣтъ. Той книги, о которой говоритъ Полищукъ, протоколъ осмотра отъ 17 декабря 1911 г. не коснулся, ибо въ заголовкѣ его значится: «осмотръ документовъ въ пяти тюкахъ, опечатанныхъ печатью пристава Лукьяновскаго полицейскаго участка, взятыхъ при обыскѣ въ квартирѣ Менделя Бейлиса и *присланныхъ начальникомъ Кіевскаго Охраннаго Отдѣленія 25 октября сего года*». Отсюда явствуетъ, что пять тюковъ содержатъ взятое только при *первомъ* обыскѣ, при томъ обыскѣ, который былъ произведенъ не Красовскимъ, а Охраннымъ Отдѣленіемъ, въ концѣ іюля 1911 г., еще до привлеченія Бейлиса въ качествѣ обвиняемаго. Разъ посылка значилась отъ Начальника Охраннаго Отдѣленія, то взятое по этому обыску было, надо полагать, прислано слѣдователю 25 октября (черезъ *три мѣсяца* послѣ обыска!)—а когда поступило къ нему взятое Красовскимъ и поступило ли вообще—этотъ вопросъ сводится всецѣло къ тому, насколько вообще заслуживаютъ довѣрія показанія Красовскаго—по сему предмету въ предшествующемъ изложеніи собранъ обильный матеріалъ.

Съ другой стороны, едва ли можно отрицать, что, если въ книгу, найденную въ квартирѣ Бейлиса, былъ вписанъ рядъ фамилій въ такомъ сочетаніи, какъ Чернобыльскій, Шнеерсонъ, Арендарь, Ааронъ Бейлисъ, то уже одно это обстоятельство, независимо отъ содержанія книги, дѣлало ее вещественнымъ доказательствомъ большой важности.

Однако, такого вещественнаго доказательства въ нашемъ распоряженіи на судѣ не было.

Относительно брата Менделя Бейлиса, Аарона Бейлиса, подполковникъ Ивановъ удостовѣрилъ, что тотъ проживалъ въ Кіевѣ, но гдѣ именно—свидѣтель не могъ узнать, ибо Ааронъ Бейлисъ жилъ безъ прописки.

Что касается Шнеерсона, то представляется своевременнымъ свести во едино о немъ изложенное. Ко времени суда, Шнеерсонъ оказывается человѣкомъ безъ опредѣленныхъ занятій. Онъ, по его собственному объясненію, «ничѣмъ» не занимается. Прежняя торговля сѣномъ почему то оставлена. Въ тотъ періодъ, когда былъ убитъ Андрюша, Шнеерсонъ не прописывался тамъ, гдѣ жилъ, а гдѣ не жилъ, тамъ прописывался. Объясненія его, совершенно, впрочемъ, голословныя, что произошло это вслѣдствіе вопроса о правѣ жительства и полицейскихъ придирокъ, не даетъ, во всякомъ случаѣ, отвѣта, почему сіи полицейскія

придирки, которыхъ не было нѣсколько лѣтъ, начались какъ разъ ко дню убійства Ющинскаго, ибо день прописки Шнеерсона въ помѣщеніи Зайцевскаго завода, выходящемъ на Кирилловскую улицу,—12 марта 1911 г.,—совпадаетъ съ днемъ убійства. Признавая вначалѣ свое проживаніе у Бейлиса, Шнеерсонъ затѣмъ, на судѣ, старался таковое отрицать, а отъ знакомства съ Ющинскимъ отрекался самымъ рѣшительнымъ образомъ, точно такъ же, какъ и отъ знакомства съ Арендаремъ, въ чемъ подтверждалъ его и самъ Арендарь. Однако, трое свидѣтелей—Поздняковъ, Галкинъ и Полищукъ, со словъ товарищей Андрюши, удостовѣрили иное: Андрюша не только зналъ Файвеля Шнеерсона, или «дядю Павла», или «солдата Павла», но даже надѣялся, что тотъ покажетъ ему отца. Допустить, что такой, напримѣръ, свидѣтель, какъ студентъ Поздняковъ, станетъ на судѣ измышлять, выдумывать—для меня представляется немыслимымъ; впрочемъ, и защита такихъ предположеній не дѣлала. Но, можетъ быть, выдумали мальчики, товарищи Ющинскаго? Однако, неужели они, выдумывая, могли знать, что отецъ Андрюши ушелъ солдатомъ на Дальній Востокъ? А если мальчики этого не знали, то остается изумляться, насколько ихъ выдумка подошла къ дѣйствительной обстановкѣ, изумляться тѣмъ болѣе, что, по удостовѣренію свидѣтелей, они слышали такой разсказъ отъ мальчиковъ и на Лукьяновкѣ, и въ противоположной части Кіева, *на Слободкѣ*.

Однимъ изъ самыхъ близкихъ товарищей Андрюши по Слободкѣ былъ Гершка Арендарь. Знакомство Шнеерсона съ Арендарями отрицали и Шнеерсонъ, и Арендари, но Полищукъ, заявившій суду, что онъ въ этомъ знакомствѣ удостовѣрился разспросами въ Слободкѣ, сослался далѣе на книгу, взятую Красовскимъ въ квартирѣ Бейлиса при обыскѣ, на книгу, гдѣ, по словамъ Полищука, было записано нѣсколько фамилій, въ томъ числѣ и Арендарь, и Шнеерсонъ. Тутъ же Полищукъ добавилъ, что протокола о взятіи книги Красовскій не составлялъ, хотя отобраніе ея возбудило большое безпокойство у евреевъ, въ частности у Шнеерсона, Чернобыльскаго. И Красовскій не могъ не признать, что взялъ въ квартирѣ Бейлиса книгу, остановившую вниманіе надписанною на ней фамиліею, а прослѣдить дальнѣйшую судьбу этой книги оказалось невозможнымъ.

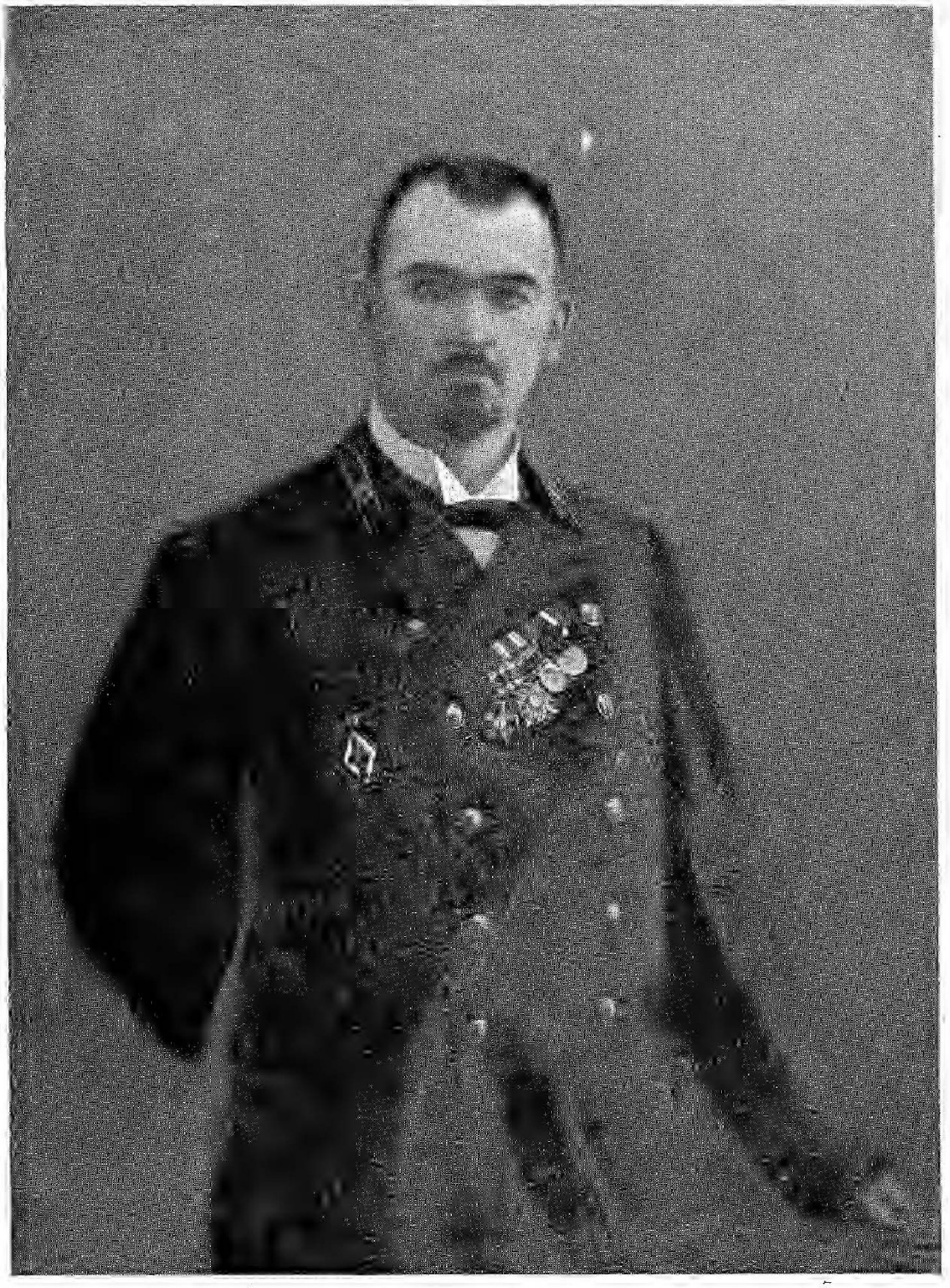
Шнеерсонъ все отрицаетъ—даже разсказъ старухи Нѣжинской, что онъ предупредилъ о ней, какъ о «бабкѣ», другого

еврея, читавшаго въ его лавкѣ газету: не могло, де, этого быть, потому что и евреевъ на Лукьяновкѣ совсѣмъ нѣтъ, и старухѣ въ то время незачѣмъ было заходить къ нему, Шнеерсону, въ лавку—хотя кто эта старуха, онъ, молъ, совершенно не зналъ. Вообще Шнеерсонъ никого и ничего не знаетъ: у Бейлиса не проживалъ, а оставался ли у него ночевать—не помнитъ; на Слободкѣ въ 1911 г. жилъ, ночевалъ, но у кого, не помнитъ; съ Ющинскимъ знакомъ не былъ; что такое хасиды и миснагиды—не знаетъ; о Шулханъ-Арухѣ даже не слыхалъ; за то на вопросъ, не пріѣзжалъ ли когда нибудь въ Кіевъ его отецъ, Бунимъ Шнеерсонъ, рѣзникъ изъ Носовки—Файвель Шнеерсонъ отвѣтилъ столь же опредѣленно, сколь лаконически: «никогда». Подполковникъ Ивановъ удостовѣрилъ, однако, противное.

Чего, однако, не могъ отрицать Файвель Шнеерсонъ—это, что онъ мѣщанинъ мѣстечка Любавичи.

Между тѣмъ, родъ Шнеерсоновъ изъ Любавичей имѣетъ свою громкую и интересную исторію, надъ выясненіемъ которой положилъ много труда не только судебный слѣдователь Н. А. Машкевичъ, но и наблюдавшій за предварительнымъ слѣдствіемъ товарищъ прокурора Кіевскаго Окружнаго Суда А. А. Карбовскій (въ его руки, такъ же, какъ и въ руки Машкевича, дѣло попало, къ сожалѣнію, далеко не сразу). Исторія любавичскихъ Шнеерсоновъ важна настолько, что заставляетъ нарушить послѣдовательность изложенія и коснуться теперь же такихъ обстоятельствъ, подробное разсмотрѣніе которыхъ составляетъ особую часть настоящей книги, спеціально отведенную вопросу о ритуалѣ. Здѣсь мы коснемся этого вопроса самымъ краткимъ образомъ, лишь постольку, поскольку это необходимо, чтобы было понятнымъ дальнѣйшее изложеніе фактическаго матеріала.

Религіознымъ обоснованіемъ изувѣрныхъ убійствъ для іудеевъ-фанатиковъ надлежитъ считать каббалу, книгу, почитаемую ими священною и получившую распространеніе съ XIII вѣка. На особомъ почитаніи и своеобразномъ истолкованіи каббалы—ученія неяснаго, чрезвычайно туманнаго и мистическаго—зиждется секта «хасидовъ» (буквально—«благочестивыхъ»), возникшая въ XVIII вѣкѣ въ Подоліи и очень быстро охватившая широкія массы еврейскаго населенія, остальная часть котораго получила названіе «миснагиды» (протестующіе). Въ фанатиче-



А. А. КАРБОВСКІЙ, Товарищъ Прокурора Кіевскаго Окружнаго Суда.

скомъ, изувѣрномъ характерѣ хасидизма, притомъ очень рѣзко выраженномъ, не можетъ быть сомнѣнія. Дѣлится онъ на два толка—польскій и литовскій. Основателемъ литовскаго толка, его вождемъ и первымъ учителемъ былъ родоначальникъ любавичскихъ Шнеерсоновъ Залманъ (1751—1813 г.), избравшій своею резиденціею Любавичи, которыя сдѣлались религіознымъ центромъ хасидскаго движенія. «Хасиды предпочитали оставаться въ маленькихъ мѣстечкахъ, чтобы имѣть возможность безпрепятственно вести свое дѣло»—замѣчаетъ по этому поводу еврейскій историкъ Грецъ [1]).

Во главѣ хасидовъ стояли «цадики»—праведники, святые, чудотворцы, по убѣжденію ихъ послѣдователей, повинующихся цадикамъ слѣпо и безпрекословно. Потомки Залмана, наслѣдственно, одинъ за другимъ, были въ Любавичахъ цадиками и пользовались среди хасидовъ громаднымъ вліяніемъ. Грецъ сообщаетъ, что послѣ 1793 г. Залманъ былъ арестованъ и въ цѣпяхъ отправленъ въ Петербургъ (за что!?), гдѣ оставался въ заключеніи, повидимому, до конца 1797 года. «Хасидскіе источники разсказываютъ,—читаемъ у Греца,—какимъ образомъ онъ (Залманъ) былъ освобожденъ. При этомъ они повѣствуютъ о многихъ чудесахъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ они достаточно наивны, чтобы разсказать, что богатые хасиды обязались для этой цѣли дать 10% отъ всякаго приданаго, что они собрали 40,000 руб. черезъ ученика Залмана, Арона Леви . . . Къ концу царствованія Павла I, Залманъ опять попалъ въ заключеніе въ Петербургѣ и, какъ говорятъ, былъ освобожденъ только послѣ восшествія на престолъ Александра I (1800 г.)» [2]).

Объ одномъ изъ потомковъ Залмана, о Менделѣ Шнеерсонѣ изъ Любавичей, въ дѣлахъ «еврейскаго комитета», т. е. въ оффиціальномъ правительственномъ источникѣ, находимъ такія данныя:

«Въ 1841 году до Министерства Народнаго Просвѣщенія и Внутреннихъ Дѣлъ дошли свѣдѣнія, что начальникъ хасидской секты въ Витебскомъ и Виленскомъ генералъ-губернаторствахъ, проживающій въ м. Любавичахъ, Могилевской губ., Оршанскаго уѣзда, по имени рабби Мендель Шнеерсонъ или

---

[1]) Генрихъ Грецъ. Исторія евреевъ. Переводъ подъ редакціей Шерешевскаго. Одесса, т. XII, стр. 110.

[2]) Тамъ же, стр. 521.

Любавицеръ (или Любавичеръ) весьма уважается между евреями и имѣетъ на нихъ, особенно на живущихъ въ Бѣлоруссіи и во всей Литвѣ, сильное вліяніе.

Въ 1853 году бывшій витебскій, могилевскій и смоленскій генералъ-губернаторъ представлялъ Министерству Внутреннихъ Дѣлъ подробныя свѣдѣнія о Бѣлорусскихъ хасидахъ, ихъ ученіи, предводителѣ сихъ вредныхъ сектаторовъ, управляющемъ ими съ безграничною властью Менделѣ Шнеерсонѣ, и о предположеніяхъ къ обузданію его вредныхъ дѣйствій.

Въ началѣ 1854 г. обнаружено, что Шнеерсонъ скрывалъ два году сряду въ своемъ обществѣ еврея Зуся Альперовича, убійцу, бѣжавшаго изъ Виленскаго острога, и когда этотъ преступникъ былъ арестованъ и отправленъ въ Оршанскій острогъ, то агенты Шнеерсона доставили ему средства убѣжать. При производствѣ же слѣдствія хасиды показали, что никогда не слыхали имени Альперовича. Это представляетъ новое доказательство, что всѣ усилія правительства остаются тщетными, когда надобно открывать преступленія, совершаемыя хасидами. Главныя основанія этого вреднаго раскола состоятъ въ томъ, что, при внушаемой ученіемъ ихъ ненависти и презрѣніи къ христіанамъ, всякое нарушеніе законовъ правительства, всякій обманъ и клятвопреступленіе считаются не порокомъ, а заслугою.

По дѣлу о тайномъ убійствѣ еврея Проточайна, совершенномъ въ Волынской губерніи, въ мѣстечкѣ Славутѣ, по приговору хасидскихъ раввиновъ, состоялось 15 іюня 1839 года Высочайше утвержденное заключеніе генералъ-аудиторіата о наказаніи преступника. Но и въ этомъ дѣлѣ, при всѣхъ усиліяхъ производившаго слѣдствіе флигель-адъютанта къ раскрытію истины, не обнаружено требуемыхъ закономъ доказательствъ въ совершеніи убійства [1]) и генералъ-аудиторіатъ имѣлъ въ совершеніи онаго только нравственное убѣжденіе» [2]).

При разслѣдованіи въ пятидесятыхъ годахъ знаменитаго «саратовскаго» дѣла по обвиненію тамошнихъ жидовъ въ ритуальныхъ убійствахъ, были добыты указанія, что кровь посы-

---

[1]) Т. е. тѣхъ «формальныхъ» доказательствъ (сознанія, поличнаго, очевидцевъ преступленія), въ рамки которыхъ былъ заключенъ тогдашній дореформенный процессъ.

[2]) Протоколъ осмотра дѣлъ Еврейскаго Комитета, произведеннаго по дѣлу объ убійствѣ Ющинскаго судебнымъ слѣдователемъ Машкевичемъ.

лалась оттуда, изъ Саратова, «для передачи Любавичскому раввину».

Болѣе подробное, документальное изложеніе всѣхъ этихъ свѣдѣній послѣдуетъ, повторяю, въ своемъ мѣстѣ, пока же, настоящимъ краткимъ ихъ перечисленіемъ, я хочу лишь отмѣтить, что хасиды, Любавичи, Шнеерсоны — эти тѣсно связанныя между собою имена, имѣютъ свою весьма знаменательную исторію, на глубокое значеніе которой нельзя не натолкнуться, изслѣдуя вопросъ о ритуальныхъ убійствахъ.

Тѣмъ болѣе поразительнымъ является то совпаденіе, что единственнымъ человѣкомъ, жившимъ на кирпичномъ заводѣ Зайцева безъ всякаго касательства къ заводу, къ кирпичному производству, былъ Шнеерсонъ изъ Любавичей—іудей изъ такого рода и изъ такого мѣста, которые являлись очагомъ, центромъ сосредоточенія жидовскаго изувѣрства.

Нельзя не обратить вниманія и на нѣкоторыя другія совпаденія въ отношеніи Шнеерсона. Андрюша погибъ, отправясь рано утромъ верстъ за семь отъ своего дома на противоположную окраину г. Кіева для цѣли, которую даже отъ своихъ ближайшихъ родственниковъ держалъ въ секретѣ. Обстановка гибели мальчика даетъ несомнѣнныя указанія на предварительное заманиваніе и выслѣживаніе жертвы. Чтобы заманить, было весьма важно заблаговременно заручиться расположеніемъ, довѣріемъ мальчика. При такихъ условіяхъ разсказъ о дядѣ Павлѣ, который сулилъ внѣбрачному ребенку показать отца, вызываетъ серьезныя размышленія. Они усугубляются, если мѣсто встрѣчи съ Андрюшею и наблюденія за нимъ могли для «дяди Павла» не ограничиваться Лукьяновкою, но распространяться и на Слободку, если дѣйствительно «дядя Павелъ», т. е. Файвель Шнеерсонъ, проживая у Бейлиса на Лукьяновкѣ, былъ знакомъ и посѣщалъ на Слободкѣ, въ противоположномъ концѣ Кіева, Мовшу Арендаря, малолѣтній сынъ котораго настолько сошелся съ жившимъ по сосѣдству Андрюшей, что тотъ охотно ходилъ къ Арендарямъ въ гости. Знаменательно, что порохъ для своихъ забавъ Андрюша получалъ отъ загадочныхъ «добрыхъ людей» тоже и на Слободкѣ, и на Лукьяновкѣ.

Таковы совпаденія, а прямое свидѣтельское показаніе, относящееся къ Шнеерсону, приведено выше: разсказывая судебному слѣдователю Машкевичу, какъ жиды схватили Андрюшу во время катанья на мялѣ, Людмила Чеберякова удостовѣрила

на предварительномъ слѣдствіи вполнѣ опредѣленно, что гнался за мальчикомъ, вмѣстѣ съ Бейлисомъ, и Файвель Шнеерсонъ.

Если для привлеченія Шнеерсона въ качествѣ обвиняемаго слѣдственная и прокурорская власть приведенныя данныя признала всетаки недостаточными, то это свидѣтельствуетъ лишь объ ея осторожности—по моему мнѣнію, чрезмѣрной. Правда, сила и значеніе нѣкоторыхъ изъ вышеуказанныхъ сопоставленій обнаружилась только на судѣ, когда привлекать Шнеерсона было уже поздно.

Хотя вопросы, которые предлагались на судѣ Шнеерсону, какъ свидѣтелю, прокуроромъ и гражданскими истцами, не шли дальше выясненія того, гдѣ бывалъ Шнеерсонъ, чѣмъ занимался, съ кѣмъ водилъ знакомство, однако впечатлѣніе получилось настолько сильное, что Зарудный разразился такимъ заявленіемъ:

«Г. Предсѣдатель! Смыслъ вопросовъ, задаваемыхъ свидѣтелю, ясенъ!... Мы считаемъ своимъ долгомъ Вамъ доложить и покорнѣйше просимъ мое заявленіе занести въ протоколъ, что разслѣдованіе степени прикосновенности къ дѣлу убійства Ющинскаго, къ тѣмъ обстоятельствамъ, которыя сопровождали его смерть, лица, къ дѣлу непривлеченнаго, которое не имѣетъ возможности и права вызвать свидѣтелей, чтобы доказать свою совершенную невиновность, является, по мнѣнію защиты, дѣломъ, несогласнымъ съ закономъ, могущимъ повести къ установленію неправильной судебной перспективы, къ судебной ошибкѣ. Мы протестуемъ... Мы ходатайствуемъ всѣ вопросы, смыслъ которыхъ ясенъ и говорить о которыхъ нечего, занести въ протоколъ. Здѣсь обвиняютъ не только Бейлиса, но и Шнеерсона! Обвиняется лицо, которое не можетъ защищаться, а ему бросаютъ въ глаза, что онъ участвовалъ въ убійствѣ!».

Горячо сказано! Однако, прежде всего, невѣрно со стороны фактической: на допросѣ Шнеерсона никто не «бросалъ ему въ глаза, что онъ участвовалъ въ убійствѣ». Ни одного такого вопроса предложено не было, поэтому и протестующій Зарудный не имѣлъ возможности текстуально указать, въ подкрѣпленіе своего протеста, въ чемъ именно, въ какихъ словахъ и выраженіяхъ, онъ такое бросаніе усмотрѣлъ. Дабы выйти изъ сего затрудненія, Зарудный, вмѣсто того, чтобы привести текстъ вопросовъ, подлежащихъ, по его ходатайству, занесенію въ про-

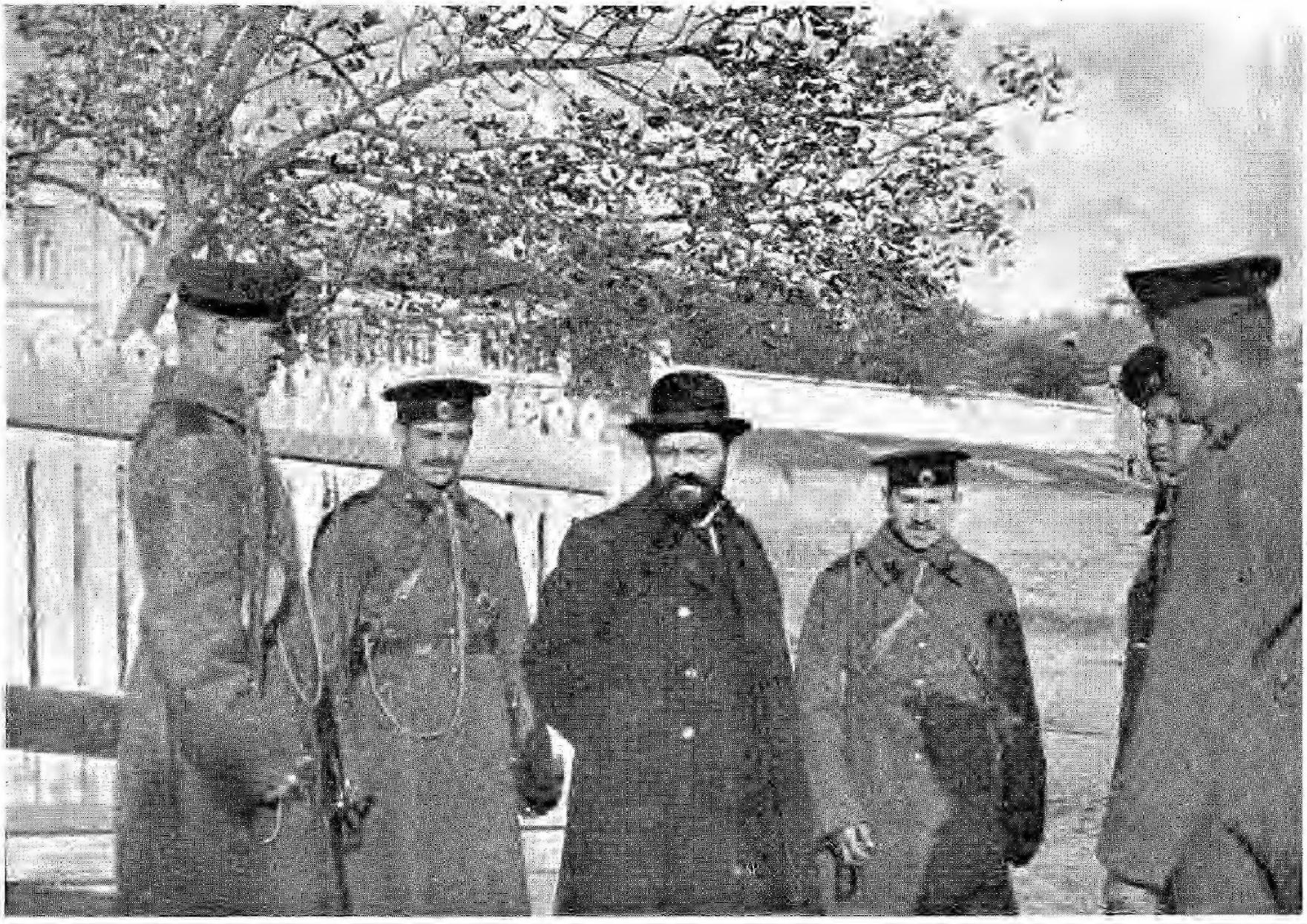
токолъ, принужденъ былъ неопредѣленно ссылаться на ихъ «смыслъ», который, де, «ясенъ».

Столь же неосновательнымъ должно признать заявленіе Заруднаго и со стороны юридической. Вопросъ о томъ, не совершено ли преступленіе лицомъ, къ дѣлу не привлеченнымъ, сплошь и рядомъ возникаетъ въ уголовномъ процессѣ. Разъясненіе такого вопроса никакой «неправильной судебной перспективы» не устанавливаетъ, никакихъ судебныхъ ошибокъ не влечетъ и ничего «несогласнаго съ закономъ» не заключаетъ. Напротивъ того, запретительныя мѣры, которыхъ такъ добивался Зарудный, привели бы здѣсь къ послѣдствіямъ, для правосудія очень печальнымъ, и, прежде всего, къ чрезвычайному стѣсненію правъ подсудимыхъ, очень часто ссылающихся, что преступленіе совершено не ими, а другими лицами, непривлеченными къ дѣлу вслѣдствіе судебной ошибки. Законъ, о которомъ упомянулъ, впрочемъ опять съ достаточной неопредѣленностью, Зарудный, тоже не на его сторонѣ, ибо есть въ Уставѣ Уголовнаго Судопроизводства статья 722, которая разрѣшаетъ свидѣтелю не отвѣчать во время судебнаго слѣдствія на вопросы, клонящіеся къ изобличенію его самого въ преступленіи. Такимъ образомъ, снисходя къ тяжелому положенію свидѣтеля, законъ въ то же время не видитъ ничего недозволеннаго въ томъ, что подобное положеніе возникаетъ и даже самаго *предложенія* вопросовъ не воспрещаетъ, а лишь даетъ разрѣшеніе оставлять ихъ безъ отвѣта.

Но гораздо разительнѣе и фактической, и юридической необоснованности, та изумительная непослѣдовательность, которую проявила защита Бейлиса. Не она ли все время въ самыхъ широкихъ предѣлахъ занималась «разслѣдованіемъ степени прикосновенности къ убійству Ющинскаго лицъ, къ дѣлу не привлеченныхъ»? Не предлагались ли со стороны защиты Вѣрѣ Чеберяковой, Сингаевскому, Рудзинскому вопросы, прямо направленные къ изобличенію ихъ въ убійствѣ Андрюши?

Грузенбергъ, напримѣръ, счелъ возможнымъ спрашивать Сингаевскаго: «почему вы думаете, что, если въ ночь съ 12 на 13 вы украли, то это значитъ, что утромъ, часовъ въ десять, одиннадцать вы не могли убить?»

Для защиты такой вопросъ былъ, по ея мнѣнію, допустимымъ, дозволеннымъ, но когда прокуроръ и гражданскіе истцы стали спрашивать Шнеерсона, откуда онъ родомъ, гдѣ жилъ,



БЕЙЛИСЪ подъ стражею.

чѣмъ занимался, съ кѣмъ встрѣчался, не знавалъ ли Андрюши, не бывалъ ли у Арендаря—тогда Зарудный не замедлилъ возмутиться и выступить съ негодующимъ протестомъ, что, де, смыслъ вопросовъ ясенъ—Шнеерсона обвиняютъ въ убійствѣ.

Предсѣдатель далъ этому протесту надлежащую оцѣнку: указавъ на 722 статью, и на то, что Шнеерсона пока еще ни въ чемъ не обвиняютъ, онъ затѣмъ отмѣтилъ, что вопросы, которые самою же защитою предлагались Вѣрѣ Чеберяковой и нѣкоторымъ другимъ свидѣтелямъ, гораздо болѣе клонились къ обвиненію непривлеченнаго къ дѣлу лица, чѣмъ тѣ, которые были предложены Шнеерсону.

Если происхожденіе Шнеерсона привело насъ къ самому центру, къ самой основѣ хасидизма, то прошлое Бейлиса оказалось въ тѣсномъ соприкосновеніи къ такимъ именно религіознымъ обрядамъ еврейства, съ которыми изслѣдователи іудейскаго догмата крови связываютъ ея употребленіе. Кровь—или, чаще, не самая кровь, а пепелъ отъ пропитанныхъ ею и затѣмъ сожженныхъ тряпокъ, полотнищъ—нужны іудейскимъ изувѣрамъ главнымъ образомъ для подмѣшиванья въ особый сортъ мацы—прѣснаго тѣста, выпекаемаго, съ соблюденіемъ цѣлаго ряда религіозныхъ правилъ, передъ еврейскою пасхою. Таково народное убѣжденіе, издавна и почти одновременно составившееся въ совершенно различныхъ странахъ, подкрѣпляемое и данными судебныхъ процессовъ и печатно выраженными мнѣніями изслѣдователей этого жидовскаго изувѣрства. Отлагая, какъ уже сказано, болѣе подробное изложеніе ритуальной стороны до особаго отдѣла, надлежитъ пока отмѣтить, что, во всякомъ случаѣ, именно такой взглядъ на мацу, правильно или неправильно, но получилъ широчайшее распространеніе за много лѣтъ до убійства Ющинскаго. И вотъ оказалось, что Мендель Бейлисъ въ обрядѣ изготовленія мацы принималъ самое близкое и непосредственное участіе. Выяснилось, что Іойна Мордковъ Зайцевъ, основатель кирпичнаго завода, изъ года въ годъ, до самой своей смерти, спеціально устраивалъ изготовленіе большихъ количествъ мацы недалеко отъ Кіева, въ своемъ имѣніи (!?) Григоровкѣ, гдѣ производился даже особый, предназначенный на мацу, посѣвъ пшеницы. Для такого изготовленія нарочито пріѣзжалъ въ Григоровку съ кирпичнаго завода Мендель Бейлисъ, хотя, казалось бы, между кирпичнымъ производствомъ и печеніемъ мацы общаго очень мало. На предварительномъ слѣд-

ствіи подсудимый заявилъ, что выпекалось ежегодно пудовъ сто, на судѣ—что пудовъ 70 или 80.

Весьма важныя свѣдѣнія о томъ, что вообще на зайцевскомъ кирпичномъ заводѣ занимались не только кирпичами, сообщилъ суду свидѣтель Мердеръ, чиновникъ особыхъ порученій при кіевскомъ генералъ-губернаторѣ.

Мердеръ показалъ:

«Въ октябрѣ 1911 года Кіевскій генералъ-губернаторъ поручилъ мнѣ завѣдываніе нѣкоторыми дѣлами, касающимися евреевъ. 25 или 30 октября 1911 года генералъ-губернаторъ получилъ отъ строительнаго отдѣленія губернскаго правленія представленіе о разрѣшеніи открыть молельню въ зданіи для богадѣльни имени Зайцева. Въ представленіи указывалось, что въ зданіи имѣется двухсвѣтный залъ, оказавшійся свободнымъ и лишнимъ. Это обстоятельство обратило мое особенное вниманіе, потому что зданіе было только что выстроено по предварительно утвержденному строительному плану и мнѣ казалось, что въ такомъ зданіи не можетъ быть свободныхъ комнатъ. Когда я отправился на мѣсто (т. е. на зайцевскій кирпичный заводъ со стороны Кириловской улицы), то убѣдился, что это вовсе не свободная комната, а отдѣльная постройка, имѣющая свой отдѣльный фундаментъ, свой фасадъ и свое особое покрытіе. Зданіе это представляло собой не что иное, какъ еврейскую молельню. Тогда я навелъ справки въ строительномъ отдѣлѣ, какимъ образомъ она была построена, и выяснилось, что, когда приступали къ постройкѣ зданія, то комнату эту назвали столовой, между тѣмъ въ богадѣльнѣ должны были призрѣваться всего только 10 мужчинъ и 10 женщинъ, а для такого количества лицъ не могла имѣть смысла столовая, въ которой могли помѣщаться чуть ли не 100 человѣкъ. Такимъ образомъ, для меня сдѣлалось совершенно яснымъ, что тутъ съ самаго начала, весной, въ мартѣ 1911 года была задумана постройка молитвеннаго дома, а для того, чтобы администрація не препятствовала осуществленію этой постройки, она была названа на время столовой. Надо сказать, что зданіе было заложено въ мартѣ мѣсяцѣ. Это обстоятельство, собственно говоря, даетъ поводъ дѣлать разнаго рода заключенія...

Предсѣдатель. Свидѣтель, я васъ предупреждаю, чтобы относительно вашихъ заключеній вы намъ ничего не говорили. Вы только сообщайте факты.

Изъ дальнѣйшаго перекрестнаго допроса свидѣтеля Мердера выяснилось, что зданіе, которое строили подъ видомъ богадѣленной столовой, было снабжено такими несомнѣнными принадлежностями синагоги, какъ хоры для женщинъ, алтарное закругленіе съ нишей и возвышеніе, а въ верхнихъ окнахъ рисунокъ печати Соломона. Въ томъ же мартѣ 1911 года, когда была произведена закладка этой синагоги, рядомъ, на отдѣльномъ фундаментѣ, заложили и зданіе богадѣльни. Согласно полицейской справкѣ, закладка богадѣльни была 7 марта. По мнѣнію свидѣтеля, закладка синагоги состоялась нѣсколько позже, хотя возможно, что то и другое произошло одновременно.

Такимъ образомъ, разсказъ дѣтей Чеберяковыхъ, что они приблизительно за недѣлю до обнаруженія Андрюшинаго тѣла, зайдя къ Бейлису за молокомъ, застали тамъ двухъ странныхъ евреевъ необычнаго вида въ особенныхъ накидкахъ и головныхъ уборахъ—относится какъ разъ къ тому періоду времени, когда тутъ же, на зайцевской усадьбѣ, но въ противоположномъ ея концѣ, производилась закладка синагоги—о чемъ Чеберяковы совершенно не знали.

Едва ли послѣ всего изложеннаго можно оспаривать, что зайцевскій кирпичный заводъ былъ не только мѣстомъ выдѣлки кирпича, но и религіознаго сосредоточенія іудеевъ, а тѣ роковыя совпаденія, которыми такъ изобилуетъ настоящее дѣло, нужно дополнить еще однимъ: убійство Андрюши было учинено въ тотъ періодъ времени, когда на заводѣ праздновалось торжество религіознаго характера—закладка синагоги, при чемъ истинное значеніе этого торжества было утаено отъ христіанъ, которыхъ увѣрили, что закладывается не синагога, а богадѣленная столовая.

ЧАСТЬ II.

МЕДИЦИНСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА.

I.

Общій очеркъ.

Андрюша Ющинскій былъ убитъ 12 марта 1911 г. Тѣло его обнаружено 20 марта. Судебно-медицинское вскрытіе трупа произведено черезъ Кіевскаго городового врача П. Н. Карпинскаго 22 марта. Оно оказалось однако въ своихъ описаніяхъ поверхностнымъ, страдающимъ нѣкоторыми неточностями и даже ошибками, почему 26 марта произведено новое вскрытіе черезъ профессора судебной медицины Кіевскаго Университета Н. А. Оболонскаго и прозектора того же Университета прив.-доц. Н. Н. Туфанова. Послѣднимъ сдѣланы изъ наиболѣе важныхъ частей трупа препараты, сняты фотографіи, произведенъ рядъ химико-микроскопическихъ изслѣдованій. Между прочимъ, чтобы располагать орудіемъ, похожимъ на то орудіе, коимъ совершено убійство, Туфановъ поручилъ университетскому служителю купить на кіевскомъ базарѣ швайку. Эта швайка, немного сломанная на концѣ и заточенная въ видѣ долота (т. е. превращенная уже изъ чисто-колющаго орудія въ колюще-рѣжущее) подошла ко всѣмъ ранамъ на тѣлѣ Ющинскаго. Передъ окончаніемъ предварительнаго слѣдствія, 23 декабря 1911 г., Н. А. Оболонскій и Н. Н. Туфановъ были, въ качествѣ экспертовъ, допрошены дополнительно. Затѣмъ, когда дѣло было обращено къ дослѣдованію и находилось въ производствѣ судебнаго слѣдователя Н. А. Машкевича, профессоръ Н. А. Оболонскій скоропостижно

умеръ. Тогда, 28 марта 1913 г., судебнымъ слѣдователемъ былъ допрошенъ въ качествѣ эксперта профессоръ судебной медицины Военно-Медицинской Академіи и Петроградскаго Университета, членъ Медицинскаго Совѣта Д. П. Косоротовъ.

Эти лица—Д. П. Косоротовъ и Н. Н. Туфановъ—были вызваны обвинительною властью и на судъ въ качествѣ экспертовъ по судебной медицинѣ.

Тогда защитою подсудимаго Бейлиса было предъявлено суду ходатайство, удовлетворенное судомъ, дополнительно вызвать въ качествѣ экспертовъ по тѣмъ же вопросамъ профессоровъ хирургіи Е. В. Павлова и А. А. Кадьяна, на предварительномъ слѣдствіи недопрошенныхъ.

Кромѣ того, рядомъ съ экспертизою судебно-медицинскою, Слѣдователемъ была произведена экспертиза нѣсколько иного характера, получившая названіе психіатро-психологической. Эту экспертизу произвелъ на предварительномъ слѣдствіи допрошенный 8 мая 1911 г. профессоръ психіатріи Кіевскаго Университета И. А. Сикорскій, вызванный обвинительною властью въ качествѣ эксперта и на судъ.

Защита съ своей стороны просила вызвать для психіатро-психологической экспертизы недопрошенныхъ на предварительномъ слѣдствіи профессоровъ психіатріи В. М. Бехтерева и А. И. Карпинскаго (однофамильца съ городовымъ врачомъ, производившимъ первое вскрытіе Ющинскаго).

Ходатайство защиты было судомъ удовлетворено.

Составленные на предварительномъ слѣдствіи пространные акты вскрытія трупа и иныхъ судебно-медицинскихъ изслѣдованій, при всей ихъ огромной важности, изобилуютъ, однако, подробностями чисто техническими, а также такими, которыя, при дальнѣйшемъ ходѣ дѣла, оказались мало существенными. Такимъ образомъ, представляется наиболѣе удобнымъ, приведя эти документы дословно въ концѣ книги, въ видѣ особаго приложенія, здѣсь ограничиться тѣмъ извлеченіемъ, которое сдѣлано изъ нихъ въ обвинительномъ актѣ.

Тамъ мы читаемъ:

«При судебно-медицинскомъ изслѣдованіи и вскрытіи трупа Ющинскаго на тѣлѣ его были обнаружены слѣдующія поврежденія:

На кожѣ рукъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онѣ были перевязаны бичевкою, оказались борозды съ точечными кро-

воизліяніями подъ кожу. Такого же рода кровоизліянія были на соединительной оболочкѣ вѣкъ и глазъ, а на внутренней поверхности губъ замѣтны были слѣды отъ надавливанія зубовъ, съ ссадненіями слизистой оболочки. Кромѣ ссадинъ на головѣ, лицѣ и туловищѣ, на головѣ, въ теменной и затылочной областяхъ, оказалось семь колотыхъ ранъ, пять изъ которыхъ проникли въ черепныя кости, при чемъ два изъ этихъ поврежденій прошли глубже—одно въ твердую мозговую оболочку, и другое—въ пазуху ея, вызвавъ кровоизліяніе на лѣвомъ полушаріи мозга, подъ мягкую мозговую оболочку. На вискахъ оказались такого же вида раны, на лѣвомъ одна и на правомъ тринадцать. Шесть ранъ изъ числа имѣвшихся на правомъ вискѣ и рана на лѣвомъ—проникли въ кости. На правой сторонѣ шеи обнаружено семь ранъ, на кадыкѣ—двѣ и подъ нижней челюстью—одна рана. На правомъ боку, по подмышечной линіи, оказалось четыре раны; на правой половинѣ спины, по лопаточной линіи, между предреберьемъ и тазомъ—также четыре раны; на лѣвой половинѣ груди, ниже соска, семь ранъ и на мечевидномъ отросткѣ—одна рана.

Соотвѣтственно ранамъ на тѣлѣ обнаружены поврежденія внутреннихъ органовъ: на правомъ легкомъ и на печени—по три раненія; на лѣвомъ легкомъ и на правой почкѣ—по одной ранѣ и на сердцѣ—четыре раны, изъ которыхъ одна нанесена была черезъ легкое. Вокругъ одной изъ ранъ, проникшей въ сердце, на кожѣ осталось ссадненіе кольцевидной формы.

Раны на тѣлѣ частью были въ видѣ уколовъ, частью—щелевидной, овальной и треугольной формы, отъ двухъ до девяти миллиметровъ длиною. Также щелевидныя поврежденія оказались на костяхъ черепа въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ не было прободенія кости, сквозныя же поврежденія имѣли ромбовидную форму. Раны на головѣ, лѣвомъ вискѣ и шеѣ дали обильное кровотеченіе. Потеря крови отъ полученныхъ поврежденій была столь значительна, что тѣло оказалось почти обезкровленнымъ.

Находившіяся на трупѣ рубаха и кальсоны, а также найденныя въ пещерѣ куртка и фуражка, оказавшіяся принадлежащими Юдинскому, были замараны кровью. На

лѣвой половинѣ рубахи видны были слѣды потековъ крови, идущихъ отъ плеча внизъ, слегка въ косвенномъ направленіи влѣво, при чемъ одинъ потекъ далъ извилистое отвѣтвленіе въ правую сторону. На подкладкѣ фуражки были кровяныя помарки; снаружи и изнутри кожаной подшивки подъ околышемъ оказались кровяныя пятна съ слѣдами потековъ. Помарки и пятна крови на курткѣ были покрыты глиною. Кальсоны въ верхней части оказались пропитанными кровью. Поясъ ихъ былъ вывороченъ наружу складками, въ которыхъ,—такъ же, какъ и въ сѣдалищной части кальсонъ,—было значительное количество глины съ приставшими сухими листьями. На кальсонахъ и курткѣ нарушеній цѣлости ткани не было. На рубахѣ оказалось три разрыва до семи миллиметровъ длиною. Края одного разрыва были чистые, а остальныхъ, находившихся въ области кровяныхъ пятенъ на рубахѣ—запачканные кровью, при чемъ на одномъ изъ этихъ разрывовъ былъ замаранъ только одинъ край. На фуражкѣ оказалось четыре сквозныхъ разрыва щелевидной формы. На краяхъ ихъ обнаружены были слѣды крови.

Основываясь на данныхъ вскрытія, въ связи съ результатами осмотра бѣлья, куртки и фуражки Ющинскаго, а также пещеры, гдѣ былъ найденъ трупъ, врачи-эксперты, профессоръ Кіевскаго Университета по каѳедрѣ судебной медицины Оболонскій и прозекторъ по той же каѳедрѣ, Туфановъ, пришли къ слѣдующимъ выводамъ:

Изъ числа оказавшихся на тѣлѣ Ющинскаго поврежденій, раны на головѣ и на шеѣ были причинены при полной, а остальныя раненія при значительно ослабленной дѣятельности сердца. При жизни Ющинскаго были связаны у него руки и зажимался съ надавливаніемъ на зубы ротъ его. Во время нанесенія ему поврежденій онъ находился въ вертикальномъ, склоненномъ нѣсколько влѣво, положеніи, былъ въ одномъ бѣльѣ и, повидимому, въ фуражкѣ, обращенной козырькомъ къ затылку, такъ какъ только при такомъ положеніи фуражки получается соотвѣтствіе всѣхъ разрывовъ на ней четыремъ поврежденіямъ изъ числа имѣющихся на черепѣ. Орудіемъ причиненія поврежденій былъ колющій предметъ, въ родѣ швайки или стилета, сплющенно-четырехугольной формы съ долото-

образно отшлифованнымъ съ двухъ сторонъ концомъ. Первые удары Ющинскому были нанесены въ голову и шею, и послѣдніе—въ сердце. При одномъ изъ ударовъ въ сердце клинокъ орудія вошелъ въ тѣло по рукоятку, оставившую отпечатокъ на кожѣ. Поврежденія были нанесены нѣсколькими лицами. Характеръ орудія и множественность частью поверхностныхъ пораненій, въ видѣ уколовъ, служатъ указаніемъ на то, что одной изъ цѣлей нанесенія ихъ было стремленіе причинить Ющинскому возможно сильныя мученія. Въ тѣлѣ его осталось не болѣе трети всего количества крови; на бѣльѣ и одеждѣ имѣется ничтожная часть ея, а остальная кровь вытекла, главнымъ образомъ, черезъ мозговую вену, артерію у лѣваго виска и вены на шеѣ. Ближайшей причиной смерти Ющинскаго послужило острое малокровіе отъ полученныхъ поврежденій, съ присоединеніемъ явленій асфиксіи, вслѣдствіе воспрепятствованія доступа воздуха къ воздухоноснымъ путямъ. Отсутствіе слѣдовъ крови въ пещерѣ, гдѣ былъ обнаруженъ трупъ Ющинскаго, положеніе его тѣла, а также нахожденіе на внутренней поверхности кальсонъ сзади значительнаго количества глины и сухихъ листьевъ, имѣвшихся въ этой пещерѣ, указываетъ на то, что Ющинскій былъ убитъ въ другомъ мѣстѣ, и затѣмъ втащенъ въ пещеру головой впередъ, въ состояніи трупнаго окоченѣнія, въ каковомъ положеніи былъ поставленъ у стѣны и постепенно осѣдалъ, когда окоченѣніе стало проходить.

Допрошенный по тѣмъ же вопросамъ членъ медицинскаго совѣта Косоротовъ, раздѣляя мнѣніе названныхъ выше экспертовъ относительно причины смерти Андрея Ющинскаго и орудія, коимъ были причинены ему поврежденія и, съ своей стороны, признавая всѣ эти поврежденія прижизненными и причиненными, во всякомъ случаѣ, не однимъ лицомъ, а, по крайней мѣрѣ, двумя или, наиболѣе вѣроятно, нѣсколькими лицами, пришелъ при этомъ къ слѣдующимъ выводамъ. Хотя поврежденія, причиненныя Ющинскому, сопровождались невообразимо мучительными ощущеніями, тѣмъ не менѣе расположеніе этихъ поврежденій не даетъ основанія предполагать, что главной цѣлью было причиненіе мученій: такъ, съ одной

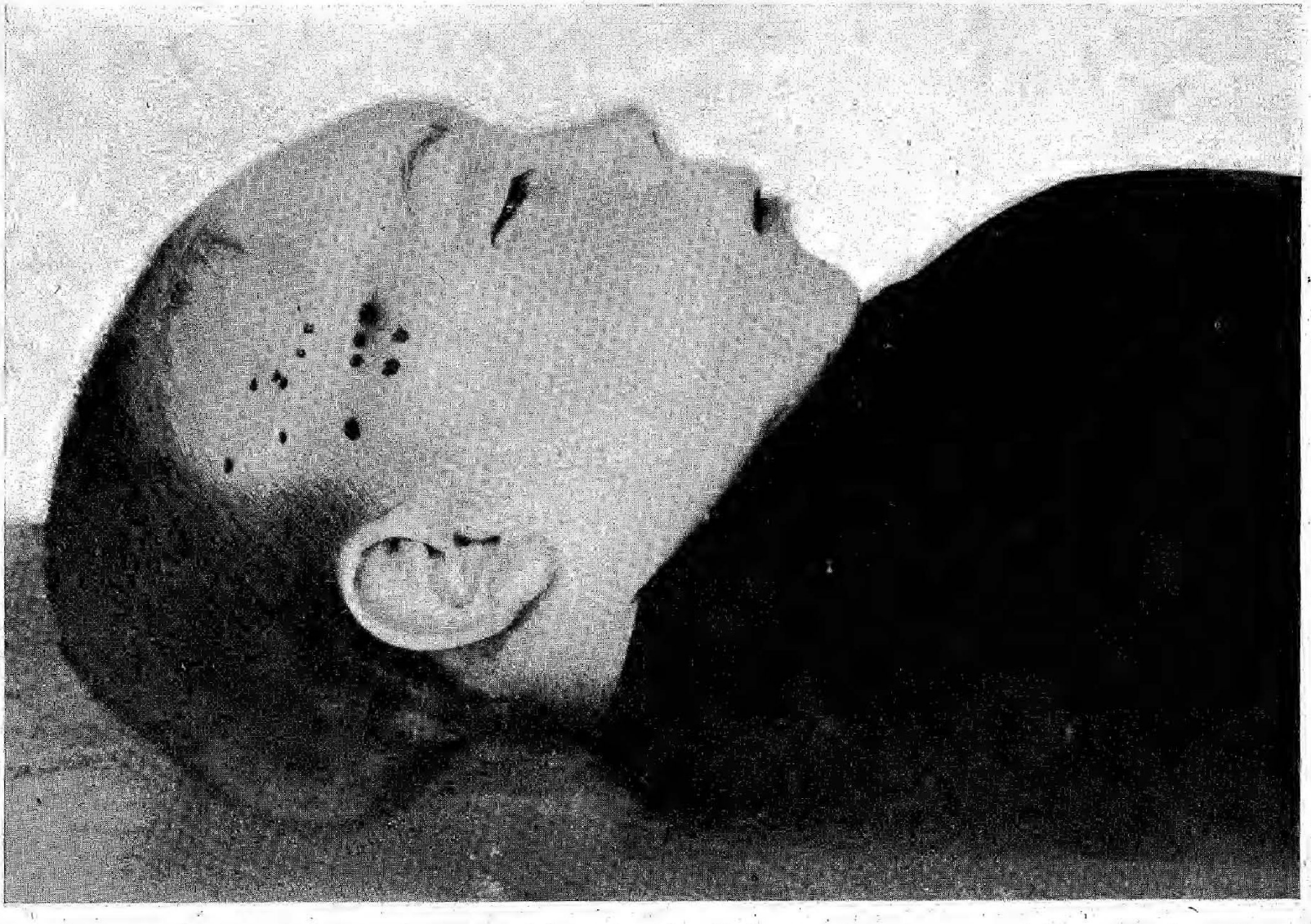
стороны, Ющинскому не было нанесено, хотя бы и тѣмъ же орудіемъ, уколовъ по всему тѣлу безъ разбора—куда придется, а также не имѣется слѣдовъ примѣненія другихъ, кромѣ уколовъ, пріемовъ, напр., щипковъ, ударовъ тупыми орудіями и тому подобнымъ, и даже не оказывается уколовъ въ общеизвѣстныя, особенно чувствительныя къ нимъ мѣста, напр., чрезмѣрно болѣзненныхъ уколовъ подъ ногти и тому подобное; съ другой стороны ясно бросается въ глаза то обстоятельство, что поврежденія сгруппированы, главнымъ образомъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ можно прощупать біеніе большихъ артерій, напримѣръ на шеѣ, въ подмышкѣ, или гдѣ ясно видны, особенно у дѣтей, синія полосы венъ (на вискѣ); а также въ области сердца. Наконецъ, тѣло было въ высшей степени обезкровлено, что совсѣмъ не являлось необходимостью при намѣреніи причинить мученія. Все это приводитъ къ убѣжденію, что поврежденія нанесены съ намѣреніемъ получить возможно большее количество крови для какихъ-либо цѣлей».

Среди фактическихъ данныхъ, извлеченныхъ обвинительнымъ актомъ изъ протоколовъ вскрытія, одно требуетъ немедленно же нѣкоторыхъ поясненій.

Въ обвинительномъ актѣ сказано, что на правомъ вискѣ Ющинскаго обнаружено тринадцать колотыхъ ранъ. Ритуальная экспертиза уже на предварительномъ слѣдствіи и особенно на судѣ подчеркнула громадное значеніе этого обстоятельства, указавъ, что число 13 имѣетъ, согласно каббалѣ, большое символическое значеніе, спеціально относящееся къ принесенію жертвъ. Съ другой стороны, какъ это легко видѣть и на приложенномъ фотографическомъ снимкѣ, уколы на правомъ вискѣ представляютъ совершенно отдѣльную группу раненій, отличнаго отъ другихъ характера, при чемъ даже эксперты, вызванные по ходатайству защиты, не могли объяснить, съ какою собственно цѣлью эти уколы въ правый високъ нанесены, ибо таковые не подходили, не соотвѣтствовали ни цѣлямъ непосредственнаго лишенія жизни, ни цѣлямъ мучительства, ни цѣлямъ обезкровленія.

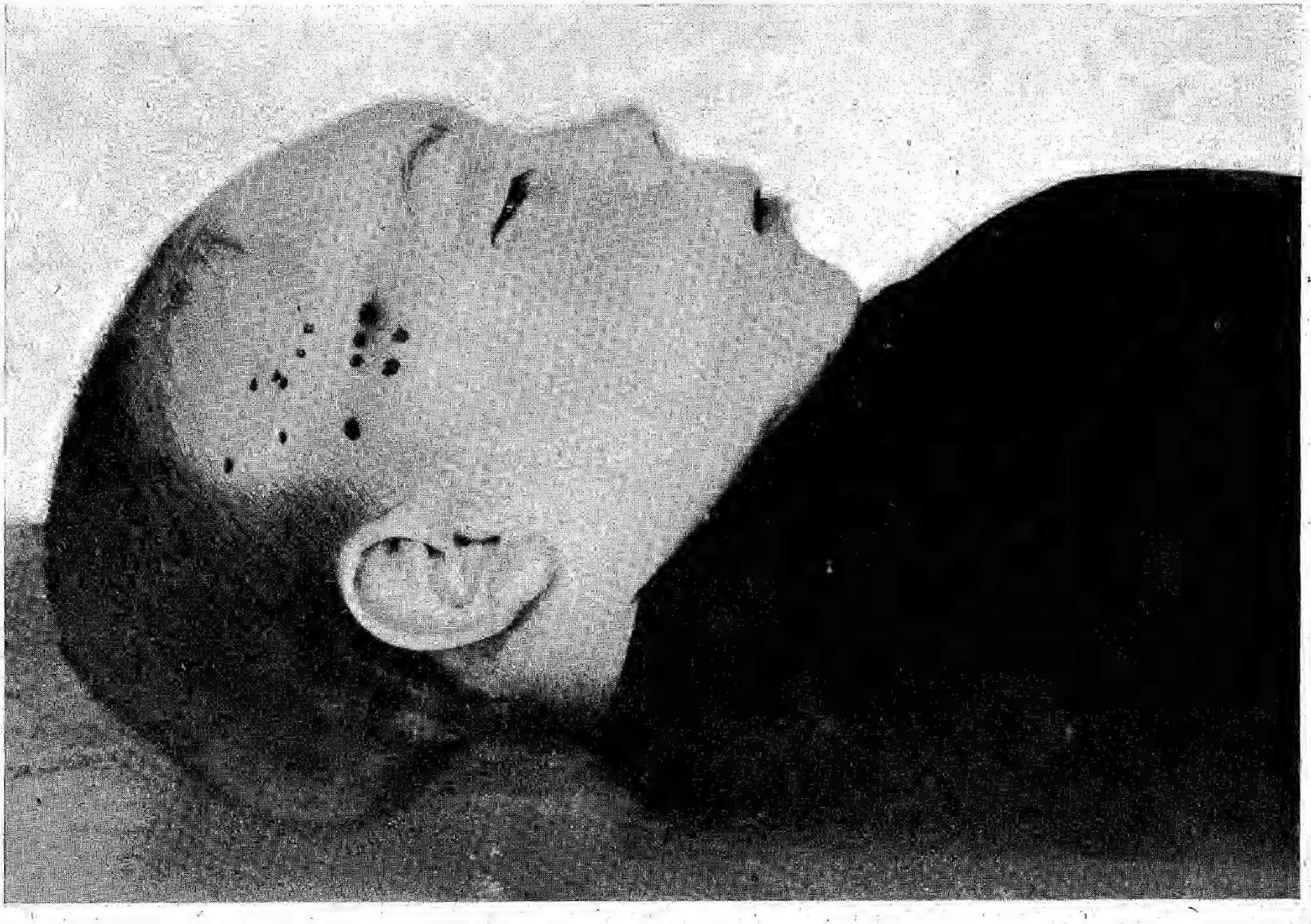
При такихъ условіяхъ эти 13 ранъ на правомъ вискѣ пріобрѣтали значеніе грозной улики. И вотъ защитою былъ возбужденъ споръ, что въ обвинительномъ актѣ ошибка, что, на

АНДРЮША ЮЩИНСКІЙ передъ погребеніемъ.



АНДРЮША ЮЩИНСКІЙ передъ погребеніемъ.

Figure 1. Lymphocytic infiltrate of skin (lymphocytoma cutis).



АНДРЮША ЮЩИНСКІЙ передъ погребеніемъ.

самомъ дѣлѣ, ранъ вовсе не 13, а 14. Дѣйствительно, въ то время, какъ протоколъ проф. Оболонскаго и Туфанова удостовѣряетъ, что ранъ 13, въ актахъ перваго вскрытія, произведеннаго городовымъ врачомъ Карпинскимъ, сказано, что 14.

Однако на судѣ вполнѣ выяснилось—и какъ разъ эксперты, вызванные по ходатайству защиты, наиболѣе это подчеркивали—что первое вскрытіе вообще было произведено поверхностно. Впрочемъ, отъ городового врача, хотя и опытнаго, но обремененнаго массою работы и, въ частности, множествомъ вскрытій, едва ли и можно было ожидать особенной точности и внимательной обработки всѣхъ подробностей. Естественно, что, увидѣвъ на правомъ вискѣ цѣлую группу сравнительно не крупныхъ и не грозившихъ непосредственной опасностью для жизни раненій, онъ не придавалъ серьезнаго значенія, 13 ихъ или 14, между тѣмъ одно отверстіе отъ раны было такое, что его очень легко принять за два. Совсѣмъ иной характеръ носило вторичное, такъ сказать, повѣрочное вскрытіе, произведенное профессоромъ судебной медицины. Объясненіями прозектора Туфанова о раненіяхъ на правомъ вискѣ было удостовѣрено, что, вмѣстѣ съ проф. Оболонскимъ, онъ тщательно изслѣдовалъ и отверстія на соотвѣтствующемъ лоскутѣ кожи и слѣды вколовъ на височной кости. Онъ же, Туфановъ, сдѣлалъ фотографію, о коей упомянуто, и препаратъ изъ лоскута кожи, а черепная крышка Ющинскаго и, въ частности, височная кость тоже сохранены и находятся въ распоряженіи суда. Такъ какъ, ко времени снятія фотографіи, височная кость Ющинскаго была уже, путемъ вскрытія, изъ трупа удалена, то, чтобы кожа, на время фотографированія, осталась въ натянутомъ состояніи, подъ нее была подложена другая черепная крышка (височная кость).

Казалось бы, объясненія Туфанова должно признать исчерпывающими, а образъ его дѣйствій безукоризненно правильнымъ. Въ частности, если, напримѣръ, снимается фотографія съ картины или съ ковра, то, для оцѣнки достоинствъ фотографическаго снимка, не все ли равно, какой предметъ, не вышедшій на снимкѣ, подложенъ подъ картину, или подъ коверъ. То же самое и въ томъ случаѣ, когда снимаютъ фотографію съ кожи, чтобы показать, сколько въ ней отверстій, уколовъ. Не все ли равно, какой предметъ подложенъ подъ кожу, лишь бы кожа держалась на немъ гладко, въ натянутомъ положеніи.

Это столь просто и очевидно, что даже не требуетъ объясненій, и не понимать, въ чемъ дѣло, защита, конечно, не могла. Тѣмъ не менѣе Зарудный говорилъ о фотографіи, снятой съ «фальшиваго» трупа, а Грузенбергъ, на мое заявленіе, что, если подсчитать, то уколовъ 13, перебилъ меня словами «на чужой черепной крышкѣ», за что и получилъ отъ Предсѣдателя предостереженіе.

Спрошенный судомъ по этому вопросу, проф. Косоротовъ показалъ: «если мы возьмемъ фотографію, то можно точно подсчитать, сколько уколовъ. У меня впечатлѣніе, что уколовъ 13, но одинъ уколъ можно, пожалуй, считать за два. Первоначально Карпинскій счелъ одно отверстіе происходящимъ отъ двухъ уколовъ».

Изъ экспертовъ по судебной медицинѣ, вызванныхъ по ходатайству защиты, проф. Павловъ далъ неопредѣленный отвѣтъ, а проф. Кадьянъ заявилъ, что, по его мнѣнію, на фотографіи ясно видно 12 уколовъ—такъ онъ и считаетъ. Если всматриваться, то видна еще одна «черта» и тогда число уколовъ будетъ уже 13, но если еще всматриваться, то «при извѣстной натяжкѣ можетъ и въ другой чертѣ явиться сомнѣніе—нѣтъ ли тутъ двухъ чертъ», тогда окажется уже 14 уколовъ. Такимъ образомъ, сколько ихъ — 12, или 13, или 14 — это «рѣшается субъективно», если имѣть въ виду только фотографическій снимокъ, что же касается самаго препарата, то онъ, ко времени суда, успѣлъ, по мнѣнію проф. Кадьяна, настолько сморщиться, что сдѣлался непригоднымъ для рѣшенія вопроса.

Прозекторъ Туфановъ на судѣ, подъ присягой, удостовѣрилъ, что уколовъ нанесено 13, но одинъ изъ нихъ можно было принять за два. Ко времени судебнаго разбирательства препаратъ, дѣйствительно, нѣсколько сморщился и эти тринадцать уколовъ видны на немъ не такъ ясно, какъ раньше.

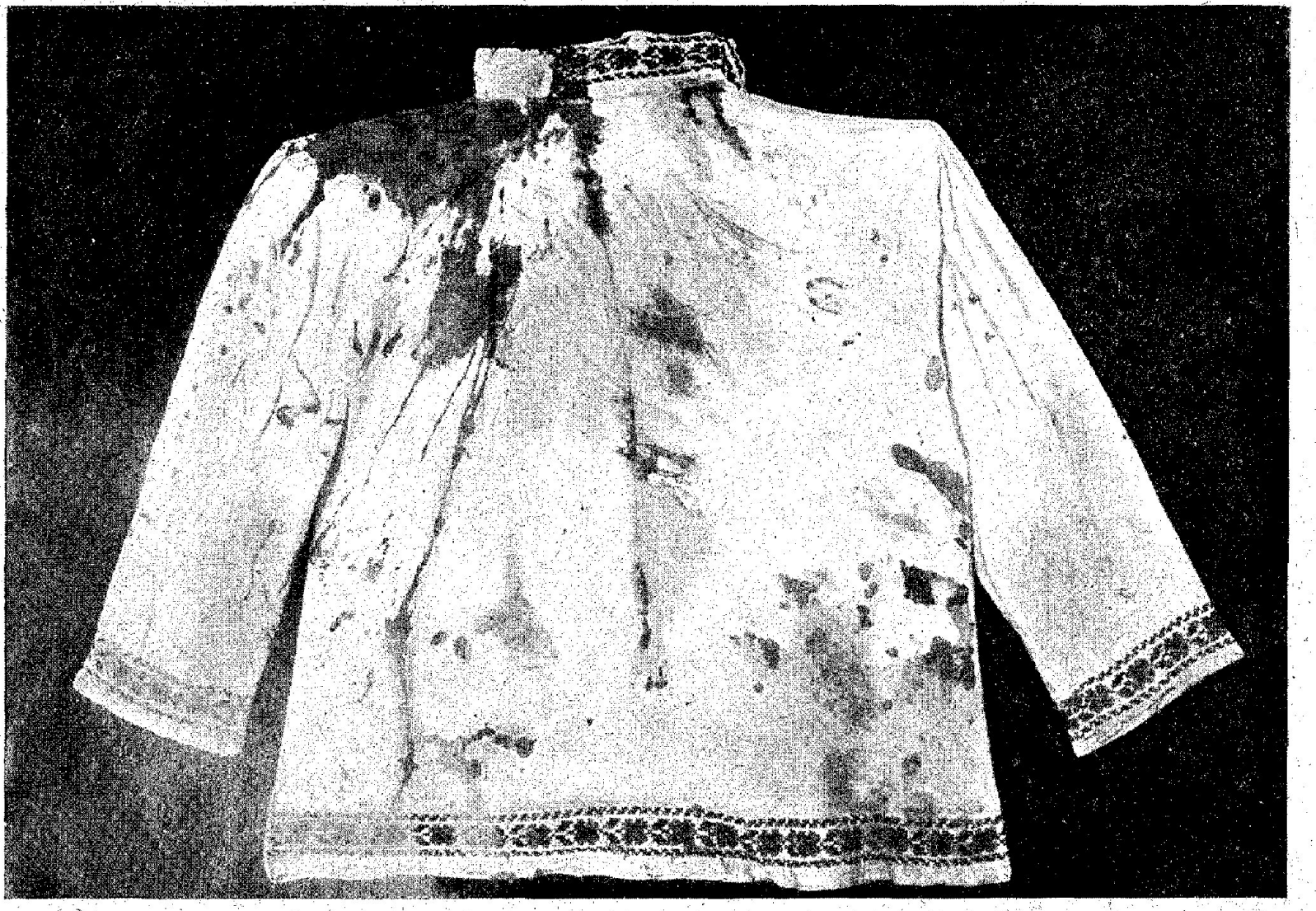
Не лишнее отмѣтить, что вопросъ о каббалистическомъ значеніи числа 13 былъ возбужденъ ритуальною экспертизою, произведенною больше, чѣмъ годъ спустя послѣ того, какъ проф. Оболонскій и Туфановъ дали на предварительномъ слѣдствіи свое заключеніе о количествѣ ранъ на правомъ вискѣ несчастнаго Андрюши.

Общій ходъ экспертизы на предварительномъ слѣдствіи выражается въ такомъ видѣ: сейчасъ же послѣ обнаруженія трупа, слѣдственная власть обратилась къ тому свѣдущему лицу, къ

Рубашка (спереди), въ которой былъ замученъ Андрюша Ющинскій.

Рубашка (спереди), въ которой былъ замученъ Андрюша Ющинскій.

Рубашка (сзади), въ которой былъ замученъ Андрюша Ющинскій.



Рубашка (сзади), въ которой былъ замученъ Андрюша Ющинскій.

которому она всегда обращается и должна обращаться по дѣламъ о насильственномъ лишеніи жизни, произведенномъ въ чертѣ города—обратилась для производства вскрытія къ городовому врачу. Затѣмъ, убѣдясь въ исключительномъ значеніи дѣла, судебная власть немедленно приглашаетъ то свѣдущее лицо, которое въ г. Кіевѣ являлось, безспорно, первымъ авторитетомъ по вопросамъ, подлежавшимъ разслѣдованію—профессора мѣстнаго университета по каѳедрѣ судебной медицины, человѣка съ большимъ ученымъ именемъ, ученый авторитетъ котораго признавался далеко за предѣлами Кіева. Въ дѣло вступаетъ профессоръ Оболонскій и его ближайшій помощникъ, прозекторъ Туфановъ. Затѣмъ проф. Оболонскій умираетъ и, чтобы замѣнить его, судебная власть обращается къ ученому, который въ настоящее время является первымъ авторитетомъ въ Россіи по вопросамъ судебно-медицинской экспертизы, къ профессору по этой каѳедрѣ въ Медицинской Академіи и Петроградскомъ Университетѣ, Члену Медицинскаго Совѣта — высшаго врачебнаго учрежденія въ Россіи—Д. П. Косоротову. Кромѣ того, желая освѣтить вопросъ по возможности шире и всесторонніе, судебная власть обратилась къ свѣдущему лицу по психологіи и психіатріи—опять таки къ такому ученому, который въ этихъ вопросахъ былъ первымъ авторитетомъ для того города, гдѣ производилось дѣло, мало того, своими научными трудами пріобрѣлъ извѣстность не только въ Россіи, но и заграницей—къ профессору Кіевскаго Университета Сикорскому.

Справка эта не безполезна потому, что лагерь, ставшій на защиту жидовскаго изувѣрства, не постѣснился утверждать, будто правосудіе въ дѣлѣ Бейлиса все время попиралось и приносилось въ жертву какимъ-то постороннимъ цѣлямъ. Между тѣмъ факты неопровержимаго характера удостовѣряютъ, что для выясненія истиннаго характера убійства судебныя власти, ничего сами не предрѣшая, обратились прежде всего къ людямъ науки, и, не позволяя себѣ рѣшительно никакого подбора, спросили мнѣнія у тѣхъ, кого надлежало считать наиболѣе свѣдущими по даннымъ вопросамъ. Такимъ образомъ исключительный характеръ убійства, обезкровленіе тѣла и рядъ чертъ, указующихъ на ритуалъ, былъ установленъ учеными, въ познаніяхъ которыхъ, независимости и безпристрастіи сомнѣваться невозможно. Лишь послѣ этого судебная власть обратилась къ подробной и обстоятельной экспертизѣ богословской, ритуаль-

ной, произведенной такимъ знатокомъ, какъ каноникъ Пранайтисъ, сказавшій категорически, что преступленіе носитъ всѣ черты, всѣ особенности типичнаго ритуальнаго убійства.

При такихъ условіяхъ для всякаго безпристрастнаго человѣка ясно, можно ли обвинять судебную власть въ пристрастіи, въ предвзятости, а тѣмъ болѣе въ какомъ-то попраніи правосудія.

Какъ извѣстно, эксперты, выбранные защитою, ею указанные и приглашенные затѣмъ судомъ, въ рядѣ вопросовъ разошлись съ экспертами, допрошенными на предварительномъ слѣдствіи. Конечно, вопросъ о томъ, кому отдать предпочтеніе—очень субъективный и рѣшать его можно, во всякомъ случаѣ, лишь послѣ сопоставленія мнѣній, вызвавшихъ разнорѣчіе. Однако, нѣсколько предварительныхъ замѣчаній можно дать и теперь.

Такъ, напримѣръ, несомнѣнно, что, при равенствѣ прочихъ условій, тотъ, кто самъ непосредственно видѣлъ изслѣдуемое явленіе, составитъ о немъ болѣе правильное, болѣе вѣрное мнѣніе, чѣмъ тотъ, кто судитъ по описаніямъ, сдѣланнымъ другими.

Примѣняя эту общую истину къ особенностямъ настоящаго дѣла, надлежитъ сказать, что, въ области судебно-медицинской экспертизы, мнѣнія проф. Оболонскаго и Туфанова, изслѣдовавшихъ самый трупъ, явятся болѣе цѣнными, чѣмъ мнѣнія остальныхъ экспертовъ-профессоровъ, не видавшихъ трупа и судившихъ лишь по его описанію—если, разумѣется, считать тѣхъ и другихъ равными по таланту, по опытности, по знаніямъ, пытливости ума и т. под.

Другая истина общаго характера гласитъ, что, при равенствѣ прочихъ условій, изслѣдованіе тѣмъ цѣннѣе, чѣмъ болѣе подходитъ къ нему профессія, спеціальность изслѣдователя. Въ настоящемъ дѣлѣ по экспертизѣ судебно-медицинской были спеціалисты двухъ категорій: съ одной стороны спеціалисты по судебной медицинѣ, въ тѣсномъ смыслѣ этого термина—профессора Косоротовъ, Оболонскій, прозекторъ Туфановъ, и съ другой стороны профессора-хирурги, Павловъ и Кадьянъ, вызванные по ходатайству защиты. Едва ли можно сомнѣваться, что для той экспертизы, которая была произведена, судебная медицина является спеціальностью болѣе соотвѣтствующею, чѣмъ хирургія, хотя бы потому, что, при изслѣдованіи поврежденій, для хирургіи главное вниманіе сосредоточивается на вопросѣ

о послѣдствіяхъ, а въ судебной медицинѣ—на вопросѣ о причинахъ. Первая задача хирурга—вылечить больного, устранить, предотвратить или, по крайней мѣрѣ, ослабить вредныя послѣдствія поврежденія,—а причины такового интересны хирургу лишь постольку, поскольку это нужно для правильнаго леченія, для надлежащей операціи. Изслѣдовать на трупахъ причины смерти хирургу приходится очень рѣдко. Наоборотъ, такое изслѣдованіе всецѣло относится къ судебной медицинѣ, равно какъ и освидѣтельствованіе живыхъ людей не для леченія полученныхъ ими поврежденій, а для выясненія, гдѣ, когда и при какихъ обстоятельствахъ эти поврежденія причинены.

Судъ приступилъ къ медицинской экспертизѣ на двадцать первый день процесса—15 октября 1913 года и закончилъ ее на двадцать пятый день процесса, 19 октября. Сначала была произведена экспертиза судебно-медицинская черезъ проф. Косоротова, Туфанова, Павлова и Кадьяна, затѣмъ психіатро-психологическая черезъ проф. Сикорскаго, Бехтерева и Карпинскаго.

Первая группа экспертовъ присутствовала на судѣ въ теченіи всего судебнаго слѣдствія, вторая группа—на чтеніи обвинительнаго акта и на заключеніи, даннымъ экспертами первой группы.

Экспертамъ первой группы было предложено 23 письменныхъ вопроса въ редакціи, выработанной судомъ, при чемъ судъ принялъ во вниманіе письменные проекты вопросовъ, переданные ему каждой изъ сторонъ. Разумѣется, отвѣты на эти вопросы экспертовъ не устраняли послѣдующаго ихъ допроса судомъ и сторонами.

Совѣщаніе экспертовъ Косоротова, Туфанова, Павлова и Кадьяна было совмѣстное.

Такой же порядокъ былъ соблюденъ въ отношеніи экспертизы психіатро-психологической, гдѣ судъ предложилъ восемь вопросовъ. Впрочемъ, здѣсь самое совѣщаніе экспертовъ только вначалѣ было совмѣстнымъ, ибо, послѣ согласнаго разрѣшенія двухъ вопросовъ, не вызывавшихъ спора, по остальнымъ обнаружилась столь сильная разница мнѣній между проф. Сикорскимъ съ одной стороны, проф. Бехтеревымъ и Карпинскимъ съ другой, что проф. Сикорскій отъ дальнѣйшаго совѣщанія отказался.

Что касается экспертовъ по вопросамъ судебной медицины, то они совѣщались въ помѣщеніи суда, въ отдѣльной комнатѣ, охраняемой судебными приставами, цѣлый день, до поздняго вечера, а заключеніе свое должны были дать на слѣдующее утро. Предсѣдатель разъяснилъ экспертамъ, что, по долгу принятой ими присяги, послѣ окончанія ихъ совѣщанія и до дачи ими на судѣ заключенія, они ни съ кѣмъ по поводу экспертизы говорить не имѣютъ права.

Утромъ экспертиза началась съ заключенія проф. Косоротова, который, давъ отвѣты на всѣ 23 вопроса, заявилъ, что, начиная съ вопроса 14-го и до конца, эксперты пришли къ единогласному заключенію. Для построеній защиты, для «чеберяковской версіи» такое единогласіе было губительнымъ, ибо, въ отвѣтѣ на, вопросъ 17-ый, проф. Косоротовъ удостовѣрилъ совершенно опредѣленно: «мы пришли къ убѣжденію, что убійство совершалось на мѣстѣ, гдѣ есть свѣжая глина . . . . Убійство въ жиломъ помѣщеніи мы можемъ исключить».

И вотъ, когда, послѣ проф. Косоротова и присоединившагося къ нему вполнѣ, во всемъ, Туфанова, очередь давать заключеніе дошла до проф. Павлова, то обнаружилось разнорѣчіе не только до, но и послѣ вопроса 14-го, между прочимъ и въ вопросѣ 17-мъ.

На изумленные вопросы сначала прокурора, а потомъ мои, какимъ же образомъ проф. Косоротовъ только что заявилъ суду о единогласіи экспертовъ по вопросамъ съ 14-го по 23-ій, проф. Павловъ, ни мало не смущаясь, отвѣтилъ, что проф. Косоротовъ «сказалъ вѣрно, его словъ я отрицать не могу», но «послѣ вчерашняго вечера у меня еще были нѣкоторыя размышленія и я могъ хорошенько обмозговать отдѣльные вопросы въ деталяхъ и мелочахъ», «придя домой, я думалъ въ этомъ направленіи и въ нѣкоторомъ отношеніи мнѣ пришлось измѣнить свое мнѣніе»!!

Въ дальнѣйшемъ мы увидимъ, къ какимъ измѣненіямъ привели ночныя размышленія проф. Павлова.

II.

Заключеніе проф. Косоротова и Туфанова.

На предложенные судомъ 23 вопроса проф. Косоротовъ далъ слѣдующее заключеніе:

1) Всѣ ли обнаруженныя на трупѣ Андрея Ющинскаго поврежденія нанесены ему при жизни?

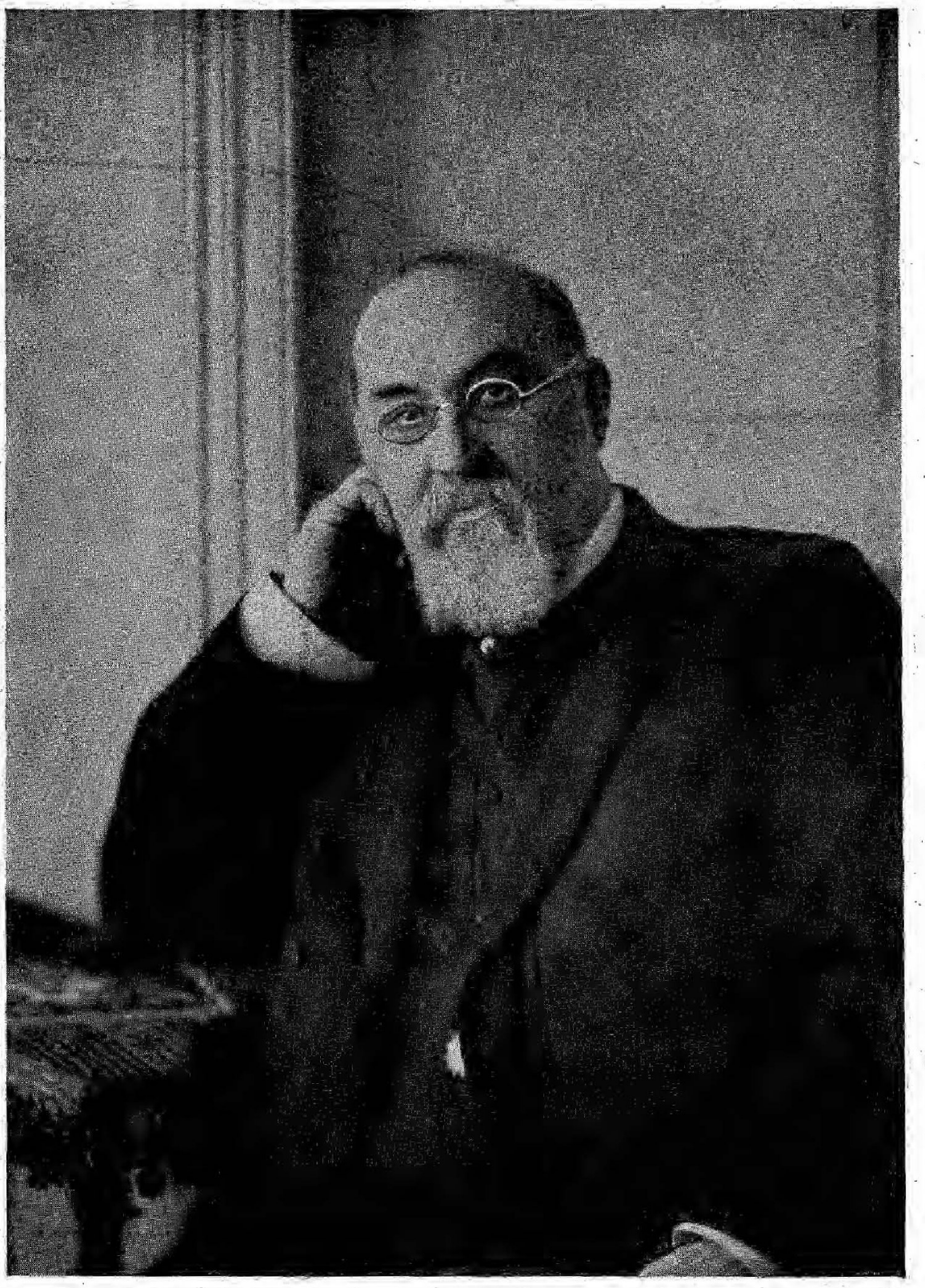
Прижизненность раненій имѣется на лицо, но въ различной степени. Это происходитъ отъ того, что одни поврежденія нанесены были при достаточно полной дѣятельности сердца, а другія, наоборотъ, когда дѣятельность сердца была очень слабой. Поэтому и сами признаки прижизненности выражены слабо. Но въ общемъ всѣ поврежденія носятъ характеръ прижизненности и ни объ одномъ изъ нихъ нельзя сказать, чтобы оно было нанесено тогда, когда Ющинскій умеръ.

2) Какія изъ этихъ поврежденій являются безусловно смертельными?

Изъ всѣхъ поврежденій, имѣющихся на тѣлѣ, число которыхъ достигаетъ почти 50-ти, только одно поврежденіе можетъ считаться безусловно смертельнымъ, это именно рана сердца. Въ области сердца было нѣсколько раненій, но нѣкоторыя изъ нихъ поверхностныя, не проникающія въ сердце, и только одна изъ ранъ проникла въ правый желудочекъ совершенно насквозь, такъ что стѣнки сердца или желудочка были повреждены. Такое поврежденіе мы, судебные врачи, считаемъ безусловно смертельнымъ. Относительно этихъ двухъ пунктовъ я долженъ сказать, что и коллега проф. Кадьянъ присоединяется къ нашему мнѣнію. При особомъ мнѣніи остался только экспертъ Павловъ.

3) Какія именно поврежденія явились непосредственной причиной смерти Ющинскаго?

Собственно, ни одно изъ поврежденій въ частности не было причиной смерти, даже хотя бы ближайшей причиной, а смерть послѣдовала отъ совокупности всѣхъ раненій, при чемъ нѣкоторыя изъ поврежденій имѣютъ большее значеніе по своей опасности, какъ напримѣръ рана въ сердцѣ, чѣмъ другія, которыя представляются весьма поверхностными и, собственно говоря,



даже неопасными. Въ сущности нельзя сказать, чтобы одно изъ поврежденій или два поврежденія были причиной смерти. Смерть послѣдовала отъ совокупности всѣхъ поврежденій и даже, можно сказать, и отъ вліянія нѣкоторыхъ другихъ условій. Помимо поврежденій имѣется, напримѣръ, явленіе задушенія, которое несомнѣнно въ данномъ случаѣ вліяло на наступленіе смертельнаго исхода, но объ этомъ рѣчь будетъ ниже.

4) Въ какой послѣдовательности наносились Ющинскому поврежденія?

Признаки прижизненности поврежденій характеризуются признаками наибольшаго кровотеченія. Наиболѣе сильныя явленія кровотеченія, несомнѣнно, болѣе всего выражены на поврежденіяхъ головы и шеи. Поэтому можно сказать, что поврежденія головы и шеи нанесены первыми по времени. Что касается поврежденій туловища, т. е. поврежденій груди, спины и живота, то эти поврежденія носятъ меньше характеръ прижизненности и, можно сказать, отдалены довольно порядочнымъ промежуткомъ времени отъ поврежденій, которыя наносились въ голову Ющинскому. Такъ что первыми были поврежденія головы или шеи, а затѣмъ уже идутъ поврежденія туловища, которыя можно считать послѣдними.

Была ли на головѣ Ющинскаго фуражка во время причиненія ранъ въ голову и какихъ именно?

Относительно фуражки можно сказать, сравнительно съ повреждeніями черепа, на которомъ имѣется много слѣдовъ крови, что на фуражкѣ ихъ имѣется меньше. При примѣркѣ фуражки мы пришли къ заключенію, что нѣтъ основаній предполагать, что фуражка была надѣта какимъ-нибудь особымъ образомъ. Несомнѣнно, первыя поврежденія были нанесены Ющинскому тогда, когда онъ былъ въ фуражкѣ. Напримѣръ: одно изъ этихъ поврежденій, находящееся на вершинѣ темени и давшее довольно порядочное кровотеченіе, было нанесено Ющинскому, тогда, когда онъ былъ еще въ фуражкѣ. Впослѣдствіи она была сброшена; во всякомъ случаѣ, другія поврежденія были нанесены уже тогда, когда фуражки на головѣ Ющинскаго не было.

Если первыя раненія нанесены въ голову, то не было ли потери сознанія и какъ скоро она наступила?

Всѣ поврежденія, которыя были сдѣланы на головѣ Ющинскаго, за исключеніемъ только одного, довольно поверхностны. Кости черепа были очень тонкія и если имѣть въ виду по-

вреждающее орудіе—шило, то надо придти къ заключенію, что удары этимъ шиломъ наносились не очень сильные, потому что поврежденія, за исключеніемъ одного, совершенно не затронули мозга или его оболочки, а только проникали, и то не всѣ, мѣстами, до внутренней пластинки. Слѣдовательно, тутъ были маленькіе выступы на внутренней пластинкѣ, съ внутренней поверхности черепа, были маленькіе отколы, но большихъ поврежденій не было, за исключеніемъ одного, которое я считаю происшедшимъ отъ довольно сильнаго удара и которое было нанесено сравнительно поздно, не въ первый моментъ, потому что кровоизліяніе, происшедшее отъ него, было очень незначительное. На основаніи этого я долженъ сказать, что отъ этихъ поврежденій ни потери сознанія, ни сотрясенія мозга, ни излія-нія крови въ черепной мозгъ, которое давило бы на мозгъ, не было и нѣтъ основаній думать, что Ющинскій отъ первыхъ ударовъ по головѣ швайкою потерялъ сознаніе. Мы въ практикѣ судебной медицины можемъ привести подобные случаи не только какъ исключительные, но сплошь и рядомъ мы наблюдаемъ такія явленія, что лица даже съ обломаннымъ клинкомъ ножа въ черепѣ не обращаются за врачебной помощью, въ сущности не чувствуютъ боли, и рана заживаетъ. Когда затѣмъ случайно вскрываешь трупъ, то видишь, что торчитъ клинокъ ножа. Такіе случаи бываютъ. Это приводитъ къ заключенію, что раны головы, нанесенныя не очень сильными ударами и не сопровождавшіяся большими осложненіями, не служили причиной потери сознанія.

Каковъ промежутокъ времени между первымъ раненіемъ и смертью?

Другими словами, какъ скоро послѣдовала смерть Ющинскаго послѣ начала нанесенія ему поврежденій? Этотъ промежутокъ времени всѣ эксперты опредѣлили приблизительно въ $^1/_4$ часа. Это согласуется вполнѣ съ мнѣніемъ профессора Оболонскаго, при чемъ могу сказать, что $^1/_4$ часа, судя по затекамъ, которые имѣются на трупѣ, я считаю скорѣе минимальнымъ, чѣмъ крайне большимъ срокомъ. Такъ что можетъ быть и нѣсколько больше, но во всякомъ случаѣ въ среднемъ можно думать, что въ теченіе $^1/_4$ часа были наносимы поврежденія, прежде чѣмъ наступила смерть.

5) Какимъ орудіемъ причинены Ющинскому поврежденія, однимъ и тѣмъ же или разными, и могли ли

быть такими орудіями имѣющіяся при дѣлѣ швайки и какія именно?

Я нахожу, что наиболѣе подходящей является швайка, доставленная изъ Университета. Она представляетъ собою швайку съ обломаннымъ концомъ и потомъ заточенную на подобіе долота. Этой швайкой можно нанести всѣ поврежденія, но я долженъ сказать, что не исключена возможность нанесенія болѣе крупныхъ поврежденій швайкой, которая имѣетъ въ поперечномъ разрѣзѣ ромбическую форму. Это не отрицается. Мы приходимъ къ убѣжденію, что всѣ поврежденія могли быть нанесены подобнымъ орудіемъ, при чемъ наиболѣе подходящимъ является швайка, которая сломана и заточена въ видѣ долота Въ этомъ согласны всѣ эксперты.

6) Причинена ли смерть Ющинскому насильственными дѣйствіями одного или нѣсколькихъ лицъ, и сколькихъ приблизительно; сколько времени таковыя дѣйствія продолжались?

Относительно времени я уже сказалъ, что приблизительно $^1/_4$ часа, что же касается числа лицъ, то, по единогласному заключенію экспертовъ, ихъ было нѣсколько и, во всякомъ случаѣ, не менѣе двухъ, потому что тутъ были очень сложныя манипуляціи съ Ющинскимъ. Его надо было поддерживать, зажимать ротъ, держать въ вертикальномъ положеніи, затѣмъ дальше и самый переносъ трупа въ пещеру, не оставившій слѣдовъ въ видѣ царапинъ при влеченіи по скользкимъ неровностямъ, заставляютъ предполагать, что какъ убійство, такъ и несеніе въ пещеру было совершено не однимъ человѣкомъ, а по крайней мѣрѣ двумя. Въ этомъ согласны всѣ эксперты.

7) Сопровождалось ли причиненіе смерти Ющинскому мучительными страданіями?

Безъ всякаго сомнѣнія. Ющинскому было нанесено множество поврежденій, около 50 различныхъ ранъ. Такъ какъ я сказалъ, что удары въ голову, которые наносились первыми и удары въ шею не могли привести къ потерѣ сознанія и такъ какъ имѣются слѣды другого вида насилія, именно задушенія, которое не обусловливаетъ моментальной потери сознанія, то несомнѣнно, что, по крайней мѣрѣ, первые жестокіе удары сопровождались мучительнымъ ощущеніемъ. Самое душеніе человѣка относится къ операціямъ мучительнымъ, но, кромѣ душенія, несомнѣнно часть этихъ ударовъ въ голову сопровожда-

лась очень сильными болѣзненными ощущеніями Ющинскаго. Затѣмъ долженъ сказать, что и безсознательное состояніе можетъ до нѣкоторой степени прерываться, человѣкъ можетъ пробуждаться отъ безсознательнаго состоянія подъ вліяніемъ боли. Всѣмъ извѣстно, что если человѣкъ находится въ обморокѣ, то ему даютъ нюхать нашатырный спиртъ; это, конечно, не есть причиненіе боли, а только раздраженіе, но человѣкъ приходитъ въ себя. Кромѣ того въ старину, если дѣло шло о мнимо-умершемъ, относительно котораго нельзя было рѣшить, живъ человѣкъ или мертвъ, практиковался способъ прижиганія каленымъ желѣзомъ подошвы. Это рѣшительный способъ: если человѣкъ отъ этого не просыпался, то, безъ сомнѣнія, онъ былъ мертвъ. Словомъ, изъ всего этого можно заключить, что боль есть такое условіе, при которомъ даже человѣкъ, находящійся въ безсознательномъ состояніи, хотя бы на минуту приходитъ въ себя, чтобы ощутить жестокую боль. Такимъ образомъ, я говорю, что всѣ поврежденія, которыя были нанесены Ющинскому, они сопровождались безъ сомнѣнія мучительными страданіями.

8) Сопровождалось ли причиненіе смерти Ющинскому обезкровленіемъ его тѣла?

Относительно обезкровленія имѣются несомнѣнныя анатомическія явленія, которыя указываютъ, что Ющинскій потерялъ очень много крови. Эти явленія суть слѣдующія: мы считаемъ признаками смерти отъ истеченія крови, во-первыхъ,—блѣдность внутреннихъ органовъ, этотъ признакъ у насъ въ нѣкоторыхъ частяхъ условный; затѣмъ, во-вторыхъ, — очень малое количество трупныхъ пятенъ; если трупныхъ пятенъ совсѣмъ нѣтъ, это считается высокой степенью малокровія, и, наконецъ, въ-третьихъ,—состояніе сердца, такъ называемое пустое сердце, хотя, конечно, не абсолютно пустое, но содержащее очень мало крови. Какъ извѣстно, на трупѣ Ющинскаго было обнаружено полное отсутствіе трупныхъ пятенъ, слѣдовательно крови, которая могла бы образовать эти пятна, не было въ достаточномъ количествѣ. Что касается сердца, то я обращаю также ваше вниманіе на технику вскрытія сердца. У насъ въ судебной медицинѣ для вскрытія трупа существуютъ извѣстныя правила, по которымъ всегда предписывается врачу передъ извлеченіемъ сердца отмѣчать, сколько заключается крови въ сердечной сумкѣ, въ мѣшкѣ, который надо разрѣзать до вскрытія сердца. Въ этотъ мѣшокъ при поврежденіи вливается кровь

какъ изъ сердца, такъ равнымъ образомъ и изъ кровеносныхъ сосудовъ, которые отходятъ и приходятъ къ сердцу. Въ этомъ отношеніи при изслѣдованіи сердца Ющинскаго описаны его поврежденія и далѣе говорится, что было всего 2 чайныхъ ложки густо окрашенной кровью жидкости. Вотъ все, что заключало сердце Ющинскаго! Чтобы это было болѣе наглядно, я долженъ припомнить вамъ протоколъ вскрытія Жени Чеберяка. Женя Чеберякъ страдалъ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль изнурительной болѣзнью, кровавымъ поносомъ. Онъ потерялъ много крови, много кровяной жидкости, слѣдовательно въ тѣлѣ его оставалось сравнительно уменьшенное количество крови. И что же вы видите при вскрытіи: въ сердечной сумкѣ найдена прежде всего столовая ложка жидкости янтарнаго цвѣта. Въ одной половинѣ сердца столовая ложка крови, а въ другой — половина столовой ложки; затѣмъ, сердце было наполнено сверт-ками крови. Слѣдовательно, у Жени Чеберяка, несмотря на кровавый поносъ, оказалось нѣсколько столовыхъ ложекъ крови, а здѣсь всего двѣ чайныхъ ложки. При вскрытіи сердца, которое здѣсь можетъ быть показано, оно было сейчасъ же фиксировано формалиномъ и вы можете видѣть, что тамъ въ полостяхъ сердца осталось всего два маленькихъ сверточка крови величиной въ горошину; вотъ вамъ вся кровь Ющинскаго. Имѣется еще одинъ признакъ: сердце прижизненно проколото насквозь и при такихъ условіяхъ обыкновенно если въ сердцѣ есть кровь, то она выдавливается въ сердечную сумку и мы находимъ область сердечной сумки полную крови. Здѣсь ничего подобнаго нѣтъ и эксперты приходятъ къ заключенію, что Ющинскій безусловно въ весьма значительной степени былъ лишенъ крови. Мы считаемъ потерю половины крови смертельной для человѣка. Животное иногда можетъ терять и больше половины крови и остается жить, но человѣкъ обыкновенно послѣ потери половины крови умираетъ. Данныя, полученныя вскрытіемъ, не препятствуютъ придти къ заключенію, къ которому пришелъ профессоръ Оболонскій, что Ющинскій, можетъ быть, потерялъ и больше половины своей крови. Переведя это на цифры и имѣя въ виду извѣстныя таблицы, по которымъ мальчикъ 13-лѣтняго возраста имѣетъ опредѣленный вѣсъ тѣла, и затѣмъ дальше учитывая соотношеніе вѣса тѣла къ крови, мы утверждаемъ, что въ тѣлѣ Ющинскаго было приблизительно $2^1/_2$ килограмма крови, а потеря крови равнялась $1^1/_4$ или $1^1/_2$

килограмма, что составляетъ 3 фунта или пять стакановъ. Вотъ сколько было потеряно крови. Я долженъ сказать, что на тѣлѣ Ющинскаго и на бѣльѣ, по сравненію съ потерей крови, найдено весьма незначительное ея количество. Значитъ, кровь куда-то пропала, можетъ быть ушла въ окружающую обстановку, во всякомъ случаѣ неизвѣстно куда. Что касается слѣдующаго вопроса, то онъ дополняетъ предыдущій.

9) Даютъ ли данныя судебно-медицинскаго вскрытія основаніе считать причиною смерти Ющинскаго обезкровленіе?

На тѣлѣ Ющинскаго имѣются признаки двухъ видовъ насилія: во-первыхъ — раны и во-вторыхъ — признаки задушенія. Что касается душенія, то оно производилось все-таки довольно долго. Были закрыты дыхательные пути снаружи: отверстія носа и рта, такъ что дышать нельзя было. Это ведетъ къ тому, что развиваются явленія удушенія, которыя мы раздѣляемъ на четыре періода. Продолжительность всего такого задушенія въ среднемъ равняется отъ 5 до 10 минутъ. По даннымъ вскрытія, по тому, что у Ющинскаго найдено кровоизліяніе на слизистой оболочкѣ вѣкъ и по тому, что у него несомнѣнно было изверженіе мочи, можно сказать, что задушеніе было доведено по крайней мѣрѣ до второго періода, когда появляются судороги всего тѣла и наступаетъ потеря сознанія, что обыкновенно относится приблизительно къ 2 минутамъ времени. Слѣдовательно, по анатомическимъ даннымъ мы можемъ сказать, что задушеніе было доведено до извѣстнаго предѣла, но нѣтъ никакого основанія думать, что оно окончилось смертью, потому что, во-первыхъ,— задушеніе кончается смертью раньше, чѣмъ тотъ срокъ, который опредѣлили эксперты—$^1/_4$ часа—а затѣмъ потому, что асфиксія или задушеніе характеризуется такими анатомическими данными, которыя несомнѣнно въ данномъ случаѣ дали бы намъ основаніе говорить, что смерть наступила именно отъ задушенія. Задушеніе здѣсь могло имѣть другое значеніе, а именно: если человѣка душить, тогда лицо у него синѣетъ, жилы напрягаются, становятся замѣтными всѣ вены и если поранить венозный сосудъ, то кровь бьетъ фонтаномъ. Такъ что, собственно говоря, внѣ задушенія нельзя получить никоимъ образомъ такого количества крови, какое можно получить при задушеніи. Такъ что задушеніе въ данномъ случаѣ, несомнѣнно, способствовало обильной потерѣ крови, но ближай-

шей причиной смерти, по анатомическимъ даннымъ, можно считать только большую потерю крови, половину или больше половины всей массы крови.

10) Если изъ тѣла Ющинскаго была выточена и собрана кровь, то изъ какихъ раненій возможно было удобнѣе собрать ее, при какомъ положеніи тѣла, какая эта кровь, венозная или артеріальная?

На этотъ вопросъ опредѣленнаго и точнаго отвѣта дать нельзя, можно сказать лишь слѣдующее: несомнѣнно, артеріальное кровотеченіе было; раненіе, которое сдѣлано на лѣвомъ искѣ, дало фонтанъ въ видѣ брызгъ; очевидно, это пораненіе артеріальной вѣточки. На вершинѣ темени была пробита пазуха мозга, которая дала порядочное кровотеченіе, но нельзя сказать, чтобы эти кровотеченія, какъ то, такъ и другое, могли быть чрезмѣрно обильными. Я лично придаю большое значеніе поврежденіямъ шейной области, но, къ сожалѣнію, эта шейная область была недостаточно изслѣдована. На правой сторонѣ шеи имѣлось четыре укола, какъ бы щелевидныхъ надрѣза, которые расположены въ области, очень богатой сосудами. Одинъ изъ этихъ уколовъ, несомнѣнно, попалъ глубоко и ранилъ артеріальную вѣтку, обусловивъ обильное кровотеченіе, которое проникло позади за дыхательными органами далеко вглубь ткани. Такъ какъ были и другіе уколы, то это не противорѣчитъ тому, что могла быть ранена и вена, которыхъ здѣсь очень много. Поэтому я считаю, что эта область могла послужить обильнымъ источникомъ для кровотеченія. Если предполагать, что имѣлось намѣреніе получать кровь, то вѣроятнѣе всего, что отсюда можно было добыть, въ особенности при появленіяхъ задушенія, очень много крови. Это соотвѣтствуетъ и тому, что на передней поверхности сорочки имѣются большія помарки крови. Дѣло въ томъ, что эта область, какъ я уже сказалъ, была плохо изслѣдована. Въ первомъ протоколѣ сказано, что артерія была повреждена, а о венахъ ничего не сказано. Очевидно, что изслѣдованіе это производилось поверхностно, но по анатомическому положенію я полагаю, что именно отсюда можно было получить очень много крови.

11) Даютъ ли основаніе какъ самый характеръ, такъ и расположеніе поврежденій заключить, что посредствомъ ихъ можно было удобнѣе или болѣе всего добыть кровь?

Собственно на этотъ вопросъ можно отвѣтить въ связи съ другимъ вопросомъ, гдѣ говорится между прочимъ о томъ, не обладали ли лица, наносившія поврежденія, какими-нибудь познаніями по анатоміи. Нужно сказать, что кровотеченіе произведено такимъ образомъ, что нельзя въ этомъ усмотрѣть особаго искусства. Безъ всякаго сомнѣнія, анатомическія познанія лицъ, его производившихъ, были крайне неудовлетворительны. Спросите экспертовъ-хирурговъ, и они скажутъ вамъ, какъ можно это сдѣлать идеально-просто и, не причиняя побочныхъ поврежденій, получить большое количество крови. Но дѣло не въ этомъ, а въ самомъ фактѣ. Вы знаете, конечно, что есть прямо профессіональные операторы, которые производятъ разныя операціи не хирургическимъ способомъ. Я скажу вамъ о скопцахъ: ѣздятъ же такіе гастролеры по разнымъ мѣстамъ, производятъ оскопленіе грубо, скверно, не по правиламъ хирургіи; можно лучше, искуснѣй это сдѣлать, но все-таки они цѣли своей достигаютъ. Дѣло совсѣмъ не въ томъ, какъ сдѣлать, а чтобы цѣль была достигнута. И въ данномъ случаѣ можно сказать, что операція произведена была не по правиламъ медицины, можно было сдѣлать ее лучше, но вы видите, что выпущено больше половины крови или во всякомъ случаѣ половина, слѣдовательно этотъ способъ, можно сказать, не заслуживающій одобренія, тѣмъ не менѣе привелъ фактически къ цѣли.

12) Какое приблизительно количество крови вытекло изъ тѣла Ющинскаго и какое приблизительно количество крови оказалось на бѣльѣ и одеждѣ его?

На этотъ вопросъ я уже отвѣчалъ. Мы, эксперты, опредѣлили, что приблизительно вытекла половина или болѣе половины всей крови и на бѣльѣ ея осталось очень немного.

13) Свидѣтельствуетъ ли характеръ поврежденій, число ихъ и расположеніе о томъ, что причиненіе мученій и обезкровленіе Ющинскаго входило въ планъ, намѣченный убійцами?

Въ этомъ отношеніи я и Туфановъ даемъ положительный отвѣтъ, потому что какъ же иначе объяснить искалываніе всего мальчика? Для чего нанести ему около 50 колотыхъ ранъ? Безъ всякаго сомнѣнія, человѣкъ, который не желалъ причинять мученія, не сдѣлалъ бы ихъ. Что касается обезкровленія или полученія крови, то это намѣреніе указываютъ мѣста, на которыя

были направлены насилія. Есть такія мѣста, которыя очень богаты кровью и которыя общеизвѣстны. Напримѣръ: каждой кухаркѣ извѣстно, что поросенка рѣжутъ подъ мышкой ножомъ. Всякую птицу и животныхъ убиваютъ разрѣзомъ шеи, слѣдовательно подъ мышками и на шеѣ есть такія жилы, которыя содержатъ кровь. Наконецъ, есть такія мѣста, на которыхъ эти жилы видны. Напримѣръ, у дѣтей, сквозь тонкую дѣтскую кожу, просвѣчиваютъ эти синія жилы на лбу и на вискахъ. Такимъ образомъ, кто желаетъ получить кровь, можетъ уколоть въ такую жилу и кровотеченіе готово. Здѣсь какъ разъ имѣются поврежденія, направленныя на область висковъ и кромѣ того на область шеи, гдѣ можно видѣть біеніе артеріи у всякаго человѣка. Стоитъ только приложить палецъ, и вы чувствуете, какъ бьется артерія. Это пріемъ очень несложный и извѣстенъ всякому, даже незнакомому съ анатоміей, изъ повседневнаго опыта и наблюденія. Вотъ на правомъ вискѣ было 13 уколовъ и нанесены были эти уколы такъ, что они не дали значительнаго кровотеченія, зато на другомъ вискѣ уколъ былъ сдѣланъ одинъ, но такимъ образомъ, что сразу получился фонтанъ крови. И посмотрите, тутъ другихъ уколовъ нѣтъ. Если вообще человѣкъ желалъ колоть виски, то почему же тамъ, гдѣ не удалось добыть много крови, кололи такъ много, а здѣсь всего одинъ уколъ, который далъ фонтанъ крови. Этотъ уколъ былъ направленъ на область сосудовъ, въ самую глубь ткани и получилось большое кровотеченіе. Слѣдовательно, произвести кровотеченіе, несомнѣнно, входило въ цѣль того, кто наносилъ поврежденія. Нанесеніе поврежденій на темени является, по моему мнѣнію, случайнымъ, но височное кровотеченіе и шейное совсѣмъ не случайныя. Затѣмъ имѣются удары подъ мышку, но нужно сказать, что изъ этихъ ударовъ ничего не воспослѣдовало, такъ какъ они были нанесены въ самые послѣдніе моменты жизни. Такимъ образомъ вы видите, что на правомъ вискѣ и на шеѣ нанесено много уколовъ, а на лѣвомъ вискѣ всего одно поврежденіе, которое дало фонтанъ крови. На этомъ остановились операторы, которые не пожелали дальше колоть високъ. Само орудіе, которое было употреблено для нанесенія ударовъ, оно пригодно только для того, чтобы колоть и мучить. Это не есть типичное орудіе для убійства. Если хотѣли убить мальчика, то могли бы для этого взять все, что угодно, хоть камень, имъ ударить по головѣ ребенка— и тотъ мертвъ. Наконецъ, если орудіемъ убійства было бы шило

и желали бы имъ убить Ющинскаго, то могли бы вонзить его въ сердце, что и сдѣлали въ концѣ концовъ, но не сдѣлали этого раньше. Слѣдовательно, не убійство являлось цѣлью, а другое—истыкать ребенка, причиняя ему мученія и притомъ въ такія привычныя мѣста, которыя даютъ кровь.

14) Свидѣтельствуютъ ли какъ расположеніе, такъ и характеръ ранъ на тѣлѣ Ющинскаго о познаніяхъ въ анатоміи человѣческаго тѣла со стороны лицъ, ихъ наносившихъ?

На этотъ вопросъ я уже отвѣтилъ, что операторы или убійцы познаній анатомическихъ не обнаружили.

15) Было ли связываніе рукъ Ющинскаго прижизненнымъ или посмертнымъ?

Въ этомъ вопросѣ я измѣнилъ свое первоначальное мнѣніе на основаніи непосредственнаго осмотра рубашки. Меня, какъ вѣроятно и проф. Оболонскаго, ввело въ заблужденіе замѣчаніе, которое сдѣлано было докторомъ Карпинскимъ при первомъ вскрытіи, о томъ, что кисти рукъ были опухшія. Если бы это дѣйствительно было, тогда нельзя было бы сомнѣваться въ томъ, что это было сдѣлано прижизненно, но при второмъ вскрытіи проф. Оболонскій говоритъ только о посинѣвшихъ ногтяхъ, а опухоли не отмѣчаетъ. Здѣсь имѣются препараты, которые взяты прямо изъ предплечія и тамъ можно видѣть, что борозды, которыя происходятъ отъ веревки, не перервали кровеносныхъ сосудовъ, которые тамъ находятся. Кромѣ того, если взять сорочку и представить себѣ, что руки были прежде всего связаны, тогда потоки крови должны были бы останавливаться на рубахѣ. Но этого не было и рукава рубахи не замараны кровью. Наоборотъ, тутъ именно имѣются помарки, которыя свидѣтельствуютъ, что въ первое время при нанесеніи поврежденій руки находились на поверхности тѣла. Такъ что непосредственный осмотръ сорочки и бороздъ отъ веревки, которыя были на рукахъ, приводитъ насъ всѣхъ къ заключенію, что руки были связаны посмертно и что этого не было во всякомъ случаѣ сдѣлано на первыхъ порахъ.

16) Черезъ сколько времени послѣ принятія пищи послѣдовала смерть Ющинскаго?

Въ этомъ отношеніи мы имѣемъ данныя о состояніи его желудка. Въ желудкѣ его были найдены: непереваренный картофель и куски свеклы. Поэтому можно сказать, что смерть по-

слѣдовала приблизительно черезъ четыре часа послѣ принятія пищи.

17) Принесенъ ли трупъ въ пещеру, гдѣ былъ обнаруженъ, и, въ утвердительномъ случаѣ, на чемъ основывается такой выводъ?

Мы пришли къ заключенію главнымъ образомъ на основаніи осмотра пещеры, на основаніи осмотра куртки, платья, бѣлья и т. д., что убійство совершено въ другомъ мѣстѣ, а не въ этой пещерѣ, гдѣ нѣсколькимъ людямъ трудно манипулировать, трудно обращаться съ трупомъ. Какъ извѣстно, въ пещерѣ не найдено никакихъ слѣдовъ крови. Если бы убійство было совершено тамъ, то, несомнѣнно, на глинѣ и вездѣ можно было бы обнаружить кровь, даже несмотря на то, что она впитывается. Далѣе, имѣется еще одно обстоятельство относительно мѣста убійства: на курткѣ и на бѣльѣ имѣются помарки глины и крови, расположенныя иногда такимъ образомъ, что, напримѣръ, глина совершенно пропитана кровью, какъ будто на глину попала свѣжая кровь, которая еще не высохла и могла пропитать глину, а потомъ была нанесена на трупъ. Есть мѣста, гдѣ глина и совсѣмъ покрыта кровью. На основаніи этого мы пришли къ убѣжденію, что убійство совершалось въ мѣстѣ, гдѣ есть глина. Свѣжая кровь покрывала эту глину и въ нее впитывалась. По обстоятельствамъ дѣла, мы приходимъ къ заключенію, что убійство въ жиломъ помѣщеніи мы можемъ исключить. Даже тотъ фактъ, что Ющинскій оказался въ фуражкѣ при первыхъ ударахъ, свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ былъ на вольномъ воздухѣ, такъ какъ, входя въ комнату, фуражку снимаютъ. Вотъ это обстоятельство и затѣмъ присутствіе окровавленной глины указываетъ на то, что преступленіе совершено въ другомъ помѣщеніи, можетъ быть въ другой пещерѣ, болѣе свободной. Такимъ образомъ, въ этомъ отношеніи экспертиза можетъ дать только слѣдующія указанія на обстоятельства совершенія преступленія: глина, шапка и нѣсколько человѣкъ.

18) Черезъ сколько приблизительно времени послѣ причиненія смерти трупъ Ющинскаго былъ перенесенъ въ пещеру, если убійство было совершено въ другомъ мѣстѣ?

Для разрѣшенія этого вопроса не имѣется особенно точныхъ данныхъ, можно только сказать, что трупъ былъ перенесенъ послѣ того, какъ кровь засохла, потому что при манипуляціяхъ

съ трупомъ, если бы кровь не высохла, были бы размазанныя помарки крови, а между тѣмъ на рубахѣ имѣются помарки крови, совершенно не размазанныя. Поэтому надо думать, что, когда переносили трупъ, кровь была засохшая, а засыханіе крови подъ дѣйствіемъ воздуха происходитъ въ полусуточный срокъ. Конечно, это еще зависитъ отъ многихъ условій,—и отъ толщины слоя крови, и отъ толщины тряпки, и отъ температуры воздуха, и отъ движенія воздуха, и отъ влажности его,—но вообще нужно сказать, что обыкновенно, если, напримѣръ, окровавленное полотно, не толстое, оставить сохнуть, то черезъ полъ-сутокъ оно высохнетъ.

19) Когда наступаетъ окоченѣніе трупа и когда проходитъ такое состояніе?

Относительно трупнаго окоченѣнія имѣются точныя наблюденія. Окоченѣніе наступаетъ въ первую четверть сутокъ, т. е. уже въ первые шесть часовъ послѣ смерти наступаетъ затвердѣніе шейныхъ мышцъ и постепенно окоченѣніе распространяется на все тѣло, т. е. начинаетъ коченѣть туловище, руки и ноги. Такъ что окоченѣніе идетъ съ головы до пятокъ и постепенно трупъ, отвердѣвая, обращается въ неподвижную массу, довольно крѣпкую, которую сгибать нельзя и которая застываетъ въ томъ самомъ положеніи, въ которомъ послѣдовала смерть. Начинается окоченѣніе, какъ я уже сказалъ, съ первой четверти сутокъ, а заканчивается къ половинѣ, къ концу сутокъ. Окоченѣніе всего тѣла получается къ концу первыхъ сутокъ, иногда раньше, и остается приблизительно двое сутокъ, а затѣмъ могутъ наступить признаки разложенія, т. е. трупъ начинаетъ дѣлаться болѣе мягкимъ, сначала шея, туловище, руки и наконецъ послѣдними—ноги. Это размягченіе заканчивается въ теченіе трехъ-четырехъ сутокъ. Но отъ этого типа существуетъ нѣкоторое уклоненіе и особенно въ данномъ случаѣ. Во-первыхъ, трупъ былъ малокровенъ, а такіе трупы окоченѣваютъ скоро и окоченѣніе держится дольше; во-вторыхъ—температура окружающаго воздуха была довольно низкая, и мы безусловно увѣрены, что трупъ долгое время находился на холоду, такъ какъ смерть Ющинскаго, какъ можно судить по желудочному содержимому, относится къ 12 марта, а при нахожденіи его болѣе чѣмъ черезъ недѣлю онъ оказался совершенно свѣжимъ. Такъ что, несомнѣнно, онъ ни въ коемъ случаѣ не находился въ жиломъ помѣщеніи, а находился гдѣ-то въ холод-

номъ помѣщеніи на воздухѣ, температура котораго соотвѣтствовала данной температурѣ изъ метеорологической станціи. Стало быть здѣсь окоченѣніе могло держаться очень долго.

20) Если трупъ Ющинскаго былъ перенесенъ въ пещеру, то въ состояніи ли окоченѣнія или по прекращенію такового?

Принимая во вниманіе, что въ данномъ случаѣ трупъ сохранялся при низкой температурѣ, что такіе трупы окоченѣваютъ сильно и что окоченѣніе могло держаться долго, можно думать, что онъ принесенъ въ пещеру окоченѣлымъ.

21) Были ли потеки крови на трупѣ Ющинскаго и не былъ ли трупъ его обмытъ послѣ нанесенія ранъ?

Относительно этого вопроса никакихъ опредѣленныхъ данныхъ въ обстоятельствахъ дѣла не имѣется. Мы имѣемъ только указаніе на то, что при первомъ осмотрѣ трупа у пещеры лицо его было запачкано кровью. Такъ что въ этомъ отношеніи эксперты высказаться не могутъ.

22) Какъ скоро засыхаетъ кровь на ткани въ мѣстахъ, незащищенныхъ отъ дѣйствія воздуха?

Я уже докладывалъ, что мы пришли къ заключенію, что для этого, при обычныхъ условіяхъ, потребуется полусуточный срокъ.

23) Когда и при какихъ обстоятельствахъ могли получиться на курткѣ убитаго глиняныя помарки и кровяныя пятна, бывшія предметомъ химико-микроскопическаго изслѣдованія?

Въ разное время. Глина и листья, найденные на подштанникахъ Ющинскаго, несомнѣнно, поздняго происхожденія и могли пристать при стаскиваніи трупа въ пещеру, на мѣстѣ, гдѣ листьевъ много. Что касается куртки, то на ней есть глина, которая попала на кровь, такъ что сверху чистая глина, а внизу засохшая кровь. Эта глина, очевидно, могла попасть какъ на мѣстѣ преступленія, такъ равно и въ пещерѣ, но есть глиняныя помарки, пропитанныя кровью, а также и такія, которыя покрыты засохшей кровью. Онѣ относятся къ мѣсту преступленія.

Болѣе подробныя соображенія о глинѣ и о смѣшиваніи ея съ кровью проф. Косоротовъ привелъ, когда возражалъ проф. Павлову и Кадьяну. Эти соображенія пришлось изложить ранѣе, уже въ фактической части (стр. 136).

На вопросы сторонъ проф. Косоротовъ пояснилъ, что при началѣ убійства мальчикъ былъ въ курткѣ и рубашкѣ. Куртку съ него сняли послѣ удара въ лѣвый високъ, какъ это видно по брызгамъ крови на курткѣ. Затѣмъ, при нанесеніи шейныхъ ранъ, отвернули воротъ рубахи, какъ это опять-таки видно изъ кровяныхъ на ней потековъ. Нанося удары въ сердце, рубашку приподнимали, что усматривается изъ отсутствія въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ проколовъ на рубашкѣ. Мальчикъ, несомнѣнно, пробовалъ вначалѣ сопротивляться: это указываютъ обнаруженныя на немъ ссадины, слѣды ногтей на лбу. Сознаніе Ющинскій потерялъ не сразу, а лишь тогда, когда было задушеніе, поэтому по крайней мѣрѣ первые удары въ голову были для него, конечно, очень болѣзненны и мучительны. Главною цѣлью убійцъ мучительство не являлось, но все же оно было. Если бы убійцы хотѣли именно мучить, то они могли бы щипать, выламывать суставы, колоть подъ ногти и т. под. Этого не производилось, но тѣмъ не менѣе причиненные мальчику уколы очень мучительны, главная же цѣль—убить посредствомъ истеченія крови. Такимъ образомъ, это не простое убійство, котораго можно было бы достигнуть сразу, ударивъ мальчика шиломъ въ сердце или даже кулакомъ по головѣ. Раны, причиненныя мальчику, нельзя, строго говоря, считать, съ точки зрѣнія медицинской, «колотыми», т. е. нанесенными колющимъ орудіемъ. Колющее орудіе такое, которое имѣетъ форму длиннаго конуса, а здѣсь у ранъ совершенно круглыя и небольшія отверстія, такъ что, несомнѣнно, шайка была заострена на подобіе долота и это долото имѣло маленькое рѣжущее протяженіе. Въ медицинѣ такое орудіе называютъ колюще-рѣжущимъ орудіемъ и при нанесеніи имъ ранъ, при надавливаніи, несомнѣнно, происходилъ проколъ и кромѣ того разрѣзъ. Такимъ орудіемъ преступникъ могъ произвести поврежденіе кровеносныхъ сосудовъ гораздо успѣшнѣе и скорѣе, чѣмъ обыкновенной шайкой съ незаостреннымъ концомъ.

III.

Заключеніе проф. Павлова и Кадьяна.

Моимъ предшественникомъ было указано,—заявилъ суду допрошенный послѣ проф. Косоротова проф. Павловъ,—что я и проф. Кадьянъ, при обсужденіи причинъ смерти Ющинскаго, разошлись съ нимъ во взглядахъ. Я, какъ хирургъ, также, какъ проф. Кадьянъ, мы имѣемъ свой опытъ, и довольно большой, на что указываетъ наша сѣдина и то положеніе, которое мы занимаемъ въ обществѣ и ученомъ мірѣ. Мы работаемъ, главнымъ образомъ, надъ живыми людьми, между тѣмъ какъ профессора, имѣющіе дѣло съ судебно-медицинскими вскрытіями, работаютъ надъ явленіями, которыя оказываются уже на секціонномъ столѣ анатомическаго театра. Вотъ почему заключенія, даваемыя этими спеціалистами, оказались не въ полномъ соотвѣтствіи съ нашими.

Приступимъ къ разсмотрѣнію поставленныхъ намъ вопросовъ.

1) Всѣ ли обнаруженныя на трупѣ Ющинскаго поврежденія нанесены ему при жизни?

Предшественникомъ было сказано: всѣ. Я говорю, что это недоказательно, потому что понятіе о моментѣ смерти трудно опредѣлимо. Установить идеально-точно границу прекращенія жизни и наступленія смерти чрезвычайно трудно. Это понятіе физіологически слишкомъ расплывчато... Мы, врачи, часто замѣчаемъ полную остановку кровотеченія. Наступаетъ иногда остановка дыханія... Что же, это считать моментомъ смерти!? Нѣтъ. Этотъ человѣкъ живетъ, но въ совершенно безчувственномъ состояніи. На основаніи такого примѣра я и говорю, какъ трудно намъ, врачамъ, сказать: этотъ умеръ, а этотъ живетъ. Указаніе на то, что всѣ поврежденія были нанесены при жизни, такъ какъ иначе не могло быть кровотеченія—абсолютно невѣрно съ медицинской и хирургической точки зрѣнія. Далѣе, долженъ сказать, что мы имѣемъ еще промежуточное состояніе, такъ называемую агонію, когда признаки жизни существуютъ, причемъ можетъ и не быть кровотеченія. Къ сожалѣнію, мы не въ силахъ сказать, какія раненія нанесены при жизни и какія по смерти. Главная масса раненій, при минимальномъ знаніи убійцъ, которые не

могли имѣть точнаго понятія объ анатоміи и жизненныхъ процессахъ, могла быть нанесена какъ при жизни, такъ и въ ближайшій промежутокъ времени послѣ смерти,

2) Какія изъ этихъ поврежденій являются безусловно смертельными?

Я бы ни одно изъ этихъ раненій не назвалъ безусловно смертельнымъ! Они крайне тяжелы, они часто ведутъ къ смерти, но они не безусловно смертельны. Мы знаемъ, что въ мозгу лежатъ цѣлыя пули и люди не умираютъ. Бываютъ случаи, что приходится колоть мозговую оболочку, проникать въ желудочекъ мозга и люди не умираютъ. Водянку мозга лечатъ проколами и люди не умираютъ, а насъ не привлекаютъ къ суду. Пораненія черепа нельзя назвать безусловно смертельными. Теперь относительно сердца. Что касается тѣхъ поврежденій его, которыя мы видимъ на препаратѣ, то они не могутъ быть названы смертельными: теперь даже раны на сердцѣ зашиваютъ, даже по прошествіи многихъ часовъ зашиваютъ! Есть люди, которые живутъ съ пулями въ сердцѣ! Я бы сказалъ, что въ отдѣльности и частности ни одна изъ ранъ не безусловно смертельна, а совокупность ранъ — да. Конечно, какихъ? Раненій черепа и, главнымъ образомъ, шеи. Именно раненію шеи я приписываю гораздо большее значеніе, чѣмъ даже раненію черепа. Почему? Благодаря внутреннему кровотеченію и другимъ явленіямъ, о которыхъ мнѣ еще придется говорить.

3) Какія именно поврежденія явились непосредственной причиной смерти Ющинскаго?

Указывалось, что, быть можетъ, мальчикъ былъ задушенъ тѣмъ, что ему зажимали ротъ. Я и спрашиваю себя, можно ли задушить человѣка, зажимая ему ротъ, и отвѣчаю: никогда! Зажиманіе рта не препятствуетъ дыханію, оно можетъ только въ нѣкоторой степени затруднять дыханіе, совокупность же зажиманія носа и рта—препятствуетъ. Но объ этомъ въ протоколѣ вскрытія ничего нѣтъ, и мы по протоколу видимъ, что слизистая оболочка цѣла, слѣдовательно дыхательный трактъ не былъ поврежденъ.

Зажиманіе рта и носа можетъ вызвать при раненіи шеи опусканіе въ пищепроводный и дыхательный трактъ сгустковъ крови, въ особенности если человѣкъ начинаетъ кричать, барахтаться. Я не возражаю противъ того, что задушеніе было, но понимаю это съ другой точки зрѣнія. Могло произойти задуше-

ніе отъ большихъ кровяныхъ сгустковъ, которые могли сдавить заглоточное пространство. Кровь могла спуститься и сдавить всѣ сосуды и заднюю стѣнку дыхательнаго пути. Вотъ причина задушенія, неожиданно появившагося вслѣдствіе серьезнаго пораненія крупныхъ венозныхъ сосудовъ, излившихъ свою кровь вокругъ дыхательнаго и пищепроводнаго пути въ области шеи. Я лично думаю, что задушеніе могло наступить быстро, смотря по тому, какое количество крови излилось, но, къ сожалѣнію, мы не имѣемъ этихъ данныхъ. Изъ поврежденій, которыя явились непосредственной причиной смерти, считаю главными раненія въ области шеи.

4) Въ какой послѣдовательности наносились Ющинскому поврежденія?

Вопросъ вполнѣ категорически не разрѣшимъ, но предположительно можно думать, что первый ударъ былъ нанесенъ въ голову.

Была ли на головѣ Ющинскаго фуражка во время причиненія ранъ въ голову и какихъ именно?

Фуражка пробита въ четырехъ мѣстахъ. Можно допустить съ глубокой вѣроятностью, что двѣ раны на головѣ, которыя идутъ отъ стрѣловиднаго шва, являются ранами, нанесенными черезъ фуражку. Боковыя раны, которыя идутъ на протяженіи края фуражки, тоже могли быть сдѣланы черезъ фуражку. Мы вырѣзаемъ въ области головы по 16 опухолей безъ хлороформа и не боимся, что человѣкъ истечетъ кровью. Значитъ, эти пораненія на головѣ не опасны для жизни.

Если первыя раненія нанесены въ голову, то не было ли потери сознанія и какъ скоро она наступила?

Можно допустить, что отъ ударовъ въ голову, особенно отъ повторныхъ, могла наступить потеря сознанія, а какъ скоро она наступила—этотъ вопросъ для насъ неуловимъ. Говорить о томъ, какой именно ударъ въ голову далъ потерю сознанія мы не можемъ. Если припомнить раненія шеи, которыя вызвали внутреннимъ кровотеченіемъ затрудненія дыханія плюсъ раздраженіе, которое создалось благодаря пораненію головы, то все, вмѣстѣ взятое, должно было ускорить и усилить наступленіе потери сознанія.

Каковъ промежутокъ времени между первымъ раненіемъ и смертью?

Это чрезвычайно трудно опредѣлить. Могу сказать только предположительно, тѣмъ болѣе, что мы не имѣли характера сосудовъ, а истеченіе крови мы можемъ опредѣлить по закону физики: тонкіе сосуды кровоточатъ меньше, чѣмъ широкіе. Приходится иногда кровоточивымъ людямъ хлороформа не давать при операціяхъ и они не жалуются на боль—даже при серьезныхъ операціяхъ. Мы отнимаемъ руки и ноги у ослабленныхъ кровопотерями людей и они не жалуются. Указать промежутокъ времени, границу между смертью и жизнью чрезвычайно трудно. Надо считать 10—15 минутъ, можетъ быть немного больше.

5. Какимъ орудіемъ причинены Ющинскому поврежденія?

Можно допустить, что однимъ орудіемъ—швайкой, подобной той, которая куплена проз. Туфановымъ.

6. Причинена ли смерть Ющинскому насильственными дѣйствіями одного или нѣсколькихъ лицъ?

Вѣроятно, что, по меньшей мѣрѣ, дѣйствовало два лица.

Сколько времени такія дѣйствія продолжались?

Чтобы дать точный отвѣтъ, надо сдѣлать точно такія же манипуляціи, нужно взять такого же мальчика и начать колоть швайками до самой смерти. Можно думать, что смерть произошла очень скоро.

7. Сопровождалось ли причиненіе смерти Ющинскому мучительными страданіями?

Понятіе о мучительности довольно неопредѣленное. Прежде всего, надо разобраться, какія мѣста ранены и насколько они болѣе мучительны по сравненію съ другими. Такихъ ранъ на трупѣ не находится. Двѣ раны на головѣ, нанесенныя по уклону черепа, очень мало мучительны. Я говорю, что мы вырѣзаемъ на головѣ по 16 опухолей заразъ у дамъ, очень нервныхъ и онѣ легко переносятъ эти раненія. Я говорю, что мнѣ приходилось трепанировать кости, высверливать, выбивать долотомъ, и молоткомъ цѣлые куски—и безъ хлороформа. Приходилось прокалывать твердую мозговую оболочку и она была мало чувствительна. Это вызывало нервныя явленія, судороги, рефлексъ; но рефлекторная дѣятельность и чувствительность—понятія совершенно различныя. Затѣмъ, надо еще принять во вниманіе чувство страха. Возьмите, напримѣръ, человѣка на войнѣ. Въ бою чувствительность какъ будто пропадаетъ и является угнетающій центръ, который уменьшаетъ рефлекторныя явленія.

Бываетъ, что человѣкъ, серьезно раненый, идетъ впередъ и не чувствуетъ довольно долго этихъ раненій. Значитъ, понятіе о чувствительности чрезвычайно условное. Вотъ, если мы начинаемъ рѣзать и больной знаетъ, что его начинаютъ рѣзать, то воображеніе способно рисовать большіе ужасы. Тутъ же былъ страхъ, сопротивленіе, возбужденіе, которые нужно разсматривать, какъ акты, уменьшающіе чувствительность. Далѣе, что касается уколовъ шеи, то анатомія учитъ, что это не есть наиболѣе мучительныя мѣста. Мы безъ хлороформа дѣлаемъ разрѣзы на шеѣ, вылущиваемъ опухоли. Въ области сердца, плевры, грудной мы безъ хлороформа дѣлаемъ по нѣскольку уколовъ и больные не жалуются. Стало быть, эти области мало чувствительны. Что касается раненій спины, то намъ извѣстны историческіе факты, когда вырѣзывали изъ спинной кожи ремни, благодаря тому, что это не такъ мучительно. Раненія печени также мало чувствительны. Мы дѣлаемъ проколы довольно толстой иглой и не причиняемъ мученій, а вѣдь это гораздо большая операція по сравненію съ тѣми ничтожными ранками, которыя мы видѣли на печени трупа Ющинскаго, причемъ онъ, можетъ быть, былъ приведенъ въ получувствительное состояніе или даже въ состояніе безсознанія, а что онъ дрыгалъ, то это могло быть явленіемъ рефлекторнымъ, а не сознательной дѣятельностью.

8. Сопровождалось ли причиненіе смерти Ющинскому обезкровленіемъ его тѣла?

Непосредственнаго, исключительнаго обезкровленія не могло быть. Во второмъ протоколѣ вскрытія мы видимъ, что вены были наполнены кровью, ткани блѣдно-розоваго цвѣта, мозгъ съ большимъ числомъ кровяныхъ точекъ, однимъ словомъ, ни одинъ органъ не былъ совершенно обезкровленъ. Значитъ, при первомъ вскрытіи кровь была въ еще большемъ количествѣ. О полномъ обезкровленіи на основаніи этихъ данныхъ говорить трудно. Было сильное внутреннее кровотеченіе, а наружное не особенно сильное.

Девятый вопросъ — не было ли обезкровленіе причиною смерти — оставленъ экспертомъ безъ отвѣта, вѣроятно, потому, что этотъ вопросъ падаетъ при отрицательномъ отвѣтѣ на вопросъ восьмой.

По этой же, надо полагать, причинѣ экспертъ призналъ невозможнымъ отвѣтъ по вопросу десятому — о болѣе удобномъ

способѣ собиранія крови, а на вопросъ одиннадцатый отвѣтилъ кратко, что множественность раненій не даетъ благопріятныхъ условій для собиранія крови.

12. Какое, приблизительно, количество крови вытекло изъ тѣла Ющинскаго и какое, приблизительно, количество крови оказалось на бѣльѣ и одеждѣ его?

Цифры, которыя приводятся моими сотоварищами—точныя или нѣтъ? Прямо скажу, что неточныя. Физіологія говоритъ, что отъ 1/10 до 1/13 части всего тѣла составляетъ кровь. Если мы возьмемъ индивидуальность человѣка, то это количество еще больше возрастаетъ. Затѣмъ, по вопросу о томъ, сколько нужно взять крови изъ общей массы, чтобы убить человѣка, мнѣнія очень расходятся. Одни говорятъ—половину; другіе больше, третьи—меньше. Можно ли отсюда узнать, сколько крови было у Ющинскаго? Нужно было бы взвѣсить трупъ, что въ судебной медицинѣ, къ сожалѣнію, очень мало практикуется. Тогда имѣлся бы хоть одинъ точный аргументъ. Что касается крови, которая излилась на одежду, на курточку и, больше всего, на рубашку, то пропитываніе рубашки кровью было сравнительно невелико.

13. Свидѣтельствуетъ ли характеръ поврежденій, число ихъ и расположеніе о томъ, что причиненіе мученій и обезкровленіе Ющинскаго входило въ планъ, намѣченный убійцами?

Это, строго говоря, бытовой вопросъ. Хирурги съ трудомъ могутъ его разрѣшить. Могло ли быть цѣлью убійства полученіе крови? Да какъ же убить безъ крови? Вѣдь и курицу когда рѣжутъ, кровь есть! И когда быка убиваютъ—тоже. Всегда будетъ кровь! Что касается мученій, то это обстоятельство очень гибкое, которое опредѣлить чрезвычайно трудно, такъ что отвѣчать, какой планъ былъ намѣченъ убійцами—положительно невозможно. Главное было убить, а мучить уколами—это совсѣмъ лишнее, вызванное, можетъ быть, тѣмъ, что послѣ нанесенія ранъ мальчикъ долго жилъ, дрыгалъ, и убійцамъ нужно было какъ-нибудь убить его для того, чтобы онъ умеръ. Здѣсь указывали, что поражены такія мѣста, гдѣ больше всего сосудовъ—напримѣръ, подъ мышками. Простите, но, къ сожалѣнію, я долженъ указать, что именно подъ мышкой — не убойное мѣсто. Что касается уколовъ въ сосуды по боковымъ стѣнкамъ живота, то эти уколы не только не убойные, но даже мало чув-

ствительные, а уколъ въ ягодицу прямо забавный! Входило ли въ планъ, намѣченный убійцами, въ характеръ поврежденій и въ число ихъ причиненіе мученіе? Планы у людей бываютъ разные. Планы одного мы называемъ эфемерными, планы другого разумными, но здѣсь не было никакого плана.

Далѣе начиналась область вопросовъ—съ 14-го и до конца—гдѣ на совѣщаніи экспертовъ было достигнуто единогласіе, а разнорѣчіе явилось уже плодомъ ночныхъ размышленій проф. Павлова, описанныхъ выше.

Сперва отвѣты его были очень краткіе и не расходились съ заключеніемъ, даннымъ проф. Косоротовымъ, но затѣмъ они становились все болѣе неопредѣленными и наконецъ, къ послѣднему вопросу, эта неопредѣленность перешла въ весьма существенное расхожденіе съ тѣмъ, что высказалъ проф. Косоротовъ.

О «познаніяхъ въ анатоміи», проявленныхъ убійцами, проф. Павловъ сказалъ, что таковыхъ познаній совершенно не проявлено. О связываніи рукъ—что оно было посмертнымъ. Убійство совершено не въ пещерѣ, гдѣ трупъ обнаруженъ, а въ иномъ мѣстѣ. Черезъ сколько именно времени онъ перенесенъ въ пещеру—отвѣтить трудно, но перенесенъ въ состояніи окоченѣнія, которое начинается часовъ черезъ 6 или $6^1/_2$ послѣ смерти и проходитъ отъ трехъ дней и долѣе. На вопросъ, былъ ли трупъ послѣ раненій обмытъ, опредѣленно отвѣтить нельзя, но «надо думать, что онъ все-таки кое-какъ можетъ быть былъ очищенъ». На вопросъ, какъ скоро засыхаетъ кровь на тканяхъ въ мѣстахъ, не защищенныхъ отъ дѣйствія воздуха — тоже нельзя дать опредѣленнаго отвѣта. Высыханіе зависитъ отъ различныхъ условій: влажности воздуха, покрыванія мало проницаемыми предметами и т. п.

Что касается времени, протекшаго послѣ принятія Андрюшею пищи до его смерти, то вопросъ это спорный, ибо «мы совершенно не знаемъ, какъ у Ющинскаго дѣйствовалъ желудокъ, какъ работало пищевареніе, сколько онъ принялъ пищи».

Наконецъ, послѣдній, 23-й вопросъ гласилъ:

Когда и при какихъ обстоятельствахъ могли получиться на курткѣ убитаго глиняныя помарки и кровяныя пятна, бывшія предметомъ химико-микроскопическаго изслѣдованія?

Лейбъ-хирургъ Павловъ объяснилъ: «глина, находящаяся въ пещерѣ, могла быть сырою. Туда проникали почвенныя воды,

вокругъ былъ снѣгъ, а глина до извѣстной степени проницаема. Я самъ лазилъ въ эту пещеру. Входъ въ нее покатый внутрь. Тамъ могли существовать такія условія, что тающій снѣгъ могъ туда попадать и поддерживать въ глинѣ сырое состояніе. Это дѣлу не даетъ ничего существеннаго, но тѣмъ не менѣе отвѣчать на вопросъ приходится въ такомъ духѣ. Изъ того заключенія, которое я далъ, выходитъ, что, если трупъ былъ перенесенъ въ пещеру не черезъ 12 часовъ, а можетъ быть позже — я не хочу сказать, въ какую минуту — то глина могла примѣшаться къ крови въ жидкомъ состояніи и дать смѣсь. Съ трупомъ безцеремонно манипулировали, его подымали, усаживали неизвѣстно гдѣ—въ самой ли пещерѣ, или послѣ, или раньше. Гдѣ и при какихъ обстоятельствахъ это было—неизвѣстно. Вопросъ связанъ съ высыханіемъ глины вообще и, въ частности, съ тѣмъ, долго ли не засыхала кровь. Вотъ, въ общихъ чертахъ, отвѣтъ на этотъ вопросъ».

Итакъ, со странной оговоркой, что «это не даетъ дѣлу ничего существеннаго» (зачѣмъ же вообще говорить о томъ, что не существенно), проф. Павловъ свелъ вопросъ къ тому, что мѣсто и время, когда образовались на одеждѣ Ющинскаго глиняныя помарки, пропитанныя кровью, совершенно не поддается опредѣленію. А разъ это такъ, то, очевидно, падаетъ и утвержденіе Косоротова, что убійство учинено тамъ, гдѣ была глина, и въ жиломъ помѣщеніи совершиться не могло—обстоятельство, про которое никоимъ образомъ нельзя сказать, что оно «не даетъ дѣлу ничего существеннаго».

Таковъ первый плодъ ночныхъ размышленій лейбъ-хирурга Павлова.

Другой плодъ выразился въ сомнѣніяхъ, вдругъ появившихся по вопросу о томъ, за сколько времени до смерти Ющинскій принималъ пищу. И на предварительномъ слѣдствіи, и въ совмѣстномъ совѣщаніи четырехъ экспертовъ-профессоровъ на судѣ былъ выработанъ отвѣтъ, вполнѣ опредѣленный, но вернулся профессоръ Павловъ съ совѣщанія домой, подумалъ, и оказалось, что отвѣта дать нельзя—неизвѣстно, какой желудокъ былъ у мальчика, много ли онъ съѣлъ, каково было пищевареніе. Научныя соображенія эти только теперь, уже послѣ совѣщанія, въ ночной тиши осѣнили профессора, и онъ измѣнилъ свое мнѣніе. А между тѣмъ изъ фактической части мы знаемъ, какое громадное и опасное для подсудимаго значеніе имѣло исчис-

леніе времени между убійствомъ Ющинскаго и принятіемъ имъ пищи.

Упомянемъ кстати, что и этотъ вопросъ, и вопросъ о смѣшиваніи глины съ кровью (подробно разсмотрѣнный по экспертизѣ проф. Косоротова еще въ фактической части—стр. 136), казалось бы, всецѣло относятся къ судебной медицинѣ и имѣютъ крайне отдаленное касательство до науки, именуемой хирургіею.

Разбирать заключеніе проф. Павлова въ другихъ частяхъ надлежитъ въ связи съ возраженіями, сдѣланными ему проф. Косоротовымъ, а потому переходимъ къ предшествовавшему этимъ возраженіямъ заключенію проф. Кадьяна.

Профессоръ Кадьянъ заявилъ, что остановится въ своемъ заключеніи только на тѣхъ вопросахъ, по которымъ у него имѣется разномысліе съ проф. Косоротовымъ и Туфановымъ.

Такихъ разномыслій оказалось четыре.

О потерѣ сознанія.

Отсутствіе сознанія—далъ заключеніе проф. Кадьянъ — бываетъ разное, продолжаясь иногда нѣсколько минутъ, иногда часы, иногда сутки и больше. Если при этомъ мы вскроемъ мозгъ, то окажется, что въ мозгу никакихъ особыхъ поврежденій и измѣненій нѣтъ. Вотъ это состояніе, когда ударъ нанесенъ, но не сопровождается измѣненіемъ тканей, называется сотрясеніемъ мозга. Потеря сознанія и сотрясеніе мозга бываютъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда ударъ болѣе или менѣе сильный и тяжелый. Думаю, что тотъ ударъ, который былъ нанесенъ Ющинскому въ лѣвую часть головы, настолько тяжелъ, что долженъ былъ безусловно сопровождаться потерей сознанія. Основываясь на этомъ, я прихожу къ убѣжденію, что безсознательное состояніе наступило очень скоро, если не при первомъ раненіи (утверждать, что именно описанное мною раненіе было первымъ—я не могу), то при одномъ изъ первыхъ.

Сопровождалось ли причиненіе смерти Ющинскому мучительными страданіями?

Какъ понимать это? Какъ можно причинить смерть, не причиняя мученій? Я думаю, что вопросъ имѣетъ другой смыслъ: не причинялись ли иныя, особыя мученія, не относящіяся къ лишенію жизни? Въ такомъ случаѣ, я не согласенъ съ проф. Косоротовымъ. Я думаю, что спеціальныя, особо мучительныя поврежденія здѣсь не наносились. Чтобы причинять боль, надо причинять поврежденія наружныхъ покрововъ, и проф. Косоро-

товъ въ первой своей экспертизѣ прямо на это указываетъ: всякія давленія, прижиманія, щипки, вырываніе ногтей, волосъ, бороды,—ужасно мучительны. Когда я разбираюсь въ поврежденіяхъ, нанесенныхъ Ющинскому, я не нахожу ни одного такого, которое бы подходило подъ мое понятіе особо мучительныхъ. Мучительность ихъ зависѣла только отъ ихъ множества. Она ослаблялась также тѣмъ, что мальчикъ былъ безъ сознанія. Указаніе, что мученіе, причиняемое человѣку, находящемуся безъ сознанія, приводитъ его въ чувство — невѣрно. Наконецъ, при отсутствіи крови, при состояніи малокровія, въ которомъ находился мальчикъ, безсознательность и нечувствительность увеличиваются.

Обезкровленіе и собираніе крови.

Въ животѣ, около кишекъ, вены брыжжейки переполнены жидкой кровью даже на второмъ вскрытіи. Когда вскрывали мозгъ, то сосуды оболочки мозга были переполнены кровью. Сѣрое вещество мозга было красноватаго цвѣта, а при разрѣзѣ бѣлаго вещества выступали капли крови. При такихъ явленіяхъ я не могу говорить о полномъ обезкровленіи. При перечисленіи печени, селезенки и т. п. читаю въ актахъ вскрытія, въ описаніи цвѣта: «желтоватый», «красноватый», «буровато-красный» — однимъ словомъ, красноватый оттѣнокъ вездѣ существуетъ. Значитъ, эти органы не вполнѣ обезкровлены. Мнѣ укажутъ, что не было трупныхъ пятенъ. Трупныя пятна образуются на тѣхъ мѣстахъ трупа, на которыхъ онъ лежитъ, здѣсь же трупъ не лежалъ, а стоялъ, значитъ и этого-явленія не могло быть. Въ протоколѣ вскрытія указаны небольшія трупныя пятна. Ихъ присутствіе говоритъ за то, что полнаго обезкровленія признать нельзя.

Для собиранія крови раненія головы, при вертикальномъ положеніи жертвы, крайне неудобны: кровь течетъ по волосамъ, волоса мѣшаютъ. Было кровотеченіе изъ лѣваго виска. Надо сказать, что изъ всѣхъ неудобныхъ ранъ эта — самая удобная, тѣмъ болѣе, что на лѣвомъ вискѣ была поранена, повидимому, случайно — одна изъ вѣточекъ височной артеріи. Большинство кровотеченій, однако, венозныхъ.

Всѣ раненія, которыя мы находимъ на туловищѣ, на груди, спинѣ, въ сердцѣ, легкихъ, печени, почкѣ — всѣ они тяжелыя, отъ ударовъ, нанесенныхъ съ большой силой, однако я увѣренъ, что они нанесены въ то время, когда Ющинскій умиралъ, былъ

на границѣ смерти, когда сердце его билось очень слабо, сердечная дѣятельность низведена до минимума. Возьмемъ, напримѣръ, печень. Это, на мой взглядъ, во всемъ организмѣ самый кровоточивый органъ. Мы всего болѣе боимся раненій печени, потому что раны очень кровоточивы. Кровь въ такихъ случаяхъ течетъ и не останавливается. Чтобы остановить ее, всегда приходится прибѣгать къ помощи хирургіи. Здѣсь же мы имѣемъ въ печени нѣсколько раненій, и если даже печень не кровоточила, значитъ сердце не работало. Тоже и съ плеврой, и съ почкой, и съ сердцемъ. Всѣ эти тяжелыя раненія относятся къ тому періоду между жизнью и смертью, который мы, врачи, называемъ агоніей.

Свидѣтельствуетъ ли характеръ поврежденій, число ихъ и расположеніе о томъ, что причиненіе мученій и обезкровленіе Ющинскаго входило въ планъ, намѣченный убійцами?

Говорить объ этомъ очень трудно. Я не могу сказать, какіе планы были у убійцъ.

Предсѣдатель. Этотъ вопросъ поставленъ по настоянію защиты.

Кадьянъ. Желанія преступниковъ спеціально причинить мученія—я не вижу, обезкровленія — тоже не вижу. Чтобы получить кровотеченіе на рукѣ — надо сдѣлать раненіе и опустить руку внизъ—кровь будетъ течь. Точно также если сдѣлать разрѣзъ на ногѣ, на венѣ—кровь будетъ течь. Но наносить раны на головѣ, на макушкѣ для того, чтобы получить кровь — это для меня nonsens. Какая была цѣль наносить многочисленные удары въ правый високъ? Не знаю...

На вопросы, предложенные затѣмъ Грузенбергомъ, проф. Кадьянъ пояснилъ, что, по его мнѣнію, непригодность колотыхъ ранъ для обезкровленія обусловлена трудностью проколоть кровеносный сосудъ колющимъ орудіемъ: нужна рука въ высшей степени опытная, чтобы не промахнуться, ибо сосуды выскакиваютъ изъ-подъ такого колющаго орудія и остаются непроколотыми.

Тогда прокуроръ спросилъ проф. Кадьяна, принималъ ли онъ во вниманіе при обсужденіи этого вопроса то соображеніе, что, быть можетъ, убійцамъ нужна была кровь, вытекшая именно изъ колотыхъ ранъ, а не изъ рѣзаныхъ.

Экспертъ отвѣтилъ, что таковое обстоятельство его обсужденію не подвергалось.

Далѣе, прокуроръ спросилъ, не останавливалъ ли проф. Кадьянъ своего вниманія на томъ, почему преступники, разъ они никакими особыми, исключительными цѣлями не руководствовались, выбрали для убійства такое странное орудіе, какъ швайка, а не прибѣгли просто къ топору, ножу, полѣну и т. п.

Проф. Кадьянъ отвѣтилъ, что объясняетъ это случайностью: швайка попалась подъ руку и убійцы ее использовали.

IV.

Возраженія профессора Косоротова.

Послѣ экспертизы проф. Павлова и Кадьяна слово вновь было предоставлено проф. Косоротову, который далъ слѣдующее дополнительное заключеніе:

«Мнѣ придется остановиться на главныхъ вопросахъ нашихъ разнорѣчій. Прежде всего, коллега Павловъ отмѣтилъ, что у насъ разныя спеціальности, что онъ—хирургъ, а мы судебные врачи, при чемъ сказалъ, что онъ имѣетъ дѣло съ живыми людьми, а судебные врачи, главнымъ образомъ, занимаются вскрытіемъ труповъ. Совершенно вѣрно, что, главнымъ образомъ, мы, судебные врачи, имѣемъ дѣло съ трупами, но, кромѣ того, намъ, судебнымъ врачамъ, приходится очень много свидѣтельствовать поврежденій, такихъ поврежденій, о которыхъ хирурги представленія могутъ не имѣть, такъ какъ люди съ этими поврежденіями не попадаютъ въ тѣ клиники, гдѣ работаетъ коллега Павловъ. Такимъ образомъ, коллега Павловъ не имѣетъ никакого понятія о характерѣ дѣятельности судебныхъ врачей. Если спросить любого городового или уѣзднаго врача, сколько онъ вскрываетъ въ годъ труповъ, то онъ отвѣтитъ: 20—30, а если спросить, сколько онъ свидѣтельствуетъ поврежденій, то окажется 200—300. Въ настоящее время я состою членомъ Медицинскаго Совѣта, какъ извѣстно—высшаго медицинскаго учрежденія, куда поступаютъ дѣла со всей Имперіи; намъ приходится констатировать, что вопросовъ о причинахъ смерти обсуждается въ нѣсколько разъ меньше, чѣмъ объ освидѣтельствованіи. Такъ что утвержденіе, будто бы мы, судебные врачи, мало занимаемся

съ живыми людьми, совершенно невѣрное, совершенно несправедливое. Наоборотъ, въ нашей практикѣ приходится даже часто рѣшать психологическіе вопросы.

Что касается вопросовъ по существу, то по первому вопросу, именно о прижизненности или посмертности поврежденій, проф. Павловъ сказалъ: «установить моментъ смерти вообще невозможно, невозможно точно установить—умеръ ли человѣкъ или еще живъ». Это указываетъ, что проф. Павловъ дѣйствительно обладаетъ очень слабыми познаніями въ судебной медицинѣ. Тамъ точно установленъ моментъ смерти, и каждый судебный врачъ знаетъ, когда этотъ моментъ наступаетъ. Возьму такой примѣръ: врачъ читаетъ докторскую диссертацію, въ которой, между прочимъ, говоритъ: смерть наступила въ 3 часа 22 минуты и 42 сек. Значитъ, есть такой моментъ, наукой установленный, который надо считать моментомъ смерти. Способы констатированія моментовъ смерти очень разнообразны, и меня удивляетъ то обстоятельство, что именно проф. Павловъ сослался, какъ на примѣръ, на то, что его призвали для того, чтобы онъ иголкой, воткнутой въ сердце, опредѣлилъ, живъ человѣкъ или нѣтъ. Неужели онъ не понимаетъ, для чего его призываютъ. Именно для того, чтобы сказать, живъ человѣкъ или умеръ: если воткнутая въ сердце игла обнаруживаетъ колебанія, то, значитъ, человѣкъ живъ, такъ какъ моментъ смерти устанавливается остановкою дѣятельности сердца. Это первое наше разногласіе.

Затѣмъ я, проф. Кадьянъ и прозекторъ Туфановъ высказали совершенно опредѣленный взглядъ относительно прижизненности и посмертности. Что касается прижизненности и посмертности поврежденій, то я долженъ вамъ сказать, что вотъ въ учебникѣ судебной медицины есть статья, которая озаглавлена: «Различіе поврежденій прижизненныхъ отъ посмертныхъ»—это есть вопросъ исключительно судебной медицины, и ни коллега Павловъ и никто другой изъ хирурговъ не можетъ указать никакой хирургической книги, въ которой были бы указаны эти различія поврежденій,—это чисто трупное дѣло, которымъ хирурги не занимаются. Поэтому возраженіе его относительно того, что нельзя сказать о прижизненности или посмертности поврежденій, совершенно неосновательное.

Коллега Павловъ сказалъ, что поврежденія головы съ кровотеченіемъ не смертельны; этого никто и не утверждалъ: какъ

извѣстно суду, я отъ имени трехъ товарищей сказалъ, что мы считаемъ безусловно смертельными поврежденія сердца. Коллега Павловъ съ этимъ не согласился. Но здѣсь является совершенно ясное обстоятельство, ему совершенно неизвѣстное. Если бы онъ посмотрѣлъ уставъ судебной медицины, ст. 1443, то въ примѣчаніи къ этой статьѣ говорится, что, хотя хирургія научилась излѣчивать многія такія поврежденія сердца, которыя почитались неизлѣчимыми, однако это не даетъ права отрицать, что эти поврежденія смертельны, какъ напр. поврежденія сосудовъ. Если бы проф. Павловъ познакомился съ врачебнымъ уставомъ, то онъ долженъ былъ бы сказать, что данный случай поврежденій есть смертельный въ юридическомъ смыслѣ. Мнѣ кажется, причиной того, что мы разошлись, служитъ недостаточность познаній въ судебной медицинѣ.

Слѣдующій вопросъ, относительно котораго мы, судебные врачи, разошлись съ хирургами, это вопросъ о томъ, было ли потеряно сознаніе. По мнѣнію моему и коллеги Туфанова потеря сознанія наступаетъ въ зависимости отъ попытокъ задушенія и я сказалъ,—это записано въ стенограммѣ,—что были закрыты ротъ и носъ. Почему коллега Павловъ началъ распространяться, что закрытіе одного рта не ведетъ къ задушенію, я не понимаю. Всякій знаетъ, что задушеніе можетъ быть тогда, когда закрыты всѣ дыхательныя отверстія. Такъ вотъ мы и говоримъ: не поврежденія были причиной потери сознанія, а именно закрытіе дыхательныхъ отверстій носа и рта. Первыя двѣ минуты послѣ насильственныхъ дѣйствій несчастный мальчикъ находился въ сознаніи, и всѣ тѣ поврежденія, которыя наносились въ это время, наносились въ сознательномъ состояніи. Хирурги полагаютъ, что потеря сознанія произошла отъ ударовъ, нанесенныхъ въ голову, что, будто бы, эти удары вызвали сотрясеніе мозга. Коллега Кадьянъ очевидно не разслышалъ того, что я сказалъ, что эти поврежденія свидѣтельствуютъ о слабыхъ ударахъ (указываетъ поврежденія на черепной крышкѣ) за исключеніемъ одного поврежденія, самаго глубокаго, которое проникло въ сѣрое вещество мозга, но которое, судя по малому кровоизліянію, было нанесено однимъ изъ послѣднихъ: это одинъ изъ тѣхъ жестокихъ ударовъ, которые наносились подъ конецъ въ голову, спину, животъ, въ грудь.

Далѣе, относительно признаковъ смерти отъ кровотеченія хирурги какъ бы опасаются слова обезкровленіе. Обезкровле-

ніе въ настоящемъ случаѣ понимается, какъ потеря такого количества крови, безъ котораго жить нельзя. Я совершенно несогласенъ съ коллегой Павловымъ, будто бы такая потеря крови—понятіе довольно растяжимое, будто бы большая разница получается между одной десятой и одной тринадцатой; разница тутъ небольшая. Когда мы говорили о потерѣ крови, то принимали минимальное содержаніе крови въ организмѣ, брали тринадцатую часть потому, что у дѣтей содержится нѣсколько меньше крови, чѣмъ у взрослыхъ, такъ что мы исчисляли совершенно правильно. Равнымъ образомъ, вопросъ о томъ, сколько вѣсилъ трупъ, можно опредѣлить по имѣющимся въ судебной медицинѣ таблицамъ, въ которыхъ прямо указано, что мальчикъ столькихъ-то лѣтъ въ среднемъ вѣситъ столько-то, такъ что и въ этомъ отношеніи исчисленіе наше является научно обоснованнымъ и достаточно точнымъ. Теперь о количествѣ потерянной крови. Мы указываемъ, что не было трупныхъ пятенъ. Для насъ, судебныхъ врачей, занимающихся трупнымъ дѣломъ—я скажу о себѣ, что я уже на четвертой тысячѣ труповъ произвожу изслѣдованіе, и, слѣдовательно, я достаточно опытенъ,—что значитъ отсутствіе трупныхъ пятенъ? Оно свидѣтельствуетъ объ очень большой потерѣ крови. Проф. Кадьянъ говорилъ, что докторъ Карпинскій, когда вскрывалъ трупъ, смотрѣлъ, нѣтъ ли трупныхъ пятенъ на спинѣ. Такое предположеніе неосновательно, чтобы врачъ, имѣющій судебную практику въ такомъ большомъ городѣ, какъ Кіевъ, не зналъ, гдѣ нужно искать трупныя пятна у человѣка, найденнаго въ сидячемъ положеніи. Очень часты случаи самоповѣшенія, и у повѣшеннаго никто не станетъ искать трупныхъ пятенъ на спинѣ, а ищетъ ихъ на нижнихъ конечностяхъ. Это такая азбука, что я удивляюсь, какъ можно предполагать, что судебный врачъ, и особенно проф. Оболонскій, искалъ трупныя пятна на спинѣ. Если бы ихъ не видѣлъ Карпинскій, то увидѣлъ бы проф. Оболонскій; несомнѣнно, ихъ просто не было, а если не было, то, значитъ, человѣкъ потерялъ очень большое количество крови. Что касается блѣдности внутреннихъ органовъ, то это тоже дѣло условное. Напримѣръ, Гофманъ говоритъ, что надо обращать особое вниманіе на состояніе почекъ, а почки въ настоящемъ случаѣ были чрезвычайно малокровны. Проф. Кадьянъ указываетъ, что когда рѣзали мозгъ, то выступали кровяныя точки и полоски въ значительномъ количествѣ. Это открылъ

кто? Проф. Оболонскій. Такъ неужели онъ не сообразилъ, какъ это мозгъ въ такомъ состояніи; неужели онъ, человѣкъ извѣстный въ своей медицинской практикѣ, большой авторитетъ у судебныхъ врачей въ Россіи, сказалъ зря, что мальчикъ потерялъ двѣ трети крови? Возьмите мой студенческій учебникъ, который теперь печатается, и тамъ вы найдете указанія, что при потеряхъ крови на головномъ мозгѣ иногда совсѣмъ не обнаруживается рѣзко-выраженнаго малокровія. И это разнорѣчіе у насъ происходило оттого, что хирурги недостаточно осв'домлены въ трупномъ дѣлѣ. Такъ что всѣ разсужденія хирурговъ меня, какъ судебнаго врача, удивляютъ. Меня удивляетъ, что хирурги не имѣютъ нѣкоторыхъ познаній въ судебной медицинѣ, но еще больше меня удивляетъ, что они довольно смѣло разсуждаютъ въ той области, которая ихъ совершенно не касается. Остается еще одинъ пунктъ—относительно содержанія крови въ сердцѣ. Въ сердцѣ крови не было. Нужно имѣть въ виду, что существуютъ правила, изданныя Медицинскимъ Совѣтомъ для вскрытій и порядка описанія вскрытій. Въ этихъ правилахъ сказано, что, когда сердце осмотрѣно, оно вынимается — какъ совершенно справедливо сказалъ мой коллега, и кровь выливается въ околосердечную сумку: она вся на виду, ее можно вычерпать и измѣрить. Что же мы имѣемъ въ настоящемъ случаѣ? Я сказалъ, что сердце повреждено въ указанныхъ мною мѣстахъ, что при первомъ вскрытіи оно было вырѣзано, а послѣ вскрыто и отмѣчено, что «въ сердечной сумкѣ оказалось двѣ чайныхъ ложки крови», а сколько осталось—можно видѣть и сейчасъ. Несомнѣнно, сердце было обезкровленное, т. е. содержало немного крови. На основаніи отсутствія трупныхъ пятенъ, блѣдности внутреннихъ органовъ,—при чемъ мозгъ не идетъ въ счетъ,—на основаніи того, что сердце оказалось обезкровленнымъ, я утверждаю, какъ утверждали проф. Оболонскій и Туфановъ и какъ скажутъ всѣ люди, опытные въ трупномъ дѣлѣ, что, несомнѣнно, здѣсь была большая потеря крови: половина, а можетъ быть и больше. Откуда происходило кровотеченіе? Изъ тѣхъ поврежденій, которыя здѣсь были описаны. Хирурги правильно утверждаютъ, что поврежденіе маленькой артеріальной вѣточки лѣваго виска не могло дать смертельнаго кровотеченія, равно какъ и другія раненія головы. Изъ нихъ рана на макушкѣ дала кровотеченіе порядочное, но все же не обильное, не такое, чтобы

имъ объяснить смерть отъ истеченія крови. Значитъ, смерть зависѣла отъ чего-то другого. Я прямо говорю, что смертельное кровотеченіе произошло отъ ранъ въ шею. Въ то же время я утверждаю, на основаніи множества наблюденій случаевъ, которые совершенно аналогичны настоящему случаю, что тотъ затекъ, то количество крови, которое влилось отъ этихъ ранъ въ глотку и въ мягкія части, оно не могло быть такимъ большимъ, чтобы объяснить намъ смерть отъ потерянной крови. Проф. Кадьянъ сказалъ, что на шеѣ много большихъ сосудовъ, много кровеносныхъ сосудовъ, но что очень трудно колющимъ орудіемъ повредить ихъ. Трудность не есть невозможность, а можно сказать, что это достижимо съ примѣненіемъ нѣкотораго труда. Нельзя сказать, чтобы убійцы мало потрудились надъ бѣднымъ мальчикомъ. Несомнѣнно, тутъ труда было положено достаточно. Изъ всѣхъ шейныхъ ранъ четыре шли какъ разъ въ той области, гдѣ могутъ встрѣтиться эти сосуды, а такъ какъ орудіе, которымъ наносились поврежденія, было не просто колющимъ орудіемъ, а долотообразно заточеннымъ, то, несомнѣнно, оно производило гораздо большія раненія. Хирурги говорятъ, что колющимъ орудіемъ трудно поранить артерію, а сами признаютъ, что на вискѣ была поранена артеріальная вѣтка. Они обращаютъ вниманіе на поврежденія, которыя шли внутрь, не допуская, что кровотеченіе могло быть наружнымъ. Я имѣю въ виду, что неизвѣстно, откуда текла кровь, но допускаю, что одни раненія сопровождались кровотеченіемъ внутреннимъ, а другія—наружнымъ, при задушеніи же кровотеченіе очень увеличивается.

Относительно вопроса, имѣлся ли у убійцъ какой либо планъ дѣйствій, хирурги говорили, что никакого плана нѣтъ, а все безпорядочно. Я, однако, обращаю вниманіе, что здѣсь имѣется группировка поврежденій: они расположены группами вблизи кровеносныхъ сосудовъ, на шеѣ, на груди, около сердца, на спинѣ и на вискѣ. Вы видите, что изъ височныхъ ранъ одна сопровождалась довольно сильнымъ кровотеченіемъ; въ сердце нанесено восемь ударовъ, изъ которыхъ четыре попали прямо въ сердце и одинъ изъ нихъ безусловно смертельный. Такъ что говорить, что совсѣмъ не было никакого плана, нельзя. Я этого не допускаю. Теперь выяснилось еще одно обстоятельство относительно плана и образа дѣйствій предполагаемыхъ убійцъ: у насъ есть поврежденія, которыя носятъ строго опредѣленный

характеръ и совершенно не похожи одно на другое, именно, одни нанесены при полной дѣятельности сердца и дали большое кровотеченіе, а затѣмъ другія поврежденія, главнымъ образомъ въ сердце, вслѣдствіе сильно ослабленной сердечной дѣятельности, кровотеченія почти не дали. Первыя поврежденія, мы сказали, нанесены въ первые моменты преступленія, вторыя— въ самомъ концѣ жизни, слѣдовательно убійцы сразу начали колоть, произвели кровотеченіе, а потомъ что же? Дальше, до самаго начала агоніи нѣтъ никакихъ ранъ. Промежутокъ... Убійцы отдыхали.... Чѣмъ они занимались въ это время? Кровь течетъ, раны нанесены, новыхъ ранъ нѣтъ, чѣмъ же они занимались?! Совершенно неизвѣстно. Наблюдали, какъ изъ ранъ текла кровь? Можетъ быть, это доставляло имъ удовольствіе. Я не знаю, что именно они дѣлали, но только несомнѣнно, что тутъ оказываются двѣ группы поврежденій, раздѣленныя большимъ промежуткомъ бездѣйствія. Я не думаю, чтобы это было безцѣльнымъ, лишеннымъ соображенія и планомѣрности. Вѣроятно, это было нужно для какихъ нибудь цѣлей.... Послѣднія раны агонійныя, предсмертныя. Эти поврежденія носятъ характеръ многочисленныхъ ударовъ, направленныхъ на то, чтобы быть увѣреннымъ, что мальчикъ убитъ. Это, по выраженію проф. Павлова, убойные удары, одинъ въ голову, нѣсколько въ сердце, въ грудь, въ животъ и т. д.».

Закончилъ проф. Косоротовъ соображеніями о смѣшиваніи глины съ кровью, подробно приведенными выше на стр. 136.

Въ разнорѣчіяхъ, возникшихъ между проф. Косоротовымъ и Туфановымъ съ одной стороны, Павловымъ и Кадьяномъ съ другой, краеугольнымъ надлежитъ все же признать вопросъ объ обезкровленіи. Тѣмъ или инымъ разрѣшеніемъ этого вопроса почти предрѣшалось въ сущности главное: было или нѣтъ убійство Ющинскаго ритуальнымъ.

И вотъ, у экспертовъ, вызванныхъ по ходатайству защиты, оказался здѣсь доводъ, на первый взглядъ очень сильный: колющее орудіе, колотыя раны—это способъ, для обезкровленія совершенно непригодный. Нужно рѣзать, а не колоть. Такъ трудно попасть въ кровеносный сосудъ колющимъ инструментомъ и такъ легко, такъ просто, такъ общеизвѣстно разрѣзать вену на рукѣ или на ногѣ и выпустить изъ нея всю кровь. Но

сила этого довода только кажущаяся именно потому, что обезкровленіе въ данномъ случаѣ тѣсно и неразрывно связано съ вопросомъ о ритуалѣ. Съ медицинской, хирургической точки зрѣнія выбрать для обезкровленія вмѣсто рѣжущаго орудія колющее—нелѣпость, но вѣдь всякій изувѣрный обрядъ имѣетъ свои предписанія и свои запреты, мало интересующіеся тѣмъ, насколько считаетъ ихъ цѣлесообразными медицина. И вотъ въ дальнѣйшемъ, въ изслѣдованіи ритуала, мы найдемъ указанія, лежащія внѣ спора, что еврейская религія проводитъ существенное различіе между кровью, добытою отъ разрѣзыванія, и кровью, полученною отъ прокалыванія, при чемъ ученый, вызванный въ качествѣ эксперта по ходатайству защиты—проф. Троицкій—удостовѣрилъ, что кровь, добытую отъ прокалыванія, еврей можетъ оставлять не покрытою, а кровь, полученную отъ разрѣзыванія, обязанъ покрывать—требованіе неосуществимое, если трупъ выбрасывается «какъ падаль».

При такихъ условіяхъ, подробное изложеніе которыхъ еще впереди, медицинскія соображенія, что разрѣзываніемъ кровь добыть удобнѣе, чѣмъ прокалываніемъ, теряетъ въ настоящемъ дѣлѣ всякое значеніе, и, наоборотъ, серьезное вниманіе привлекаетъ обстоятельство, отмѣченное проф. Косоротовымъ, что колющій инструментъ, пущенный въ ходъ убійцами, былъ, собственно, колюще-рѣжущимъ: онъ, оставаясь по виду колющимъ, былъ, путемъ затачиванія, приспособленъ къ болѣе удобному пораженію кровеносныхъ сосудовъ, обладая нѣкоторымъ рѣжущимъ протяженіемъ.

Что касается остальной аргументаціи экспертовъ, вызванныхъ по ходатайству защиты, то она поражаетъ отрицательнымъ характеромъ своихъ выводовъ. «Матеріалъ, намъ данный, неполный, недостаточный, вопросъ сложный, трудный, это не выяснено, то неустановлено, а потому ничего опредѣленнаго сказать нельзя»—вотъ схема, по которой построено, напримѣръ, большинство отвѣтовъ проф. Павлова.

Разумѣется, такимъ пріемомъ можно свести на нѣтъ все, что угодно, а тѣмъ болѣе въ вопросахъ медицинскихъ, ибо самый простой и ясный вопросъ не такъ хитро представить труднымъ, сложнымъ и сказать, что для его разрѣшенія нужны бы еще различные дополнительные матеріалы, которыхъ въ данный моментъ достать, къ сожалѣнію, нельзя. Сколь часто сей испытанный способъ пускался въ ходъ въ дѣлахъ самыхъ разно-

образныхъ, иногда даже еще болѣе серьезныхъ, чѣмъ дѣла судебныя.

Однако, ничѣмъ не слѣдуетъ пользоваться превыше мѣры, и когда лейбъ-хирургъ Павловъ началъ сомнѣваться, за отсутствіемъ достаточныхъ данныхъ, были ли раненія, причиненныя несчастному мальчику, для него мучительны, а удары въ сердце смертельны, то позволительно думать, не было ли это черезчуръ.

Какъ только отъ сего сугубаго отрицанія надлежало переходить къ чему-либо положительному, такъ получалось пустое мѣсто. Сомнѣваться въ томъ, 12 или 13, или 14 уколовъ на правомъ вискѣ было очень легко, но наступила очередь объяснить, для чего же понадобилось, разъ убійство было заурядное, обыкновенное, наносить эти уколы, ненужные ни для мучительства, ни для лишенія жизни—и экспертъ заявилъ, что онъ не знаетъ...

Такъ просто было указать, что швайка—инструментъ для обезкровленія мало пригодный, но тогда спросили, а почему же, всетаки, въ этомъ заурядномъ, обыкновенномъ убійствѣ преступники не хватили мальчика головой объ стѣну, не прикончили его сразу топоромъ, ножомъ, полѣномъ, а въ теченіе 15 минутъ нанесли ему 47 уколовъ такимъ страннымъ орудіемъ, какъ швайка. Экспертъ могъ лишь отвѣтить, что, вѣроятно, швайка случайно попала убійцамъ подъ руку.

Въ первой части настоящей книги былъ разсмотрѣнъ рядъ разнообразнѣйшихъ попытокъ путемъ фактическаго матеріала доказать, что убійство Ющинскаго есть «обыкновенное преступленіе обыкновенныхъ преступниковъ». Такую же попытку попробовалъ повторить лейбъ-хирургъ Павловъ, но уже съ матеріаломъ медицинскимъ. Результаты были врядъ ли удачные. Теорія профессора, что изъ 47 ранъ, нанесенныхъ Ющинскому, нѣтъ ни одной смертельной, много не мучительныхъ, есть нечувствительныя и одна даже забавная—успѣха не имѣла, а разсужденія о томъ, какъ несчастный мальчикъ «дрыгалъ», сравненіе чувствъ мучительно убиваемой жертвы съ чувствами солдата на войнѣ, сопоставленіе, въ отношеніи болѣзненности, ужасныхъ ударовъ, убійцами нанесенныхъ, съ оперативнымъ удаленіемъ опухолей, которыя онъ, Павловъ, даже у нервныхъ дамъ вырѣзываетъ безъ хлороформа—все это произвело удру-

чающее впечатлѣніе. Тогда Грузенбергъ принялъ свои мѣры и на слѣдующій день учинилъ Павлову такой допросъ:

Грузенбергъ. Скажите, профессоръ, ваше званіе—лейбъ-хирургъ?

Павловъ. Да.

Грузенбергъ. Я хотѣлъ бы васъ спросить, что это за званіе.

Павловъ. Это званіе есть Высочайшая милость, даваемая извѣстнымъ лицамъ и, надо полагать, не просто такъ, а за какія-нибудь заслуги.

Грузенбергъ. Лейбъ-хирургъ... Это, значитъ, высокое званіе.

Павловъ. Лейбъ-хирургъ Двора Его Императорскаго Величества—таковъ мой титулъ.

Больше десяти лѣтъ до дѣла Бейлиса въ Вильнѣ разсматривалось дѣло іудея цирульника Блондеса, обвинявшагося въ покушеніи на убійство христіанской дѣвушки Винцентины Грудзинской, тоже съ ритуальною цѣлью собиранія крови изъ шейныхъ ранъ. Защищалъ Блондеса Грузенбергъ, а экспертомъ, вызваннымъ по ходатайству защиты, былъ лейбъ-хирургъ Павловъ. И вотъ, оказывается, тогда, на томъ дѣлѣ, свыше десяти лѣтъ тому назадъ, между тѣми же лицами происходилъ діалогъ, схожій, почти дословно, съ только что приведеннымъ. Такъ же недоумѣнно вопрошалъ Грузенбергъ о томъ, что значитъ «лейбъ-хирургъ», и такъ же почтительно затѣмъ изумлялся, сколь высокое это званіе.

Еще со среднихъ вѣковъ іудеи, въ отрицаніе ритуальныхъ убійствъ, ссылаются не то что на лейбъ-хирурговъ, а на авторитеты папъ и королей, однако судебныя дѣла о ритуальныхъ убійствахъ идутъ въ разныя времена и въ разныхъ странахъ своимъ чередомъ.

V.

Заключеніе проф. Бехтерева и Карпинскаго.

На разрѣшеніе психіатро-психологической экспертизы было поставлено восемь вопросовъ, причемъ только по двумъ изъ нихъ эксперты пришли къ единогласному заключенію, а по остальнымъ шести обнаружилось полное разнорѣчіе: какъ и слѣдовало ожидать, съ одной стороны оказалось мнѣніе проф. Сикорскаго,

а съ другой—мнѣніе двухъ экспертовъ, вызванныхъ по ходатайству защиты—проф. Бехтерева и Карпинскаго.

Послѣднее мнѣніе было изложено проф. Бехтеревымъ, заявившимъ, что проф. Карпинскій съ нимъ согласенъ.

Началъ проф. Бехтеревъ съ тѣхъ двухъ вопросовъ, по которымъ всѣ три эксперта пришли къ единогласному заключенію:

Не могло ли быть совершено убійство душевнобольнымъ?

По обстоятельствамъ дѣла не усматривается никакихъ данныхъ это думать.

Допустимо ли, что убійство Ющинскаго было совершено на почвѣ полового извращенія?

Совокупность всѣхъ данныхъ, въ томъ числѣ сообщничество не менѣе двухъ-трехъ лицъ—достаточны, чтобы это предположеніе исключить.

Далѣе слѣдуютъ вопросы, по которымъ согласія между проф. Сикорскимъ съ одной стороны и проф. Бехтеревымъ и Карпинскимъ съ другой—не послѣдовало.

Не заключаютъ ли данныя вскрытія трупа Ющинскаго и судебно-медицинской экспертизы какихъ-либо обстоятельствъ, указывающихъ на цѣли и намѣренія, которыми руководились убійцы Ющинскаго?

Проф. Бехтеревъ началъ съ обширнаго, весьма длительнаго обзора уже приведенныхъ выше данныхъ о ранахъ, преимущественно головныхъ, нанесенныхъ Ющинскому, послѣ чего перешелъ къ вопросу, не было ли у убійцъ цѣли мучительства?

Склоняясь къ мнѣнію, что Ющинскій скоро впалъ въ безсознательное состояніе и находя, что «объективное доказательство такого его состоянія есть непротивленіе и отсутствіе борьбы», проф. Бехтеревъ продолжалъ: можетъ явиться предположеніе, что убійцы не распознали наступленія безсознательнаго состоянія и продолжали бить и тыкать жертву съ цѣлью мучительства, однако, противъ такого предположенія говоритъ то обстоятельство, что отсутствіе обороны со стороны Ющинскаго не могло не быть замѣчено по своей очевидности. Когда человѣкъ не обороняется—это очевидно для всякаго. Сказать, что тѣмъ не менѣе этого человѣка, почти бездыханнаго—конечно, я выражаюсь условно—можно еще мучить, это съ нашей психолого-медицинской точки зрѣнія представляется фактомъ, говорящимъ противъ мучительства. Затѣмъ, цѣлямъ мучительства

противорѣчитъ нанесеніе первыхъ раненій въ голову и шею. Эти тяжелыя раненія дѣйствуютъ ошеломляюще, а потому, сами по себѣ, по своему характеру не соотвѣтствуютъ цѣли мучительства. Далѣе, нѣтъ раненій, нанесенныхъ въ особо чувствительныя мѣста, нѣтъ особо мучительныхъ пріемовъ вродѣ щипковъ, вырыванія волосъ. Такимъ образомъ, мы приходимъ къ выводу, что цѣли спеціальнаго мучительства у убійцъ не было.

Не было ли цѣли собиранія крови? Несомнѣнно, Ющинскій потерялъ много крови, хотя и не былъ обезкровленъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Количество крови въ сердцѣ, на шапкѣ, потеки крови и помарки, сравнительно говоря, представляются незначительными. Крови не оказалось и на томъ мѣстѣ, гдѣ найденъ трупъ Ющинскаго. Возникаетъ вопросъ, куда же дѣвалась кровь? Она могла или остаться на мѣстѣ убійства, пока не обнаруженномъ, или собираніе крови могло входить въ намѣреніе убійцъ. Однако, противъ этого послѣдняго предположенія мы находимъ слѣдующія данныя: нецѣлесообразенъ выборъ орудія убійства, ибо это орудіе колющее, которымъ трудно вскрывать сосуды. Далѣе, въ сущности, ни одинъ крупный сосудъ не былъ вскрытъ. Группировка раненій не соотвѣтствуетъ анатомическому расположенію доступныхъ сосудовъ. Правда, раненія въ шею оказались невдалекѣ отъ крупныхъ сосудовъ, но тутъ надо принять во вниманіе, что шея—это узкій перешеекъ, такъ что всякій ударъ могъ оказаться здѣсь по сосѣдству съ большими сосудами. Общеизвѣстныхъ пріемовъ кровопусканія примѣнено не было. Нанесено довольно значительное число ранъ, мало пригодныхъ для собиранія крови. Все это дѣлаетъ мало вѣроятнымъ предположеніе, что цѣлью нанесенія многихъ колотыхъ ранъ Ющинскому было именно собираніе изъ нихъ крови.

При рѣшеніи вопроса о цѣляхъ убійцъ, необходимо еще обсудить вопросъ, затронутый судебно-медицинской экспертизой, относительно допущенія паузы, т. е. промежутка во времени нанесенія поврежденій, ибо первыя поврежденія были нанесены въ голову и шею, а затѣмъ, предполагается, былъ промежутокъ, послѣ чего слѣдовали раненія, добившія, такъ сказать, мальчика. Вопросъ этотъ, несомнѣнно, трудно разрѣшимый, но мы высказываемъ свою невро-патологическую точку зрѣнія, руководствуясь данными, имѣющимися въ дѣлѣ. Пауза, промежутокъ въ нанесеніи поврежденій, можетъ получить объяс-

неніе въ томъ, что Ющинскій, послѣ первыхъ же раненій въ голову и шею и удушенія отъ зажатія ему носа и рта, а также носоглоточнаго пространства, могъ впасть или впалъ въ безсознательное состояніе, которое могло сопровождаться даже временной пріостановкой дыханія. Слѣдовательно, убійцы могли принять это состояніе за наступленіе смерти. Мозговое кровоизліяніе въ теченіе нѣсколькихъ минутъ должно было во всякомъ случаѣ привести къ развитію судорогъ и тогда могла явиться необходимость, въ виду этихъ судорогъ, добить несчастнаго мальчика.

Свидѣтельствуетъ ли характеръ поврежденій, число ихъ и расположеніе на трупѣ Ющинскаго о планомѣрности дѣйствій убійцъ?

Нельзя не обратить вниманія на множество ударовъ, числомъ восемь, нанесенныхъ въ область сердца, изъ которыхъ только нѣкоторые попали, а другіе не попали. Это, съ точки зрѣнія психологической, показываетъ, что убійца не находился въ спокойствіи, что онъ былъ въ состояніи аффективности, уже утратилъ въ извѣстной мѣрѣ правильность своихъ дѣйствій. Останавливаясь на этихъ дѣйствіяхъ, мы пришли къ выводу, что убійца, хотя имѣлъ намѣреніе дѣйствовать въ смыслѣ лишенія жизни, но его планомѣрность нарушалась яснымъ образомъ вслѣдствіе его аффективности и психическаго состоянія.

Не имѣется ли въ данныхъ вскрытія и судебно-медицинской экспертизы указаній на принадлежность убійцы къ той или другой профессіи?

Такъ какъ орудіемъ убійства была швайка, то мы высказываемъ предположеніе, что убійца могъ быть съ профессіей, гдѣ швайка находитъ употребленіе, какъ профессіональное орудіе, при работѣ. Конечно, возможно только присутствіе такого лица при убійствѣ—мастерового съ этимъ орудіемъ, съ швайкой, хотя не исключается и то, что швайка могла оказаться случайно въ обиходѣ убійцы. Медицинскую или фельдшерскую профессію надо въ данномъ случаѣ совершенно устранить. Мы не склонны также признать участія спеціальнаго рѣзника по убою скота потому, что здѣсь не имѣется соотвѣтствующаго орудія, которое ими употребляется.

Представляется ли основаніе по характеру поврежденій, причиненныхъ Ющинскому, судить о національности убійцы?

Такихъ указаній мы не находимъ.

Нанесены ли пораненія Ющинскому свѣдущимъ и чуждымъ волненія во время причиненія таковыхъ лицомъ?

Убійство совершено лицомъ несвѣдующимъ и не чуждымъ волненія. Относящіяся сюда соображенія уже приведены выше.

Могло ли быть совершено убійство Ющинскаго изъ побужденій религіознаго изувѣрства?

Мы должны оговориться, что на этотъ вопросъ можемъ отвѣчать только имѣя въ виду тѣ данныя, тѣ схемы религіозныхъ убійствъ—если можно такъ выразиться—которыя имѣются въ дѣлѣ, которыя даны архимандритомъ Амвросіемъ и о. Пранайтисомъ. Одна намъ прочитана (свидѣтельское показаніе архимандрита Кіево-Печерской Лавры о. Амвросія, оглашенное судомъ за неявкою свидѣтеля), другая находится въ обвинительномъ актѣ (извлеченіе изъ ритуальной экспертизы, произведенной на предварительномъ слѣдствіи ксендзомъ Пранайтисомъ).

Прокуроръ. Я протестую противъ такого пріема. Это уже касается ритуальной экспертизы. Проф. Бехтеревъ входитъ въ критику эксперта по ритуальнымъ вопросамъ.

Шмаковъ. Я также протестую, такъ какъ г. экспертъ намѣренъ входить въ критику экспертизы, которая еще не вынесла своего заключенія.

Бехтеревъ. Мы только на этомъ основаніи можемъ дать свое заключеніе, иначе мы отказываемся дать отвѣтъ.

Предсѣдатель. Но вѣдь о. Пранайтисъ еще не давалъ своего заключенія.

Бехтеревъ. Тогда отвѣчать на вопросъ мы не можемъ.

Предсѣдатель. Въ такомъ случаѣ, вы намъ отвѣтите послѣ того, какъ будетъ произведена богословская экспертиза. Можетъ быть, вы выскажете намъ сейчасъ ваше заключеніе только на основаніи психологическихъ данныхъ?

Тѣмъ не менѣе, проф. Бехтеревъ, оговорясь, правда, что «критику онъ оставляетъ въ сторонѣ», построилъ все свое заключеніе на несоотвѣтствіи «схемъ» архимандрита Амвросія и ксендза Пранайтиса.

Въ чемъ же усмотрѣлъ это противорѣчіе проф. Бехтеревъ?

Допрошенный въ качествѣ свидѣтеля судебнымъ слѣдователемъ Фененкою, архимандритъ Амвросій показалъ, что велъ о ритуальныхъ убійствахъ съ различными лицами, между про-

чимъ съ монашествующими христіанами изъ евреевъ, многочисленныя бесѣды. Вынесъ изъ этихъ бесѣдъ мнѣніе, что кровь, добытая убіеніемъ христіанъ, преимущественно непорочныхъ отроковъ, нужна іудеямъ, въ частности хасидамъ, хотя бы въ самомъ ничтожномъ количествѣ, для приготовленія еврейскихъ опрѣсноковъ—мацы. Если еврею приходится добывать эту кровь при обстоятельствахъ опасныхъ, то никакихъ формальностей не соблюдается; если же актъ совершается въ условіяхъ полной безопасности, то онъ протекаетъ согласно предписанному уже ритуалу: долженъ присутствовать раввинъ, читающій положенныя на этотъ предметъ молитвы, а другіе участники обряда, отворивъ вены и нанеся пораненія, которыя должны хоть отчасти соотвѣтствовать ранамъ, нанесеннымъ при крестномъ страданіи Господа нашего Іисуса Христа, затѣмъ, не допуская до естественной смерти, при послѣднемъ остаткѣ крови, наносятъ жертвѣ нѣсколько уколовъ въ области сердца, отъ которыхъ несчастный долженъ умереть. Всѣхъ въ такихъ случаяхъ ранъ должно быть опредѣленное число и въ опредѣленныхъ частяхъ тѣла, числомъ приблизительно сорокъ пять. Тѣло христіанина, изъ котораго взята кровь, не можетъ быть такъ уничтожено, чтобы оно исчезло безслѣдно. Лично самъ свидѣтель спеціально этого вопроса не изучалъ.

Изъ данной на предварительномъ слѣдствіи богословской экспертизы ксендза Пранайтиса въ обвинительный актъ занесены, между прочимъ, слѣдующія мѣста: убійство не еврея рекомендуется совершать опредѣленнымъ каббалистическимъ способомъ. Оно должно происходить «при заткнутомъ ртѣ (убиваемаго), какъ у животнаго, которое умираетъ безъ голоса и рѣчи» и притомъ «какъ при убіеніи скота двѣнадцатью испытаніями ножа и ножомъ, что составляетъ тринадцать»... Если еврею требуется кровь, то «при добываніи ея онъ не долженъ рѣзать, а можетъ колоть и отщемлять». На основаніи этихъ и многихъ другихъ данныхъ,—о коихъ въ своемъ мѣстѣ,—экспертъ Пранайтисъ, какъ это занесено въ обвинительный актъ, пришелъ къ заключенію, что убійство Ющинскаго, по своей обстановкѣ, способу нанесенія поврежденій, расположенію ихъ, обезкровленію тѣла и времени совершенія его носитъ отличительныя и характерныя черты типичнаго ритуальнаго убійства.

Проф. Бехтеревымъ «несоотвѣтствіе схемъ» усмотрѣно въ слѣдующемъ:

«Число ранъ на тѣлѣ Ющинскаго не совпадаетъ ни со схемой Амвросія, ибо въ общей сложности ихъ около 50 (точнѣе—49, считая въ томъ числѣ и 2 полукруглыхъ ссадины), ни со схемой Пранайтиса, по которой должно быть 13 (12+1). Это число 13 какъ будто соотвѣтствуетъ числу ранъ на правомъ вискѣ Ющинскаго, но нельзя не обратить вниманія, что, при разсматриваніи имѣющейся фотографіи въ небольшую лупу, не трудно на вискѣ усмотрѣть одно раненіе двойное и слѣдовательно находимъ собственно 14 уколовъ. Затѣмъ у Ющинскаго нѣтъ никакихъ раненій на конечностяхъ, тогда какъ по Амвросію должно быть соотвѣтствіе раненій съ мѣстоположеніемъ, какъ у Христа. Не было въ данномъ случаѣ и отворенія венъ, что также требуется по вышеуказанной схемѣ, а орудіемъ убійства служитъ не ножъ, какъ требуется по схемѣ Пранайтиса. Собираніе крови, какъ уже сказано, представляется намъ недоказаннымъ. Что же, спрашивается, соотвѣтствуетъ въ данномъ случаѣ вышеуказаннымъ схемамъ? Время совершенія убійства, а также и то, что совершено оно надъ мальчикомъ, сопровождалось закрытіемъ рта, одинъ изъ послѣднихъ ударовъ нанесенъ въ сердце, тѣло же не исчезло, а было открыто въ пещерѣ. Но необходимо имѣть въ виду, что всѣ эти условія обычно наблюдаются и при убійствахъ нерелигіознаго характера. Предпраздничное и праздничное время создаетъ болѣе благопріятныя условія для совершенія преступленій вообще и въ частности убійствъ. Нерѣдко закрытіе рта при убійствѣ, обычно нахожденіе труповъ на чердакахъ, на улицахъ, въ лѣсу и т. п.—эти случаи совпаденія не убѣдительны, а потому и не приводятъ насъ къ выводу, что настоящее преступленіе совершено по побужденіямъ религіознаго изувѣрства».

Такъ закончилъ свою экспертизу проф. Бехтеревъ. Послѣдняя ея часть воистину изумительная. Съ какой невѣроятной авторитетностью взялся проф. Бехтеревъ за производство «экспертизы надъ экспертизой», за опроверженіе ксендза Пранайтиса въ той спеціальной области, по которой ксендзъ Пранайтисъ, какъ экспертъ, еще не былъ и выслушанъ на судѣ. Ни сіе непреодолимое, казалось бы, препятствіе, ни прямое указаніе предсѣдателя, что о данныхъ ритуальной экспертизы можно говорить лишь послѣ того, какъ она будетъ произведена на судѣ—не остановили проф. Бехтерева. Но сущность его доводовъ еще поразительнѣе той настойчивой поспѣшностью, которой они со-

провождались. «Схема» архимандрита Амвросія, оказывается, не соотвѣтствуетъ дѣлу потому, что въ ней указано 45 ранъ, а у Ющинскаго ихъ «около» пятидесяти. Въ дѣйствительности у Ющинскаго обнаружено 47 ранъ. Именно это число закрѣплено и вердиктомъ присяжныхъ. Присоединять къ 47 ранамъ, умышленно нанесеннымъ швайкой, двѣ ссадины, случайно причиненныя ногтями—въ научной экспертизѣ, разумѣется, не годится. Архимандритъ же Амвросій показываетъ: «ранъ должно быть опредѣленное число... Приблизительно 45». Гдѣ же несоотвѣтствіе? Для того, чтобы оно получилось, проф. Бехтереву понадобилось слово «приблизительно» выбросить и къ 47 умышленно нанесеннымъ ранамъ присчитать двѣ случайныя ссадины—но этотъ пріемъ тоже едва ли можно считать научнымъ. Дальнѣйшее несоотвѣтствіе будто бы въ томъ, что у Ющинскаго «нѣтъ никакихъ раненій въ конечностяхъ», тогда какъ, по Амвросію, они, якобы, должны быть. Однако, опять-таки, несоотвѣтствіе получается только потому, что проф. Бехтеревъ обращается черезчуръ свободно со словами архимандрита Амвросія. Въ показаніи этого свидѣтеля сказано: «пораненія должны хоть отчасти соотвѣтствовать ранамъ, нанесеннымъ при крестныхъ страданіяхъ Господа нашего Іисуса Христа». Изъ въ высшей степени растяжимыхъ словъ «хоть отчасти» проф. Бехтеревъ дѣлаетъ категорическій выводъ, что, слѣдовательно, раны должны быть «на конечностяхъ», но это совершенно произвольное и явно не научное заключеніе проф. Бехтерева, а отнюдь не слова архимандрита Амвросія, который о конечностяхъ рѣшительно ничего не говоритъ. Наконецъ, что касается упоминанія архимандрита Амвросія объ открытіи венъ, то развѣ у Ющинскаго не были открыты шейныя вены, особенно принимая во вниманіе, что выраженіе «открыть вены» архимандритъ Амвросій употребилъ, разумѣется, не въ строго медицинскомъ, а въ простомъ обывательскомъ смыслѣ.

Переходимъ къ Пранайтису. Не говоря ничего объ общемъ числѣ всѣхъ раненій, онъ, по поводу тринадцати ранъ на правомъ вискѣ Андрюши, приводитъ текстъ Каббалы объ убійствѣ нееврея, производящемся «какъ при убіеніи скота двѣнадцатью испытаніями ножа и ножомъ, что составляетъ тринадцать». Смыслъ текста, въ связи съ упоминаемымъ въ немъ словомъ «эхадъ» и символическимъ значеніемъ числа 13, будетъ выясненъ въ отдѣлѣ ритуальной экспертизы, но проф. Бехтеревъ,

прежде всего, заявляетъ, что уколовъ на правомъ вискѣ вовсе не 13, а 14 и что даже это не трудно видѣть при разсматриваніи имѣющейся фотографіи въ небольшую лупу.

Однако, прозекторъ Туфановъ, спеціально изслѣдовавшій послѣ второго вскрытія раны на правомъ вискѣ и снявшій съ нихъ именно ту фотографію, на которую была сдѣлана ссылка проф. Бехтеревымъ, вѣроятно, тоже пользовался лупой, однако онъ не увидѣлъ въ нее того, что, по мнѣнію проф. Бехтерева, разсмотрѣть было не трудно: Туфановъ категорически утверждаетъ, что ранъ 13, а не 14 и надо признать, что вопросъ объ ихъ количествѣ всецѣло относится къ области судебной медицины и ни въ малѣйшей степени не касается психологіи или психіатріи. Впрочемъ, проф. Бехтерева постигъ здѣсь нѣкоторый конфузъ и съ другой стороны: онъ заявилъ, что даетъ заключеніе и отъ своего имени, и отъ имени проф. Карпинскаго, между тѣмъ, спрошенный послѣ проф. Бехтерева проф. Карпинскій о числѣ ранъ на правомъ вискѣ заявилъ, что одно раненіе, имѣющее «бисквитообразную форму», можетъ возбуждать споры, но онъ, проф. Карпинскій, здѣсь склоняется къ мнѣнію Туфанова, т. е. находитъ, что ранъ было 13, а кромѣ того признаетъ, что вопросъ этотъ никакого отношенія къ психіатріи не имѣетъ.

Но возвращаемся къ «схемамъ», къ соотвѣтствіямъ и несоотвѣтствіямъ. «Пранайтисъ требуетъ, чтобы орудіемъ убійства былъ ножъ, а раны Ющинскому нанесены не ножомъ»—указываетъ проф. Бехтеревъ. Дѣйствительно, въ приведенномъ выше текстѣ сказано о ножѣ, но тутъ же, черезъ нѣсколько строчекъ обвинительнаго акта, въ томъ же заключеніи Пранайтиса сказано, что если еврею нужна кровь, то онъ не долженъ рѣзать, а можетъ колоть и отщемлять, чѣмъ, очевидно, употребленіе ножа исключается. Если ужъ разбирать, по обвинительному акту, заключеніе Пранайтиса, то разбирать все, а не выхватывать отдѣльныя мѣста. Если останавливаться на упоминаніи о ножѣ, то какъ же обойти молчаніемъ утвержденіе, что, для добыванія крови, нельзя рѣзать, а надо или колоть, или отщемлять.

Это тѣмъ болѣе, что соображенія проф. Бехтерева, отрицающія собираніе у Ющинскаго крови, построены главнымъ образомъ на томъ, что для собиранія крови неудобно колоть, а удобно рѣзать—сдѣлать, напримѣръ, кровопусканіе на рукѣ или на ногѣ общеизвѣстнымъ способомъ. Какъ же въ этихъ разсу-

жденіяхъ не задаться, ради научнаго безпристрастія и всесторонности, столь простымъ и очевиднымъ вопросомъ: а если требованія изувѣрнаго характера запрещали рѣзать? Вѣдь обвиненіе-то поставлено не въ чемъ иномъ, а въ изувѣрномъ убійствѣ, и на такое запрещеніе прямо указано.

Не менѣе странное впечатлѣніе производятъ дополнительныя, второстепенныя соображенія проф. Бехтерева.

Въ праздничное и предпраздничное время преступленія совершаются чаще—сообщилъ намъ проф. Бехтеревъ. Что въ праздничные дни бывало больше преступленій, тѣхъ, которыя совершались подъ вліяніемъ опьяненія—спорить не буду, но относительно дней предпраздничныхъ—первый разъ услыхалъ это отъ проф. Бехтерева. Андрюша былъ убитъ Великимъ постомъ, въ субботу третьей недѣли, рано утромъ,—при чемъ тутъ разсужденіе проф. Бехтерева объ учащеніи преступности подъ вліяніемъ праздничнаго времени—рѣшительно не понимаю.

«Обычно нахожденіе труповъ въ крови на чердакахъ, на улицахъ, въ лѣсу и такъ далѣе»—замѣчаетъ мимоходомъ проф. Бехтеревъ. Какое отношеніе къ дѣлу имѣетъ такое замѣчаніе? Указать, что, молъ, обнаруженіе въ пещерѣ трупа Ющинскаго тоже событіе обычное, заурядное, ничего тутъ особеннаго не было? Но въ такомъ случаѣ какъ же экспертъ по психологіи упустилъ фактъ столь огромнаго психологическаго значенія, удостовѣренный даже жидовскими газетами, что, узнавъ о томъ, гдѣ и въ какомъ видѣ обнаруженъ трупъ замученнаго мальчика, сначала Лукьяновка, а потомъ и весь Кіевъ немедленно пришли въ сильнѣйшее возбужденіе и негодованіе. Неужели экспертъ по психологіи не усвоилъ, что здѣсь, очевидно, была какая-то разница по сравненію съ «обычнымъ» нахожденіемъ труповъ на чердакахъ, на улицахъ и въ лѣсахъ?

Мало убѣдительны соображенія проф. Бехтерева и по такимъ вопросамъ, какъ вѣроятная профессія убійцъ, ихъ цѣль, состояніе, въ которомъ они находились. Сказать, что, разъ швайка была орудіемъ убійства, то убійца, можетъ быть, принадлежалъ къ такой профессіи, гдѣ швайка употребляется при работѣ, а можетъ быть и не принадлежалъ—это все равно, что ничего не сказать. Собиранія крови, по мнѣнію проф. Бехтерева, не было и спеціальной цѣли мучительства тоже не было. Но, вѣдь, какая-то цѣль, несомнѣнно, была. Для чего-то въ теченіе 15 минутъ нанесли 47 ранъ. И вотъ, обсуждая вопросъ со стороны отрицатель-

ной (о томъ, какихъ цѣлей не было), проф. Бехтеревъ, однако, совершенно уклонился отъ стороны положительной (какія же цѣли были), хотя именно здѣсь, казалось бы, должно лежать рѣшеніе вопроса. Роковой «промежутокъ» между первой и второй группой ранъ проф. Бехтеревъ пробуетъ объяснить тѣмъ, что послѣ нанесенія ранъ въ голову и шею убійцы, въ виду безсознательнаго состоянія Ющинскаго, подумали, что онъ уже умеръ, а потомъ, черезъ нѣкоторое время, въ виду появившихся судорогъ, принялись его добивать. Но какъ же объяснить тогда вертикальное положеніе тѣла и при второй группѣ раненій? Почему сначала кололи только въ голову и шею, совсѣмъ не трогая туловища, а потомъ кололи все въ туловище, совѣмъ не трогая, напримѣръ, шеи? Чтобы какъ-нибудь сгладить эти вопіющія противорѣчія, и объяснить «удары, безцѣльные съ точки зрѣнія убійства» (выраженіе Бехтерева), было выдвинуто утвержденіе, что убійцы находились въ состояніи «аффекта», такого раздраженія, что себя не помнили, собою не владѣли и сами не понимали, что дѣлаютъ.

Однако, и для теоріи объ аффектѣ препятствіе было не малое: убійцы сначала сняли съ мальчика куртку, потомъ отвернули воротъ рубашки и, наконецъ, нанося послѣдніе удары въ туловище, въ сердце, тщательно подымали рубашку и кололи въ голое тѣло.

На эти обстоятельства, въ своихъ вопросахъ Бехтереву, обратилъ вниманіе А. С. Шмаковъ.

Въ самомъ дѣлѣ, если передъ тѣмъ, какъ ударить въ грудь, въ сердце, убійца поднималъ рубашку на жертвѣ, то говорить о томъ, что онъ себя не помнилъ отъ раздраженія, былъ «въ аффектѣ»—явно не приходится. Это, видимо, было очевидно и для проф. Бехтерева, а потому сначала онъ на вопросы Шмакова пробовалъ отвѣчать, что, де, «условія убійства, со всей подробностью и точностью, опредѣлены быть не могутъ», сослался на то, что сорочка была короткая и, наконецъ, сказалъ, что не знаетъ, поднимали ли ее или она сама поднималась.

Сей отвѣтъ послужилъ «Новому Времени» темой для весьма остроумнаго маленькаго фельетона о «самоподнимающейся рубашкѣ». Фельетонъ, повидимому, очень разсердилъ профессора, ибо даже въ своей брошюрѣ: «Убійство Ющинскаго и психіатро-психологическая экспертиза»—онъ объ этомъ фельетонѣ упоминаетъ.

VI.

Заключеніе проф. Сикорскаго.

Профессоръ Сикорскій былъ допрошенъ въ качествѣ эксперта еще на предварительномъ слѣдствіи, 8 мая 1911 года, и уже тогда высказался вполнѣ опредѣленно, что убійство Андрюши Ющинскаго носитъ характерныя, отчетливыя черты типичнаго ритуальнаго убійства. Это рѣшительно выраженное мнѣніе пріобрѣтало особенное значеніе въ силу, такъ сказать, мѣстныхъ условій: помимо своихъ ученыхъ заслугъ, признанныхъ не только въ Россіи, но и заграницей, профессоръ Сикорскій, именно въ Кіевѣ, пользовался широкою извѣстностью и авторитетомъ не только какъ ученый, но какъ человѣкъ, стяжавшій своими личными качествами глубочайшее уваженіе окружавшихъ. Мѣстные люди, кіевляне, хорошо знали, кто такой живущій среди нихъ Иванъ Алексѣевичъ Сикорскій, и вѣрили, что онъ не покривитъ душой, зря говорить не станетъ. Тѣмъ больше злобы было проявлено къ Сикорскому въ еврейскомъ лагерѣ, тѣмъ больше стараній опорочить не только данное имъ заключеніе, но и его самого. Ко времени суда надъ Бейлисомъ здоровье проф. Сикорскаго, человѣка преклонныхъ лѣтъ, было настолько плохо, мучившіе его припадки удушья настолько участились и приняли столь опасную форму, что пользовавшіе больного врачи категорически признали участіе въ судебномъ засѣданіи не только крайне вреднымъ для здоровья Сикорскаго, но даже опаснымъ для его жизни. Тѣмъ не менѣе профессоръ не пожелалъ воспользоваться своимъ законнѣйшимъ правомъ неявки въ судъ по болѣзни. Отлично понимая, какой травлѣ онъ подвергнется за свою экспертизу въ захваченной іудеями прессѣ, отдавая себѣ ясный отчетъ, какого утомленія, какого напряженія силъ и затраты нервовъ потребуетъ дача заключенія съ послѣдующимъ перекрестнымъ допросомъ по такому процессу, какъ дѣло Бейлиса, И. А. Сикорскій, съ трудомъ передвигаясь, прибѣгая въ перерывы засѣданія къ помощи подушекъ, наполненныхъ кислородомъ, явился въ судъ, дабы съ тою же твердостью, какъ и на предварительномъ слѣдствіи, высказать свое убѣжденіе, что убійство Андрюши Ющинскаго есть ритуальное еврейское

преступленіе. Въ ослабленномъ болѣзнью тѣлѣ осталась прежняя сила духа и высокое сознаніе долга.

Данное проф. Сикорскимъ заключеніе гласило:

Убійство Андрея Ющинскаго отличается отъ обыкновенныхъ убійствъ, но чрезвычайно сходно съ тѣми болѣе рѣдкими злодѣяніями, которыя извѣстны уже съ отдаленныхъ временъ и которыя были неоднократно наблюдаемы во всѣхъ даже культурныхъ странахъ. Это своеобразныя убійства дѣтей посредствомъ источенія крови при жизни.

Кромѣ своего главнаго признака—обезкровливанія, убійства дѣтей характеризуются еще и нѣкоторыми второстепенными признаками, которые почти столь же существенны, какъ и главный, особенно потому, что ими исключается всякая идея о случайности убійства и устанавливается фактъ опредѣленной преднамѣренности. Эти признаки касаются слѣдующихъ обстоятельствъ:

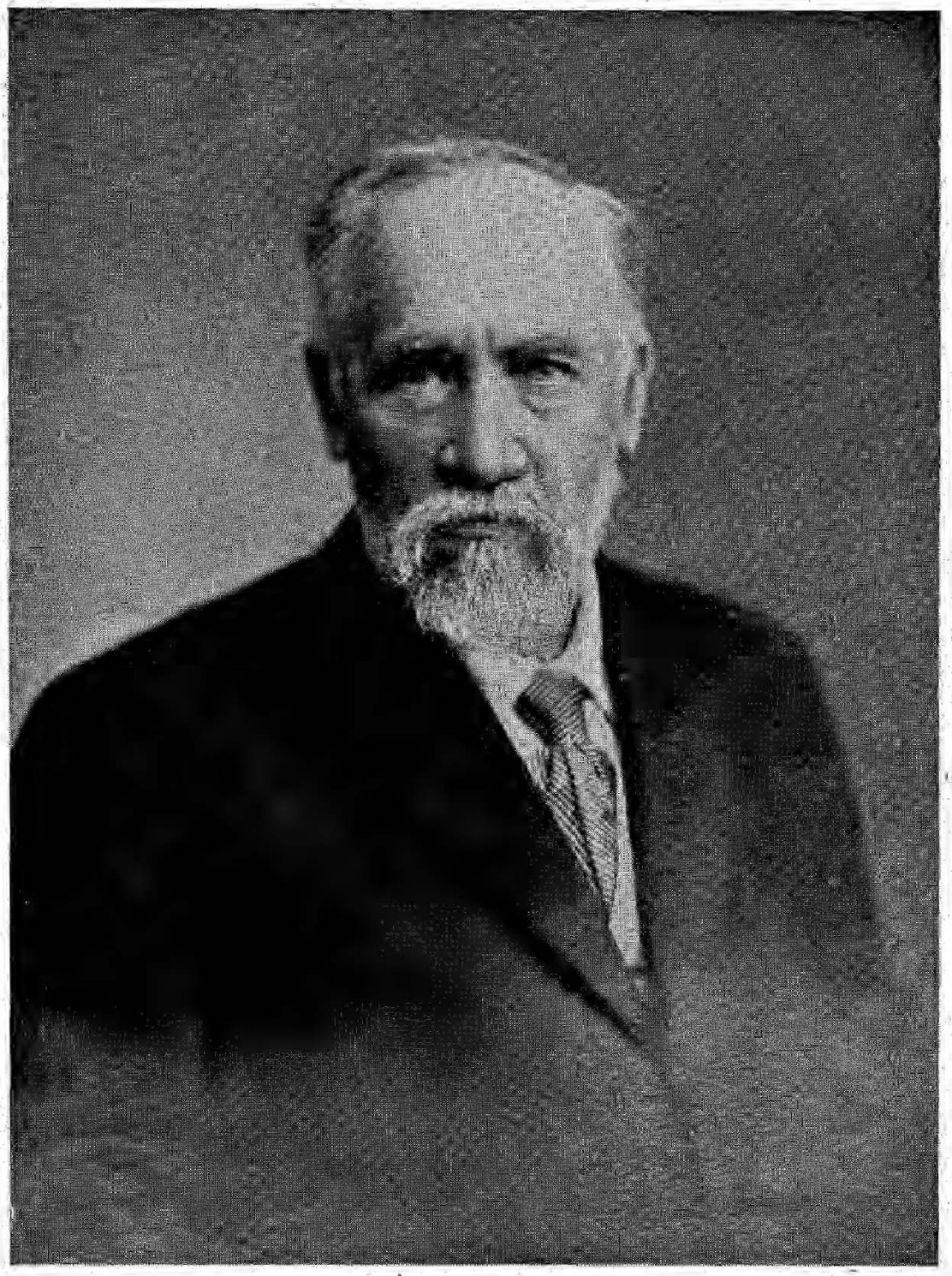
1) отсутствія со стороны жертвы поводовъ къ нападенію;
2) возраста убиваемыхъ дѣтей;
3) способа совершенія кровавой операціи;
4) числа убійцъ;
5) судьбы тѣла убитаго ребенка;
6) времени года и
7) единообразія процедуры злодѣянія.

Исчисленные семь пунктовъ требуютъ нѣкоторыхъ поясненій.

По первому пункту можно сказать, что, какъ видно изъ Саратовскаго процесса (о немъ ниже), мальчикъ Канинъ (товарищъ замученнаго евреями 11-ти-лѣтняго Маслова, чуть было не попавшійся въ руки убійцъ также, какъ Масловъ) назвалъ своего соблазнителя сманителемъ. Сманиватель, бродя по улицѣ, старался завлекать случайно встрѣчаемыхъ на улицѣ дѣтей обманными обѣщаніями.

По второму пункту выяснено, что жертвами обыкновенно избираются мальчики младшаго, а чаще старшаго возраста, т. е. отъ 6 до 13 лѣтъ. Младшія дѣти насильно похищаются, а старшія сманиваются и завлекаются въ засаду.

По третьему пункту—касательно способа убійства—наблюдается, особенно въ послѣднія столѣтія, что жертвѣ наносится извѣстное количество кровоточащихъ, глубоко-проникающихъ вколовъ въ разныя части тѣла и, кромѣ того, поражаются вен-



M. Lucas Pamies

ные сосуды, преимущественно въ области шеи. Оба пріема даютъ медленное, но болѣе или менѣе обильное истеченіе крови.

По четверному пункту. Убійцъ всегда бываетъ нѣсколько человѣкъ: одинъ оперируетъ, другіе поддерживаютъ жертву, зажимаютъ ротъ... Въ убійствѣ Ющинскаго участвовало, вѣроятно, не меньше четырехъ, потому что Ющинскій былъ обезкровливаемъ, повидимому, въ стоячемъ положеніи и ему также зажимали ротъ.

По пятому пункту. Трупъ убитаго, блѣдный и обезкровленный, уносится съ мѣста убійства и оставляется покинутымъ, но не зарытымъ въ землю.

По шестому пункту весьма существенно замѣтить, что убійства не распредѣляются безразлично и равномѣрно въ теченіе года, но всего чаще пріурочены къ весеннему времени,—марту, апрѣлю.

По седьмому пункту. Убійство дѣтей и добыча крови производятся съ такимъ замѣтнымъ единообразіемъ въ разныхъ мѣстностяхъ и странахъ, что наблюдателямъ невольно приходила мысль о томъ, что злодѣяніе совершается по какому-либо предписанію или инструкціи, или же на основаніи живой традиціи, то есть убійца раньше уже убивалъ или присутствовалъ при убійствѣ.

Объ убійствѣ Ющинскаго можно сказать, что оно сосредоточиваетъ въ себѣ многіе признаки, содержащіеся раздѣльно въ другихъ случаяхъ дѣтскихъ убійствъ, и можетъ быть названо какъ бы моделью для такого рода злодѣяній. Оттого осмотръ препаратовъ вскрытія Ющинскаго производитъ впечатлѣніе потрясающей реальности. Тому, кто не вѣритъ факту такихъ убійствъ, или сомнѣвается, достаточно взглянуть на свѣтъ въ черепъ Ющинскаго. Очевидность здѣсь поражаетъ чувства. Это не миѳъ среднихъ вѣковъ, это страшная дѣйствительность XX столѣтія.

Кто совершаетъ убійства дѣтей?

Можно съ положительностью сказать, что убійства съ истеченіемъ крови совершаются преступными и изувѣрными, однако же вполнѣ здоровыми въ психическомъ отношеніи, людьми. Мысль, возникшая было въ Кіевѣ въ первые дни послѣ находки трупа Ющинскаго, о томъ, будто убійство могло быть совершено душевно-больными, такая мысль не выдерживаетъ критики. Самое объединеніе ихъ для одного общаго дѣла невозможно по

различію у нихъ бреда, стремленій и наклонностей. Столь же безосновательно и безпочвенно предположеніе о томъ, что убійцами Ющинскаго могли быть субъекты съ половыми извращеніями и аномаліями и что эти аномаліи послужили мотивомъ убійства,—вскрытіе тѣла убитаго мальчика не даетъ ни основанія, ни поводовъ для такихъ предположеній.

Хотя насилія, учиняемыя половыми психопатами, и дѣтскія убійства типа Ющинскаго имѣютъ нѣчто общее, а именно, пролитіе крови и проявленіе жестокости, но они существенно различаются, какъ показываетъ сопоставленіе ихъ, а именно:

1) цѣль полового психопата видѣть кровь и получить отъ того чувственное удовольствіе и удовлетвореніе, но не убивать человѣка (убійство большею частью можетъ быть случайнымъ, выйти отъ нетвердости движеній); цѣль дѣтскаго убійцы — добыть кровь, собрать ея возможно больше и унести съ собою, убивъ обезкровленную жертву;

2) половой психопатъ большею частью дѣйствуетъ въ одиночку, ибо ищетъ личнаго удовлетворенія; дѣтскіе убійцы дѣйствуютъ всегда въ сообществѣ и для общей цѣли. Иногда и половые психопаты бываютъ также вмѣстѣ, ходятъ стаями, подобно псамъ, но каждый изъ нихъ занятъ своимъ дѣломъ и для себя, и

3) половой психопатъ—субъектъ безхарактерный, лишенный воли, дерзкій, капризный, но убійца дѣтей твердъ, рѣшителенъ, спокоенъ (судя по твердости его руки, совершающей обезкровливаніе и убійство).

Такимъ образомъ, оба вида насилія разнятся по существу, по своей цѣли и по своему концу. Можно съ положительностью утверждать, что убійство Ющинскаго совершено не умалишенными, не дегенератами, не половыми психопатами, но людьми психически здоровыми, которые въ своихъ дѣйствіяхъ проявили расчетъ и холодность здраваго ума.

Кто виновники убійствъ типа Ющинскаго?

Здѣсь представляются большія трудности для отвѣта по причинѣ существующей всегда обширной и тонкой конспираціи, которою обставлено убійство; обыкновенно находятъ убитаго съ указанными выше признаками, а убійцы не открываются. Однако же, весьма часто вслѣдъ за убійствомъ выступаетъ невѣдомая бдительная рука, которая направляетъ слѣдователя на ложный путь. Такъ было и въ дѣлѣ Ющинскаго. Это указываетъ на

тонкую обдуманность убійства и на сложную организацію сообщества убійцъ. Въ розысканіи виновниковъ дѣтскихъ убійствъ слѣдователями издавна придавалось значеніе тремъ фактамъ, а именно:

1) убійства исключительно совершаются надъ христіанскими мальчиками и наблюдаются только тамъ, гдѣ среди христіанъ живутъ евреи; тамъ же, гдѣ евреи не живутъ, этихъ убійствъ не бываетъ;

2) не наблюдалось, чтобы еврейскіе мальчики становились жертвою такихъ убійствъ, и

3) надъ нѣкоторыми изъ обреченныхъ на жертву мальчиковъ было предварительно совершено обрѣзаніе по еврейскому обряду.

На основаніи этихъ фактовъ возникли подозрѣнія и догадки, что убійства совершаются руками изувѣровъ и фанатиковъ, выходящихъ изъ среды еврейства, и такія догадки, въ отдѣльныхъ случаяхъ, были неоднократно подтверждены слѣдствіемъ и судомъ во всѣ времена, вплоть до новѣйшаго времени, даже въ культурныхъ странахъ. Другія расы, кромѣ евреевъ, не были судебно уличены. Отсюда собственно зародилось и окрѣпло вѣковое убѣжденіе народовъ, что убійства дѣтей совершаются повсюду руками еврейскихъ изувѣровъ. Сами евреи, какъ раса, содѣйствовали упроченію этого убѣжденія своимъ особеннымъ отношеніемъ къ дѣлу правосудія, а именно — обнаруженнымъ повсюду противодѣйствіемъ и помѣхами правосудію.

Помѣхи правосудію въ рукахъ евреевъ выражаются трояко: вначалѣ—наведеніемъ слѣдователя на ложный путь съ поддѣлкою или уничтоженіемъ документовъ и вещественныхъ доказательствъ, далѣе—подкупомъ преступныхъ лицъ не изъ евреевъ къ обманному принятію на себя вины убійства, какъ видимъ въ Саратовскомъ дѣлѣ и другихъ, и, наконецъ, неудержимой и неразборчивой агитаціей въ прессѣ и обществѣ съ цѣлью помѣшать доведенію дѣла до суда и вообще затруднить задачу правосудія отъ начала до конца.

На почвѣ противодѣйствія суду возникло во всѣхъ культурныхъ странахъ разногласіе и полемика между еврейскою и нееврейскою частями населенія, состоящія въ томъ, что неевреи (христіане) утверждаютъ дѣйствительность факта дѣтскихъ убійствъ, евреи же часто отрицаютъ самый фактъ, называя его миѳомъ, а вѣру въ него—средневѣковымъ предразсудкомъ, или

смотрятъ на убійство какъ на чистую случайность, но не какъ на предумышленное злодѣйство; неевреи жаждутъ суда для раскрытія истины, какова бы она ни была, чтобы выйти изъ состоянія тяжкихъ для духа сомнѣній; евреи, наоборотъ, противятся, противодѣйствуютъ суду. Между тѣмъ, только судъ можетъ вывести человѣчество изъ тупика разногласій. Зло замалчивается, утаивается, отрицается, но оно существуетъ, и вотъ каковы его обычныя проявленія: исчезаетъ вдругъ христіанскій мальчикъ, но вскорѣ его находятъ мертвымъ, исколотымъ, обезкровленнымъ и тотчасъ же начинаются неистово дерзкія обвиненія и заподозриванія, возбуждаемыя евреями и направляемыя то противъ родныхъ убитаго, то противъ единоплеменниковъ и единовѣрцевъ, то противъ націоналистовъ страны, то противъ христіанъ вообще.

Обвиняя другихъ, евреи тѣмъ отклоняютъ подозрѣнія отъ себя.

Но если бы кто-нибудь обвинилъ или заподозрилъ ихъ самихъ, они немедленно поднимаютъ ожесточенную агитацію противъ всякаго, будетъ ли то частное лицо, или судебный слѣдователь, судья и даже судъ. Тутъ уже въ защиту изувѣровъ выступаетъ не только мѣстное, но и всемірное еврейство, при чемъ оно дѣйствуетъ, какъ раса, — богачи стоятъ во главѣ движенія.

Одно изъ лучшихъ изслѣдованій по вопросу объ убійствѣ дѣтей принадлежитъ Владиміру Далю, извѣстному русскому писателю, этнографу и автору знаменитаго «Толковаго Словаря» великорусскаго языка. Мнѣніе Владиміра Даля имѣетъ особую цѣнность по своему спокойному тону, объективности и логикѣ. Книга Даля была напечатана въ 1848 году на основаніи офиціальныхъ документовъ, по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ, для доклада Императору Николаю I.

По существу предмета Даль говоритъ:

«Никто не будетъ оспаривать, что въ странахъ, гдѣ евреи терпимы, отъ времени до времени находимы были трупы младенцевъ всегда въ одномъ и томъ же искаженномъ видѣ или, по крайней мѣрѣ, съ подобными знаками насилія и смерти. Не менѣе вѣрно и то, что знаки эти доказывали умышленное и обдуманное злодѣйство мученическаго убійства ребенка и при томъ ребенка христіанскаго; то и другое доказано множествомъ слѣдственныхъ, судебныхъ и врачебныхъ свидѣтельствъ» (Вла-

диміру Далю, по его службѣ, доступны были оффиціальные документы).

Фактъ убійства христіанскихъ дѣтей евреями въ Россіи строго доказанъ книгою Даля и другими данными, особенно судебными. Но эти данныя, какъ прежнія, такъ и новѣйшія, большею частью замалчиваются въ прессѣ и не доходятъ до читателя, и отъ того весьма часто имѣетъ успѣхъ, особенно въ кругахъ интеллигенціи, недовѣріе къ самому факту убійства дѣтей. Объ этомъ Даль думаетъ, что мы, будучи свободны отъ каннибализма, переносимъ это и на евреевъ по сочувствію къ нимъ. «Это дѣлаетъ честь нашему человѣколюбію, — говоритъ Даль, — но мы не должны быть пристрастны до той степени, чтобы забыть своихъ единовѣрцевъ, потворствуя безсознательно какому-то чудовищному исчадію фанатизма».

Въ книгѣ Даля чрезвычайно цѣнно то, что въ ней приведены свидѣтельства и мнѣнія двухъ образованныхъ евреевъ, высказанныя Далю глазъ на глазъ и удостовѣряющія фактъ убійства ихъ единовѣрцами христіанскихъ дѣтей. Еще болѣе важно то, что одинъ изъ этихъ евреевъ (крещеный) указываетъ самый путь распространенія каннибальскаго зла. Этотъ темный путь начинается въ гнѣздахъ фанатическихъ талмудистовъ и оттуда переходитъ въ среду невѣжественной еврейской бѣдноты. Но отсюда путь идетъ дальше, потому что талмудисты находятъ себѣ крупную поддержку въ классѣ еврейскихъ богачей и банкировъ. Этотъ классъ людей пытается играть въ еврействѣ роль покровителей расы, патроновъ религіи и дипломатическихъ ходатаевъ. Въ такой своей роли богачи имѣютъ успѣхъ,—за отсутствіемъ независимой національной еврейской интеллигенціи. Еврейскіе богачи и банкиры, по словамъ собесѣдника Даля, пользуются своею денежною силою и вліяніемъ для сокрытія убійствъ, для жестокаго преслѣдованія уличителей зла и для борьбы съ администраціею и судомъ при посредствѣ мѣстныхъ и заграничныхъ органовъ всякаго рода. Эти разъясненія образованнаго еврея вполнѣ совпадаютъ съ тѣмъ, что мы видимъ въ жизни, и объясняютъ фактъ колоссальныхъ денежныхъ расходовъ по сокрытію убійствъ и ликвидаціи уголовныхъ дѣлъ.

Къ изложеннымъ существеннымъ даннымъ, заимствованнымъ изъ книги Даля, должно прибавить, что въ наши дни на помощь еврейскимъ богачамъ выступила еврейская пресса.

Она поддерживаетъ интересы еврейской плутократіи и ведетъ широкую агитацію по сокрытію убійства дѣтей и по борьбѣ съ судомъ и уличителями убійствъ. Въ еврейской прессѣ не раздается ни одного отрезвляющаго звука, но всегда царитъ предательское единодушіе, успокоительно дѣйствующее на изувѣровъ.

Сопоставляя сказанное сейчасъ съ тѣмъ, что почерпнуто изъ книги Даля, должно сдѣлать общій выводъ, что талмудизмъ, еврейскій капитализмъ и еврейская пресса составляютъ одно общее злокачественное цѣлое въ дѣлѣ организаціи убійствъ и сокрытія слѣдовъ.

Далѣе проф. Сикорскимъ былъ приведенъ рядъ свѣдѣній по Велижскому и Саратовскому дѣлу въ сопоставленіи ихъ съ дѣломъ Ющинскаго. Несмотря на важность этой части заключенія, я ея пока не привожу, ибо весь относящійся сюда матеріалъ сосредоточенъ мною въ отдѣльной главѣ: «дѣла Велижское и Саратовское» (ч. III, гл. 6).

ЧАСТЬ III.

РИТУАЛЪ.

I.

Талмудъ и Каббала.

Въ вопросѣ о ритуалѣ главное вниманіе на судѣ было устремлено на богословско-догматическую сторону, на выясненіе того, какія постановленія еврейской религіи и какіе тексты ея книгъ могутъ дать основаніе такъ называемому догмату крови.

Въ такой постановкѣ вопроса нельзя не видѣть нѣкоторой узости, односторонности. Вѣдь изслѣдованію подлежатъ изувѣрныя убійства, а таковыя являются актомъ высшаго религіознаго фанатизма, когда мысль, воображеніе изувѣра, его исканія, приведены въ крайнее напряженіе, когда мозгъ его распаленъ, доведенъ до изступленія. Чтобы такое состояніе могло возникнуть, нужно религіозное *ученіе*, которое вообще, въ основаніи своемъ, было бы изувѣрнымъ, фанатичнымъ, требующимъ отъ своихъ послѣдователей страстнаго возбужденія и привлекающимъ своими тайнами. Нужна, далѣе, *секта*, которая бы образовалась на почвѣ такого ученія и требовала бы отъ своихъ послѣдователей, чтобы этимъ ученіемъ проникло все существо ихъ, всѣ мысли, желанія. Если есть на лицо такое ученіе и такая секта, то можно быть увѣреннымъ, что самыя кроткія предписанія основной религіи, самые невинные ея тексты будутъ поняты, перетолкованы сектантами именно въ томъ направленіи, въ которомъ работаетъ воспаленный мозгъ изувѣра. Скопческая ересь, хлыстовщина служатъ наглядными тому примѣромъ.

Въ дѣлѣ Ющинскаго, да и въ большинствѣ ученыхъ изслѣдованій главное вниманіе сосредоточивали на догматикѣ, на текстахъ, а чрезвычайно важную историческую сторону—ростъ фанатическаго ученія и образованіе на его основѣ изувѣрной секты—оставляли на второмъ планѣ, въ тѣни.

Между тѣмъ, здѣсь весьма цѣнный матеріалъ можно найти прежде всего у еврейскихъ писателей, пользующихся среди самихъ евреевъ большимъ авторитетомъ и популярностью. Разумѣется, наивно было бы искать у нихъ признанія ритуальныхъ убійствъ и догмата крови. О, нѣтъ! Они отрицаютъ то и другое самымъ рѣшительнымъ образомъ, но вѣдь всякій здравомыслящій человѣкъ долженъ согласиться, что—независимо отъ того, существуетъ ли у іудеевъ догматъ крови, или нѣтъ—признавать таковой было бы со стороны еврейскихъ писателей чистѣйшимъ безумiемъ, ибо не трудно предсказать, какое впечатлѣніе произвело бы подобное признаніе на то христіанское населеніе, среди котораго живутъ евреи.

Не о такихъ признаніяхъ здѣсь рѣчь, ибо ихъ ожидать немыслимо. Но признаніе дикаго, фанатическаго ученія и основанной на немъ изувѣрной секты—на лицо. Имя такому ученію—Каббала, а сектѣ—хасидизмъ.

Предшественникомъ Каббалы въ смыслѣ основы еврейскаго вѣроученія былъ Талмудъ.

«Талмудъ—это огромная энциклопедія по-библейскаго іудаизма въ его религіозно-обрядовыхъ, юридическихъ частяхъ. Въ немъ сосредоточена большая часть того, что создано самобытной еврейской мыслью отъ заключенія библейской письменности до пятаго вѣка христіанской эры».

Такое опредѣленіе даетъ Талмуду еврейскій историкъ Дубновъ (Всеобщая исторія евреевъ, кн. II, стр. 156, изд. 1905 г.), устанавливая, что значеніе Талмуда троякo: онъ долженъ былъ служить 1) религіознымъ и гражданскимъ кодексомъ; 2) учебновоспитательною книгою; 3) источникомъ свѣдѣній и поученій для массы.

Фундаментомъ Талмуда является «Мишна»—это записанный и приведенный въ порядокъ весь послѣбиблейскій законодательный матеріалъ, накоплявшійся, въ видѣ «устнаго преданія», со временъ Ездры до конца второго вѣка послѣ Рождества Христова. Составитель и систематизаторъ Мишны, Іегуда Ганаси, умеръ въ 210 году. Тѣ многочисленные еврейскіе мудрецы и толкователи, мнѣнія, поученія и толкованія которыхъ вошли въ

Мишну, именуются «танаями». Вторая и болѣе обширная часть Талмуда—Гемара. Это рядъ толкованій на Мишну, завершенныхъ къ концу пятаго вѣка. Еврейскіе толкователи и мудрецы, созидавшіе Гемару, называются амореями. Первымъ по времени былъ Палестинскій, или «Іерусалимскій» Талмудъ, который, однако, признается еврейскими учеными недостаточно полнымъ и систематическимъ по сравненію съ послѣдующимъ *Вавилонскимъ*. Сей послѣдній состоитъ изъ 65 трактатовъ, въ которыхъ за каждою лаконическою статьею Мишны идутъ пространныя разъясненія Гемары. Особая ученая іудейская коллегія въ Вавилоніи закончила собираніе этихъ дополнительныхъ къ Мишнѣ толкованій и выводовъ въ концѣ пятаго вѣка, послѣ чего объявила составленный такимъ образомъ сводъ Талмуда «заключеннымъ», т. е. не допускающимъ никакихъ дальнѣйшихъ прибавленій или измѣненій по существу. Законоположительная часть Талмуда именуется Галахою, а повѣствовательная—Агадою. Впрочемъ, части эти въ текстѣ не отдѣлены другъ отъ друга, а слиты и перепутаны, отличаясь лишь содержаніемъ и способомъ изложенія. Позднѣйшія толкованія Талмуда носятъ названія «Тосафотъ» и «Тосефта».

Въ XVI вѣкѣ, на строгомъ основаніи Талмуда былъ составленъ еврейскимъ ученымъ Іосифомъ Каро Шулханъ-Арухъ—книга, относящаяся къ Талмуду такъ, какъ у христіанъ катехизисъ относится къ богословію. Шулханъ-Арухъ есть систематизація нормъ, устанавливающихъ практическій бытъ, практическую жизнь іудеевъ, опредѣляющая до мельчайшихъ подробностей ихъ внѣшнее поведеніе, начиная съ того момента какъ іудей встаетъ, до того, какъ онъ ложится.

Болѣе подробно должно остановиться на Каббалѣ. Здѣсь я воспользуюсь источникомъ, который никоимъ образомъ не можетъ быть заподозрѣнъ во враждѣ къ жидамъ. Я имѣю въ виду обширный трудъ еврейскаго ученаго, профессора Бреславльскаго университета, Генриха Греца, весьма авторитетный и популярный въ интеллигентныхъ еврейскихъ кругахъ—его двѣнадцатитомную «Исторію евреевъ», представляющую, въ общемъ, гимнъ іудаизму, его восторженное восхваленіе.

Третья глава восьмого тома «Исторіи евреевъ» спеціально озаглавлена «Тайное ученіе Каббалы» [1]).

---

[1]) Цитирую вездѣ по русскому переводу подъ редакціей Шерешевскаго Одесса. Изд. Шермана. Годъ не обозначенъ.

Разсмотрѣвъ ранѣе труды знаменитаго «великаго» раввина Маймонида (1135—1204 г.) [1]), проводившаго религіозные взгляды болѣе либеральнаго и раціоналистическаго направленія, Грецъ пишетъ:

«Въ образовавшуюся въ іудаизмѣ вслѣдствіе борьбы за и противъ Маймонида брешь втиснулось одно лжеученіе, выдававшее себя, несмотря на свою юность, за древнѣйшую премудрость, несмотря на свое ложное основаніе, за единственную истину. Происхожденіе «Каббалы» или «тайной науки», которая такъ себя называла, потому что хотѣла слыть древнѣйшимъ тайнымъ преданіемъ, совпадаетъ по времени съ маймонистскимъ споромъ, и лишь благодаря этому завоевала себѣ существованіе. Взаимная вражда была матерью этого уродливаго плода и поэтому онъ все время дѣйствовалъ разлучающе и разлагающе. Впервые Каббала въ систематическомъ видѣ выступила въ первой четверти XIII столѣтія».

Итакъ, Грецъ отрекается, отмахивается отъ каббалистическаго ученія елико возможно: оно ложное, совсѣмъ не древнее и вовсе не еврейское. Однако, послѣдователи Каббалы, какъ долженъ признать самъ Грецъ, утверждали обратное: что именно ихъ ученіе представляетъ истинную сущность іудаизма и основано на *древнѣйшемъ тайномъ преданіи*.

Понося далѣе первыхъ столповъ каббалистическаго ученія, Исаака Слѣпого, который, де, былъ подверженъ «фантастическимъ представленіямъ», Азріеля и Эзру, которые, молъ, оба были «нечестны», Грецъ повѣствуетъ, какъ обратился къ каббалистическому ученію «главная опора» этого ученія въ послѣдующемъ, Нахманидъ:

«Чтобы доказать побѣдоносную силу Каббалы, разсказывалось, что сначала Нахманидъ питалъ безусловное отвращеніе къ ней, несмотря на усилія одного престарѣлаго каббалиста, направленныя къ его обращенію; какъ-то разъ этотъ каббалистъ былъ застигнутъ въ одномъ постыдномъ домѣ и приговоренъ къ смерти; въ субботу передъ казнью онъ пригласилъ къ себѣ Нахманида, который лишь неохотно пришелъ къ нему и упрекалъ его въ недостойномъ поведеніи; каббалистъ удостовѣрялъ свою невиновность и увѣрялъ Нахманида, что онъ послѣ казни,

---

[1]) Онъ же «Рамбамъ», по столь употребительному у евреевъ сокращенію изъ начальныхъ буквъ полнаго имени—Раби Моисей бенъ Маймуни.

еще въ тотъ же день, придетъ къ нему и раздѣлитъ съ нимъ субботнюю трапезу; это увѣреніе оправдалось, такъ какъ каббалистъ, при помощи тайныхъ средствъ, добился, чтобы вмѣсто него былъ казненъ оселъ и онъ вдругъ вошелъ въ комнату Нахманида; съ этого момента Нахманидъ увѣровалъ въ Каббалу и далъ себя посвятить въ нее».

Седьмая глава того же восьмого тома озаглавлена: «Дальнѣйшее развитіе Каббалы и опала науки». «Таинственное ученіе Каббалы, которое сначала выступало очень скромно и носило безобидный характеръ, стало со временъ Бенъ Адрета [1]) разжигать умы, затемнять здравый смыслъ и вводить въ заблужденіе слабыхъ. Отсутствіе истинности и убѣдительности каббалистическое ученіе пыталось замѣстить громкимъ выступленіемъ и обманомъ»—таково, дословно, начало главы. Далѣе повѣствуется, какъ окрѣпли каббалисты благодаря тому, что въ ихъ ряды вступилъ «выдающійся и прославленный» на югѣ Испаніи Тодросъ бенъ Іосифъ Галеви Абулафія» (1234—1304 г.г.). Его «вліяніе еще не оцѣнено по достоинству». Онъ «занималъ почетное положеніе при дворѣ Санхо IV и считался любимымъ врачомъ или финансистомъ умной королевы Маріи де Молины. Евреи уважали его и почитали своимъ княземъ». Тѣмъ не менѣе, «однажды онъ (Тодросъ Галеви) былъ заключенъ въ тюрьму своимъ королевскимъ покровителемъ и присужденъ къ смерти. По какому поводу это свершилось—неизвѣстно». Тодросъ Галеви оказался во главѣ цѣлой школы испанскихъ каббалистовъ, про которую Грецъ пишетъ: «Свѣтлой вѣрѣ въ Бога противопоставлялась экзальтированная, даже богохульственная химера. Помраченіе еврейства послѣдующихъ поколѣній нужно считать до нѣкоторой степени плодомъ этого ученія. Умышленнымъ или невольнымъ фиглярствомъ они вводили въ заблужденіе современниковъ и потомковъ; вредъ, нанесенный ими еврейству, чувствуется еще по сю пору».

---

[1]) Соломонъ бенъ Адретъ—знаменитый испанскій раввинъ изъ Барселоны (1242—1310 г.г.). «Онъ вмѣстѣ со своимъ совѣтомъ—разсказываетъ Грецъ—велѣлъ прочитать при торжественной церемоніи, со свиткомъ Торы въ рукахъ, *проклятіе изученію наукъ* (26 іюля 1305 г.). Кто читалъ раньше 20-лѣтняго возраста какое бы то ни было научное сочиненіе, въ оригиналѣ или въ переводѣ на еврейскій языкъ, долженъ былъ подвергнуться строжайшей анаѳемѣ... Это былъ первый инквизиціонный трибуналъ въ еврейскомъ кругѣ»... (т. 8, стр. 196).

Хуже характеристику трудно придумать, но Грецъ придумываетъ ее для нѣкоего Моисея де Леона (1250—1305 г.), котораго онъ считаетъ авторомъ наиболѣе важной части каббалистическаго ученія—книги «Зогаръ» (блескъ). «Это былъ человѣкъ,—рекомендуетъ де Леона Грецъ,—относительно котораго можно лишь сомнѣваться, былъ ли онъ корыстнымъ или набожнымъ обманщикомъ; но ввести въ заблужденіе и обмануть онъ навѣрное хотѣлъ... Для роли носителя тайнаго ученія онъ нашелъ наиболѣе подходящую личность, противъ которой мало или ничего нельзя возразить. Танай Симонъ бенъ Іохай [1]), проведшій одиноко и въ глубокомъ размышленіи тринадцать лѣтъ въ пещерѣ, которому уже древняя мистика приписываетъ полученіе откровеній..., казался подходящимъ авторитетомъ для Каббалы. Но онъ не долженъ былъ говорить или писать по-еврейски, такъ какъ въ этомъ языкѣ каббалисты узнали бы эхо собственнаго голоса. Нѣтъ, онъ долженъ былъ выражаться по-халдейски, на полутемномъ, подходящемъ для тайнъ и какъ бы изъ иного міра звучащемъ языкѣ. Итакъ, появилась каббалистическая книга Зогаръ, въ теченіе вѣковъ въ еврейскихъ кругахъ обожествлявшаяся, какъ небесное откровеніе, и разсматривавшаяся также христіанами, частью и теперь разсматривающаяся, какъ древнее наслѣдство предковъ. Конечно, рѣдко столь открытая фальсификація такъ хорошо удавалась. Но Моисей де Леонъ сумѣлъ также произвести сильное впечатлѣніе на легковѣрнаго читателя... «Клянусь святымъ небомъ и святою землею,—восклицаетъ, согласно Зогару, Симонъ бенъ Іохай,—что я теперь вижу то, чего не видѣлъ еще ни одинъ смертный послѣ того, какъ Моисей вторично взошелъ на Синай; да, я вижу еще больше его: Моисей не зналъ, что его ликъ сіяетъ, я же знаю, что мое лицо сіяетъ»... Очень ловко также сообщено, какъ составилась книга. Симонъ бенъ Іохай училъ, нѣкій раби Аба (живший значительно позже) записывалъ, а остальные слушатели размышляли объ этомъ. Трудно найти литературный памятникъ, который имѣлъ бы столь большое вліяніе, какъ Зогаръ, и который сравнился бы съ нимъ въ причудливости содержанія и формы. Книга безъ начала и конца, относительно которой неизвѣстно, представляла ли она когда-либо единое цѣлое, принадлежали ли

[1]) Жилъ во второмъ вѣкѣ по Р. Хр. въ Палестинѣ. Гробница его въ Меронѣ, недалеко отъ Іерусалима, до сихъ поръ служитъ предметомъ поклоненія іудеевъ.

ей первоначально теперь существующія ея части или онѣ были позже прибавлены, и не существовало ли прежде еще больше частей... Этою безформенностью, этимъ хаосомъ дана возможность того, что извѣстныя мѣста были позднѣе поддѣланы... Такъ была сфальсифицирована фальсификація... Внутреннюю связь души со свѣтомъ или съ тьмою Зогаръ грубо-чувственно представляетъ въ видѣ брачнаго сожительства, какъ и вообще онъ признаетъ существованіе мужского и женскаго принципа также и въ высшемъ мірѣ». Дальнѣйшее поясненіе этого ученія Зогара, воспроизводимое Грецомъ, я не считаю возможнымъ приводить въ виду совершенной его, по моему мнѣнію, безнравственности и кощунственности.

«Когда Зогаръ, или «Мидрашъ Симона бенъ Іохая» былъ опубликованъ,—продолжаетъ Грецъ,—онъ возбудилъ величайшее изумленіе среди каббалистовъ. Съ жадностью они схватились за него. Моисей де Леонъ во множествѣ получалъ заказы на доставленіе копій съ него. На вопросъ, откуда сразу появилось столь обширное сочиненіе стараго таная, сочиненіе, относительно котораго до того времени абсолютно ничего извѣстно не было, отвѣчали такъ: Нахманидъ отыскалъ его въ Палестинѣ и переслалъ своему сыну въ Каталонію; сильнымъ вѣтромъ оно было занесено въ Арагонію или Аликанте (Валенція) и попало въ руки Моисея де Леона, который одинъ только и обладаетъ первоначальною рукописью. Слухъ о найденномъ каббалистическомъ сокровищѣ распространился по всей Испаніи. Кружокъ Тодроса Абулафія сейчасъ же призналъ Зогаръ и смотрѣлъ на него, какъ на несомнѣнно настоящій»...

Однако, послѣ смерти Моисея де Леона, собственная семья «изобличила его, какъ фальсификатора»: согласно «чистосердечному» разсказу жены, «она часто спрашивала своего мужа, почему онъ свое собственное литературное произведеніе издаетъ подъ чужимъ именемъ; на это онъ ей возразилъ, что Зогаръ, изданный подъ его личнымъ именемъ, не принесъ бы никакого дохода, подъ именемъ же Симона бенъ Іохай онъ сталъ для него богатымъ источникомъ дохода».

«Такъ на лоно іудаизма,—заключаетъ Грецъ,—пробралась новая основная книга для религіи, которую Каббала, бывшая столѣтіемъ раньше еще неизвѣстной, поставила рядомъ съ Библіей и Талмудомъ и нѣкоторымъ образомъ еще выше. Зогаръ, правда, принесъ съ одной стороны ту пользу, что онъ противо-

поставилъ юридической сухости талмудическихъ занятій извѣстный размахъ, возбудилъ фантазію и чувство, и создалъ настроеніе, явившееся противовѣсомъ дѣятельности разсудка. Однако, вредъ, принесенный имъ іудаизму, значительно превосходитъ эту пользу. Зогаръ усилилъ и распространилъ дикое суевѣріе, укрѣпилъ въ умахъ царство сатаны, злыхъ духовъ и привидѣній, которые прежде были лишь нѣкоторымъ образомъ терпимы въ еврейскомъ кругу, благодаря же ему пріобрѣли высшее подтвержденіе... Своими, нерѣдко чувственными, даже граничащими съ распутными, выраженіями... онъ вызвалъ нечистыя побужденія и этимъ позже создалъ секту, не обращавшую вниманія на цѣломудріе. Зогаръ, наконецъ, прямо притупилъ стремленіе къ обыкновенному и истинному и создалъ міръ грезъ, въ которомъ души тѣхъ, которые имъ серьезно занимались, убаюкивались какъ бы въ полуснѣ и теряли способность отличать правильное отъ невѣрнаго».

Каббалистическое ученіе окончательно окрѣпло и получило широкое распространеніе благодаря Исааку Лурьи (1534—1572 г.), ареною дѣятельности котораго была Палестина и, главнымъ образомъ, городъ Сафетъ, недалеко отъ Іерусалима. «Дѣятельность Лурьи и его кружка,—пишетъ Грецъ,—заключалась въ каббалистическихъ бесѣдахъ, заклинаніяхъ и вызываніи духовъ... Преклоненіе передъ Лурьи было такъ велико, что его поклонники платили большія суммы денегъ за предметы, находившіеся въ его употребленіи, и особенно за его сочиненія. Каббала Лурьи причинила всему еврейству несказанный вредъ. Она покрыла еврейство такимъ толстымъ слоемъ плѣсени, что еще и по сіе время не удалось совершенно удалить ее. Со времени Лурьи, на ряду съ талмудически раввинскимъ іудаизмомъ, образовался и зогаро-каббалистическій... Къ уже давно накопившимся суевѣрнымъ обычаямъ, обильно позаимствованнымъ отъ всѣхъ временъ и народовъ, Каббала Лурьи прибавила еще безчисленное множество новыхъ суевѣрій... Мистика Лурьи оказала вредъ и въ нравственномъ отношеніи. Она утверждала: въ бракѣ требуется гармонія душъ, которая, съ точки зрѣнія мистика, а не поэта, встрѣчается рѣдко, и, если возникаетъ какое-нибудь несогласіе въ бракѣ, то послѣдній не является союзомъ, предустановленнымъ гармоніей сефиръ [1]). Поэтому каббалисты (а кто

[1]) Т. е. высшаго міра.

въ то время не былъ каббалистомъ?) при первой же малѣйшей перебранкѣ съ женой разводились съ нею и искали гармонирующую съ ними и предустановленную половину, и разводы стали весьма частымъ явленіемъ въ каббалистическихъ кругахъ. Нерѣдко каббалисты покидали своихъ женъ и дѣтей на Западѣ, переселялись на Востокъ и вступали тамъ въ новый бракъ, а часто даже по нѣсколько разъ, причемъ дѣти отъ различныхъ браковъ ничего не знали другъ о другѣ»... (т. 10, стр. 342—354).

Наиболѣе знаменитымъ преемникомъ Исаака Лурьи былъ Хаимъ Виталъ Калабрезе (умеръ въ 1620 г.). «Онъ сумѣлъ своими фокусами вводить въ обманъ всѣхъ легковѣрныхъ людей въ Палестинѣ и въ сосѣднихъ странахъ въ теченіе почти цѣлыхъ пятидесяти лѣтъ (съ 1572 до 1620 года), т. е. до самой своей смерти. Въ Іерусалимѣ, гдѣ онъ пробылъ нѣсколько лѣтъ, Калабрезе произносилъ проповѣди, видѣлъ разные сны и видѣнія, но не встрѣчалъ ожидаемаго признанія. Только женщины увѣряли, будто во время проповѣдей его онѣ видѣли надъ его головой огненный столбъ или же носившагося пророка Илію. Въ Каирѣ, куда онъ часто наѣзжалъ, его также не оцѣнили такъ, какъ бы онъ того желалъ; за это онъ сталъ мстить египетскимъ евреямъ, рисуя ихъ нравственность мрачными красками: онъ выставлялъ ихъ невѣждами и кляузниками, а женъ ихъ обвинялъ въ томъ, что онѣ, въ отсутствіе мужей своихъ, предаются разврату со своими рабами. Правда, не самъ Калабрезе высказывалъ эти обвиненія, а будто бы одержимая злыми духами дѣвушка... Въ Египтѣ же Калабрезе сумѣлъ навлечь на себя обвиненіе въ вымогательствѣ наслѣдствъ... Вернувшись въ Сафетъ, Виталъ, по примѣру своего учителя, сталъ посѣщать могилы, заклинать духовъ и продѣлывать разныя другія мистическія штуки... Еще къ большему шарлатанству подали поводъ оставшіяся послѣ Лурьи сочиненія. Виталъ увѣрялъ, будто онъ одинъ только владѣетъ ими, и онъ добился отъ сафетской коллегіи того, чтобы она подвергла проклятію всякаго, кто позволитъ себѣ разглашать, помимо него, свѣдѣнія о Каббалѣ Лурьи. Тѣмъ усерднѣе старались каббалисты добиться обладанія этимъ неоцѣнимымъ сокровищемъ. Братъ Хаима Витала, Моисей Виталъ, воспользовался этимъ рвеніемъ для того, чтобы сдѣлать выгодную денежную аферу. Воспользовавшись болѣзнью своего брата, онъ далъ снять копіи съ найденныхъ у него рукописей

и продавалъ ихъ любителямъ за высокую цѣну. По выздоровленіи своемъ, Хаимъ Виталъ утверждалъ, что похищенныя у него сочиненія вовсе не были настоящими и что послѣднихъ онъ никогда не обнародуетъ... Однако сынъ его, Самуилъ Виталъ, продалъ послѣ смерти отца своего каббалистическія откровенія Лурьи и, кромѣ того, сталъ распространять его сны въ особомъ сочиненіи... Съ этихъ поръ на Каббалу Лурьи производилась настоящая охота. Всякій, обладавшій манускриптами его или Витала и предлагавшій ихъ для продажи или для печати, легко находилъ покупателей. Особые посланцы старались придать этому шарлатанству наибольшее распространеніе среди еврейскихъ общинъ» (т. 11, стр. 110—112).

Весьма поучительна общая характеристика того періода, даваемая Грецомъ: «Трехтысячелѣтній іудаизмъ походилъ въ ту эпоху на благородное зерно, которое до того закрыто и окутано наслоившимися одна надъ другою скорлупами, отложившимися окаменѣлостями, посторонними придатками и приростами, что лишь немногіе, очень немногіе, могутъ его узнать. Основныя синайскія и пророческія мысли давно уже покрылись тройнымъ слоемъ толкованій и ограженій... Надъ всѣмъ этимъ въ теченіе вѣковъ образовались новые слои въ разныхъ школахъ... и всѣ эти отложенія и наслоенія были покрыты безобразной скорлупой, грибовиднымъ наростомъ, плѣсенеобразной оболочкой, Каббалой, которая, мало-по-малу, проникла въ щели и отверстія, пустила тамъ корни и вѣтви. Всѣ эти новообразованія имѣли уже за себя авторитетъ старины и считались неприкосновенными. Ужъ перестали спрашивать, чему учитъ синайскій основной законъ, чему придавали особенное значеніе пророки; едва уже обращали вниманіе на то, что Талмудъ выставлялъ существеннымъ и что несущественнымъ; только раввинскіе авторитеты... рѣшали, въ чемъ заключается іудаизмъ. Къ этому присоединились... каббалистическія бредни Исаака Лурьи. Именно это-то паразитное растеніе совершенно заглушило религіозную жизнь евреевъ. Почти всѣ раввины и руководители еврейскихъ общинъ, въ польскомъ ли городкѣ, или въ просвѣщенномъ Амстердамѣ... просто помѣшались на Каббалѣ. Послѣдняя, получившая съ XIV вѣка, вслѣдствіе гоненія на науку, господство надъ умами, сдѣлала со времени смерти Исаака Лурьи такіе гигантскіе успѣхи или, вѣрнѣе, произвела такія громадныя опустошенія, что никакія средства не въ состояніи были остановить зло. Бредни Лурьи...

стали привлекать послѣ его смерти все большее и большее число приверженцевъ, выступали впередъ съ увѣренностью въ побѣдѣ, туманили голову и заставляли грубѣть души» (т. XI, стр. 169).

Итакъ, книгу, которую одна часть еврейства считаетъ священною и ставитъ чуть ли не выше Талмуда и даже Библіи—другая часть еврейства, съ популярнымъ еврейскимъ историкомъ во главѣ, объявляетъ грубою фальсификаціею, состряпанною обманщикомъ и проходимцемъ для извлеченія большихъ доходовъ. Эти противники Зогара открыто заявляютъ, что онъ распространилъ «бредни», дикія суевѣрія и своею чувственностью, граничащею съ распутствомъ, вызвалъ нечистыя побужденія. Экстазъ, возбужденіе, страшныя тайны, перешедшія изъ глубокой древности путемъ устнаго преданія, дѣйствующія на воображеніе, распаляющія фантазію—таковъ характеръ Каббалы по опредѣленію самихъ же евреевъ. Едва ли можно сомнѣваться, что это ученіе фанатическое и безнравственное.

Весьма знаменательно, что широкая полоса ритуальныхъ убійствъ, обнаруженныхъ почти одновременно въ самыхъ различныхъ странахъ Европы, наступаетъ какъ разъ вслѣдъ за распространеніемъ Каббалы. Грецъ пріурочиваетъ первые успѣхи каббалистическаго ученія къ временамъ Маймонида (1135—1204 г.), удостовѣряя, что въ началѣ XIII вѣка Каббала была уже систематизирована, и тотъ же Грецъ, въ другомъ томѣ своей «Исторіи евреевъ», сообщаетъ, что «впервые» обвиненіе іудеевъ «въ употребленіи христіанской крови въ Пасху» возникло въ 1171 году, въ мѣстечкѣ Блуа, графства Шартрскаго. Конечно, по объясненію Греца, это была «низкая интрига, воздвигшая костры для невинныхъ людей», но, тѣмъ не менѣе, онъ принужденъ удостовѣрить, что «лѣтопись сухо повѣствуетъ: Теобальдъ, графъ Шартрскій, приказалъ сжечь нѣкоторыхъ блуаскихъ евреевъ за то, что они къ своей Пасхѣ распяли христіанскаго мальчика»... (т. 7, стр. 160).

Съ тѣхъ поръ число судебныхъ процессовъ по обвиненію іудеевъ въ ритуальныхъ убійствахъ, процессовъ, гдѣ обвиненіе закрѣплено, удостовѣрено историческими актами и документами, достигло до двухсотъ...

II.

Франкисты.

Весьма интересною страницею въ исторіи ритуальныхъ убійствъ былъ такъ называемый диспутъ франкистовъ, или публичное состязаніе, споръ, гдѣ, въ присутствіи христіанъ, представители еврейской секты «франкистовъ» изобличали представителей остального еврейства въ различной «лжи и богохульствѣ» Талмуда, а также и въ томъ, что евреи употребляютъ христіанскую кровь.

Согласно Грецу, основателемъ секты франкистовъ былъ Янкель Лейбовичъ (т. е. Іаковъ, сынъ Лейбы), уроженецъ Галиціи, долго проживавшій въ Турціи и тамъ получившій прозвище «Франкъ» (1720—1791 г.). «Правовѣрное» еврейство воздвигло на его секту преслѣдованіе, обвиняя въ томъ, что она «нарушаетъ самые святые законы нравственности и цѣломудія, посредствомъ мистическихъ хитросплетеній дѣлаетъ изъ порока добродѣтель».

Также объясняетъ ходъ событій Дубновъ, удостовѣряя, что «соборъ раввиновъ въ Бродахъ, во время засѣданій «Ваада (по Грецу «синода») четырехъ областей» [1]) провозгласилъ стро-

[1]) Объ этомъ «Ваадѣ» или «Синодѣ четырехъ областей» читаемъ у Греца слѣдующее: «Благодаря своей скученности, своему значенію и своему единодушію, евреи въ Польшѣ въ полномъ смыслѣ слова образовали государство въ государствѣ. Всеобщій еврейскій синодъ, собиравшійся два раза въ году, въ Люблинѣ и Ярославѣ, представлялъ собою законодательное и разъясняющее законы собраніе, на которое не было никакой апелляціи. Въ началѣ онъ назывался синодомъ трехъ областей, но въ первую четверть семнадцатаго столѣтія онъ превратился въ синодъ четырехъ областей. Избираемый президентъ стоялъ во главѣ его и завѣдывалъ общими дѣлами. Старѣйшинамъ общины и раввинамъ принадлежала гражданская юрисдикція, а равнымъ образомъ и уголовная, по крайней мѣрѣ по отношенію къ доносчикамъ и измѣнникамъ. Поэтому ни одинъ еврей не осмѣливался приносить жалобу на своего единовѣрца мѣстнымъ властямъ, чтобы не возбудить противъ себя общественнаго мнѣнія, что было бы въ состояніи отравить ему жизнь и даже повлечь за собою смерть его. Почти каждая община имѣла свое собственное судилище, состоявшее изъ раввина и двухъ ассистентовъ, къ которому и слѣдовало обращаться со всякаго рода жалобами. Во всѣхъ главныхъ общинахъ каждой провинціи былъ апелляціонный судъ, но высшая юрисдикція принадлежала синоду» (т. XI, стр. 51).

гій херемъ (проклятіе, отлученіе) надъ всѣми нераскаявшимися еретиками (1756 годъ или первые мѣсяцы 1757 года) и запретилъ всякія сношенія съ ними; вмѣстѣ съ тѣмъ, было запрещено изучать Зогаръ ранѣе 30-лѣтняго возраста, а прочія каббалистическія книги—ранѣе 40-лѣтняго возраста, дабы не впасть въ мистическую ересь». Отсюда явствуетъ, что распря между франкистами и ихъ противниками возникла вовсе не потому, что одни признавали Кабалу и Зогаръ, а другіе отрицали. Нѣтъ—Кабала и Зогаръ пользовались признаніемъ обѣихъ сторонъ, а преслѣдованіе возникло на той почвѣ, что послѣдователи Франка *неправильно понимаютъ* Зогаръ, извращенно его толкуютъ. «Впрочемъ,—продолжаетъ Грецъ,—въ Польшѣ не было недостатка въ охотникахъ до всякаго рода преслѣдованій; духовнымъ и свѣтскимъ властямъ указали на франкистовъ, какъ на новую ересь, и ихъ передали въ руки католической инквизиціи. Каменецъ-подольскій (католическій) епископъ, Николай Дембовскій, въ епархіи котораго они были захвачены, не прочь былъ воздвигнуть для нихъ костры, но хитрый Франкъ сумѣлъ отклонить отъ своихъ единомышленниковъ предназначавшіяся для нихъ стрѣлы и направить ихъ на своихъ противниковъ»: Франкъ и его послѣдователи заявили, что они открыто разрываютъ съ остальнымъ еврействомъ, осуждаютъ Талмудъ и, хотя пока не желаютъ еще креститься, но уже близки къ христіанству, «почти христіане». «Чтобы еще болѣе подчеркнуть разрывъ свой съ іудаизмомъ,—читаемъ мы дальше у Греца,—или чувствительнѣе отомстить врагамъ своимъ, они прибѣгли къ лживымъ увѣреніямъ, будто евреи-талмудисты употребляютъ христіанскую кровь и будто въ Талмудѣ въ числѣ религіозныхъ предписаній значится и умерщвленіе христіанъ. И какъ легко было доказать подобное обвиненіе! Стоило только пропасть какому-нибудь христіанскому ребенку! Нѣчто подобное, должно быть, случилось около того времени въ Ямполѣ (въ Подоліи), и тотчасъ же всѣ наиболѣе извѣстные евреи этого подольскаго городка были заключены въ оковы и отправлены въ тюрьму. Епископъ Дембовскій и его капитулъ, обрадовавшись такому улову, вслѣдствіе этого доноса франкистовъ, стали всячески покровительствовать послѣднимъ, освободили ихъ изъ тюремъ, защищали ихъ отъ всяческихъ преслѣдованій, позволили имъ свободно селиться въ Каменецкой епархіи, не препятствовали имъ жить по-своему и съ удовольствіемъ разжигали ненависть

ихъ къ евреямъ-талмудистамъ... Новая секта изъ преслѣдуемой вдругъ сдѣлалась преслѣдующей. Чтобы довести своихъ противниковъ до отчаянія, франкисты (въ 1757 г.) обратились къ епископу Дембовскому съ просьбой устроить публичное состязаніе между ними и талмудистами... Епископъ охотно на это согласился... Въ Польшѣ предстояли теперь снова тѣ сцены, которыя съ разрѣшенія папы въ началѣ пятнадцатаго столѣтія происходили въ Испаніи. Но тамъ обвинителемъ явилось свѣтское лицо; здѣсь же въ этой роли выступили раввины въ кафтанахъ и съ длинными бородами, съ разными раввинско-каббалистическими ужимками, которые, изъ чувства мести, надѣвали на себя личину католицизма, чтобъ имѣть возможность тѣмъ успѣшнѣе преслѣдовать враговъ своихъ. При этомъ случаѣ представителямъ польско-еврейскихъ общинъ, синоду четырехъ областей, въ ихъ отчаянномъ положеніи пришлось ощутить недостатокъ образованія въ своей средѣ. Они не могли выставить ни одного человѣка, который былъ бы въ состояніи хоть сколько-нибудь умѣло и краснорѣчиво разоблачить софизмы франкистовъ и безсодержательность ихъ вѣроученія. Гордые представители синода поэтому держали себя въ своемъ страхѣ какъ неразумныя дѣти. Они совершенно растерялись, придумывали разные фантастическіе планы, толковали о томъ, что нужно обратиться къ папѣ, поднять на ноги португальскихъ евреевъ въ Амстердамѣ и римскую еврейскую общину и просить у нихъ помощи противъ интригъ своихъ мстительныхъ враговъ.

Епископъ Дембовскій, временно управлявшій въ то время и Львовской епархіей, согласясь на предложеніе франкистовъ, издалъ повелѣніе о томъ, чтобы талмудисты избрали изъ своей среды и прислали въ Каменецъ депутатовъ для собесѣдованій съ франкистами, угрожая въ противномъ случаѣ принять противъ нихъ мѣры строгости и распорядиться о сожженіи Талмуда, какъ враждебной христіанству книги (20 іюня 1757 г.). Тщетно польскіе евреи ссылались на свои старинныя привиллегіи или же искали защиты у помѣщиковъ и дѣлали денежныя пожертвованія: ничто не помогало; имъ пришлось выслать делегатовъ на диспутъ и вступить въ словопреніе съ столь презираемыми ими смертельными своими врагами... Но ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ какого-либо опредѣленнаго плана. Да и что могли сдѣлать представители Талмуда при своемъ глубокомъ невѣжествѣ и неумѣніи говорить, въ виду дерзкихъ обвиненій франки-

стовъ?.. О томъ, что происходило во время каменецкаго диспута, до сихъ поръ неизвѣстно. Талмудисты были признаны побѣжденными и уличенными. Епископъ Дембовскій велѣлъ публично обнародовать (*14 октября 1757 г.*): такъ какъ антиталмудисты изложили и доказали главныя основы своего вѣроученія, то имъ и разрѣшается всюду вступать въ диспуты съ евреями-талмудистами; кромѣ того, послѣдніе должны заплатить первымъ 5000 польскихъ злотыхъ за убытки и затѣмъ внести 154 червонца на исправленіе каменецкаго собора; экземпляры Талмуда должны быть конфискованы, доставлены въ Каменецъ и тамъ преданы торжественному сожженію черезъ палача... [1]).

Вдругъ епископъ Дембовскій скончался неестественною смертью (*17 ноября 1757 г.*) и смерть его дала дѣлу совершенно иное направленіе. Преслѣдованія противъ талмудистовъ тотчасъ же прекратились и направились противъ франкистовъ. Осталось невыясненнымъ, чѣмъ была вызвана эта перемѣна... Какъ бы то ни было, съ этихъ поръ франкисты были объявлены стоящими внѣ закона, ихъ стали преслѣдовать и заключать въ тюрьмы. У нихъ стали стригать бороды, чтобы опозорить ихъ и наложить на нихъ особыя примѣты».

Несмотря на жестокость и совершенную безпощадность преслѣдованія франкистовъ, Франкъ, временно уѣхавшій въ Турцію, продолжалъ бороться и въ 1759 году «возобновилъ прежнія интриги»—завелъ переговоры съ католическимъ духовенствомъ объ устройствѣ новаго диспута со своими врагами, послѣ котораго, де, франкисты готовы принять христіанство, если преслѣдованія противъ нихъ прекратятся. Папскій нунцій въ Варшавѣ, Николай Сера, «относился довольно холодно» къ предложенію франкистовъ, но администраторъ львовскаго архіепископства, каноникъ Микуличъ-Микульскій отнесся къ дѣлу иначе и «сталъ дѣлать за спиною папскаго нунція Серы приготовленія ко второму собесѣдованію въ Львовѣ (въ іюнѣ 1759 г.). Раввины этой епархіи приглашены были явиться на это собесѣдованіе, назначенное на 16 іюля, подъ угрозою штрафа въ 1000 талеровъ, а къ помѣщикамъ и духовенству послано было при-

---

[1]) Выдвинутыя франкистами обвиненія были сосредоточены только на Талмудѣ, а не на Каббалѣ и Зогарѣ, очевидно, потому, что отъ Талмуда франкисты окончательно отмежевались, а Каббалу и Зогаръ продолжали признавать сами, если не явно, то тайно.

глашеніе въ случаѣ надобности отправлять ихъ туда силою. Папскій нунцій, Сера, къ которому талмудисты обратились съ жалобами, былъ крайне недоволенъ этимъ диспутомъ, но не желалъ воспрепятствовать ему, чтобы этимъ путемъ узнать навѣрное, дѣйствительно ли евреи употребляютъ христіанскую кровь. Этотъ пунктъ представлялся ему наиболѣе важнымъ. Какъ разъ около этого времени папа Климентъ XIII отвѣтилъ на запросъ по этому предмету еврея Якова Іелека въ благопріятномъ для евреевъ смыслѣ. Іелекъ нарочно предпринялъ длинное и трудное путешествіе въ Римъ для того, чтобы добиться отъ папы вѣскаго слова по поводу этого, вѣчно тяготѣющаго надъ евреями обвиненія, и имѣлъ успѣхъ. Климентъ XIII объявилъ во всеобщее свѣдѣніе: папскій престолъ тщательно взвѣсилъ доводы, на которыхъ основывается мнѣніе объ употребленіи евреями христіанской крови во время праздниковъ Пасхи и объ умерщвленіи ими христіанскихъ дѣтей, и онъ пришелъ къ тому заключенію, что ихъ не слѣдуетъ осуждать, какъ завѣдомыхъ преступниковъ, а, напротивъ, при подобныхъ случаяхъ прибѣгать къ установленнымъ закономъ формамъ доказательствъ. И въ то же время, поддавшись на низкія клеветы франкистовъ, папскій нунцій наполовину вѣрилъ всѣмъ этимъ лживымъ увѣреніямъ и въ такомъ смыслѣ посылалъ свои донесенія римской куріи...»

Диспутъ состоялся въ львовскомъ соборѣ. «Польское дворянство, какъ мужчины, такъ и женщины, не щадили денегъ для того, чтобы получить билеты для входа». Микульскій предсѣдательствовалъ. «Дворяне и мѣщане тѣснились, чтобы присутствовать при томъ, какъ евреи, держащіеся, повидимому, одного и того же направленія, будутъ забрасывать другъ друга обвиненіями въ самыхъ безобразныхъ порокахъ». Перечисляя раввиновъ, участвовавшихъ въ диспутѣ со стороны противниковъ Франка, коихъ еврейскіе историки называютъ «талмудистами», Грецъ пишетъ, что былъ тамъ и «Израиль Меджибожъ, будто бы обладавшій чудодѣйственной силой (Баалъ-Шемъ)», а въ подстраничномъ примѣчаніи добавлено: «быть можетъ, основатель секты новѣйшихъ хасидовъ». «Представители талмудическаго еврейства—читаемъ далѣе—держались неловко, неумѣло и оказались къ тому же крайне жалкими ораторами... Имъ слѣдовало бы самымъ рѣшительнымъ образомъ возстать противъ лживаго увѣренія объ употребленіи талмудистами крови хри-

стіанскихъ дѣтей, сославшись при этомъ на свидѣтельства христіанъ и даже на папскія резолюціи. Но для этого они были слишкомъ невѣжественны въ исторіи собственныхъ своихъ страданій, и невѣжество это незамедлило отразиться на нихъ же. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что защитники Талмуда послѣ трехдневныхъ преній возвратились во свояси сконфуженные и сбитые съ толку. Имъ даже не удалось оправдаться отъ обвиненія въ употребленіи христіанской крови».

Послѣ диспута,—удостовѣряетъ Грецъ,—началось крещеніе послѣдователей Франка. Всего ихъ крестилось тогда около тысячи человѣкъ, но лишь послѣ настойчивыхъ требованій католическаго духовенства и по исчерпаніи всѣхъ возможныхъ отговорокъ. Самъ Франкъ на диспутѣ не присутствовалъ, а въ октябрѣ 1759 года появился «съ большимъ блескомъ» въ Варшавѣ, гдѣ принялъ крещеніе, причемъ самъ король былъ его воспріемникомъ. Однако, «духовенство продолжало наблюдать за Франкомъ весьма подозрительнымъ взоромъ; оно не питало къ нему особаго довѣрія и подозрѣвало въ немъ обманщика, который стремился только къ тому, чтобы подъ маской христіанства играть роль главы секты... Евреи-талмудисты употребляли всевозможныя старанія, чтобы обличить его въ плутняхъ... Инквизиціонныя власти въ Польшѣ арестовали его по обвиненію въ обманѣ и богохульствѣ... Его отвезли въ Ченстоховъ и заключили въ одинъ изъ тамошнихъ монастырей (въ мартѣ 1760 г.), какъ легко предположить, не безъ тайнаго содѣйствія его противниковъ; отъ сожженія же на кострѣ, какъ еретика и вѣроотступника, его спасло только то обстоятельство, что онъ былъ крестникомъ короля. Самые выдающіеся изъ его приверженцевъ... также были арестованы и заключены въ кандалы. Остальныхъ частью выслали на родину, частью же заставляли работать надъ возведеніемъ укрѣпленій вокругъ Ченстохова... Франкъ, просидѣвъ тринадцать лѣтъ въ крѣпости, былъ освобожденъ русскими, продолжалъ затѣмъ еще въ теченіе цѣлыхъ двадцати лѣтъ разыгрывать роль обманщика въ разныхъ городахъ, какъ-то въ Вѣнѣ, Бринѣ и подъ конецъ въ Офенбахѣ»...

Въ изложеніи еврейскаго историка по такому жгучему, роковому для евреевъ вопросу, какъ вопросъ объ употребленіи ими христіанской крови—надлежитъ разобраться вдумчиво и серьезно. Едва ли можно оспаривать мнѣніе Греца, что франкисты приняли христіанство не искренно, а лишь для вида,

чтобы избавиться отъ ужаснаго гоненія и одновременно отмстить гонителямъ. Справедливъ, повидимому, и тотъ взглядъ, что католическое духовенство заботилось въ данномъ случаѣ не столько о пріобрѣтеніи новыхъ чадъ, сколько о посрамленіи іудаизма. Весьма возможно, далѣе, что характеристика, данная самому Франку, вѣрна, что это, дѣйствительно, былъ обманщикъ, мошенникъ и шарлатанъ, хотя среди его послѣдователей, безспорно, были люди, вѣрившіе въ него искренно. Однако для насъ важны не столько личныя качества самого Франка, который на диспутахъ даже и не присутствовалъ, сколько тѣ доводы, которыми изобличали тамъ франкисты своихъ противниковъ. И вотъ именно въ этой, наиболѣе интересной области, мы наталкиваемся на поразительную скудость свѣдѣній. Намъ даютъ по разсматриваемымъ событіямъ рядъ историческихъ датъ, съ точностью не только въ годахъ, но въ мѣсяцахъ и даже числахъ; намъ перечисляютъ множество еврейскихъ дѣятелей второстепенныхъ и даже третьестепенныхъ, съ подробнымъ указаніемъ, кто изъ нихъ что говорилъ и какъ дѣйствовалъ, но «о томъ, что происходило во время каменецкаго диспута, до сихъ поръ не извѣстно», также, какъ и о происходившемъ на львовскомъ диспутѣ—здѣсь вырванныя страницы, полное молчаніе. О всемъ, что было раньше и позже намъ разсказываютъ съ чрезвычайной обстоятельностью — а тутъ свѣдѣній не оказывается. Едва ли причиною тому самъ Грецъ. Нѣтъ, болѣе вѣроятнымъ мнѣ кажется предположеніе, что у него, дѣйствительно, не было матеріаловъ о томъ, что именно происходило на диспутахъ, но такое отсутствіе матеріала, несомнѣнно, объясняется характернѣйшею чертою еврейства: тщательно замалчивать все, невыгодное ихъ интересамъ; мало того, уничтожать даже источники, по которымъ можно было бы до этого невыгоднаго добраться. Вѣдь самъ Грецъ принужденъ признать, что на первомъ диспутѣ, каменецкомъ, «талмудисты были признаны побѣжденными и уличенными», а послѣ второго, львовскаго, «возвратившись во-свояси сконфуженные и сбитые съ толку: имъ даже не удалось оправдаться отъ обвиненія въ употребленіи христіанской крови». Причины, которыми Грецъ пробуетъ объяснить такое пораженіе, к айне слабы:

«Талмудисты оказались невѣжественными и крайне жалкими ораторами».

Но откуда же взялись у ихъ противниковъ познанія и краснорѣчіе!? Тѣ и другіе вышли изъ одной среды, были въ тѣхъ же самыхъ «раввинскихъ кафтанахъ и съ длинными бородами». А такъ какъ у талмудистовъ кругъ лицъ, изъ которыхъ они могли выбрать своихъ представителей, былъ больше, вліяніе среди еврейства сильнѣе, матеріальныя средства шире, то въ области знаній и ораторскаго искусства они оказывались въ болѣе благопріятномъ положеніи, чѣмъ франкисты.

Другой доводъ Греца сводится къ тому, что талмудисты находились въ неблагопріятной обстановкѣ, стѣснялись своими возраженіями задѣть религіозное чувство присутствующихъ христіанъ. Но это соображеніе никоимъ образомъ не можетъ относиться къ главному предмету спора: къ вопросу, употребляютъ ли евреи христіанскую кровь, ибо мудрено себѣ представить, какъ можно въ этомъ вопросѣ возраженіями задѣть религіозное чувство христіанъ.

Очевидно, франкисты шли на диспутъ, котораго они такъ добивались, не съ пустыми руками, а заготовивъ извѣстные тезисы, аргументы, выдержки изъ почитаемыхъ евреями книгъ. И если бы все это было совершенно несостоятельнымъ, дикимъ глупымъ, то, конечно, еврейскіе источники отзывались бы о диспутахъ иначе. Грецъ упрекаетъ талмудистовъ, почему они не сослались «на свидѣтельства христіанъ и даже на папскія резолюціи». Упрекъ для ученаго историка-еврея изумительный. Если одна часть еврейства изобличаетъ другую на основаніи текста еврейскихъ книгъ, изощренныхъ толкованій къ этимъ книгамъ—то при чемъ же тутъ авторитетъ папы и свидѣтельства христіанъ!? Но упреки Греца несправедливы и въ другомъ отношеніи: самъ же онъ разсказываетъ, что «какъ разъ около этого времени» (какое совпаденіе!) нѣкій Яковъ Іелекъ, послѣ длиннаго и труднаго путешествія, «добился» отъ папы Климента XIII (и какая удача для простого еврея!) «вѣскаго слова» въ благопріятномъ іудеямъ смыслѣ, какъ разъ по вопросу о догматѣ крови. Этого мало, папскій нунцій, Сера, по свидѣтельству того же Греца, былъ *противъ* львовскаго диспута. Не явствуетъ ли отсюда, что жиды и здѣсь, какъ всегда, ухватились за свой излюбленный способъ: воздѣйствовать какими-то тайными, невѣдомыми путями на самый источникъ власти, дабы такимъ путемъ заткнуть ротъ своимъ противникамъ? Почти въ каждомъ дѣлѣ о жидовскомъ ритуальномъ убійствѣ выдвигается

ссылка на папскія буллы, папскій авторитетъ, будто бы благопріятствующій іудеямъ. Въ приведенномъ далѣе заключеніи каноника Пранайтиса по дѣлу объ убійствѣ Андрюши Ющинскаго вопросу о буллахъ удѣлены интересныя строки, доказывающія, что часть подобныхъ буллъ явно подложна, измышленна, а другая часть, вовсе не касаясь самаго догмата крови, лишь, въ предотвращеніе народной расправы надъ евреями, успокаиваетъ христіанское населеніе, чтобы не всякому слуху вѣрили, не обвиняли бы іудеевъ безъ основаній, безъ уликъ, не наказывали безъ суда.

Къ послѣдней категоріи относится, очевидно, и то «объявленіе во всеобщее свѣдѣніе» папы Климента XIII, на которое по поводу каменецкаго и львовскаго диспута ссылается Грецъ. Даже въ этомъ, крайне благопріятномъ для іудаизма источникѣ, слова папы приведены въ томъ смыслѣ, что, по дѣламъ объ употребленіи іудеями христіанской крови, іудеевъ «не слѣдуетъ осуждать, какъ завѣдомыхъ преступниковъ, а, напротивъ, при подобныхъ случаяхъ прибѣгать къ установленнымъ законами формамъ доказательствъ». Отсюда до непризнанія ритуальныхъ убійствъ еще очень далеко. Здѣсь именно то, о чемъ говоритъ о. Пранайтисъ: воспрещеніе прибѣгать къ самосуду, замѣнять улики, доказательства предубѣжденіемъ—и только. Нужна грубая передержка, чтобы такими документами опровергать существованіе ритуальныхъ убійствъ. Однако, даже Грецъ находитъ, что на львовскомъ диспутѣ надлежало «сослаться на папскія резолюціи».

Въ какое время и подъ вліяніемъ какихъ причинъ таковыя появлялись? Обращеніе Якова Іелека къ Клименту XIII проливаетъ свѣтъ и на этотъ общій вопросъ. Папами дѣлалась нѣкоторая уступка, снисхожденіе неотступнымъ жидовскимъ просьбамъ: можетъ быть, папы, руководствуясь широкими политическими соображеніями, находили, что данный моментъ для обостренія жидовскаго вопроса неудобенъ; можетъ быть жиды, пуская въ ходъ всевозможныя средства, овладѣвали иногда расположеніемъ близкихъ папѣ лицъ и тѣ умѣли вліять на папу. Но, во всякомъ случаѣ, папы никогда не шли въ этомъ направленіи дальше полумѣры: они давали такую буллу или резолюцію, которая предоставляла жидамъ нѣкоторый временный выходъ, отнюдь не предрѣшая вопроса окончательно.

Случай, нами разсматриваемый, представляется въ этомъ отношеніи очень наглядным. Надъ іудеями нависла серьезная опас-

ность: въ употребленіи христіанской крови ихъ начали изобличать уже не только христіане, но собственные единовѣрцы, конечно, гораздо болѣе христіанъ освѣдомленные въ тайнахъ кабалы и іудаизма. Во главѣ публичнаго изобличенія стояла такая сила, какъ епископъ Дембовскій. Въ октябрѣ 1757 года было обнародовано изобличеніе, а въ ноябрѣ 1757 года Дембовскій неожиданно умеръ «насильственною смертью», немедленно послѣ чего гоненіе, направленное противъ іудеевъ, обратилось на голову ихъ изобличителей франкистовъ. Но прошло полтора года и заглохшее со смертью епископа Дембовскаго дѣло снова начало принимать грозный оборотъ—надвинулось новое изобличеніе, новый диспутъ. И вотъ Яковъ Іелекъ, преодолѣвая чрезвычайныя трудности, ѣдетъ въ Римъ и «добивается» отъ папы «вѣскихъ словъ», которыя можно обернуть и такъ, и сякъ... А тѣмъ временемъ, тамъ, въ Польшѣ, мѣстное духовенство продолжаетъ настойчиво вести свою линію. Надъ жидами разражается вторичное изобличеніе, котораго они такъ боялись, а папскій нунцій въ Польшѣ занимаетъ, такъ сказать, нейтральную позицію.

Въ результатѣ и Іелекъ уѣхалъ изъ Рима удовлетвореннымъ, какъ бы достигшимъ цѣли, и ударъ іудаизму, для котораго католическое духовенство съ такимъ умѣньемъ использовало расколъ среди самихъ іудеевъ — былъ нанесенъ безъ всякаго послабленія.

III.

Хасиды.

Когда передъ глазами изслѣдователя проходятъ изувѣрныя дѣйствія, изувѣрные акты, повторяющіеся съ однообразною планомѣрностью на протяженіи многихъ лѣтъ, а тѣмъ болѣе вѣковъ, тогда естественно предполагать, что существуетъ, прежде всего, фанатическое религіозное ученіе, эти акты породившее, и что, затѣмъ, образовалась на почвѣ такого ученія секта, которая возвела такіе изувѣрные акты на степень религіознаго догмата. Вотъ тѣ общія положенія, которыя были мною указаны въ самомъ началѣ изложенія вопросовъ ритуала.

Фанатическое, изувѣрное ученіе на лицо. Это каббала, которую еврейскій же изслѣдователь, поющій гимнъ іудаизму,

обвиняетъ въ обманѣ, фальсификаціи, шарлатанствѣ, въ затемненіи здраваго смысла, въ распространеніи безнравственности, дикихъ суевѣрій и богохульственныхъ химеръ.

Не стало дѣло и за изувѣрною сектою, которая въ основу своихъ дикихъ, фанатическихъ вѣрованій положила каббалу. Имя этой сектѣ хасидизмъ, называемый иногда нео-хасидизмомъ. Для характеристики его обратимся сначала къ іудейскимъ источникамъ.

Въ «Еврейской Энциклопедіи» читаемъ [1]).

Хасидизмъ — буквально «ученіе благочестія», отъ слова хасидъ—благочестивый (множественное число—хасидимъ—благочестивые) религіозно—мистическое движеніе, возникшее въ Подоліи, на границѣ съ Бессарабіей, въ концѣ тридцатыхъ годовъ 18 вѣка. Начало этому важному въ исторіи іудаизма движенію было положено реби Израилемъ бенъ Эліезеръ, прозваннымъ Бештомъ, соединявшимъ въ себѣ восторженное религіозное чувство, одухотворенное мистической экзальтаціей, съ глубокимъ знаніемъ психологіи и настроенія народныхъ массъ. Въ теченіе весьма короткаго времени хасидское движеніе охватило еврейское населеніе Подоліи, Волыни, Украйны и Галиціи, затѣмъ съ необыкновенной быстротой разлилось по Литвѣ и Бѣлоруссіи, Румыніи и Венгріи, всюду вызвавъ со стороны вождей ортодоксальнаго раввинизма и высшихъ слоевъ еврейства упорную борьбу, сопровождавшуюся отлученіями и преслѣдованіями всѣхъ тѣхъ, кто только былъ заподозрѣнъ въ принадлежности или сочувствіи къ хасидамъ.

Результатомъ этой религіозной борьбы было распаденіе еврейства на двѣ части: на послѣдователей новаго ученія, присвоившихъ себѣ названіе «хасидимъ», и «миснагдимъ» (т. е. противники хасидовъ, не хасиды), оставшихся вѣрными ортодоксальному раввинизму... Характерное отличіе хасидовъ отъ прочихъ сектъ въ еврействѣ составляетъ необыкновенный успѣхъ, выпавшій на долю хасидизма. Хотя свѣдѣній объ общей численности хасидовъ въ настоящее время не имѣется, но на основаніи данныхъ географическаго распространенія хасидовъ можно заключить, что хасиды составляютъ 40—50% современнаго еврейства. Они представляютъ главное ядро еврейскаго населе-

---

[1]) Изданіе «общества для научныхъ еврейскихъ изданій». Подъ общею редакціею д-ра Л. Каценельсона. т. 15-й.

нія въ Волыни, Подоліи, Царствѣ Польскомъ, Украинѣ, Бессарабіи, Румыніи и Галиціи и значительными группами населяютъ Венгрію, Бѣлоруссію, отчасти также Литву, Соединенные Штаты Сѣверной Америки и Палестину».

Таковы свѣдѣнія внѣшняго, справочнаго характера. Что касается существа новой секты, то Грецъ (т. XII гл. 3) опредѣляетъ хасидизмъ, какъ «знамя, которое провозгласило грубѣйшее суевѣріе, какъ основную черту іудейства», и пишетъ далѣе: «Новая секта, дочь мрака, родилась во тьмѣ и дѣйствуетъ еще теперь темными путями. Только немногія обстоятельства, способствовавшія ея возникновенію и развитію, намъ извѣстны. Ея первые основатели были Израиль изъ Медзибожа (1698—1759 г. г.) и Беръ изъ Мезерича (1700 — 1772) [1]). Первый получилъ какъ отъ своихъ почитателей, такъ и отъ враговъ, названіе «чудотворецъ заклинаніями во имя Божіе», Балшемъ или Баалшемътовъ, въ обычномъ сокращеніи Бештъ...

Молодость Израиля намъ неизвѣстна. Достовѣрно только, что онъ рано осиротѣлъ, былъ бѣденъ, предоставленъ самому себѣ и большую часть своей юности провелъ въ лѣсахъ и пещерахъ Карпатскихъ горъ... Здѣсь научился онъ у деревенскихъ бабъ, собирающихъ травы на вершинахъ горъ и у береговъ рѣкъ, лекарственному употребленію растеній. Какъ бабы не довѣряли лечебной силѣ одной природы, а присоединяли къ ней заклинанія и заговоры, такъ и Израиль привыкъ къ этой методѣ леченія. Онъ сдѣлался знахаремъ... Онъ, повидимому, часто приходилъ къ экстазъ и тогда дѣлалъ при молитвахъ сильныя тѣлодвиженія, они вызывали приливъ крови къ головѣ, въ глазахъ рябило, а тѣло и душа приходили тогда въ такое возбужденное состояніе, что онъ чувствовалъ потомъ смертельную слабость. Не магнетическое ли напряженіе души порождало въ немъ эти тѣлодвиженія и громкія пѣвучія молитвы? Онъ утверждалъ, что вслѣдствіе такой возбуждающей тѣло и душу молитвы онъ приходилъ въ сношеніе съ высшими мірами, получалъ божественныя откровенія и былъ въ состояніи доставить людямъ милость Божію и, въ особенности, предотвращать угрожающія опасности. Онъ хвасталъ также возможностью заглядывать въ будущее. Былъ ли это грубый обманъ, самообманъ или плодъ болѣзненнаго психическаго состоянія?

---

[1]) Медзибожъ—былъ маленькій городокъ въ Подоліи. Мезеричъ—въ Волыни.

Есть люди, времена и обстоятельства, при которыхъ нельзя найти границу между обманомъ и самообольщеніемъ»...

По мысли Бешта,—сообщаетъ Грецъ,—«молитва есть родъ брачнаго союза между человѣкомъ и божествомъ, и потому должна происходить въ состояніи возбужденія».—Бештъ «не стѣснялся во время молитвы и даже не въ обычное время уходить въ свою каморку и тамъ приводить себя въ изступленіе пѣснями, криками и дикими тѣлодвиженіями».

Послѣ столь поэтической юности, проведенной въ Карпатскихъ горахъ, еврейскій ясновидецъ «занимался извозомъ, потомъ торговалъ лошадьми и, наконецъ, пріобрѣвъ нѣкоторыя средства, арендовалъ по временамъ деревенскія корчмы».

«Довъ-Беръ не былъ такимъ фантастомъ, какъ Израиль,—читаемъ мы дальше у Греца;—напротивъ, это былъ тонкій умъ, хорошо понимавшій душевныя настроенія людей; онъ умѣлъ импонировать и подчинять себѣ другихъ. Хотя онъ вступилъ въ число послѣдователей Израиля лишь незадолго до смерти послѣдняго, однако онъ получилъ (неизвѣстно, съ согласія ли Израиля или безъ онаго) главенство въ общинѣ хасидовъ, устранивъ отъ этого сына и зятей Израиля. Беръ, перенесшій центръ хасидизма въ Мезеричъ (маленькій городокъ на Волыни), во многомъ превзошелъ своего учителя. Онъ былъ хорошо знакомъ съ Талмудомъ и Каббалой и вмѣстѣ съ тѣмъ былъ искусный проповѣдникъ... Этимъ онъ снялъ съ хасидскихъ кружковъ пятно неучености, что въ Польшѣ считалось большимъ позоромъ, и значительно умножилъ число своихъ приверженцевъ. Онъ имѣлъ импозантную наружность, не смѣшивался съ толпою, проводилъ цѣлую недѣлю уединенно въ своей комнаткѣ, доступной только приближеннымъ, и пріобрѣлъ этимъ видъ человѣка, имѣющаго таинственныя сношенія съ высшимъ міромъ. Только по субботамъ онъ показывался всѣмъ тѣмъ, которые жаждали удостоиться его лицезрѣнія. Въ этотъ день онъ появлялся въ великолѣпномъ атласномъ одѣяніи, вѣсь въ бѣломъ (цвѣтъ милости по ученію Каббалы). Въ этотъ день онъ молился со своими приближенными, пріѣзжими, стекавшимися къ нему на поклоненіе новообращенными и любопытными, желавшими видѣть святого каббалиста и чудодѣя. Молитву онъ совершалъ по образцу Израиля Бешта... Но такъ какъ эта дѣятельность не была уже, какъ у Израиля, результатомъ своеобразнаго душевнаго настроенія или психической болѣзни, но только подражаніемъ,

то необходимы были искусственныя уловки для восполненія того въ чемъ отказывала природа. Предводитель хасидовъ или цадикъ (т. е. праведникъ) долженъ былъ при молитвѣ приходить въ экстазъ и имѣть видѣнія. Но какъ же можетъ разсчетливый и холодный человѣкъ казаться воодушевленнымъ и восторженнымъ? Вслѣдствіе этого алкоголь, столь излюбленный въ Польшѣ, долженъ былъ заступить мѣсто внутренняго демона-вдохновителя. Беръ не имѣлъ того знанія цѣлебныхъ травъ, которое его предшественникъ пріобрѣлъ въ Карпатскихъ горахъ. Онъ постарался поэтому усвоить себѣ нѣкоторыя медицинскія познанія; если же его леченіе не помогало, больной умиралъ вслѣдствіе своей грѣховности. Предсказывать будущее было еще труднѣе; но это было необходимо, отъ этого зависѣла слава чудотворца. Беръ нашелъ средство и для этого. Между его приближенными было нѣсколько ловкихъ людей, достойныхъ того, чтобы занять мѣсто въ сыскной полиціи. Они узнавали многое, скрытое во мракѣ, и доносили объ этомъ своему учителю; послѣдній могъ казаться поэтому всевѣдущимъ. Его шпіоны совершали кражи, потерпѣвшіе обращались къ нему, «святому», въ его келью, чтобъ открыть воровъ, и онъ былъ въ состояніи точно указать мѣсто, гдѣ находились украденныя вещи. Когда чужестранцы, привлеченные славою Бера, показывались у него, они приглашались къ участію въ справленіи хасидскаго шабаша лишь въ ближайшую субботу; между тѣмъ его агенты искусными разспросами и другими способами узнавали исторію жизни и желаніе пріѣзжаго и сообщали все это цадику. Вслѣдствіе этого Беръ могъ въ проповѣди какъ бы мимоходомъ бросить каждому чужестранцу нѣсколько словъ, наводящихъ его на мысль, что «святой» читаетъ въ его сердцѣ и знаетъ его прошедшее. Такими и подобными средствами онъ сумѣлъ убѣдить толпу въ своемъ всевѣдѣніи, и увеличить число своихъ приверженцевъ. Каждый новый приверженецъ распространялъ славу учителя и привлекалъ нѣсколькихъ членовъ въ секту.

Для того, чтобы прочно утвердить свое положеніе, Беръ провозгласилъ теорію, которая въ послѣдовательномъ своемъ примѣненіи должна была привести къ чрезвычайно вреднымъ и опаснымъ послѣдствіямъ. Основываясь на каббалистической формулѣ, что «праведникъ есть основа міра», онъ развилъ теорію о значеніи цадика или главы хасидовъ до того, что высказалъ слѣдующія кощунственныя слова: цадикъ есть не только

совершеннѣйшій и безгрѣшный человѣкъ, онъ не только равенъ Моисею, но есть представитель божества и его отраженіе; все, что цадикъ дѣлаетъ и думаетъ, имѣетъ рѣшительное вліяніе на высшій и низшій міры. Каббала Луріи тоже высказывала, что набожный человѣкъ исполненіемъ религіозныхъ заповѣдей можетъ вліять на небесныя сферы и въ извѣстной мѣрѣ вынуждать божество къ изліянію своей благодати на земной міръ. Поученіе Бера шло дальше, выражаясь такъ: слова Библіи: «величіе Божіе наполняетъ міръ» означаютъ, что ни одна точка на землѣ, какъ и въ небесахъ, не свободна отъ присутствія божества; въ особенности божество проявляется въ дѣйствіяхъ цадика; каждое, даже малѣйшее, его дѣйствіе имѣетъ значеніе; манера его носить платье, завязывать башмакъ, курить трубку, его глубокомысленная проповѣдь и грубая шутка—все это имѣетъ отношеніе къ божеству и есть исполненіе религіознаго долга; даже когда онъ черпаетъ вдохновеніе въ бутылкѣ, онъ этимъ вліяетъ на высшій и низшій міръ... Цадикъ, т. е. Беръ мезеричскій, былъ, по этому ученію, представителемъ Божьяго могущества и величія на землѣ...

Ученіе Бера не должно было остаться безплоднымъ: оно должно было приносить ему почести и доходы. Въ то время, какъ цадикъ заботится о благополучіи всего міра и въ особенности о благосостояніи и величіи Израиля, его поклонники должны имѣть въ виду три добродѣтели. Во-первыхъ, держаться, по возможности, ближе къ цадику и отъ времени до времени являться къ нему на поклоненіе. Во-вторыхъ, они должны каяться передъ нимъ въ своихъ прегрѣшеніяхъ. Наконецъ они должны доставлять ему подарки, богатые подарки, которые онъ умѣетъ употреблять наилучшимъ образомъ. Заботиться о его глоткѣ тоже есть ихъ долгъ. Какъ будто переносишься во времена жрецовъ Ваала; такъ грубо и отвратительно это религіозное извращеніе. Грустно при этомъ то, что это ученіе, достойное народа, поклоняющагося фетишу, нашло отголосокъ въ Польшѣ, гдѣ такъ распространена была еврейская ученость. Но именно это изобиліе талмудическаго знанія и породило такія печальныя послѣдствія. Органъ ума былъ такъ раздраженъ у польскихъ евреевъ, что нелѣпое имъ болѣе всего и нравилось...

Антипатія хасидовъ къ раввинамъ и талмудистамъ увеличивалась по мѣрѣ усиленія секты. Сухость, бездушіе и казуистика талмудическаго ученія сдѣлались предметомъ постоянныхъ на-

смѣшекъ въ хасидскихъ кружкахъ. Талмудъ, игравшій тогда такую громадную роль въ Польшѣ, былъ у нихъ въ пренебреженіи. Въ каббалистической литературѣ хасиды нашли много доказательствъ того, что Талмудъ не имѣетъ большого значенія сравнительно съ высшей мудростью мистики... Изъ Зогара хасиды заимствовали ругательное прозвище для талмудистовъ: «дьяволомъ полные еврейскіе мудрецы»... Тѣ не успѣли еще оглянуться, какъ хасиды образовали новую секту, разорвавшую связь съ ними. Хасиды съ Беромъ во главѣ чувствовали себя уже достаточно сильными для того, чтобы сдѣлать такое нововведеніе, которое, какъ можно было предвидѣть, вызоветъ на нихъ гнѣвъ раввиновъ. Такъ какъ молитва и связанные съ нею обряды были для нихъ важнѣе всего, то они и не обращали вниманія на предписанія кодекса о томъ, сколько именно нужно молиться и когда какая молитва должна быть начата и окончена, но принимали свое настроеніе за единственное мѣрило въ этомъ дѣлѣ. При ежедневныхъ омовеніяхъ, очищеніяхъ и другихъ приготовленіяхъ къ молитвѣ (между которыми куреніе табаку играло важную роль), они рѣдко начинали молитву въ предписанное время, приступали къ ней позже, своими тѣлодвиженіями и пѣніемъ тянули ее долго, внезапно прерывали и многое пропускали; неудобопонятныя вставки въ субботнихъ и праздничныхъ молитвахъ (піюты) были имъ особенно противны. Эти вставки раздробляютъ самыя главныя и возбуждающія молитвы. Чтобы избавиться отъ нихъ однимъ ударомъ, Беръ Мезеричскій ввелъ въ употребленіе молитвенникъ главы каббалистовъ, Исаака Луріи, составленный, главнымъ образомъ, по португальскому образцу и не содержащій упомянутыхъ вставокъ. Въ этомъ консерваторы находили важный, даже двойной проступокъ: во-первыхъ, оставленіе освященныхъ обычаемъ молитвъ и, во-вторыхъ, замѣну нѣмецкаго ритуала испанскимъ или сефардскимъ».

«Это нововведеніе, вѣроятно, дорого бы стоило хасидамъ,—продолжаетъ Грецъ,—если-бъ въ то время, вмѣстѣ съ политическимъ разслабленіемъ Польши, не ослабъ и тѣсный союзъ, соединявшій всѣхъ польскихъ евреевъ».

Неизвѣстно, какова бы была судьба хасидизма, если бы другой части еврейства удалось на первыхъ же порахъ выдвинуть противъ него тотъ органъ, который возглавлялъ всѣ еврейскія общины въ Польшѣ—Ваадъ, Синодъ четырехъ областей (см. стр. 289), этотъ грозный, чисто государственный аппаратъ,

въ распоряженіи котораго была, повидимому, даже смертная казнь за измѣну еврейству. Но польское государство было къ этому времени уже не то, что прежде: это была пора польскихъ раздѣловъ. Ставленникъ Екатерины Второй, польскій король Станиславъ-Августъ Понятовскій въ первый же годъ своего правленія упразднилъ еврейскій Синодъ. За прекращеніемъ его дѣятельности, иниціативу въ борьбѣ съ хасидами взяла на себя виленская еврейская община, какъ одна изъ наиболѣе крупныхъ и вліятельныхъ. Выдающимся вліяніемъ въ ней пользовался нѣкій Илья, прозванный Гаономъ (великимъ). Объ этомъ виленскомъ Ильѣ Грецъ отзывается почти восторженно, но тѣмъ не менѣе долженъ признать, что даже сей ожесточеннѣйшій врагъ хасидовъ самъ былъ каббалистъ: «темной стороной его было то—пишетъ Грецъ—что и онъ подчинился сумасбродству считать каббалу дѣйствительной дочерью іудейства, заключающей въ себѣ истину... Даже когда онъ ближе столкнулся съ опасностью этого лжеученія, при выступленіи хасидовъ, и онъ вынужденъ былъ начать борьбу противъ нихъ, онъ всетаки не могъ освободиться отъ своей любви къ каббалѣ, и смотрѣлъ на вновь возникшее противное явленіе только какъ на злоупотребленіе ею».

Сіе весьма достопримѣчательно. Такимъ образомъ, и хасиды, и враги хасидовъ—тѣ и другіе—признавали каббалу. Не о признаніи или отрицаніи каббалы шла, слѣдовательно, борьба, а лишь о томъ, что новые сектанты злоупотребляютъ каббалой.

Илья виленскій «принялъ дѣло весьма серьезно».

«Проповѣдникъ Хаимъ, распространявшій въ Вильнѣ хасидизмъ, былъ лишенъ должности. Онъ раскаялся и просилъ прощенія у Ильи, но тотъ «мрачно» отвѣтилъ ему: «для еретиковъ нѣтъ раскаянія». Соблазнитель Исеръ, по строгому мнѣнію Ильи, долженъ былъ быть выставленъ къ позорному столбу, но представители поступили съ нимъ нѣсколько мягче. Они въ субботу, въ присутствіи всей общины, наложили на него анаѳему, подвергли его заключенію и бичеванію и сожгли у позорнаго столба найденныя хасидскія сочиненія (начало мая 1772 г.). Затѣмъ раввины и представители, вмѣстѣ съ Ильею виленскимъ, отправили циркуляръ ко всѣмъ большимъ общинамъ, чтобы онѣ строго слѣдили за хасидами и подвергали ихъ анаѳемѣ, пока не откажутся отъ своихъ заблужденій... Изъ круга Ильи виленскаго вышло въ свѣтъ весьма рѣзкое обвинительное сочиненіе противъ нихъ. Это былъ первый ударъ, обрушившійся

на хасидовъ.. Однако, эта буря не сломила ихъ. Они остались и даже не дѣлали никакой попытки подчиниться противникамъ... Хасиды, выросшіе до 50—60 тысячъ человѣкъ, сгрупировались небольшими общинами, съ руководителемъ во главѣ, носившимъ названіе Ребе.... Первый верховный цадикъ, Авраамъ, сынъ Бера, считается хасидами олицетвореніемъ всего святого и обозначается именемъ «ангела» (га-малахъ)... Опасаясь отпаденій вслѣдствіе выпущеннаго противъ нихъ изъ Вильны обвинительнаго сочиненія, главы хасидовъ распорядились, что хасиды не должны ни читать, ни даже видѣть книгу, неодобренную ими. Послушаніе главамъ уже такъ укоренилось между хасидами, что они не переступали этого запрещенія. Вмѣсто этихъ сочиненій, главы хасидовъ предлагали свои проповѣди, или собраніе изреченій будто Израиля Баалшема или Бера мезеричскаго, которыя всѣ вращались вокругъ вопроса о высокомъ значеніи цадика, важности хасидской жизни и презрѣнія талмудистовъ. Это были сочиненія безсмысленныя, которыя тѣмъ не менѣе съ удивленіемъ читались приверженцами, поддерживаемыми въ постоянномъ опьяненіи. То, что прежде было затѣйливой причудой или дѣломъ воли, то, благодаря такимъ сочиненіямъ, дѣлалось предписаніемъ и строгимъ закономъ».

Возвышенію хасидизма въ эту пору особенно способствовалъ знаменитый цадикъ, котораго Грецъ называетъ: «Шнееръ Залманъ изъ Ляды» (1751—1813 г. г.), посвящая ему даже въ концѣ книги подъ этимъ заглавіемъ особое спеціальное примѣчаніе въ нѣсколько страницъ.

«Онъ сдѣлалъ мѣстечко Любавичъ центромъ для своихъ приверженцевъ. Хасиды предпочитали оставаться въ маленькихъ мѣстечкахъ, чтобы имѣть возможность безпрепятственно вести свое дѣло...

Послѣ второго раздѣла Польши, въ русской Польшѣ были доносы противъ хасидовъ, будто они представляютъ секту, вредную для государства. Залманъ лядійскій, глава любавичскихъ хасидовъ, былъ въ цѣпяхъ отправленъ въ Петербургъ. Говорили, что Илья виленскій былъ виновенъ въ этомъ, такъ какъ онъ возбуждалъ всѣхъ противъ хасидовъ и вообще преслѣдовалъ ихъ до конца жизни. Что же сдѣлали хасиды? Одинъ изъ нихъ разъѣзжалъ съ мальчикомъ, котораго выдавалъ за сына Ильи виленскаго и заставлялъ его разсказывать, что отецъ его раскаивается и со слезами оплакиваетъ свои дѣйствія противъ

хасидовъ. Для опроверженія этой лжи Илья виленскій долженъ былъ разсылать циркуляры и даже пословъ. Хасиды безчувственно мстили ему послѣ его смерти, танцуя на его могилѣ и празднуя день его смерти.

Всѣ принятыя противъ нихъ мѣры не были въ состояніи подавить ихъ, потому что съ одной стороны они защищали основательный принципъ противодѣйствія чрезмѣрному талмудизму. Къ концу XVIII вѣка число ихъ возросло уже до ста тысячъ человѣкъ. Теперь они распространяются повсюду и задаютъ тонъ тамъ, гдѣ ихъ прежде преслѣдовали»...

Въ «примѣчаніи» объ арестѣ «Шнеура Залмана Лядійскаго» читаемъ: «самый выдающійся глава хасидовъ былъ арестованъ въ Петербургѣ. Хасидскіе источники разсказываютъ, какимъ образомъ онъ былъ освобожденъ. При этомъ они повѣствуютъ о многихъ чудесахъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ достаточно наивны, чтобы разсказать, что богатые хасиды обязались для этой цѣли дать 10% отъ всякаго приданаго, что они собрали 40.000 рублей черезъ ученика Залмана и, наконецъ, что они содержали въ Вильнѣ шпіона, который сообщалъ имъ о каждомъ шагѣ противниковъ. Какъ долго Залманъ просидѣлъ въ заключеніи, не показано съ точностью, повидимому, до конца 1797 г... Къ концу царствованія Павла I Залманъ опять попалъ въ заключеніе въ Петербургѣ и, какъ говорятъ, былъ освобожденъ только послѣ восшествія на престолъ Александра I (1800 г.)».

Въ слѣдующемъ примѣчаніи поименовано человѣкъ десять хасидскихъ «ребе» того времени, не столь знаменитыхъ, какъ Шнеуръ-Залманъ, но все же выдающихся. Среди нихъ Менахемъ Нохумъ изъ Чернобыля и его сынъ Мордохай или Мотель, который уже носилъ фамилію Чернобыльскій.

Въ другомъ еврейскомъ сочиненіи по всеобщей исторіи евреевъ, не столь обширномъ, какъ Грецъ, но все же довольно подробномъ, Дубнова, хасидизмъ обрисованъ хотя и безъ тѣхъ рѣзкостей, которыми изобилуетъ изложеніе Греца, но, по существу, тѣми же чертами.

«Въ послѣднія десятилѣтія восемнадцатаго вѣка—читаемъ у Дубнова—хасидизмъ съ неимовѣрною быстротою распространился среди еврейской массы Польши и отчасти даже Литвы. Во многихъ общинахъ возникали хасидскіе кружки и устраивались особыя молельни, гдѣ совершалось богослуженіе по ре-

цепту Бешта, съ крайнимъ экстазомъ, криками и тѣлодвиженіями. Хасиды ввели въ употребленіе каббалистическій молитвенникъ Ари, отличающійся отъ обыкновеннаго молитвенника многими измѣненіями и перемѣщеніями въ текстѣ. Они не соблюдали законныхъ сроковъ утренняго богослуженія, измѣнили ритуалъ убоя скота... Но что особенно отличало хасидовъ—это ихъ восторженное поклоненіе своимъ «святымъ» цадикамъ. Будучи въ логическомъ порядкѣ слѣдствіемъ хасидизма, цадикизмъ фактически создавалъ почву для него во многихъ мѣстахъ. Появленіе какого-либо цадика-чудотворца въ томъ или другомъ раіонѣ весьма часто приводило къ поголовному обращенію мѣстныхъ жителей въ хасидство. Къ цадику стекались толпы легковѣрныхъ мужчинъ и женщинъ съ просьбами объ исцѣленіи отъ болѣзней, о прекращеніи женскаго безплодія, о благословеніи, предсказаніи или совѣтѣ въ житейскихъ дѣлахъ. И если хоть въ одномъ изъ многихъ случаевъ цадикъ кому-нибудь оказалъ помощь, что-нибудь предугадалъ или удачно предсказалъ, то его слава, какъ чудодѣя, уже упрочивалась—и населеніе даннаго раіона принимало хасидство».

Отмѣчая, что хасидизмъ имѣетъ двѣ главныя вѣтви, двѣ отрасли—польско-украинскую и литовско-бѣлорусскую, Дубновъ перечисляетъ четырехъ главныхъ, наиболѣе видныхъ представителей первой вѣтви, въ ихъ числѣ Чернобыльскаго. Одинъ изъ этихъ четырехъ, Элимелехъ, «развилъ до крайностей ученіе *практическаго цадикизма*. Первая заповѣдь для хасида, говорилъ онъ—заключается въ преклоненіи передъ цадикомъ. Цадикъ—это *маклеръ между Израилемъ и Богомъ*. Черезъ его посредство Богъ ниспосылаетъ вѣрующему земныя блага — жизнь, пропитаніе и дѣтей; стоитъ цадику захотѣть — и этотъ источникъ благъ закроется. Поэтому хасидъ обязанъ слѣпо вѣрить въ цадика, считать его своимъ благодѣтелемъ и удѣлять ему изъ своего достатка. Нужно поддерживать цадика денежными и всякими иными приношеніями, дабы онъ могъ предаваться служенію Богу и тѣмъ благодѣтельствовать людямъ. Эта коммерческая теорія обмѣна услугъ возымѣла свое дѣйствіе: народъ несъ къ цадику послѣдніе гроши, а цадикъ не уставалъ благословлять, изливать блага на землю, исцѣлять недужныхъ, лечить женщинъ отъ безплодія и т. п. Выгодное званіе цадика дѣлалось наслѣдственнымъ, переходило отъ отца къ сыну и къ внукамъ. Размножились повсюду мелкія *династіи* цадиковъ, оспаривавшія

другъ у друга первенство. Въ такую грубую форму выродился изобрѣтенный Бештомъ культъ праведниковъ».

Въ отношеніи «литовско-бѣлорусской» вѣтви хасидизма, Дубновъ, вполнѣ согласно съ Грецомъ, отмѣчаетъ огромное значеніе «Шнеура Залмана Лядійскаго», но только называетъ его нѣсколько иначе—Залманомъ Шнеерсономъ—впрочемъ, не можетъ быть никакого сомнѣнія, что оба еврейскіе историка говорятъ здѣсь объ одномъ и томъ же лицѣ. Борьба съ нимъ Ильи Гаона виленскаго описана Дубновымъ такъ: «Изъ Вильны опять дали сигналъ къ походу противъ хасидовъ. Литовскіе раввины, собравшись на ярмаркѣ въ м. Зельвѣ Гродненской губерніи, разослали оттуда прокламаціи ко всѣмъ еврейскимъ общинамъ (1781), требуя строжайшихъ каръ для *безчестныхъ послѣдователей Бешта, губителя Израиля.* Правовѣрнымъ вмѣнялось въ обязанность вездѣ исключать хасидовъ изъ общества, смотрѣть на нихъ, какъ на иновѣрцевъ, не имѣть съ ними никакихъ сношеній, не родниться съ ними, не хоронить ихъ покойниковъ. Противники хасидовъ называли себя миснагидами, т. е. протестующими, и вездѣ преслѣдовали сектантовъ, какъ вредныхъ раскольниковъ. Когда въ Бѣлоруссіи возникли значительные хасидскіе кружки подъ главенствомъ Залмана Шнеерсона, агитація миснагидовъ усилилась. На раввинскихъ съѣздахъ въ Могилевѣ и Шкловѣ были приняты репрессивныя мѣры противъ хасидовъ и вождь ихъ былъ объявленъ ересіархомъ. Напрасно Залманъ оправдывался въ посланіяхъ къ раввинамъ, доказывая свое правовѣріе; напрасно ѣздилъ онъ также въ Вильну, чтобы лично объясниться съ Ильею Гаономъ и снять пятно ереси съ себя и своихъ послѣдователей: суровый Илья даже не допустилъ къ себѣ *расколоучителя.* Къ самому концу XVIII вѣка борьба партій еще болѣе обострилась и вызвала даже вмѣшательство правительства». (С. М. Дубновъ. Всеобщая исторія евреевъ. Изд. 1906 г., кн. III, стр. 321—332).

Такимъ образомъ, сами еврейскіе историки описываютъ хасидизмъ, какъ «грубое и отвратительное религіозное извращеніе» сектантовъ, которые смотрятъ на молитву, какъ на «родъ брачнаго союза человѣка съ божествомъ», для чего при совершеніи такой молитвы, «приводятъ себя въ изступленіе неистовыми криками и дикими тѣлодвиженіями». Не менѣе богохульно, въ изложеніи тѣхъ же историковъ, представленіе хасидовъ объ ихъ чудодѣяхъ, цадикахъ, этихъ «маклерахъ между

Израилемъ и Богомъ», которые «отражаютъ въ себѣ божество», являются «источникомъ жизни, пропитанія и дѣтей», «имѣютъ рѣшительное вліяніе на высшій и низшій міръ»—даже тогда, когда курятъ трубку или «почерпаютъ вдохновеніе въ бутылкѣ». Какъ типична для жидовскаго простонародья Западнаго края—гдѣ выросъ и окрѣпъ хасидизмъ—карьера перваго его столпа и цадика, Израиля Баалъ Шема: сначала онъ извозчикъ, потомъ барышникъ и въ заключеніе— вѣнецъ благополучія—шинкарь, кабатчикъ. Какъ ожесточенна борьба сектантовъ съ остальнымъ еврействомъ: тутъ и отлученіе, и проклятіе, и торжественное сожженіе сочиненій, и даже бичеваніе, и шпіонство, и доносы правительству.

Хасидамъ было воспрещено не только читать, но даже видѣть книгу, не одобренную цадиками, а сами цадики обращались къ своей паствѣ съ книгами «безсмысленными».

Эта картина, нарисованная самими іудеями, удостовѣряется источниками совершенно иного характера: оффиціальными правительственными актами, именуемыми «дѣломъ еврейскаго комитета о сектѣ хасидовъ» (№ 45, началось 5 апрѣля 1853 г., кончилось 8 іюля 1856 г., на 147 листахъ)—а еврейскій комитетъ былъ правительственнымъ учрежденіемъ, основаннымъ въ 1840 г. для «коренного преобразованія евреевъ».

Въ «дѣлѣ о хасидахъ» основателемъ этой секты признается—такъ же, какъ и въ еврейскихъ источникахъ—Израиль Баалъ Шемъ, поселившійся около 1740 г. въ Меджибожѣ и распространявшій ученіе, которое составляло «непонятную смѣсь каббалистическихъ и мистическихъ вымысловъ, имѣющихъ цѣлью затмевать разсудокъ и распалять воображеніе послѣдователей».

Далѣе приведенъ рядъ положеній, тезисовъ хасидскаго ученія, съ точными, постраничными ссылками, откуда, изъ какихъ хасидскихъ сочиненій эти выдержки взяты. Самыя разительныя изъ нихъ воспроизвести не представляется возможнымъ въ виду ихъ необычайно кощунственнаго, богохульственнаго и безнравственнаго характера, но достаточно будетъ, я полагаю, и того, что является доступнымъ для напечатанія:

«Цадики низвергаютъ людей съ ихъ достоинствъ и лишаютъ власти государей, сопротивляющихся ихъ велѣніямъ.

Цадикъ украшается именемъ царя, имѣя власть собирать для себя подати.

Цадикъ называется даже богомъ.

Устранивъ умъ, чувство и опытъ и принявши въ теченіе жизни путеводительницею одну лишь волю цадика, хасидъ можетъ надѣяться, что ведетъ жизнь богоугодную.

Цадикъ имѣетъ право наказывать человѣка смертью даже по ошибкѣ.

Кто подвергается гнѣву цадика, тотъ умираетъ преждевременно.

Отъ воли и усмотрѣнія цадика зависитъ назначить людямъ мѣстопребываніе въ раю или аду.

Даже платье, оставшееся послѣ цадика, заключаетъ въ себѣ большую силу: рубаха его разрѣшаетъ отъ совершеннаго убійства.

Когда цадикъ умираетъ, міръ дѣлается омерзительнымъ.

Цадикъ вступаетъ въ разговоръ съ иновѣрцами для того, чтобы исторгнуть изъ нихъ ту малѣйшую искру божества, которая у нихъ иногда бываетъ, послѣ чего эти люди подвергаются совершенному отверженію.

Позволяется обманывать людей иной вѣры.

Должно подкупать судей, чтобы поработить нехасидовъ.

Судилища акумовъ (неевреевъ) состоятъ во власти нечистыхъ духовъ.

Просвѣщеніе есть величайшая зараза, посему хасиды должны всячески охранять себя отъ онаго. Даже взглянуть въ научныя книги не позволяется, хотя бы оныя были написаны самымъ набожнымъ евреемъ!!»

Таковы положенія, извлеченныя изъ хасидскихъ сочиненій «Ликуте Амаримъ», «Ликуте Маганъ», Сефиръ Гамыдотъ», «Ноамъ Алимелекъ» и др.

«Ни одна изъ сихъ книгъ не удостоилась цензурнаго одобренія—читаемъ въ дѣлѣ о хасидахъ:—книги сіи распространены наиболѣе на Волыни и Подоліи, гдѣ, какъ въ своей колыбели, находятся почти во всеобщемъ употребленіи и гдѣ во всякомъ почти мѣстечкѣ существуютъ еврейскія типографіи. Время и мѣсто изданія исчисленныхъ сочиненій здѣшніе типографщики, изъ опасенія наказанія, большею частью означаютъ ложно. Австрійское правительство строго запретило какъ перепечатаніе хасидскихъ сочиненій внутри государства, такъ и ввозъ оныхъ изъ-за границы. Еврейскіе типографщики въ Россіи нѣсколько разъ пытались ввозить въ Австрію сіи книги подъ разными другими названіями, но правительство австрійское сіе замѣтило

и, три года тому назадъ (это относится къ 1831 году), запретило ввозъ всѣхъ безъ исключенія книгъ, печатаемыхъ въ Россіи. Сверхъ того, австрійское правительство постановило, чтобы всѣ еврейскія книги, какъ находящіяся уже въ употребленіи, такъ имѣющія впредь поступить въ обращеніе, были окаймлены особымъ штемпелемъ. Въ Австріи благомыслящіе евреи два изъ сихъ сочиненій сожгли передъ синагогою. Цадикъ грозилъ имъ за сіе дуновеніемъ изъ своей трубки опустошить весь свѣтъ, но сіе ихъ не устрашило. Здѣшніе однако же евреи затрепетали бы отъ такой угрозы: по вѣрованіямъ хасидовъ цадикъ сильнымъ куреніемъ трубки можетъ производить сильныя бури въ мірѣ духовъ».

Далѣе излагаются свѣдѣнія, относящіяся къ 1854 г., «о главномъ предводителѣ сихъ вредныхъ сектаторовъ въ Бѣлоруссіи»—Менделѣ Шнеерсонѣ изъ Любавичъ.

Матеріалъ, сюда относящійся, уже изложенъ въ особой главѣ фактической части, отведенной Шнеерсону (гл. XI, стр. 199).

Итакъ, относящіяся къ пятидесятымъ годамъ прошлаго вѣка правительственныя свѣдѣнія о хасидизмѣ оказываются въ полномъ соотвѣтствіи съ тѣмъ, что пишутъ про эту секту сами іудеи. Сущность ученія, дикій фанатизмъ его послѣдователей, слѣпое ихъ повиновеніе цадикамъ воспроизводится въ этихъ совершенно различныхъ по своему характеру источникахъ почти одинаково, точно также, какъ одинаковымъ является выводъ о громадномъ значеніи для хасидизма рода Шнеерсоновъ, обосновавшагося въ Любавичахъ.

Борьба съ хасидами миснагидовъ кончилась полнымъ пораженіемъ сихъ послѣднихъ. Хасидизмъ росъ и распространялся съ чрезвычайною быстротою, захватывая новые раіоны, новыхъ послѣдователей. Если на сторонѣ миснагидовъ былъ почти весь интеллигентный классъ іудейства, его «верхи», то громадное большинство жидовскаго простонародья въ такихъ его центрахъ, какъ Польша, Галиція, Юго-Западный, а отчасти и Сѣверо-Западный край оказался въ рукахъ хасидизма. «Еврейская Энциклопедія», не проявляющая къ хасидамъ особой нѣжности, опредѣляетъ ихъ численность «въ 40—50% современнаго еврейства». Вѣроятно, цифра эта, въ дѣйствительности, еще выше.

Дальнѣйшая борьба, обособленіе грозили юдаизму страшнымъ крахомъ, распаденіемъ надвое. Интеллигентные руководители

іудейства, оставшіеся въ рядахъ миснагидовъ, не могли не понимать грознаго для нихъ положенія, какъ, равнымъ образомъ, и того, что фанатически настроенное простонародье имъ не уступитъ. И вотъ, былъ изобрѣтенъ выходъ, представлявшійся для миснагидовъ, при создавшихся условіяхъ, несомнѣнно наилучшимъ: они признали хасидизмъ «равноправнымъ членомъ ортодоксальнаго іудаизма» (выраженіе Еврейской Энциклопедіи) и сдѣлали видъ, будто ничего особеннаго не произошло. Вмѣсто прежнихъ отлученій, проклятій, сожженія сочиненій и даже бичеванія—начались увѣренія, что еврейство было и есть единымъ, что никакихъ сектъ въ немъ нѣтъ, а хасидизмъ исчерпывается буквальнымъ смысломъ этого слова—«ученіе благочестія».

Именно такимъ лозунгомъ руководилось еврейство, когда началось дѣло объ убійствѣ Ющинскаго. Въ опубликованномъ тогда отъ имени «раввиновъ Россіи», за множествомъ ихъ подписей, протестѣ противъ обвиненія іудеевъ въ ритуальныхъ убійствахъ [1]) прямо написано: «въ еврействѣ нѣтъ сектъ.... У хасидовъ и у миснагидовъ дѣйствуетъ одинъ и тотъ же законъ».

Почему же, въ такомъ случаѣ, они проклинали и отлучали другъ друга, почему у нихъ разные молитвенники и разные молитвенные дома!?

Можетъ быть, впрочемъ, съ формальной стороны буквальнаго толкованія раввины и правы: законъ у хасидовъ и миснагидовъ одинъ, только пониманіе его разное.

Показанія свидѣтелей евреевъ на дѣлѣ Бейлиса были въ полномъ соотвѣтствіи съ заявленіемъ раввиновъ. На вопросы, касающіеся хасидовъ, только одинъ свидѣтель-еврей, Мордухъ Жукъ, не уклонился отъ положительныхъ отвѣтовъ. Онъ заявилъ, что состоитъ въ синагогѣ обрядчикомъ (вродѣ начетчика—читаетъ молитвы, какъ было пояснено на судѣ). Принадлежитъ къ хасидамъ, которые дѣлятся на два толка: польскій и литовскій. Свидѣтель—польскаго толка. Основателемъ другого, литовскаго толка былъ Залманъ Шнеерсонъ. Въ Кіевѣ, кажется, только одинъ молитвенный домъ миснагидскій, остальные хасидскіе. Спросить свидѣтеля о разницѣ между хасидами и миснагидами судъ не позволилъ, признавъ, что это вопросъ экспертизы.

---

[1]) Текстъ протеста приведенъ дословно въ приложеніи.

Совершенно иначе давалъ о томъ же самомъ показаніе другой свидѣтель, Ааронъ Дудманъ, членъ правленія молитвеннаго дома, расположеннаго на Куреневкѣ, въ домѣ Сундукова.

Допросъ Дудмана происходилъ такимъ образомъ:

Прокуроръ. Вы можете сказать, какого вы еврейскаго толка?

Дудманъ. Я еврей.

Прокуроръ. Я знаю, но не можете ли вы намъ сказать, вы хасидъ или миснагидъ?

Дудманъ. Это все равно. Одни молятся, и другіе молятся. Одно и то же. Мнѣ кажется, я былъ самъ разъ двадцать хасидамъ и разъ двадцать миснагидомъ. Сегодня я молюсь немножечко больше—я хасидъ. Завтра немножечко меньше—я миснагидъ.

Шмаковъ. Вашъ молитвенный домъ хасидскій?

Дудманъ. Мы не знаемъ даже разницы. Можетъ быть и хасидскій. Та же самая молитва. Никакой разницы. Только одни читаютъ молитву такъ, а другіе иначе, болѣе подробно.

Шмаковъ. Это хасидскій домъ?

Дудманъ. Обыкновенный молитвенный домъ. Повѣрьте, никакой разницы нѣтъ.

Предсѣдатель. Свидѣтель не экспертъ. О разницѣ будутъ говорить эксперты.

Шмаковъ. Да, но онъ великолѣпно знаетъ, о чемъ его спрашиваютъ.

Предсѣдатель. Если свидѣтель и знаетъ, но не желаетъ отвѣчать, то нельзя же его заставить.

Шмаковъ. Это другое дѣло...

Зарудный. Свидѣтель, я не спрашиваю васъ, что такое хасиды и чѣмъ они отличаются, но вы сами сказали, что есть небольшая разница—какая, я не спрашиваю. Значитъ, есть толки. Что, они молятся нѣсколько иначе?

Дудманъ. Кто много молится, тотъ и хасидъ.

Зарудный. Такъ какъ вы говорите, что они молятся нѣсколько иначе, то скажите, въ Кіевѣ въ скольких синагогахъ или молитвенныхъ домахъ молятся по-хасидски и въ скольких по-миснагидски? Чего въ Кіевѣ больше: хасидскихъ или миснагидскихъ молитвенныхъ домовъ?

Дудманъ. Не-хасидскихъ больше.

Зарудный. Но и хасидскихъ много?

Дудманъ. Да, есть.

Предсѣдатель. Свидѣтель, чего больше: хасидскихъ или миснагидскихъ молитвенныхъ домовъ?

Думанъ. Не-хасидскихъ больше.

(А Жукъ удостовѣрилъ, что «въ Кіевѣ, кажется, только одинъ молитвенный домъ миснагидскій»)

Предсѣдатель. Молитвенный домъ, который находится у Сундукова, хасидскій или нѣтъ?

Думанъ. Откровенно отвѣчу: не знаю. Я молюсь и по-хасидски, и по-миснагидски.

Предсѣдатель. Вы не отвѣчаете на вопросъ. Я спрашиваю хасидскій домъ или нѣтъ? Или вы не знаете?

Думанъ. Средній.

Предсѣдатель. Какъ, средній!?... Развѣ еще есть средній толкъ.

Думанъ. Каждый по своему молится.

Членъ суда Юркевичъ. Вы сами миснагидъ или хасидъ?

Думанъ. Я самъ не знаю.

Членъ суда Юркевичъ. Вашъ молитвенный домъ посѣщаютъ больше миснагиды или хасиды?

Думанъ. Не могу вамъ сказать.

Членъ суда Юркевичъ. Свидѣтель, не уклоняйтесь отъ вопроса.

Думанъ. Какъ я могу сказать? Если они много молятся—хасиды. Если меньше—миснагиды. Потому я и говорю, что разъ двадцать былъ хасидомъ и разъ двадцать миснагидомъ...

Мудрый законъ въ словахъ іудейской присяги требуетъ, чтобы іудеи давали показанія «не по иному, скрытому въ нихъ смыслу, а по смыслу и вѣдѣнію приводящихъ ихъ къ присягѣ». Превосходный образчикъ такого «скрытаго въ свидѣтелѣ смысла» даетъ показаніе Думана. Хасидъ—буквально значитъ благочестивый человѣкъ. Если вы дадите этому слову такой—и только такой смыслъ, то вы найдете ключъ къ показанію Думана.

Весьма характерны отвѣты на ту же тему другого свидѣтеля-іудея, Боруха Зайцева—это внукъ Іойны Зайцева, основавшаго кирпичный заводъ, и одинъ изъ участниковъ закладки на заводской усадьбѣ молитвеннаго дома, возведеннаго тайно отъ правительства.

Прокуроръ. Вашъ покойный дѣдъ былъ очень религіозенъ?

Зайцевъ. Да.

Прокуроръ. Онъ принадлежалъ къ хасидамъ?

Зайцевъ. Нѣтъ. Онъ изъ купеческой семьи.

Прокуроръ. Такъ что же?

Зайцевъ. Что вы понимаете подъ словомъ хасидъ? Религіознаго человѣка или что-нибудь другое?

Прокуроръ. Насколько мнѣ извѣстно, въ смыслѣ религіозномъ всѣ евреи раздѣляются на хасидовъ и миснагидовъ.

Зайцевъ. Хасидъ тотъ, который ѣздитъ къ цадикамъ. Мой дѣдъ, живя въ Кіевѣ лѣтъ 40, никуда не отлучался и не уѣзжалъ [1]).

Прокуроръ. Не можете ли вы сказать, гдѣ находится ближайшій цадикъ хасидовъ? Далеко отъ Кіева?

Зайцевъ. Не могу сказать. Не знаю.

Прокуроръ. Я думаю, что всякій еврей долженъ же знать, хасидъ онъ, или миснагидъ?

Зайцевъ. Я ко всему этому глубоко равнодушенъ и не интересовался, гдѣ проживаетъ цадикъ.

Прокуроръ. Но простые, не интелигентные евреи, они принадлежатъ къ хасидамъ или миснагидамъ?

Зайцевъ. Не знаю.

Прокуроръ. Если бы васъ спросили, къ какому религіозному толку вы принадлежите, вы бы что сказали?

Зайцевъ. Не знаю. Мы мало интересуемся хасидами. Евреи интеллигентные этимъ не занимаются.

Прокуроръ. Но всетаки они знаютъ о существованіи различныхъ толковъ своего вѣроученія?

Зайцевъ. Да, безусловно знаютъ.

Шмаковъ. Вы говорили, что не интересовались вопросомъ о хасидахъ. Однако, вы сказали, что хасидъ тотъ, который побывалъ у цадика. Что же, это, значитъ, признано, установлено у хасидовъ, что они должны побывать у цадика?

Зайцевъ. Для меня этотъ вопросъ совершенно не ясенъ. Я сказалъ, что, насколько мнѣ извѣстно, если хасидъ, такъ, вѣроятно, былъ у цадика, иначе онъ не былъ бы хасидомъ...

Итакъ, Борухъ Зайцевъ заявляетъ, что Іойна Зайцевъ 40 лѣтъ не отлучался изъ Кіева, а между тѣмъ хасиды всѣ ѣздятъ къ цадикамъ—и это единственное свѣдѣніе о хасидахъ, о цадикахъ, которымъ располагаетъ Борухъ Зайцевъ. Больше о нихъ Боруху Зайцеву рѣшительно ничего не извѣстно...

---

[1]) Значитъ, не былъ хасидомъ!? Однако, почему же онъ долженъ былъ видѣться съ цадикомъ непремѣнно внѣ Кіева? Почему самъ цадикъ не могъ время отъ времени пріѣзжать въ Кіевъ, гдѣ жидовское населеніе не маленькое и гдѣ почти всѣ молитвенные дома хасидскіе, а не миснагидскіе?

Впрочемъ, былъ свидѣтель, который въ своемъ невѣдѣніи пошелъ еще дальше. Это—Файвель Шнеерсонъ. Въ его показаніи значится, что даже о существованіи среди евреевъ хасидовъ и миснагидовъ онъ совершенно не знаетъ.

Итакъ, изъ четырехъ свидѣтелей-іудеевъ, спрошенныхъ на судѣ о хасидской сектѣ—другимъ свидѣтелямъ-іудеямъ вопросовъ изъ этой области не предлагалось—всѣ четверо—Мордухъ Жукъ, Ааронъ Дудманъ, Борухъ Зайцевъ и Файвель Шнеерсонъ—отвѣчали разно, причемъ трое изъ нихъ явно старались уклониться отъ отвѣтовъ: едва ли возможно повѣрить, что участвовавшему въ закладкѣ еврейскаго молитвеннаго дома Зайцеву ничего не извѣстно о хасидахъ, ибо онъ еврей «интеллигентный», что для Дудмана, состоящаго членомъ правленія синагоги, слово «хасидъ» значило только «благочестивый человѣкъ», и ничего иного, что, наконецъ, Шнеерсонъ изъ Любавичей даже никогда не слыхалъ, что есть среди еврейства хасиды.

Дѣлиться съ христіанами свѣдѣніями о хасидахъ не входило, видимо, въ соображеніе названныхъ свидѣтелей, по тѣмъ же, вѣроятно, основаніямъ, по которымъ руководители еврейства сочли нужнымъ публично утверждать передъ дѣломъ Бейлиса, будто «въ еврействѣ нѣтъ сектъ».

Поведеніемъ этимъ лишь подчеркивается, что сами іудеи прекрасно понимали, насколько опасную и скользкую почву представляло глубокое и гласное проникновеніе въ существо хасидизма. Отрицать здѣсь то, что установлено самими же еврейскими историками, было невозможно. Признавать—опасно. Оставалось замалчивать, затушевывать. Нельзя же было признать того факта, удостовѣреннаго, однако, съ несомнѣнностью, что не менѣе половины всего еврейства примкнуло къ изувѣрной сектѣ, проникнутой самымъ дикимъ, самымъ чудовищнымъ фанатизмомъ.

IV.

Заключеніе каноника Пранайтиса.

Лишь въ концѣ предварительнаго слѣдствія, когда оно было обращено къ дослѣдованію и находилось въ рукахъ Н. А. Машкевича, судебныя власти признали нужнымъ произвести такъ называемую «ритуальную экспертизу»—допросить свѣдующее

лицо объ іудейскомъ ритуалѣ вообще и о догматѣ крови въ особенности.

Заключеніе судебному слѣдователю по этимъ вопросамъ далъ каноникъ ксендзъ І. Е. Пранайтисъ, магистръ богословія, бывшій преподаватель еврейскаго языка въ петроградской Римско-Католической Духовной Академіи, написавшій въ 1892 г., на латинскомъ языкѣ, весьма интересное сочиненіе: «Христіанинъ въ Талмудѣ еврейскомъ, или тайны раввинскаго ученія о христіанахъ»—съ соотвѣтствующими текстами на древне-еврейскомъ языкѣ, съ переводомъ ихъ на латинскій.

Во время производства дѣла объ убійствѣ Ющинскаго, Пранайтисъ занималъ равную епископской должность куратора всѣхъ католическихъ церквей Туркестанскаго края.

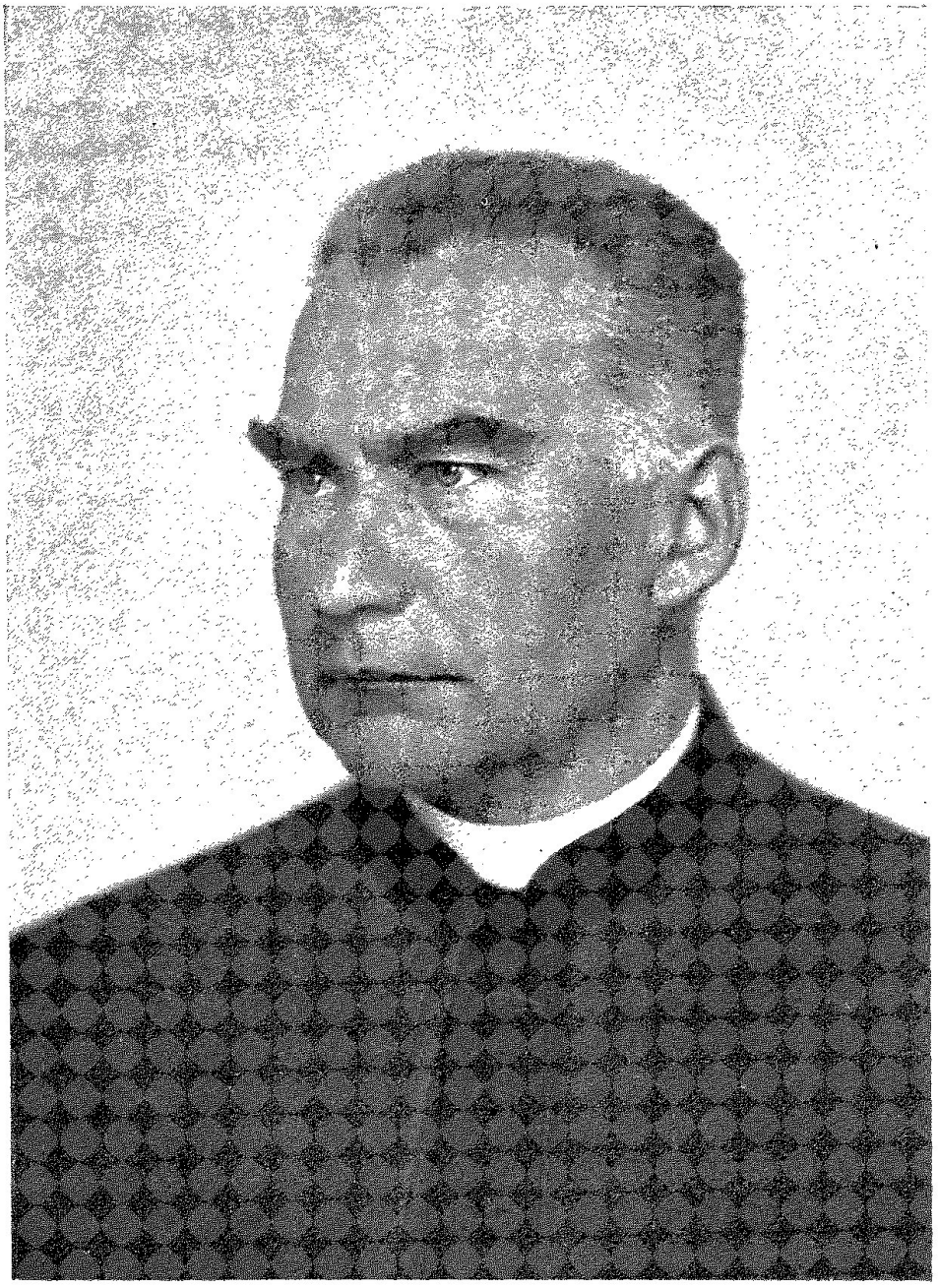
Допросъ его слѣдователемъ производился съ 15 по 23 ноября 1912 г. На судѣ Пранайтисъ подтвердилъ, въ общемъ, свое заключеніе, данное на предварительномъ слѣдствіи.

Заключеніе это гласитъ:

«На вопросъ о томъ, имѣются ли гдѣ-либо въ источникахъ еврейскаго вѣроученія прямыя указанія на существованіе у евреевъ такъ называемаго «догмата крови», т. е. прямыя предписанія закона объ употребленіи евреями крови не-евреевъ вообще и въ частности христіанъ съ религіозной цѣлью, отвѣчаю, что въ извѣстныхъ мнѣ источникахъ еврейскаго вѣроученія такихъ прямыхъ указаній на упомянутый выше догматъ, въ формѣ опредѣленныхъ, точныхъ и не допускающихъ по своей категоричности и ясности иныхъ толкованій велѣній религіознаго ихъ закона, я не встрѣчалъ. Да и невозможно допустить, чтобы такія указанія могли быть въ доступныхъ всякому интересующемуся еврейскимъ вѣроученіемъ печатныхъ источникахъ, ибо никто не станетъ объявлять во всеуслышаніе о своей преступной дѣятельности.

Тѣмъ не менѣе, изъ этого еще нельзя сдѣлать вывода, что у евреевъ въ дѣйствительности не существуетъ такого догмата, что убійствъ съ религіозною цѣлью евреями не-евреевъ вообще и въ частности христіанъ не было и что вообще ритуальныхъ убійствъ нѣтъ и обвиненіе въ нихъ евреевъ—абсурдъ и измышленіе.

Всѣ лица, сдѣлавшія въ этой области еврейскаго вѣроученія разоблаченія, говорятъ объ этомъ догматѣ совершенно опредѣленно, какъ о чрезвычайной тайнѣ, передаваемой устно и пре-



КАНОНИКЪ ПРАНАЙТИСЪ.

емственно, особо избраннымъ, подъ страхомъ тяжелыхъ каръ и съ особыми заклинаніями.

Правда, даже среди евреевъ, принявшихъ христіанство, есть лица, отвергающія всякія разоблаченія отрицательныхъ сторонъ еврейскаго вѣроученія и защищающія еврейство отъ всякихъ обвиненій вообще, хотя бы и справедливыхъ (профессора Хвольсонъ и Левисонъ), есть и такіе, которые, хотя разоблачаютъ отрицательныя стороны еврейскаго вѣроученія, но отвергаютъ совершенно существованіе указаннаго догмата крови у евреевъ (Алексѣевъ и др.). Въ разъясненіе этого, только кажущагося, противорѣчія, можно сослаться на Іоре Деа (157,2, Хага), гдѣ говорится:

— «Если еврей можетъ обмануть акумовъ, заставивъ ихъ вѣрить, что онъ (самъ) акумъ, то это дозволено».

Такимъ образомъ раввинизмъ учитъ, что еврей въ правѣ притворно, для виду, принимать христіанство. Еврей, крестившійся искренно, или же крестившійся сначала для виду, но потомъ ставшій христіаниномъ по убѣжденію, прогнѣвилъ Бога и долженъ быть убитъ,—такое положеніе проводится въ Іоре Деа (158,2, Хага):

— «Выкресты, крестившіеся (proforma) и затѣмъ сами вступившіе въ среду акумовъ, чтобы подобно имъ предаваться идолопоклонству, равны тѣмъ, кои крестились, чтобы прогнѣвить Бога, и такихъ бросаютъ въ яму и оттуда не вытаскиваютъ».

Такимъ образомъ показное крещеніе и притворное исповѣданіе вѣры здѣсь ясно обозначены, какъ дозволенные поступки, и только искреннее принятіе христіанства является прогнѣвляющимъ Бога грѣхомъ. Это признанное раввинизмомъ положеніе отмѣчаетъ еврей, профессоръ Грецъ въ своей «Исторіи евреевъ» (т. XI, стр. 368). Въ панегирикѣ Берне и Гейне онъ бросаетъ крестившимъ ихъ священникамъ бездоказательный упрекъ, будто они не потребовали отъ нихъ искренняго исповѣданія вѣры. «Они же оба—говоритъ Грецъ—наружно отреклись отъ іудейства, но только какъ борцы, овладѣвающіе доспѣхами и знаменемъ врага, чтобы поразить его тѣмъ вѣрнѣе и тѣмъ основательнѣе его умертвить». Докторъ Грецъ—профессоръ раввинской семинаріи въ Бреславлѣ. Подобную же мысль проводитъ Іостъ, наставникъ той же семинаріи, въ своей «Исторіи еврейства» (II, 444), гдѣ онъ называетъ цѣлый рядъ ученыхъ евреевъ, крестившихся для виду, чтобы подъ маской христіанства прово-

дить талмудизмъ. Англійскій лордъ д'Израэли, какъ говоритъ еврейская газета «Fanfulla» (отъ 21 апрѣля 1881 года), крестился только для того, чтобы получить права гражданства, давшія ему возможность стать во главѣ власти, въ сердцѣ же онъ остался настоящимъ евреемъ и никогда не таилъ своей недоброжелательности къ не-евреямъ. Любовь его къ евреямъ росла съ годами. Изъ «Archives Israélites» (28 апрѣля 1881 года) видно, что въ англійскихъ синагогахъ въ память его составлены особыя молитвы. Несмотря на крещеніе, онъ еврейскимъ вѣроотступникомъ, апостатомъ, не считался.

Упомянувъ выше о преемствѣ догмата крови, я нахожу необходимымъ отмѣтить въ самыхъ источникахъ еврейскаго вѣроученія указанія на существованіе у нихъ тайны ученія. Святость Каббалы такъ велика, что подъ страхомъ анаѳемы запрещено сообщать ее непосвященнымъ.

Зогаръ (Вайикра, III, 106, а) говоритъ:

«Не дозволено сообщать эти слова (Каббалы) никому, кромѣ общества жнецовъ поля (т. е. каббалистовъ), ибо, если не будетъ поступлено согласно этому, то да будутъ прокляты тѣ, кто придетъ разоблачать (слова эти) несвѣдущимъ».

Указавъ, что мнѣ не приходилось встрѣчать въ извѣстныхъ мнѣ источникахъ еврейскаго вѣроученія прямыхъ и недопускающихъ иныхъ толкованій велѣній закона объ употребленіи крови человѣческой (не-еврейской) съ религіозною цѣлью, на второй, предложенный мнѣ вами, господинъ судебный слѣдователь, вопросъ: допустимо ли съ точки зрѣнія еврейскаго религіознаго закона употребленіе человѣческой (не-еврейской и въ частности христіанской) крови съ религіозной или какой-либо иной цѣлью, объясняю, что вопросъ этотъ служитъ уже давно предметомъ ожесточенныхъ споровъ. Одни совершенно не допускаютъ положительнаго отвѣта на этотъ вопросъ, другіе же, наоборотъ, утверждаютъ, что необходимо отвѣтить утвердительно.

Первые говорятъ: ритуальныхъ убійствъ нѣтъ и быть не можетъ, ихъ запрещаетъ Моисеевъ законъ. Нѣтъ ни въ Талмудѣ, ни во всей раввинской литературѣ даже намека на то, чтобы евреямъ нужна была для чего-либо христіанская кровь. Талмудъ совсѣмъ ничего не говоритъ ни объ Іисусѣ Христѣ, ни о христіанахъ. Всѣ слова, употребляемыя въ Талмудѣ для обозначенія не-евреевъ, какъ-то: гой, акумъ, абода-зара, нохри, минъ, амъ-гаарецъ и др. къ христіанамъ не относятся. Всѣ обвиненія,

взводимыя на евреевъ—дѣло невѣжественнаго средневѣковья. Ученые всѣхъ временъ осуждали «кровавый навѣтъ». Есть и папскія буллы, свидѣтельствующія, что евреи не употребляютъ христіанской крови. Исторія не приводитъ ни одного доказаннаго факта ритуальнаго убійства. Если и были изувѣрства, то это дѣло какихъ-нибудь фанатиковъ, еретиковъ. Зачѣмъ обвинять все еврейство? Развѣ и въ христіанствѣ нѣтъ ересей съ изувѣрствомъ? Развѣ не обвинялись первые христіане въ убіеніи дѣтей и употребленіи ихъ крови? Развѣ мало было колдуновъ и волшебниковъ среди христіанъ?

На это противники возражаютъ: Моисеевъ законъ отошелъ, какъ отходитъ ночь, когда наступаетъ день. Моисея замѣнилъ другой пророкъ: «Пророка изъ среды тебя, изъ братьевъ твоихъ, какъ меня, воздвигнетъ тебѣ Господь Богъ твой, Его слушайте» (Второзак. XVIII, 15). Ветхій Завѣтъ, чреватый грядущимъ Мессіей, кончилъ свое существованіе въ предсказанное пророками время (Дан. IX, 24—27), когда «помазанъ былъ Святый Святыхъ Христосъ Владыка», когда родился Іисусъ Назарейскій. Съ Его смертью «прекратилась жертва и приношеніе».

Самъ Талмудъ это сознаетъ ясно:

«На 40 лѣтъ предъ разрушеніемъ храма не постигла участь приношенія козла, поставленнаго по правую сторону (Левитъ XVI, 21) ни красный языкъ не бѣлѣлъ, ни вечерняя лампада не горѣла; двери же храма открылись сами» (Талмудъ. Трактатъ Іома, 39, в).

Синагога стала похожа на солому, изъ которой вымолочено зерно, на скорлупу яйца, изъ котораго вывелся птенецъ, на опустѣвшій послѣ отъѣзда жильца домъ. Когда же «городъ и святилище (были) разрушены» (Дан. IX, 26) и когда отъ прекраснаго Іерусалимскаго храма «не осталось камня на камнѣ» (Матѳ. XXVI, 2), исчезла возможность какого-либо жертвоприношенія. Отвергшіе Христа евреи увидѣли себя отверженными.

«Со дня разрушенія храма закрытъ доступъ молитвамъ . . . . , поставлена желѣзная стѣна между Израилемъ и Отцомъ ихъ Небеснымъ» (Берахотъ 32, в).

«Которые убили и Господа Іисуса, и Его пророковъ, и насъ изгнали, и Богу не угождаютъ, и всѣмъ человѣкамъ противятся, которые препятствуютъ намъ говорить язычникамъ, чтобы спаслись, и чрезъ это всегда наполняютъ мѣру грѣховъ своихъ, но приближается на нихъ гнѣвъ до конца»—говоритъ хорошо знавшій своихъ собратьевъ фарисей, яростный гонитель пер-

выхъ послѣдователей Христа, убійца Стефана Первомученика, Савлъ (I Θессалон., II, 15—16).

Оставшись безъ жертвенника и безъ священства, евреи подпали подъ власть занявшихъ мѣсто священниковъ—раввиновъ, ученыхъ толкователей книгъ Ветхаго Завѣта. Толковали всякъ по своему. Лишенные авторитета свыше, впадали въ противорѣчія между собою. Что запрещала школа Гиллеля, то разрѣшала школа Шаммаи и наоборотъ. Изъ такихъ толкованій составился Талмудъ—священная для евреевъ книга:

— «Над-священный Талмудъ, нѣтъ ничего выше» (Мизбеахъ. Гамелехъ, гл. V).

Талмудъ ставится выше Священнаго Писанія:

«Болѣе тяжкій грѣхъ итти противъ словъ раввиновъ, чѣмъ противъ словъ Торы» (Сангедринъ 88, в).

«Даже противорѣчащія толкованія должны считаться какъ одни, такъ и другія словами Бога живаго» (Эрувинъ, 13, в).

«Сынъ мой, обращай больше вниманія на слова писателей (раввиновъ) въ Талмудѣ, нежели на слова Библіи, такъ какъ въ словахъ Библи имѣются лишь предписанія и запреты. Каждый же отступающій отъ словъ раввиновъ заслуживаетъ смерти . . . . . Кто издѣвается надъ словами раввиновъ, тотъ будетъ терзаемъ въ кипящихъ извержéніяхъ» (Эрувинъ, 21, в).

«Безбоженъ тотъ, кто читаетъ лишь Библію и Мишну и не пользуется мудрецами (въ Гемарѣ)». (Сота, 22, а).

Хотя раввинство въ настоящее время изъ тактическихъ соображеній и отрицаетъ обязательность и значеніе Зогара со всѣмъ нистаромъ (тайнымъ ученіемъ каббалы), но въ самомъ Зогарѣ (Тикунэ, 82, а; 114, а, в) мы читаемъ, что отрицать мудрость Каббалы тяжкій грѣхъ.

Мофтеахъ, приложенный къ I тому Пшемышльскаго изданія Зогара, выражаетъ это въ слѣдующей краткой формѣ:

«Большой грѣхъ совершаетъ тотъ, кто (въ дѣйствительности) отрицаетъ мудрость Каббалы и говоритъ, будто существуетъ лишь *пешатъ* (прямое толкованіе); лучше бы ему не родиться (на свѣтъ)».

Высокій авторитетъ каббалы явствуетъ также изъ слѣдующаго: Въ сочиненіи Кенезетъ Гаггедола въ началѣ Келале Гаппоскимъ, отъ имени Радбазъ, а также въ Сеферъ Юхазинъ и въ Шаалотъ Утешуботъ Магари Галеви говорится, что слѣдуетъ всѣмъ исполнять велѣнія Каббалы, не встрѣчающіяся въ Талмудѣ и въ Поскимъ, т. е. въ книгахъ Туръ, Шулханъ и прочихъ. Мало того, если въ какомъ-нибудь пунктѣ Зогара находится противорѣчіе Талмуду, то слѣдуетъ руководствоваться Зогаромъ. Въ Зогарѣ (III, 244, в) сказано: «Раввины Мишны и Гемары упорядочили свой Талмудъ согласно съ тайнами Каббалы (алъ разинъ дюрайта)».

Такимъ образомъ подъ источниками еврейскаго вѣроученія въ настоящее время надлежитъ разумѣть замѣнившіе фактически законъ Моисея—Талмудъ съ Мишной и Гемарой, Шулханъ-Арухъ, этотъ позднѣйшій и авторитетнѣйшій съ точки зрѣнія современнаго еврейства законодательный кодексъ, регулирующій жизнь еврея во всѣ ея моменты и, наконецъ, Зогаръ съ обширной каббалистической литературой.

Въ виду изложеннаго, для отвѣта на разсматриваемый вопросъ, представляется необходимымъ разрѣшить рядъ частныхъ вопросовъ:

Допустимо ли съ точки зрѣнія еврейскаго вѣроученія убійство евреями не-еврея вообще и въ частности христіанина и какъ къ такому убійству относится еврейскій религіозный законъ?

Допустимо ли съ точки зрѣнія того же вѣроученія употребленіе человѣческой крови въ пищу или съ какими-либо иными цѣлями?

Разрѣшеніе этихъ частныхъ вопросовъ, въ связи съ ничѣмъ не опровергнутыми историческими фактами убійствъ, трактуемыхъ въ исторіи, какъ ритуальныя, дастъ основаніе для опредѣленныхъ выводовъ и отвѣта на общій вопросъ.

Прежде разрѣшенія вышеизложенныхъ проблемъ я долженъ остановиться надъ разрѣшеніемъ еще одного частнаго привходящаго вопроса, который даетъ возможность защитникамъ недосягаемой высоты талмудическаго ученія относить неудобныя для нихъ мѣста изъ источниковъ вѣроученія не къ христіанамъ, къ каковымъ они въ дѣйствительности относятся. Этотъ вопросъ всегда порождаетъ много споровъ, хотя, по моему мнѣнію, онъ совершенно ясно и просто разрѣшается въ тѣхъ же источникахъ. Я разумѣю разнообразнѣйшую терминологію въ еврейскомъ языкѣ для опредѣленія понятія не-еврей вообще и христіанинъ въ частности. Я имѣю въ данномъ случаѣ въ виду выраженія: гой, акумъ, абода-зара, минимъ, аммэ-гаарецъ-гаолямъ, нохри, кути и многіе другіе, коихъ въ Талмудѣ имѣется свыше 50. Эта терминологія нигдѣ строго не выдерживается сообразно съ этимологическимъ толкованіемъ каждаго выраженія и въ результатѣ каждое изъ этихъ выраженій служитъ для опредѣленія понятія не-еврея, будь то христіанинъ, язычникъ и проч.

Гой значитъ «народъ». Употребляется очень рѣдко по отношенію къ Израилю (напримѣръ, Исх. XIX, 6); большею частью

примѣняется къ иноплеменникамъ (напр. Второзак. XXVIII, 36, 49, 50) и, наконецъ, къ язычникамъ (напр. Пс. II, 1).

Въ словарѣ Буксторфа значится подъ словомъ гой:

«Такъ іудеи называютъ каждаго, кто не принадлежитъ къ израильскому народу; въ особенности этимъ именемъ обозначаются христіане, ибо турокъ называютъ измаильтянами. Даже отдѣльнаго чужеродца называютъ гой, вопреки всякихъ правилъ лингвистики. Рабби Соломонъ (въ толкованіи на Второзак. VII, 2) пишетъ: «Не воздавай имъ милости (т. е. ничего не говори въ похвалу имъ)». Запрещено человѣку говорить: Какъ красивъ этотъ гой, т. е. этотъ христіанинъ. Вмѣсто этого (названія) въ нѣкоторыхъ изданіяхъ читается кути (кутіецъ). То же самое и гораздо больше по поводу этого мѣста говоритъ р. Бехай (стр. 196,4). Женскій—гоя—язычница, христіанка».

Акумъ—сокращеніе изъ начальныхъ буквъ словъ Абоде Кохабимъ Умаззаліотъ—поклонники звѣздъ и планетъ. Но и подъ это выраженіе подводится понятіе христіанина.

«Итакъ, если посылается подарокъ акуму въ теперешнее время въ 8-ой день, который празднуется послѣ праздника Ниталъ (Рождества Христова), называемый Найе Іаръ (Новый годъ) . . . . » (Іоре Деа 148, 5, 12).

«Здѣсь въ нашемъ городѣ (Калишъ) поднятъ вопросъ о наймѣ для заметанія улицъ акумовъ, которые свое дѣло дѣлали бы въ субботу» (Комментарій на Шулханъ Арухъ подъ названіемъ Магенъ Абрагамъ прим. 8 къ § 244 Орахъ Хайимъ, написанный Калишскимъ раввиномъ, умершимъ въ 1775 году).

Повидимому, для подметанія улицъ въ Калишѣ не нужны были именно звѣздопоклонники, въ XVIII вѣкѣ ихъ не было, вѣроятно, въ Калишѣ и пришлось бы выписывать.

Абода Зара—культъ чужой, идолопоклонство.

«И знай, что этотъ народъ христіане, которые блуждаютъ за Іисусомъ, хотя ихъ ученія и разнятся, но всѣ они абода зара—идолопоклонники» (Маймонидъ, комментарій на Абода Зара, 78, с).

Минимъ—минеи, еретики, въ частности христіане.

«Минеи—это тѣ, которые вѣруютъ въ двухъ боговъ (какъ еретики манихеи)... Минеи—это люди, которые извращаютъ слова Бога на зло, какъ садукеи и бойтосеи» (р. Соломонъ, толкованіе на Рошъ Гашана, 17, а).

Св. Гіеронимъ въ письмѣ къ св. Августину пишетъ:

— «До сего времени существуетъ среди іудеевъ во всѣхъ синагогахъ Востока осуждаемая по сей день фарисеями ересь минеевъ, ко-

торыхъ фарисеи называютъ назареями, ибо они вѣруютъ во Христа Сына Божія».

Есть у іудеевъ молитва *Биркатъ Га-минимъ*, направленная противъ еретиковъ и отступниковъ, переходящихъ изъ еврейства въ христіанство или магометанство. Читается она ежедневно, дабы призвать на нихъ вѣчную погибель. Къ ней прибавлено проклятіе противъ «гордаго государства» (римскаго) и противъ всѣхъ враговъ израиля, въ особенности христіанъ.

У Маймонида (въ Гильхотъ Тефиля гл. 7) молитва эта называется *Биркатъ Лимшумдимъ*—причитываніе противъ крещеныхъ.

Въ Кадъ Гакемахъ (80, а) говорится, что она составлена въ городѣ Яфна и приложена къ восемнадцати (шемоне-эсре) молитвамъ для очень важной причины, вслѣдствіе большой необходимости, чтобы было истреблено «безбожное царство», т. е. христіанское.

Въ Талмудѣ Іерусалимскомъ, печатанномъ въ Краковѣ въ 1602 году, сказано, что молитва шель минимъ (противъ еретиковъ) написана гораздо позже восемнадцати молитвъ (шемонэ эсре) въ городѣ Яфна, «во время, близкое къ появленію того Назареянина (Іисуса), который училъ, что надо оставить законъ Бога живаго».

Въ Цемахъ Давидъ (т. I, стр. 36, в) значится:

«Сангедринъ (синедріонъ) перенесся изъ Іерусалима въ Яфну за сорокъ лѣтъ до разрушенія храма, въ 4385 году, и тамъ составилъ р. Самуилъ въ присутствіи р. Гамаліила Старшаго молитву противъ еретиковъ, какъ сказано въ трактатѣ Сангедринъ гл. I».—Это обстоятельство показываетъ ясно, когда она составлена, по какимъ причинамъ и противъ какихъ еретиковъ направлена. (Буксторфъ, лексиконъ къ слову Минъ).

Реби Меиръ книги минеевъ называетъ «*Авонъ-гилліоонъ*» (книжный грѣхъ), потому что сами они ихъ именуютъ «*Евангеліе*» (Шаббатъ, 116, а).

Ноцримъ—Назареяне.

Ноцри называется всякій, «кто идетъ за заблужденіемъ Того Мужа, который приказалъ праздновать, вмѣсто субботы, день первый послѣ субботы» (т. е. воскресенье) (Абода Зара—6, а).

Аммэ-гаарецъ-гаолямъ,—народы земли, сбродъ, люди необразованные, идіоты.

«Мы сдѣлали преступленіе передъ Богомъ нашимъ, что взяли себѣ женъ иноплеменныхъ (нохріотъ) изъ народовъ земли (меаммэ гаарецъ)». Ездра X, 2.

«И увидятъ всѣ народы земли (аммэ-гаарецъ), что имя Господа нарицается на тебѣ и убоятся тебя»—Второзак. XXVIII, 10.

«А вы не бойтесь народа земли (ам-гаарецъ), ибо онъ достанется намъ на съѣденіе». Чиселъ XIV, 9.

«Народы земли—(они) абода зара—идолопоклонники»—Зогаръ I, 25, а.

Нохри—чужой, иноземецъ, въ противоположность израилю, язычникъ.

Кути—самаритяне.

Всѣ эти выраженія, несмотря на разное ихъ этимологическое значеніе, по раввинскому употребленію языка встрѣчаются въ различныхъ источникахъ при цитированіи тожественныхъ текстовъ и такимъ образомъ замѣняютъ другъ друга [1]), употребляясь, какъ синонимы, для опредѣленія одного и того же понятія «не-еврей», въ противоположность еврею.

Переходя засимъ къ разрѣшенію вопроса о допустимости съ точки зрѣнія еврейскаго вѣроученія убійства не-еврея вообще и въ частности христіанина, слѣдуетъ замѣтить, что, въ какія противорѣчія ни впадали между собою различныя раввинскія школы, тѣмъ не менѣе всѣ онѣ объединены въ ненависти къ не-евреямъ, именуемымъ общимъ выраженіемъ «народы земли»—аммэ гаарецъ (Кн. Числъ XIV, 9. Второзак. XXVIII, 10).

Не-евреи не считаются даже людьми:

«Вы стадо мое и стадо пастбища моего, вы люди . . . . . Вы называетесь людьми, но не гои называются людьми». (Керитутъ 6, в на пророка Езекіиля XXXIV, 31).

«Они животныя, имѣющія видъ человѣка—для лучшаго служенія и большей славы израиля, ибо не подобаетъ сыну цареву, чтобы ему служили животныя во образѣ животныхъ, но животныя во образѣ человѣка» (Мидрашъ Тальпіотъ 255, д).

Въ наибольшей же степени, однако, ненависть евреевъ проявляется къ послѣдователямъ Того, «Кто былъ причиною, что израиль погибъ отъ меча, что остатки его разсѣяны и унижены, что законъ отмѣненъ и что введена въ заблужденіе большая часть людей земного шара, что кромѣ одного Бога кланяются (другому)» (Маймонидъ, Гильхотъ Мелякхимъ IX, 4).

---

[1]) Примѣровъ для иллюстраціи этого можно привести безчисленное множество; вотъ немногіе:

1) въ Абода Зара 25, в—гой, въ Іоре Деа 153, 2—акумъ;

2) въ Іебаммотъ 61, а—нохримъ, въ Керитутъ, 6 в—гоимъ;

3) въ Орахъ Хаимъ 39, I—акумъ, въ Геттинъ 45, в—нохри;

4) въ Хошенъ Гамишпатъ 266, I—акумъ, въ Баба Меціа 31, а—нохри;

5) въ Орахъ Хаимъ 20, 2—акумъ, въ комментаріи Атеретъ Цекенимъ—гой, у Маймонида, Ядъ Хазака, Гилхотъ Цицифъ 2, 7—кути;

Еще въ 1880 году раввинизмъ печатаетъ въ Ишемыслѣ изданіе Зогара, содержащее текстъ о томъ (ч. III, л. 282), что въ иномъ мірѣ безбожники попадаютъ въ мѣсто, полное нечистотъ отхожаго мѣста. Туда, говорится въ этомъ текстѣ, «выбрасываютъ околѣвшихъ собакъ иословъ, тамъ хоронятъ христіанъ и турокъ; (слѣдуетъ грубое богохульство) и это есть гробъ безбожія (абода зара), гдѣ хоронятъ необрѣзанныхъ, кои суть дохлыя собаки, мерзость и лютый смрадъ, покрытые грязью и вонючіе, родъ злой (испорченное поколѣніе) и великій сбродъ, приставшій къ израилю, . . . мертвыя кости и нечистое мясо, ... о чемъ написано: бросьте его псамъ».

Сколько ненависти, злобы и кощунственнаго отношенія къ Іисусу Христу и Пресвятой Дѣвѣ Маріи разсѣяно въ многочисленныхъ книгахъ еврейскаго вѣроученія!

(Слѣдуетъ рядъ выдержекъ изъ нихъ, доказывающихъ это утвержденіе и не подлежащихъ воспроизведенію въ печати, какъ заключающихъ богохульство).

Нынѣшнее положеніе евреевъ послѣ разрушенія храма Зогаръ (I, 25, а) называетъ «четвертымъ (идумейскимъ, римскимъ) плѣненіемъ», «временемъ войны не на жизнь, а на смерть».

«Не примиряйся съ акумами..., или отвращай ихъ отъ идолопоклонства, или убивай»... (Маймонидъ, Гильхотъ Акумъ, X, I).

«Когда у евреевъ силы больше, грѣшно оставлять среди насъ гоя, кланяющагося звѣздамъ и планетамъ. Даже если бы судьба случайно занесла его къ намъ, если бы онъ зашелъ къ намъ кочующимъ торгашомъ—не допустимъ, чтобы онъ прошелъ черезъ нашу страну» (Маймонидъ, Гильхотъ Акумъ, X, I—7).

Всѣ ветхозавѣтныя предписанія относительно борьбы съ амалекитянами, эдомитянами и другими сосѣдними языческими народами примѣняются и къ идолопоклонникамъ новѣйшихъ временъ.

«Народы земли—идолопоклонники; о нихъ написано: стирай ихъ съ лица земли, ибо они изъ тѣхъ, о которыхъ сказано: изгладь память объ Амалекѣ. Остатки ихъ живутъ въ четвертомъ плѣненіи; это—повелители; они-то истинные Амалекитяне» (Зогаръ, I, 25, а).

Что евреи подъ идолопоклонниками разумѣютъ христіанъ, это совершенно ясно изъ цѣлаго ряда текстовъ:

1) Въ Талмудѣ (Абода Зара, 7 в.) христіанское воскресенье причисляется къ «праздникамъ идолопоклонниковъ».

2) У Маймонида (Абода Зара I, 3) значится: «Знай, что назареи послѣдователи заблужденія Іисуса,—хотя ихъ догматы различны,—тѣмъ не менѣе всѣ идолопоклонники, и что съ ними надо поступать, какъ подобаетъ съ идолопоклонниками... Такъ учитъ Талмудъ».

3) Въ Гагахоть Рабби Ашера (Абода Зара, 83, в) прямо говорится: «Крестъ принадлежитъ къ идолопоклонству».

4) «Все, что говорили пророки объ уничтоженіи въ послѣдніе дни Эдома—говорили о Римѣ, какъ я это изложилъ, объясняя Исаію (XXXIV, I): Приступите, народы, слушайте; ибо когда будетъ разрушенъ Римъ, тогда будетъ спасеніе Израиля». (Давидъ Кимхи, въ началѣ комментарія на пророка Авдія).

Свергнуть съ себя иго идумейское, избавиться отъ четвертаго плѣненія, покорить всѣ народы подъ свое владычество, разрушить Церковь Христову, возстановить разрушенный храмъ Іерусалимскій—вотъ цѣль, къ которой стремятся евреи.

«Р. Іегуда сказалъ Р. Хецкію:

— По заслугамъ воздастся тому, кто въ силахъ освободиться отъ этой партіи (еврейскихъ противниковъ); на вѣки прославится тотъ кто сумѣетъ избавиться отъ нея и сокрушить ее.

И спросилъ Р. Хецкія:

— А какъ сокрушить ее?

И открылъ уста свои Р. Іегуда и рекъ:

— Борись.

Что это за борьба?

Конечно, борьба съ той нечестивой частью, съ которой обязанъ бороться и каждый человѣческій сынъ (т. е. Израиль). Такъ вѣдь и Іаковъ относился къ Исаву, а Исавъ принадлежалъ къ этой же части. Когда было нужно, онъ дѣйствовалъ противъ Исава лукавствомъ. Да, воюй съ нею, не покладая рукъ, пока не установится должный порядокъ (пока всѣ земные народы не станутъ рабами нашими).

Потому-то я и говорю: великая награда тому, кто сумѣетъ освободиться отъ этой злой части, кто сумѣетъ подчинить ее себѣ». (Зогаръ, I, 160, а).

Для достиженія этой цѣли еврею разрѣшаются всякія средства: ложь, обманъ, притворство, клятвопреступленіе и, наконецъ, безпощадное избіеніе.

«Если израильтянинъ и гой являются на судъ, то оправдывай еврея, если можешь оправдать на основаніи еврейскихъ законовъ; когда гой будетъ жаловаться, говори: «но онъ правъ, таковы его законы». Если еврей можетъ быть оправданъ на основаніи законовъ земныхъ народовъ, оправдывай его и говори: «таковы законы ваши». А когда ни то, ни другое невозможно, дѣйствуй противъ гоя, выдумывай на него, какъ учитъ Р. Измаилъ. Р. Акиба, однако, совѣтуетъ не прибѣгать ко лжи, чтобы

не поругать Божьяго имени, если еврей будетъ уличенъ во лжи; но «имя Божіе не профанируется, если гой не замѣчаетъ, что ты лжецъ... Божіе имя не поругано, когда, напримѣръ, еврей лжетъ наслѣднику гоя: я далъ такую-то вещь твоему отцу, а онъ взялъ, да и умеръ, такъ ты мнѣ ее отдай. Лишь бы гой не зналъ, что еврей лжетъ». (Баба Кама, 113, в).

Еврей продаетъ акуму; является его товарищъ и обмѣриваетъ, или обвѣшиваетъ, или обсчитываетъ акума; со своимъ компаніономъ онъ обязанъ раздѣлить этотъ барышъ—все равно, за деньги ли взялся помогать товарищу, или же даромъ. (Хошенъ Гаммишпатъ, 183, 7, Хага).

«Если возможно іудею обмануть ихъ (христіанъ) тѣмъ, что его будутъ считать звѣздопоклонникомъ, тогда разрѣшается (притворяться): еврей ради обмана можетъ выдавать себя за поклоняющагося звѣздамъ». (Іоре Деа, 157, 2).

Давать ложную клятву еврей можетъ со спокойною совѣстью.

«Сказала (мать мамзера) ему: поклянись мнѣ.—Р. Акиба поклялся, но въ душѣ своей рѣшилъ клятвы никогда не исполнять» (Калла, I, в.).

Не надо спасать христіанина отъ неминуемой смерти; нужно стараться отстранить все, могущее спасти его.

«Замѣтя, что еретикъ, отвергающій Тору, упалъ въ глубокую яму, а въ ямѣ той стоитъ лѣстница, скорѣе унеси ее: «мнѣ, де, она надобна снять сына съ крыши, сейчасъ принесу», или что-нибудь въ этомъ родѣ. Впрочемъ, тѣхъ кутеевъ, съ которыми мы не враждуемъ, не убивай, но и не спасай отъ неминуемой смерти» (Хошенъ Гаммишпатъ, 425, 5).

«Акумовъ, съ которыми мы не враждуемъ, не убивай, но и не спасай отъ неминуемой смерти; напримѣръ, видя, что кто-нибудь изъ нихъ упалъ въ море, не бросайся спасать его, хотя бы онъ сулилъ тебѣ оттуда гору денегъ» (Іоре Деа, 158,1).

«Не жалѣй ихъ; написано: не жалѣй ихъ. Итакъ, видя, что акумъ погибаетъ,—тонетъ, напримѣръ,—не подавай ему помощи. Если ему угрожаетъ смерть, не спасай. Впрочемъ, собственноручно расправляться съ нимъ, напримѣръ сталкивать въ колодезь, или что-либо подобное, воспрещается, потому что онъ не ведетъ войны съ нами» (Маймонидъ, Гильхотъ Акумъ, X, 1).

Наконецъ, Талмудъ поощряетъ и повелѣваетъ убійство неевреевъ вообще и въ частности христіанъ.

«Они (т. е. гои) были для нихъ (израильтянъ) камнемъ преткновенія, поэтому рабби Шимонъ сказалъ:

Лучшаго изъ гоевъ умертви, лучшей изъ змѣй раздроби мозгъ».

(Мехильта, II, а, въ главѣ Бешаляхъ).

То же читаемъ въ Ялкутъ Рубіени (93, а), соотвѣтствующей главѣ Бешаляхъ:

«Въ талмудическомъ трактатѣ Соферимъ сказано: справедливѣйшаго изъ безбожниковъ (въ еврейскомъ текстѣ—акумовъ) лиши жизни».

То же самое говорится въ трактатѣ Абода Зара (26, в, въ первыхъ строкахъ Тосефотъ).

Эйзенменгеръ говоритъ, что въ его экземплярѣ Талмуда, напечатаннаго въ Амстердамѣ, въ 15-й главѣ упомянутаго трактата Соферимъ эти слова пропущены, такъ какъ евреи боялись ихъ оставить, и дѣлаетъ выводъ: «А разъ имъ повелѣвается лишать жизни лучшихъ изъ гоевъ или язычниковъ и безбожниковъ, то, слѣдовательно, имъ разрѣшено убивать безъ различія любого изъ христіанъ». (Эйзенменгеръ, Entdecktes Judenthum, изд. 1700 г., ч. II, гл. III, 215).

Евреи и ихъ защитники возражаютъ противъ допустимости по еврейскому религіозному закону убійства, ссылаясь на заповѣдь «не убій» (Исх. XX, 13). Противъ этого возражаетъ, подкрѣпляя ссылками на первоисточники, Эйзенменгеръ въ томъ же сочиненіи (стр. 210), утверждая, что евреи толкуютъ эту заповѣдь въ томъ смыслѣ, что она имѣетъ въ виду однихъ только евреевъ и, слѣдовательно, не касается христіанъ и другихъ народовъ.

Такое толкованіе видно изъ комментарія рабби Леви бенъ Герсона къ Моисееву Пятикнижію (77 д., глава Вайишма Іетро), гдѣ Герсонъ учитъ слѣдующимъ образомъ:

«Слова «не убій» означаютъ, что ты не долженъ лишать жизни никого изъ израильтянъ; ибо имъ разрѣшено убивать живыхъ животныхъ, какъ явствуетъ изъ многихъ мѣстъ въ законѣ. Такъ, имъ повелѣно также убивать нѣкоторые народы, какъ-то: Амалека и остальные народы, изъ которыхъ имъ приказано не оставлять въ живыхъ ни одной души. Отсюда слѣдуетъ, что эта заповѣдь относится лишь къ израильтянамъ».

Въ согласіи съ этимъ находится также рабби Моисей бенъ Маймонъ, который въ своей книгѣ Ядъ Хазака (4-й ч. л. 47, гл. I, № 1, подъ заголовкомъ Гильхотъ Роцеахъ) пишетъ:

«Убивающій человѣка изъ израильтянъ преступаетъ запретительную заповѣдь, ибо сказано—не убій».

Разъ эта заповѣдь запрещаетъ убивать только евреевъ, а другіе народы исключаются, то очевидно, что умерщвленіе христіанъ является дозволеннымъ.

Кромѣ того евреи и ихъ защитники возражаютъ, что слова «лучшаго изъ гоевъ умертви» слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что на войнѣ нужно убивать лучшаго изъ гоевъ, а не въ смыслѣ разрѣшенія лишать гоевъ жизни и помимо войны. На такое возраженіе Эйзенменгеръ совершенно справедливо отвѣчаетъ (тамъ же, л. 215):

«На это я отвѣчу, что словамъ этимъ дѣйствительно придается иногда такое толкованіе въ раввинскихъ книгахъ [1]). Но такъ какъ слова «во время войны» (еще) не находятся ни въ старой книгѣ Мехильта, ни въ трактатѣ Соферимъ, то отсюда необходимо заключить, что въ другихъ книгахъ слова эти лишь впослѣдствіи вставлены другими лицами какъ для того, чтобы христіане и (лица) другихъ народностей, читающіе или слышащіе о подобномъ безбожномъ ученіи, не попрекали имъ евреевъ, такъ и съ тою цѣлью, чтобы повелѣніе убивать лучшихъ изъ гоевъ не возбудило чрезмѣрнаго рвенія очень падкихъ до христіанской крови евреевъ, и чтобы умерщвленіе нѣсколькихъ или многихъ христіанъ не повлекло за собою гибели всѣхъ евреевъ, которые за убійства и другія преступленія подвергались уже не разъ большимъ преслѣдованіямъ и изгнанію изъ многихъ странъ...

Если допустить, что дѣйствительно повелѣвалось убивать лучшаго изъ гоевъ только на войнѣ, а не въ мирное время, то почему же въ упомянутой книгѣ Мехильта говорится, что рабби Шимонъ свои слова:

---

[1]) Такъ, въ Сеферъ Толеодотъ адамъ вехавва 160 в. въ 6-й части сказано: «Въ другомъ мѣстѣ мы говоримъ: лучшаго изъ гоевъ умертви и это въ Іерусалимскомъ Талмудѣ въ трактатѣ Киддушинъ объясняется въ томъ смыслѣ, что это должно понимать: во время войны, а внѣ военнаго времени ихъ (гоевъ) не вытаскиваютъ изъ ямы (но) и не бросаютъ (въ яму), хотя они грѣшатъ идолопоклонствомъ и преступаютъ семь заповѣдей (Ноевыхъ)».

Такое толкованіе встрѣчается также въ книгѣ Бееръ Хаггола 44 с. или въ Тосефотѣ къ Талмудическому трактату Абода Зара. 26 в. (Выдержка изъ того же Эйзенменгера).

«лучшаго изъ гоевъ умертви» произнесъ потому, что египтяне являлись для израильтянъ камнемъ преткновенія въ ту пору, когда они жили въ Египтѣ. Вѣдь здѣсь ни однимъ словомъ не упоминается о войнѣ и нѣтъ никакой разумной возможности навязать такое толкованіе. Затѣмъ, если бы дѣло шло объ убійствѣ на войнѣ, то евреямъ незачѣмъ было бы бояться во всеуслышаніе провозгласить о такомъ значеніи этихъ словъ, такъ какъ вѣдь на войнѣ разрѣшается убивать враговъ. Между тѣмъ стремленіе евреевъ (помощью перетолкованія или пропусковъ) скрыть или удержать втайнѣ этотъ смыслъ является вѣрнымъ и непреложнымъ доказательствомъ того, что дѣло тутъ не чисто».

Къ этому можно прибавить, что даже, если признать справедливымъ возраженіе евреевъ и ихъ защитниковъ въ толкованіи словъ: «лучшаго изъ гоевъ умертви» съ добавленіемъ «на войнѣ», то, ввиду уже приведенной выше ссылки на Зогаръ (1, 25 а) о «четвертомъ плѣненіи»,—времени постоянной войны не на жизнь, а на смерть,—такое возраженіе ихъ теряетъ для времени «четвертаго плѣненія» всякій смыслъ.

Вышеприведенная цитата: «лучшаго изъ гоевъ умертви» встрѣчается во многихъ источникахъ, хотя и выражается различно.

Напримѣръ, Р. Саломонъ Іархи въ XIV гл. Исхода, изд. Амстердамское, говоритъ: «Лучшій изъ египтянъ достоинъ смерти». Буквы слова «египтянинъ» на древне-еврейскомъ языкѣ почти тѣ же, что и въ словѣ «Ноцримъ», такъ что легко прочесть одно слово вмѣсто другого.

Эдзаръ говоритъ, что видѣлъ экземпляръ, гдѣ прямо сказано: «Лучшаго изъ христіанъ (Ноцримъ) убивай».

Рабби Іохананъ сказалъ: «Гой, изучающій законъ, повиненъ смерти» (Сангедринъ, 59, а).

То же читаемъ мы въ Маттехъ Ааронъ (60 а).

Противъ этого, по существу совершенно яснаго, текста возражаютъ ссылкою на другой текстъ изъ Сангедринъ: «Гой, изучающій законъ, равенъ первосвященнику». Текстъ этотъ приводится и въ Абода Зара (3 а), но тамъ же въ Тосефотѣ поясняется такъ: «Слова, что гой, изучающій законъ, равенъ первосвященнику, должно понимать въ отношеніи къ семи ихъ заповѣдямъ (Ноевымъ), ибо, если бы мы понимали подъ этимъ остальныя заповѣди (содержащіяся въ законѣ Моисея), то это было бы неправильно, ибо мы говорили въ Талмудическомъ трактатѣ Сангедринъ, въ седьмой главѣ, называемой Арба

Мифотъ, что язычникъ (въ еврейскомъ текстѣ—гой), изучающій законъ (Моисея), повиненъ смерти».

Совершенно ясно по этому поводу высказывается р. Моисей Маймонъ (Рамбамъ) въ Іадъ Хазака (въ 4-й части, въ 10 главѣ трактата Гильхотъ Мелахимъ, № 9):

«Гой, изучающій законъ, достоинъ смерти. Онъ долженъ изучать лишь свои семь заповѣдей».

Отсюда ясно видно, что тотъ изъ не-евреевъ, кто изучаетъ законъ Моисея, что дѣлаютъ весьма многіе ихъ христіанъ, достоинъ смерти и слѣдовательно еврей въ правѣ его умертвить.

Въ Талмудѣ, въ трактатѣ Песахимъ (49, в) значится:

«Рабби Эліазаръ говоритъ: дозволено пронзить не-еврея даже въ день прощенія обидъ, приходящійся на субботу. Тогда сказали ему его ученики: рабби, скажи лучше заклать (вмѣсто пронзить). Онъ отвѣтилъ имъ: нѣтъ, если бы его заклали, нужно было бы произнести бераха (молитву, славословіе), пронзить же можно безъ бераха».

По поводу этого совершенно яснаго текста возражаютъ, будто въ немъ говорится о фигуральной смерти черезъ обѣдненіе, о конфискаціи имущества. Возраженіе это не выдерживаетъ никакой критики какъ потому, что въ раввинскомъ уголовномъ правѣ нѣтъ въ числѣ наказаній, фигуральной смерти, такъ и потому, что слова р. Еліазара о «закланіи съ бераха» и «пронзеніи безъ бераха» не имѣли бы смысла при отнятіи имущества, какъ наказаніи фигуральной смертью. Слова эти несомнѣнно указываютъ, что въ данномъ текстѣ разумѣется дѣйствительное умерщвленіе.

Источники еврейскаго вѣроученія не останавливаются только на дозволеніи убивать не-евреевъ вообще и въ частности христіанъ, они идутъ дальше—рекомендуютъ, поощряютъ, ставятъ въ особую заслугу и повелѣваютъ убивать. Избіеніе не-евреевъ, а слѣдовательно и христіанъ есть угодная Богу жертва. Мысль о томъ, что убійство не-еврея есть жертвенный актъ, встрѣчается неоднократно.

«Отнимай жизнь у клипотъ [1]) и убивай ихъ, тогда Шехина (небесная царица) посчитаетъ это тебѣ наравнѣ съ воскуреніемъ жертвы». (Сефиръ Оръ Израель, 177, в).

---

[1]) Клипотъ—скорлупа, шелуха. Одно изъ названій для не-евреевъ, въ отличіе отъ зерна, которымъ являются іудеи.

Въ томъ же сочиненіи (стр. 180) говорится: «Еврей обязанъ удалять терній изъ своего виноградника, т. е. искоренять, вырывать съ корнемъ клипотъ; вѣдь ничего угоднѣе благословенному Господу и быть не можетъ, какъ искорененіе нами людей нечестивыхъ и клипотъ».

Всякій, кто «проливаетъ кровь нечестивыхъ, столь же угоденъ Богу, какъ и приносящій Ему жертву».

(Ялкутъ Шимони 245, с, 722; Бамидбаръ Рабба 229, с).

Подъ «нечестивыми» въ данномъ мѣстѣ подразумѣваются несомнѣнно христіане, ибо ихъ евреи считаютъ нечестивыми «безбожниками», народомъ безбожнымъ, а христіанство называютъ «царствомъ безбожныхъ» или «безбожнымъ царствомъ», «безбожнымъ царствомъ Исава» и «безбожнымъ Римскимъ Царствомъ», какъ это доказалъ совершенно ясно Эйзенменгеръ въ цитированномъ уже его сочиненіи (въ I ч. гл. 16 и 17).

Послѣ разрушенія Іерусалимскаго храма у евреевъ остался только одинъ видъ жертвы—избіеніе не-евреевъ, въ томъ числѣ и христіанъ.

«Нѣтъ у насъ иной жертвы, кромѣ той, которая состоитъ въ устраненіи нечистой стороны» (Зогаръ, III, 227 в).

«Козелъ, котораго посылали въ день очищенія Азазіелю, доказательство того, что мы обязаны сживать со свѣта клипотъ» (Микдашъ Мелехъ къ стр. 32, а, Зогара).

«Каждый еврей обязанъ освободить святой народъ, который въ пятомъ тысячелѣтіи (по сотвореніи міра) попалъ подъ власть скорлупъ (клипотъ) и безбожныхъ акумовъ, да истребится ихъ имя... А если бы кто-нибудь спросилъ, чѣмъ я могу ему помочь, то Онъ (Богъ) говоритъ: ты долженъ истреблять память объ Амалекѣ, ибо небесная царица (Матрунита) не будетъ удовлетворена, доколѣ ты не отомстишь Амалеку, истребляя гоевъ и ихъ дѣтей»... Такъ говоритъ «святой» рабби Израиль Яфе въ Сефиръ Оръ Израель (38, в).

Убійцамъ не-евреевъ, а слѣдовательно и христіанъ, отведено высшее мѣсто въ раю.

«Въ четвертомъ дворцѣ рая помѣщаются всѣ тѣ, которые оплакивали Сіонъ и Іерусалимъ, равно какъ и всѣ истреблявшіе остатки народовъ идолопоклонниковъ. Пурпурой отмѣчаются и отличаются всѣ тѣ истребители остальныхъ народовъ—идолопоклонниковъ» (Зогаръ, 1, 38, в и 39, а).

По поводу приведенной цитаты возражаютъ, что въ ней идетъ рѣчь не объ убивавшихъ идолопоклонниковъ, а объ убитыхъ евреяхъ, обрызганныхъ кровью, какъ пурпуромъ. Но въ Амстердамскомъ изданіи Зогара въ обоихъ мѣстахъ приведеннаго текста стоитъ слово «кетоле»—убивающіе, убійцы. Чтобы изъ убійцы сдѣлать убитаго, надо было бы поставить вмѣсто буквы вавъ букву іодъ и читать «кетиле», убитые. Чтобы не было сомнѣнія, какъ понимать «пурпуръ», сдѣлано примѣчаніе къ этому слову: «лебушъ никбадъ»—одежда почести.

Придавая истребленію не-евреевъ, въ томъ числѣ и христіанъ, характеръ религіознаго подвига, предписываемаго закономъ, и жертвеннаго акта, явившагося на смѣну жертвы въ храмѣ на время несуществованія храма и жертвенника, еврейское вѣроученіе сообразно этому сближаетъ и ассоціируетъ понятіе жертвеннаго козла съ понятіемъ народа идумеевъ, христіанскаго народа. Основаніе для подобнаго сближенія толкователи находятъ въ выраженіи «саиръ», что значитъ и «козелъ», и «косматый», каковымъ именемъ назывался Исавъ, родоначальникъ идумеевъ — «Ишь Саиръ». По этому вопросу имѣются объясненія у Эйзенменгера въ цитированномъ сочиненіи его (ч. II, гл. II, 158 и 159). Козелъ отпущенія, на котораго возлагались грѣхи евреевъ и который затѣмъ прогонялся въ пустыню въ качествѣ дара дьяволу, обозначаетъ по раввинскому ученію Исава и его потомковъ, каковыми въ настоящее время являются христіане, почему не только Исавъ, но и христіанство называется «Саиръ»—волосатый, косматый, а также козлообразный демонъ пустыни.

Что прогонявшійся въ пустыню и отдававшійся дьяволу козелъ означаетъ Исава, это видно изъ Ялкутъ Хадашъ 102, с, подъ заголовкомъ Ямимъ Нораимъ. Въ 103 главѣ книги Магалехъ Амикотъ говорится: «Яковъ сказалъ Исаву, (книга Бытія XXXIII, 14), чтобы онъ шелъ по пути въ Сеиръ (лѣсистая мѣстность, названіе страны Эдомитянъ—книга Бытія XXXII, 3.): и послалъ Іаковъ передъ собою вѣстниковъ къ брату своему Исаву въ землю Сеиръ въ область Эдомъ, (такъ какъ онъ Исавъ) былъ тѣмъ козломъ, котораго въ день отпущенія грѣховъ прогоняли (въ пустыню) въ качествѣ козла для Азазеля».

Подобнымъ же образомъ говорится: «Въ тотъ часъ снимаетъ святой, благословенный всѣ грѣхи ихъ, израильтянъ, и кладетъ ихъ на нечестиваго Исава, какъ сказано (Левитъ XVI, 22): и понесетъ козелъ (Саиръ) всѣ беззаконія ихъ. Не козелъ, а Исавъ нечестивый, какъ сказано (Бытія XXVII, 11): Вотъ Исавъ, братъ мой, мужъ косматый (Ишь Саиръ)». (Ялкутъ Шимони на Исаію, стр. 58, ст. 1, № 366).

Какой смыслъ скрывается въ вышеуказанномъ понятіи козла, видно изъ слѣдующаго: «Если бы народы понимали настоящее зна-

ченіе этого козла, не оставили бы при жизни (въ живыхъ), что да отвратитъ Господь, никого изъ (израильтянъ) даже на одинъ день». (Ялкутъ Хадашъ, стр. 101, ст. 3, № 21).

«Господь Богъ Твой всѣ проклятія сіи обратитъ на враговъ твоихъ и ненавидящихъ тебя, которые гнали тебя (Второзак. XXX, 7)—этотъ приговоръ исполнится на народѣ, происходящемъ отъ Исава» (Эмекъ Гаммелехъ, стр. 146, ст. 4).

«И придутъ спасители на гору Сіонъ, чтобы судить гору Исава, и будетъ царство Господа (прор. Авдія I, 21)—это значитъ, что царство его несовершенно, пока не отомститъ горѣ Исава, т. е., какъ излагаетъ Халдейскій парафразъ, . . . великому городу Исава, Риму» (Р. Соломонъ, комментарій на прор. Авдія, I, 21).

До настоящаго времени мною были указаны мѣста изъ еврейскаго вѣроученія, заключающія въ себѣ подтвержденіе допустимости убійства евреями не-евреевъ вообще и христіанъ въ частности, по мотивамъ той ненависти, которая въ рѣзкой и опредѣленной формѣ красной нитью проходитъ въ ученіи талмудическаго раввинизма. Было бы недостаточно полно остановиться только на этомъ объясненіи. Въ источникахъ еврейскаго вѣроученія имѣются мѣста, предлагающія и другое основаніе для истребленія не-евреевъ путемъ убійства, основаніе мистическое. Мистическое ученіе еврейства все сосредоточено вокругъ ожидаемаго пришествія Мессіи.

На почвѣ мессіанической идеи мистицизмъ въ еврействѣ создалъ ученіе о томъ, что Богъ, сотворивъ міръ, заронилъ въ живыя существа частицы Своей божественной святости въ видѣ искръ, причемъ, при созданіи доброй и злой сторонъ, часть этихъ искръ божества попала въ злую сторону (злая сторона—не-евреи, клипоты, т. е. шелуха, скорлупа, задерживающая въ себѣ эти искры). Такихъ искръ божества, попавшаго въ злую сторону, было 288 (сочиненіе Хаима Витала «Пери Эцъ Хайимъ» 33, в). Освобожденіе этихъ искръ отъ клипотъ (злой стороны) и возвращеніе ихъ въ высь, къ первоисточнику, ускоряетъ пришествіе Мессіи, моментъ какового пришествія ставится въ зависимость отъ освобожденія всѣхъ вышеуказанныхъ 288 искръ божества изъ клипотъ (изъ скорлупъ, шелухи, изъ злой стороны творенія). Отсюда вытекаетъ положеніе, что чающій всѣми своими помыслами Мессіи еврей долженъ быть устремленъ къ освобожденію этихъ искръ путемъ убійства клипотъ, подобно Моисею, убившему египтянина.

Въ текстѣ заключенія, даннаго о. Пранайтисомъ, приведены далѣе, въ поясненіе и подтвержденіе изложеннаго, пространныя выдержки изъ сочиненій Хаима Витала, а также свѣдѣнія о томъ, какъ вообще Каббала относится къ пришествію ожидаемаго Мессіи. Воспроизвести этотъ матеріалъ печатно не представляется возможнымъ, въ виду его кощунственнаго и богохульнаго содержанія.

Дальнѣйшій текстъ заключенія гласитъ:

Что убійству не-еврея, а слѣдовательно и христіанина, придается характеръ жертвеннаго акта, т. е. ритуальный характеръ, видно и изъ многихъ мѣстъ Зогара.

Такъ, во второй части Зогара (40, в. на кн. Исходъ XII, 3) говорится:

«Пусть возьмутъ себѣ каждый агнца по семействамъ, по агнцу на семейство. Мы имѣемъ ученіе, что трое соединены (равны) между собою: первенецъ животнаго, первенецъ плѣнницы и первенецъ служанки [1]); ибо все остальное (спасеніе Израиля) связано съ этими тремя родами (первенцовъ). Какимъ образомъ? Потому что сказано: «агнецъ». Въ агнцѣ все соединено. Соединяется агнецъ (настоящій) съ агнцемъ (типическимъ) [2]) и нельзя ихъ раздѣлить при убійствѣ. И еще какъ соединяются. Потому что написано (Левитъ XII, 6): и пусть онъ (агнецъ) хранится у васъ. Свяжите его узами и пусть онъ будетъ сохраненъ въ вашихъ рукахъ и въ вашей власти до тѣхъ поръ, пока не заколете его и не совершите надъ нимъ суда. И это (должно соблюдаться до тѣхъ поръ), пока не придетъ (Мессія), какъ написано: Кто это идетъ отъ Эдома въ червленныхъ ризахъ отъ Восо[а (Исаія, гл. 63, 1)? Отчего же одѣяніе Твое красно и ризы у Тебя, какъ у топтавшаго въ точилѣ?... Я топталъ точило одинъ. Я топталъ ихъ въ гнѣвѣ Моемъ и попиралъ ихъ въ ярости Моей, кровь ихъ брызгала на ризы Мои и запятнала все одѣяніе Мое. Еще написано (Исаія XXXIV, 6): ибо жертва у Господа въ Восорѣ и большое закланіе въ землѣ Эдома. И еще написано

---

[1]) Въ Пшемышльскомъ изданіи Зогара здѣсь упомянутъ первенецъ служанки, а въ Амстердамскомъ изданіи его нѣтъ.

[2]) Т. е. такимъ, которому названіе «агнецъ» дается лишь фигурально, аллегорически.

(Захар. XIV, 9): И Господь будетъ царемъ надъ всею землею: въ тотъ день будетъ Господь *Единъ* и Имя Его *Едино*» [1]).

Изъ Зогара (ч. II, 119 а) видно, что актъ убійства долженъ совершаться опредѣленнымъ каббалистически способомъ:

«и смерть ихъ (амме-гаарецъ—не-евреевъ) пусть будетъ при заткнутомъ ртѣ, какъ у животнаго, которое умираетъ безъ голоса и рѣчи. Въ молитвѣ же такъ онъ (рѣзникъ) долженъ говорить: нѣтъ у меня устъ отвѣчать и нѣтъ чела, чтобы поднять голову. И онъ творитъ благодарственную молитву и даетъ обѣтъ святому, да будетъ онъ благословененъ, что ежедневно должно быть его убіеніе во Эхадѣ, какъ при убіеніи скота двѣнадцатью испытаніями ножа и ножомъ, что составляетъ тринадцать» [2]).

Приводя этотъ текстъ, я считаю необходимымъ обратить вниманіе на сопоставленіе его съ данными судебно-медицинскаго осмотра и вскрытія трупа Андрея Ющинскаго, а именно: при убійствѣ Ющинскаго ротъ у него затыкался (слѣды поврежденія слизистой оболочки рта зубами) и ему нанесена группа колотыхъ ранъ въ области праваго виска, количествомъ тринадцать.

Отвергающіе ритуальныя убійства у евреевъ приводятъ въ числѣ доводовъ то обстоятельство, что съ разрушеніемъ Іерусалимскаго храма въ 70 году по Р. Хр. за отсутствіемъ храма и жертвенника кровавыя жерты прекратились и въ силу необходимости должны быть замѣнены молитвою и дѣлами милости. Дѣйствительно, послѣ разрушенія Іерусалимскаго храма должны были бы за отсутствіемъ жертвенника прекратиться жертвоприношенія, одинъ изъ самыхъ важныхъ обрядовъ еврейскаго религознаго культа, но именно въ виду его важности онъ долженъ былъ быть чѣмъ-нибудь замѣненъ. Я не знаю гдѣ либо въ источникахъ еврейскаго вѣроученія указаній на замѣну жертвоприношеній молитвою и дѣлами милости, но на возможность принесенія жертвъ и послѣ разрушенія храма я

---

[1]) Единое—символъ единства Божьяго — по-еврейски «Эхадъ». Числовое выраженіе слова Эхадъ—тринадцать. Сравни слѣдующій текстъ.

[2]) Каждый благочестивый еврей, умирая, отходя въ вѣчность, долженъ читать краткую послѣднюю молитву, сила, главное значеніе которой — въ послѣднемъ ея словѣ «Эхадъ»—единое, Единъ Богъ, исповѣданіе единства Божьяго—см. ниже, заключеніе проф. Троицкаго.

вижу указаніе въ трактатѣ Эдуіотъ, VIII, 6 (fol. 30, a), гдѣ говорится:

«Рабби Іисусъ сказалъ: я слышалъ, что жертвы приносятся, хотя и нѣтъ храма..., ибо первое освященіе освятило и на то время и на будущее».

«Сказалъ Рабби Іисусъ: я слышалъ, что рѣжутъ жертвы, хотя бы и не было возліяній..., ибо первое освященіе освятило и на то время и на будущее» (3, з. Тосефта).

Текстъ этотъ приводится въ переводѣ Переферковича, который переводитъ: «приносятся», «рѣжутъ», т. е Рабби Іисусъ, жившій въ первой половинѣ 2-го вѣка послѣ Р. Хр., констатируетъ, какъ слухъ, принесеніе жертвъ уже въ его время, т. е. по разрушеніи храма. Кромѣ того, замѣна жертвы молитвой могла бы относиться лишь къ жертвамъ всесожженія и благодарственнымъ, жертвы же «за грѣхъ и повинности» остались безъ соотвѣтствующаго имъ эквивалента въ еврейскомъ богослужебномъ ритуалѣ.

Переходя засимъ къ вопросу объ отношеніи еврейскаго вѣроученія къ человѣческой крови, я считаю необходимымъ отмѣтить, что употребленіе крови евреями съ ритуальной цѣлью не предполагаетъ необходимости потребленія ея непремѣнно въ пищу, на отрицаніи чего базируютъ свои возраженія отвергающіе ритуальныя убійства. Древнія жертвы въ храмѣ являлись, несомнѣнно, ритуальными актами, хотя и не были связаны съ потребленіемъ крови въ пищу. Изъ вышеприведенныхъ ранѣе текстовъ видно, что убійство евреемъ не-еврея, въ частности христіанина, во имя велѣнія религіознаго закона, уже само по себѣ является убійствомъ по религіознымъ побужденіямъ и съ религіозной цѣлью, т. е. съ цѣлью выполненія велѣнія религіознаго закона, независимо отъ того, какъ это убійство произведено и какое назначеніе было дано крови, которая могла быть извлечена при этомъ убійствѣ.

Тѣмъ не менѣе крови въ источникахъ еврейскаго вѣроученія придается громадное значеніе. О ней говорится:

«Душа тѣла въ крови и я назначилъ ее вамъ для жертвенника, ибо кровь сія душу очищаетъ» (Лев. XVII, 11).

Въ Мишнѣ (трактатъ Зевахимъ, VIII, § 7; 8, 16) поясняется:

«Какая кровь есть кровь души? Та, которая вытекаетъ; а какая кровь есть выжатая? — которая не вытекаетъ... Если она (кровь

души) смѣшалась съ кровью выжатой, то ему говорятъ, чтобы онъ не кропилъ; если же онъ кропилъ, то смѣсь разсматривается какъ смѣсь вина и воды: если видъ измѣнился бы—пасулъ, а если нѣтъ—кошеръ».

Тамъ же, въ главѣ 1 (I) Рабби Іисусъ говоритъ:

«Всѣ жертвы, зарѣзанныя не во имя ихъ—кошеръ, но не вмѣняются жертвователямъ во исполненіе долга, за исключеніемъ Пасхи и хаттатъ (жертвы за грѣхъ),—Пасхи въ ея время, а хаттатъ во всякое время.

Въ трактатѣ Керитутъ, V главѣ, говорится:

«Кто съѣлъ (величиною) съ оливу крови отъ скота, звѣря или птицъ—чистыхъ—приноситъ хаттатъ (жертву за грѣхъ). Отвѣтственность полагается только за кровь отъ шехиты (кровь, полученную при зарѣзываніи по еврейскому обряду рѣзникомъ). За кровь отъ прокалыванія, отъ вырыванія и отъ кровопусканія, хотя бы съ нею выходила душа, отвѣтственности не полагается... Кровь двуногихъ (т. е. людей), кровь яицъ и кровь шерцовъ (пресмыкающихся) запрещена, но отвѣтственности не полагается».

Въ трактатѣ Хуллинъ (VI § 2; 6, 4) говорится: «Если кто зарѣзалъ для лекарства, для ѣды язычнику, для корма собакамъ, то онъ обязанъ покрыть кровь...; если кто-либо прокололъ, либо вырвалъ, равно, какъ если шехита (зарѣзаніе) совершена язычникомъ, то покрытіе необязательно». И далѣе въ Тосефтѣ (6, 1) говорится: «Если кто рѣжетъ потому, что ему требуется кровь, то онъ не долженъ рѣзать способомъ шехиты, но какъ ему поступить?—Онъ или колетъ или отщемляетъ (Переферковичъ, т. V, стр. 207).

Кровь дѣвственная клипотъ (дамъ бэтулимъ) считается драгоцѣннѣйшей жертвой.

(Въ текстѣ заключенія слѣдуютъ выдержки изъ Хаима Витала, подтверждающія это положеніе, но не подлежащія напечатанію, въ виду ихъ кощунственнаго характера).

Отвергающіе ритуальныя убійства у евреевъ говорятъ, что употребленіе крови въ пищу безусловно запрещается еврейскимъ религіознымъ закономъ, почему примѣшиваніе крови въ мацу и т. п. употребленіе крови является противорѣчіемъ прямому смыслу закона. Это утвержденіе не вполнѣ правильно, ибо въ Талмудѣ имѣется разрѣшеніе на употребленіе крови въ пищу.

Въ трактатѣ Махширинъ (6, 4) говорится: «семь напитковъ чистыхъ воспринимаютъ нечистоту: роса, вино, масло, кровь, молоко и медъ».

Такимъ образомъ, кровь причисляется къ такимъ же напиткамъ, какъ молоко, вода, вино и пр.

Далѣе, тамъ же говорится объ употребленіи, какъ напитка, рудометной крови, т. е. крови, полученной отъ прокалыванія кровеноснаго сосуда, причемъ Переферковичъ въ своемъ переводѣ указаннаго мѣста произвольно добавляетъ «больному», чего въ подлинномъ текстѣ не имѣется.

Маймонидъ о текстѣ, касающемся рудометной крови, говоритъ въ своихъ объясненіяхъ къ этому тексту:

«Авторъ тутъ имѣетъ въ виду рудометную кровь—дамъ гаккиза—чтобы давать ее пить животнымъ и людямъ, ибо обыкновенно пьютъ ее».

Дальше у того же Маймонида говорится:

«Рудометная кровь для леченія считается чистой».

Такимъ образомъ лечебныя свойства крови признаны авторитетомъ Маймонида и употребленіе крови съ лечебною цѣлью съ точки зрѣнія еврейскаго религіознаго закона дозволено.

Ссылка на Майера, о томъ, что, по мнѣнію этого ученаго, дозволяется употреблять кровь въ сваренномъ видѣ (gekocht) только подтверждаетъ заявленія разоблачителей еврейства о томъ, что кровь примѣшивается въ особый видъ пасхальнаго опрѣснока (мацы), афикоменъ, съѣдаемый въ концѣ пасхальной вечерни, ибо кровь въ мацѣ будетъ уже въ испеченномъ видѣ, т. е. въ дозволенномъ, по Майеру, евреямъ къ употребленію въ пищу видѣ. Равнымъ образомъ кровь будетъ въ такомъ же видѣ и въ пеплѣ тряпки, смоченной кровью и затѣмъ сожженной, о чемъ говорятъ тѣ же разоблачители.

Въ вопросѣ о томъ, для чего нужна евреямъ кровь не-евреевъ и въ частности христіанъ, разоблачители этой тайны еврейскаго вѣроученія указываютъ цѣлый рядъ цѣлей. А именно, что кровь нужна евреямъ, какъ постоянная жертва ненависти къ величайшимъ ихъ врагамъ христіанамъ (какъ вендетта въ Италіи, какъ родовая месть на Востокѣ), что она нужна имъ потому, что сами раввины сомнѣваются въ томъ, не былъ ли Іисусъ Христосъ истинный Мессія, и полагаютъ, что въ такомъ случаѣ будутъ спасены кровью его послѣдователей и, наконецъ, потому, что, какъ они полагаютъ, крови присущи магическія свойства.

Ученые, отвергающіе ритуальныя убійства у евреевъ, говорятъ, что обвиненія въ подобныхъ убійствахъ есть результатъ средневѣковаго невѣжества, и указываютъ при этомъ на процессы вѣдьмъ, на средневѣковыхъ колдуновъ и заклинателей изъ христіанъ. Но они умалчиваютъ о томъ, что всѣ эти «волшебства», какъ результатъ средневѣкового невѣжества, еврейскаго происхожденія; всѣ магическія формулы построены на еврейскомъ алфавитѣ. Въ Талмудѣ (завершенномъ въ 6-мъ вѣкѣ по Р. Хр.) приводится много «колдовскихъ» совѣтовъ и указаній:

«Кто желаетъ увидѣть дьявола, долженъ взять утробу (secundina) черной кошки, впервые родившей, рожденной отъ первородящей матери, сжечь ее, стереть въ мельчайшій порошокъ, посыпать имъ глаза, тогда они (демоны) покажутся» (Берахотъ, 6, в.).

«Когда кораблю угрожаетъ затопленіе, показываются надъ нимъ бѣлыя искры. Если ударить по нимъ палочкой, на которой вырѣзаны слова: Эгіе ашеръ Эгіе Іагъ гашемъ цебаотъ аменъ, аменъ, селя,—волны успокоятся» (Баба Батра, 73,а).

«Іохани, дочь Ретиби, была вдова колдунья. Если у какой-либо женщины приближался часъ родовъ, она своими заклинаніями запирала животъ роженицы. Когда роженица уж сно мучилась отъ боли, Іохани ей говорила: пойду и помолюсь, быть можетъ моя молитва будетъ услышана. Когда уходила, снимала свои заклятія, и дитя рождалось. Былъ у нея работникъ. Однажды, когда она ушла къ роженицѣ, работникъ услышалъ трепетаніе въ какомъ-то заколдованномъ сосудѣ, на подобіе трепетанія дитяти въ утробѣ матери, подошелъ и снялъ крышку съ сосуда. Волшебство ушло, дитя родилось и стало извѣстно, что Іохани колдунья». (Сота, гл. III, у Вагензейля стр. 529).

Вагензейль къ этому мѣсту дѣлаетъ замѣчаніе:

«Волшебства у евреевъ раньше практиковались часто; занимались ими славнѣйшіе раввины, что доказываетъ Герсонъ въ XVII-й главѣ своего сочиненія о Талмудѣ.—Но и въ наше время есть евреи волшебники, какъ доказываетъ Фридерикъ Францискъ Оттингенскій, крещеный еврей, въ своей книгѣ Шлянгебальгъ, выпущенной противъ соотечественниковъ.—Хотя Соломонъ Цеви, отвѣчая на эти обвиненія, старался обѣлить свой народъ, но очень часто вмѣсто опроверженія даетъ подтвержденіе тому, что пишетъ противникъ, ибо

кому неизвѣстно, что та часть Каббалы, которая называется *Каббала маасія* — практическая Каббала—есть настоящая магія». (Вагензейль, Сота, стр. 592).

Въ связи съ изложенными выше цитатами изъ источниковъ еврейскаго вѣроученія и соображеніями по поводу смысла и значенія этихъ цитатъ я нахожу необходимымъ привести нѣсколько закрѣпленныхъ исторіей фактовъ избіенія и убіенія евреями христіанъ и христіанскихъ дѣтей. Исторія такихъ фактовъ знаетъ много, но я полагаю, что не всѣ подобные факты зафиксированы исторіей. Я ограничусь лишь нѣсколькими.

Сократитесъ въ своей Исторіи Церкви (кн. VII, гл. 13) говоритъ, что въ 418 году евреи устроили погромъ христіанъ въ Александріи, а въ 419 году распяли христіанскаго мальчика въ Имностарѣ близъ Антіохіи.

Клюверіусъ пишетъ, что въ 614 году евреи откупили у персидскаго царя Хозроя II девяносто тысячъ плѣнныхъ, преимущественно христіанъ, и умертвили ихъ жесточайшимъ образомъ.

Діо Кассіусъ въ Исторіи Трояна (кн. 68) разсказываетъ, что въ Цирине напали евреи на грековъ и римлянъ, звѣрски перебили ихъ, сдирали съ нихъ кожу, ею одѣвались, внутренности обматывали вокругъ головы, обливались кровью, мясо пожирали.

Въ болѣе позднее время, а именно начиная съ XII вѣка, факты убійствъ евреями христіанъ съ ритуальной цѣлью, сопровождавшихся распятіемъ жертвы на крестѣ, и источеніемъ изъ жертвы крови, обрѣзаніемъ жертвы, исторія знаетъ много. Объ этомъ говорятъ самые достовѣрные истор ки (Бароній, Болландисты, Ѳома Аквинатскій XIII в.).

Среди жертвъ ритуальныхъ убійствъ есть и такія, которыхъ, какъ Симона Тридентскаго, католическая церковь, нескорая въ канонизаціи, признаетъ святыми. Акты Тридентскаго процесса находятся въ Ватиканской библіотекѣ. Извѣстный польскій писатель XVI вѣка Петръ Скарга въ концѣ жизнеописанія Св. Симона Тридентскаго приводитъ случаи ритуальныхъ убійствъ въ его время въ Польшѣ.

Въ 1485 году евреями былъ убитъ съ ритуальной цѣлью великій инквизиторъ Петръ де Арбуэзъ, канонизированъ же онъ былъ лишь въ 1865 году.

Въ Сандомірской каѳедрѣ есть въ алтарѣ образъ, изображающій убіеніе евреями христіанскаго мальчика. Есть и еврей-

ская скамья (лавка), была по крайней мѣрѣ до недавняго времени, предназначенная для делегатовъ отъ евреевъ, которые должны были присутствовать на проповѣдяхъ вслѣдствіе совершенія ими этого убійства.

Въ Ленчицѣ Варшавской губерніи сохраняется въ ризницѣ до сихъ поръ маленькій гробикъ съ останками умерщвленнаго евреями ребенка. Стѣны ризницы въ храмѣ исписаны сценами убіенія евреями христіанскихъ дѣтей [1]).

Фактовъ подобныхъ убійствъ съ послѣдовавшимъ затѣмъ по суду наказаніемъ убійцъ исторія приводитъ также не мало.

Въ 1182 году за убійство 12-лѣтняго мальчика въ Понтуазѣ евреи были изгнаны изъ Франціи.—Филиппъ-Августъ за распятіе христіанина приказалъ сжечь 85 евреевъ.

Въ 1293 г. въ Кремсѣ два еврея были приговорены къ смерти за убійство христіанскаго ребенка.

Въ 1305 г. въ Вайсензе за убійство евреями передъ Пасхой мальчика Конрада евреи были осуждены и казнены.

Въ 1331 г. въ Иберлингенѣ христіанскій мальчикъ былъ распятъ евреями и тѣло его, исколотое и покрытое множествомъ мелкихъ ранъ, было найдено въ колодцѣ. Осужденные евреи были казнены.

Въ 1380 г. въ Швабіи, въ Гагенбахѣ, евреи похитили мальчика и мучили его. Они были застигнуты на мѣстѣ преступленія, когда убивали младенца. Осужденные, они были сожжены.

Въ 1401 году въ Диссенгофенѣ, въ Швейцаріи, былъ убитъ христіанскій мальчикъ Конрадъ Лори, 4-хъ лѣтъ, Іоганомъ Цаанъ по подговору еврея Виттельмана, купившаго у него кровь ребенка за 3 гульдена. Осужденные были казнены.

Въ 1442 г. въ Линцѣ, въ Тиролѣ, въ Страстную Пятницу евреи похитили дѣвочку, 3 лѣтъ, Урсулу и посредствомъ множества уколовъ и ранокъ выпустили кровь, а трупъ бросили въ воду. Осужденные были казнены.

---

[1]) Такого же характера картина находится въ римско-католическомъ костелѣ м. Зборова, въ Галиціи. Снимокъ съ картины прилагается. Сдѣланная на ней и сохраненная на снимкѣ польская надпись гласитъ: «Мученія младенца Симона, сына Адама и Евы Студзинскихъ, трехъ съ половиною лѣтъ отъ рода, схваченнаго жидомъ въ Великую Пятницу, а въ субботу, послѣ шабаша, ночью, жестоко и неслыханнымъ способомъ замученнаго жидами въ корчмѣ Марковы, около Житоміра, въ королевство Казиміра IV, въ 1475 году, 26 ма(рта)». *Авторъ.*

Въ 1470 году въ дер. Эндлингенъ, въ Баденѣ, за умерщвленіе цѣлой семьи нищихъ, состоявшей изъ отца, матери и 3 дѣтей, евреи, уличенные и сознавшіеся, приговорены были маркграфомъ Карломъ Баденскимъ къ сожженію.

Въ 1476 году въ Регенсбургѣ кровь 8 христіанскихъ дѣтей была собрана евреями для каббалистическихъ цѣлей. Въ подземельѣ подъ домомъ еврея Іоселя найдены были останки дѣтей и окровавленный камень-жертвенникъ. 17 евреевъ осуждены и казнены.

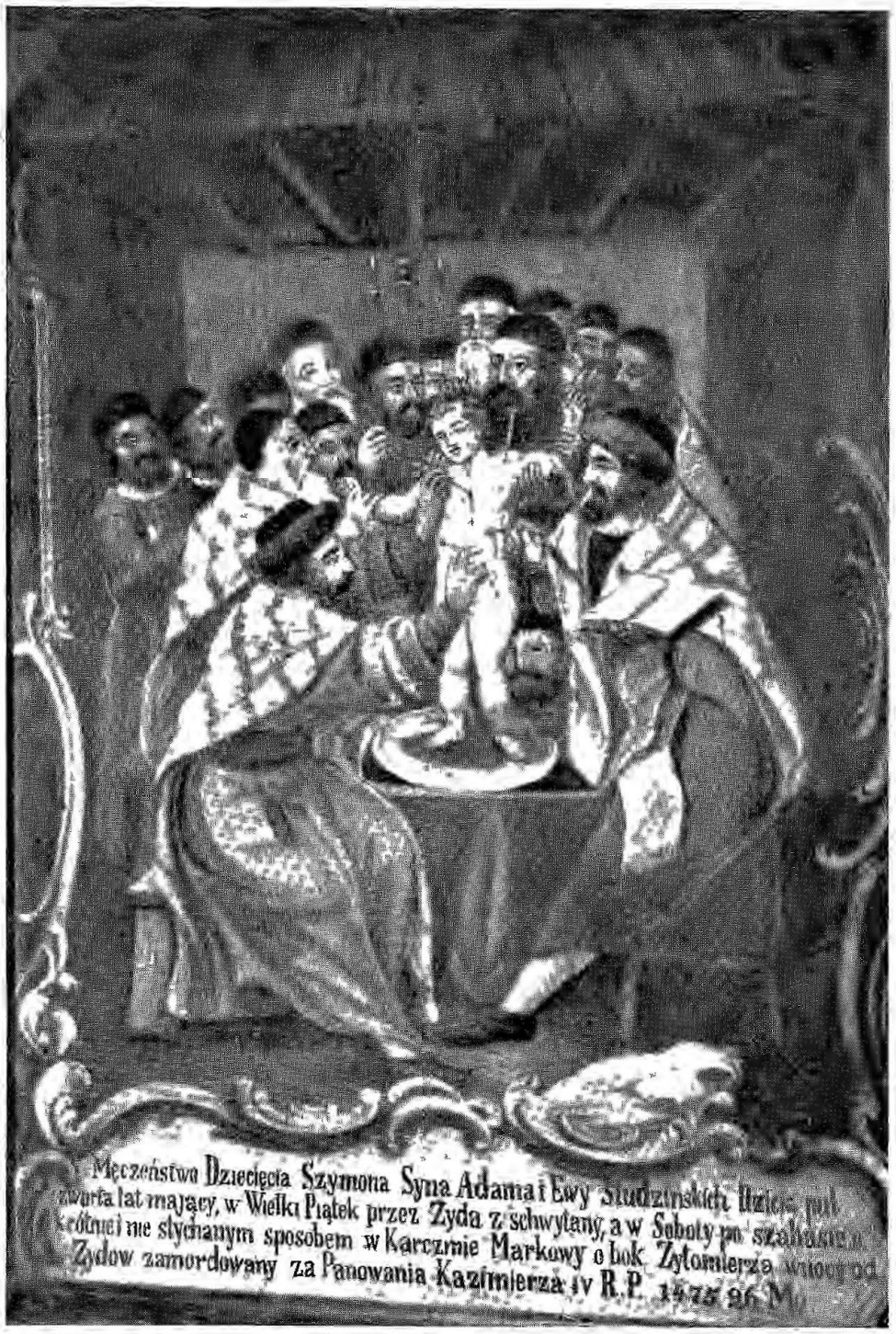
Въ 1514 году въ Саксоніи, въ Гальтѣ, еврей Пфефферкорнъ сознался, что похитилъ 2 дѣтей, изъ коихъ одного продалъ другимъ евреямъ и вмѣстѣ съ ними замучилъ. Виновные осуждены и казнены.

Въ 1540 году въ Гейнингенѣ (близъ Нейбурга) мальчика $4^1/_2$ лѣтъ Михаила евреи привязали къ столбу внизъ головой, всячески его мучили, искололи и изрѣзали. Часть извлеченной крови была найдена у евреевъ другого города (Потемнъ). Послѣ трехдневнаго истязанія ребенокъ былъ убитъ и трупъ брошенъ въ лѣсу, гдѣ былъ заваленъ листьями. Тамъ онъ и былъ найденъ. Событіе имѣло мѣсто передъ Пасхой. Осужденные евреи были казнены.

Въ 1572 году евреи въ Берлинѣ купили ребенка у нищаго и, воспроизведя страданія Спасителя, замучили его до смерти. Въ 1573 году были осуждены и казнены.

Въ 1598 году въ Вязникахъ былъ замученъ и умерщвленъ младенецъ Альбертъ. Участники убійства, будучи допрошены порознь, дали аналогичныя показанія. Младенецъ былъ похищенъ передъ Пасхой. Евреи Ицекъ, Зальманъ, Мошко и Ааронъ замучили его, исколовъ и вскрывъ жилы. Затѣмъ задушили. Кровь его, по объясненіямъ убійцъ, пошла на примѣсь къ тѣсту опрѣсноковъ и на подмѣсь къ вину. Ааронъ признался, что, когда евреи могутъ достать передъ пасхой христіанской крови, то она употребляется именно съ такимъ назначеніемъ, какъ указано выше. Трупъ былъ брошенъ въ болото. На вопросъ, почему они его не зарыли, Ицекъ отвѣчалъ, что они этого не могутъ дѣлать, такъ какъ погребать гоя дѣло нечистое, а слѣдовательно смертный грѣхъ. Осужденные въ Люблинѣ, они были казнены.

Въ 1610 году еврей Шмуль похитилъ въ Сташвѣ мальчика и продалъ его евреямъ въ Шидловацъ. Послѣдніе приступили



РИТУАЛЬНОЕ УБІЙСТВО.

Снимокъ съ картины, находящейся въ римско-католическомъ костелѣ м. Зборова въ Галиции

къ истязанію мальчика, но были застигнуты на мѣстѣ преступленія, затѣмъ осуждены и казнены.

Въ 1669 году еврей Рафаэль Леви въ Мецѣ похитилъ мальчика, а евреи его умертвили. Остатки трупа мальчика были обнаружены въ лѣсу по указанію евреевъ, которые утверждали, что ребенокъ съѣденъ волками; однако одежды оказались цѣлыми и надѣтыми, очевидно, послѣ убійства. На нихъ даже не было слѣдовъ крови. Осужденные были казнены. Въ перехваченной перепискѣ Леви обращался къ старѣйшинамъ Мецской синагоги, прося у нихъ помощи своей семьѣ. «Я поставилъ себя въ это несчастное положеніе для общины»—писалъ онъ и требовалъ отъ нихъ погребенія по еврейскому обряду въ случаѣ казни, добавляя, что онъ иначе не проститъ.

Убійство въ Саратовѣ въ 1853 году двухъ мальчиковъ Маслова и Шерстобитова (о немъ ниже).

Въ 1881 году въ Галиціи дѣвушка Франциска Минхъ была умерщвлена евреями звѣрскимъ образомъ и трупъ ея былъ брошенъ въ оврагъ. Трое убійцъ евреевъ были приговорены къ смерти. Кассированный приговоръ повлекъ пересмотръ дѣла и они снова были приговорены къ смертной казни за ритуальное убійство. По ходатайству депутатовъ передъ Министромъ Юстиціи смертная казнь не была приведена въ исполненіе.

Въ 1899 году еврей Гильзнеръ былъ признанъ виновнымъ въ убійствѣ Агнесы Груши въ Полнѣ (Богемія) и приговоренъ къ смертной казни. Послѣ кассаціи приговора онъ былъ вторично приговоренъ къ тому же наказанію.

Приведенныхъ выше фактовъ, зарегистрированныхъ въ исторіи современниками и судебными приговорами, совершенно достаточно, чтобы считать ритуальныя убійства не измышленіями, а реальными событіями, надлежащимъ образомъ подтвержденными.

Умѣстнымъ считаю упомянуть о Папскихъ буллахъ, якобы защищающихъ евреевъ отъ обвиненій въ ритуальныхъ убійствахъ. Собранія этихъ буллъ распространяются въ послѣднее время при возникновеніи каждаго процесса о ритуальныхъ убійствахъ (Саратовское дѣло 1853 г., Ксантенское 1892 г. и настоящее). Буллъ этихъ я не нашелъ ни въ Bullarium Magnum Лаэртія Херубини, ни въ Collectio Conciliorum Мансн. Умѣютъ иногда и сами евреи сочинять подобныя буллы: У Шудта въ его Iudaeus Christicida (гл. XIII, стр. 293) приведена

«булла» папы Григорія къ французскому королю Филиппу и тамъ же на стр. 299 доказано, что булла эта явно подложна, во-первыхъ потому, что ни одинъ папа Григорій не жилъ одновременно ни съ какимъ королемъ Филиппомъ, а во-вторыхъ потому, что булла эта кощунственна по содержанію (Евреи, де, не виноваты, что Христосъ не показалъ себя такимъ, какимъ они ожидали). Но даже и въ тѣхъ буллахъ, которыхъ изданіе пріурочено къ настоящему дѣлу (изданы въ Кіевѣ), ничего объ употребленіи или неупотребленіи евреями христіанской крови нѣтъ. Папы, слѣдуя справедливости, съ одной стороны, защищая христіанъ отъ евреевъ, издавали буллы, запрещающія своей паствѣ всякія сношенія съ нечестивыми христоубійцами, а съ другой стороны, когда раздраженные христіане производили надъ евреями самосудъ и когда послѣдніе обращались съ мольбой о защитѣ, поручали епископамъ данной мѣстности успокаивать раздраженные умы, чтобы не всякому слуху вѣрили, чтобы не обвиняли безъ основанія и не наказывали безъ суда.

Тотъ самый папа Иннокентій IV, котораго цѣлыя четыре буллы приведены въ Кіевскомъ изданіи сего года, въ подлинной буллѣ отъ 9 мая 1244 года (Херубини, т. I, стр. 62), начинающейся словами «Impia iudaeorum perfidia» (Безбожное вѣроломство іудеевъ) повелѣлъ сжечь Талмудъ, содержащій въ себѣ «поруганіе Бога Христа, Пресвятой Дѣвы, безсмысленныя басни и глупости неслыханныя» и строго запретилъ христіанкамъ служить у евреевъ въ качествѣ мамокъ и служанокъ. Нѣтъ папъ ни евреофиловъ, ни евреофобовъ (проф. Хвольсонъ «О нѣкоторыхъ средневѣковыхъ обвиненіяхъ евреевъ .. стр. 174 и 175), а есть только справедливые судьи. Если «писалъ въ пользу евреевъ Сикстъ IV въ 1475 году, когда онъ е хотѣлъ признать святости мнимаго мученика Симона въ Тридентѣ» (тамъ же у пр. Хвольсона—175), то это только доказываетъ, что такія вещи, какъ причисленіе къ лику святыхъ, не дѣлаются зря, лишь по мнѣнію толпы. Тотъ же папа Сикстъ IV въ 1477 году назначилъ комиссію по этому дѣлу изъ 6 кардиналовъ и дѣйствія этой комиссіи въ 1478 году были признаны правильными, сдѣланными вѣрно и правильно (rite et recte). И только черезъ годъ, въ 1480 году, когда убійцы младенца были казнены (Товій, Самуилъ, Ангелъ, Виталъ, Могаръ, Израиль—сперва колесованы, потомъ сожжены; двое крестившихся обезглавлены) и когда слава чудесъ у гроба младенца мученика

росла (въ особенности въ Ломбардіи) съ каждымъ днемъ, тотъ же папа Сикстъ IV послалъ въ Тридентъ трехъ кардиналовъ строго разслѣдовать эти чудеса и ихъ разслѣдованіе утвердилъ, а мученика Симона призналъ блаженнымъ (beatus). И только вѣкъ спустя, когда во время реформаціоннаго движенія евреи стали относиться особенно враждебно къ христіанамъ, папа Григорій XIII (которымъ издана булла противъ евреевъ «Antiqua Judaeorum improbitas»—Херубини, т. II стр. 452), разслѣдовавъ тщательнѣйшимъ образомъ еще разъ все дѣло младенца Симона Тридентскаго, торжественно его канонизировалъ, призналъ святымъ (Sanctus). Извѣстная римская медлительность (cunctatio Romana) во всѣхъ дѣлахъ, въ особенности проявляется въ дѣлахъ причисленія къ лику святыхъ. И когда мы читаемъ въ Мартирологіи (святцахъ): «die 24 Martii Tridenti passio sancti Simeonis pueri, a Judaeis saevissime trucidati, qui multis postea miraculis corruscavit» (24 марта въ Тридентѣ мученичество Святого Симона младенца, жесточайшимъ образомъ убитаго Іудеями, который потомъ многими чудесами возсіялъ), то мы увѣрены, что это было такъ.

Возражая противъ такихъ доказательствъ, какъ судебные приговоры, защитники евреевъ «отъ кроваваго навѣта» утверждаютъ, что приговоры эти ничего не доказываютъ, такъ какъ установлены судомъ, на которомъ примѣнялись пытки. Они забываютъ, что исторія знаетъ цѣлый рядъ приговоровъ судовъ (всѣ обвинительные приговоры по подобнымъ дѣламъ въ XIX вѣкѣ), гдѣ пытокъ не было и гдѣ убійцы были упорно осуждаемы присяжными засѣдателями даже послѣ кассаціи этихъ приговоровъ, причемъ на судѣ по этимъ процессамъ съ почти фотографической точностью воспроизводились характерныя для такихъ процессовъ детали, упоминаемыя, какъ установленныя, въ процессахъ предыдущихъ столѣтій.

Слѣдуя за отрицающими существованіе ритуальныхъ убійствъ у евреевъ, намъ пришлось бы признать недобросовѣстность всѣхъ судей, разрѣшавшихъ въ теченіе многихъ вѣковъ и до настоящаго времени подобные процессы и выносившихъ обвинительные приговоры подсудимымъ, пришлось бы признать полную необоснованность такихъ приговоровъ, несмотря на то, что по нѣкоторымъ дѣламъ, какъ это видно изъ приведенныхъ выше историческихъ справокъ, евреи были застигнуты на мѣстѣ преступленія, т. е. пришлось бы отрицать очевидность. Намъ при-

шлось бы не вѣрить цѣлому ряду свидѣтельствъ историковъ всѣхъ европейскихъ народовъ, среди которыхъ жили евреи, безосновательно назвать ложью разоблаченія выкрестовъ, наконецъ, отвергнуть факты обнаруженія исколотыхъ, обезкровленныхъ, съ признаками обрѣзанія, труповъ. Намъ пришлось бы признать, что всѣ зарегистрованные исторіей случаи ритуальныхъ убійствъ — провокація, систематически проводимая въ теченіе цѣлаго ряда столѣтій, что лѣтописцы всѣхъ странъ, какъ бы сговорившись, писали о совершенно налогичныхъ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ убійства, повторяя другъ друга даже въ мельчайшихъ подробностяхъ; что всѣ показанія свидѣтелей очевидцевъ, даже неграмотныхъ, были ими измышлены съ необычайной освѣдомленностью въ деталяхъ убійствъ.

Изъ вышеприведенныхъ цитатъ изъ источниковъ еврейскаго вѣроученія я вывожу слѣдующія, основанныя на этихъ цитатахъ, положенія:

1) Еврейскій религіозный законъ не только не запрещаетъ убивать христіанъ, но дозволяетъ, поощряетъ и повелѣваетъ эти убійства и такимъ образомъ съ точки зрѣнія этого закона нѣтъ препятствій къ совершенію евреями убійствъ христіанъ.

2) Еврейскій религіозный законъ придаетъ крови вообще и человѣческой въ частности громадное значеніе—символическое, магическое и лечебное.

3) Онъ допускаетъ употребленіе этой крови даже въ пищу.

4) Въ вышеприведенныхъ цитатахъ имѣются указанія на возможность замѣны кровавыхъ жертвъ, существовавшихъ до разрушенія Іерусалимскаго храма въ 70 г. по Р. Хр., избіеніемъ не-евреевъ и въ частности христіанъ по разрушеніи храма.

Исходя изъ этихъ положеній и имѣя въ виду исторически доказанные факты ритуальныхъ убійствъ евреями христіанъ, я прихожу къ заключенію:

1) Что ритуальныя убійства христіанъ евреями не вымыселъ, а дѣйствительность.

2) Что ритуальныя убійства эти являются результатомъ изувѣрства, т. е. доведенія до крайнихъ и уродливыхъ предѣловъ выводовъ изъ всего еврейскаго вѣроученія и различныхъ его толкованій.

3) Что, доколѣ не будетъ доказано противное, убійство Андрея Ющинскаго въ Кіевѣ по характеру сво-

ему, обстановкѣ, кажущейся безмотивности, способу нанесенія поврежденій, орудію преступленія, характеру и многочисленности поврежденій, носящихъ характеръ истязаній и мученій, расположенію ихъ, этихъ поврежденій, на тѣлѣ жертвы, обезкровленію жертвы, отсутствію почти всей вытекшей изъ трупа крови какъ на одеждѣ, такъ и на мѣстѣ обнаруженія тѣла Ющинскаго, времени совершенія убійства (передъ еврейской пасхой), носитъ на себѣ всѣ отличительныя и характерныя черты типичнаго ритуальнаго убійства.

Изъ сочиненій, написанныхъ о еврейскомъ догматѣ крови, судебный слѣдователь Н. А. Машкевичъ произвелъ осмотръ книги греческаго монаха Неофита, изданной по-гречески, въ 1834 г., въ Константинополѣ, въ патріаршей типографіи и представляющей, повидимому, воспроизведеніе первоначальнаго изданія, появившагося въ 1803 г. въ Молдавіи и переведеннаго затѣмъ на языки новогреческій, арабскій, а позднѣе и на французскій. Въ настоящее время книга Неофита представляетъ большую библіографическую рѣдкость. Заглавіе ея таково: «Опроверженіе религіи іудеевъ и ихъ обрядовъ Священнымъ Писаніемъ Ветхаго и Новаго Завѣта». Глава I гласитъ: «Тайна сокровенная, но нынѣ открытая. О іудеяхъ. О крови, которую они получаютъ отъ христіанъ, и объ употребленіи ея, съ доказательствами изъ Св. Писаній».

Монахъ Неофитъ, бывшій раньше еврейскимъ раввиномъ и затѣмъ принявшій православіе, разсказываетъ, какъ онъ самъ былъ посвященъ въ тайну крови: когда ему исполнилось 13 лѣтъ (первое еврейское совершеннолѣтіе) и отецъ, согласно еврейскому обычаю, возложилъ на него «вѣнокъ силы», то затѣмъ, уединившись, долго внѣдрялъ, какъ долгъ, завѣщанный отъ Бога, ненависть къ христіанамъ, послѣ чего открылъ тайну крови, какъ священнѣйшую изъ священныхъ и самый важный обрядъ іудейской религіи.

«Сынъ мой, — продолжалъ отецъ Неофита, — заклинаю тебя всѣми стихіями неба и земли всегда хранить эту тайну въ твоемъ сердцѣ и не довѣрять ее ни братьямъ, ни сестрѣ, ни матери, ни впослѣдствіи женѣ; никому изъ смертныхъ, особенно

же женщинамъ. Если Богъ дастъ тебѣ даже десять взрослыхъ сыновей, то не открывай тайну имъ всѣмъ, а только одному, тому, когораго ты признаешь самымъ умнымъ, и наиболѣе способнымъ сохранить тайну,—такъ же, какъ теперь поступаю я съ тобою. Ты долженъ внимательно слѣдить за тѣмъ, чтобы этотъ сынъ твой былъ приверженъ и ревностенъ къ нашей вѣрѣ... Пусть вся земля откажется принять трупъ твой и изрыгнетъ его изъ нѣдръ своихъ, если ты, когда-либо и при какихъ бы ни было обстоятельствахъ, даже при самой крайней необходимости, откроешь эту тайну крови кому-нибудь, кромѣ того, кому я сказалъ, даже въ томъ случаѣ, если ты станешь христіаниномъ ради выгоды или по другимъ побужденіямъ. Смотри же, не измѣни отцу своему, выдавъ эту божественную тайну, которую я тебѣ сегодня открылъ. Иначе да постигнетъ тебя мое проклятіе въ тотъ же часъ, какъ ты согрѣшишь, и да сопутствуетъ оно тебя всю твою жизнь до смерти и во вѣки вѣковъ».

Тайна крови, — утверждаетъ Неофитъ, — не содержится въ ясныхъ словахъ ни въ одной изъ еврейскихъ книгъ, а передается исключительно словеснымъ преданіемъ, и извѣстна не всѣмъ іудеямъ, а только избраннымъ. Основаній къ употребленію христіанской крови три: 1) ненависть къ христіанамъ; 2) суевѣрія, относящіяся къ области магіи, колдовства и каббалы; 3) вѣра въ духовную дѣйствительность крови.

Религіозные обряды, при которыхъ употребляется христіанская кровь, слѣдующіе:

Бракъ. Женихъ и невѣста приготовляются къ нему строгимъ постомъ въ теченіе сутокъ, воздерживаясь даже отъ воды до захода солнца. Тогда является раввинъ, беретъ только что испеченное яйцо, облупливаетъ, раздѣляетъ пополамъ, посыпаетъ особымъ пепломъ и даетъ по половинкѣ брачущимся. Пока они ѣдятъ яйцо, раввинъ читаетъ молитвы. Какой же это пепелъ? Онъ получается отъ того, что раввины пропитываютъ христіанскою кровью тряпку, высушиваютъ ее и сжигаютъ.

Обрѣзаніе. Раввинъ беретъ чашу съ виномъ, въ которую опущена одна капля крови обрѣзаннаго младенца и одна капля христіанской крови (очевидно, въ видѣ того же пепла, порошка). Взболтавъ смѣсь, раввинъ дважды вкладываетъ свой мизинецъ

въ чашу, а потомъ въ ротъ младенца, со словами: «и Я сказалъ тебѣ: отъ крови твоей жизнь твоя» (Іезек. XVI, 6).

Плачъ объ Іерусалимѣ. 9 іюля жиды, сидя на землѣ, помазываютъ себѣ лобъ вышеописаннымъ порошкомъ и ѣдятъ посыпанное имъ вареное яйцо.

Пасха. Приготовляя опрѣсноки, жиды дѣлаютъ отдѣльно одинъ печеный опрѣснокъ, въ который полагаютъ немного порошка съ кровью христіанскою. Каждый іудей, хотя бы самый маленькій, обязанъ вкусить отъ того опрѣснока кусокъ величиною съ одну маслину (оливу). Опрѣснокъ этотъ называется (по-гречески) «ефикоимонъ».

Смерть. Придя къ умершему, раввинъ беретъ бѣлокъ яйца и немного христіанской крови, взбалтываетъ и кропитъ на сердце умершаго, произнося стихъ изъ пророчества Іезекіиля: «и окроплю васъ чистою водою и вы очиститесь отъ всѣхъ сквернъ вашихъ» (Іезек. XXXVI, 25).

Во всѣхъ этихъ удручающихъ пролитіяхъ кр ви — по мнѣнію Неофита — оправдываются слова Іереміи, пророчествовавшаго объ іудеяхъ: «и на рукахъ твоихъ находится кровь душъ невинныхъ (Іерем. II, 24), и еще болѣе Іезекіиля: «такъ говоритъ Господь: вы ѣдите съ кровью... и будете проливать кровь» (Іезек. XXXIII, 25).

Вслѣдствіе сихъ безчисленныхъ убійствъ Израиль былъ изгнанъ изъ разныхъ государствъ, оправдывая другое пророчество Іезекіиля (XXX. 6):

«ты противъ крови согрѣшилъ и кровь позоветъ тебя на судъ».

V.

Заключеніе проф. Троицкаго, Коковцова, Тихомірова и раввина Мазе.

Въ противовѣсъ канонику Пранайтису защита просила судъ о вызовѣ въ качествѣ экспертовъ по вопросамъ ритуала профессора Петроградской Духовной Академіи по каѳедрѣ еврейскаго языка и библейской археологіи И. Г. Троицкаго, профессоровъ Петроградскаго Университета П. К. Коковцова и Нѣжинскаго Института П. В. Тихомірова, а также московскаго раввина Мазе. Судъ это ходатайство удовлетворилъ, опредѣливъ,

однако, что раввинъ Мазе вызывается въ качествѣ эксперта лишь по вопросу о хасидахъ — несмотря на такое опредѣленіе Мазе давалъ свое заключеніе по всѣмъ вопросамъ ритуальной экспертизы.

Изъ перечисленныхъ четырехъ лицъ на предварительномъ слѣдствіи былъ допрошенъ лишь проф. Троицкій. Онъ показалъ судебному слѣдователю Машкевичу такъ: «На вопросъ, допустимо ли съ точки зрѣнія еврейскаго религіознаго закона употребленіе евреями человѣческой вообще и въ частности христіанской крови съ ритуальною цѣлью, я могу дать отвѣтъ только съ точки зрѣнія религіознаго закона евреевъ талмудистовъ, т. е. правовѣрныхъ евреевъ, понимая подъ этимъ закономъ еврейскую Библію и Талмудъ въ систематизаціи Моисея Маймонида (XII в.) и Іосифа Каро (XVI в.)... Съ точки зрѣнія этого закона употребленіе евреями человѣческой вообще и въ частности христіанской крови съ ритуальною цѣлью представляется недопустимымъ... Что касается религіознаго значенія еврейскихъ мистиковъ, то я съ ними знакомъ очень мало и потому съ точки зрѣнія ихъ ученія на предложенный вопросъ не могу дать опредѣленнаго отвѣта»...

Согласно дальнѣйшему заключенію эксперта, принесеніе евреями кровавыхъ жертвъ прекратилось съ разрушеніемъ Іерусалимскаго храма Титомъ (70 г. по Р. Х), за неимѣніемъ жертвенника и храма, безъ коихъ, по еврейскому закону, не могутъ приноситься жертвы. Онѣ были замѣнены молитвами, чтеніемъ священнаго писанія и дѣлами милости. На просьбу слѣдователя указать изъ книгъ еврейскаго вѣроученія какой либо текстъ, устанавливающій такую замѣну, проф. Троицкій заявилъ, что опредѣленныхъ указаній въ источникахъ онъ сейчасъ не припоминаетъ, но основываетъ такое утвержденіе на «общей исторіи еврейскаго вѣросознанія». Въ самомъ концѣ своего заключенія экспертъ, однако, призналъ, что «замѣна жертвы молитвой относится къ жертвамъ всесожженія и благодарственной, жертвы же за грѣхъ и повинности остались безъ соотвѣтствующихъ эквивалентовъ въ еврейскомъ богослужебномъ ритуалѣ».

На вопросъ, какъ примирить съ прекращеніемъ кровавыхъ жертвъ текстъ Талмуда: «сказалъ рабби Іисусъ: я слышалъ, что жертвы приносятся, хотя бы и не было храма; что великая святыня вкушается, хотя бы и не

было келаимъ (завѣсы)..., ибо первое освященіе освятило на то время и на будущее» —экспертъ объяснилъ, что приведенный текстъ, по его мнѣнію, относится ко времени устройства храма Зоровавеля, когда приношеніе жертвы начало совершаться раньше постройки самаго храма, на сооруженномъ для сего жертвенникѣ—хотя, вообще, это мѣсто не вполнѣ для него ясно. Когда жилъ рабби Іисусъ—въ точности указать не можетъ, но не позже 2-го вѣка по Р. Х.

Догматическимъ обоснованіемъ кровавыхъ жертвъ древнихъ евреевъ была вѣра, что кровь животнаго, приносимаго въ жертву взамѣнъ грѣшнаго человѣка или цѣлаго народа, очищаетъ ихъ отъ грѣха и примиряетъ съ Богомъ. По сему поводу въ книгѣ Левитъ Богъ говоритъ:

«Душа тѣла въ крови и Я назначилъ ее вамъ для жертвенника, чтобы очищать душу вашу, ибо кровь сія душу очищаетъ» (Лев. XVII, 2).

Въ посланіи къ евреямъ Апостолъ Павелъ пишетъ:

«Да и все почти по закону очищается кровію и безъ пролитія крови не бываетъ прощенія» (Евр. IX, 22).

На вопросъ о томъ, дозволительно ли евреямъ употреблять кровь въ пищу или въ качествѣ питія, экспертъ заявилъ, что письменный законъ запрещаетъ употребленіе всякой крови въ пищу (Левитъ, XVII, 10—12, Второз. XII, 23—25). Устный законъ запрещаетъ употребленіе въ пищу крови домашнихъ животныхъ, звѣрей и птицъ, а также крови убитаго на охотѣ. Употребленіе крови рыбъ и саранчи разрѣшается (Шулханъ-Арухъ, Іоре-Деа, Гилкотъ-данъ, 66, I). Что касается человѣческой крови, то, если она отдѣлена отъ человѣка, она запрещена въ томъ случаѣ, когда была усмотрѣна глазомъ. Посему, если кто кусаетъ каравай хлѣба и у него выступитъ изъ зубовъ кровь на поверхности каравая, онъ долженъ срѣзать ее, а что между зубами—высосать. Однако, въ талмудическомъ трактатѣ Мишны «Махширинъ» сказано (VI, 4):

«Существуетъ семь напитковъ: роса, вода, вино, масло, кровь, молоко и медъ пчелиный».

Тамъ же далѣе:

«Подвиды крови: кровь рудометная, если она предназначена для питья».

Объясненіе къ этому мѣсту Бартеноры, Маймонида, а также Майера Бонавентуры (Das-Judenthum, 1843 г. стр. 428) такое:

«Кровь, если она была сварена, можетъ быть употребляема въ пищу; но кто вкушаетъ сырую (не вареную) кровь, тотъ, если бы количество таковой было въ одну оливу, заслуживаетъ истребленія. Кровь же рыбъ и саранчи можетъ быть употребляема въ пищу».

Употребленіе крови съ лечебною цѣлью, по предписанію врача, допустимо.

Будучи допрошенъ черезъ нѣкоторое время судебнымъ слѣдователемъ дополнительно (первый допросъ 12 и 15 октября, второй—7 ноября 1912 г.), проф. Троицкій пояснилъ, что, обратясь къ первоисточникамъ, къ Талмуду, къ Мишнѣ, онъ не могъ установить, на чемъ основано утвержденіе Майера Бонавентуры о дозволеніи употреблять кровь именно въ свареномъ видѣ. Выяснилось, что ни у Бартеноры, ни у Маймонида нѣтъ указаній на употребленіе крови только въ вареномъ видѣ и на предназначеніе ея больному. Слово «больному», заключенное въ скобки, оказалось прибавкой, сдѣланной въ переводѣ Талмуда, изданномъ Переферковичемъ, а въ подлинныхъ изданіяхъ Талмуда, Мишны, извѣстныхъ эксперту, этого слова нѣтъ.

На вопросъ объ отношеніи талмудическаго закона къ убійству иноплеменниковъ надлежитъ отвѣтить, что убійство человѣка запрещено евреямъ.

Что касается текстовъ Талмуда. «гой, изучающій законъ, повиненъ смерти» (трактатъ Сангедринъ) и «лучшаго изъ гоевъ умертви» или «справедливѣйшаго изъ акумовъ лиши жизни» (трактатъ Соферимъ), то онъ, экспертъ, «признаетъ ихъ существованіе въ еврейской литературѣ, но затрудняется сказать о степени ихъ вліянія на образъ дѣйствій евреевъ въ отношеніи къ не-евреямъ».

Въ талмудическомъ трактатѣ Песахимъ есть текстъ:

«Дозволено пронзить амгаареца даже въ день очищенія, приходящійся въ субботу».

Однако, по его, эксперта, мнѣнію, подъ словомъ «амгаарецъ» разумѣются евреи низшаго класса, а не иноплеменники, почему приведенный текстъ не можетъ имѣть отношенія къ христіанамъ.

Нельзя ли видѣть указаній на возстановленіе кровавыхъ жертвъ въ текстѣ изъ Ялкутъ Шимони:

«Кто проливаетъ кровь безбожныхъ, совершаетъ этимъ дѣло, равноцѣнное съ жертвоприношеніемъ»?

Экспертъ и на этотъ вопросъ отвѣтилъ отрицательно, объяснивъ, что приведенный текстъ онъ «понимаетъ въ смыслѣ оцѣнки избиванія безбожныхъ съ точки зрѣнія еврейской теократіи».

На судѣ проф. Троицкій, подтверждая въ общемъ заключеніе, данное имъ на предварительномъ слѣдствіи, высказался въ смыслѣ еще значительно болѣе благопріятномъ для еврейства.

«Говорятъ, что евреи примѣшиваютъ кровь въ мацу—заявилъ проф. Троицкій,—но такое мнѣніе я считаю фантастическимъ бредомъ. Насколько я научно знакомъ съ предметомъ и изъ своихъ личныхъ отношеній съ евреями—у меня были ученики евреи, у меня знакомые среди евреевъ, которые со мною всегда откровенны, ничего отъ меня не скрываютъ—я этого не допускаю. Талмудъ, кромѣ нравственнаго ученія, ничего не содержитъ... Конечно, можно найти въ немъ выраженія, которыя, до нѣкоторой степени, отзываютъ фанатизмомъ, но въ общемъ мораль Талмуда во многомъ совпадаетъ съ моралью древнихъ христіанъ и ничего необычнаго или отличнаго отъ нихъ не заключаетъ... Что касается нѣкоторыхъ отзывовъ Талмуда относительно Христа, то это, собственно говоря, вопросъ чисто религіозный, не относящійся къ морали... Есть въ Талмудѣ выраженія, которыя подавали поводъ обличать талмудистовъ въ полной нетерпимости и человѣконенавистничествѣ. Таково выраженіе, на которое часто ссылаются: «лучшаго изъ гоевъ убей». Нужно, однако, сказать, что оно цитируется не совсѣмъ полно. Въ дѣйствительности въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Талмуда формулировка такова: «лучшаго изъ гоевъ убей во время войны». Въ этой полной формулировкѣ разсматриваемое выраженіе ничего страшнаго не представляетъ. Это обычное военное право, трактовавшееся въ древнее время».

На вопросъ прокурора, почему же сей «полной» формулировки экспертъ не привелъ на допросѣ его судебнымъ слѣдователемъ, почему онъ тамъ ничего не сказалъ о столь важныхъ словахъ «во время войны», проф. Троицкій отвѣтилъ:

«Я получилъ нѣсколько писемъ по этому поводу, гдѣ было указано, что мною, въ предварительной экспертизѣ, допущена маленькая неточность и приведены не всѣ мѣста изъ Талмуда,

поэтому я считаю своимъ нравственнымъ долгомъ сообщить, что, дѣйствительно, допустилъ неточность›.

Эксперту, однако, напомнили, что онъ самъ, въ своемъ заключеніи, данномъ слѣдователю, говоря о требованіи умерщвлять «лучшаго изъ гоевъ», рядомъ со словомъ лучшаго поставилъ слово справедливѣйшаго—сіе послѣднее качество, казалось бы, не имѣетъ никакого отношенія къ войнѣ. Понятно, что «лучшаго» врага на войнѣ надо умерщвлять, потому что онъ наиболѣе опасенъ, но почему такъ опасенъ «справедливѣйшій» врагъ?

На это проф. Троицкій отвѣтилъ лишь, что «настоящее объясненіе считаетъ болѣе положительнымъ, текстъ надо понимать въ смыслѣ лучшій»!...

Тогда эксперту было указано, что текстъ «лучшаго изъ гоевъ умертви› продолжается словами: «самой красивой змѣѣ выдави изъ головы мозгъ»—а такое продолженіе, опять-таки, не имѣетъ, какъ будто, никакого отношенія къ войнѣ, ибо змѣй уничтожаютъ всегда, независимо отъ войны или мира.

Проф. Троицкій сказалъ, что слова о змѣѣ «лишь сравненіе».

Второе выраженіе, на которомъ остановился экспертъ, какъ на «подающемъ поводъ обличать талмудистовъ въ полной нетерпимости и человѣконенавистничествѣ», это: «гой, изучающій законъ, повиненъ смерти». Смыслъ приведеннаго выраженія—пояснилъ экспертъ—въ томъ, что иноплеменникъ, не будучи освѣдомленъ въ тѣхъ пріемахъ, которыми обставлено изученіе закона,—обставлено для того, чтобы изученіе приводило къ жизни, а не къ смерти—иногда, запутавшись въ опредѣленіяхъ закона, можетъ изъ закона вывести что-нибудь такое, что приведетъ его къ духовной, моральной смерти, а не къ моральной жизни. Такимъ образомъ, разсматриваемое выраженіе вовсе не содержитъ въ себѣ предписанія наказывать смертною казнью иноплеменника, изучающаго законъ.

Это объясненіе также явилось новостью по сравненію съ тѣмъ, что говорилъ экспертъ на предварительномъ слѣдствіи.

Перейдя отъ Талмуда къ вопросу о Каббалѣ, проф. Троицкій заявилъ, что таковая «никакихъ новыхъ ритуаловъ не ввела. Напрасно предполагать, что она занимается дикими суевѣріями. Она заставляетъ углубляться въ содержаніе еврейскаго міровоззрѣнія, что приводитъ къ совершенно обратному результату—къ отрицанію суевѣрій. Но тутъ возможны нѣкоторыя злоупотребленія содержаніемъ Каббалы. Такъ, напримѣръ, у каб-

балистовъ широко поставленъ вопросъ о духахъ. Съ этой точки зрѣнія могли быть злоупотребленія со стороны лицъ, непосвященныхъ въ Каббалу, и могли выработаться различныя суевѣрія, но, само собою разумѣется, Каббала источникомъ такихъ суевѣрій не можетъ быть признана... Долженъ сказать, что Каббала далеко не подъ силу евреямъ со среднимъ уровнемъ. Ею могутъ заниматься только раввины и ученые».

О хасидизмѣ (или нео-хасидизмѣ) проф. Троицкій высказалъ, что таковой «не представляетъ собою секты, какъ многіе склонны думать. Это есть извѣстное направленіе еврейства, которое отличается отъ талмудизма тѣмъ, что оно болѣе переноситъ духовные интересы евреевъ въ ихъ внутреннее, душевное настроеніе. На первыхъ порахъ между хасидизмомъ и талмудизмомъ были нѣкоторыя враждебныя недоразумѣнія, но впослѣдствіи хасидизмъ совершенно слился съ талмудизмомъ—въ настоящее время существеннаго различія между ними нѣтъ. Есть нѣкоторая разница въ совершеніи молитвъ. У хасидовъ допускаются, напримѣръ, оживленныя тѣлодвиженія».

О Львовскомъ диспутѣ экспертъ ничего сказать не можетъ: знакомъ съ нимъ очень поверхностно; вообще вопросомъ о ритуальныхъ убійствахъ, во всей его широтѣ, не занимался. Знаетъ среди подобнаго рода дѣлъ про убіеніе мученика Евстратія, память котораго празднуется православною церковію, но относительно этого мученика сказано лишь, что убійство совершено евреями, а чтобы съ цѣлью ритуальной—не указано. Знаетъ, далѣе, про убіеніе младенца Гавріила, въ Слуцкѣ, въ 1690 г. Онъ былъ замученъ евреями, которые во время мученій издѣвались надъ нимъ. Младенецъ Гавріилъ былъ прославленъ Богомъ, какъ говорится въ его житіи, такъ что вѣрующіе получали исцѣленіе отъ обращенія къ этому младенцу въ своихъ молитвахъ. Россійская православная церковь приняла почитаніе этого святого, какъ мѣстнаго. Онъ былъ причисленъ къ третьему или четвертому разряду святыхъ, которые прославляются только на общемъ богослуженіи, а отдѣльной службы для него не было установлено, и только въ позднѣйшее время, именно въ 1908 г., была составлена служба святому мученику Гавріилу младенцу.

«Я, конечно, какъ всякій человѣкъ, долженъ вѣрить фактамъ,— продолжалъ проф. Троицкій—но, если убійство совершено евреями, то это отнюдь не говоритъ за то, что въ еврейской

религіи есть какой-то обрядъ, который требуетъ убіенія младенца и добыванія его крови... Всѣ подобные факты относительно убиванія младенцевъ и вообще дѣтей, замученныхъ евреями, я отношу не къ требованію религіознаго ритуала, а къ обыкновенной преступности, которая можетъ быть и среди евреевъ, къ тѣмъ преступнымъ типамъ, отъ которыхъ сами евреи отказываются».

Несмотря на то, что заключеніе проф. Троицкаго явилось полнымъ восхваленіемъ еврейства и рѣшительнымъ отрицаніемъ ритуальныхъ убійствъ, въ отвѣтахъ, данныхъ экспертомъ на отдѣльные вопросы, удалось почерпнуть два свѣдѣнія, весьма цѣнныя для вывода, что убійство Андрюши Ющинскаго было именно ритуальнымъ.

Во-первыхъ, о каббалистическомъ значеніи числа 13 проф. Троицкій, подтверждая, что, согласно Каббалѣ, каждому слову соотвѣтствуетъ извѣстное число, сообщилъ, что 13 есть цифровое выраженіе слова Эхадъ. Этимъ словомъ оканчивается та краткая молитва, которую каждый благочестивый еврей долженъ читать передъ смертью. Значеніе молитвы именно въ этомъ словѣ Эхадъ, ибо оно значитъ «единое», а въ молитвѣ имъ выражается, что Богъ единъ, т. е. исповѣдуется самая основа еврейскаго вѣроученія.

Во-вторыхъ, по вопросу о крови, добываемой путемъ разрѣзыванія и крови, добываемой путемъ прокалыванія, проф. Троицкій удостовѣрилъ, что кровь, добытую посредствомъ разрѣзыванія, посредствомъ «шехиты», необходимо покрыть, а кровь, добытую отъ прокалыванія, можно оставлять и непокрытою.

По этому поводу экспертъ привелъ такое мѣсто Талмуда:

Одинъ раввинъ жалуется другому, что злокачественныя мошки портятъ ему весь посѣвъ.

Тотъ совѣтуетъ покропить кровью: мошки не выдержатъ запаха крови.

— «Но какъ же это возможно—недоумѣваетъ вопрошавшій:— вѣдь кровь надо покрыть?»

— «Да, отвѣчаетъ совѣтчикъ, если она отъ шехиты (т. е. отъ разрѣзыванія), а ты достань отъ прокалыванія—ея не надо покрывать—и отгони мошекъ».

По вопросу, изъ какого мѣста тѣла, по толкованію Талмуда и Каббалы, выходитъ, по преимуществу, душа вмѣстѣ съ кровью— экспертъ отвѣтилъ, что указать это точно при разныхъ случаяхъ смертности невозможно, но, если принять во вниманіе сопо-

ставленіе закланія животнаго со смертью, и то, что рѣзникъ вскрываетъ вену на шеѣ, изъ которой вытекаетъ кровь, то мѣстомъ ухода души, по преимуществу, является шея. По еврейскому представленію, душа находится въ крови, слѣдовательно, когда кровь выходитъ изъ организма, то выходитъ и душа.

Наконецъ, относительно еврейской письменности проф. Троицкій удостовѣрилъ, что тамъ пишутся только согласныя буквы, а гласныя изображаются лишь въ видѣ точекъ, при чемъ въ такихъ книгахъ, какъ Талмудъ или Каббала, изображенія гласныхъ буквъ нѣтъ вовсе, даже и въ видѣ точекъ, и, при чтеніи, эти гласныя буквы добавляются читающимъ по смыслу.

Проф. Коковцовъ и Тихоміровъ присоединились, въ общемъ, къ тому, что было высказано проф. Троицкимъ, лишь немного развивъ нѣкоторыя изъ его положеній.

Такъ, проф. Коковцовъ, сославшись на одинъ изъ талмудическихъ текстовъ, указалъ, что «въ случаѣ надобности въ крови животнаго для какихъ-либо цѣлей—само собой разумѣется, не имѣющихъ ничего общаго съ ѣдой, а напримѣръ, какъ видно изъ другихъ мѣстъ Талмуда, для удаленія вредныхъ насѣкомыхъ запахомъ крови—предлагается убивать животное или прокалываніемъ, или отщемленіемъ, но не способомъ разрѣзыванія, обычнымъ при еврейскомъ убоѣ скота».

Закончилъ свое заключеніе проф. Коковцовъ утвержденіемъ очень рѣшительнымъ: «Я прямо скажу, что, если бы гдѣ-либо былъ найденъ обезкровленный трупъ христіанина и было бы вмѣстѣ съ тѣмъ доказано, что убійство совершено евреемъ, я предпочелъ бы допустить какіе угодно мотивы убійства, за исключеніемъ желанія получить человѣческую кровь, и, въ крайнемъ случаѣ, готовъ былъ бы допустить нелѣпое предположеніе, что трупъ обезкровленъ евреями для того, чтобы его можно было съѣсть, чѣмъ еще болѣе нелѣпое предположеніе, что онъ обезкровленъ евреями для того, чтобы добыть изъ него кровь» [1]).

---

[1]) Любопытно, что въ «стенографическомъ отчетѣ по дѣлу Бейлиса», изданномъ въ трехъ томахъ «съ разрѣшенія редакціи «Кіевской Мысли»—сего послѣдняго заявленія проф. Коковцова въ текстѣ его заключенія не имѣется, и лишь въ самомъ концѣ третьяго тома помѣщены, въ видѣ приложенія, на трехъ страничкахъ, «дополненія и поправки»—въ сихъ «дополненіяхъ и поправкахъ» находится означенное заявленіе—не показалось ли даже редакціи «Кіевской Мысли», что оно идетъ черезчуръ далеко?

Проф. Тихомировъ, оговорясь, что онъ вполнѣ присоединяется къ проф. Троицкому и Коковцову, относительно Талмуда высказался такъ: «На меня Талмудъ всегда производилъ впечатлѣніе чего-то очень пестраго, калейдоскопическаго, гдѣ можно встрѣтить массу противорѣчій, а поэтому и можно, по моему, всегда выбрать изъ Талмуда, что угодно. Многія постановленія устарѣли и явно не исполняются. Такъ, напримѣръ, есть постановленіе: если у еврейки родится ребенокъ, то еврейка можетъ его принимать, а если у акумки—то принимать не можетъ, а между тѣмъ, развѣ мы не знаемъ, что въ большинствѣ у насъ почти всѣ акушерки еврейки и пользуются ими всѣ».

Обвиненія евреевъ въ ритуальныхъ убійствахъ «появились только въ XII в. и выходитъ, что цѣлыхъ одиннадцать вѣковъ у евреевъ не было случаевъ, когда бы имъ нужна была христіанская кровь, а въ XII вѣкѣ—зачѣмъ-то понадобилась!?»

Относительно Гавріила-младенца, проф. Тихомировъ заявилъ, что этотъ святой «въ спискѣ православныхъ святыхъ не значится, а лишь считается мѣстнымъ святымъ, а мѣстными называются такіе, которымъ можно служить молебны только на мѣстѣ, такъ что, если бы въ Кіевѣ попросили священника въ честь этого святого отслужить молебенъ, то священникъ бы колебался это сдѣлать».

Что касается мученика Евстратія, мощи котораго почиваютъ въ Кіево-Печерской лаврѣ, то, по словамъ эксперта, про святого Евстратія «извѣстно, что онъ былъ взятъ въ плѣнъ, проданъ евреямъ и ими распятъ на крестѣ... Здѣсь мы имѣемъ случай мучительства, издѣвательства надъ христіанской религіей, но вѣдь съ миссіонерами часто это случается: когда они попадаютъ, напримѣръ, къ дикарямъ, то дикари ихъ нерѣдко даже съѣдаютъ»...

Наконецъ, раввинъ Мазе тоже заявилъ, что онъ «по всѣмъ вопросамъ согласенъ съ тремя предыдущими экспертами», но это не удержало его отъ произнесенія длинной рѣчи на общую тему о достоинствахъ Талмуда, о кротости и терпимости его ученія. «Господа судьи—заявилъ раввинъ Мазе—вы понимаете, что еврейство очень любитъ религіи, которыя вышли изъ его нѣдръ... Это старое правило: отецъ любитъ больше своихъ дѣтей, чѣмъ дѣти отца». А что касается Каббалы, то это «любимая книга глубокихъ христіанскихъ ученыхъ... Если еврей хочетъ изучать Каббалу, онъ ищетъ учителей не среди евреевъ, а среди христіанъ» и т. д.

Итакъ, четыре эксперта, вызванные по ходатайству защиты, высказались въ смыслѣ категорическаго отрицанія ритуальныхъ убійствъ.

Прежде, чѣмъ перейти къ разбору сего окончательнаго вывода, надлежитъ сказать нѣсколько словъ о тѣхъ, бывшихъ предметомъ экспертизы, обстоятельствахъ, которыя въ вопросѣ о ритуальныхъ убійствахъ имѣютъ значеніе какъ бы предпосылокъ.

Одной изъ нихъ является утвержденіе, что талмудическое ученіе вообще проникнуто фанатизмомъ и ненавистью къ христіанамъ.

Гласное и публичное удостовѣреніе этого факта уже само по себѣ чрезвычайно непріятно и вредно современному еврейству, а отрицаніе не такъ легко въ виду наличности прямыхъ, вполнѣ опредѣленныхъ выдержекъ изъ Талмуда: «лучшаго изъ гоевъ убей», «гой, изучающій законъ, повиненъ смерти» и т. д.

И вотъ на предварительномъ слѣдствіи проф. Троицкій призналъ существованіе всѣхъ этихъ изреченій, объяснивъ лишь, что не знаетъ «степени ихъ вліянія на образъ дѣйствій евреевъ», а на судѣ уже началъ давать имъ толкованіе, совершенно уничтожающее ихъ изувѣрный характеръ, но зато поражающее своей искусственностью, натянутостью.

Другая предпосылка такова: важнѣйшимъ актомъ еврейской религіи являлось принесеніе кровавыхъ жертвъ, безъ чего не могло быть прощенія грѣха; жертвы должны были приноситься только въ храмѣ; когда подвергся разрушенію храмъ, то сдѣлалось невозможнымъ принесеніе жертвъ, а, слѣдовательно, и отпущеніе грѣховъ. Въ исканіи выхода изъ этого тупика и въ связи съ ростомъ дикихъ суевѣрій, еврейскій фанатизмъ пролитіе христіанской крови призналъ актомъ, замѣняющимъ древнюю кровавую жертву.

Въ подтвержденіе этой схемы были указаны, въ числѣ прочихъ, два весьма важныхъ текста: 1) изъ талмудическаго трактата Эдуіотъ о томъ, что жертвы продолжаютъ приноситься, хотя и нѣтъ храма; 2) изъ Ялкутъ Шимони о томъ, что проливающій кровь безбожныхъ совершаетъ этимъ дѣло, равноцѣнное съ жертвоприношеніемъ.

Однако, и этимъ текстамъ, вполнѣ, казалось бы, яснымъ и опредѣленнымъ, проф. Троицкій далъ иной смыслъ путемъ толкованія, еще болѣе искусственнаго, чѣмъ предшествующія.

Едва ли, напримѣръ, возможно согласиться, что жившій во второмъ вѣкѣ послѣ Рождества Христова еврейскій мудрецъ словами «жертвы *приносятся*» указывалъ на принесеніе жертвъ въ давнопрошедшее для него время постройки храма Зоровавеля.

Далѣе, по вопросу о суевѣріяхъ, даже еврейскій ученый, Грецъ, приводя тому рядъ доказательствъ, утверждаетъ, что Каббала «распространила дикое суевѣріе, укрѣпила въ умахъ царство сатаны, злыхъ духовъ и привидѣній; своими, нерѣдко чувственными, даже граничащими съ распутными выраженіями вызвала нечистыя побужденія» и т. д. Между тѣмъ, согласно заключенію проф. Троицкаго, «напрасно предполагать, что Каббала занимается дикими суевѣріями... Источникомъ такихъ суевѣрій она не можетъ быть признана». О морали Каббалы экспертъ при этомъ ничего не упоминаетъ, зато про мораль Талмуда отзывается хвалебно, лишь вскользь замѣчая, что, хотя тамъ и содержится поношеніе Христа, но вѣдь это, молъ, вопросъ религіи, а не морали. Обильныя документальныя данныя о томъ, какова, въ отношеніи не-евреевъ, мораль Талмуда, были обойдены при этомъ молчаніемъ.

Когда рѣчь зашла о почитаемыхъ Православною Церковью святыхъ, замученныхъ жидами—а таковыхъ два: святой Евстратій и святой Гавріилъ—то эксперты—и проф. Троицкій и проф. Тихомировъ—не преминули отмѣтить, что, хотя святой Евстратій и былъ замученъ жидами, но нѣтъ указаній, что это было совершено съ цѣлью обезкровленія, ради догмата крови. Казалось естественнымъ, что, перейдя ко второму мученику, младенцу Гавріилу, эксперты, съ такою же обстоятельностью, укажутъ, что здѣсь на обезкровленіе, на догматъ крови имѣются прямыя и совершенно опредѣлительныя указанія, ибо въ службѣ святому читаемъ:

«Первѣе бо кровь твою по малу изливше, еле жива тя оставиша іудеи, да множайшимъ мукамъ предадутъ твое непорочное тѣло, еже и смерти предавше конечнымъ кровеистощаніемъ, на ниву въ день Св. Пасхи тое безстуднѣ извергоша, мы же, твоя безчисленныя раны цѣлующе, подвиги твоя теплѣ прославляемъ».

Однако, вмѣсто этихъ данныхъ, мы услышали на судѣ отъ экспертовъ нѣчто совершенно неожиданное: что младенецъ Гавріилъ, хоть и святой, но третьяго, если не четвертаго разряда и что, напримѣръ, въ Кіевѣ, на просьбу отслужить ему

молебенъ, священникъ колебался бы, можно ли служить. Свѣдѣнія о томъ, какъ былъ замученъ младенецъ, оказались замѣненными разсужденіемъ о степени почитаемости святого, притомъ совершенно невѣрными.

Не свидѣтельствуетъ ли этотъ пріемъ, такъ же, какъ и крайняя искусственность толкованій, разобранныхъ выше, о томъ, что экспертизѣ ученыхъ, вызванныхъ по ходатайству защиты, не хватало одного изъ главныхъ качествъ, для такой экспертизы необходимыхъ,—научнаго безпристрастія?

Что касается ея окончательнаго вывода, то онъ грѣшитъ и другимъ, не менѣе важнымъ, недостаткомъ. Заключеніе свое, данное на предварительномъ слѣдствіи, проф. Троицкій началъ съ заявленія, что на вопросъ объ употребленіи евреями христіанской крови онъ можетъ дать отвѣтъ только съ точки зрѣнія религіознаго закона евреевъ-талмудистовъ, правовѣрныхъ евреевъ, а съ религіознымъ значеніемъ еврейскихъ мистиковъ знакомъ очень мало. Между тѣмъ, суть дѣла именно въ еврейскомъ мистическомъ ученіи, въ Каббалѣ, въ Зогарѣ, въ позднѣйшихъ явно изувѣрныхъ хасидскихъ сочиненіяхъ, ввозъ коихъ къ себѣ черезъ русскую границу сочло нужнымъ запретить австрійское правительство. Помимо того, изслѣдованію богословско-догматическому, несомнѣнно, должно сопутствовать историко-юридическое. Оно, къ сожалѣнію, и на судѣ осталось совершенно въ тѣни. Между тѣмъ, и судебныя дѣла о ритуальныхъ убійствахъ, и исторія еврейскихъ сектъ — франкизма, хасидизма—даетъ въ этомъ направленіи богатѣйшій матеріалъ. Мало использованный до сихъ поръ, онъ гораздо опаснѣе для іудаизма, чѣмъ споръ, сосредоточенный на отдѣльныхъ текстахъ. Здѣсь талмудическая казуистика, облеченная въ броню недоступнаго, для огромнаго большинства, языка и письменности, общая туманность и запутанность изложенія, особенно каббалистическаго, способъ написанія словъ—одними согласными съ совершеннымъ пропускомъ гласныхъ буквъ—наконецъ ухищренія жидовъ, старавшихся въ позднѣйшемъ изданіи сейчасъ же измѣнить, или даже вовсе пропустить то мѣсто, которое возбудило подозрѣніе христіанъ—все это даетъ благопріятнѣйшую почву извернуться путемъ увѣреній, что, де, не такъ поняли и невѣрно истолковали. Между тѣмъ, въ дѣлахъ судебныхъ и въ документахъ историческихъ, сравнивая обстоятельства, незыблемо установленныя на судѣ въ различныхъ ритуальныхъ

процессахъ, ихъ обстановку, свидѣтельскія показанія, признанія обвиняемыхъ, сопоставляя съ актами, удостовѣряющими, какъ одна часть еврейства изобличала въ изувѣрствѣ другую—мы получаемъ незыблемый, провѣренный матеріалъ, гораздо болѣе важный. Онъ, правда, не касается вопроса, какъ правильнѣе, съ научно-кабинетной точки зрѣнія, понимать тотъ или иной текстъ, но зато онъ удостовѣряетъ, какъ на самомъ дѣлѣ понимали эти тексты жиды-фанатики и какъ, въ силу такого пониманія, они дѣйствовали.

Въ этой области экспертиза ученыхъ, вызванныхъ по ходатайству защиты, не дала рѣшительно ничего. Относительно судебныхъ дѣлъ объ убійствахъ, совершенныхъ іудеями по побужденіямъ религіознаго изувѣрства, проф. Троицкій заявилъ, что всесторонне вопроса этого не изучалъ и относящихся сюда актовъ, историческихъ документовъ не имѣлъ. То же объяснилъ суду проф. Коковцовъ: «опредѣленнаго отвѣта, къ сожалѣнію, дать не могу, потому что не имѣлъ возможности основательно изучить соотвѣтствующихъ дѣлъ по документамъ». Не далъ здѣсь сколько нибудь опредѣленнаго заключенія и проф. Тихоміровъ. Равнымъ образомъ и про Львовскій диспутъ названные эксперты не дали никакихъ свѣдѣній. На мое указаніе, что вѣдь обвиненія, предъявленныя тамъ одной частью еврейства къ другой—это историческій фактъ, проф. Троицкій отвѣтилъ: «Но подробностей содержанія этого факта я не знаю, такъ какъ съ этимъ дѣломъ знакомъ очень поверхностно». Наконецъ, весьма краткія и самыя общія данныя о хасидахъ были сведены проф. Троицкимъ къ выводу, что, де, хасиды—не секта. Такое утвержденіе послѣдовало, какъ указано выше, и въ «заявленіи раввиновъ Россіи», сдѣланномъ передъ дѣломъ Бейлиса для опроверженія «кроваваго навѣта». Однако, еврейскій историкъ—писавшій, конечно, внѣ этой спеціальной цѣли—Грецъ, многократно, прямо и текстуально называетъ хасидизмъ сектою, обильно приводя, такъ же, какъ и другой еврейскій историкъ, Дубновъ, документальныя данныя, не оставляющія никакого сомнѣнія, что, по существу вопроса, это именно секта, притомъ изувѣрная, а ученіе ея, съ точки зрѣнія «правовѣрнаго талмудизма»,—очевидная ересь.

По сравненію съ этими еврейскими учеными не оказался ли въ данномъ случаѣ профессоръ Духовной Академіи Троицкій, ни словечка не проронившій о хасидскомъ изувѣрствѣ, «болѣе

евреемъ, чѣмъ сами евреи». Экспертъ былъ призванъ дать заключеніе о существованіи или несуществованіи у іудеевъ догмата крови и ритуальныхъ убійствъ. Если онъ съ ученіемъ еврейскихъ мистиковъ знакомъ мало, если актовъ и историческихъ документовъ по дѣламъ о жидахъ, обвинявшихся въ ритуальныхъ убійствахъ, онъ не имѣлъ и сихъ дѣлъ всесторонне, научно, не изучалъ, если съ такимъ историческимъ фактомъ, какъ Львовскій диспутъ, онъ знакомъ очень поверхностно—то не должны ли мы признать, что, значитъ, такой экспертъ не обладаетъ тѣми свѣдѣніями, которыя необходимы для данной экспертизы, хотя, быть можетъ, въ другихъ областяхъ, касающихся іудаизма, располагаетъ громадной ученостью...

VI.

Дѣла Велижское и Саратовское.

Много столѣтій государство Россійское зорко, съ проникновенною мудростью, ограждало себя отъ внѣдренія жидовъ. Пока не было въ Россіи сколько-нибудь значительнаго еврейскаго населенія, до тѣхъ поръ не было, разумѣется, и дѣлъ о ритуальныхъ жидовскихъ убійствахъ, но какъ только, въ концѣ XVIII вѣка, послѣ раздѣловъ Польши, къ Россіи былъ присоединенъ густо заселенный жидами Западный край и жидовское населеніе вошло, такимъ образомъ, въ составъ нашего государства, такъ сейчасъ же начали возникать ритуальные процессы, которыхъ раньше въ Польшѣ было едва ли не болѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ Европы. Прошло лишь двадцать три года послѣ третьяго раздѣла Польши, и уже успѣлъ появиться въ Россіи актъ, вполнѣ схожій съ тѣми, разобранными въ предшествующемъ изложеніи, папскими буллами и королевскими декретами, которые, въ жидовскомъ ихъ толкованіи, будто бы, «осуждали кровавый навѣтъ и, разъ навсегда, воспрещали по н ·у преслѣдовать»: 6 марта 1817 года главноуправляющимъ духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій, княземъ Голицынымъ, «по поводу оказывающихся въ нѣкоторыхъ отъ Польши къ Россіи присоединенныхъ губерніяхъ извѣтовъ на евреевъ объ умерщвленіи ими христіанскихъ дѣтей якобы для крови», объявлено всѣмъ управляющимъ губерніями словесное Высочайшее пове-

лѣніе Императора Александра I, «чтобы впредь евреи не были обвиняемы въ умерщвленіи христіанскихъ дѣтей безъ всякихъ уликъ, по единому предразсудку, что якобы они имѣютъ нужду въ христіанской крови».

Подобно вышеупомянутымъ буллamъ и декретамъ, Высочайшее повелѣніе заключало лишь совершенно правильное и не подлежащее оспариванію положеніе, что осуждать безъ уликъ, по одному лишь подозрѣнію, нельзя, но лица, объявлявшія словесную волю Монарха, придали ей такую форму, что получилась нѣкоторая возможность толковать, будто Высочайшимъ повелѣніемъ отвергается самое существованіе у іудеевъ догмата крови и ритуальныхъ убійствъ—совершенно такъ же, какъ оно бывало и на Западѣ, гдѣ іудеи даже спеціально, напряженнѣйшими усиліями, добивались этихъ буллъ и декретовъ именно ради возможности такого толкованія. Однако у насъ, въ Россіи, сія возможность очень быстро исчезла: черезъ шесть лѣтъ послѣ Высочайшаго повелѣнія 6 марта 1817 года возникло такъ называемое Велижское дѣло—объ убійствѣ въ городѣ Велижѣ, въ апрѣлѣ 1823 года, жидами, съ цѣлью полученія крови, солдатскаго сына Федора Емельянова. Послѣ того, какъ тогдашній дореформенный судъ опредѣлилъ «случай смерти солдатскаго сына Емельянова предать волѣ Божьей», Императору Александру I при проѣздѣ его въ 1825 г. черезъ Велижъ была подана объ этомъ всеподданнѣйшая жалоба, по которой Государь повелѣлъ «строжайше изслѣдовать». Для этой цѣли былъ командированъ флигель-адьютантъ Его Величества генералъ-маіоръ Шкуринъ и образована особая слѣдственная комиссія, обширные, тщательные труды которой шли именно въ направленіи ритуальнаго убійства и сопровождались запечатаніемъ всѣхъ еврейскихъ молитвенныхъ домовъ («школъ») г. Велижа, которые оставались запечатанными до самаго окончанія дѣла, послѣдовавшаго лишь черезъ десять лѣтъ—въ 1835 г. Факты эти наглядно свидѣтельствуютъ, насколько далекъ былъ Императоръ Александръ I отъ того, чтобы отрицать возможность существованія у жидовъ догмата крови и ритуальныхъ убійствъ.

Для окончательнаго разрѣшенія Велижское дѣло уже послѣ смерти Императора Александра I, при Императорѣ Николаѣ I, поступило въ Государственный Совѣтъ, который призналъ улики, имѣвшіяся противъ многочисленныхъ подсудимыхъ-іудеевъ недостаточными для ихъ осужденія. Однако самое событіе пре-

ступнаго дѣянія, его отличительныя черты и характеръ были установлены съ достаточной опредѣленностью.

Акты производства гласятъ:

«1823 года, въ Свѣтлое Христово Воскресеніе (22 апрѣля) Велижской инвалидной команды рядового Емельяна Иванова сынъ Федоръ, имѣвшій четвертый годъ, вышедъ изъ дома днемъ, не возвратился и неизвѣстно куда дѣвался. На третій день (24 апрѣля) начальникъ инвалидной команды, подпоручикъ Степановъ, объявилъ о семъ городской полиціи, но по розыскамъ оной мальчика въ городѣ не отыскано. А на Ѳоминой недѣлѣ въ среду (2 мая) мѣщанскимъ сыномъ Коханскимъ, отправившимся въ поле за лошадью, найдено тѣло того мальчика за Велижемъ не далѣе версты на болотѣ, заросшемъ кустарникомъ, къ которому замѣченъ въ разстояніи саженей 15-ти слѣдъ повозки, подъѣзжавшей парою лошадей съ кованными колесами.

По осмотрѣ того тѣла (4 мая) Велижскій штабъ-лекарь объяснилъ: 1) во многихъ мѣстахъ тѣла, какъ-то: на ногахъ, рукахъ, животѣ, лбу и головѣ отъ крѣпкаго тренія сукномъ, или щеткою, кожа, такъ сказать, сгорѣла, желта или красна и затвердѣла; 2) оказалися на правой рукѣ отъ кисти до локтя, какъ съ внутренней, такъ и наружной стороны пять, на лѣвой рукѣ такимъ же образомъ три, на правой ногѣ сзади выше колѣна одна, на спинѣ одна, на головѣ на самомъ темени и на правой сторонѣ за ухомъ четыре до самой кости черепа доходящія, но безъ поврежденія онаго ранки маленькія, круглыя, а глубиною не болѣе, какъ такъ подобно до ранъ, когда дробью подстрѣлено, сдѣлано какимъ-то тупымъ орудіемъ—какъ онъ, штабъ-лекарь, полагаетъ, гвоздемъ, у котораго острый кончикъ нарочно отломленъ; 3) на обѣихъ ногахъ отъ колѣна внизъ, шириною на $^1/_4$ аршина, кожа отличалась отъ прочей темнымъ, почти чернымъ цвѣтомъ, такъ что легко можно было замѣтить, что сильная тамъ находилась перевязка, черезъ которую циркуляція остановлена была; 4) губы крѣпко къ зубамъ и носъ ко рту придавлены, на затылкѣ же шеи темно-багровый, кровью натекшій знакъ доказываетъ сильную перевязку рта, которая вокругъ шеи переходила; 5) внутренности сего младенца—желудокъ и кишки—совершенно пусты и только воздухомъ надуты, впрочемъ, здоровыя и никакого духа гнилости, или порчи не имѣвшія.

Штабъ-лекарь заключилъ: 1) что сей младенецъ разсудительно замученъ; 2) что дробью не могъ быть стрѣлянъ, ибо ни одной дробинки нигдѣ не найдено; раны же не могли бы быть всѣ такъ ровной глубины и нѣкоторыя могли бы проникнуть въ мускулярныя части, а болѣе всего не могли бы попадать вдругъ и сзади, и спереди, и съ боковъ; 3) что сей младенецъ, будучи родителями своими хорошо кормленъ (ибо гдѣ только онъ его вскрывалъ, вездѣ подъ кожею не мало жиру находилъ), нѣсколько дней былъ содержимъ на большой діэтѣ, что доказываютъ праздныя его внутренности; 4) что ротъ его былъ крѣпко завязанъ, дабы крика его не было слышно; 5) что или сукномъ, или щеткою былъ тертъ, дабы привести кровь въ сильную циркуляцію; 6) что ноги потому были сильно связаны, дабы теченіе крови къ верхнимъ частямъ болѣе привести; 7) что былъ колотъ или, лучше сказать, кожа проверчена въ 14-ти мѣстахъ для достанія оттуда самой только закожной крови; 8) что сіе злодѣяніе исполнено на раздѣтомъ ребенкѣ, ибо на его рубашкѣ вовсе знака крови не было; наконецъ 9) что сіе варварство не далѣе, какъ два, или три дня передъ нахожденіемъ тѣла мертваго было сдѣлано».

Изъ дальнѣйшаго видно, что на немъ оказались слѣды обрѣзанія, а ногти на рукахъ и на ногахъ обстрижены вплоть до мякоти.

Улики, изобличавшія отдѣльныхъ подсудимыхъ евреевъ, сводились главнымъ образомъ къ показаніямъ трехъ «доказчицъ»-христіанокъ—Тереньтьевой, Максимовой и Козловской, изъ которыхъ Максимова и Козловская служили у заподозрѣнныхъ іудеевъ, а Терентьева постоянно исполняла въ жидовской средѣ разныя порученія и отдѣльныя работы. Нельзя забывать, что надлежащее, серьезное разслѣдованіе началось лишь два года спустя послѣ совершенія преступленія (убійство въ концѣ апрѣля 1823 г., а командированіе генерала Шкурина въ маѣ 1825 г.), Улики, слѣды преступленія за такой срокъ, разумѣется, успѣли въ значительной степени изгладиться. Рѣшеніе дѣла, въ смыслѣ осужденія или оправданія подсудимыхъ, сводилось всецѣло къ вопросу, въ какой мѣрѣ можно было довѣрять тому, что говорили противъ іудеевъ вышепоименованныя три «доказчицы». Не входя въ разборъ ихъ показаній, ибо таковыя въ окончательной инстанціи признаны для обвинительнаго приговора недостаточными, надлежитъ, однако, отмѣтить, что по дѣлу, разработанному хотя и съ запозданіемъ, но весьма подробно, пред-

ставляется совершенно необъяснимымъ и невѣроятнымъ, кто же и для чего могъ такимъ способомъ убить четырехлѣтняго мальчика и выбросить, какъ падаль, его трупъ—если здѣсь не было жидовскаго ритуальнаго убійства.

Подсудимые принуждены были ограничиться въ этомъ отношеніи заявленіями, явно вздорными, что, де, «мальчикъ задавленъ экипажемъ нечаянно и выброшенъ въ поле, а послѣ мертвый, по злобѣ на евреевъ, исколотъ», или что, молъ, вѣроятно мальчикъ просто застрѣленъ изъ ружья. Одинъ изъ жидовъ, впослѣдствіи привлеченный, Орликъ, началъ говорить это сразу же, какъ только былъ обнаруженъ трупъ—почему въ протоколѣ медицинскаго осмотра и содержится объясненіе штабъ-лекаря, что «младенецъ дробью не могъ быть стрѣлянъ». Обширное заключеніе слѣдственной комиссіи оканчивается категорическимъ утвержденіемъ: «комиссія по всѣмъ симъ основаніямъ никакъ не можетъ полагать иначе, какъ что солдатскій сынъ дѣйствительно умерщвленъ евреями». Тутъ же комиссія удостовѣряетъ, что «обвиняемые евреи, не имѣя ничего къ своему оправданію, основываютъ всю спасенія своего надежду единственно на успѣхѣ въ наклоненіи или расположеніи доказательницъ, какимъ бы образомъ ни было, къ показаніямъ въ ихъ пользу и остаются въ непоколебимой увѣренности, неизвѣстно по какимъ причинамъ, въ направленіи самаго слѣдствія согласно ихъ желаніямъ, лишь бы только дѣло ихъ вышло изъ рукъ комиссіи, о чемъ говорятъ утвердительно даже въ ея присутствіи».

Эта «непоколебимая, неизвѣстно по какимъ причинамъ, увѣренность» не обманула іудеевъ: какъ только особая назначенная по Высочайшему повелѣнію самого Государя комиссія передала законченное ею слѣдствіе въ дальнѣйшія инстанціи, такъ сейчасъ же дѣло приняло благопріятный для жидовъ оборотъ.

Характерно такое замѣчаніе слѣдственной комиссіи: «евреи ко лжепоказаніямъ столько пріобыкли, что, когда по сему дѣлу, при произведеніи о подсудимыхъ повальныхъ обысковъ, надлежало приводить евреевъ къ присягѣ, то даже самъ раббинъ и два подраббина, составляющіе Бесдинъ [1]) и долженствующіе

[1]) Бесдинъ, или, правильнѣе, Бетъ-динъ—свой, еврейскій судъ, существующій въ каждой еврейской общинѣ.

быть при присягѣ одной съ приводимыми секты, удостовѣрили комиссію данною подпискою, что живущіе въ городѣ Велижѣ евреи ни къ какой особенно сектѣ не принадлежатъ, тогда какъ комиссіи, и по мѣстному пребыванію и по показанію подсудимаго еврея Цетлина, извѣстно, что въ Велижѣ евреи раздѣляются на двѣ секты: Хоседовъ и Мейснагедовъ».

Однако, если слѣдственная комиссія останавливала вниманіе на томъ, «сколько евреи пріобыкли къ лжепоказаніямъ», то въ Государственномъ Совѣтѣ возобладали иные взгляды, и Гражданскій его Департаментъ въ составѣ графа Николая Мордвинова, Алексѣя Бахметева и Алексѣя Оленина полагалъ не только «немедленно освободить подсудимыхъ по дѣлу евреевъ, какъ ни въ чемъ не уличенныхъ», но «участь означенныхъ подсудимыхъ, претерпѣвшихъ тюремное заключеніе въ теченіе 8 лѣтъ и неразлучное съ онымъ разстройство въ торговлѣ и промыслахъ, повергнуть Монаршему воззрѣнію съ тѣмъ, что не благоугодно ли будетъ Его Императорскому Величеству въ вознагражденіе освободить ихъ впредь на восемь лѣтъ отъ платежа казенныхъ повинностей... Дабы положить конецъ предубѣжденію о употребленіи евреями христіанской крови въ обрядахъ ихъ вѣры и отвратить возрожденіе дѣлъ, подобныхъ Велижскому производству, повсемѣстно подтвердить, чтобы Высочайшее повелѣніе 6 марта 1817 г. исполняемо было во всей силѣ... Запечатанныя еврейскія школы въ Велижѣ открыть, дозволивъ въ нихъ служеніе».

Таковое въ высшей степени благопріятное жидамъ и чрезвычайно яркое въ этомъ смыслѣ рѣшеніе Департамента было Общимъ Собраніемъ Государственнаго Совѣта значительно обезцвѣчено: предположеніе, чтобы подсудимые іудеи, недостаточно изобличенные, были на восемь лѣтъ освобождены отъ платежа государственныхъ податей, изъято изъ рѣшенія вовсе; отдѣльныя выраженія такового смягчены. Вмѣсто словъ: евреевъ подсудимыхъ, какъ ни въ чемъ неуличенныхъ, немедленно освободить, сказано: «евреевъ подсудимыхъ, какъ положительно не уличенныхъ, отъ суда и слѣдствія освободить». Высочайшее повелѣніе 6 марта 1817 г. предположено подтвердить, но фразы о томъ, что это нужно, о «дабы положить конецъ предубѣжденію о употребленіи евреями христіанской крови въ обрядахъ ихъ вѣры и отвратить возрожденіе дѣлъ, подобныхъ Велижскому производству»—исключены.

Въ остальномъ Общее Собраніе согласилось съ Гражданскимъ Департаментомъ, соотвѣтственно чему мнѣніе Государственнаго Совѣта было предложено на утвержденіе Государя Императора Николая I, съ проектами двухъ предписаній Министру Внутреннихъ Дѣлъ: 1) объ открытіи въ Велижѣ еврейскихъ молитвенныхъ домовъ (школъ) и 2) о подтвержденіи Высочайшаго повелѣнія 6 марта 1817 года. Первый проектъ былъ одобренъ Государемъ и посланъ для исполненія, а на второмъ имѣется помѣтка Государственнаго Секретаря: «Разсматривано Государемъ Императоромъ въ С.-Петербургѣ 22 Генв. 1835; но Высочайшаго соизволенія не воспослѣдовало».

На меморіи Государственнаго Совѣта по Велижскому дѣлу собственноручно положена Государемъ Императоромъ такая резолюція:

«Раздѣляя мнѣніе Государственнаго Совѣта, что въ дѣлѣ семъ, по неясности законныхъ доводовъ, другого рѣшенія послѣдовать не можетъ, какъ то, которое въ утвержденномъ Мною мнѣніи изложено, считаю, однако, нужнымъ прибавить, что внутренняго убѣжденія, чтобъ убійство Евреями произведено не было, не имѣю и имѣть не могу. Неоднократные примѣры подобныхъ умерщвленій съ тѣми же признаками, но всегда непонятными по недостатку законами требуемыхъ доказательствъ и даже нынѣ производимое весьма странное дѣло въ Житомірѣ доказываютъ, по моему мнѣнію, что между евреями существуютъ, вѣроятно, изувѣры или раскольники, которые христіанскую кровь считаютъ нужною для своихъ обрядовъ,—сіе тѣмъ болѣе возможнымъ казаться можетъ, что, къ несчастью, и среди насъ, христіанъ, существуютъ иногда такія секты, которыя не менѣе ужасны и непонятны. Напримѣръ, сожигальщики и самоубійцы, которыхъ неслыханный примѣръ былъ уже при мнѣ въ Саратовской губерніи. Словомъ, не думая отнюдь, чтобъ обычай сей могъ быть общимъ евреямъ, не отвергаю, однако, чтобъ среди ихъ не могли быть столь же ужасные изувѣры, какъ и между насъ, христіанъ».

Слѣдующее, еще болѣе громкое ритуальное дѣло—Саратовское, дало наглядное, документальное подтвержденіе изумительно вѣрнаго взгляда, высказаннаго съ такою проницательностью Императоромъ Николаемъ I. Если значеніе Велижскаго дѣла,

очень яркаго по событію преступленія, стараются умалить тѣмъ, что отдѣльные, заподозрѣнные въ ритуальномъ убійствѣ іудеи не были осуждены, то въ дѣлѣ Саратовскомъ нѣтъ даже этой лазейки. Обстоятельства его настолько разительны, что воспроизвести ихъ необходимо тѣмъ болѣе, что подлинные акты Саратовскаго дѣла, хранящіеся въ архивѣ Государственнаго Совѣта, равно какъ и относящіеся сюда данныя изъ дѣлъ Еврейскаго Комитета были осмотрѣны судебнымъ слѣдователемъ Машкевичемъ и протоколы осмотровъ пріобщены имъ къ слѣдствію объ убійствѣ Андрюши Ющинскаго.

Въ началѣ декабря 1852 года, въ г. Саратовѣ, сынъ цехового Шерстобитова, Ѳеофанъ, 10 лѣтъ, ушелъ утромъ въ школу, а домой уже не возвращался.

Въ январѣ 1853 г. такъ же загадочно и безслѣдно исчезъ въ томъ же Саратовѣ другой мальчикъ—11-лѣтній сынъ государственнаго крестьянина, Михаилъ Масловъ.

По поводу ихъ исчезновенія саратовскою «градскою» полиціею было произведено «разслѣдованіе», которое «ничего не обнаружило» и дѣлу, казалось, суждено было подвергнуться забвенію такъ, какъ «остались безгласными» случаи исчезновенія мальчиковъ въ той же мѣстности за предшествующіе годы.

4 марта 1853 г., совершенно случайно, на Волгѣ, недалеко отъ берега, былъ найденъ трупъ Маслова, а черезъ нѣкоторое время, когда Волга уже вскрылась, на Беклемишевомъ островѣ, противъ Саратова, въ тальникѣ, тоже случайно—обнаружили трупъ Шерстобитова.

Стоило этимъ трупамъ лежать на аршинъ правѣе или на аршинъ лѣвѣе—и половодье, по всей вѣроятности, окончательно бы уничтожило слѣды преступленія.

Признаки насильственной смерти обоихъ мальчиковъ были несомнѣнны. У Маслова на головѣ обнаружены двѣ раны—одна нанесенная тупымъ, другая острымъ орудіемъ. На шеѣ вдавленіе и рубцы отъ шерстянаго кушака. На правомъ плечѣ часть кожи вырѣзана круглообразно. Ясные слѣды обрѣзанія. На рукахъ и ногахъ синія пятна.

Врачъ, производившій вскрытіе, опредѣлилъ, что смерть послѣдовала отъ удара тупымъ орудіемъ по головѣ—настолько сильнаго, что теменная и височныя кости дали трещину отъ одного уха до другого. Послѣ этого удара, но еще до наступленія смерти, шею мальчика давили кушакомъ. Обрѣзаніе, соот-

вѣтствующее іудейскому обряду, и вырѣзаніе кожи на плечѣ учинены при жизни, но незадолго до смерти. Синія пятна на рукахъ и ногахъ—или отъ тугихъ перевязокъ, или отъ того, что мальчика очень крѣпко держали руками—тоже незадолго до смерти.

Трупъ Шерстобитова успѣлъ сгнить настолько, что вполнѣ изслѣдовать поврежденія на его тѣлѣ уже не представилось возможнымъ, однако слѣды произведеннаго и надъ нимъ обрѣзанія были установлены вполнѣ опредѣленно. На вискѣ обнаружено большое краснобагровое пятно, а значительный кровоподтекъ, ему соотвѣтствовавшій, свидѣтельствовалъ о прижизненномъ его происхожденіи и о томъ, что сильный ударъ, нанесенный по виску, если не повлекъ смерти ребенка, то, во всякомъ случаѣ, ошеломилъ и лишилъ сознанія.

Если, однако, результаты судебно-медицинскаго осмотра и вскрытія Шерстобитова страдали поневолѣ пробѣлами, то слѣдственный матеріалъ обогатился двумя чрезвычайно важными находками, оказавшимися около трупа—это были: солдатская фуражка, однако, безъ номера, и солдатскія же подтяжки, сцѣпленныя петля въ петлю, служившія, повидимому, для переноса на нихъ трупа, хотя не исключена возможность, что Шерстобитовъ былъ этими подтяжками задушенъ такъ, какъ Масловъ, тоже получившій сильный ударъ по головѣ, былъ удавленъ кушакомъ. Возможно, конечно, въ видѣ предположенія, и то, и другое, то есть, что подтяжки были и орудіемъ удушенія, и орудіемъ послѣдующаго переноса трупа. Ногти на рукахъ и ногахъ Шерстобитова были обрѣзаны вплоть до мякоти.

Очевидно, найденныя одно за другимъ мертвыя тѣла ни въ чемъ неповинныхъ дѣтей, замученныхъ, оскверненныхъ, изуродованныхъ, брошенныхъ, какъ падаль, должны были вызвать сильное возбужденіе среди мѣстнаго населенія. Отдѣлываться разслѣдованіями ничего не обнаруживающей градской полиціи больше нельзя было, и губернаторъ возложилъ слѣдствіе на особаго чиновника, Волохова, котораго вскорѣ смѣнилъ слѣдователь, спеціально присланный изъ Петербурга—надворный совѣтникъ Дурново.

Необычайной энергіи, искусству, полной неподкупности этого дѣятеля, а также помогавшаго ему жандармскаго офицера Языкова и обязано своимъ раскрытіемъ одно изъ интереснѣйшихъ и ужаснѣйшихъ судебныхъ дѣлъ русской уголовной лѣтописи.

Однако, уже и Волоховъ нашелъ кончикъ отъ того клубка, который былъ потомъ распутанъ съ такимъ мастерствомъ. Онъ обратилъ тщательное вниманіе на мальчика Степана Канина, который былъ вмѣстѣ съ Масловымъ передъ исчезновеніемъ послѣдняго.

Канинъ показалъ, что его и Маслова какой-то человѣкъ въ дубленомъ, желтаго цвѣта, тулупѣ позвалъ на Волгу помогать въ переноскѣ аспидныхъ досокъ, посуливъ по пятаку за доску. Они отправились, но по дорогѣ Канинъ одумался, не захотѣлъ идти дальше и вернулся домой, а Масловъ пошелъ къ берегу и больше не возвращался.

Тогда Волоховъ началъ предъявлять Канину проживающихъ въ Саратовѣ іудеевъ, коихъ, повидимому, было въ то время не особенно много: главнымъ разсадникомъ саратовскихъ жидовъ оказался, весьма неожиданно, мѣстный гарнизонный батальонъ, объ изумительныхъ порядкахъ котораго, такъ же, какъ и о злоупотребленіяхъ «градской» саратовской полиціи, было произведено особое разслѣдованіе, паралельно со слѣдствіемъ объ убійствахъ Шерстобитова и Маслова.

Безпорядки эти заключались въ крайне слабомъ надзорѣ за нижними чинами—точнѣе—въ полномъ отсутствіи надзора. Нижніе чины батальона, проживая въ значительномъ числѣ на частныхъ квартирахъ, не только безпрепятственно разгуливали въ любое время по городу, но даже отлучались самовольно съ дежурствъ и карауловъ—обстоятельства, выяснившіяся при послѣдующемъ ходѣ событій и для оцѣнки ихъ весьма существенныя.

Жидовъ въ батальонѣ было 44. Всѣхъ ихъ, въ числѣ другихъ іудеевъ, производившій слѣдствіе Волоховъ предъявилъ мальчику Канину. Надо замѣтить, что въ это время былъ найденъ только трупъ Маслова, хотя пропавшаго позже, а трупъ пропавшаго раньше Шерстобитова, съ валявшейся около солдатской фуражкой, обнаруженъ еще не былъ. Такимъ образомъ, слѣдственная власть, имѣя основаніе заподозрить въ убійствѣ кого-либо изъ еврейской среды (вслѣдствіе факта обрѣзанія Маслова), никакими указаніями, что въ убійствѣ замѣшаны солдаты-евреи, еще не располагала.

Мальчикъ Канинъ, изъ предъявленныхъ ему евреевъ вообще и солдатъ-евреевъ въ частности, призналъ солдата Михеля Шлифермана, заявивъ: «Онъ ровно тотъ, кто сманилъ.». Впо-

слѣдствіи, на одномъ изъ передопросовъ, Канинъ выразился еще категоричнѣе, сказавъ Шлиферману: «Это ты увелъ Мишу».

Итакъ, съ одной стороны, по убійству Маслова, которое совершено позже, но подверглось разслѣдованію раньше, свидѣтель, въ добросовѣстности котораго нельзя сомнѣваться, прямо указалъ на солдата-еврея, какъ на одного изъ виновныхъ, а съ другой стороны, уже послѣ этого показанія, обнаружились несомнѣнныя, чисто объективныя данныя, что виновный или виновные въ первомъ убійствѣ, Шерстобитова,—вышли изъ среды: 1) еврейской (фактъ обрѣзанія Шерстобитова) и 2) солдатской (подтяжки и фуражка, оказавшіяся около трупа).

Михель Шлифманъ, учинивъ полное запирательство, однако не могъ отрицать, что, будучи по ремеслу цирульникомъ, именно онъ совершалъ обыкновенно у саратовскихъ евреевъ обрядъ обрѣзанія младенцевъ.

Когда Канинъ опозналъ Шлифермана, естественно возникъ вопросъ о дубленомъ, желтаго цвѣта тулупѣ, въ которомъ, по словамъ мальчика, былъ человѣкъ, «сманившій Мишу». Сначала поиски были безуспѣшны, но затѣмъ нашелся свидѣтель, удостовѣрившій, что видѣлъ, какъ въ такомъ тулупѣ приходилъ на квартиру Шлифермана другой солдатъ-еврей, служащій сторожемъ въ еврейской молельнѣ. У этого сторожа, солдата инвалидной команды Янкеля Бермана, произвели обыскъ и, дѣйствительно, нашли тулупъ, по примѣтамъ подходящій къ описанію, сдѣланному Канинымъ.

Чтобы закончить эту часть изложенія, слѣдуетъ еще добавить, что, какъ только былъ найденъ трупъ Маслова, на слѣдующій же день въ полицію добровольно явился нѣкій Авксентій Локотковъ, бродяга-подростокъ, ночевавшій гдѣ попало, безъ копѣйки денегъ,—и заявилъ, что это онъ совершилъ убійство. Локоткова препроводили къ слѣдователю Волохову, который удостовѣрился, что разсказъ явившагося съ повинною бродяги о томъ, какъ онъ убивалъ, совершенно невѣроятенъ. Впрочемъ, и Локотковъ уже отъ своего сознанія отказался, заявивъ Волохову, что говорилъ все это въ полиціи спьяна, а пришелъ туда потому, что не имѣлъ ни пристанища, ни денегъ. Тѣмъ не менѣе, онъ былъ предъявленъ Канину, который сказалъ, что это не тотъ человѣкъ, который увелъ Маслова. Тогда Волоховъ отослалъ Локоткова обратно въ полицію, гдѣ его оставили подъ арестомъ «за безписьменность». На первоначальное пока-

заніе его, очевидно, взглянули, какъ на незаслуживающую вниманія болтовню пьянаго бродяги—и лишь впослѣдствіи выяснилось, что болтовня эта была не столь вздорной и безпричинной, какъ казалось.

Этимъ закончилась первая стадія дѣла—дѣйствія полиціи и Волохова до пріѣзда Дурново, ставшаго во главѣ особой слѣдственной комиссіи.

Впослѣдствіи, когда уже производилось разслѣдованіе о самой саратовской городской полиціи, отцы убитыхъ мальчиковъ, Шерстобитовъ и Масловъ, удостовѣрили, что сразу, немедленно послѣ исчезновенія ихъ сыновей, задолго до обнаруженія труповъ, они заявили подозрѣніе на жидовъ и настаивали, «ежедневно просили», по выраженію потерпѣвшихъ, чтобы въ жидовскихъ помѣщеніяхъ—повторяю, немногочисленныхъ—были произведены обыски. Однако полиція упорно «подозрѣніе это отводила», ни одного обыска тогда не произвела, а Шерстобитова, напримѣръ, увѣряла, что его сынъ «навѣрное гдѣ-нибудь замерзъ, потому что былъ шалуномъ».

Въ числѣ рядовыхъ саратовскаго гарнизоннаго батальона находился крестьянинъ Антонъ Богдановъ, характеристика котораго представляется еще болѣе отрицательною, чѣмъ Локоткова. Вмѣстѣ съ матерью, бѣжавшею отъ помѣщика, онъ долго велъ бродячій образъ жизни, подобно Локоткову. Въ рекруты былъ сданъ за дурное поведеніе. На военной службѣ не исправился, отличаясь, по удостовѣренію начальства, буйствомъ и пьянствомъ. Происходя изъ Витебской губерніи, съ дѣтства привыкъ къ польской и еврейской средѣ, а потому, по словамъ другихъ солдатъ, «съ русскими былъ русскій, съ поляками полякъ, съ жидами жидъ». Въ вещахъ его нашли подвязную бороду и парикъ.

На первой недѣлѣ Великаго Поста 1853 года, Богдановъ явился въ «Петербургскую гостиницу» гор. Саратова и тамъ, въ пьяномъ видѣ, началъ буянить: шумѣть, кричать, бить посуду.

Такъ какъ о «Петербургской гостиницѣ» будетъ дальше много разговоровъ, то надлежитъ теперь же отмѣтить, что содержателемъ ея состоялъ нѣмецкій колонистъ Гильгенбергъ, что подъ зданіемъ гостиницы было особое подвальное помѣщеніе, а во дворѣ—флигель, гдѣ жилъ съ семьею пожилой зажи-

точный еврей Янкель Юшкевичеръ, по ремеслу мѣховщикъ. Поселился онъ въ Саратовѣ давно, еще съ 1827 г., конечно, не имѣя на это ни малѣйшаго права. Нѣсколько разъ, какъ водится, «возникала переписка» о его выселеніи, но «оканчивалась ничѣмъ».

Поднявшій скандалъ Богдановъ вдругъ началъ требовать, чтобы этого Юшкевичера позвали въ гостиницу: пусть, молъ, платитъ за ту посуду, которую онъ, Богдановъ, побилъ.

Несмотря на дикость такой фантазіи, гостиничные служащіе дали знать объ этомъ на квартиру Юшкевичера, откуда, за отсутствіемъ самого Янкеля, въ гостиницу немедленно пришелъ его сынъ, Файвишъ. Богдановъ, однако, не унимался: онъ полѣзъ на Файвиша съ кулаками и заявилъ, что не платитъ самъ вовсе не по неимѣнію денегъ, а лишь потому, что считаетъ жидовъ обязанными платить за него, Богданова. Въ доказательство, Богдановъ вытащилъ изъ кармана нѣсколько золотыхъ монетъ и, обращаясь къ Файвишу, сказалъ: «У меня самого есть деньги: вы же мнѣ дали за мальчиковъ». Но въ это время появился Янкель и сумѣлъ успокоить Богданова, а за разбитую имъ посуду безпрекословно заплатилъ пять рублей,— сумма по тогдашнимъ временамъ, несомнѣнно, очень крупная для солдатскаго кутежа.

Однако, и это весьма важное событіе осталось пока «безгласнымъ». Кому было обратить на него вниманіе? Отношеніе къ дѣлу саратовской полиціи было вполнѣ опредѣленнымъ, что же касается служащихъ въ гостиницѣ, то даже тогда, когда за слѣдствіе взялся Дурново, они были въ началѣ крайне молчаливы и несообщительны. Можетъ быть, на нихъ вліялъ Янкель Юшкевичеръ непосредственно, а вѣрнѣе, что имъ приказалъ молчать хозяинъ Гильгенбергъ, по крайней мѣрѣ, въ концѣ концовъ, эти служащіе показали именно такъ, и Правительствующій Сенатъ, рѣшая дѣло, даже предполагалъ «Якова Гильгенберга оставить въ подозрѣніи въ преступныхъ сношеніяхъ съ Янкелемъ Юшкевичеромъ и въ знаніи обстоятельствъ о скрытіи слѣдовъ сдѣланнаго Юшкевичеромъ преступленія». Тогда, при дореформенномъ процессѣ, существовалъ особый юридическій институтъ «оставленія въ подозрѣніи», какъ нѣчто среднее между обвиненіемъ и оправданіемъ.

Между тѣмъ Богдановъ съ каждою недѣлей пьянствовалъ все сильнѣе и сильнѣе, сталъ нелюдимымъ, все болѣе и болѣе

сторонился товарищей, пока, наконецъ, уже въ маѣ 1853 г., не заявилъ начальству, что «желаетъ раскрыть жидовское дѣло». Его отправили къ Дурново.

Послѣ цѣлаго ряда тщательныхъ и весьма подробныхъ допросовъ, показанія Богданова свелись къ слѣдующему:

Поступивъ въ Саратовскій гарнизонный батальонъ лѣтомъ 1852 г., онъ быстро сдружился со служившими тамъ солдатами-евреями, а въ особенности съ Федоромъ Юрловымъ, бывшимъ тогда еще шарманщикомъ и принятымъ въ батальонъ рядовымъ къ зимѣ. Федоръ Юрловъ доводился сыномъ Янкелю Юшкевичеру, но принялъ православіе. Однако, это не воспрепятствовало ему сохранить близкія, дружественныя отношенія и съ евреями вообще, и съ Янкелемъ Юшкевичеромъ въ частности. Юрловъ не только бывалъ у отца самъ, но и водилъ туда Богданова, которому оказывали хорошій пріемъ и поили водкой.

Съ зимы Богдановъ сталъ красть для евреевъ казенныя дрова и носить въ еврейскую молельню. Это еще болѣе сблизило его съ евреями и усилило ихъ довѣріе.

Въ серединѣ декабря 1852 г., ночью, Юрловъ уговорилъ его, Богданова, уйти съ караула на квартиру Янкеля Юшкевичера. расположенную, какъ уже было сказано, на одномъ дворѣ съ «Петербургскою гостиницею».

У Юшкевичера Богдановъ засталъ солдатъ-евреевъ Фогельфельда, Берлинскаго, Зайдмана и двухъ незнакомыхъ ему жидовъ, не изъ Саратова: одинъ былъ въ халатѣ и высокой грузинской шапкѣ, другой—въ чапанѣ. Богданова, по обыкновенію, начали поить водкой, послѣ чего повели въ подвалъ, находившійся подъ гостиницей. Тамъ, на полу, онъ увидѣлъ мальчика, котораго сейчасъ же положили на скамейку. Мальчикъ вертѣлся и мычалъ. Янкель сѣлъ на него верхомъ, вынулъ инструментъ изъ какого-то краснаго футляра и совершилъ обрѣзаніе, но при этомъ нечаянно порѣзалъ себѣ палецъ на лѣвой рукѣ—изъ пальца пошла кровь. Мальчика, послѣ обрѣзанія, повернули и, сдѣлавъ раны на спинѣ, или на шеѣ дали крови стекать въ мѣдный тазъ. Затѣмъ кто-то нанесъ мальчику сильный ударъ въ високъ, и тотъ пересталъ шевелиться. Съ полной точностью и отчетливостью Богдановъ всего происшедшаго вспомнить не можетъ, потому что находился тогда подъ вліяніемъ сильнаго испуга и выпитой водки. Онъ даже хотѣлъ убѣжать, но Юрловъ принудилъ его остаться, послѣ чего жиды стали настаивать, чтобы онъ вынесъ трупъ

мальчика изъ подвала и выбросилъ куда-нибудь подальше. Богдановъ, въ испугѣ, отказался, но, подъ вліяніемъ просьбъ и угрозъ, обѣщалъ это сдѣлать черезъ нѣсколько дней. Тогда его снова начали напаивать водкой.

Спустя нѣкоторое время Богдановъ, опять отлучась изъ караула самовольно, пришелъ къ Янкелю и съ Юрловымъ, Берлинскимъ, Зайдманомъ спустились въ подвалъ. Тамъ связали трупъ мальчика подтяжками, сложили въ сани и повезли на Волгу. У берега Богдановъ взвалилъ мертвое тѣло себѣ на спину и сталъ спускаться, но было круто и онъ сорвался съ своей ношей внизъ. Помочь ему подоспѣлъ Юрловъ. Вдвоемъ, они стали искать проруби, но не нашли, а потому переправились по льду на островъ и спрятали трупъ въ кустарникѣ, гдѣ Богдановъ второпяхъ потерялъ фуражку. Тогда Берлинскій далъ ему свою, такъ какъ, живя на вольной квартирѣ, могъ незамѣтно вернуться и безъ форменной фуражки,—въ шапкѣ. За свое участіе въ вывозѣ трупа онъ, Богдановъ, получилъ отъ Янкеля плату.

Въ февралѣ Берлинскій и Зайдманъ снова позвали Богданова къ Юшкевичеру. По дорогѣ оба еврея заглядывали въ нѣсколько кабаковъ, видимо, кого-то отыскивая. Наконецъ, въ одномъ кабакѣ они увидѣли Федора Юрлова, въ штатскомъ платьѣ. Зашли туда и угостили Богданова водкой, а потомъ продолжали путь уже вчетверомъ. На Сергіевской улицѣ Зайдманъ зашелъ въ какой-то домъ и вернулся изъ воротъ на улицу въ сопровожденіи незнакомой Богданову женщины, не жидовки. Богдановъ обратилъ вниманіе, что она говорила по-русски чисто, но скороговоркой и, прощаясь, сказала: «Богъ съ вами».

Придя къ Юшкевичеру, Богдановъ выпилъ еще водки, а потомъ, около полуночи, увидѣлъ во дворѣ сани, на которыхъ лежалъ трупъ мальчика, чѣмъ-то покрытый. Въ саняхъ расположились Юрловъ, Берлинскій, Зайдманъ. Онъ, Богдановъ, сталъ на запятки, и поѣхали къ Волгѣ. На поворотѣ у взвоза Богдановъ, охмѣлѣвъ, сорвался съ запятокъ. Жиды уѣхали безъ него и что они дальше дѣлали—ему неизвѣстно. Не остановились они, вѣроятно, потому, что на взвозѣ было очень круто и скользко—трудно удержать лошадь, а, кромѣ того, вблизи стоялъ будочникъ.

Онъ, Богдановъ, вернулся въ городъ.

Найденныя въ его вещахъ, при арестованіи, фальшивая борода и парикъ были доставлены ему Юрловымъ послѣ того, какъ вывезли на Волгу перваго мальчика, Шерстобитова. Уже тогда Юрловъ подговаривалъ его бѣжать изъ батальона и, принеся бороду, парикъ, обѣщалъ достать также фальшивый паспортъ. Оказавшаяся у него, Богданова, за обшлагомъ рукава пятирублевая ассигнація представляетъ ту часть платы за вывозъ трупа, которую онъ, Богдановъ, еще не успѣлъ истратить.

Какъ Михель Шлиферманъ учинилъ полное запирательство по поводу того, что показалъ о немъ мальчикъ Степанъ Канинъ, такъ Юрловъ, Юшкевичеръ, Зайдманъ, Берлинскій и Фогельфельдъ стали совершенно отрицать все, что разсказалъ о нихъ Богдановъ. Юрловъ заявилъ, что познакомился съ Богдановымъ лишь послѣ того, какъ попалъ въ одну съ нимъ роту. Остальные евреи показали, что вовсе Богданова не знаютъ. Однако солдаты-христіане удостовѣрили, что Юрловъ и Богдановъ были дружны между собой, что Юрловъ еще до поступленія своего на военную службу приходилъ въ 1 роту, гдѣ служилъ Богдановъ; что поздно осенью 1852 г. онъ явился къ Богданову въ караулъ при рабочемъ домѣ и оба вмѣстѣ куда-то ушли.

Описывая убійство перваго мальчика, свезеннаго на Волгу, Шерстобитова, Богдановъ, между прочимъ, указалъ, что Янкель Юшкевичеръ, совершая обрѣзаніе вертѣвшейся подъ нимъ жертвы, порѣзалъ себѣ палецъ лѣвой руки. Слѣдователь Дурново произвелъ немедленно судебно-медицинское освидѣтельствованіе Юшкевичера и, дѣйствительно, на безымянномъ пальцѣ лѣвой руки свидѣтельствуемаго былъ обнаруженъ рубецъ, по поводу котораго Юшкевичеръ объяснилъ, что порѣзался щучьимъ зубомъ. Однако врачъ-экспертъ удостовѣрилъ, что тогда края рубца были бы иные, менѣе гладкіе, здѣсь же ровность краевъ указываетъ, что рана причинена не зубомъ, а болѣе острымъ орудіемъ.

На это Янкель Юшкевичеръ дополнительно объяснилъ, что онъ замѣтилъ порѣзъ, когда чистилъ рыбу наканунѣ еврейской пасхи (т. е., по справкѣ, 10 апрѣля 1853 г.), но, можетъ быть, таковой причиненъ и не зубомъ, а ножомъ. Однако, врачъ удостовѣрилъ, что и это объясненіе невѣроятно, ибо бѣлизна рубца указываетъ, что рана причинена не раньше, какъ мѣсяца

за четыре до освидѣтельствованія, происходившаго 31 мая 1853 года.

Далѣе, слѣдствіемъ была отыскана свидѣтельница Чернышева, которая показала, что въ декабрѣ 1852 г., вечеромъ, проходя около дома «Петербургской гостиницы», она встрѣтила жида Янкеля, державшаго за руку мальчика, лѣтъ десяти. Янкель говорилъ ему: «иди», а мальчикъ, упираясь, хотѣлъ освободиться.

Другая свидѣтельница, Ирина Попова, показала, что, служа стряпухой у цехового Цыганова, квартирующаго рядомъ съ Янкелемъ Юшкевичеромъ, она, незадолго до масленицы 1853 года, услыхала донесшійся изъ квартиры жалобный дѣтскій крикъ. Начавъ прислушиваться, она различила слова: «Отпустите, лучше тятенька вамъ денегъ дастъ». Потомъ послышался какой-то шорохъ и все затихло. Попова прошла на квартиру Юшкевичера узнать, кто кричалъ, но въ дверяхъ ее остановила старшая дочь Янкеля и не пустила въ квартиру, а на вопросъ о странномъ крикѣ отвѣтила: «Это дѣти играютъ». Попова тогда же разсказала о случившемся Цыганову, который ея ссылку впослѣдствіи подтвердилъ.

Спустя довольно много времени послѣ ареста Юшкевичера, отъ ремесленниковъ-христіанъ, поселившихся на его бывшей квартирѣ, стало извѣстнымъ, что въ темной комнатѣ, гдѣ была раньше спальня Юшкевичера и его жены, замѣчены на полу какія-то странныя пятна, которыя не смываются даже горячей водой. Приступивъ къ провѣркѣ этихъ свѣдѣній, слѣдственная власть, дѣйствительно, обнаружила въ указанномъ мѣстѣ мало замѣтныя на глазъ, но довольно большія темнобурыя пятна, которыя, однако, выступили гораздо явственнѣе, когда доски были смочены теплой водой, и снова сдѣлались мало замѣтными по мѣрѣ высыханія досокъ. Новые обитатели квартиры Юшкевичера объяснили, что въ то время, когда они туда переѣхали—въ іюлѣ 1853 г.—пятна были гораздо болѣе краснаго цвѣта и очень походили на кровяныя, а потомъ, послѣ неоднократнаго мытья, потемнѣли.

Врачебная управа и медицинскій совѣтъ высказались, что при такихъ условіяхъ опредѣлить свойства и происхожденіе пятенъ не представляется возможнымъ.

Надъ пятнами, на потолкѣ, штукатурка оказалась гораздо болѣе свѣжею, чѣмъ остальная. Заинтересовавшись симъ обстоятельствомъ, слѣдственная власть выяснила, что какъ разъ въ

этомъ мѣстѣ у Юшкевичеровъ были вбиты въ потолокъ большіе гвозди, которые испортили штукатурку, впослѣдствіи отремонтированную заново. Когда спросили мужа и жену Юшкевичеровъ, зачѣмъ понадобилось вбивать въ потолокъ гвозди и почему подъ гвоздями образовались такія странныя пятна, спрошенные дали противорѣчивыя показанія. Жена Юшкевичера, Ита, сначала объяснила, что ни гвоздей въ потолкѣ, ни пятенъ на полу не замѣчала, а потомъ добавила, что, уже послѣ ареста ея мужа, въ этомъ мѣстѣ были вбиты гвозди, чтобы повѣсить люльку для ея внука. Янкель Юшкевичеръ (по ремеслу мѣховщикъ, какъ было упомянуто выше) заявилъ, что гвозди были вбиты давно—на нихъ вѣшали мѣха, которые потомъ окрашивали: вѣроятно, отъ стекавшей краски и образовались подъ гвоздями пятна. Однако, два эксперта-мѣховщика удостовѣрили, что употребляемыя въ ихъ ремеслѣ краски отмываются горячей водой и не могутъ оставить такихъ пятенъ, какія обнаружены въ квартирѣ Юшкевичера.

Свидѣтель Иванъ Кадомцевъ, служившій у содержателя «Петербургской гостиницы» кучеромъ, показалъ, что въ 1853 г., передъ масляной, онъ поздно вечеромъ запрягалъ хозяйскую лошадь для жидовъ. Потомъ Янкель закричалъ: «отворите ворота», а такъ какъ ворота были тяжелы, то дворникъ Михайловъ (умершій до допроса) попросилъ его, Кадомцева, помочь. Онъ видѣлъ, что въѣхали сани, въ которыхъ сидѣло нѣсколько человѣкъ, а одинъ стоялъ на запяткахъ. Лицъ не разглядѣлъ, но говоръ былъ жидовскій. На саняхъ лежалъ прикрытый чѣмъ-то, повидимому дубленой шубой, предметъ, который, судя по очертанію, могъ быть трупомъ ребенка. Ночью его, Кадомцева, разбудилъ поваръ Иванъ и сказалъ, что надо убрать вернувшуюся лошадь. Въ предыдущія двѣ ночи Кадомцевъ спалъ въ конюшнѣ и замѣтилъ, что въ выходъ подъ гостиницей (т. е. въ подвалъ) ходили какіе-то люди съ фонаремъ.

Поваръ Иванъ сначала, какъ и многіе служащіе «Петербургской гостиницы», говорилъ, что ничего не знаетъ, но потомъ подтвердилъ, что какъ-то ночью, передъ масляной, Янкель зашелъ на кухню и сказалъ ему, чтобы разбудить Кадомцева, потомучто вернулась лошадь.

Любовница Федора Юрлова, мѣщанка Горохова, сначала долго говорила, что ничего по дѣлу не знаетъ, но затѣмъ показала, что, узнавъ объ арестѣ Янкеля Юшкевичера, поспѣ-

шила въ казарму, предупредить объ этомъ Юрлова. Онъ пришелъ въ сильное волненіе и, заплакавъ, сказалъ: «Нашъ грѣхъ, вѣрно мы всѣ погибли». На вопросъ Гороховой, кто же убивалъ, Юрловъ отвѣтилъ: «Кого арестовали, тѣ и убили».

Во время содержанія подъ стражей Янкеля Юшкевичера удалось перехватить письмо, гдѣ онъ обожженною лучиною написалъ по-еврейски: «Увѣдоми іудеевъ, чтобы они молились. Стойте крѣпко. Крѣпись, дорогая моя дочь, объ этомъ я прошу тебя и брата».

Выше уже упомянуто, что въ числѣ солдатъ-евреевъ, оговоренныхъ Богдановымъ, какъ участниковъ убійствъ, былъ Ицка Берлинскій. Еще до оговора, хотя и незадолго, у Берлинскаго былъ произведенъ обыскъ (въ апрѣлѣ 1853 г., а оговоръ въ маѣ) по другому дѣлу, хотя и довольно сходному: «о сманиваніи мальчика Никифорова». Среди отобранныхъ по обыску предметовъ оказался кусокъ синей клѣтчатой сарпинки въ аршинъ длины и полъ-аршина ширины. Отецъ Шерстобитова заявилъ, что лоскутъ этотъ отъ той рубашки, въ которой пропалъ его сынъ. Въ доказательство онъ предъявилъ свою рубашку—такого же узора и доброты. Это же подтвердили его жена, братъ и сосѣдъ. Берлинскіе—мужъ и жена—сначала не могли объяснить, откуда взялся у нихъ лоскутокъ, и лишь черезъ нѣкоторое время Ицка Берлинскій заявилъ, что это остатокъ отъ сношенной уже имъ рубашки, которую четыре или пять лѣтъ тому назадъ сшила ему Фрейда Фогельфельдъ—жена того рядового-еврея, который также былъ оговоренъ Богдановымъ и, будучи взятъ подъ стражу, удавился въ тюрьмѣ. Фрейда Фогельфельдъ въ подтвержденіе словъ Ицки Берлинскаго заявила, что у ней даже остался лоскутокъ той же сарпинки, вшитый въ большое одѣяло. По осмотрѣ одѣяла оказалось, что туда вшитъ, дѣйствительно, кусокъ такой же сарпинки, но совершенно новый и даже не мытый.

Кромѣ дѣла о неудавшейся попыткѣ сманить мальчика Никифорова, гдѣ девятилѣтній Иванъ Никифоровъ прямо призналъ въ сманивателѣ Ицку Берлинскаго, сулившаго ему мотокъ нитокъ, весьма интересны показанія мальчиковъ Александра Андреева и Алексѣя Константинова. Они удостовѣрили, что въ томъ же Саратовѣ, зимою 1852—1853 года, шли изъ училища домой обѣдать. Имъ встрѣтился незнакомый солдатъ, говорившій «съ жидовскимъ выговоромъ» и сталъ ихъ зазывать къ

себѣ, обѣщая по колодѣ картъ и по аспидной доскѣ. Они согласились и пошли, но, такъ какъ солдатъ сталъ ихъ заводить слишкомъ далеко, то побоялись и вернулись. Наконецъ, мальчикъ Константинъ Крохинъ разсказалъ, что тою же зимою хозяинъ послалъ его въ лавку, на верхній базаръ. По дорогѣ какой-то незнакомый человѣкъ въ дубленомъ тулупѣ началъ звать его съ собою, суля гривенникъ, но Крохинъ отказался. На третій день онъ видѣлъ на улицѣ этого человѣка въ компаніи съ какимъ-то солдатомъ и съ Янкелемъ Юшкевичеромъ, котораго зналъ раньше. До мальчиковъ этихъ, однако, такъ же, какъ и до многихъ другихъ уликъ, слѣдствіе добралось не сразу и опознать тѣхъ, кто ихъ смѣнивалъ, Андреевъ, Константиновъ и Крохинъ уже не могли.

Изъ повинной, принесенной Богдановымъ, видно достаточно ясно, зачѣмъ понадобилось евреямъ участіе его въ преступленіи. Богдановъ былъ нанятъ — и, несомнѣнно, за довольно крупныя деньги,—чтобы выбросить на Волгу трупы христіанскихъ мальчиковъ послѣ убійства. Благодаря его помощи, съ первой жертвой, Шерстобитовымъ, дѣло довели до конца и затащили мертвое тѣло на островъ, въ тальникъ, но съ трупомъ Маслова вышло иначе: Богдановъ, по его словамъ, на крутомъ взвозѣ сорвался съ саней, везшихъ мертвое тѣло, вернулся въ городъ и оставилъ, такимъ образомъ, евреевъ безъ своей помощи. Имъ оставалось одно изъ двухъ: или выбрасывать трупъ самимъ, или, на этотъ разъ, вовсе отказаться отъ выбрасыванія, отложить его. Здѣсь-то и приходится вернуться къ тому несовершеннолѣтнему бродягѣ, Авксентію Локоткову, о которомъ упоминалось въ самомъ началѣ изложенія. Тамъ было сказано, что 5 марта (на другой день послѣ обнаруженія трупа Маслова) Локотковъ явился въ полицію и «учинилъ въ убійствѣ сознаніе», которому не придали значенія какъ потому, что оно показалось невѣроятнымъ, такъ и потому, что на другой же день Локотковъ отъ него отказался. Однако, когда за слѣдствіе взялся Дурново, на сидѣвшаго подъ стражей за бродяжество Локоткова было обращено болѣе серьезное вниманіе, онъ былъ снова допрошенъ и разсказалъ слѣдующее: съ шарманщикомъ Юрловымъ и цырульникомъ Михелемъ (Шлиферманомъ) знакомъ довольно давно—съ 1851 г., когда былъ сидѣльцемъ въ кабакѣ, куда они приходили неоднократно. Затѣмъ Локоткова, какъ просрочившаго паспортъ, выслали изъ Саратова въ Пен-

зенскую губернію. Оттуда онъ опять самовольно вернулся въ Саратовъ передъ масляницей 1853 года, нѣсколько ночей ночевалъ въ ночлежномъ домѣ, а затѣмъ, оставшись окончательно безъ денегъ, присмотрѣлъ, еще съ утра, для ночевки старый, заброшенный, каменный амбаръ, стоявшій на берегу Волги, какъ разъ около взвоза. Локотковъ влѣзъ туда черезъ окно — единственное свободное отверстіе—и увидѣлъ, на кучѣ сора и щепы, трупъ мальчика. Локотковъ вылѣзъ изъ амбара и черезъ нѣкоторое время, стоя невдалекѣ, обнаружилъ, что туда подошелъ Михель Шлиферманъ, однако, не въ солдатской одеждѣ, а въ штатской. Замѣтилъ ли Шлиферманъ, что его выслѣдили, или нѣтъ, но только, когда Локотковъ, не подавая вида, пошелъ въ сторону, «цырульникъ Михель» догналъ его и позвалъ угостить въ Столбовскую гостиницу, куда вскорѣ явился Юрловъ. Изъ гостиницы они отправились въ сосѣдній кабакъ, оттуда опять въ гостиницу и, когда къ вечеру Локотковъ достаточно наугощался и опьянѣлъ, предложили ему вытащить трупъ изъ лабаза на Волгу, посуливъ 15 рублей. Локотковъ согласился, пошелъ вмѣстѣ съ Юрловымъ къ лабазу, влѣзъ туда и, обхвативъ трупъ поперекъ, высунулъ его въ окно, головой впередъ, а Юрловъ принялъ. Затѣмъ они взяли тѣло за голову и за ноги, снесли на Волгу и бросили подъ дощаникъ. Когда черезъ нѣкоторое время трупъ мальчика Маслова былъ неожиданно найденъ подъ дощаникомъ, и въ городѣ пошло волненіе, Шлиферманъ съ Юрловымъ снова зазвали Локоткова въ гостиницу и, угостивъ, стали уговаривать, чтобы онъ пошелъ въ полицію и принялъ все преступленіе на себя, ибо, хотя доказать и ничего нельзя, но по городу ходятъ слухи, что убійство совершено жидами. Если Локотковъ сознается, то Юрловъ и Шлиферманъ обѣщали немедленно принести ему въ полицію же сто рублей. Убѣждая, они говорили, что Локоткову, какъ безпаспортному бродягѣ, тюрьмы все равно не миновать, судить же его за убійство станутъ, какъ несовершеннолѣтняго, въ совѣстномъ судѣ, и ничего не будетъ, а деньги останутся. Локотковъ соблазнился, пошелъ на другой день въ полицію и заявилъ, что убилъ Маслова, но потомъ «одумался» и взялъ заявленіе обратно.

Для такого «одумыванья» были, повидимому, соображенія не только духовнаго, но и матеріальнаго порядка: слѣдствіемъ установлено, что, послѣ сознанія, Локотковъ былъ отправленъ

изъ первой полицейской части въ третью. Ночью туда явился доставившій Локоткова полицейскій стражникъ, пьяный, и настаивалъ, чтобы ему сдали Локоткова обратно и тогда, черезъ нѣсколько времени, онъ снова его приведетъ изъ первой части въ третью уже съ надлежащей бумагой. Однако дежурный на это не согласился и Локоткова не отпустилъ. Было замѣчено, что стражника дожидаются внизу у крыльца два солдата, про которыхъ у него даже въ части спросили, и онъ отвѣтилъ, что это его знакомые. Квартальный надзиратель Минервинъ категорически, подъ присягой, удостовѣрилъ, что въ этихъ солдатахъ онъ тогда же узналъ извѣстныхъ ему Федора Юрлова и Михеля Шлифермана. Юрловъ и Шлифманъ учинили и здѣсь полное запирательство, отвергая не только свои сношенія съ Локотковымъ, но и установленный ничѣмъ не заподозрѣннымъ свидѣтелемъ приходъ свой въ полицейскую часть.

Въ маѣ 1853 г., когда уже разслѣдованіе дѣла находилось въ рукахъ Дурново, къ нему явился мелкій чиновникъ, коллежскій регистраторъ Вырыпаевъ, и сообщилъ, что ему, Вырыпаеву, и писцу Кудрявцеву ихъ знакомый, отставной губернскій секретарь Крюгеръ сообщилъ очень важныя по дѣлу свѣдѣнія, но самъ онъ объявить о нихъ слѣдственной власти не рѣшается, боясь отвѣтственности. Узнавъ, о чемъ Крюгеръ разсказывалъ Вырыпаеву и Кудрявцеву, Дурново, черезъ этихъ лицъ, добился того, что Крюгеръ все это подтвердилъ и ему, слѣдователю. Такимъ путемъ удалось выяснить, что Иванъ Крюгеръ уже давно питалъ склонность къ іудеямъ и юдаизму, учился еврейскому языку, интересовался іудейской вѣрой. Онъ находился въ любовной связи съ нѣкою Олимпіадою Бѣлошапченковою, проживавшей въ томъ же домѣ, гдѣ жилъ Эздра Зайдманъ—одинъ изъ солдатъ-евреевъ, принимавшихъ, согласно показанію Богданова, участіе въ убійствахъ мальчиковъ. Съ Зайдманомъ Бѣлошапченкова имѣла постоянныя денежныя дѣла: перезакладывала ему то, что принимала въ закладъ сама. Подъ вліяніемъ Зайдмана, Крюгеръ сталъ все болѣе и болѣе сближаться съ евреями и на вопросы своихъ знакомыхъ, необратился ли уже онъ въ іудейство, отвѣчалъ: «Да, я іудей», сознаваясь также, что получаетъ отъ евреевъ по 25 рублей въ мѣсяцъ. Впрочемъ, по поводу двухъ послѣднихъ обстоятельствъ, удостовѣренныхъ свидѣтелями, самъ Крюгеръ заявилъ на слѣдствіи, что 25 рублей отъ евреевъ не получалъ и свидѣте-

лямъ этого не говорилъ, а называлъ ли себя іудеемъ — не помнитъ.

Далѣе, онъ объяснилъ слѣдователю, что хотѣлъ жениться на Бѣлошапченковой, но препятствіемъ къ этому служилъ бывшій при ней малолѣтній сынъ. Тогда Бѣлошапченкова сказала Крюгеру, что Зайдманъ предлагалъ взять ея сына къ себѣ и отправить далеко отъ Саратова; а за это даже далъ деньги «въ задатокъ»—сто или полтораста рублей. Крюгеръ вступилъ по сему поводу въ разговоръ съ Зайдманомъ, который пояснилъ, что намѣренъ сына Бѣлошапченковой сдѣлать іудеемъ. Разговоръ у нихъ перешелъ на то, можно ли во всякомъ возрастѣ перенести обрѣзаніе, и Зайдманъ сталъ приглашать Крюгера посмотрѣть на этотъ обрядъ и вообще побывать у нихъ въ моленной. Крюгеръ согласился, былъ въ моленной и, послѣ службы, когда большинство уже разошлось, остался поговорить съ Янкелемъ Юшкевичемъ о догматахъ іудейской вѣры, причемъ Юшкевичеръ утверждалъ, что для умилостивленія Бога необходимо приносить кровавыя жертвы.

Черезъ нѣкоторое время, когда Крюгеръ еще ближе сошелся съ евреями, ему въ половинѣ февраля 1853 года Бѣлошапченкова передала отъ имени Зайдмана записку отъ Шлифермана, писанную по-еврейски, гдѣ просили «придти въ моленную съ приглашеннымъ». Крюгеръ отправился, нашелъ двери запертыми, произнесъ по-еврейски условленную фразу, заблаговременно сообщенную ему Зайдманомъ. Его впустили. Въ моленной было пять человѣкъ: Юшкевичеръ, Зайдманъ, Шлифермanъ, Фогельфельдъ и сторожъ Берманъ,—тотъ самый, о которомъ говорилось въ началѣ изложенія по поводу показанія мальчика Канина и желтаго дубленаго тулупа, одѣтаго на «сманителѣ». Жиды толпились посреди моленной, вокругъ скамейки, передъ которой стоялъ мальчикъ, лѣтъ одиннадцати. Юшкевичеръ читалъ молитвы, послѣ которыхъ мальчика положили на скамейку и Шлифермanъ совершилъ надъ нимъ обрѣзанье особеннымъ ножомъ дугообразной формы,—на концѣ онъ нѣсколько толще. Когда мальчикъ пробовалъ кричать, державшіе за руки жиды зажимали ему ротъ. Послѣ обрѣзанія, Шлифермanъ, уже другимъ ножомъ, сдѣлалъ мальчику надрѣзъ на плечѣ и далъ крови стечь въ сосудъ, но нѣсколько капель, вѣроятно, по неосторожности, попали на полъ и образовали пятно. Затѣмъ мальчика, который держался на ногахъ и даже могъ ходить,

перевязали и отвели въ сторожку, подъ присмотръ Бермана. Былъ разговоръ, что оттуда его отправятъ на квартиру Юшкевичера.

Изъ сопоставленія съ послѣдующими событіями, для Крюгера ясно, что мальчикъ этотъ былъ Масловъ.

Возвратясь къ Бѣлошапченковой, Крюгеръ отъ сильнаго душевнаго потрясенія заболѣлъ и пролежалъ дня четыре, а когда ему стало полегче, то рѣшилъ сообщить о видѣнномъ по начальству. Однако, Бѣлошапченкова, узнавъ о такомъ его намѣреніи, принялась всячески возражать ему, а потомъ даже грозить и не пускать съ квартиры. Тѣмъ временемъ явился къ ней сначала Зайдманъ, а потомъ Шлиферманъ и Фогельфельдъ. Узнавъ, въ чемъ дѣло, они пришли въ ярость и принялись бить Крюгера. Лишь съ большимъ трудомъ онъ вырвался и, окровавленный, избитый, бросился бѣжать къ себѣ домой, гдѣ заболѣлъ настолько серьезно, что двѣ недѣли пролежалъ безъ памяти, а когда сталъ выздоравливать, то рѣшилъ, что заявлять о случившемся саратовскому начальству нѣтъ никакого смысла, такъ какъ ходили повсемѣстные слухи, будто оно взяло съ жидовъ хорошія деньги.

Кухарка Крюгера подтвердила, что на масляной (конецъ февраля 1853 г.) онъ вернулся домой сильно побитый и прохворалъ почти до Пасхи.

Въ томъ домѣ, гдѣ была раньше еврейская моленная, слѣдователь Дурново засталъ уже частныхъ жильцовъ-христіанъ. Онъ произвелъ осмотръ пола и установилъ, что въ томъ мѣстѣ, гдѣ, по показанію Крюгера, образовалось пятно отъ пролившейся крови, доски оказались въ нѣсколькихъ мѣстахъ довольно глубоко прожженными. Новые жильцы удостовѣрили, что застали полъ въ такомъ видѣ уже при самомъ въѣздѣ своемъ въ домъ послѣ евреевъ.

Оговоренные Крюгеромъ жиды отрицали даже какое-либо съ нимъ знакомство, а Бѣлошапченкова признала лишь, что Крюгеръ бывалъ у нея довольно часто. Это полное запирательство представляется не лишнимъ сопоставить съ фактомъ, о которомъ упомянуто въ предшествующемъ изложеніи. Антонъ Богдановъ, описывая въ своемъ показаніи, какъ вывозили со двора Юшкевичера трупъ Маслова, разсказалъ, что водившій его въ тотъ день предварительно по кабакамъ Зайдманъ зашелъ, между прочимъ, въ домъ по Сергіевской улицѣ, а когда вы-

шелъ, то его провожала какая-то говорившая скороговоркой женщина и, прощаясь, сказала: «Богъ съ вами».

Эту женщину Богдановъ призналъ въ предъявленной ему Бѣлошапченковой. Она, какъ оказалось, дѣйствительно говоритъ скороговоркой.

Вся обстановка, въ коей совершались Саратовскія убійства; большое количество участниковъ; значительное число мальчиковъ, пропадавшихъ въ тѣхъ же мѣстахъ за прежніе годы, до того, какъ случайно и неожиданно были найдены трупы Шерстобитова и Маслова; большія денежныя средства, которыми, видимо, евреи не стѣснялись; вся постановка дѣла «на широкую ногу», породившая «повсемѣстные слухи, что саратовское начальство взяло деньги отъ жидовъ»; изумительный образъ дѣйствій «градской» саратовской полиціи, послужившій предметомъ особаго разслѣдованія; чрезвычайная дерзость и наглость, до которыхъ дошли убійцы—все это, весь, такъ сказать, «масштабъ» — ясно свидѣтельствовалъ, что преступленія, совершаемыя въ Саратовѣ, нужны были не для однихъ только саратовскихъ жидовъ—немногочисленныхъ и небогатыхъ, что корни, нити злодѣяній раскинулись шире и глубже.

Слѣдствіе собрало матерьялъ и о томъ, что творилось внѣ Саратова, но въ связи съ Саратовымъ.

На очень большія денежныя суммы, полученныя Янкелемъ Юшкевичеромъ изъ какого-то неизвѣстнаго источника—имѣются въ дѣлѣ прямыя данныя.

Есть свидѣтельское показаніе, что женѣ Янкеля Юшкевичера, уже послѣ его ареста, удалось уничтожить письмо, гдѣ сообщалось о посылкѣ на Волынь двухъ бутылокъ съ кровью, добытою въ разные мѣсяцы еврейскаго счисленія, соотвѣтственно чему одна бутылка была запечатана краснымъ сургучомъ, другая чернымъ. «На адресѣ было написано: *Любавичскому ходоку Таупкину*, а внизу: *для передачи Любавичскому раввину*».

Въ показаніи своемъ о тѣхъ лицахъ, которыя были на квартирѣ Юшкевичера передъ обрѣзаніемъ Шерстобитова, Богдановъ указалъ, между прочимъ, на еврея въ халатѣ и высокой грузинской шапкѣ. Слѣдствіемъ было установлено, что въ это время въ Саратовъ, дѣйствительно, пріѣзжали на короткое время

два еврея съ Кавказа и видѣлись съ Юшкевичеромъ. У евреевъ этихъ—Ильягу-Назаръ-оглы и Бениля-Евда-оглы—были произведены на Кавказѣ обыски, причемъ, въ числѣ религіозныхъ книгъ, оказавшихся у Бениля, обратило вниманіе рѣдкое въ Россіи и не имѣвшее цензурнаго пропуска, изданное въ Антверпенѣ, іудейское сочиненіе: «Чинъ устнаго преданія о пасхѣ», гдѣ, въ числѣ прочихъ гравюръ, изображенъ фараонъ, ищущій кровью еврейскихъ дѣтей получить испѣленіе отъ проказы. Таково, впрочемъ, *еврейское объясненіе* гравюры. А изображаетъ она голаго человѣка въ вѣнцѣ, простирающаго руку на кровь, текущую изъ закалываемаго передъ нимъ младенца. Гораздо болѣе опредѣленныя свѣдѣнія о внѣсаратовскихъ сношеніяхъ Юшкевичера удалось почерпнуть изъ показаній нѣкоей Маріи Ивановны, по отцу Безверховой, по мужу Слюняевой. Начинается оно съ событій, происшедшихъ года за три до убійства Шерстобитова и Маслова.

Выданная въ очень молодомъ возрастѣ замужъ и весьма быстро убѣжавшая отъ мужа, крестьянина Пензенской губерніи, Слюняева начала «шататься по разнымъ селеньямъ» и, такимъ образомъ, добралась до Тамбова. Въ этомъ городѣ, выйдя на базаръ, она встрѣтила какого-то плотника, который искалъ нанять женщину въ стряпухи. Сойдясь съ нимъ въ цѣнѣ, она въ тотъ же день отправилась въ мѣстечко Ляды, на винокуренный заводъ Чичерина, въ артель работавшихъ на заводѣ плотниковъ. Отсюда сманилъ ее къ себѣ въ услуженіе жившій при заводѣ князя Гагарина еврей-винокуръ, называвшійся Александръ Григорьевичъ (а по слѣдствію Хацкель Аріевъ) Коникovъ. У Коникова и жены его «Арины» Моисеевны Слюняева была въ услуженіи, съ перерывами, три года. Во время еврейской пасхи съѣзжалось къ «Александру Григорьевичу» много евреевъ изъ разныхъ мѣстъ. Собирались и жиды, служившіе на заводѣ, которыхъ было до 15 человѣкъ. Въ ихъ числѣ Марія Слюняева припоминаетъ двухъ старыхъ евреевъ, какъ ихъ зовутъ—не знаетъ, но слышала, что одного прозывали «Ребе», то есть учитель, а другого—«Пчельникъ».

Вскорѣ послѣ ея поступленія, на самую еврейскую пасху, Александръ Григорьевичъ и старый раввинъ, при другихъ еще евреяхъ, заставъ Марью въ ихъ моленной, стали требовать, дабы она поклялась исполнить все, что они отъ нея потребуютъ, и никому не говорить о томъ, что она у нихъ увидитъ.

Жиды говорили такими словами: «Не возьмешься ли сдѣлать то, что мы прикажемъ? Поѣдешь ли съ нами и не будешь ли болтать? Если ты намъ ввѣришься, мы тебя такъ устроимъ, что вѣкъ будешь счастлива и обезпечена!» Она, Марья, клялась исполнить все. Но жиды, не вѣря христіанской божбѣ, требовали, чтобы она позволила выпустить себѣ кровь изъ пальца. Согласясь, она дала лѣвую руку. Ей сдѣлали на безымянномъ пальцѣ почти нечувствительный надрѣзъ и выпустили немного крови. Александръ Григорьевичъ и старый раввинъ увѣрили ее, что, если она не сдержитъ обѣщанія, то сейчасъ умретъ.

Скоро послѣ еврейской пасхи, жиды отправили ее съ работникомъ Моисеемъ Леонтьевымъ (по слѣдствію Мовша Шая) въ г. Кирсановъ, гдѣ Леонтьевъ взялъ еще другого работника, жида «Бориса», за кучера и втроемъ они поѣхали въ Саратовъ на зеленой, крашеной бричкѣ, принадлежавшей Пчельнику. Пріѣхавъ въ Саратовъ, остановились по близости Волги. Моисей Леонтьевъ и Борисъ тотчасъ же куда-то ушли, а часа черезъ два вернулись и принесли стеганный на ватѣ баулъ, въ родѣ чемодана, завязанный шнуркомъ, припечатанный, и какую-то записку.

Что въ этомъ баулѣ находилось, она тогда не знала.

Возвратясь въ Ляды, отдали баулъ и записку старому раввину. Вскорѣ онъ уѣхалъ и больше Марья его не видала. Одновременно уѣхали изъ Лядъ и старый «Пчельникъ», и Моисей Леонтьевъ.

На слѣдующій годъ (1852 г.), около Крещенія, Марья опять поѣхала изъ Тамбова въ Саратовъ съ молодымъ раввиномъ. Остановились въ Саратовѣ на постояломъ дворѣ. Раввинъ куда-то ушелъ, но скоро возвратился съ другимъ жидомъ, молодымъ, курчавымъ, котораго раввинъ назвалъ ей сыномъ красильщика, Александромъ (впослѣдствіи Слюняева признала въ этомъ «Александрѣ» сына Янкеля Юшкевичера, Файвиша, о которомъ было упомянуто въ началѣ изложенія). На сей разъ она, вообще, пользовалась уже большимъ довѣріемъ, чѣмъ годъ назадъ; ей отдали баулъ и записку, которые она и доставила въ Ляды.

На слѣдующій годъ, къ веснѣ, Александръ Григорьевичъ сказалъ Марьѣ, что надо опять ѣхать въ Саратовъ, и, нанявъ кучера—уже не жида, а русскаго—велѣлъ розыскать въ Саратовѣ солдата Шварца, который готовитъ кушанье саратовскимъ

евреямъ во время ихъ праздниковъ — и отдать ему записку. Вмѣстѣ съ запискою «Александръ Григорьевичъ» далъ Марьѣ (довѣріе къ ней, видимо, все увеличивалось) особую печать въ футлярѣ, чтобы, при розысканіи Шварца и при разспросахъ о немъ у могущихъ ей встрѣтиться въ Саратовѣ евреевъ, они имѣли бы возможность узнать, для чего Марья отыскиваетъ этого солдата. Печать была трехугольная; по угламъ — три шпинька, въ серединѣ—еврейская надпись. По пріѣздѣ, Марья нашла Шварца въ гарнизонномъ батальонѣ. Онъ взялъ привезенный ею баулъ и ушелъ, но вскорѣ вернулся съ женщиною, возвратившею Марьѣ баулъ, съ которымъ Марья въ тотъ же день уѣхала въ Ляды. Впослѣдствіи въ этой женщинѣ она признала прислугу Янкеля Юшкевичера.

Въ первые два раза Марья полагала, что въ баулѣ краска, какъ о томъ ей говорили жиды, но въ этотъ разъ она открыла баулъ, откупорила находившуюся въ немъ бутылку и убѣдилась, что содержавшаяся тамъ жидкость—не краска, потомучто на рукѣ скоро сохла. Тогда Марья вновь закупорила бутылку и припечатала имѣвшеюся у нея жидовскою печатью. Пріѣхавъ въ Ляды, баулъ, печать и записку она отдала молодому раввину.

Показаніе это Слюняева дала въ саратовской тюрьмѣ, куда ее препроводили, задержавъ «за безписьменность». Находясь въ заключеніи, она начала обнаруживать признаки сильнаго душевнаго волненія, много плакала. На разспросы, выразила желаніе поговорить со священникомъ и, уже послѣ бесѣды съ нимъ, дала показаніе слѣдователю.

На безымянномъ пальцѣ у нея обнаруженъ рубецъ отъ надрѣза, сдѣланнаго достольно давно острымъ орудіемъ.

Слѣдователь, взявъ съ собою Слюняеву, немедленно отправился для провѣрки ея показанія въ Ляды.

При обыскѣ на квартирѣ Хацкеля Аріева (Александра Григорьевича) Коникова, вмѣстѣ съ разными предметами, необходимыми при іудейскомъ богослуженіи, подъ шкафомъ или кивотомъ, въ которомъ хранилась сейферъ-торе (библія на пергаментѣ), въ особомъ выдвижномъ ящикѣ оказался лоскутъ холста, пропитанный, повидимому, кровью и завернутый въ три полулиста печатной по-еврейски бумаги. Тутъ же были найдены другой лоскутъ въ вершокъ шириною и пять вершковъ длиною, краснаго цвѣта и, въ отдѣльномъ конвертѣ, небольшой кривой ножъ, съ пуговкою на концѣ.

Слюняева называла безошибочно каждаго изъ членовъ семьи Коникова и выказала совершенное знаніе мѣстности на заводѣ.

Хацкель Кониковъ объяснилъ, что Маріи Слюняевой не знаетъ вовсе, и никогда она у него не проживала; не знаетъ, кому принадлежатъ найденные у него на квартирѣ лоскуты, пропитанные, повидимому, кровью. Кривой ножъ есть фруктовый. Въ Саратовѣ онъ, Хацкель Кониковъ, былъ въ октябрѣ или ноябрѣ 1852 года, чтобы закупить лѣсной матеріалъ (брусья) для лядинскаго завода. Купилъ ихъ у саратовскаго купца Артамонова. При семъ видѣлся съ Янкелемъ Юшкевичеромъ, былъ у него на квартирѣ и въ еврейской моленной.

Работникъ Коникова, Мовша Шая (Моисей Леонтьевъ) заявилъ первоначально, что видалъ Марью въ Лядахъ, въ домѣ Коникова, но потомъ, на очной съ ней ставкѣ, лишь только она начала разсказывать о поѣздкѣ въ Саратовъ, но еще не дошла до объясненій, зачѣмъ туда ѣздила, Мовша Шая, какъ удостовѣряетъ слѣдственный протоколъ, рѣзко измѣнился въ лицѣ и рѣшительно отказался отъ того, что онъ знаетъ Марью и гдѣ-либо ее видѣлъ, утверждая, что показалъ другое съ испуга. Тряпка, найденная въ ящикѣ подъ кивотомъ, какъ Мовша полагаетъ, запачкана дѣтьми, во время рѣзанья гусей, дня за три до обыска.

Далѣе, Хацкель Конико ъ заявилъ, что никакого работника Бориса не знаетъ и такого у него не было. Однако, стараніями слѣдственной власти былъ разысканъ и работникъ Борисъ, который оказался оршанскимъ мѣщаниномъ Беркою Бокштейномъ. Онъ, въ противорѣчіе съ показаніемъ Коникова, призналъ, что проживалъ на Лядинскомъ винокуренномъ заводѣ, но знакомство свое съ Марьею Слюняевой и онъ отрицалъ вовсе.

По разсмотрѣніи въ медицинскомъ совѣтѣ холщевыхъ лоскутовъ, взятыхъ у Коникова, найдено. что они пропитаны кровью млекопитающаго (человѣка или животнаго — различать въ то время не умѣли).

По переводѣ съ еврейскаго въ азіатскомъ департаментѣ трехъ печатныхъ листковъ, въ которые была завернута одна изъ этихъ тряпокъ, оказалось, что листки содержатъ: 1) отрывокъ изъ мистическаго еврейскаго сочиненія подъ заглавіемъ: «Лѣтопись блаженнаго Моисея, основателя нашей вѣры», съ повѣствованіемъ объ избіеніи Господомъ первенцевъ у Египтянъ на пользу еврейскаго народа; 2) отрывокъ изъ книги Левитъ

(гл. 6, ст. 7), гдѣ заключаются законы и обряды, данные Богомъ Моисею, о принесеніи жертвъ и 3) отрывокъ изъ пророка Исаіи, осуждающій язычниковъ и прославляющій Израиля.

Ножикъ,—по объясненію Коникова, «фруктовый»,—врачебная управа признала хирургическимъ инструментомъ, который называется «Поттовымъ бистуреемъ» и употребляется для вскрытія свищовыхъ ходовъ, для вырѣзыванія миндалевидныхъ железъ и при операціи грыжесѣченія.

Купецъ Артамоновъ удостовѣрилъ, что Коникова не знаетъ и никакихъ брусьевъ ему не продавалъ.

Какъ уже было упомянуто, Марія Слюняева, во время послѣдней своей поѣздки въ Саратовъ, получила тамъ баулъ съ «красною жидкостью» отъ неизвѣстной женщины, въ которой она, впослѣдствіи, опознала прислугу Янкеля Юшкевичера. Нечего пояснять, конечно, какое огромное значеніе для дѣла могло имѣть откровенное, чистосердечное показаніе этой прислуги, Акулины Осиповой Дмитріевой. И вотъ, оказывается, что вскорѣ послѣ убійства Маслова и Шерстобитова, въ мартѣ 1853 года (а убійства—одно въ декабрѣ 1852 года, а другое — въ январѣ 1853 г.), Дмитріеву совершенно случайно задержали по подозрѣнію, что проживаетъ она «по фальшивому билету». Для выясненія этого обстоятельства, задержанная была препровождена въ третью часть г. Саратова, съ тѣмъ, чтобы оттуда ее доставили въ тюремный замокъ. Третья часть г. Саратова, гдѣ приставомъ былъ титулярный совѣтникъ Вандышевъ — та самая, въ районъ которой входила гостиница Гильгенберга и квартира Янкеля Юшкевичера. Вмѣсто того, чтобы препровождать Дмитріеву въ тюремный замокъ, эта «третья часть» сейчасъ же освободила задержанную, и та немедленно скрылась неизвѣстно куда. «Билетъ» же ея, какъ было установлено дальнѣйшимъ разслѣдованіемъ, оказался несомнѣнно фальшивымъ.

Въ объясненіе тѣхъ основаній, по которымъ Дмитріеву столь неожиданно освободили, третья полицейская часть г. Саратова сослалась, что за Дмитріеву объявился благонадежный поручитель.

Когда слѣдствіе перешло въ руки Дурново, онъ принялся за розыски скрывшейся Дмитріевой, а попутно обратилъ вниманіе на странныя обстоятельства, сопровождавшія ея первоначальное освобожденіе. Приставъ Вандышевъ былъ отстраненъ отъ должности, послѣ чего открылось, что актъ, коимъ Дми-

тріева была отдана на поручительство—подложный и составленъ безъ всякаго вѣдома и согласія того благонадежнаго «мѣщанина Кожевникова», который значился въ этомъ актѣ поручителемъ, но въ дѣйствительности Дмитріевой не зналъ и никогда на поруки ея не бралъ.

Разыскать Дмитріеву и снова ее задержать удалось только черезъ полгода. Но она, будучи доставлена въ Саратовъ, учинила во всемъ полное запирательство и даже отрицала, что служила раньше у Юшкевичера прислугой. Три арестантки, вмѣстѣ съ ней содержавшіяся подъ стражей, показали, что солдатъ Шварцъ, бывая въ караулѣ въ тюремномъ замкѣ, вызывалъ Акулину въ коридоръ, съ нею шептался и разъ принесъ ей блины. Смотритель замка и двое служащихъ удостовѣрили, что Акулина «во время содержанія въ замкѣ неоднократно переговаривалась съ секретнымъ арестантомъ изъ евреевъ по дѣлу объ убійствѣ двухъ мальчиковъ, за что было съ нея взыскиваемо».

Приговоромъ, постановленнымъ по Саратовскому дѣлу, одновременно съ осужденіемъ евреевъ, виновниковъ убійствъ, о чемъ ниже, приставъ Вандышевъ за подлоги и безпорядки по должности лишенъ всѣхъ правъ состоянія и сосланъ на поселеніе въ Сибирь, а Акулина Дмитріева, за ложныя при слѣдствіи безъ присяги показанія, отдана въ рабочій домъ на полтора года.

Согласно особому Высочайшему повелѣнію, слѣдствіе по Саратовскому дѣлу должно было поступить въ Правительствующій Сенатъ, а оттуда, независимо отъ вопроса о какихъ-либо жалобахъ или разномысліяхъ, въ Государственный Совѣтъ, для окончательнаго разрѣшенія.

Приговоръ, постановленный 10 мая 1860 г. Государственнымъ Совѣтомъ, огромнымъ большинствомъ 22 голосовъ противъ трехъ, и утвержденный 30 мая 1860 г. Государемъ Императоромъ Александромъ II, оставилъ въ силѣ то рѣшеніе, которое уже въ общемъ собраніи Сената было принято большинствомъ.

Измѣненія послѣдовали сравнительно маловажныя и не касались подсудимыхъ-евреевъ.

Юшкевичеръ, Шлиферманъ и Юрловъ были сосланы въ каторжныя работы на рудникахъ, первые два на двадцать лѣтъ

каждый, а Юрловъ на 18, «за убійство въ г. Саратовѣ двухъ христіанскихъ мальчиковъ черезъ истязанія и мученія».

Богдановъ и Локотковъ признаны укрывателями этого преступленія. По закону—находитъ Государственный Совѣтъ—они должны подлежать строгому наказанію: ссылкѣ въ каторжныя работы, но, принимая во вниманіе ихъ чистосердечное раскаяніе и сознаніе, Государственный Совѣтъ повергаетъ на Высочайшее благоволеніе, чтобы Богданова отдать на два года въ исправительныя арестантскія отдѣленія, а Локоткова — на такой же срокъ въ рабочій домъ.

Относительно Ивана Крюгера, виновнаго въ недонесеніи, проситъ, по тѣмъ же основаніямъ, о замѣнѣ полагающагося ему по закону наказанія высылкой на жительство въ одну изъ отдаленныхъ губерній, съ подверженіемъ строгому полицейскому надзору.

Ицку Берлинскаго, Эздру Зайдмана и Янкеля Бермана оставить въ подозрѣніи по участію въ убійствѣ и отослать для водворенія въ мѣста Сибири, не столь отдаленныя.

Приговоръ этотъ, или, правильнѣе, «мнѣніе Государственнаго Совѣта», былъ утвержденъ Государемъ.

Чтобы судить о степени строгости наказанія, опредѣленнаго подсудимымъ, необходимо помнить, что дѣло возникло въ 1853 г., а было окончательно разрѣшено лишь въ іюнѣ 1860 года. Все это время, то есть семь лѣтъ, перечисленные подсудимые провели подъ стражей, въ тюрьмѣ.

Далѣе, слѣдуетъ помнить, что въ то время, въ дореформенномъ процессѣ, приговоры постановлялись на основаніи такъ называемыхъ «формальныхъ доказательствъ», которыя требовали «прямыхъ» уликъ—собственнаго сознанія, поличнаго, показаній свидѣтелей-очевидцевъ преступленія (свидѣтелей, а не сообвиняемыхъ). Если такія «формальныя» и «прямыя» доказательства отсутствовали, то постановленіе обвинительнаго приговора чрезвычайно затруднялось, ибо одного внутренняго убѣжденія въ виновности (теперешній судъ присяжныхъ) было мало—надлежало подкрѣпить его рядомъ формальныхъ доводовъ. Одновременно въ законѣ указывался и весьма благовидный выходъ—«оставленіе въ подозрѣніи».

Такимъ образомъ, недостатки дореформеннаго процесса—которые несомнѣнны и на которые такъ любятъ указывать — были, въ данномъ случаѣ, къ выгодѣ осужденныхъ іудеевъ, а

не ко вреду, ибо, при отсутствіи ихъ сознанія, поличнаго и свидѣтелей-очевидцевъ преступленія, для Юшкевичера, Шлифермана и Юрлова не была потеряна возможность по формальнымъ, казуистическимъ основаніямъ избѣжать обвинительнаго приговора и, подобно Берлинскому, Зайдману, Берману, «остаться въ подозрѣніи», несмотря на неотразимыя косвенныя улики и на полное внутреннее убѣжденіе судей.

Это и подтверждается особымъ мнѣніемъ трехъ членовъ Государственнаго Совѣта, оставшихся въ меньшинствѣ: они, находя, что «самый фактъ обрѣзанія, истязанія и убійства въ Саратовѣ двухъ христіанскихъ мальчиковъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію», высказались за оставленіе Юшкевичера, Шлифермана и Юрлова «въ сильнѣйшемъ подозрѣніи, со ссылкою на водвореніе въ Сибирь».

Попытки іудеевъ не допустить до постановленія обвинительнаго приговора весьма достопримѣчательны. Въ 1855 году, сейчасъ же послѣ смерти Императора Николая I, послѣдовавшей, какъ извѣстно, 18 февраля того же года, къ тогдашнему Министру Государственныхъ Имуществъ, графу Киселеву, дѣятелю, извѣстному своимъ либерализмомъ и поддержкою еврейскихъ домогательствъ, поступило массовое еврейское ходатайство купцовъ Раппопорта, Зелихина, Райха, Лозинскаго и другихъ, гдѣ просители пишутъ: «Сіятельнѣйшій графъ. Не оставьте еврейскаго народа безъ защиты и въ настоящемъ несчастномъ случаѣ поднесеніемъ Его Императорскому Величеству Государю Императору прилагаемаго при семъ прошенія нашего и предстательствомъ у Августѣйшаго Монарха».

Въ прошеніи, которое долженъ былъ поднести Государю графъ Киселевъ, іудеи, ссылаясь на «грамоты, привиллегіи и папскія буллы», добиваются, чтобы Саратовское дѣло разслѣдовалось, какъ обыкновенное убійство, а ритуальная, обрядовая его сторона была изъята изъ обсужденія судебныхъ властей и чтобы къ производству слѣдствія и суда были отряжены «два депутата изъ нашихъ единовѣрцевъ», ибо «къ сему обвиненію весь нашъ народъ считаетъ себя прикосновеннымъ».

Знаменательное признаніе и неслыханное, совершенно невѣроятное домогательство! «Послы» отъ «прикосновеннаго къ дѣлу» еврейскаго народа будутъ заниматься наблюденіемъ и провѣркою надъ дѣйствіями русскихъ властей! Можно себѣ представить, во что превратилось бы слѣдствіе по Саратовскому дѣлу,

если бы каждый свой шагъ слѣдователь производилъ подъ бдительнымъ надзоромъ двухъ іудеевъ, отряженныхъ для сей цѣли кагаломъ!

Переходящая всякія границы претензія эта удовлетворена не была, но, внѣ сомнѣній, іудеи подавали свое прошеніе такому дѣятелю, какъ графъ Киселевъ, не зря, не наобумъ, а тщательно изучивъ и взвѣсивъ положеніе вещей, ибо, хотя еврейскихъ депутатовъ къ надзору за слѣдствіемъ не пустили, но 20 декабря 1855 г. послѣдовало распоряженіе: «Учредить въ С.-Петербургѣ особую спеціальную комиссію для подробнаго разбора отобранныхъ отъ подсудимыхъ по саратовскому дѣлу евреевъ книгъ и рукописныхъ сочиненій (манускриптовъ) съ цѣлью разъясненія тайныхъ догматовъ религіознаго изувѣрства евреевъ».

Сія «ученая комиссія» была образована изъ четырехъ лицъ: двухъ протоіереевъ, Павскаго и Сидонскаго, и двухъ перекрестовъ—Левисона и Хвольсона. Согласно «Еврейской энциклопедіи» (т. X, стр. 118, т. XV, стр. 586), Левисонъ былъ прежде рѣзникомъ въ Веймарѣ. По принятіи православія назначенъ профессоромъ еврейскаго языка въ С.-Петербургскую Духовную Академію. Хвольсонъ «сынъ бѣднаго еврея. Первоначально получилъ религіозное образованіе въ хедерѣ и іешиботѣ, гдѣ изучалъ Библію, Талмудъ и средневѣковые комментаріи Талмуда, подъ руководствомъ ребби Израиля Гинзбурга. Въ 1841 г. отправился за границу, гдѣ въ Бреславлѣ подготовился къ экзамену по гимназическому курсу и поступилъ въ Бреславльскій университетъ. Вернувшись въ Россію, принялъ православіе въ 1855 г.»—т. е. именно въ томъ году, когда, 20 декабря, была учреждена «ученая комиссія» для разсмотрѣнія того вопроса «о догматѣ крови», къ которому «весь еврейскій народъ считалъ себя прикосновеннымъ».

Какъ видно изъ дѣлъ «Еврейскаго комитета», въ ученую комиссію были переданы «матеріалы, которые состояли изъ весьма значительной массы еврейскихъ книгъ и манускриптовъ, простирающихся числомъ болѣе двухсотъ, но, какъ двое изъ членовъ комиссіи, протоіереи Павскій и Сидонскій, объяснили, что имъ удобопонятенъ лишь одинъ еврейскій языкъ библейскій, между тѣмъ всѣ сіи сочиненія были изложены письменами съ примѣсью сирскихъ, арабскихъ и преимущественно халдейскихъ словъ, или же на языкѣ раввинскомъ, отличающемся отъ еврей-

скаго языка библейскаго еще и тѣмъ, что слова ставятся безъ точекъ, т. е. съ одними согласными буквами и при томъ съ большими сокращеніями, соотвѣтствующими славянскимъ титламъ, то упомянутый разборъ книгъ и манускриптовъ палъ на долю лишь остальныхъ членовъ комиссіи, профессоровъ Левисона и Хвольсона. Членамъ симъ, въ видахъ сбереженія времени, было предоставлено, не подвергая означенныя сочиненія по-очередному разсмотрѣнію, раздѣлить ихъ между собою съ тѣмъ, чтобы каждый изъ нихъ представилъ разсмотрѣнное сочиненіе съ краткимъ отзывомъ о томъ, заключаетъ ли оно въ себѣ какія-либо указанія на существованіе тайнаго догмата о религіозномъ дѣтоубійствѣ».

Такихъ указаній Левисонъ и Хвольсонъ не нашли и «въ заключеніе, по собственному движенію, признали нужнымъ подкрѣпить акты своихъ настоящихъ объясненій о совершенной ложности взводимаго на евреевъ обвиненія силою клятвеннаго удостовѣренія».

Такъ удалось іудеямъ, подъ благовиднымъ предлогомъ, вырвать изъ энергичныхъ рукъ слѣдователя Дурново вопросы о сектѣ, о ритуалѣ и устроить имъ, усиліями Левисона и Хвольсона, похороны по первому разряду.

Вмѣсто точнаго, дословнаго перевода хотя бы нѣкоторыхъ болѣе важныхъ выдержекъ—краткіе отзывы и клятвенное удостовѣреніе двухъ еврейскихъ ученыхъ. При разслѣдованіи дѣла объ убійствѣ Андрюши Ющинскаго, хватились этихъ интереснѣйшихъ документовъ, но тщетно Н. А. Машкевичъ перерылъ всѣ архивы, всѣ канцеляріи многоразличныхъ присутственныхъ мѣстъ—книги и рукописи, препровожденныя изъ Саратова въ ученую комиссію, исчезли безслѣдно. О томъ, какое громадное значеніе онѣ имѣли бы даже теперь, можно судить по слѣдующему: при обыскѣ въ Лядахъ, у Хацкеля Коникова и его домашнихъ, саратовскія слѣдственныя власти отобрали около двухъсотъ (182) еврейскихъ писемъ и записокъ, которыя были даны въ Саратовѣ для перевода мѣстному переводчику Тюльпанову, послѣ чего саратовская слѣдственная комиссія пришла къ такому заключенію: «Нѣкоторыя употребленныя въ нихъ (т. е. въ письмахъ и запискахъ) выраженія, судя по ихъ переводу, заставляютъ подозрѣвать писавшихъ оныя если не въ прямомъ участіи, то въ знаніи содѣянныхъ въ Саратовѣ евреями преступленій и заключаютъ въ себѣ, по мнѣнію комиссіи, если переводъ Тюль-

панова хотя приблизительно вѣренъ, несомнѣнное свидѣтельство существованія у евреевъ догмата крови».

И эти письма попали въ «ученую комиссію», послѣ чего погибли.

Насколько далека была дѣятельность Левисона и Хвольсона отъ научности и безпристрастія, показываетъ, напримѣръ, «записка», начинающаяся словами: «Ваше Высокопревосходительство, милостивый государь, Авраамъ Сергѣевичъ», поданная Левисономъ Министру Народнаго Просвѣщенія, гдѣ Левисонъ, послѣ пространныхъ соображеній о недопустимости употребленія евреями христіанской крови, пишетъ:

> «Наконецъ, если это (Саратовское) дѣло окончится, какъ я вполнѣ убѣжденъ, тѣмъ, что взносимое на евреевъ обвиненіе окажется ложнымъ, то осмѣливаюсь высказать свое сердечное желаніе, чтобы оно было однажды навсегда уничтожено, и правительство не позволяло впредь ни принимать подобныхъ ложныхъ доносовъ, ни давать имъ значеніе дѣла судебнаго, исполненіе же постановленія оградить всею строгостью законнаго наказанія за нарушеніе его».

Что касается Хвольсона, то, какъ онъ самъ пишетъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій, «мой отзывъ (въ качествѣ члена комиссіи) занималъ около ста листовъ и въ концѣ его былъ помѣщенъ подробный разборъ Саратовскаго дѣла, въ которомъ я указывалъ, что всѣ Свидѣтельскія показанія, въ особенности же показанія главныхъ свидѣтелей, Крюгера и Богданова, исполнены вымысла и лжи».

Вотъ такъ «догматическое» изслѣдованіе!

Но еще поразительнѣе тотъ способъ, которымъ Хвольсонъ старается свести на нѣтъ хотя бы, напримѣръ, уличающее жидовъ показаніе Крюгера.

«Главный свидѣтель Крюгеръ—читаемъ у Хвольсона—показалъ, что онъ присутствовалъ въ синагогѣ при томъ, какъ саратовскіе евреи обрѣзали будто бы мальчика и выпустили нужную имъ кровь и что паролью для того, чтобы его допустили въ синагогу къ присутствованію при церемоніи, ему даны были еврейскія слова: «Bereschit bara Elohim et haschschamajim weet haarez». (Быт. I, 1). На это я замѣтилъ, что какъ мало возможно, чтобы русскій извозчикъ могъ дать въ паролъ стихъ изъ Гомера или Горація, такъ же мало возможно, чтобы саратовскіе евреи могли дать въ пароль Крюгеру вышеприведенныя еврейскія слова. Ибо эти еврейскія слова произносятся вышесказан-

нымъ образомъ только испанскими евреями, а также и христіанами, всѣ же другіе евреи, у насъ, въ Польшѣ, Австріи, Германіи, Франціи, Англіи и Италіи произносятъ эти слова такимъ образомъ: «Breschis boro Elauhim es haschomajim wes hoorez». За исключеніемъ весьма немногихъ европейски образованныхъ евреевъ, къ числу которыхъ навѣрно не принадлежали саратовскіе евреи—солдаты и ремесленники, наши евреи совсѣмъ не знаютъ о существованіи испанскаго произношенія еврейскаго языка. Очевидно, какой-нибудь семинаристъ написалъ Крюгеру эти извѣстныя всякому семинаристу еврейскія слова, которыми начинается Библія, и Крюгеръ сдѣлалъ изъ нихъ нужное ему употребленіе. Судьи же, которые и не подозрѣвали, чтобы упомянутое произношеніе еврейскихъ словъ было совершенно неизвѣстно подсудимымъ, дали вѣру словамъ Крюгера. Точно также и всѣ остальныя показанія Крюгера суть только ложь и выдумки, какъ это я доказалъ».

Пожалуй, и дѣйствительно доказалъ! Во всякомъ случаѣ, произвелъ своими доводами несомнѣнное впечатлѣніе. И впрямь, не выдумалъ ли, не налгалъ ли всего Крюгеръ? Не дали ли маху русскіе судьи по незнанію еврейскаго языка? Не даромъ іудеи такъ хотѣли приставить къ нимъ двухъ своихъ депутатовъ!

Но вотъ на какое изумительное обстоятельство натолкнулся каноникъ Пранайтисъ, знакомясь для кіевской экспертизы съ дѣломъ саратовскимъ: Крюгеръ вовсе не приводилъ тѣхъ словъ, которыя вкладываетъ ему въ ротъ Хвольсонъ.

Ссылаясь на листъ 211 хранящихся доселѣ по архиву Государственнаго Совѣта актовъ саратовскаго производства, отъ. Пранайтисъ, въ своемъ показаніи, данномъ въ качествѣ эксперта судебному слѣдователю, говоритъ:

> «Пароль, данный Крюгеру Зайдманомъ, былъ: «Бара рахи арецъ шамаамъ іамъ тегемоо», а не такъ, какъ приводитъ проф. Хвольсонъ. Такимъ образомъ все построеніе проф. Хвольсона теряетъ всякую силу, такъ какъ онъ для высказанныхъ имъ соображеній использовалъ, несмотря на заявленную «весьма тщательную» освѣдомленность въ данныхъ дѣла, совершенно несуществующія въ дѣйствительности данныя и очутился въ роли того семинариста, о которомъ онъ говоритъ. Такими пріемами создаются кадры лицъ, невѣрящихъ въ ритуальныя убійства, и создается фальсифицированное общественное мнѣніе о «кровавомъ навѣтѣ» [1]).

Ученая комиссія была составлена—и, вѣроятно, не безъ умысла—такъ, что главную роль въ ней захватили іудеи; въ

---

[1]) Не лучше и другіе пріемы Хвольсона. Они подробно разобраны въ моей монографіи о Саратовскомъ дѣлѣ: «Умученные отъ жидовъ». СПБ. Изд. 2-ое, гл. X.

ихъ рукахъ оказалось всецѣло осуществленіе самой важной задачи, упавшей на комиссію—переводъ подлинныхъ документовъ. Отъ нея русскіе члены комиссіи—Сидонскій и Павскій—были отстранены совершенно, но затѣмъ, когда комиссія приступила къ сужденіямъ по общему вопросу о томъ, существуетъ ли у евреевъ догматъ крови, и Хвольсонъ съ Левисономъ выступили съ пространными записками, что все это выдумки и неправда, то Сидонскій представилъ свое мнѣніе, весьма интересное и обстоятельное, гдѣ высказалъ взглядъ, совершенно противоположный домоганіямъ еврейскихъ ученыхъ.

Сидонскій писалъ:

«Обвиненія въ убійствѣ евреями христіанскихъ дѣтей къ нашему времени повторялись и оправдывались разслѣдованіями такъ многократно, что считать ихъ плодомъ одного предразсудка со стороны христіанъ нѣтъ болѣе возможности. Обстоятельства сего дѣтоубійства, раскрытыя различными процессами, такъ близки между собою, что заставляютъ необходимо предполагать одинаковость побужденій и цѣлей, для коихъ эти губительства совершались, наичаще повторяясь въ такихъ странахъ, гдѣ многочисленность евреевъ порождаетъ наибольше дерзости, богатство—наибольше средствъ покрыть подобное злодѣяніе подкупомъ.

Указаній на жестокую вражду іудейства противъ христіанства собрано такъ много, что нѣтъ возможности утверждать, чтобы раввинизмъ и талмудизмъ проповѣдывали по отношенію къ христіанству какую-либо терпимость...

Но при всей враждѣ противъ христіанъ раввинство, даже удаляясь отъ Моисея, не могло сдѣлать сего обряда закономъ. Возникнувъ же однажды въ изобрѣтательной головѣ изувѣра, одного или нѣсколькихъ, обрядъ сей могъ переходить отъ столѣтія къ столѣтію въ видѣ глубокаго секрета...

По современному воззрѣнію, конечно, человѣческія жертвы немыслимы. Но въ еврействѣ, въ свое время, онѣ замѣнены жертвами животныхъ, и законъ, требующій приношенія сихъ жертвъ, для послѣдующихъ ему не отмѣненъ новымъ равносильнымъ законодательствомъ, а только воспященъ въ своемъ исполненіи разрушеніемъ строенія (храма), съ которымъ законъ, къ счастью или несчастью, связалъ совершеніе сихъ жертвъ. Воспященный потокъ прокладываетъ тайные пути, если не въ силахъ прорвать свою плотину. Непризнаніе Мессіи, давшаго свою кровь для питія и очищенія вѣрующихъ, необходимо должно

вести къ пріисканію иной крови очистительной и какая для этого будетъ лучше, какъ не дѣтская, въ коей есть еще сходство съ юностью животнаго, которое требовалось для жертвы, а что безъ крови можетъ достигаться очищеніе для еврея, это воззрѣніе, которое возникаетъ только съ новѣйшимъ раціонализмомъ. Древній еврей, жившій на временахъ перелома, когда ветхій завѣтъ долженъ былъ замѣниться новымъ, судилъ въ чисто еврейскомъ духѣ такъ: Безъ пролитія крови не бываетъ (по закону) прощенія грѣховъ (Евр. 9, 22).

Не забудемъ, что іудейство талмудическое всѣ отношенія религіозныя для еврея опредѣлило до послѣднихъ мелочей закономъ, а главное требованіе закона—жертвы; объ нихъ печатные трактаты сообщаютъ только историческія свѣдѣнія, какъ совершалось въ храмѣ, а какъ должно совершаться безъ онаго—говорится глухо, какъ бы дѣло это предоставлялось больше требованію обычая и преданія устнаго, не писаннаго.

Что всего больше можетъ и должно пріостанавливать признаніе справедливости подозрѣній, возбуждаемыхъ обличенными преступленіями, это ненависть, которая можетъ быть возбуждена противъ цѣлаго народа еврейскаго. Не думаю, чтобы могъ кто быть болѣе меня далекъ отъ желанія возбуждать подобныя ненависти, но, глядя прямо на факты, какъ они проявляются въ исторіи и обличаютъ тяжкія преступленія, нельзя не сказать: Христіане, не думайте, чтобы ваши малютки были совершенно безопасны отъ уловленія, но не думайте и того, чтобы еврей, какъ еврей, искалъ уловлять обманомъ дѣтей вашихъ. Нѣтъ, это выродокъ еврейскаго народа, который своимъ обрядомъ безчеститъ своего Бога, но котораго, за всѣмъ тѣмъ, должна отстаивать цѣлая нація, чтобы не подвергнуться и губительству всеобщему. Пусть евреи, если хотятъ уничтожить наши подозрѣнія, сами постараются обличить среди себя гнусный обычай, съ его достойными мрачнаго язычества обрядами,—пусть вся нація отступится отъ защиты подобныхъ злодѣевъ и мы увѣримся, что это дѣло мрака отнюдь не есть дѣло ей извѣстное, ея завѣтное».

Когда надвинулось окончательное разрѣшеніе дѣла, то жидами была предпринята новая рѣшительная попытка свести на нѣтъ грозное обвиненіе. Какова она была, видно изъ всеподданнѣйшаго доклада Предсѣдателя Государственнаго Совѣта, князя Орлова, отъ 9 іюня 1860 г.

Докладъ гласилъ:

«Шефъ Жандармовъ (князь Долгоруковъ) по Высочайшему Вашего Императорскаго Величества повелѣнію передалъ мнѣ (8 іюня 1860 г.) всеподданнѣйшую просьбу находящихся въ г. Петербургѣ евреевъ Гинцбурга, Бродскаго и другихъ, въ коей они ходатайствуютъ о пріостановленіи разсмотрѣнія въ Государственномъ Совѣтѣ уголовнаго дѣла насчетъ убійства въ г. Саратовѣ евреями двухъ мальчиковъ,—до разрѣшенія въ особой Комиссіи догматическаго по этому предмету вопроса. Генералъ-адъютантъ князь Долгоруковъ присовокупилъ, что Вашему Императорскому Величеству угодно, дабы по сему дѣлу были представлены мною Вашему Величеству докладъ и соображеніе.

Вслѣдствіе сего долгомъ считаю всеподданнѣйше довести до Высочайшаго свѣдѣнія Вашего Императорскаго Величества, что дѣло объ означенномъ убійствѣ уже кончено въ Государственномъ Совѣтѣ. Журналъ по оному Общаго Собранія подписанъ въ минувшій понедѣльникъ 6-го іюня. Меморія по этому дѣлу, гдѣ изложены всѣ вообще подробности онаго, при семъ представляется на Высочайшее благоусмотрѣніе и разрѣшеніе Вашего Величества. Изъ этой меморіи и изъ обстоятельствъ сего дѣла Ваше Императорское Величество изволите усмотрѣть, что Государственный Совѣтъ рѣшительно не касался догматическаго по этому дѣлу вопроса, но ограничился обсужденіемъ только совершившагося факта... Въ этомъ положеніи дѣла, я съ своей стороны нахожу неудобнымъ отлагать рѣшеніе дѣла объ убійствѣ мальчиковъ по существу онаго, до разрѣшенія вопроса о томъ: допускаетъ ли еврейская вѣра употребленіе въ ея обрядахъ христіанской крови. Объ этомъ вопросѣ уже спорятъ нѣсколько столѣтій и, вѣроятно, будутъ спорить очень долго; рѣшеніе Комиссіи, о коей говорится въ просьбѣ Гинцбурга, Бродскаго и другихъ евреевъ,—Комиссіи, объ учрежденіи коей вовсе не было извѣстно Государственному Совѣту и о которой я слышу въ первый разъ,—по всей вѣроятности не разъяснитъ дѣла и не увѣритъ христіанъ... Я долженъ съ полною откровенностью объяснить, что въ настоящей просьбѣ Гинцбурга, Бродскаго и прочихъ жительствующихъ въ г. Петербургѣ евреевъ я вижу желаніе отдалить на неопредѣленное время рѣшеніе дѣла, къ коему прикосновенны ихъ единовѣрцы и обвиненіе коихъ въ убійствѣ должно подвергнуть ихъ наказанію по всей строгости законовъ».

На докладѣ этомъ Государь Императоръ Александръ II положилъ собственноручно такую резолюцію: «Нахожу вашъ взглядъ на дѣло совершенно правильнымъ и потому Я не остановился утвердить заключеніе большинства».

Жидовскія махинаціи не избавили виновныхъ отъ справедливаго приговора, но съ какою ловкостью, какъ тонко и своевременно, не безъ чьей-то сильной поддержки, было пущено въ ходъ прошеніе «Гинцбурга, Бродскаго и другихъ», именно въ тотъ моментъ, когда назрѣло окончательное рѣшеніе дѣла, для іудеевъ, какъ они почуяли, неблагопріятное.

VII.

«Кровавый навѣтъ».

Изувѣрныя убійства, совершаемыя іудеями для полученія христіанской крови, раскинулись на протяженіи нѣсколькихъ столѣтій, захватили множество странъ и народовъ, возбудили громадное количество уголовныхъ дѣлъ, создали на всевозможныхъ языкахъ огромную литературу. И тѣмъ не менѣе, при возникновеніи каждаго новаго дѣла о ритуальномъ убійствѣ жиды и ихъ христіанскіе подголоски поднимаютъ неистовый вопль о томъ, какъ смѣютъ возбуждать подобные «лживые навѣты», какъ «находятся люди, которые вѣрятъ столь чудовищнымъ, невѣроятнымъ измышленіямъ».

Однако «обвиненія въ убійствѣ евреями христіанскихъ дѣтей къ нашему времени повторялись и оправдывались разслѣдованіями такъ многократно, что считать ихъ плодомъ одного предразсудка со стороны христіанъ нѣтъ болѣе возможности»— пишетъ въ своемъ оффиціальномъ заключеніи о еврейскомъ догматѣ крови протоіерей Сидонскій, членъ ученой комиссіи, учрежденной въ связи съ Саратовскимъ дѣломъ. Для отрицанія ритуальныхъ убійствъ—дѣлаетъ выводъ каноникъ Пранайтисъ— «пришлось бы допустить недобросовѣстность всѣхъ судей, разрѣшавшихъ подобные процессы въ теченіе вѣковъ и выносившихъ обвинительные приговоры... Пришлось бы признать, что лѣтописцы разнообразныхъ странъ лгали, какъ бы сговорившись, когда писали о совершенно аналогичныхъ обстоятельствахъ злодѣяній и повторяли другъ друга нерѣдко въ мель-

чайшихъ подробностяхъ». Разборъ отдѣльныхъ процессовъ о ритуальныхъ убійствахъ, возникавшихъ въ Западной Европѣ, задавилъ бы изложеніе громадностью своего матеріала. Достаточно еще разъ отмѣтить ту часть заключенія о. Пранайтиса, гдѣ онъ удостовѣряетъ, что въ нѣкоторыхъ дѣлахъ этого рода улики были совершенно очевидны и даже выражались въ захватѣ виновныхъ на мѣстѣ совершенія преступленія, а среди обвинительныхъ приговоровъ есть и такіе, которые были постановлены съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей.

Что касается уже разобранныхъ русскихъ процессовъ—дѣлъ Велижскаго и Саратовскаго — то нѣкоторыя сопоставленія съ дѣломъ объ убійствѣ Андрюши Ющинскаго тутъ необходимы.

Во всѣхъ этихъ трехъ дѣлахъ на лицо характернѣйшій признакъ ритуальныхъ убійствъ, неизмѣнно повторявшійся въ цѣломъ рядѣ соотвѣтствующихъ западно-европейскихъ процессовъ: жертву нельзя предавать землѣ, и вотъ мертвыя тѣла замученныхъ дѣтей выброшены «какъ падаль»—хотя убійцы имѣли полнѣйшую возможность выполнить то, чего требовала ихъ безопасность: зарыть убитаго. Съ точки зрѣнія обыкновеннаго убійства такому выбрасыванію нѣтъ объясненія. Это безсмысленный, безумный поступокъ людей, совершившихъ преступленіе въ остальномъ весьма обдуманно, искусно. Но какъ только мы взглянемъ на эти убійства, какъ на ритуальныя, такъ сейчасъ же найдемъ ключъ для уясненія того, что иначе представляется необъяснимымъ. Мало того, мы убѣдимся, что дѣйствія преступниковъ, безумныя въ условіяхъ обыкновеннаго убійства, были наиболѣе цѣлесообразными въ условіяхъ убійства ритуальнаго. Недалеко отъ той пещеры, гдѣ нашли тѣло Андрюши Ющинскаго, на той же глухой и безлюдной Загоровщинѣ, было нѣсколько заброшенныхъ колодцевъ, прикрытыхъ сверху разнымъ хламомъ, глубокихъ и съ довольно большимъ количествомъ воды—особенно весною. Объ ихъ существованіи убійцы, обнаружившіе полное, отчетливое знакомство съ мѣстностью, не могли не знать. Утопить тамъ мертвое тѣло и завалить сверху прежнимъ хламомъ—не гораздо ли это проще и безопаснѣе, чѣмъ тащить въ пещеру, но топить въ водѣ, въ колодцѣ столь же недопустимо со стороны ритуала, какъ закапывать въ землю: надо выбросить. А въ такомъ случаѣ лучше мало доступной пещеры ничего не придумать: правда, запахъ разлагающагося трупа долженъ былъ бы, въ концѣ концовъ,

привлечь вниманіе, но эта опасность, при выбрасываніи, была вообще неустранима, зато представлялось полное основаніе надѣяться, что въ столь укромномъ мѣстѣ тѣло останется необнаруженнымъ до полнаго своего разложенія, а тогда самая главная улика, даваемая видомъ трупа и данными его вскрытія, сотрется безслѣдно. Кто могъ ожидать, что какой-то мальчикъ Элланскій, во время игры съ товарищемъ, вздумаетъ лѣзть въ пещеру? Да и это совершенно случайное событіе произошло все же лишь на девятый день послѣ убійства.

Развѣ не такія же черты даетъ намъ Саратовское дѣло? Трупъ замученнаго Шерстобитова убійцы вывезли на Волгу. Казалось бы, проще и безопаснѣе всего утопить его тамъ въ первой попавшейся проруби. Однако, нѣтъ—мертвое тѣло затащили на безлюдный, заливаемый половодьемъ островъ, въ тальникъ и тамъ бросили. Ко времени обнаруженія трупа онъ сгнилъ настолько, что вскрытіемъ очень многаго установить уже нельзя было. Такъ же старались убійцы поступить съ тѣломъ другого замученнаго въ Саратовѣ мальчика — Маслова, а въ Велижѣ трупъ четырехлѣтняго Федора Емельянова преступники свалили въ болото, въ кустарникъ—пріемъ почти одинаковый.

Многочисленныя раны, обнаруженныя на тѣлѣ Емельянова, поражаютъ своимъ сходствомъ съ поврежденіями, оказавшимися у Андрюши Ющинскаго. Конечно, актъ вскрытія, составленный почти сто лѣтъ тому назадъ уѣзднымъ штабъ-лекаремъ, въ общемъ совершенно неудовлетворителенъ съ современной точки зрѣнія, однако именно описаніе ранъ весьма точное и вразумительное: «маленькія, круглыя, глубиною почти въ полдюйма, подобныя происшедшимъ отъ выстрѣла крупной дробью», сдѣланныя, какъ полагаетъ штабъ-лекарь, «гвоздемъ, у котораго острый конецъ нарочно отломленъ». Если бы этому штабъ-лекарю довелось вскрывать Андрюшу Ющинскаго, то, надо полагать, о большинствѣ ранъ, оказавшихся у несчастнаго мальчика, штабъ-лекарь далъ бы именно такое же, до буквальности схожее заключеніе. Въ отдѣлѣ медицинской экспертизы указано, насколько трудно поразить кровеносный сосудъ колющимъ орудіемъ, и объяснено, что трудность эта устраняется, если орудіе будетъ не колющимъ, а колюще-рѣжущимъ, другими словами, если конецъ такого орудія (напримѣръ, шила, швайки, большого гвоздя) будетъ обломанъ и потомъ заточенъ, если на концѣ колющаго орудія окажется нѣкоторое рѣжущее протяженіе. Съ дру-

гой стороны въ главахъ, отведенныхъ вопросамъ ритуала, установлена разница, съ точки зрѣнія іудейскаго религіознаго закона, между кровью, добытою путемъ разрѣзыванія (ее надо покрывать) и кровью, добытою отъ прокалыванія (ея можно не покрывать). Эти данныя приводятъ къ выводу, что, разъ тѣло жертвы, послѣ ритуальнаго убійства, выбрасывается «какъ падаль», то добываніе крови при такомъ убійствѣ должно производиться путемъ прокалыванія, а такъ какъ колющее орудіе неудобно въ техническомъ отношеніи, то отсюда естественный выходъ, что орудіе это надо заточить: тогда и законъ будетъ соблюденъ — ибо добытую кровь можно разсматривать, какъ полученную отъ прокалыванія,—и техническая трудность устранится, ибо колющее орудіе, будучи заточено, для пораженія кровеносныхъ сосудовъ вполнѣ удобно.

И вотъ оказывается, что именно такой способъ былъ примѣненъ и при убійствѣ Андрюши Ющинскаго и, почти сто лѣтъ назадъ, при убійствѣ Федора Емельянова.

«Сіе злодѣяніе исполнено на раздѣтомъ ребенкѣ, ибо на его рубашкѣ вовсе знака крови не было»,—пишетъ штабъ-лекарь.

То же самое было и съ Андрюшею Ющинскимъ: онъ былъ раздѣтъ до рубашки, а рубашку убійцы, нанося удары, поднимали и кололи въ голое тѣло.

«Губы крѣпко къ зубамъ и носъ ко рту придавлены... Ротъ былъ крѣпко завязанъ»...—удостовѣряетъ про Федора Емельянова штабъ-лекарь, догадываясь далѣе: «дабы крика его не было слышно».

У Ющинскаго «на внутренней поверхности губъ были замѣтны слѣды отъ надавливанія зубовъ съ ссадненіемъ слизистой оболочки».

Экспертиза категорически установила, что отверстія носа и рта у мальчика были закрыты, что задушеніе было доведено до того періода, когда появляются судороги всего тѣла, наступаетъ потеря сознанія.

Это гораздо больше того, что требовалось, дабы обезопасить себя отъ крика ребенка. Да и у Емельянова врядъ ли нужно было только для этой цѣли «придавливать крѣпко носъ ко рту», а потому не лишнее по поводу этихъ данныхъ, столь схожихъ между собою и въ отношеніи Ющинскаго, и въ отношеніи Емельянова, имѣть въ виду 1) ту часть заключенія о. Пранайтиса, гдѣ онъ указываетъ на опредѣленный, жертвенный, кабба-

листическій способъ убійства: «при заткнутомъ ртѣ, какъ у животнаго, которое умираетъ безъ голоса и рѣчи»; 2) тотъ безспорный фактъ, что душеніемъ (закрытіемъ, зажиманіемъ не только рта, но и носа) вызывается явленіе, для обезкровленія отнюдь не безразличное: сильный притокъ крови къ внѣшней поверхности тѣла.

А то обстоятельство, что убійцы Емельянова принимали во вниманіе «циркуляцію крови», удостовѣряетъ тотъ же штабъ-лекарь. Въ его заключеніи читаемъ: «ноги (младенца) потому были сильно связаны, дабы теченіе крови къ верхнимъ частямъ болѣе привести».

Федоръ Емельяновъ подвергся обрѣзанію, а ногти у него на рукахъ и на ногахъ обстрижены вплоть до мякоти. Обрѣзаны были и жертвы Саратовскихъ убійствъ, Масловъ и Шерстобитовъ, причемъ у Шерстобитова ногти тоже обстрижены вплоть до мякоти. На тѣлѣ Андрюши Ющинскаго слѣдовъ обрѣзанія не оказалось, но на вискѣ обнаружена группа ранъ, числомъ 13, нанесеніе которыхъ было непонятно, необъяснимо ни цѣлью лишить жизни, ни желаніемъ истязать, мучить, ни намѣреніемъ собрать изъ нихъ кровь, а между тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію, что раны эти нанесены не случайно, а умышленно, обдуманно. Но вотъ, когда обратились къ вопросамъ ритуала, то выяснилось, что, согласно Каббалѣ, каждое слово имѣетъ свое цифровое выраженіе и число 13 есть выраженіе слова «эхадъ», а словомъ «э адъ» оканчивается та молитва, съ которою долженъ отходить въ вѣчность каждый благочестивый еврей, причемъ вся сила молитвы именно въ этомъ словѣ. Мало того, каббалистическій текстъ (Зогаръ, II, 119, а.), опредѣляющій, согласно указанію о. Пранайтиса, что «смерть ихъ (аммэ гаарецъ—не-евреевъ) пусть будетъ при заткнутомъ ртѣ, какъ у животнаго»... далѣе гласитъ, что «ежедневно должно быть его убіеніе во Эхадѣ, какъ при убіеніи скота — двѣнадцатью испытаніями ножа и ножомъ, что составляетъ тринадцать».

Такимъ образомъ, раненія, непонятныя, необъяснимыя съ точки зрѣнія обыкновеннаго убійства, получаютъ полный смыслъ съ точки зрѣнія убійства ритуальнаго: на вискѣ жертвы было начертано слово, которому убійцы-изувѣры придавали громадное жертвенное значеніе.

Думаю, что это начертаніе, совершенное на несчастномъ Андрюшѣ, представляется явленіемъ того же порядка, какъ

обрѣзаніе, учиненное надъ Емельяновымъ, Масловымъ, Шерстобитовымъ. Это первый актъ ритуальнаго убійства и источенія крови: кровавое посвященіе жертвы.

Въ Саратовскомъ дѣлѣ есть показаніе Маріи Слюняевой о томъ, какъ она доставляла кровь изъ Саратова въ Ляды Хацкелю Коникову. Слѣдователь послѣ такого показанія немедленно произвелъ въ Лядахъ у Хацкеля Коникова внезапный обыскъ, и подъ кивотомъ, въ которомъ хранилась сейферъ-торе (библія на пергаментѣ), въ особомъ выдвижномъ ящикѣ нашелъ лоскутъ холста, пропитанный кровью и завернутый въ три полулиста печатной по-еврейски бумаги. Листки эти содержали повѣствованіе объ избіеніи первенцевъ у египтянъ и обряды о принесеніи жертвъ. Объясненія Хацкеля Коникова и его домашнихъ оказались явно измышленными.

Итакъ, храненіе іудеемъ пропитаннаго кровью холста въ обстановкѣ, свидѣтельствующей, что это предметъ религіознаго значенія—таковъ фактъ, установленный незыблемо результатами обыска, не говоря уже о сопутствующихъ этому факту уликахъ, о томъ, почему былъ произведенъ самый обыскъ.

И вотъ оказывается, что въ сочиненіи о ритуальныхъ жидовскихъ убійствахъ, изданномъ по-гречески, въ Константинополѣ, появившемся впервые за пятьдесятъ лѣтъ до возникновенія Саратовскаго дѣла, способъ употребленія христіанской крови для іудейскихъ обрядовъ описывается именно такой, который вполнѣ соотвѣтствуетъ найденному въ Лядахъ: согласно разоблаченіямъ монаха Неофита, бывшаго раввина, кровью пропитываются тряпки и полученный отъ ихъ сжиганія пепелъ замѣняетъ самую кровь.

Весьма достопримѣчательно мнѣніе такого выдающагося знатока Востока, какъ епископъ Порфирій Успенскій. Въ матеріалахъ для его біографіи, изданныхъ въ 1910 г. Императорскою Академіею Наукъ, одно изъ писемъ, написанныхъ этимъ замѣчательнымъ ученымъ, въ познаніяхъ и добросовѣстности котораго невозможно сомнѣваться (второй томъ «матеріаловъ», стр. 578—580) гласитъ:

> «Какъ христіанскіе народы удержали многія языческія суевѣрія, такъ и евреи, разумѣется не всѣ, продолжаютъ проливать кровь младенцевъ и отроковъ не ихъ племени по древнѣйшему преданію, указывающему искупленіе цѣ-

лаго рода ихъ въ кровавой человѣческой жертвѣ... На Востокѣ всѣ увѣрены въ томъ, что убіеніе христіанскихъ мальчиковъ евреями распредѣлено такъ, что сіе злодѣйство совершается въ одинъ годъ, напримѣръ, въ Солуни, въ другой въ Дамаскѣ, въ третій—въ Испаніи, или Россіи, или Валахіи и т. д., и что полотенца, намоченныя кровью злополучной жертвы, сожигаются, а пепелъ ихъ разсылается во всѣ синагоги для запеченія его въ пасхальномъ хлѣбѣ... Судите послѣ сего, какъ трудно уличить ужасное преступленіе... Скорблю о существованіи такого изувѣрства между евреями».

Если бы Императорская Академія Наукъ не считала епископа Порфирія Успенскаго ученымъ высоко-авторитетнымъ, она бы, вѣроятно, не предприняла печатанія «матеріаловъ» для его біографіи...

Кромѣ данныхъ о доставкѣ крови изъ Саратова въ Ляды, Саратовское дѣло даетъ указаніе еще на одно мѣсто, куда шла переписка, касавшаяся отправки крови: «на адресѣ было написано: Любавичскому ходоку Таупкину, а внизу: для передачи Любавичскому раввину».

Такъ какъ жидамъ удалось вырвать вопросъ о сектѣ, о догматѣ крови изъ рукъ работавшихъ въ Саратовѣ слѣдственныхъ властей, то для нихъ, ограниченныхъ въ рамкахъ своего изслѣдованія только изувѣрными убійствами, учиненными въ Саратовѣ, указаніе на Любавичи потеряло свое роковое значеніе. Однако, предшествующимъ изложеніемъ достаточно выяснена та роль, которую играли Любавичи въ исторіи жидовскихъ изувѣрныхъ сектъ и ученій. И вотъ, въ Саратовскомъ дѣлѣ, въ указаніи на письмо о доставкѣ крови, названъ не какой-либо иной пунктъ, а именно Любавичи, изъ дѣла же объ убійствѣ Ющинскаго видно, что на еврейскомъ кирпичномъ заводѣ, гдѣ онъ былъ замученъ, единственнымъ человѣкомъ, проживавшимъ тамъ безъ всякаго отношенія къ кирпичному производству, былъ Файвель Шнеерсонъ изъ Любавичъ.

Полагаю, не нужно повторять, каково значеніе рода Шнеерсоновъ и для Любавичей, и для исторіи хасидизма, но нельзя не отмѣтить еще одного совпаденія, сюда относящагося: Грецъ, посвящая въ своей двѣнадцати-томной исторіи евреевъ особое приложеніе Залману Шнеерсону, основателю литовскаго толка

хасидовъ, озаглавливаетъ это приложеніе: «Шнееръ Залманъ изъ Ляды» (т. XII, стр. 518), а въ текстѣ (стр. 110) пишетъ: «Шнееръ Залманъ изъ Ляды (род. въ Лознѣ, близъ Витебска, 1751 г., ум. 1813 г.), обычно называемый просто Лядійскимъ... сдѣлалъ Любавичъ центромъ своихъ приверженцевъ» и т. д.

Цитированная выше (на стр. 299, 401) «Еврейская Энциклопедія» также удостовѣряетъ тѣсную связь Залмана Шнеерсона съ Лядами. Сообщая, что въ концѣ марта 1801 г., съ восшествіемъ на престолъ Императора Александра I, Залманъ Шнеерсонъ былъ освобожденъ изъ тюремнаго заключенія, въ которомъ онъ содержался при Павлѣ I, названный еврейскій источникъ продолжаетъ: «послѣ этого онъ (Шнеерсонъ) переселился въ м. Ляды, гдѣ отдался всецѣло своимъ научнымъ работамъ, заботамъ объ упорядоченіи хасидскихъ общинъ и духовному руководительству своими послѣдователями». Далѣе, переходя къ потомству Залмана Шнеерсона, въ періодѣ до 1866 г., Энциклопедія пишетъ, что «раби Хаіимъ-Залманъ осѣлъ въ Лядахъ, а раби Самуилъ Шнеерсонъ въ Любавичахъ. Ихъ потомки занимаютъ и нынѣ посты цадиковъ» (т. XVI, стр. 58).

Итакъ, согласно еврейскимъ источникамъ, родоначальникъ Шнеерсоновъ и основатель литовскаго толка хасидовъ сосредоточилъ свою дѣятельность, главнымъ образомъ, въ двухъ мѣстечкахъ: въ Любавичахъ и въ Лядахъ. А Саратовское дѣло, въ которомъ ни о Шнеерсонахъ, ни вообще о хасидахъ никакого изслѣдованія не производилось, выдвигаетъ, въ качествѣ пунктовъ, связанныхъ съ доставкою крови, тоже главнымъ образомъ два мѣстечка: Любавичи и Ляды.

Изъ другихъ сопоставленій обращаютъ вниманіе сходственныя черты въ дѣйствіяхъ полиціи кіевской и саратовской. О роли Красовскаго, бривша го и завивавшаго Луку Приходьку, о роли Мищука, прибѣгнувшаго къ подлогу для того, чтобы направить слѣдствіе по невѣрному пути, отвлекающему вниманіе отъ жидовъ, изложено подробно въ первой части настоящей книги. Оказывается, отъ сихъ героевъ кіевскаго сыска саратовскій приставъ Вандышевъ ушелъ недалеко: онъ тоже былъ признанъ виновнымъ въ подлогѣ, благодаря которому удалось освободиться изъ тюрьмы и на продолжительное время безслѣдно исчезнуть изъ Саратова Акулинѣ Дмитріевой, прислугѣ главнаго виновника, Юшкевичера, показанія которой, особенно на первыхъ порахъ, могли быть губительны для этого подсудимаго

Отцы замученныхъ въ Саратовѣ мальчиковъ, Масловъ и Шерстобитовъ, «ежедневно просили» полицію произвести обыски въ жидовскихъ помѣщеніяхъ, но полиція упорно «подозрѣніе это отводила» и ни одного обыска не произвела.

Развѣ не то же самое повторилось шестьдесятъ лѣтъ спустя въ Кіевѣ, когда бабушка Андрюши, 70-лѣтняя старуха Нѣжинская, во время обысковъ, производимыхъ полиціею, вопреки очевидности, у нея, на Слободкѣ, «кричала, плакала, говорила: Что вы дѣлаете!? что вы тутъ шукаете, вы бы шукали тамъ, гдѣ люди его нашли... Тамъ не хотѣли шукать, а только до насъ ходили»...

Что касается Велижскаго дѣла, то въ немъ, правда, указаній на прямыя злоупотребленія мѣстной полиціи не содержится, однако, и въ Велижѣ настоящее разслѣдованіе началось лишь тогда, когда о томъ, два года спустя, послѣдовала особая Высочайшая резолюція—а тѣмъ временемъ успѣли все дѣло «предать волѣ Божьей». Вотъ почему я и теперь продолжаю пребывать въ той же увѣренности, которую я высказалъ очень скоро послѣ обнаруженія трупа Ющинскаго: жиды рѣшаются на ритуальныя убійства лишь тамъ, гдѣ они имѣютъ основанія считать, что полиція имъ не опасна.

На судѣ по дѣлу Бейлиса представитель обвинительной власти, поддержанный А. С. Шмаковымъ и мною, просилъ огласить протоколъ осмотра Саратовскаго дѣла, произведенный на предварительномъ слѣдствіи Н. А. Машкевичемъ по актамъ подлиннаго производства, хранящимся въ архивѣ Государственнаго Совѣта. Эта наша просьба встрѣтила самыя рѣшительныя возраженія со стороны представителей защиты, Карабчевскаго и Грузенберга, въ результатѣ чего Окружный Судъ постановилъ отказать въ нашемъ ходатайствѣ, въ виду того, что въ документахъ, объ оглашеніи коихъ мы просили, «заключаются свидѣтельскія показанія по другимъ дѣламъ, не имѣющимъ прямого отношенія къ существу предъявляемаго къ подсудимому Бейлису обвиненія; что въ разъясненіе вопросовъ историко-религіознаго характера приглашены по настоящему дѣлу эксперты, которымъ, какъ ученымъ спеціалистамъ, стороны и могутъ предлагать вопросы, касающіеся названныхъ дѣлъ, поскольку въ этомъ представится надобность».

На мой вопросъ, послѣдовавшій послѣ прочтенія судомъ этого опредѣленія:

— И мнѣніе Государственнаго Совѣта (по Саратовскому дѣлу) не подлежитъ оглашенію?

Предсѣдатель отвѣтилъ:

— Да, и Государственнаго Совѣта, потому что въ немъ имѣются свидѣтельскія показанія.

Такое постановленіе суда, сильнѣйшимъ образомъ ограничившее, стѣснившее права прокурора и насъ, гражданскихъ истцовъ въ одномъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ всего процесса, я никоимъ образомъ не могу считать правильнымъ.

Разъ Бейлису, согласно обвинительнаго акта, предъявлялось обвиненіе въ убійствѣ по религіознымъ, изувѣрнымъ побужденіямъ, разъ по дѣлу подлежалъ изслѣдованію общій вопросъ о существованіи среди жидовъ изувѣрныхъ убійствъ и догмата крови (у особой ли секты, у отдѣльныхъ ли фанатиковъ — это въ данномъ случаѣ безразлично); разъ по этому вопросу была даже допущена особая экспертиза, то, внѣ сомнѣній, Саратовское дѣло къ сему предмету имѣло прямое отношеніе. Этого не могъ отрицать и судъ, ибо онъ, отказывая въ оглашеніи протокола осмотра названнаго дѣла, разрѣшилъ однако по обстоятельствамъ такового предлагать вопросы экспертамъ. Сочетаніе, едва ли послѣдовательное, ибо, если «прямого отношенія» не существуетъ, то нѣтъ мѣста и подобнымъ вопросамъ.

Столь же неправильно и другое, главное, повидимому, основаніе, приводимое судомъ: наличность въ актахъ, предполагаемыхъ къ оглашенію, свидѣтельскихъ показаній, тогда какъ, молъ, самые свидѣтели эти на судъ по дѣлу Бейлиса не вызывались. Сей доводъ усиленно выдвигался Грузенбергомъ: «мы можемъ пользоваться приговорами по другимъ дѣламъ лишь тогда, когда лица, показанія которыхъ изложены въ тѣхъ приговорахъ, вызваны на судъ въ качествѣ свидѣтелей»—заявлялъ, ссылаясь на кассаціонную практику, Грузенбергъ.

Оставляя даже въ сторонѣ, насколько вѣрно съ общей, принципіальной стороны, а также съ точки зрѣнія кассаціонной практики это положеніе—въ значительной мѣрѣ, однако, спорное и сомнительное—надлежитъ признать, что оно къ данному случаю совершенно непримѣнимо. Во-первыхъ, Саратовскія убійства были учинены за 60 лѣтъ до суда надъ Бейлисомъ. Значитъ, свидѣтелямъ, на которыхъ ссылаются акты Саратовскаго производства, должно было бы быть къ 1913 году, въ среднемъ, лѣтъ около ста. Очевидно, на производство это над-

лежитъ смотрѣть, какъ на историческій документъ оффиціальнаго характера, весьма важный для той историко-догматической экспертизы, которая была на судѣ произведена. Во-вторыхъ, со стороны процессуальной необходимо помнить, что Саратовское дѣло было разрѣшено въ періодъ дореформеннаго суда, когда теперешняго вызова свидѣтелей на судебное слѣдствіе и перекрестнаго ихъ допроса не существовало вовсе. Состоявшійся по Саратовскому дѣлу мотивированный приговоръ, или, точнѣе, «мнѣніе» Государственнаго Совѣта, на оглашеніи коего я особенно настаивалъ, былъ постановленъ безъ какого-либо вызова въ засѣданіе Государственнаго Совѣта свидѣтелей. Послѣ Высочайшаго утвержденія мнѣніе это сдѣлалось закономъ для даннаго случая — а чтобы огласить его, нужно, оказывается, вызвать свидѣтелей, не вызывавшихся самимъ учрежденіемъ, отъ котораго исходятъ оффиціальные акты, предполагаемые къ оглашенію. Спрашивать экспертовъ о содержаніи приговора можно, а прочесть подлинникъ нельзя...

Конечно, и прокуроръ, и мы, гражданскіе истцы, постарались использовать въ этомъ направленіи допросъ экспертовъ, но все же установленныя такимъ путемъ данныя по Саратовскому дѣлу не могли идти въ сравненіе по силѣ, глубинѣ и цѣльности впечатлѣнія съ тѣмъ, которое получилось бы отъ оглашенія самыхъ актовъ Саратовскаго производства.

Увѣнчавшіяся успѣхомъ старанія защиты этого не допустить, несомнѣнно, соотвѣтствовали интересамъ подсудимаго, также, какъ, напримѣръ, была вполнѣ въ этихъ интересахъ попытка защитниковъ, правда оставшаяся безплодною, воспрепятствовать оглашенію такого документа, какъ письмо Феофилактова. Однако, когда пробуютъ утверждать, что въ дѣлѣ Бейлиса защита преслѣдовала не только задачу добиться оправданія подсудимаго, но и цѣль идти на встрѣчу возможно широкому и безпрепятственному раскрытію истины во всей ея полнотѣ, то позволительно усумниться, насколько этой второй цѣли соотвѣтствовали возраженія защиты противъ оглашенія вышеупомянутыхъ актовъ и документовъ, осмотрѣнныхъ на предварительномъ слѣдствіи...

Вообще, положеніе вопіющихъ о кровавомъ навѣтѣ становится критическимъ, когда отъ шумихи общихъ фразъ объ истинѣ и справедливости имъ приходится обращаться къ фактамъ и положительнымъ свѣдѣніямъ. Недаромъ въ Саратов-

скомъ дѣлѣ присягавшій «по собственному движенію» Левинсонъ, бывшій Веймарскій рѣзникъ, а затѣмъ профессоръ Духовной Академіи, высказывалъ «сердечное желаніе», чтобы дѣло это «было однажды навсегда уничтожено», если, де, какъ онъ вполнѣ убѣжденъ, «взносимое на евреевъ обвиненіе окажется ложнымъ».

Казалось бы наоборотъ: разъ Левинсонъ вполнѣ убѣжденъ, что евреевъ обвиняютъ несправедливо, то, съ его точки зрѣнія, дѣло надо тщательно и всемѣрно сохранить, ибо оно послужитъ на будущее время яркимъ и безспорнымъ документальнымъ доказательствомъ еврейской невинности. Если обвиненіе ложно, если евреи оправданы,—зачѣмъ же уничтожать, да еще такъ рѣшительно: «однажды навсегда».

Уничтожить и воспретить! Какъ мало вяжутся эти домогательства съ тѣми либеральными лозунгами, которые при всякомъ удобномъ случаѣ выдвигаются на показъ представителями еврейства. А между тѣмъ, какъ только возникало гдѣ-либо дѣло о ритуальномъ убійствѣ, такъ сейчасъ же, не считаясь съ данными судебнаго разслѣдованія и не дожидаясь ихъ конца, поднималась въ жидовскомъ муравейникѣ возня, что, молъ, подобныя дерзновенныя обвиненія или уже воспрещены вообще, или должны подвергнуться воспрещенію.

Сборники сихъ запрещеній даже заготовлялись, повидимому, впрокъ. Такъ, по Саратовскому дѣлу извѣстный ученый Костомаровъ, сообщая, что онъ это дѣло «близко знаетъ», «потому что жилъ въ то время въ Саратовѣ и, находясь на службѣ, былъ прикомандированъ къ слѣдователю», удостовѣряетъ «нахожденіе у еврея Янкеля (Юшкевичера), занимавшагося окраскою мѣховъ, сборника разныхъ историческихъ документовъ, показывавшихъ, что въ разныя времена и въ разныхъ странахъ правительства давали охранительныя грамоты, которыми воспрещалось обвинять евреевъ въ пролитіи дѣтской крови съ религіозною цѣлью. Здѣсь были и папскія буллы, и императорскіе декреты и грамоты различныхъ королей и т. д., и т. д., большею частью печатные, вырѣзанные изъ изданій разныхъ вѣковъ, различной печати и на всѣхъ европейскихъ языкахъ, немногіе были не печатные, а переписанные, какъ видно, изъ рѣдкихъ изданій. Все это было переплетено въ одну книгу. Эта книга возбудила въ свое время большое подозрѣніе: видно было, что собиратель приложилъ немалый трудъ, разыскивая эти

документы, вырѣзывая изъ разныхъ изданій и соединяя ихъ вмѣстѣ — и зачѣмъ, казалось, еврею-промышленнику нуженъ былъ плодъ такой ученой работы, когда у него, кромѣ этой книги, найдены были однѣ общія религіозныя еврейскія книги?» Но все ограничилось здѣсь только подозрѣніемъ—заканчиваетъ Костомаровъ, ибо слѣдственная комиссія въ этой «книжечкѣ» «уже не нуждалась, при болѣе важныхъ юридическихъ фактахъ»[1]).

Въ дѣлѣ Бейлиса исторія съ «запрещеньями», хотя и въ совершенно другихъ условіяхъ, но вышла тоже не изъ удачныхъ для интересовъ еврейства. 30 ноября 1911 г. торжественно появилось въ газетахъ воззваніе «къ русскому обществу по поводу кроваваго навѣта на евреевъ». Сообщая, что по «еще неразслѣдованному убійству въ Кіевѣ мальчика Ющинскаго въ народъ опять кинута лживая сказка объ употребленіи евреями христіанской крови» и совѣтуя «бояться сѣющихъ ложь», воззваніе авторитетно удостовѣряетъ: «многіе папы, духовные и свѣтскіе правители клеймили злое суевѣріе и разъ навсегда запрещали властямъ придавать разслѣдованію убійствъ вѣроисповѣдное значеніе. У насъ такой указъ былъ изданъ 6 марта 1817 г. Императоромъ Александромъ I и подтвержденъ 18 января 1835 г. въ царствованіе Императора Николая I». Подъ воззваніемъ были пропечатаны фамиліи около ста лицъ, его подписавшихъ, съ увѣдомленіемъ, что подписаніе продолжается. Лица были выбраны, видимо, все повиднѣй: шесть членовъ Государственнаго Совѣта, нѣсколько членовъ Государственной Думы, профессора, писатели, публицисты. Очевидно, затѣвалось нѣчто внушительное въ смыслѣ воздѣйствія на «общественное мнѣніе». И вотъ, въ такомъ, претендующемъ на сугубую серьезность документѣ, подписанномъ профессорами Петроградскаго университета съ ректоромъ Гриммомъ во главѣ, въ

---

[1]) Полемика Костомарова съ Хвольсономъ. «Новое Время», 1879 г., № 1172. Въ полномъ собраніи сочиненій Костомарова этой статьи нѣтъ. Въ комплектѣ номеровъ «Новаго Времени» за 1879 г., хранящихся въ Петроградской Императорской Публичной Библіотекѣ № 1172 тоже нѣтъ. Всѣ остальные номера на лицо, но этотъ, согласно справкѣ Библіотеки, уничтоженъ читателемъ. Самый тотъ фактъ, что извѣстный русскій историкъ, ученый, профессоръ, человѣкъ либеральнаго, если не радикальнаго лагеря, выступилъ съ печатнымъ возраженьемъ противъ лучшаго еврейскаго авторитета, отрицающаго ритуальныя убійства—уже одно это обстоятельство весьма многознаменательно: очевидецъ того, что происходило въ Саратовѣ, былъ не въ силахъ молчать...

документѣ, гдѣ историческихъ фактовъ и датъ приведено вообще очень немного, допущено грубѣйшее извращеніе событій отечественной исторіи изъ области совсѣмъ недавняго прошлаго[1]). Вполнѣ естественно, что авторы воззванія могли не знать той фальсификаціи съ папскими буллами, которую разоблачилъ Пранайтисъ, но какъ же цѣлый сонмъ ученыхъ могъ приписать Императору Николаю I діаметрально противоположное дѣйствительности!

Предшествующимъ изложеніемъ документально установлено, что на проектъ подтвердить Высочайшее повелѣніе 6 марта 1817 г., со стороны Императора Николая I соизволенія не воспослѣдовало, а борющіеся со «старой ложью» ученые писатели, и иные видные дѣятели увѣряютъ «русское общество», что Императоръ Николай I подтвердилъ повелѣніе 6 марта 1817 г., когда, наоборотъ, Государь отказалъ въ подтвержденіи. Этого мало: какъ авторы воззванія вообще рѣшились въ своемъ отрицаніи ритуальныхъ убійствъ ссылаться на волеизъявленія Русскихъ Государей!? Если есть возможность толковать въ этомъ смыслѣ отдѣльно взятое Высочайшее повелѣніе Императора Александра I отъ 6 марта 1817 г., то подобное толкованіе, само по себѣ весьма спорное и произвольное, становится совершенно невозможнымъ при сопоставленіи съ послѣдующимъ историческимъ событіемъ того же царствованія—съ дѣйствіями Императора Александра I по Велижскому дѣлу. Отношеніе Императора Николая I къ ритуальнымъ убійствамъ выражено очень опредѣленно въ приведенной выше резолюціи Государя 22 января 1835 г.; въ то же царствованіе было затѣмъ назначено изъ Петербурга особое, строгое и обстоятельное, разслѣдованіе о Саратовскихъ убійствахъ. Наконецъ, Императоръ Александръ II утвердилъ обвинительный приговоръ Государственнаго Совѣта по Саратовскому дѣлу и нашелъ совершенно правильнымъ взглядъ, выраженный по сему предмету въ особомъ докладѣ Предсѣдателя Государственнаго Совѣта.

Таковы событія трехъ послѣдовательныхъ царствованій, охватывающихъ восемьдесятъ лѣтъ и начавшихся очень скоро послѣ того, какъ въ Россію, съ раздѣлами Польши, влилась крупная масса еврейскаго населенія. Вопіющимъ о кровавомъ навѣтѣ лучше бы на Русскихъ Государей не ссылаться.

---

[1]) Текстъ всего воззванія и подписи приведены въ приложеніи.

Существованіе іудейскихъ изувѣрныхъ убійствъ признано народными массами [1]). Признавалось самими евреями. Признано многими учеными изслѣдователями. Признано и западноевропейскими судами и, въ порядкѣ судебномъ, высшимъ государственнымъ установленіемъ Россійской Имперіи. Признано Русскими Государями. Удостовѣрено церковью и православною, и римско-католическою.

Вотъ почему въ воззваніяхъ, подобныхъ опубликованному 30 ноября 1911 г. «обращенію къ русскому обществу», авторамъ приходится или отдѣлываться общими фразами, или прибѣгать къ утвержденіямъ, явно несогласнымъ съ истиной.

Это, впрочемъ, не мѣшаетъ писать въ воззваніи съ большимъ апломбомъ:

«Бойтесь сѣющихъ ложь».

---

[1]) *Насколько это убѣжденіе было* распространено въ прежней Польшѣ, свидѣтельствуютъ стихи такого польскаго поэта, какъ Мицкевичъ:

«Предстоящихъ стонъ
Былъ воплемъ Зоси заглушенъ....
Она, обѣими руками
Судью съ усильемъ обхватя,
Кричала рѣзко, какъ дитя,
На Пасху взятое жидами,
Когда, чтобъ кровь его добыть,
Они, укрывъ его подъ пологъ,
Со всѣхъ сторонъ спѣшатъ вонзить
Въ бѣдняжку тысячи иголокъ!..»

(Изъ поэмы «Панъ Тадэушъ», описаніе «Наѣзда». Изданіе М. О. Вольфа. 1902, т. 3, гл. 8, стран. 102).

Признаетъ ритуальныя убійства въ своихъ стихахъ и Тарасъ Шевченко, тотъ Шевченко, торжественно чествовать юбилей котораго такъ дружно добивался въ февралѣ 1914 г. весь лѣвый лагерь, именуя Шевченку великимъ, чисто народнымъ поэтомъ Малороссіи.

Шевченко такими строками описываетъ мать, народившую столько дѣтей, что она не знаетъ, куда ихъ дѣвать:

Наплодила, наводила,
Та нема де дити.
Чи то потопити?
Чи то подушити?
Чи жидови на кровь продать,
А гроши пропити?

(Полное собраніе сочиненій изд. 1908 г., стр. 295).

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

По дѣлу объ убійствѣ Андрюши Ющинскаго на разрѣшеніе присяжныхъ засѣдателей судомъ были предложены два вопроса: 1) о событіи преступленія и 2) о виновности Менделя Бейлиса. Первоначально судъ предполагалъ ограничиться только вторымъ вопросомъ и первый вопросъ былъ поставленъ судомъ лишь по моему настоянію, противъ чего усиленно возражала защита. Затѣмъ, когда судъ, рѣшивъ принципіально выдѣлить особый вопросъ о событіи преступленія, огласилъ предполагаемую его редакцію, то защита снова возражала уже противъ этой редакціи, а именно противъ включенія въ вопросъ указанія, что убійство совершено «на заводѣ Зайцева». Такъ какъ, по мнѣнію защиты, «представляется спорнымъ», гдѣ совершено преступленіе, то надлежитъ, не упоминая о заводѣ Зайцева, опредѣлить мѣсто убійства «болѣе широко», сказавъ лишь «въ Кіевѣ», безъ дальнѣйшихъ объясненій, гдѣ именно. Столь изумительное домогательство защиты вызвало мое возраженіе, что невключеніе въ предлагаемый присяжнымъ вопросъ тѣхъ или иныхъ обстоятельствъ только потому, что таковыя, по мнѣнію защиты, «спорны», представляется совершенно неслыханнымъ.

Судъ, отклонивъ ходатайство защитниковъ, утвердилъ вопросъ о событіи преступленія въ предположенной судомъ редакціи, а затѣмъ, въ напутственномъ словѣ, предсѣдатель разъяснилъ присяжнымъ засѣдателямъ, что, буде они признаютъ недоказаннымъ совершеніе убійства именно «на заводѣ Зайцева», то это обстоятельство могутъ отвергнуть путемъ ограничительнаго отвѣта на первый вопросъ, сказавъ, напримѣръ: «да, доказано, но не на кирпичномъ заводѣ». Точно также путемъ ограничительнаго отвѣта, они, присяжные, могутъ исключить изъ во-

проса всякое обстоятельство, признаваемое ими по дѣлу неустановленнымъ.

Первый вопросъ, въ окончательной редакціи, гласилъ слѣдующее: «Доказано ли, что 12-го марта 1911 года въ Кіевѣ, въ Лукьяновкѣ, на Верхне-Юрковской улицѣ, въ одномъ изъ помѣщеній кирпичнаго завода, принадлежащаго еврейской хирургической больницѣ, находящейся въ завѣдываніи купца Марка Іонова Зайцева, 13-лѣтнему мальчику, Андрею Ющинскому, при зажатомъ ртѣ, были нанесены колющимъ орудіемъ въ теменной, затылочной и височной областяхъ, а также въ шеѣ раны, сопровождавшіяся пораненіями мозговой вены, артеріи лѣваго виска и шейныхъ венъ, и давшія вслѣдствіе этого обильное кровотеченіе, а затѣмъ, когда изъ Ющинскаго вытекла кровь въ количествѣ до пяти стакановъ, ему вновь были причинены такимъ же орудіемъ раны въ туловище, сопровождавшіяся пораненіями легкихъ, печени, правой почки и сердца, въ область котораго были направлены послѣдніе удары, каковыя раненія, въ своей совокупности числомъ 47, вызвавъ мучительныя страданія Ющинскаго, повлекли за собою почти полное обезкровленіе тѣла и смерть его».

На этотъ вопросъ присяжные засѣдатели отвѣтили:

«Да, доказано».

На вопросъ о виновности Бейлиса въ совершеніи убійства, послѣдовалъ отвѣтъ: «Нѣтъ, не виновенъ».

Почему, какъ, сколькими голосами былъ оправданъ Бейлисъ—это тайна совѣщательной комнаты, въ которую я вторгаться не буду, но остановиться на томъ, что признано и что отвергнуто отвѣтомъ на первый вопросъ—препятствій нѣтъ.

Отвергнута «чеберяковская версія». Признано, что 13-лѣтній мальчикъ Ющинскій убитъ не въ усадьбѣ Захарченки, не на квартирѣ Чеберяковой, какъ утверждали защитники Бейлиса, а на еврейскомъ кирпичномъ заводѣ, въ одномъ изъ его помѣщеній.

Признано, далѣе, «почти полное обезкровленіе».

Ходъ убійства установленъ именно такой, какой былъ очерченъ проф. Косоротовымъ, Оболонскимъ, Туфановымъ: сначала, при заткнутомъ ртѣ, раны головныя и шейныя; потомъ роковой перерывъ, сопровождавшійся истеченіемъ крови до пяти стакановъ, и, наконецъ, нанесеніе «вновь» ранъ, уже въ туловище, въ сердце.

Думаю, каждый безпристрастный человѣкъ согласится, что такое описаніе событія преступленія есть описаніе ритуальнаго убійства.

Правда самыя эти слова не произнесены, не сказано, что мальчикъ убитъ «евреями по изувѣрнымъ побужденіямъ для полученія христіанской крови», однако, этого и не могло быть сказано по условіямъ юридическимъ, процессуальнымъ. Русскій уголовный законъ караетъ за умышленное убійство вообще, не предусматривая спеціально убійства «ритуальнаго», «изувѣрнаго», а тѣмъ болѣе совершеннаго «для полученія крови». Что касается, затѣмъ, вопроса о событіи преступленія, то онъ долженъ заключать въ себѣ лишь то, что относится къ этому событію (признаки объективные), отнюдь не затрагивая того, что относится къ лицу, совершившему преступленіе (признаки субъективные). Внести въ вопросъ, что убійство совершено евреями, значило бы грубо нарушить это требованіе уголовнаго процесса, тогда какъ указаніе, что Ющинскій лишенъ жизни на заводѣ, принадлежащемъ еврейской хирургической больницѣ—представлялось вполнѣ правильнымъ, ибо этими словами опредѣлялось, гдѣ совершено преступленіе (признакъ объективный). По тѣмъ же основаніямъ нельзя было включить въ вопросъ, что убійство совершено для полученія крови, ибо цѣль есть признакъ субъективный, относящійся къ лицамъ, совершившимъ убійство, къ ихъ побужденіямъ; но удостовѣрить, что тѣло было обескровлено, что изъ него во время убійства выпущено пять стакановъ крови—можно: этимъ опредѣляется, какъ учинено преступленіе, т. е. сторона объективная. А между тѣмъ, закрѣпленіе, въ столь точныхъ выраженіяхъ, *гдѣ* и *какъ* убивали, приводило въ совершенную ясность, *для чего* это дѣлали, *съ какою цѣлью*.

Вотъ почему, когда вопросъ о событіи преступленія былъ оглашенъ въ выработанной судомъ редакціи, никакихъ возраженій или дополненій съ моей стороны не послѣдовало. Я находилъ, что текстомъ вопроса ритуальное убійство очерчено съ наибольшей отчетливостью, которая была по данному случаю возможна въ рамкахъ русскаго уголовнаго процесса, а потому я ограничился лишь заявленіемъ объ отклоненіи тѣхъ возраженій, которыя были предъявлены противъ редакціи вопроса защитою—въ чемъ судъ со мною согласился.

Присяжные отвѣтили на этотъ вопросъ утвердительно, признали все, въ немъ изложенное, доказаннымъ, а Бейлиса оправдали.

Такъ закончился процессъ, который по своему громадному общественному значенію занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ лѣтописяхъ русскаго правосудія.

Раскрытіе убійства Андрюши Ющинскаго, установленіе, что убійство это ритуальное, что оно совершено для полученія крови, что мѣстомъ его совершенія было одно изъ помѣщеній еврейскаго кирпичнаго завода, что заводъ этотъ служилъ не только для выдѣлки кирпича, но и для религіознаго сосредоточенія евреевъ—выясненіе и закрѣпленіе относящихся сюда обстоятельствъ протекало съ самаго начала въ условіяхъ крайне неблагопріятныхъ. Первыми розысками, столь важными, ибо они могутъ устремиться по горячимъ слѣдамъ, завѣдывалъ Мищукъ. Послѣ вѣщихъ сновидѣній подсѣвайлы Кушниря и лжеполичнаго, оказавшагося на Юрковской горѣ, сей агентъ сыска самъ угодилъ въ арестантскія отдѣленія. Очевидно, что отъ его дѣятельности улики въ отношеніи Зайцевскаго завода не обнаруживались, а, наоборотъ, стирались. За Мищукомъ слѣдуетъ въ области розысковъ Красовскій. Плоды его дѣятельности, завершившіеся бритьемъ и завиваніемъ Луки Приходьки, тоже собиранію уликъ въ направленіи ритуала не способствовали. Далѣе на сцену выступаютъ разслѣдователи-добровольцы: возятъ въ Харьковъ Чеберякову, напаиваютъ Плиса, угощаютъ по ресторанамъ сестрицъ Дьяконовыхъ. И сія дѣятельность направляется всецѣло къ разрушенію уликъ, относящихся до завода, а не къ ихъ обнаруженію.

Гдѣ же тотъ опытный, добросовѣстный и искусный агентъ сыска, который бы по такому первостепенно-важному, сложному и трудному дѣлу занялся спеціально заводомъ, всесторонниимъ изслѣдованіемъ того мѣста, на которомъ оборвались слѣды жертвы передъ убійствомъ? Такого агента не было, зато работавшихъ въ обратномъ направленіи—сколько угодно.

Можетъ быть, однако, этотъ громадный недостатокъ восполнялся хоть отчасти тѣмъ, что судебный слѣдователь, не ограничиваясь чисто слѣдственными актами, самолично предпринялъ рядъ энергичныхъ шаговъ розыскного характера? Наоборотъ, дѣйствія судебнаго слѣдователя Фененко поражаютъ отсутствіемъ иниціативы. Получается такое впечатлѣніе, что вся иниціатива въ рукахъ Красовскаго, а слѣдователь лишь записы-

ваетъ въ протоколъ тѣ свѣдѣнія и даже слухи, которые ему Красовскій доставляетъ. Этого мало: мною указаны прямые промахи, весьма грубые для слѣдователя по особо важнымъ дѣламъ: городовой Лещенко и околоточный надзиратель Погорскій, явившіеся первыми изъ чиновъ полиціи на мѣсто обнаруженія преступленія и принявшіе, такимъ образомъ, первыя мѣры къ охраненію вещественныхъ доказательствъ, допрошены слѣдователемъ лишь спустя почти два мѣсяца (обнаруженіе 20 марта—допросъ 14 мая). Вслѣдствіе такой непростительной медленности вопросъ о томъ, откуда взялись два весьма важныхъ вещественныхъ доказательства (тряпка съ вышивкой и бумага съ проколами) такъ и остался висящимъ въ воздухѣ. Осмотръ заводской усадьбы—слѣдственный актъ громаднаго значенія—произведенъ спустя полтора мѣсяца (7 мая) и съ двумя крупными промахами, указанными въ своемъ мѣстѣ. Осмотра постройки для конюшни и шорной не произведено вовсе: слѣдователь собрался произвести его черезъ полгода (!!) и назначилъ на 13 октября, но 10 октября постройка сгорѣла. Такой важный свидѣтель, какъ Василій Чеберяковъ, допрошенъ лишь 20 декабря 1911 г., черезъ девять мѣсяцевъ послѣ возникновенія дѣла, а Людмила Чеберякова слѣдователемъ Фененкою не допрошена вовсе.

Правда, въ лицѣ Н. А. Машкевича дѣло нашло слѣдователя, выдающагося по искусству и таланту, но въ руки Н. А. Машкевича слѣдствіе попало лишь въ іюлѣ 1912 года, годъ и четыре мѣсяца спустя послѣ совершенія преступленія. Главное—время—было упущено. Сколько уликъ успѣло изгладиться безслѣдно! Если тѣмъ не менѣе доказательствъ оказалось достаточно, то лишь потому, что истина говоритъ сама за себя. Она выбивается наружу, какъ бы ни старались схоронить ее подъ спудомъ.

А старанія были усиленныя, планомѣрныя, тщательно продуманныя до мелочей и систематически проведенныя съ первыхъ моментовъ дѣла до самаго конца. 21 марта 1911 г. началось предварительное по дѣлу слѣдствіе, а уже на слѣдующій день, 22 марта, явился къ слѣдователю въ качествѣ свидѣтеля, безъ вызова, «по собственному побужденію», сотрудникъ «Кіевской Мысли» іудей Барщевскій и постарался своимъ невѣрнымъ показаніемъ направить слѣдствіе на ложный путь, на путь обвиненія ни въ чемъ неповинной матери замученнаго мальчика. Только разобрались въ этихъ подозрѣніяхъ—а ужъ слѣдова-

тель допрашиваетъ другого сотрудника «Кіевской Мысли», Ордынскаго, который приноситъ новыя подозрѣнія, въ другомъ родѣ, чѣмъ Барщевскій, но также направленныя противъ родственниковъ Андрюши. Покончили со «свѣдѣніями» Ордынскаго, а на очереди третій сотрудникъ «Кіевской Мысли», Бразуль-Брушковскій, у котораго уже двѣ «версіи»: только слѣдователь установилъ нелѣпость одной, какъ была выдвинута другая. Указывается длинный рядъ свидѣтелей и выясненіе, что свидѣтели эти говорятъ неправду, даютъ измышленныя показанія—требуетъ отъ слѣдователя огромнаго труда, направленнаго такимъ образомъ уже не на собираніе настоящихъ уликъ, а на разоблаченіе подстроенныхъ. Отданъ подъ судъ за поддѣлку вещественныхъ доказательствъ Мищукъ, устраненъ Красовскій, но это не помогаетъ, не останавливаетъ: одинъ вымыселъ громоздится на другой. Образуется чуть ли не цѣлая контора «добровольнаго разслѣдованія», со своей кассой, съ распредѣленіемъ денежныхъ выдачъ, и Алеша Феофилактовъ, который «устраненъ, но не одураченъ», въ изумленіи пишетъ изъ своего узилища: «Буржуй, сыщикъ и анархистъ дружно работаютъ въ одномъ дѣлѣ. Задумывались ли вы надъ этимъ!?»

А чтобы русское общество не задумывалось, были приняты соотвѣтствующія мѣры. Въ теченіе мѣсяцевъ, неустанно, изо дня въ день, захваченная еврействомъ либеральная пресса вопіяла на весь міръ о произволѣ и безсудіи, творимыхъ русскимъ правительствомъ по дѣлу объ убійствѣ Андрюши Ющинскаго.

Гдѣ же произволъ и въ чемъ безсудіе? Въ издѣвательствахъ, учиненныхъ надъ несчастными родственниками замученнаго мальчика? Въ томъ, что содѣяли Мищукъ и Красовскій?

О, нѣтъ! Радикальная печать, не упускающая случая злорадно подчеркнуть малѣйшую «незакономѣрность» власти и захлебывающаяся при каждомъ обнаруженіи полицейскаго произвола—не проронила ни слова осужденія въ отношеніи Мищука и Красовскаго—напротивъ, взяла ихъ подъ свою защиту, а изъ Махалина или Бразуля созидала прямо героевъ. Либеральная брезгливость къ сыску, нерасположеніе къ агентамъ полиціи сейчасъ же исчезла, какъ только стала невыгодной реальнымъ интересамъ еврейства. Даже высокіе принципы неприкосновенности личности оказались временно убранными съ радикальной аванъ-сцены: не въ явно-противозаконныхъ арестахъ христіанъ были, по мнѣнію «прогрессивной» печати, произволъ и безсудіе,

а въ томъ, какъ дерзнули «въ XX вѣкѣ» поднять вопросъ о ритуальномъ убійствѣ, какъ осмѣлилась судебная власть возбудить обвиненіе противъ еврея Менделя Бейлиса!

И вотъ, когда тѣмъ не менѣе, несмотря на всѣ усилія еврейства, дѣло дошло до гласнаго суда, то раскрылась картина, передъ которой русское общество не могло не содрогнуться. Помѣщеніе, гдѣ, вѣроятнѣе всего, было совершено убійство, сгорѣло отъ неизвѣстной причины; главный, самый важный свидѣтель умеръ загадочной смертью; другой весьма опасный для подсудимаго свидѣтель, избитый, растерянно бормоталъ вмѣсто отвѣтовъ, что ему «свѣтъ милѣй»—и все это на фонѣ почти открытаго, разнузданнаго и торжествующаго, противодѣйствія правосудію, толканія его по явно невѣрному пути.

Какая громадная, какая злая, разрушительная сила! Она показала себя на дѣлѣ Бейлиса воочію, во всю величину. И тогда сколько слѣпыхъ прозрѣло, сколько лѣнивыхъ, равнодушныхъ прониклось негодованіемъ. Изувѣрныя убійства, совершаемыя жидами для полученія христіанской крови, являются даже для XX вѣка не легендою, не кровавымъ навѣтомъ, а ужасною дѣйствительностью,—въ этомъ, послѣ Кіевскаго процесса, убѣдились многіе, до тѣхъ поръ сомнѣвавшіеся, колебавшіеся. Но историческое и общественное значеніе дѣла Бейлиса далеко не исчерпывается тѣми разоблаченіями о ритуалѣ, о догматѣ крови, которыя были сдѣланы гласно, публично, часто отъ имени государственнаго обвинителя, на судѣ присяжныхъ въ Кіевѣ. Нѣтъ, болѣе того: дѣло Бейлиса—это яркая, неизгладимая страница изъ всемірной исторіи въ той ея части, которая удостовѣряетъ, что юдаизмъ вездѣ, гдѣ только удается ему окрѣпнуть, немедленно, не стѣсняясь средствами, встаетъ на борьбу съ христіанской государственностью.

I.

Рѣчь Г. Г. Замысловскаго,

произнесенная по дѣлу Бейлиса въ Кіевскомъ Окружномъ Судѣ 24 октября 1913 г.

Господа судьи и господа присяжные засѣдатели! Господинъ прокуроръ настолько, на мой взглядъ, вѣрно, правильно и широко нарисовалъ общую картину разсматриваемаго нами преступленія и его значеніе, что это позволяетъ мнѣ сразу начать свою рѣчь съ чисто дѣлового и фактическаго разбора отдѣльныхъ уликъ и обстоятельствъ. Такъ же, какъ и прокуроръ, я долженъ сдѣлать это, начавъ съ такъ называемыхъ «версій», съ тѣхъ многочисленныхъ версій, гдѣ заподозривались невинные люди. Но я постараюсь эту часть рѣчи изложить по возможности кратче. Въ самомъ дѣлѣ, какое значеніе теперь, въ настоящій моментъ процесса, имѣютъ эти заподозриванія сначала матери замученнаго Андрюши, Александры Ющинской, затѣмъ его дяди Федора Нѣжинскаго, затѣмъ отчима, Луки Приходько? Само собой разумѣется, что эти люди невиновны, что ни малѣйшаго подозрѣнія на нихъ въ настоящее время быть не можетъ. Слѣдовательно, и версіи эти интересны намъ не потому, что разборомъ ихъ устанавливается невиновность перечисленныхъ мною лицъ, а вслѣдствіе другихъ соображеній. Разборъ версій важенъ намъ потому, что показываетъ, какъ органы сыска,—одинъ—начальникъ сыскной полиціи Мищукъ и другой—начальникъ сыскной полиціи Красовскій,—какъ они сразу устремились по пути, который мало назвать ошибочнымъ, по пути, который должно признать завѣдомо невѣрнымъ.

Ошибки всегда возможны, а въ такомъ большомъ дѣлѣ и подавно. И если бы тутъ были только ошибки, то никто бы

ихъ въ вину ошибавшимся не рѣшился поставить, но мы утверждаемъ, что здѣсь были не ошибки, а направленіе розысковъ по завѣдомо невѣрному слѣду. Мы утверждаемъ, что при этихъ розыскахъ допускались пріемы, я скажу прямо, безчеловѣчные и преступные, а разъ это такъ, то, несомнѣнно, была та невидимая и таинственная рука, которая подвигла агентовъ сыска на такія дѣянія. Вотъ, гдѣ я вижу смыслъ и значеніе разбора этихъ первоначальныхъ версій. Заподозривать Александру Ющинскую съ самаго начала не было никакихъ основаній, это заподозриваніе уже въ то время было явной нелѣпостью отъ начала до конца. Для производившаго розыски не могло быть сомнѣній съ первыхъ же шаговъ, что Александра Ющинская никакого участія въ преступленіи принимать не могла. Однако, свидѣтели вамъ разсказывали, что дѣлалъ съ Александрой Ющинской Мищукъ, какъ ее взяли подъ стражу послѣ смерти сына, какъ не пустили на его похороны, какъ распространили слухъ, что она убійца, и слухомъ этимъ возстановили базарную толпу, которая чуть не убила Александру Ющинскую, какъ мучили и терзали ее, только-что потерявшую такъ ужасно своего первенца и находившуюся на пятомъ мѣсяцѣ беременности.

Точно также не было никакихъ уликъ ни противъ Федора Нѣжинскаго, ни противъ Луки Приходько. Но такъ какъ въ исторіи съ Лукою Приходько выступаетъ уже не Мищукъ, роль котораго была къ тому времени почти окончена, а Красовскій, то объ этой версіи необходимо сказать нѣсколько словъ, опять-таки не для оправданія Луки Приходько,—онъ въ оправданіи теперь не нуждается, невиновность его очевидна,—а для характеристики Красовскаго, для того, чтобы мы дальше знали, можно вѣрить Красовскому, или нѣтъ. Г. прокуроръ уже указывалъ, какія собственно улики, или, правильнѣе, обрывки уликъ были противъ Луки Приходько. Это—опознаніе его свидѣтелемъ Ященкою и знаменитая записка о «височной кости». По поводу записки, которая была выхвачена Красовскимъ при обыскѣ въ переплетной мастерской Колбасова, гдѣ работалъ Лука Приходько, необходимо вспомнить, что, по его объясненію, у него, какъ у переплетчика, былъ цѣлый рядъ подобныхъ обрѣзковъ и записокъ. Это была принадлежность его ремесла. Переплетая книги, онъ вынималъ изъ нихъ всякія записки и бросалъ въ кучу. И вотъ, изъ всей этой кучи Красовскій вытащилъ только одну записку, касающуюся описанія височной кости, а когда Лука

Приходько немедленно же заявилъ, что, молъ, я могу указать того заказчика, изъ книги котораго эта записка выпала, пойдите къ нему, спросите его и онъ вамъ все объяснитъ,—то вѣдь такой провѣрки Красовскій дѣлать не сталъ.

Вторая и послѣдняя «улика» заключается, будто бы, въ томъ, что свидѣтель Ященко опозналъ въ Лукѣ Приходько того подозрительнаго человѣка, котораго онъ видѣлъ въ день убійства, 12 марта 1911 года, утромъ, около той пещеры, гдѣ 20 марта былъ обнаруженъ трупъ Андрюши.

На судѣ разъяснилось, какъ для того, чтобы «облегчить» Ященкѣ опознаніе, Луку Приходько предварительно стригли, брили, красили и одѣвали въ чужое пальто. По поводу этой гримировки не забудьте, что она удостовѣряется не только Лукой Приходько, но также Александрой Ющинской и ея матерью, старухой Олимпіадой Нѣжинской, которыя говорятъ, что взяли подъ арестъ Луку Приходько, когда онъ былъ съ бородой, а вернулся Лука изъ-подъ ареста бритый, стриженный, словомъ безъ бороды. Такъ что этотъ фактъ твердо установленъ двумя свидѣтельницами, не вѣрить которымъ нѣтъ возможности. Да и самъ Красовскій видитъ, что запираться нельзя. Здѣсь, на судѣ, съ такимъ видомъ, какъ будто ничего особеннаго не произошло, что все это какіе-то пустяки, онъ говоритъ: «Да, вѣрно, я Луку подстригалъ. Онъ, сидя подъ арестомъ, очень обросъ и передъ предъявленіемъ я его постригъ, чтобы привести въ то состояніе, въ которомъ онъ находился въ моментъ ареста».

Таково объясненіе самого Красовскаго. Но, вѣдь, въ этомъ объясненіи явная несообразность. Зачѣмъ же было приводить Луку Приходько въ тотъ видъ, въ какомъ онъ былъ въ моментъ ареста? Ужъ если приводить его въ какой-нибудь иной видъ, то въ тотъ видъ, въ какомъ онъ былъ 12 марта, когда Ященко видѣлъ около пещеры подозрительнаго человѣка, а никакъ не въ тотъ видъ, въ какомъ Лука Приходько былъ въ моментъ ареста. Дальше, что Лукѣ чернили усы, этого Красовскій тоже не рѣшается отрицать. Такимъ образомъ, мы имѣемъ удостовѣренный фактъ подлога, фальсификаціи доказательствъ, произведенной на живомъ человѣкѣ. Одинъ начальникъ сыскной полиціи, Мищукъ, производилъ подлоги съ вещественными доказательствами, съ швайками, съ обрывками брюкъ, а другой умудрился произвести подлогъ живого человѣка. Послѣ этого

факта, вполнѣ удостовѣреннаго, я прямо говорю, что дальнѣйшимъ показаніямъ Красовскаго не вѣрю, ибо мы наглядно убѣдились въ томъ, что онъ выдѣлывалъ съ самаго начала розысковъ.

Почему собственно былъ приглашенъ Красовскій? Потому, что дѣйствія Мищука стали явно подозрительными, а заключались они въ томъ, что Мищукъ ни за что, ни подъ какимъ видомъ не хотѣлъ идти съ розысками на Лукьяновку, онъ *отводилъ розыски отъ Лукьяновки.* Значитъ, когда пригласили Красовскаго, то, чтобы пріобрѣсти нѣкоторое довѣріе начальства и, такъ сказать, выражаясь, можетъ быть, вульгарно, набить себѣ цѣну, Красовскій долженъ былъ обратить вниманіе на Лукьяновку, искать тамъ. Онъ это и сдѣлалъ, онъ искалъ на Лукьяновкѣ, но искалъ для вида, или, если, можетъ быть, и не для вида, то только для себя, а не для другого, чтобы самому добыть свѣдѣнія, но использовать ихъ не въ цѣляхъ правосудія, а въ иныхъ личныхъ цѣляхъ.

Двойственность Красовскаго удостовѣряется фактами, документально; это не разговоры, а обстоятельства, незыблемо установленныя. Г. прокуроръ уже ссылался на допросъ Красовскаго судебнымъ слѣдователемъ въ іюлѣ 1911 года, на допросъ, гдѣ Красовскій указываетъ, что, «по его убѣжденію», убійство совершено на заводѣ. Именно такое убѣжденіе ясно высказано въ этомъ протоколѣ, да иначе Красовскій слѣдователю, пожалуй, въ то время и не могъ говорить: онъ боялся, что, если станетъ говорить иначе, то ему не будетъ у судебныхъ властей довѣрія. Это было въ іюлѣ, а самъ Красовскій принужденъ признать, что въ концѣ мая онъ былъ съ докладомъ у генералъ-губернатора и высказалъ генералъ-губернатору полное убѣжденіе въ томъ, что убили, будто бы, воры. Пока дѣло идетъ о разговорахъ съ «союзниками» [1]), Красовскій можетъ еще вывернуться; онъ на судѣ заявляетъ: «Да, я союзникамъ говорилъ, что убійство ритуальное, но только для того, чтобы они отстали. Это люди фанатичные, ихъ не своротить съ такого убѣжденія. Отчета имъ давать я не обязанъ, а чтобы они не лѣзли ко мнѣ, я и говорилъ, что убійство ритуальнаго характера, хотя самъ думалъ иное».

---

[1]) Т. е. съ членами «союза русскаго народа» и другихъ патріотическихъ организацій.

Здѣсь вывернуться можно, но, вѣдь, были не только разговоры съ «союзниками», а былъ, повторяю, докладъ генералъ-губернатору и вотъ оказывается, что на докладѣ генералъ-губернатору Красовскій говорилъ, что убивали воры, а въ показаніи слѣдователю говорилъ, что убійство произошло на заводѣ. Такая двойственность его поведенія, несомнѣнно, указываетъ, что и Красовскимъ двигаетъ все та же невидимая рука, которая двигала Мищукомъ и которая привела ихъ къ подлогомъ и къ скамьѣ подсудимыхъ. Красовскій намъ говоритъ, что производилъ розыски всесторонне, что онъ изслѣдовалъ всѣ версіи, искалъ и тутъ, и тамъ, и на слободкѣ, и у Чеберяковой, и на заводѣ. Да, это онъ такъ повѣствуетъ, а результаты какіе? Результаты вѣдь только въ одномъ направленіи: такъ же, какъ и при Мищукѣ, подвергаются аресту христіане и только христіане; евреевъ не трогаютъ, а христіанъ арестуютъ безъ всякихъ уликъ. Допустимъ, противъ Луки Приходько была уликой эта «височная кость» и будто бы опознаніе со стороны Ященко, но вѣдь арестованъ не только Лука Приходько: арестованъ братъ Луки Приходько, отецъ Луки Приходько, старикъ, который и видитъ-то плохо, арестованъ дядя Андрюши по отцу, Василій Чирковъ. А эти зачѣмъ, спрашивается, были арестованы? Вѣдь идетъ прямо какое-то мщеніе до седьмого колѣна.

Таковы результаты розысковъ Красовскаго въ отношеніи христіанъ. А въ отношеніи завода? Сыщикъ Полищукъ, командированный Красовскому въ помощь, но скоро имъ, какъ «неподходящій», отъ розысковъ отстраненный, говоритъ, что былъ обыскъ и на заводѣ, отобрали какія-то еврейскія письма, книги и по поводу одной изъ нихъ возникло даже большое безпокойство у евреевъ. На книгѣ были записи фамилій, адресовъ. Что же сдѣлалъ съ этими книгами Красовскій? Онъ ихъ привезъ къ себѣ въ гостиницу «Оріонъ» и тамъ нѣсколько дней продержалъ. Затѣмъ книги были доставлены слѣдователю, который въ нихъ ничего предосудительнаго не нашелъ. Но, господа, вопросъ, тѣ ли самыя книги были доставлены слѣдователю или другія, это вопросъ довѣрія Красовскому. Если мы Красовскому вѣримъ, то должны признать, что тѣ самыя; а если не вѣримъ, то, можетъ быть, доставлены были иныя книги, такія, которыя, дѣйствительно, ничего плохого въ себѣ не заключали; но тѣ книги, которыя возбудили безпокойство евреевъ, онѣ могли исчезнуть неизвѣстно куда, если предположить, что Красовскій

работалъ не для раскрытія дѣла, а исключительно для отведенія подозрѣній отъ евреевъ, отъ завода,— а это даже не предположеніе, это убѣжденіе, основанное на фактахъ.

Таковы первыя три версіи. Четвертая версія была выдвинута Мищукомъ, когда прокурорской властью онъ былъ уже удаленъ отъ розысковъ. По его указанію, на горѣ у Верхней Юрковицы нашли закопанными въ землю «вещественныя доказательства» — куски обгорѣлыхъ брюкъ, будто бы принадлежавшихъ Андрюшѣ, швайки, обрывки письма, навлекавшіе подозрѣніе въ убійствѣ на нѣкіихъ Кучеренку и Цупенку. Поддѣлка, фальсификація этихъ «вещественныхъ доказательствъ» установлена вступившимъ въ законную силу приговоромъ судебной палаты, осудившей за подлогъ (по 362 ст. Улож. о нак.) Мищука и его сподвижниковъ, сыщиковъ Падалку и Смоловика, въ исправительныя арестантскія отдѣленія на годъ каждаго. Обстоятельства, при которыхъ они этотъ подлогъ совершили, подробно разобраны прокуроромъ, и я на нихъ останавливаться не буду.

Этими версіями заканчивается въ августѣ 1911 года первый періодъ дѣла.

Отъ оффиціальнаго разслѣдованія Мищукъ и Красовскій къ этому времени устранены и на сцену выступаютъ добровольные сыщики. Начинаетъ работать учрежденіе, которое я назвалъ бы «сыскнымъ отдѣленіемъ при редакціи «Кіевской Мысли» подъ фирмою Бразуль и К°». Эта фирма дѣйствовала и раньше, съ самыхъ первыхъ шаговъ розыска, но тогда роль ея была другая. Ей незачѣмъ было выступать впередъ, на авачъ-сцену: впереди работали Мищукъ и Красовскій, а господа изъ «Кіевской Мысли» являлись только въ роли достовѣрныхъ свидѣтелей въ тѣхъ случаяхъ, когда Красовскому съ Мищукомъ была нужда сказать, что мы, молъ, дѣйствуемъ не на основаніи только слуховъ, а вотъ есть у насъ достовѣрные свидѣтели, публицисты, борцы за передовую общественную мысль, которые подтверждаютъ наши свѣдѣнія, а разъ такіе люди удостовѣряютъ, то мы, сыщики, обязаны идти въ томъ направленіи, которое этими достовѣрными свидѣтелями, вродѣ Барщевскаго или Ордынскаго, указано. Такова первоначальная роль этихъ добровольныхъ сыщиковъ изъ «Кіевской Мысли»: имъ незачѣмъ было вылѣзать впередъ—за нихъ работали другіе. Но когда Красовскаго и Мищука устранили, то положеніе измѣнилось. Уже оффиціальныхъ разслѣдователей, которые бы отводили всѣ улики

отъ евреевъ и затирали всѣ слѣды, больше не было. Тогда за эту роль пришлось прямо взяться сыщикамъ-добровольцамъ, къ которымъ, тоже уже въ качествѣ «добровольца», присоединился, въ мартѣ 1912 года, послѣ окончательнаго увольненія со службы и преданія суду, Красовскій. Вмѣстѣ съ нимъ «добровольно» работалъ и его правая рука, сыщикъ Выграновъ, тоже уволенный, но раньше—въ августѣ—сентябрѣ 1911 года.

Первое, чѣмъ ознаменовалась открыто дѣятельность Бразуля и компаніи, была поѣздка въ Харьковъ 6 декабря 1911 года. До сихъ поръ, въ первыхъ версіяхъ, все для насъ выяснено, все очевидно, поѣздка же въ Харьковъ носитъ нѣсколько иной характеръ. Здѣсь не все ясно, здѣсь мы имѣемъ, съ одной стороны, Чеберякову, которая говоритъ одно, а съ другой стороны ея компаніоновъ по харьковской поѣздкѣ: присяжнаго повѣреннаго и виднаго общественнаго еврейскаго дѣятеля Марголина, прогрессивнаго публициста Бразуля-Брушковскаго и щеголявшаго въ студенческой тужуркѣ сыщика Выгранова, бывшаго правою рукою у Красовскаго и одновременно съ нимъ отъ оффиціальныхъ розысковъ устраненнаго. Они говорятъ совсѣмъ другое и въ результатѣ возникаетъ вопросъ: кому же вѣрить? Скажутъ: Чеберяковой, разумѣется, вѣрить нельзя; это женщина порочная, склонная ко лжи; мало ли чего она наплететъ, а, съ другой стороны, какъ же не вѣрить присяжному повѣренному Марголину, публицисту и прогрессивному дѣятелю Бразулю-Брушковскому, хотя бы и оказавшимся въ этой небольшой, но почтенной компаніи. Оба они люди съ извѣстнымъ положеніемъ, не чета Чеберяковой.

Обратимся, однако, къ разбору тѣхъ и другихъ показаній.

Чеберякова категорически говоритъ, что ей было въ Харьковѣ сказано: «Вѣра Владиміровна, примите вину на себя, сорокъ тысячъ заплатимъ, лучшіе защитники защищать будутъ, дадимъ такой документъ, что днемъ съ огнемъ не найдутъ!»

Это удостовѣряетъ Чеберякова, но Марголинъ и Бразуль-Брушковскій твердятъ: «Ничего подобнаго, все вретъ: сама просила насъ ѣхать въ Харьковъ, обѣщая тамъ какія-то свѣдѣнія по дѣлу дать. Пришла въ номеръ къ Марголину—онъ хотѣлъ ее посмотрѣть—все говорила о томъ, какъ ея прежній любовникъ, Мифле, ее недавно побилъ, и ничего больше».

Вотъ и надо въ этомъ противорѣчіи разобраться: правду ли намъ говорятъ господа присяжный повѣренный Марголинъ и публицистъ Бразуль-Брушковскій, или неправду?

Прежде всего, оказывается, есть нѣкоторая внутренняя несообразность въ томъ, что они разсказываютъ. По ихъ разсказу выходитъ, что они поѣхали, чрезвычайно довѣряя Вѣрѣ Чеберяковой. Вѣра Чеберякова сказала: «Поѣдемъ въ Харьковъ, тамъ сидитъ въ тюрьмѣ мой знакомый Лисуновъ, я узнаю отъ него и дамъ вамъ всѣ свѣдѣнія по дѣлу». Они ей повѣрили и поѣхали (а Лисуновъ, какъ оказывается, никогда въ харьковской тюрьмѣ и не содержался). Но вотъ, на ряду съ такимъ полнымъ довѣріемъ, оказываются и акты страннаго недовѣрія. Поѣхали по голословному заявленію Чеберяковой и взяли съ собой нѣкоего господина Перехриста (помните, того, про котораго свидѣтельница Малицкая говорила: не то Недохристъ, не то Перехристъ). Этого Перехриста, конторщика изъ «Кіевской Мысли», взяли для спеціальнаго сыска надъ Чеберяковой, такъ что о присутствіи Перехриста, ѣхавшаго въ другомъ вагонѣ, остановившагося въ другомъ номерѣ, она и не подозрѣвала. То, значитъ, ей вѣрили, и никакой провѣрки ея голословнымъ заявленіямъ не требовали, то взяли человѣка, который спеціально бы за ней слѣдилъ.

По пріѣздѣ въ Харьковъ, Марголинъ тамъ не прописывается, Марголинъ скрывается! Онъ говоритъ, правда, что собственно скрывалъ свое имя отъ Чеберяковой, ибо «это знакомство ему не дѣлало чести», но факты говорятъ, что Марголинъ скрывался не отъ Чеберяковой, а отъ властей. Потомъ, когда пріѣхали слѣдственныя власти удостовѣрять—былъ онъ въ Харьковѣ въ декабрѣ 1911 года или нѣтъ, то, послѣ долгихъ и тщетныхъ розысковъ, едва-едва по случайному буфетному счету это удостовѣрили, а когда удостовѣрили, то и прописка Марголина въ гостиничной книгѣ появилась, но... заднимъ числомъ.

Значитъ, эти господа не такъ правдивы и откровенны, какъ это можетъ казаться; они что-то скрываютъ, чего-то не договариваютъ и, если не договариваютъ, то очевидно потому, что не могутъ сказать. А затѣмъ вотъ еще какой любопытный фактъ: вѣдь о харьковской поѣздкѣ намъ говорятъ не только Марголинъ и Бразуль, а говоритъ и Красовскій со словъ Бразуля. Правда, здѣсь, на судѣ, онъ это топкое мѣсто совсѣмъ обошелъ, онъ о харьковской поѣздкѣ не сказалъ ничего. Но, къ его огорченію, есть у насъ акты предварительнаго слѣдствія, которые были прочитаны, и онъ долженъ былъ признать, что на предварительномъ слѣдствіи нѣчто говорилъ и вотъ что именно:

оказывается, вопросъ о денежномъ вознагражденіи Чеберяковой былъ въ Харьковѣ, правда, въ совершенно иной формѣ, чѣмъ разсказываетъ Чеберякова. Она, видите ли, навязывалась со своими розысками, ну и тогда Марголинъ ей сказалъ: «Да, прогрессивная часть русскаго общества очень заинтересована въ томъ, чтобы разсѣять этотъ кровавый навѣтъ, и если она, Чеберякова, будетъ въ этомъ направленіи работать, то получитъ денежное вознагражденіе».

Красовскій, конечно, гораздо тоньше и умнѣе Бразуля, онъ понимаетъ то, что не вполнѣ понятно Бразулю: гораздо выгоднѣй не отвергать факта наголо, а признать его, но съ одной стороны немного соскоблить, съ другой стороны — немного надставить и тогда этотъ фактъ приметъ совершенно невинный видъ. Такъ Красовскій обрабатываетъ и эту исторію съ вознагражденіемъ: онъ не отрицаетъ ея совсѣмъ, а перелицовываетъ на совершенно невинный манеръ и довольно удачно. Но вотъ только бѣда: онъ впадаетъ въ противорѣчіе съ Бразулемъ. Вѣдь Бразуль говоритъ, что *никакого* разговора, ни слова о вознагражденіи не было, а Красовскій говоритъ, что разговоръ о вознагражденіи былъ, правда, совершенно невинный. И вотъ тогда между этимъ противорѣчіемъ господинъ присяжный повѣренный Марголинъ моститъ мостикъ. Онъ говоритъ такъ: разговора о вознагражденіи не было, но если бы такой разговоръ о вознагражденіи былъ, то онъ, Марголинъ, сказалъ бы какъ разъ то, что говоритъ Красовскій; онъ бы сказалъ: «Если вы, госпожа Чеберякова, разсѣете этотъ кровавый навѣтъ, то — да, мы васъ вознаградимъ». Эти сопоставленія, эти противорѣчія показываютъ, что, хотя Чеберякова и порочная женщина, и воровка, по утвержденію Красовскаго, и пристанодержательница, но въ данномъ-то случаѣ, увы, она, воровка, говоритъ правду, а господинъ присяжный повѣренный Марголинъ и господинъ прогрессивный публицистъ Бразуль-Брушковскій говорятъ неправду.

Если мы пойдемъ дальше по показаніямъ Красовскаго, то увидимъ еще одинъ штрихъ, очень характерный, относительно «документа». Бразуль-Брушковскій и Марголинъ утверждаютъ: «Никакого разговора о документѣ въ Харьковѣ съ Чеберяковой не было», — а что говоритъ Красовскій? Онъ говоритъ, со словъ Бразуля, что разговоръ о документѣ былъ, но, конечно, совершенно иной, чѣмъ разсказываетъ Чеберякова — невинный. Было

сказано такъ: «Если Вѣрѣ Владиміровнѣ будетъ грозить опасность, то ей будетъ предоставлена возможность выѣхать»—и тутъ маленькая надставочка всего въ два слова: «опасность *отъ преступника*». Это, разумѣется. похвально и благородно. Вѣра Чеберякова хочетъ раскрыть преступленіе и ей говорятъ. «Если отъ преступника, тобой изобличеннаго, тебѣ будетъ грозить опасность, мы тебѣ дадимъ возможность отъ этой опасности избавиться и выѣхать». Ничего плохого здѣсь нѣтъ. но вотъ въ чемъ дѣло: между Красовскимъ и Бразулемъ опять противорѣчіе. Бразуль твердитъ, что никакого разговора о документѣ не было, а Красовскій, который знаетъ, что гораздо лучше признать фактъ, но его обскоблить и окургузить, заявляетъ, что разговоръ былъ, но невинный. А вѣдь это своя братія, это тѣ, про которыхъ говорятъ: «свои люди, сочтемся»—господа Бразуль и Красовскій. Какъ же они тутъ не спѣлись, какъ же тутъ между ними вышли такія недоразумѣнія!? Вотъ почему складывается убѣжденіе, что хотя Вѣра Чеберякова не такова, чтобы ей можно было вѣрить на слово, но въ данномъ случаѣ, несомнѣнно, цѣль харьковской поѣздки была та, чтобы уговорить Вѣру Чеберякову принять вину на себя, а это уговариваніе, конечно, должно было сопровождаться посулами, обѣщаніями: иначе никто вины на себя не возьметъ.

Слѣдующая версія выразилась въ крылатыхъ словахъ Бразуля: «ахнемъ на Мифле». «Аханье» состояло въ томъ что въ январѣ 1912 года Бразуль подалъ офиціальное заявленіе властямъ, будто убили Андрюшу Мифле и нѣкій Назаренко. Вздорность такого поклепа выяснилась очень скоро и съ полной очевидностью. Установлено, напримѣръ, что въ мартѣ 1911 года, во время убійства, Назаренко сидѣлъ подъ арестомъ. Но характерны, опять-таки, нѣкоторые пріемы Бразуля. Онъ теперь говоритъ: «Ничего плохого я не сдѣлалъ; у меня были указанія и я лишь заявилъ слѣдователю и прокурору: провѣрьте, я слуга правосудія, вотъ мои свѣдѣнія, а вы ихъ разслѣдуйте».

На самомъ дѣлѣ было не такъ: Бразуль пришелъ къ слѣдовителю; настойчиво просилъ, чтобы слѣдователь его принялъ; убѣждалъ слѣдователя арестовать Мифле. Это совсѣмъ не то, что я приду къ слѣдователю и скажу: «Люди разсказываютъ такъ и такъ, а вы провѣрьте, правда ли это». Нѣтъ, здѣсь мы видимъ опять направленіе слѣдователя по завѣдомо невѣрному

пути. Мало того, оказывается, Бразуль давалъ деньги Чеберяковой и ея хорошему знакомому Петрову, чтобы они возводили ложное обвиненіе въ убійствѣ на этого несчастнаго Мифле.

Перехожу къ послѣдней версіи, въ которой надо разобраться болѣе подробно. Послѣдняя версія та, что убійство было совершено у Чеберяковой, въ ея квартирѣ. 12-го марта пришли туда воры: Сингаевскій, Рудзинскій и Латышевъ. Пришелъ также Андрюша и его тамъ убили. Эта послѣдняя версія значительно отличается отъ предыдущихъ и главнымъ образомъ тѣмъ, что предыдущія, повидимому, уже брошены,—насколько я понимаю поведеніе защиты, она теперь не будетъ говорить, какъ о вѣроятныхъ убійцахъ, ни объ Александрѣ Ющинской, ни о Приходько, ни о Нѣжинскомъ, ни о Мифле,—а вотъ эта послѣдняя версія, она не брошена, она и теперь, повидимому, будетъ выдвинута защитой.

Интересно далѣе слѣдующее: почему эта версія возникла такъ поздно? Вѣдь даже тѣ лица, которыя хотѣли отводить подозрѣніе отъ евреевъ, вѣдь они все-таки должны были разсуждать, что лучше представить власти нѣчто правдоподобное, вѣроятное, чѣмъ итти съ разсказами совершенно фантастическими. Отчего сначала Чеберякову не трогали, а такъ долго возились съ Александрою Ющинскою, Лукою Приходько, Федоромъ Нѣжинскимъ, съ эгими Кучеренкою, Цупенкою, Мифле, Назаренкою? Вѣдь версія о Чеберяковой возникла лишь въ мартѣ 1912 года, черезъ годъ послѣ убійства. Что за притча такая? Почему сразу же не сказали: «вотъ убійца—эго Чеберякова».

А версія, какъ будто, совсѣмъ хороша: и отъ евреевъ отводится подозрѣніе—значитъ, заданіе выполнено, и выдвигается нѣчто во всякомъ случаѣ гораздо болѣе правдоподобное, чѣмъ всѣ эти росказни о Цупенкахъ, Кучеренкахъ и Назаренкахъ. Но бѣда вотъ въ чемъ: провалъ предыдущихъ версій положенія заводскихъ евреевъ не ухудшалъ. Подозрѣнія противъ Александры Ющинской, Луки Приходько оказались вздоромъ, но какое это имѣетъ касательство къ Зайцевскому заводу и къ евреямъ!? Версія же о Чеберяковой совершенно иного характера: ея провалъ даетъ улику очень серьезную, огромную улику противъ заводскихъ евреевъ вообще и противъ Бейлиса въ

частности. Вѣдь, чтобы выдвинуть чеберяковскую версію, надо признать фактъ громаднаго значенія: надо признать, что 12-го марта 1911 г., утромъ, передъ убійствомъ, Андрюша Ющинскій былъ на квартирѣ Чеберяковой, слѣдовательно, былъ на Лукьяновкѣ, на Верхне-Юрковской улицѣ. Вотъ, что надо признать, дабы выдвинуть версію о Чеберяковой, а это признать крайне опасно. Почему? Да потому, что, значитъ, передъ убійствомъ мальчикъ былъ между квартирой Чеберяковой и Зайцевскимъ заводомъ, слѣдовательно и убитъ онъ *или* на квартирѣ у Чеберяковой, *или* на заводѣ. Значитъ, если провалится чеберяковская версія, тогда останется роковой выводъ: убитъ на заводѣ. И вотъ, вы видите, что чеберяковская версія выдвигается послѣдней, только черезъ годъ послѣ убійства. Я думаю, вы понимаете, почему она появилась такъ поздно, вы видите, какая это была хитро обдуманная махинація. Здѣсь ничего не дѣлалось спроста, здѣсь все взвѣшивалось, измѣрялось, обдумывалось и къ Чеберяковой обратились тогда, когда все остальное провалилось, когда уже дѣло было поставлено на судъ, когда надѣялись эту версію бросить передъ присяжными засѣдателями вдругъ, неожиданно и тѣмъ ввести ихъ въ смущеніе.

Въ виду такого значенія чеберяковской версіи, въ виду того, что здѣсь рисковали, шли, я бы сказалъ, ва-банкъ, что здѣсь, проваливпись съ Чеберяковой, этимъ самымъ создавали страшную улику противъ Бейлиса,—эта версія была обставлена стараніями добровольныхъ сыщиковъ особо, съ чрезвычайнымъ богатствомъ, роскошью доказа ельствъ. Обрисовывалась она въ общемъ такъ: 8-го марта попадается Чеберякова съ вещами, краденными у нѣкоей Гусевой; 9-го марта задерживаютъ въ банѣ, по подозрѣнію въ кражѣ, чеберяковскихъ пріятелей, Монзалевскаго и Мосяка; 10-го марта производится обыскъ у Чеберяковой. Всѣ страшно взволнованы—провалился притонъ, а притонъ этотъ разрисованъ всячески: чуть ли, молъ, не всѣ вещи со всѣхъ кіевскихъ кражъ укрывались въ этомъ притонѣ. Воры въ смятеніи, кто-то выдалъ, все провалилось. Начинаютъ искать, кто выдалъ, и находятъ: оказывается, выдалъ Андрюша Ющинскій, мальчикъ настолько порочный, что собирался даже обокрасть Софійскій соборъ. Онъ, Андрюша, видите ли, вращается въ этой преступной средѣ, ночуетъ у Чеберяковой, онъ и выдалъ, надо его уничтожить—и уничтожаютъ. На сцену выдвигаются свидѣтельницы Екатерина и Ксенія Дьяконовы, которыя, оказывается,

все видѣли: и трупъ (правда, въ мѣшкѣ), и смятеніе, и убійцъ. То, что видѣли Дьяконовы, то слышала свидѣтельница Малицкая, проживающая подъ Чеберяковыми сидѣлица винной лавки. Получается взаимное подтвержденіе. Эти—видятъ, воспринимаютъ зрительнымъ органомъ, та слышитъ, воспринимаетъ слуховымъ аппаратомъ. Затѣмъ начинается рядъ сознаній, всѣ сознаются: десятилѣтняя Люда Чеберякова сознается Екатеринѣ Дьяконовой; братъ Вѣры Чеберяковой, Сингаевскій, сознается Махалину и Караеву; товарищъ Сингаевскаго, воръ Рудзинскій, сознается Швачкѣ, сосѣдка Чеберяковой, Адель Равичъ, то-же сознается тѣмъ же Дьяконовымъ, что видѣла у Чеберяковой на квартирѣ трупъ въ коврѣ; мужъ Адели Равичъ сознается въ томъ же самомъ свидѣтелю Вышемірскому... Рисунокъ написанъ широкой кистью большого мастера! Все есть, что хотите и даже вещественныя доказательства: кусокъ наволочки и бумага съ проколами, найденныя въ пещерѣ у трупа Андрюши, оказывается, тѣ самыя, если вѣрить Дьяконовымъ, что были у Чеберяковой.

Какъ видите, все доказано, все выяснено. Но дѣло вотъ въ чемъ.. Представьте себѣ цѣнный, дорого стоющій механизмъ, гдѣ каждое колесико, каждая шестерочка тщательно подобрана одна къ другой. Механизмъ великолѣпно работаетъ, и въ томъ, что онъ очень хорошо пригнанъ, его главное достоинство, его цѣнность. Но у каждой медали есть оборотная сторона: въ этомъ цѣнность механизма, но въ этомъ и его слабость. Когда одно колесико въ такомъ механизмѣ начинаетъ работать неправильно, то оно сейчасъ же ломаетъ другія, сосѣднія, и приводитъ въ негодность весь механизмъ. Когда изъ красив го, вычурнаго зданія, построеннаго въ легкомъ стилѣ модернъ, вырываютъ одно бревно, то и все зданіе рушится. Такъ и съ чеберяковской версіей: если изъ нея выбросить отдѣльныя составныя части, въ виду, скажемъ, ихъ явной лживости, то вѣдь остальное, вплотную пригнанное къ этимъ частямъ, скрѣпленное, какъ зубчатыя колеса, тоже разсыпается. Вотъ мы и пойдемъ по этой версіи, придерживаясь только фактовъ—я вообще стараюсь говорить, какъ видите, о чисто фактической сторонѣ дѣла. Итакъ, пойдемъ по фактамъ. Центральныя фигуры здѣсь, конечно, Дьяконовы. Про общее впечатлѣніе, ими произведенное, говорилъ вамъ прокуроръ: это дѣвицы, которыя, увидѣвъ въ первый разъ Красовскаго, ѣдутъ съ нимъ въ ресторанъ, и за пол-

тора-два мѣсяца, въ теченіе которыхъ онѣ были особенно нужны Красовскому, бываютъ съ нимъ въ ресторанахъ, по собственному признанію Ек. Дьяконовой, разъ тридцать, засиживаются тамъ до глубокой ночи, пьютъ вино—поведеніе, которое не особенно способствуетъ возбужденію довѣрія.

Оказывается, Екатерина Дьяконова давно уже ходила къ жандармскому подполковнику Иванову, сообщала ему «свѣдѣнія» и получала за сеансъ по 5 рублей «на трамвай». Ходила она долго и, наконецъ, начала разсказывать «о маскѣ», о встрѣчахъ своихъ съ таинственнымъ незнакомцемъ въ маскѣ, который посвящаетъ ее въ чрезвычайныя разоблаченія объ убійцахъ Андрюши Ющинскаго. Но подполковникъ Ивановъ на это сказалъ, «Довольно, не ѣзди сегодня на трамваѣ, иди пѣшкомъ». И вотъ: послѣ этого, Екатерина Дьяконова уже сама, безъ трамвая, безъ 5 рублей, начинаетъ усиленно навѣщать Иванова. Подполковникъ Ивановъ разсказываетъ объ этихъ посѣщеніяхъ такъ: сначала (въ періодъ пятирублевыхъ выдачъ на трамвай) Дьяконова говорила, что ничего по дѣлу Ющинскаго не знаетъ, затѣмъ вдругъ стала приходить (періодъ встрѣчъ съ маской) со свѣдѣніями каждый разъ одно другого сенсаціоннѣе. «Я по этимъ свѣдѣніямъ,—говоритъ подполковникъ Ивановъ:—предлагалъ ей вопросы. Разсказывала она сама все отлично, а какъ вопросъ предложишь—ничего не отвѣчаетъ. Въ слѣдующій разъ на прежніе вопросы даетъ объясненія великолѣпно, а какъ новый вопросъ задамъ—опять стоитъ и ничего отвѣтить не можетъ».

Возьмемъ для характеристики еще фактъ, исходящій изъ своего же лагеря, отъ своихъ же людей. Посмотримъ, что говоритъ самъ Красовскій, выдвинувшій Дьяконовыхъ. Онъ показываетъ: «Какъ-то раньше попалась Чеберякова съ краденнымъ пальто, потянули ее на судъ и она сказала, что пальто купила на толчкѣ и свидѣтелей тому представила. Въ числѣ свидѣтелей была Ксенія Дьяконова, которая на судѣ *завѣдомо ложно* показала, будто пальто куплено дѣйствительно на толчкѣ, когда на самомъ дѣлѣ оно было принято Чеберяковой отъ воровъ». Самъ Красовскій, который выдвинулъ версію съ Дьяконовыми, въ другомъ случаѣ, когда ему выгодно порочить Чеберякову, говоритъ, что Ксенія Дьяконова, по его мнѣнію, лжесвидѣтельница!

Такова характеристика, но вѣдь характеристика можетъ быть отрицательной, а свидѣтель все-таки можетъ говорить правду.

Вѣдь бываютъ случаи, что человѣкъ порочный и даже лжесвидѣтель говоритъ въ данномъ дѣлѣ правду. Говорили ли Дьяконовы правду намъ, на судѣ? Прежде всего, онѣ чрезвычайно разнорѣчили между собой: одна сестра говорила одно, другая—другое. Даже г. защитникъ счелъ нужнымъ ихъ спрашивать:

— «Вы вмѣстѣ живете?»

— «Да, вмѣстѣ».

— «Значитъ, вы имѣли бы возможность сговориться?»

— «Да, имѣли».

Но, господа присяжные засѣдатели, «сговориться»—это совсѣмъ не такъ легко и просто. Представьте себѣ, что у когонибудь изъ васъ возникла бы мысль уговориться съ товарищемъ, что вы, де, съ нимъ вчерашній день проводили съ утра до вечера вмѣстѣ, а въ дѣйствительности вы вовсе вчера и не видались. Вотъ вы сговорились, все условлено и, повидимому, предусмотрѣно, а затѣмъ васъ начнутъ подробно допрашивать, какъ именно оба вы вчера совмѣстно проводили время, и повѣрьте, что на допросѣ вы неминуемо собьетесь. Одинъ одно начнетъ говорить, другой—другое. Таково свойство неправды. Какъ бы вы тамъ ни сговорились, но, если начнутъ васъ подробно допрашивать, неправда неизбѣжно обнаружится. Обнаружилась она и въ данномъ случаѣ. Прежде всего, Екатерина Дьяконова говоритъ, что 12 марта, придя къ Чеберяковой и заставъ у нея всю честную компанію только-только послѣ убійства, она въ числѣ бывшихъ тамъ лицъ видѣла Лисунова. Разъ пять фамилія Лисунова упоминается въ ея показаніи на предварительномъ слѣдствіи, а здѣсь, на слѣдствіи судебномъ, она уже о Лисуновѣ ни слова не говоритъ, а когда мы просили прочесть, что ею на предварительномъ слѣдствіи сказано, она заявила: «Да, тамъ это сказано, но это ошибка». Слѣдователь ошибся! И какъ упорствовалъ въ ошибкѣ—повторилъ ее пять разъ! Ларчикъ просто открывался: 12 марта Лисуновъ сидѣлъ подъ стражей и быть у Чеберяковой не могъ, чего Дьяконова, во время допроса ея судебнымъ слѣдователемъ, не знала. Дабы такихъ досадныхъ ошибокъ не было, околоточный надзиратель Кириченко, столь преданный Красовскому, ходилъ по всѣмъ участкамъ, собиралъ справки, какіе воры сидѣли, а какіе были на свободѣ въ серединѣ марта 1911 года, и далъ эти справки Красовскому. Къ сожалѣнію для сего послѣдняго, было поздно: Дьконова уже указала

на Лисунова, въ то время сидѣвшаго подъ стражей. Но этого мало. Припомните дальше показаніе Екатерины Дьяконовой. Между первымъ ея посѣщеніемъ квартиры Чеберяковой въ первыхъ числахъ марта 1911 года, когда играли «въ почту», а для игры брали, будто бы, бумагу съ проколами, и между посѣщеніемъ 12 марта она еще разъ была у Чеберяковой и прямо заявляетъ: «пришла передъ 12 марта и видѣла у нея Лисунова». Таково показаніе на предварительномъ слѣдствіи, а тутъ, на судѣ, она опять говоритъ, что и это ошибка. Да, дѣйствительно, большая ошибка, потому что и въ это время Лисуновъ сидѣлъ подъ стражей.

Переходимъ къ слѣдующей неправдѣ: 11 марта, говоритъ Екатерина Дьяконова, она видѣла у Чеберяковой Андрюшу Ющинскаго. А по дѣлу совершенно точно установлено, что 11 марта Андрюша не могъ быть у Чеберяковой. Вторая ложь, фактически доказанная.

Третья ложь относится къ разсказу Екатерины Дьяконовой о ночевкахъ ея у Чеберяковой послѣ 12 марта. Красовскій, ссылаясь на Дьяконову, говоритъ объ этихъ ночевкахъ на предварительномъ слѣдствіи такъ: въ первый разъ Екатерина Дьяконова ночевала на квартирѣ Чеберяковой въ ночь съ 14 на 15 марта и ночевку довела до благополучнаго окончанія—утромъ встали и разошлись. Ночью Екатерина Дьяконова, просунувъ съ кровати ногу, нащупала какой-то мѣшокъ, въ которомъ было что-то скользкое, холодное и страшное. Вторая ночевка была, по Красовскому, съ 15 на 16 марта, и вотъ тогда на Екатерину Дьяконову, ночевавшую на сей разъ вмѣстѣ съ нѣкоей Черняковой, напалъ ужасный страхъ, и всѣ онѣ—Дьяконова, Чернякова и сама Чеберякова—убѣжали изъ ея квартиры посреди ночи. Понятно, что про эти ночевки надо разсказывать именно въ такой послѣдовательности, потому что, если ихъ переставить, то выйдетъ внутреннее противорѣчіе. Если поставить ночевку со страхомъ первой, то получится несообразность. Какъ же такъ, люди чего-то страшно испугались, посреди ночи убѣжали, имъ мерещился Ющинскій, казалось, это онъ по пятамъ за ними гонится, а на слѣдующій день, какъ ни въ чемъ не бывало, убѣжавшія пошли опять туда, откуда въ ужасѣ бѣжали, и снова, безъ всякой видимой надобности, остались ночевать. Красовскій это понималъ и первой поставилъ ночевку, доведенную до конца, а второй—ночевку съ испугомъ. Но Екатерина Дьяконова сіе не вполнѣ

усвоила и въ показаніи у судебнаго слѣдователя порядокъ ночевокъ переставила: первой поставила ту ночевку, которая окончилась бѣгствомъ, второй ту, когда она ногой трогала этотъ мѣшокъ, холодный и скользкій. И вотъ на судѣ Красовскій уже равняется подъ Дьяконову и описываетъ ночевки въ томъ же порядкѣ, какъ она, въ прямое противорѣчіе тому, что онъ говорилъ у слѣдователя, причемъ Красовскому приходится мѣнять и числа: раньше онъ говорилъ, что первая ночевка была съ 14 на 15, вторая—съ 15 на 16. Теперь, приспособляясь къ Дьяконовой, Красовскій пріурочиваетъ первую ночевку къ ночи съ 13 на 14, вторую—съ 14 на 15.

Еще подробность. Красовскій, воспроизводя, со словъ Дьяконовой, исторію съ подозрительнымъ мѣшкомъ, показываетъ, что, на вопросъ Дьяконовой о мѣшкѣ, Чеберякова отвѣтила: «Это барахло» (на воровскомъ языкѣ—краденое). Между тѣмъ сама Дьяконова совершенно отрицаетъ, чтобы Чеберякова называла мѣшокъ или его содержимое «барахломъ». А какое значеніе имѣетъ упоминаніе Красовскаго о «барахлѣ», мы скоро увидимъ. Затѣмъ вышла совершенная несообразность съ показаніемъ Черняковой: не спѣлись. Чернякова говоритъ, что ночевка была, но въ гораздо болѣе ранній срокъ, задолго до марта 1911 года. Наконецъ, два слова о положеніи этого барахла, мѣшка: сама Дьяконова нарисовала слѣдователю планъ комнаты, гдѣ она, будто бы, у Чеберяковой ноче ала; вамъ его показывали и подробно разспрашивали Екатерину Дьяконову: какъ же она могла, лежа «къ стѣнкѣ» (а Чеберякова лежала на той же кровати съ внѣшней стороны), какъ же она, Дьяконова, могла тронуть ногой мѣшокъ, барахло. Для этого надо было вывихнуть ногу! Думаю, вамъ, когда вы смотрѣли на планѣ и слушали Дьяконову, это было совершенно очевидно.

Такова картина измышленнаго, фантастическаго показанія. Но этого мало. Дьяконовы опознаютъ и вещественныя доказательства. Съ листками, правда, вышелъ конфузъ. Слѣдователь предложилъ сестрамъ нарисовать, какіе были листки у Чеберяковой, когда тамъ играли «въ почту». Каждая изъ сестеръ нарисовала по разному и несходе съ тѣми листками, которые имѣются при дѣлѣ, которые взяты на мѣстѣ обнаруженія трупа. Что касается взятаго тамъ же полотнянаго куска съ вышивкой (повидимому, отъ наволочки) и наволочекъ, бывшихъ у Чеберяковой, то Дьяконовы категорически говорили на пред-

варительномъ слѣдствіи, что вышивка на чеберяковскихъ наволочкахъ шита только красными нитками, черныхъ нитокъ тамъ нѣтъ, однѣ красныя, а кусокъ наволочки, находящійся при дѣлѣ,—вещественное доказательство,—вы всѣ видѣли: тамъ, въ вышивкѣ, дѣйствительно много красныхъ нитокъ, но съ боку черный стерженекъ, зашитый черными нитками. (Этого куска судебный слѣдователь, весьма благоразумно, свидѣтельницамъ Дьяконовымъ не предъявлялъ).

Пришли Дьяконовы на судъ, ихъ спрашиваютъ:

— «Какая была вышивка на чеберяковскихъ наволочкахъ?»

— «Красная и черная».

— «Какъ же вы у слѣдователя показывали, что чернаго нѣтъ, однѣ красныя нитки?»

— «Я ошиблась».

Странныя, однако, ошибки: съ Лисуновымъ ошиблась, съ нитками ошиблась.

Первой предъявили находящійся при дѣлѣ кусокъ наволочки Екатеринѣ Дьяконовой и она его опознала:

— «Да, это та самая наволочка, которую я видѣла у Чеберяковой».

Подумайте, господа присяжные засѣдатели, вѣдь послѣ такого показанія какъ легко даже совершенно невинному человѣку угодить на каторгу! Защита все настаивала, что слѣдователь долженъ былъ, будто бы, сразу предъявить находящійся при дѣлѣ кусокъ наволочки свидѣтельницамъ Дьяконовымъ. Я тогда же просилъ, чтобы мнѣ указали законъ, который обязывалъ бы къ этому слѣдователя. Защитники сказали, что это потомъ, въ рѣчахъ, выяснится. Наступили рѣчи, и я продолжаю утверждать, что такого закона нѣтъ, и слѣдователь не долженъ былъ предъявлять вещественное доказательство, разъ свидѣтельница давала описаніе, явно къ этому вещественному доказательству неподходящее. Представьте себѣ, что судебный слѣдователь сразу предъявилъ бы Екатеринѣ Дьяконовой кусокъ съ вышивкой, находящійся при дѣлѣ. Она немедленно опознала бы въ этомъ кускѣ часть чеберяковской наволочки. И что же? Чеберякова была бы на скамьѣ подсудимыхъ вмѣсто Бейлиса. Вотъ, господа, куда ведетъ чеберяковская версія, созданная господами Красовскимъ, Бразулемъ и К°.

Еще поучительнѣе вышло съ Ксеніей Дьяконовой: она теперь тоже говоритъ, что вышивка на чеберяковской наволочкѣ

была красная съ чернымъ, а раньше, у слѣдователя, говорила, что только красная,—ошиблась.

Хорошо, ошиблась, но въ какомъ же порядкѣ чередуется на вышивкѣ красный цвѣтъ съ чернымъ? — спросилъ я Ксенію Дьяконову.

— «А вотъ какъ: крестикъ черный, крестикъ красный».

Разъ пять я спрашивалъ объ этомъ свидѣтельницу, и она совершенно опредѣленно каждый разъ отвѣчала: «крестикъ черный, крестикъ красный».

Показываютъ ей кусокъ съ вышивкой, находящійся при дѣлѣ. Ничего подобнаго, оказывается, тамъ нѣтъ: никакого чередованія крестиковъ красныхъ съ черными, а вся черная часть вышивки, очень небольшая, помѣщается въ одномъ мѣстѣ, сбоку, въ видѣ какъ бы стержня.

Посмотрѣла, посмотрѣла Ксенія Дьяконова и говоритъ: «А знаете, это та самая, чеберяковская».

— «Какъ же та самая, да вѣдь вы только сейчасъ описывали ее совершенно иначе?»

— «Да, дѣйствительно, описывала иначе, ошиблась, но это та самая».

Это было при васъ, господа присяжные засѣдатели, вы всѣ это видѣли и я думаю, что у васъ осталось совершенно единодушное убѣжденіе, у всѣхъ 12, безъ исключенія, что Дьяконовы говорятъ явную неправду. Остается еще воспроизводимое Екатериной Дьяконовой сознаніе Люды, тоже совершенно невѣроятное. Люда, оказывается, созналась Дьяконовой, что мать Люды убивала!

Таково главное колесико механизма. Въ него тѣсно входитъ зубчиками другое колесико—Малицкая. То, что тѣ видѣли, эта слышала. Показаніе Малицкой, сидѣлицы въ той винной лавкѣ, которая расположена подъ квартирою Чеберяковыхъ, показаніе о томъ, какъ она, Малицкая, слышала 12 марта и крикъ мальчика наверху, и возню убійцъ, и перетаскиваніе по полу мертваго тѣла—все это произвело на васъ, я полагаю, впечатлѣніе столь же опредѣленное, какъ и показанія Дьяконовыхъ. Вы помните, напримѣръ, о «слабомъ звукѣ черезъ носъ», звукѣ, который былъ, однако, слышенъ изъ второго этажа въ первый; вы помните слова Малицкой: «Чеберякова скажетъ (дискантомъ) мм...—я внизу слышу, а кто-нибудь другой скажетъ тамъ (ба-

сомъ) мм...—я тоже слышу». Однако, во время мѣстнаго осмотра, мы были и наверху, въ квартирѣ Чеберяковой, и внизу, въ винной лавкѣ, производили даже опытъ, и хорошо знаемъ, что ничего подобнаго Малицкая слышать не могла. Впрочемъ, сначала на предварительномъ слѣдствіи она и говорила, что ничего не знаетъ; потомъ ее подучили, но плохо: она стала говорить, что все это слышала *вечеромъ;* дальше Малицкую вразумили какъ слѣдуетъ, и теперь она показываетъ, соотвѣтственно съ Дьяконовыми, объ утрѣ, когда «несли что-то мягкое, длинное, а Чеберякова шла посединѣ» и даже размѣръ этого мягкаго, длиннаго свидѣтельница опредѣлила: какъ разъ въ ростъ 12—13-лѣтняго мальчика. Нѣкоторыя подробности показанія Малицкой тоже весьма характерны. Она вначалѣ говорила, что все сидитъ одна-одинешенька. Разумѣется, когда человѣкъ одинъ-одинешенекъ, слухъ у него изощренъ, онъ слышитъ многое, что въ разговорѣ и въ суетѣ не слышно. Малицкая сидѣла одна и поэтому хорошо слышитъ. Но когда ее дальше спросили, почему она слышала только возню утромъ 12 марта и ни раньше, ни позже ничего не слышала, Малицкая отвѣчала: «какъ же слышать, когда я все время въ работѣ, народъ постоянно ходитъ». Впрочемъ, она не только слышала происшествіе 12-го, но и «слышала» дьяконовскую ночевку, которой не было. Это настолько безподобно, что я вамъ прочту данное ею передъ нами на судѣ показаніе въ этой части съ дословной точностью:

«Послѣ того, что я слышала 12-го, тамъ хотѣли заснуть и не могли заснуть, и я внизу хочу заснуть и не могу заснуть; они успокаиваются и я успокаиваюсь; они подымаются, и я не сплю. И такимъ образомъ они не могли заснуть, и я не спала. Я слышу смѣхъ, говоръ, шевелятся, поднимаются, переходятъ въ другую комнату, опять сюда приходятъ и вотъ опять тишина, тишина».

(Смѣхъ въ публикѣ).

Переходимъ къ недопрошенному на предварительномъ слѣдствіи свидѣтелю Вышемірскому, вызванному сюда, на судъ, защитою. Онъ удостовѣрилъ, что мужъ чеберяковской сосѣдки, лавочницы Адели Равичъ, собираясь, вмѣстѣ съ женой, уѣхать въ Америку, пришелъ передъ отъѣздомъ къ нему, Вышемірскому, и сознался... Сознался въ томъ, что Адель Равичъ,

придя къ Чеберяковой, увидѣла трупъ Андрюши, завернутый въ коверъ и положенный въ ванну!

Больше ничего Вышемірскій по дѣлу не знаетъ. Никакихъ другихъ разговоровъ мужъ Адели Равичъ съ нимъ не велъ. Пришелъ, разсказалъ о трупѣ, о коврѣ, о ваннѣ—и ушелъ.

А теперь извольте провѣрять, когда Равичи въ Америкѣ.

Сознаніе Люды, сознаніе Равичъ. Дальше идетъ сознаніе Рудзинскаго, удостовѣряемое свидѣтелемъ, парикмахеромъ Швачкою. Отсидѣвъ въ тюрьмѣ три мѣсяца—за что, сказать не желаетъ—Швачко снова попалъ подъ арестъ, въ часть, въ полицейскую арестантскую, гдѣ тогда находился и Рудзинскій. Спятъ они на нарахъ, и вотъ ночью Швачко просыпается и застаетъ Рудзинскаго какъ разъ на разговорѣ съ сосѣдомъ о томъ, какъ они... «прихватили байструка» (т. е. Андрюшу, котораго такъ звали, какъ внѣбрачнаго). Услышавъ эту фразу о байструкѣ, Швачко опять заснулъ и больше ничего не слыхалъ. Подобно Вышемірскому, онъ слышалъ только то, что надо.

Пока Швачко воспроизводилъ намъ сознаніе Рудзинскаго, все у него шло гладко, но затѣмъ съ Швачкою случилось недоразумѣніе. Какъ вы помните, выслушавъ отъ Красовскаго разсказъ о Софійскомъ соборѣ, куда на кражу, будто бы, собирался идти Андрюша, мы хотѣли добиться, откуда Красовскій знаетъ, что Андрюша хотѣлъ обокрасть Софійскій соборъ. Свидѣтель отвѣтилъ, что слышалъ это отъ Швачки, но, когда наступилъ допросъ Швачки, тотъ этого не подтвердилъ. Тогда Красовскій извернулся, что слышалъ не прямо отъ Швачки, а черезъ Бразуля: Швачко сказалъ Бразулю, а Бразуль ему, Красовскому. Вызвали Бразуля, спрашиваемъ его: говорилъ вамъ о Софійскомъ соборѣ Швачко?

— «Да, говорилъ».

— «А когда говорилъ?»

Вотъ тутъ во всѣхъ этихъ показаніяхъ самое топкое мѣсто по вопросу о томъ, какъ всѣ эти господа вошли въ дѣло, какъ они сдѣлались свидѣтелями, какъ они попали къ этимъ добровольнымъ разслѣдователямъ?

Вѣдь Швачко сначала разсказывалъ намъ такъ: онъ въ концѣ мая 1912 года послалъ Бразулю письмо съ увѣдомленіемъ, что имѣетъ по дѣлу свѣдѣнія, но самого Бразуля не видалъ. Послѣ этого письма, посланнаго въ «Кіевскую Мысль», явился къ нему, Швачкѣ, постричься Караевъ. Постригся и

началъ Швачку разспрашивать. Черезъ нѣкоторое время пришелъ стричься Красовскій. Постригся и тоже началъ разспрашивать. Но самого Бразуля Швачко, молъ, не видалъ, а тутъ оказывается, что былъ разговоръ съ Бразулемъ и приходится отвѣчать: когда же былъ?

Бразуль намъ отвѣтилъ (а Швачку, по моей просьбѣ, на это время удалили изъ зала), что разговоръ былъ черезъ нѣсколько дней послѣ заявленія: Швачко, молъ, пришелъ ко мнѣ и я разспрашивалъ его на парадной.

Позвали Швачку, спрашиваемъ его, когда былъ разговоръ? Онъ говоритъ, что черезъ мѣсяцъ, полтора.

Черезъ мѣсяцъ-полтора! Помилуйте, да Бразуль къ этому времени уже уѣхалъ на курортъ отдохнуть послѣ своего «служенія правосудію». Черезъ мѣсяцъ-полтора—т. е. въ іюнѣ—іюлѣ 1912 года — Бразуля не было въ Кіевѣ.

Швачко устанавливаетъ сознаніе одного убійцы, Рудзинскаго, а другой убійца, Сингаевскій, тоже сознается—свидѣтелямъ Махалину и Караеву. Что касается характеристики Махалина, то вы его видѣли—очень изящный молодой человѣкъ; правда, сидѣлъ въ тюрьмѣ въ 17-ти-лѣтнемъ возрастѣ по подозрѣнію въ экспропріаціи, но, однако, совершенно невинно. Времени сидѣнья въ тюрьмѣ не потерялъ даромъ: въ совершенствѣ изучилъ воровской языкъ и знаетъ на немъ даже такія слова, которыхъ не знаютъ сами воры. Имѣетъ пристрастіе къ студенческой тужуркѣ, подобно сыщику Выгранову, хотя ни тотъ, ни другой на эту тужурку не имѣютъ ни малѣйшаго права. Готовится къ оперной карьерѣ и, конечно, по сравненію съ нимъ Швачко и Вышемірскій—только комнатные исполнители домашнихъ романсовъ, и то подъ фальшивый аккомпаниментъ. Занялся добровольными розысками изъ желанія безкорыстно послужить правосудію, но почему это случилось лишь въ 1912 году, какъ разъ тогда, когда возникла чеберяковская версія и была въ разгарѣ работа Бразуля — объяснить не можетъ. Столь же странно появленіе Караева. Живетъ онъ на Кавказѣ и вдругъ его выписываютъ письмомъ оттуда въ Кіевъ. Если человѣкъ, живущій на Кавказѣ, получаетъ письмо: «пріѣзжай въ Кіевъ», то вѣдь для такой поѣздки нужны какія-нибудь вѣскія основанія. Каковы же были основанія, чтобы Караеву все бросить и ѣхать съ Кавказа въ Кіевъ? Увы, тутъ дѣло обстоитъ совсѣмъ слабо: приходится, чтобы избѣжать отвѣта, прикрываться

ст. 722 Уст. Угол. Судопр., которая позволяетъ свидѣтелю не отвѣчать на вопросъ, уличающій его въ преступленіи. Караевъ въ своемъ показаніи слѣдователю (а на судъ онъ не явился) объясняетъ: «я получилъ отъ Махалина письмо партійнаго характера (а Караевъ, какъ вамъ извѣстно, изображалъ изъ себя анархиста-коммуниста; Махалинъ же, на мой вопросъ, не раздѣляетъ ли онъ программы партіи соціалистовъ-революціонеровъ, заявилъ, что отвѣчать не желаетъ); я думалъ—продолжаетъ въ своемъ показаніи Караевъ,—что вызываютъ меня по партійнымъ дѣламъ, а по какимъ дѣламъ, я—на основаніи ст. 722—говорить не хочу».

Какъ же Караевъ и Махалинъ приступили къ розыскамъ? Махалинъ показываетъ: я пришелъ къ Караеву по пріѣздѣ его въ Кіевъ—а это замѣчательно благородный человѣкъ, — и говорю ему: не хочешь ли заняться розыскомъ, можетъ быть придется кое-кого подпоить, кое-кому солгать. Выписанный «по партійнымъ дѣламъ» Караевъ вскипѣлъ, даже браунингъ выхватилъ: «ни за что, говоритъ, это предательство»! Такъ разсказываетъ Махалинъ, а вотъ Красовскій —своя компанія—разсказываетъ иначе. Онъ говоритъ, что вовсе Махалинъ былъ не одинъ, а было ихъ двое: Махалинъ и Красовскій. Къ Караеву съ предложеніемъ приняться за розыски обратился Красовскій и никакого браунинга тотъ не вытаскивалъ, а сказалъ: «подумаю»—и быстро согласился.

По поводу этого противорѣчія была очная ставка Махалина съ Красовскимъ и на очной ставкѣ они начали говорить, что было не одно свиданіе, а два (о чемъ, однако, раньше, у слѣдователя, вовсе не упоминали). Первое свиданіе то, когда Махалинъ былъ одинъ и вытаскивался браунингъ, а второе свиданіе, когда Махалинъ былъ вдвоемъ съ Красовскимъ и никто уже браунинга не вытаскивалъ. Но вѣдь тогда получается внутренняя несообразность. Вѣдь если Махалинъ видѣлъ, что анархистъ-коммунистъ Караевъ принялъ такъ горячо его предложеніе взяться за сыскъ, разсердился и даже браунингъ выхватилъ, какъ же онъ, Махалинъ, послѣ этого, когда Караевъ «думаетъ», принять предложеніе или нѣтъ, приводитъ къ нему совершенно незнакомаго человѣка, да еще кого?— бывшаго начальника сыскной полиціи, котораго Караевъ легко могъ знать въ лицо, и приводитъ съ тѣмъ же предложеніемъ—стать сыщикомъ-добровольцемъ. Когда Махалинъ, товарищъ Караева,

предлагалъ ему это и тотъ такъ разсердился, какъ же онъ, Махалинъ, не давъ Караеву успокоиться, приводитъ къ нему бывшаго начальника сыскной полиціи!? Разумѣется, тутъ что-то не такъ. Выписывали Караева по инымъ основаніямъ и ввели его въ дѣло совсѣмъ иначе, чѣмъ намъ разсказываютъ. Стало быть, здѣсь что-то *такое*, о чемъ на судѣ Красовскому и Махалину говорить *нельзя*.

Теперь *попробуемъ* разобраться въ этомъ сознаніи Сингаевскаго, по воровскому прозвищу Плиса. Зазвали его Караевъ и Махалинъ въ гостиницу Михайловскаго монастыря, въ номеръ къ Караеву, напоили и затѣмъ ошарашили такимъ извѣстіемъ, что вотъ-вотъ тебя заберутъ, арестуютъ, чѣмъ привели Сингаевскаго, конечно, въ нервное состояніе. Пріемы не изъ чистоплотныхъ, но скажутъ: конецъ вѣнчаетъ дѣло, побѣдителей не судятъ, какіе бы ни были пріемы, а Плисъ-то вѣдь сознался. Въ чемъ же онъ собственно сознался и какъ сознался? Оказывается, всѣ четыре свидѣтеля, дающіе объ этомъ показанія—Махалинъ, Караевъ, Бразуль и Красовскій—хотя составляютъ одну компанію, но всѣ четверо разсказываютъ каждый по своему, причемъ разсказъ одного находится въ непримиримомъ противорѣчіи съ разсказомъ другого. Махалинъ заявляетъ, что онъ и Караевъ говорили съ Сингаевскимъ часа три, четыре и Сингаевскій чистосердечно все открылъ, «а я—заявилъ намъ Махалинъ—передаю вамъ здѣсь, на судѣ, только *эссенцію*». Сравнивая, однако, показаніе Караева и показаніе Махалина, оказывается, что одинъ говоритъ, будто, согласно этому откр венному сознанію, Сингаевскій вмѣстѣ съ Рудзинскимъ *въ тотъ же день* уѣхали въ Москву (т. е. 12-го марта, въ день убійства), а другой, слышавшій это же самое признаніе, показалъ, что уѣхали *на другой день*. Таково первое противорѣчіе, не устранимое настолько, что даже Махалинъ принужденъ былъ признать: «да, противорѣчіе есть». Но вотъ обращаемся къ Бразулю и усматриваемъ, что онъ описываетъ дѣло совсѣмъ иначе: когда Махалинъ и Караевъ въ караевскомъ номерѣ напаивали Плиса, то онъ, Бразуль, въ ожиданіи того, что произойдетъ, былъ въ номерѣ Махалина, въ той же гостиницѣ Михайловскаго монастыря. Черезъ нѣкоторое время приходитъ къ нему Махалинъ и говоритъ: «Ничего не выходитъ, поимъ мы Плиса, а получается то, что мы напились, а онъ трезвъ». Какъ же такъ? Махалинъ вѣдь говорилъ, что съ самаго начала Плисъ сталъ сознаваться, а тутъ «ничего не выходитъ!»

Пойдемъ дальше. Караевъ, добывъ, будто бы, столь цѣнныя улики, ѣдетъ-ли одѣлиться ими съ Красовскимъ и говоритъ: «Преступникъ сознался!» А вотъ какъ произошло это сознаніе по словамъ Красовскаго, къ которому Караевъ поспѣшилъ съ докладомъ: «Съ самаго начала Караевъ *спугнулъ* Плиса, и Плисъ сказалъ ему: безъ Борьки (т. е. Рудзинскаго) я не могу тебѣ ничего разсказать». Какъ видите, совсѣмъ не то, что разсказываетъ Махалинъ. По Махалину откровенный разговоръ шелъ въ теченіе трехъ-четырехъ часовъ и Плисъ все время сознавался. Красовскій же говоритъ, что никакого откровеннаго разговора собственно не было: онъ только начался и сейчасъ же оборвался.

Но вѣдь и Бразулю Караевъ съ Махалинымъ разсказывали на другой день о своей бесѣдѣ съ Плисомъ. Какъ же обрисовывается эта бесѣда по Бразулю? А вотъ какъ: «Сингаевскій признался, что Ющинскаго искололъ Борисъ Рудзинскій и *кромѣ Рудзинскаго никого изъ убійцъ не называлъ*». Караевъ же съ Махалинымъ говорятъ на слѣдствіи и на судѣ совсѣмъ другое, что Плисъ не только назвалъ Рудзинскаго, но назвалъ еще и Латышева. Вы, вѣроятно, помните даже изъ показанія Махалина фразы, будто бы сказанныя Плисомъ, что «Латышевъ слабъ въ мокромъ дѣлѣ», что Латышевъ во время убійства «поѣхалъ въ Ригу». Для васъ можетъ быть не вполнѣ понятно это жаргонное выраженіе «поѣхалъ въ Ригу»—оно значитъ, что Латышева стошнило, вырвало. Махалинъ удостовѣряетъ, что Плисъ, будто бы, такъ выразился о Латышевѣ. Могъ ли Сингаевскій, котораго вы здѣсь видѣли, употреблять такія выраженія, какъ «Латышевъ поѣхалъ въ Ригу», «Ющинскаго рослисала министерская голова Рудзинскаго» — вы оцѣните; я же удостовѣряю пока полное, непримиримое противорѣчіе между свидѣтелями, воспроизводящими сознаніе Плиса.

Но разберемъ это сознаніе дальше:

«Послѣ убійства,—говоритъ будто бы Плисъ, — пришли двѣ шмары и увидѣли тюкъ, а Вѣрка имъ сказала, что это барахло».

Такъ воспроизводитъ слова Плиса Махалинъ, а Караевъ выражается еще опредѣленнѣе: онъ называетъ «шмаръ» двумя сестрами и даже приводитъ ихъ фамилію—Дьяконовы.

Какъ видите, сознаніе Сингаевскаго стараются пригнать къ показанію Дьяконовыхъ, но главное колесо нашего механизма—

Дьяконовы — уже безнадежно разсыпалось. Прежде всего, изъ двухъ Дьяконовыхъ только одна рѣшилась показать, что 12-го она была у Чеберяковой, а другая этого не показала. Выходитъ, что Сингаевскій въ приливѣ откровенности, обуреваемый потребностью сознаться, сказать правду, говоритъ эту правду «по Красовскому», правду, которой въ дѣйствительности не существуетъ. Вѣдь «двухъ шмаръ» 12-го марта у Чеберяковой ужъ никакъ не было: если была, то одна—Екатерина Дьяконова. Что касается «барахла», то въ показаніи Красовскаго, тамъ, гдѣ онъ воспроизводитъ разсказъ Дьяконовой, «барахло» фигурируетъ, но какъ разъ въ этомъ пунктѣ Дьяконова сбилась и своего учителя не поддержала: она въ своемъ показаніи, какъ я уже упоминалъ, слова «барахло» не упоминаетъ и отъ него отрекается. Не ясно ли изъ всего этого, что заранѣе всѣмъ были распредѣлены роли, но каждый исполняетъ свою роль, какъ можетъ. У лицъ, готовящихся къ оперной карьерѣ, она выходитъ лучше, у другихъ хуже. Вотъ почему получается разнорѣчіе, колесики механизма не согласуются въ своихъ движеніяхъ и начинаютъ ломать другъ друга. Оказывается, что сознающійся Сингаевскій, въ порывѣ правдивости и откровенности, говоритъ то, чего не было, но то, что желательно для Красовскаго.

Въ отношеніи Караева и Махалина есть еще одно любопытное обстоятельство, это письмо къ Караеву анархиста-коммуниста Алексѣя Феофилактова, перехваченное при обыскѣ, произведенномъ въ тюремной камерѣ, гдѣ Феофилактовъ содержался.

Всего письма воспроизводить не буду—оно слишкомъ длинно, но суть его въ томъ, что Феофилактовъ упрекаетъ Караева въ предательствѣ, упрекаетъ въ томъ, что Караевъ политическій провокаторъ и прямо пишетъ:

«Согласитесь, Караевъ, что у меня матеріала болѣе, чѣмъ достаточно, дабы укрѣпить мнѣніе о томъ, что вы провокаторъ».

Согласно письму, Феофилактовъ, убѣжавъ изъ Сибири съ поселенія и проживая здѣсь, въ Кіевѣ, по подложному паспорту Томилина, былъ Караевымъ и нѣкіимъ «Марой» выданъ. Кто такой Мара—выяснено, это присяжный повѣренный Виленскій. То, что Феофилактовъ былъ выданъ, онъ выводитъ изъ слѣдующаго:

«Если бы я былъ арестованъ по жандармской слѣжкѣ, то сочетаніе арестовъ было бы одно, а то сочетаніе арестовъ, которое произошло теперь, та компанія, которая «сѣла», убѣждаетъ меня, что я арестованъ не по жандармской слѣжкѣ, а потому, что меня именно вы, Караевъ, и господинъ Мара выдали жандармскимъ властямъ»—и выясняетъ, зачѣмъ понадобилось выдавать. Оказывается, что Феофилактовъ желалъ совершить совмѣстно съ Караевымъ какое-то революціонное преступное дѣло, за которое, въ случаѣ обнаруженія, имъ грозила опасность—тюрьма, ссылка. Въ это время къ Караеву обращается Мара-Виленскій съ предложеніемъ работать по дѣлу Бейлиса, а Караевъ поневолѣ долженъ обратиться къ «Алешѣ», т. е. Феофилактову.

Алеша отказывается: «у меня свое революціонное дѣло, зачѣмъ я буду отвлекаться, зачѣмъ мнѣ работать по дѣлу Бейлиса»—и этимъ отказомъ ставитъ Караева въ безвыходное положеніе. Вѣдь Караевъ изображаетъ изъ себя до поры до времени анархиста-коммуниста. Какъ же ему, при такомъ положеніи, отказаться отъ идейнаго, революціоннаго дѣла и пойти на розыски по дѣлу Бейлиса?

Вотъ тогда и рѣшаютъ, что Феофилактовъ человѣкъ неудобный, надо его устранить. Господинъ Караевъ вмѣстѣ съ Марой-Виленскимъ выдаютъ Феофилактова.

Что это мое толкованіе письма вѣрное, что оно соотвѣтствуетъ тексту письма, что иначе текста понять невозможно—я постараюсь вамъ доказать, прочтя нѣкоторыя выдержки изъ письма.

Вотъ что мы читаемъ въ письмѣ текстуально:

Попытавшись убѣдить меня и получивъ рѣшительный и рѣзкій отказъ, что долженъ былъ дѣлать Мара, чтобъ предотвратить этотъ ударъ?

Попытаться убѣдить Караева.

Онъ видится съ Караевымъ.

Чѣмъ его убѣждать: ритуалъ, нація, Бейлисъ, крахъ того дѣла, надъ которымъ Караевъ работалъ».

Т. е., поясню я, возможность провала того революціоннаго дѣла, надъ которымъ «работали» Феофилактовъ и Караевъ. Продолжаю чтеніе:

«*Опасность предпріятія* (т. е. этого революціоннаго дѣла, предпріятія, о возможномъ крахѣ котораго только что сказано)

и, наконецъ, Караеву намекали, что подарятъ 5 тысячъ рублей: значитъ и матеріальная выгода».

Сопоставьте прочтенное съ показаніемъ подполковника Иванова, который говоритъ, что денежными выдачами въ этомъ добровольномъ сыскѣ до 50 руб. завѣдывалъ Бразуль, а выше 50 рублей — присяжный повѣренный Виленскій — этотъ самый Мара.

Читаю дальше:

«*Согласитесь, что аргументовъ много: тутъ и идея, въ родѣ ритуала, и выгода — 5 тысячъ рублей, и опасность тюрьмы*». (Опасность, добавлю я, если продолжать «дѣло», надъ которымъ работаетъ «Алеша»). — *И дѣйствительно, нужно быть очень стойкимъ человѣкомъ, чтобы не отказаться.*

Я, пожалуй, и не прочь отказаться (отъ этого революціоннаго дѣла), — *отвѣчаетъ Караевъ,—но Алеша,—онъ не отступитъ. Вѣдь онъ дѣлу Бейлиса посторонній, никакой благодарности не получитъ, о націи онъ вамъ уже отвѣтилъ. Что съ нимъ подѣлаешь?*»

Тогда Мара предлагаетъ Караеву сказать Алешѣ, что онъ (т. е. Караевъ) *не хочетъ* (больше участвовать въ этомъ революціонномъ предпріятіи).

Но Караевъ не согласенъ; тогда о немъ будутъ плохого мнѣнія. Скажутъ, что онъ трусъ, болтунъ, шантажистъ: пока требовать и угрожать—годится, а когда приходится дѣйствовать—не хочетъ. Нѣтъ. Караевъ не согласенъ.

Что остается Марѣ предложить? Нужно Алешу убрать съ дороги. Ивановъ свой человѣкъ, да хотя бы и не свой, сдѣлаетъ съ удовольствіемъ».

Само собой разумѣется, что жандармскій полковникъ обязанъ арестовать анархиста, если доносятъ, что этотъ анархистъ живетъ по подложному паспорту Томилина и бѣжалъ изъ Сибири.

— *Нѣтъ, и на это я не согласенъ,*—отвѣчаетъ Караевъ.

— *Почему?*

— *Это, значитъ, вы хотите, чтобы я выдалъ анархиста?*

Начинается снова убѣжденіе идейное и т. д.: развѣ если бы Ал. (т. е. Алеша) *былъ анархистомъ, онъ не посчитался бы съ дѣломъ Б.* (т. е. Бейлиса)? *Съ ритуаломъ? Націей? и т. д.*

И, наконецъ, отъ васъ никто не требуетъ его выдавать, а только молчать.

Караевъ снова возражаетъ: «но если Ал. (Алешу) *арестуютъ— онъ меня будетъ подозрѣвать въ выдачѣ!?»*

— Ну, что же, придется немного посидѣть и вамъ «за знакомство», во имя націи и... пяти тысячъ».

Караевъ начинаетъ молчать.

А финалъ письма такой:

Только ваше дѣло Бейлиса является поразительнымъ, нелѣпымъ случаемъ: буржуй, жандармъ, сыщикъ и анархистъ дружно работаютъ въ одномъ дѣлѣ. Задумывались ли вы надъ этимъ? Если нѣтъ,—посмотрите, что изъ этого выходитъ.

Какъ часто со скамей защиты мечутся громы о вредѣ и безнравственности провокаціи. Я съ интересомъ жду, какъ будетъ теперь защита основывать свои выводы на показаніяхъ, по моему мнѣнію, несомнѣнныхъ провокаторовъ.

Такова эта исторія съ добровольнымъ розыскомъ, таково это противоестественное сочетаніе: здѣсь, въ Кіевѣ, «буржуи, сыщики и анархисты», тамъ, въ Харьковѣ,—присяжный повѣренный, прогрессивный журналистъ, госпожа Чеберякова и сыщикъ, правда, въ студенческой тужуркѣ. Присяжный повѣренный Марголинъ по поводу того, что этой компаніи (даже и Бразулю!) онъ не подавалъ руки, ссылался намъ на примѣры «самаго фешенебельнаго общества», на, такъ сказать, «послѣдній крикъ» заграничной еврейской моды. Можетъ быть, за границей все это и считается «фешенебельнымъ», но у насъ пока называется совсѣмъ иначе.

Упомяну еще объ одной подробности: вспомните, какъ Бразуль здѣсь говорилъ, что онъ, «слуга правосудія», безкорыстно работая по розыскамъ, совсѣмъ истратился; свидѣтель говорилъ даже, что у него накопился цѣлый пукъ ломбардныхъ квитанцій. Однако, несмотря на эти ломбардныя квитанціи, Бразуль, сейчасъ же по завершеніи его розысковъ, уѣхалъ на курортъ, чего раньше за нимъ не водилось. А другіе пріемы этого добровольнаго сыска — развѣ не характерны? Все валятъ на мертвыхъ или уѣхавшихъ. Красовскій, напримѣръ, говоритъ, что Наталія Ющинская ему разсказывала, будто Андрюша вовсе не такой чистый, хорошій, безупречный мальчикъ, какъ это единогласно утверждаютъ всѣ, безъ исключенія, свидѣтели, про-

шедшіе на судѣ. Красовскому, будто бы, Наталья Ющинская, безумно любившая своего племянника, говорила, что онъ, Андрюша, «часто дома не ночевалъ, а ночевалъ у Чеберяковой, самовольно не ходилъ въ школу на уроки, скрывая это отъ домашнихъ, и т. д.». Но Наталья Ющинская въ могилѣ и этой возмутительной неправды опровергнуть не можетъ.

Или вотъ Адель Равичъ съ мужемъ уѣхали въ Америку,— и на нихъ сейчасъ же начинаютъ валить всевозможныя небылицы: мужъ Адели, оказывается, сознавался, что она видѣла трупъ Андрюши въ коврѣ и ваннѣ, а сама Адель Равичъ тоже будто бы созналась Дьяконовымъ. Но тутъ вышло маленькое неудобство: одна Дьяконова говоритъ, что Равичъ созналась на похоронахъ Жени, а другая, что на похоронахъ Вали; одна говоритъ, что Адель Равичъ созналась тогда, когда обѣ сестры были вмѣстѣ, а другая — что сознавалась каждой сестрѣ порознь. Во всякомъ случаѣ, стоило только Адели Равичъ уѣхать,— и она оказывается чуть не укрывательницей убійства; стоило Наталіи Ющинской умереть,—и про нее утверждаютъ, вопреки ея показанію, данному на предварительномъ слѣдствіи, будто она, обожавшая Андрюшу, считала его вовсе не такимъ хорошимъ мальчикомъ, а признавалась, что онъ ходилъ къ ворамъ и ночевалъ у Чеберяковой. А вотъ что показываетъ сама Адель Равичъ у судебнаго слѣдователя: «Въ тотъ день, когда нашли трупъ Ющинскаго, весь исколотый, я должна была ѣхать къ себѣ, въ Виленскую губернію. Поѣхала съ сестрой и въ вагонѣ громко говорила, что, несомнѣнно, мальчика убили жиды». Дальше свидѣтельница объясняетъ: «Вамъ, господинъ слѣдователь, можетъ казаться страннымъ, что мы вѣримъ въ существованіе ритуальныхъ убійствъ, но я долго жила въ Виленской и Минской губерніяхъ и я знаю, что это есть. Я жила сама въ мѣстечкѣ Долгиновѣ, гдѣ нашли трупъ исколотаго младенца, послѣ чего былъ погромъ». Давъ столь опредѣленное, категорическое показаніе, какъ же Равичъ могла потомъ говорить, что видѣла трупъ въ квартирѣ Чеберяковой?

Но возвращаюсь къ «чеберяковской версіи».

Фактическій матеріалъ по ней совершенно опровергнутъ. Отъ этого матеріала ничего не осталось. Чѣмъ больше свидѣтелей мы слышали въ подтвержденіе того, что убивали у Чеберяковой, тѣмъ сильнѣе убѣждались въ полной измышленности этихъ показаній. Но, кромѣ того, чеберяковская версія невоз-

можна еще и по слѣдующимъ, строго логическимъ соображеніямъ. Такое убійство было бы совершенно безмотивнымъ—нѣтъ повода, нѣтъ смысла въ немъ. Для того, чтобы придать смыслъ, понадобилось прибѣгнуть къ такой клеветѣ, что, будто бы, Андрюша часто ночевалъ у Чеберяковой, былъ посвященъ во всѣ воровскія дѣла, хотѣлъ обокрасть Софійскій соборъ. Но вѣдь это же клевета, и клевета доказанная. А если ее откинуть, то встанетъ вопросъ—зачѣмъ же понадобилось ворамъ убивать Андрюшу? Если воры его убили изъ мести, считая, что онъ ихъ выдастъ, то какъ подобная мысль могла прійти имъ въ голову? Вѣдь Андрюша со времени переѣзда на Слободку, съ 1910 года, почти никогда не бывалъ у Чеберяковой, ходилъ на Лукьяновку крайне рѣдко. Что онъ могъ тамъ видѣть, что онъ могъ тамъ знать, за что было ворамъ его убивать?

Говорятъ, что воры его убили, чтобы «поддѣлать убійство подъ жидовъ» и вызвать погромъ. По этому поводу экспертъ, проф. Бехтеревъ, вызванный защитой, давшій самое благопріятное для защиты заключеніе,—даже этотъ экспертъ на вопросъ г. защитника Карабчевскаго намъ сказалъ прямо, что думать, будто по настоящему дѣлу была поддѣлка подъ ритуалъ, поддѣлка «подъ жидовъ»—*невѣроятно*,—его буквальное выраженіе. Если собираются вызвать погромъ, то вѣдь какія же нибудь мѣры для того надо принять, а тутъ сразу послѣ убійства воры взяли и уѣхали въ Москву. Защитѣ хотѣлось, повидимому, связать Чеберякову съ разбросной погромныхъ прокламацій, но изъ этого ничего не вышло. Выяснилось, что Чеберякова, возвратясь съ похоронъ Ющинскаго, такую прокламацію принесла и показала двумъ-тремъ сосѣдямъ, но и только. Пробовала защита установить, что разбрасывалъ эти прокламаціи Павловичъ, а Павловичъ, молъ, воръ, значитъ, изъ одной компаніи съ Чеберяковой. Такъ вотъ одни воры зарѣзали «подъ жидовъ», а другой воръ разбросалъ прокламаціи, чтобы вызвать погромъ. Но и съ этими заподозриваніями ничего не вышло. Оказалось, что въ разбросѣ прокламацій обвинялся Николай Павловичъ, который, однако, никогда не судился за кражу. Правда, былъ Павловичъ, который обвиненъ въ воровствѣ, но это Константинъ Павловичъ, а Константинъ Павловичъ не принималъ никакого участія въ разбросѣ прокламацій. Такимъ образомъ, установлена полная безмотивность «чеберяковской версіи».

Невѣроятно, чтобы это убійство было совершено Сингаевскимъ, Рудзинскимъ, Латышевымъ еще и потому, что вечеромъ 12-го марта они учинили кражу на Крещатикѣ, въ магазинѣ Адамовича, и послѣ этого сейчасъ же уѣхали въ Москву сбывать товаръ: тамъ ихъ задержали на кутежѣ, когда они швыряли крупными деньгами. Это фактъ неопровержимый. Вотъ я и спрашиваю, какъ же Сингаевскій, Рудзинскій, Латышевъ, не похоронивъ трупа, бросили его и уѣхали? Убили предателя—надо хоронить, чтобы всѣ концы въ воду, а тутъ оставили Чеберякову одну съ трупомъ, когда «вся шайка ея разгромлена», когда ежеминутно можно ждать обыска на ея квартирѣ. А они оставляютъ тамъ трупъ и ѣдутъ въ Москву!? Совершенная безсмыслица!

Да, наконецъ, убійство на квартирѣ Чеберяковой по обстоятельствамъ дѣла и *невозможно*. Вы были на этой квартирѣ во время мѣстнаго осмотра. Она во второмъ этажѣ, внизу винная лавка, рядомъ живетъ чиновникъ Балавинъ съ семьей, окна чеберяковской квартиры выходятъ на дворъ усадьбы, гдѣ постоянно народъ, а тѣмъ болѣе въ мартѣ. Мыслимо ли при такихъ условіяхъ тамъ убивать? Затѣмъ возьмите соображеніе чисто научнаго характера: на куркѣ мальчика найдена глина, пропитавшаяся кровью. Экспертъ, проф. Косоротовъ, категорически заявилъ, что такая глина могла образоваться только на мѣстѣ убійства и этотъ вопросъ относился къ числу такихъ, по которымъ эксперты, по удостовѣренію проф. Косоротова, пришли къ единогласному заключенію. Правда, вызванный по ходатайству защиты проф. Павловъ потомъ отъ этого единогласнаго заключенія отказался. Онъ заявилъ, что, хотя наканунѣ вечеромъ на совѣщаніи экспертовъ единогласіе здѣсь было, но за ночь онъ передумалъ и теперь отъ этого единогласія отказывается. Если бы проф. Павловъ привелъ научное обоснованіе такому своему отказу, это было бы серьезно, а такъ какъ онъ научныхъ соображеній не привелъ, и, слѣдовательно, у него, надо полагать, были соображенія не научныя, а какія-то иныя, то внезапная перемѣна его взглядовъ для насъ значенія имѣть не можетъ. Что касается вызваннаго по ходатайству защиты проф. Кадьяна, то онъ попробовалъ было по вопросу о пропитываніи глины кровью тоже не соглашаться съ проф. Косоротовымъ, но и проф. Кадьянъ никакихъ соображеній въ подтвержденіе такого своего несогласія не привелъ. Между тѣмъ, послѣ выраженія этихъ несогласій, на дополнительномъ допросѣ, проф.

Косоротовъ высказалъ о пропитываніи глины кровью рядъ новыхъ доводовъ, чрезвычайно убѣдительныхъ. Оказывается, что, хотя кровь засыхаетъ, примѣрно, черезъ 12 часовъ и, конечно, можно предполагать, что трупъ былъ вынесенъ въ пещеру, когда кровь еще не вполнѣ засохла, но прежде, чѣмъ кровь засыхаетъ, она свертывается, какъ свертывается, напримѣръ, молоко—разница только въ томъ, что кровь свертывается гораздо скорѣе молока. Когда кровь свернулась, она представляетъ изъ себя нѣчто въ родѣ студня, въ родѣ желе. Этотъ студень, желе—такая свернувшаяся, но не засохшая кровь—можетъ выпачкать бѣлье, одежду, стѣнки пещеры, можетъ окрасить глину. Но она краситъ, не пропитывая; пропитать комочекъ глины можетъ только свѣжая, несвернувшаяся кровь, а кровь уже свернувшаяся не пропитываетъ. Таково строго-научное, подробное заключеніе, данное проф. Косоротовымъ и рѣшительно ничѣмъ не опровергнутое. Слѣдовательно, пропитываніе глины кровью произошло на мѣстѣ убійства, а если это такъ, то убійство никоимъ образомъ не могло быть на квартирѣ Чеберяковой. Это невозможно.

Г. г. присяжные засѣдатели, не посѣтуйте на меня, что я такъ подробно остановился на чеберяковской версіи. Путемъ подробнаго критическаго разбора мы незыблемо установили слѣдующее: свидѣтели, вызванные въ удостовѣреніе этой версіи, даютъ явно измышленныя показанія, пригоняя одно къ другому; они, несомнѣнно, научены однимъ лицомъ, или сообществомъ лицъ давать такія показанія. Мотивовъ, побудительныхъ причинъ для совершенія въ квартирѣ Чеберяковой убійства ворами—нѣтъ. Такое преступленіе невѣроятно, болѣе того, невозможно. Тогда какой же выводъ? Кто же убилъ?

Нами точно установлено, что передъ убійствомъ Андрюша былъ между квартирой Чеберяковой и заводомъ Зайцева. Вы тамъ были на мѣстномъ осмотрѣ, видѣли сосѣднія усадьбы и, несомнѣнно, удостовѣрились, что, если Андрюшу не убили у Чеберяковой, то убили на заводѣ Зайцева—и больше нигдѣ. Оказывается, что слѣды живого Ющинскаго приводятъ насъ вплотную къ заводу, какъ разъ передъ началомъ убійства, и на заводѣ обрываются, а слѣды мертваго Ющинскаго ведутъ отъ завода—вспомните показанія Голубева и Акацатова, вспомните расположеніе пещеры: туда можно пронести трупъ только изъ двухъ мѣстъ—или отъ усадьбы Чеберяковой, или съ завода. Если слѣды живого Ющинскаго обрываются у завода, какъ разъ

въ тотъ моментъ, когда началось убійство, и слѣды мертваго Ющинскаго идутъ съ завода, то не въ правѣ ли я вамъ сказать съ полнымъ убѣжденіемъ, основаннымъ на добросовѣстномъ, строгомъ разборѣ фактическаго матеріала, что убійство было на заводѣ. Попалъ туда Ющинскій съ Верхне-Юрковской улицы, съ той части завода, гдѣ живетъ Мендель Бейлисъ, гдѣ онъ всѣмъ завѣдуетъ. Какъ же убійство могло случиться безъ вѣдома и согласія Бейлиса? Правда, когда мы говорили о чеберяковской версіи, то, какъ это было отмѣчено однимъ изъ защитниковъ, не называли Бейлиса нѣсколько дней; но развѣ крушеніе чеберяковской версіи не представляетъ страшной улики противъ Бейлиса? Развѣ тѣ, чья невидимая рука все время отводила улики отъ еврейства, не понимали этого? Великолѣпно понимали, отчего и чеберяковскую версію выдвинули только въ самый крайній моментъ, въ послѣднюю минуту, когда евреевъ, что называется, взяли за горло, когда дѣло уже было назначено къ слушанію.

Гг. судьи, гг. присяжные засѣдатели!

Въ своемъ предшествующемъ изложеніи я остановился на томъ выводѣ, строго вытекающемъ изъ обстоятельствъ дѣла, что слѣды живого Ющинскаго ведутъ къ еврейскому заводу Зайцева, а слѣды мертваго Ющинскаго начинаются отъ завода, причемъ они обрываются на заводѣ какъ разъ передъ началомъ убійства. Это положеніе необходимо выяснить подробно. Убійство, по состоянію невполнѣ переварившейся пищи, обнаруженной при вскрытіи въ желудкѣ Ющинскаго, произошло черезъ четыре часа послѣ того, какъ онъ поѣлъ постнаго борща. Проф. Косоротовъ установилъ этотъ срокъ достаточно опредѣленно: «или немного больше или немного меньше, но около четырехъ часовъ». Съ такимъ выводомъ были согласны и всѣ другіе эксперты, только одинъ проф. Павловъ сказалъ, что, можетъ быть, прошло и 5, и даже 6 часовъ, но никакихъ доказательствъ такого допущенія, однако, не привелъ. Спрошенный на предварительномъ слѣдствіи, теперь умершій, проф. Оболонскій, производившій вскрытіе, говорилъ даже о нѣсколько меньшемъ срокѣ—о $3^1/_2$ часахъ. Такимъ образомъ, мы можемъ спокойно взять срокъ въ 4 часа, онъ не преуменьшенъ. Когда же Андрюша ѣлъ борщъ? Его видѣли 12 марта, рано утромъ, шедшимъ черезъ

Днѣпръ съ Предмостной слободки въ Кіевъ, видѣли Павелъ Пушка и Марія Пушка. Послѣдняя видѣла Андрюшу на базарной площади, около моста, и говоритъ, что было тогда самое начало седьмого часа утра—пять, десять минутъ седьмого, а чтобы дойти до площади отъ дома Ющинскаго, нужно минутъ 15—20. Возьмите въ соображеніе, что, поѣвъ борща, Андрюша, вѣроятно, собиралъ книжки, одѣвался, на это тоже ушло нѣсколько минутъ. Такимъ образомъ, я не погрѣшу противъ истины, если скажу, что Ющинскій ѣлъ борщъ въ половинѣ шестого, безъ двадцати минутъ шесть, не позже. Теперь отсчитайте четыре часа: получите половину десятаго, безъ двадцати минутъ десять—вотъ время, когда Андрюша былъ убитъ. Но, вѣдь, нѣкоторое время занялъ и самый актъ убійства: по опредѣленію экспертовъ 15 минутъ, причемъ этотъ срокъ, говорятъ они, скорѣе минимальный, скорѣе больше 15 минутъ, но ужъ никакъ не меньше; проф. Сикорскій даже говоритъ, что, 20, 25 минутъ. Возьмемъ 15 минутъ, отсчитаемъ: когда же убійство началось, когда Андрюша попалъ во власть убійцъ? Въ четверть десятаго или самое позднее—въ половинѣ десятаго, вотъ что даютъ намъ совершенно точныя выкладки, вытекающія изъ провѣренныхъ обстоятельствъ дѣла. Когда же видятъ Андрюшу на Верхне-Юрковской улицѣ и кто? Его видитъ тамъ утромъ 12-го марта мальчикъ Добжанскій, который, къ сожалѣнію, не можетъ опредѣлить время съ полной точностью, въ часахъ и минутахъ; видятъ Шаховскіе, показаніе которыхъ въ этой части не заподозрѣно и очень точно. Фонарщикъ Казиміръ Шаховскій говоритъ, что онъ 12 марта, рано утромъ, возвращался отъ своего подрядчика Балашова, гдѣ получилъ рубль въ счетъ жалованья, домой и неподалеку (а онъ, Шаховскій, живетъ рядомъ съ Чеберяковой) увидѣлъ Женю и Андрюшу. Сколько времени было? Свидѣтель говоритъ: послѣ восьми потому, говоритъ, послѣ восьми, что монополія была открыта. Это обстоятельство, когда открывается монополія, онъ хорошо знаетъ; монополія, помѣщавшаяся подъ квартирою Чеберяковой, была открыта, а открывается она въ 8 часовъ. Пришелъ Шаховскій домой, поѣлъ кое-чего, жена его вышла въ сосѣднюю лавку, тоже увидѣла мальчиковъ, Андрюшу и Женю. Казиміръ справилъ свои птицеловныя принадлежности и пошелъ на Куреневку ловить птицъ. Вышелъ и видитъ: мальчики еще стоятъ недалеко отъ монополіи. Сколько прошло времени, пока свидѣтель былъ дома? онъ говоритъ: 10—15 минутъ.

И мы должны признать, что скорѣе больше, чѣмъ меньше. Что же мы получаемъ въ итогѣ: въ четверть девятаго Андрюшу видятъ у лавки, а уже въ четверть десятаго онъ во власти своихъ мучителей. Часъ,—скорѣе меньше часа, чѣмъ больше,—вотъ какой короткій срокъ!

Итакъ, мы установили твердо, что мальчикъ передъ убійствомъ былъ у входа на заводъ, въ той части завода, гдѣ всѣмъ распоряжается, гдѣ фактическимъ хозяиномъ является Мендель Бейлисъ. Дальше нашему разрѣшенію подлежитъ вопросъ: пошелъ Андрюша на заводъ, на мяло или нѣтъ? Какія данныя мы здѣсь имѣемъ? Показаніе Шаховскаго: ему Женя черезъ день-два разсказывалъ, что пошелъ съ Андрюшей кататься на мяло; тамъ ихъ спугнулъ кто-то, не то «мужчина съ черной бородой», не то прямо Бейлисъ. Почему въ этомъ Шаховскому не вѣрить? Вы видѣли этого свидѣтеля—жалкаго, забитаго, запуганнаго. Несомнѣнно, что его избили передъ тѣмъ, какъ онъ пришелъ на судъ давать показаніе. Избіеніе Шаховскаго установлено, объ этомъ подробно говорилъ прокуроръ, ссылаясь на очную ставку студентовъ Голубева и Позднякова съ содержателемъ пивной лавки Добжанскимъ. Этой очной ставкой, какъ вы помните, проживающій на Верхней Юрковицѣ Добжанскій былъ вполнѣ уличенъ, что самъ же хвасталъ въ пьяномъ видѣ Голубеву и Позднякову, какъ били Шаховскаго, прибавляя, что «Бейлиса ни за что не осудятъ,—самъ Марголинъ сказалъ, что оправдаютъ».

И Шаховскій, не зная даже про болтовню Добжанскаго, тоже говорилъ, что его, Шаховскаго, били «вотъ сюда,—говорилъ свидѣтель, показывая на бокъ,—хоть трубку приставьте!»

За что же били? Вы сами знаете, какъ по этому дѣлу все или закуплено, или запугано, застращано. И если свидѣтель, котораго передъ судомъ били, на вопросы, клонящіеся къ изобличенію Бейлиса, отвѣчаетъ: «мнѣ свѣтъ милѣй», то вы поймете, почему. Какъ бы ни было, но мы имѣемъ прямое свидѣтельское показаніе, что Женя и Андрюша съ Верхней Юрковицы пошли, по словамъ Жени, на мяло, на заводъ. Но, сказавъ это черезъ день-два Шаховскому, Женя дальше замкнулся; Голубеву затѣмъ онъ сказалъ лишь, что Андрюша приходилъ къ нему незадолго до того, какъ былъ обнаруженъ трупъ Андрюши и больше ничего не пожелалъ разсказывать, а

въ слѣдующіе дни и на допросахъ у слѣдователя Женя отперся даже и отъ этого.

Причина понятная: воздѣйствіе матери. Почему же мать такъ воздѣйствовала на Женю? И на это объясненіе простое. Если бы мать сказала Женѣ: «пойди и разскажи все», то это былъ бы, я прямо скажу, нравственный подвигъ, она поступила бы, какъ велитъ совѣсть, долгъ и явно противъ своихъ выгодъ, интересовъ. Но такова ли Чеберякова, чтобы, во имя совѣсти и долга, жертвовать своими выгодами и безопасностью? Конечно, нѣтъ. Порочность и даже преступность ея отрицать невозможно. Она выжгла глаза своему любовнику, она забавлялась съ весьма многочисленными и весьма подозрительными кавалерами, она принимала краденыя вещи. Правда, преступность ея преувеличена Красовскимъ разъ въ десять, всячески росписана и разукрашена, но при всемъ томъ хвалить Чеберякову не приходится. И, разумѣется, въ настоящемъ дѣлѣ, она, какъ и вообще, руководилась не требованіями долга, а соображеніями собственнаго интереса, а соображенія эти требовали призвать Женю и сказать ему: «Не лѣзь въ эту кашу, не вздумай про заводскихъ жидовъ что-нибудь говорить, ты ввяжешь меня въ такія непріятности, что не выбраться». Совершенно независимо отъ того, причастна или непричастна Чеберякова къ убійству Ющинскаго, предполагая даже, что она совершенно непричастна, тѣмъ не менѣе должно признать, что у такой женщины хвостовъ всегда много. Сегодня ея сынъ начнетъ разоблачать заводскихъ жидовъ, а завтра заводскіе жиды донесутъ, что у Чеберяковой притонъ, краденыя вещи. И Чеберякова поступила такъ, какъ того требовала ея выгода: Женя молчалъ до самой своей смерти.

Когда Женя 8-го августа 1911 года умеръ, а за нимъ, черезъ недѣлю, умерла и его младшая сестра Валя, къ судебному слѣдователю, по повѣсткѣ, по его вызову является Василій Чеберякъ, отецъ Жени и мужъ Вѣры Чеберяковой, въ то время бывшій почтовымъ чиновникомъ, и совершенно опредѣленно разсказываетъ все то, что впослѣдствіи на дополнительномъ слѣдствіи показала единственная его дочь, оставшаяся въ живыхъ, Людмила. Василій Чеберякъ, со словъ своихъ дѣтей, показалъ, что они пошли съ Андрюшей кататься на мяло, тамъ за ними бросились жиды и Мендель Бейлисъ схватилъ Андрюшу.

Изъ слѣдственнаго матеріала ничего нельзя выкидывать произвольно, безъ вѣскихъ къ тому основаній. Если защита не вѣ-

ритъ Василію Чеберякову, то пусть укажетъ тому причину. Да, Вѣра Чеберякова порочная женщина, но неужели возможно по женѣ мѣрить и мужа? Всѣ свидѣтели, отзываясь очень плохо о Вѣрѣ Чеберяковой, тщательно отдѣляютъ отъ нея Василія Чеберякова; всѣ они говорятъ, что Василій Чеберяковъ во всѣхъ похожденіяхъ своей жены ни малѣйшаго участія не принималъ. Да вы видѣли и жену, и мужа. Это какъ огонь и вода: насколько жена бойка, говорлива, оборотиста, настолько мужъ жалокъ, загнанъ жизнью, забитъ. Спрашивается, почему же этому человѣку не вѣрить? У судебнаго слѣдователя онъ былъ допрошенъ только одинъ разъ 20-го декабря 1911 года и показалъ то, что удостовѣрилъ и здѣсь.

Говорятъ, что Чеберяковы даютъ теперь такія показанія изъ самосохраненія. Ихъ обвиняютъ евреи и они, защищаясь, въ свою очередь обвиняютъ евреевъ. Но вѣдь до 20-го декабря 1911 года ни одинъ человѣкъ не обвинялъ Вѣру Чеберякову, вѣдь «версія о Чеберякъ» возникла лишь въ апрѣлѣ, въ маѣ 1912 года. Какія же основанія не вѣрить Василію Чеберякову? Ихъ нѣтъ!

Лишь на дополнительномъ слѣдствіи, лѣтомъ 1912 года, вызываютъ наконецъ десятилѣтнюю Людмилу Чеберякову и она разсказываетъ все то, что разсказывалъ раньше съ ея словъ ея отецъ: «Да, пришелъ Андрюша Ющинскій, мы затѣяли кататься на мялѣ, позвали Дуню Наконечную и, кажется, Назара Заруцкаго. (*Кажется*—былъ ли Назаръ Заруцкій, она въ точности не помнитъ). Пошли, начали кататься; погнались евреи; Бейлисъ схватилъ Андрюшу и Женю. Женя вывернулся, убѣжалъ, а Андрюша остался.

Какія данныя не вѣрить показанію Люды? Говорятъ, мать научила. Но, вѣдь, то же самое показывалъ и Василій Чеберякъ еще 20 декабря.

Говорятъ, что ея слова не подтверждаются другими свидѣтельскими показаніями.

Дѣйствительно, Назаръ Заруцкій заявилъ слѣдователю, что на мялѣ тогда не катался, но вѣдь Людмила объясняетъ, что «кажется» былъ Заруцкій—навѣрное она этого не помнитъ, такъ что прямого противорѣчія между Людмилой и Заруцкимъ еще нѣтъ.

А Дуня Наконечная? Подтверждаетъ ли она показаніе Люды?

Дуня говоритъ на предварительномъ слѣдствіи относительно того времени, когда Ющинскіе уже переѣхали на Слободку, бук-

вально слѣдующее: «Одинъ разъ я его (Андрюшу) видѣла на Рождествѣ передъ тѣмъ, какъ его убили; второй разъ я видѣла Андрюшу въ посту передъ Пасхой въ прошломъ (т. е. въ 1911) году», и затѣмъ свидѣтельница описываетъ, что всѣ они — Дуня, Люда, Валя, Женя, Андрюша—дѣйствительно пошли кататься на мялѣ, пришли, катались, но вотъ дальше противорѣчіе: Люда говоритъ, что за ними гнались жиды, а Дуня говоритъ, что никакихъ жидовъ не было и дѣти благополучно съ мяла ушли сами. Но на мялѣ въ посту 1911 года катались! И несомнѣнно, что разсказъ Дуни относится именно къ 12 марта и ни къ какому другому числу относиться не можетъ, потому что въ посту Андрюша,—это точно установлено,—былъ только разъ на Лукьяновкѣ, 12-го марта.

Итакъ, что же Дуня — опровергаетъ или подтверждаетъ показаніе Люды?

Въ той части, крайне важной для насъ, что дѣти пошли отъ усадьбы Захарченко на заводъ, а не куда-либо въ иное мѣсто— подтверждаетъ, но вотъ въ другой части, что погнались евреи— опровергаетъ.

Подумаемъ, не найдемъ ли мы объясненія и этому странному обстоятельству.

Дуня Наконечная — дочь свидѣтеля Михаила Наконечнаго, такъ называемаго «Лягушки», который выступилъ здѣсь прямотаки съ защитительной рѣчью за Бейлиса, твердилъ намъ, что онъ не допускаетъ и мысли объ его виновности, и, не ожидая вопросовъ, въ чрезвычайномъ возбужденіи привелъ цѣлый рядъ своихъ соображеній, что Бейлисъ никакъ не могъ совершить убійства Андрюши. По профессіи Лягушка — сапожникъ, но въ то же время онъ и ходатай по дѣламъ, пишетъ прошенія, даетъ совѣты, человѣкъ въ такого рода дѣлахъ наторѣвшій.

Теперь допустимъ на минуту, что Люда говоритъ правду, что Дуня Наконечная не только была съ ними на мялѣ, но и видѣла, какъ погнались евреи и какъ Бейлисъ схватилъ Андрюшу. Въ такомъ случаѣ, что же произошло дальше? Это не могло остаться неизвѣстнымъ и Дунину отцу, Михаилу Наконечному. Если Дуня все это видѣла, то, несомнѣнно, или сейчасъ, или послѣ, но ея отецъ это отъ нея узналъ. Какъ же долженъ былъ поступить Михаилъ Наконечный? Или, согласно требованію совѣсти и долга, пойти и разсказать обо всемъ властямъ, или, по соображенію выгоды, пользы и личной безопас-

ности, сказать Дунѣ совершенно то же, что Вѣра Чеберякова сказала Женѣ: «Не вздумай болтать, не путайся въ это дѣло, не смѣй разсказывать про жидовъ». И Дуня *про жидовъ* ничего не говорила, она сказала лишь: «мы пошли кататься на мялѣ» и тутъ поставила точку.

— А жидовъ не было?

— Нѣтъ, жидовъ не было.

Въ то время дѣвочка не понимала, какую огромную улику она даетъ въ первой части своего показанія. Ей было сказано: «про жидовъ не говори». Она это исполнила, о жидахъ не говорила, а про остальное разсказала правду. Но потомъ выяснилось, что эта правда, хотя и безъ прямого упоминанія о жидахъ, даетъ противъ жидовъ страшную улику и мы видѣли, что здѣсь, на судѣ, Дуня Наконечная отъ своего первоначальнаго показанія, даннаго судебному слѣдователю, всячески старалась отвертѣться. Она пробовала говорить намъ совсѣмъ другое и замѣчательно сравненіе ея показанія съ показаніемъ Назара Заруцкаго. Назаръ Заруцкій на предварительномъ слѣдствіи показалъ такъ: «12-го марта меня на мялѣ не было, да и всего-го я катался тамъ раза два, я боюсь оттуда упасть и расшибиться». Другими словами, онъ показалъ совсѣмъ не то, что Дуня, но вотъ, приходятъ они на судъ и оба показываютъ по иному, чѣмъ на предваригельномъ слѣдствіи, причемъ здѣсь, на судѣ, показанія и Назара Заруцкаго, и Дуни Наконечной совпадаютъ точка въ точку. Оба говорятъ, что до осени 1910 года катались на мялѣ часто, а осенью 1910 года построили высокій, непроходимый заборъ и послѣ того ни они, ни кто-либо другой изъ дѣтей на мялѣ уже не катался. То есть, другими словами, они показали буквально то, что говорилъ намъ на судѣ и Михаилъ Наконечный. На предварительномъ слѣдствіи дѣти заявляли совсѣмъ другое и разнорѣчили между собою. Тутъ ихъ показанія совпали какъ между собой, такъ и съ показаніями Михаила Наконечнаго, совпали въ удостовѣреніи обстоятельства измышленнаго, ибо, какъ это твердо установлено, никакого новаго забора, высокаго и непроходимаго, осенью 1910 г. никто не воздвигалъ. Не въ правѣ ли я, г.г. присяжные засѣдатели, сдѣлать выводъ, что и Дуня и Назаръ научены такъ показывать Михаиломъ Наконечнымъ, который стремится вытравить эту улику, улику страшную, что Дуня каталась на мялѣ съ Людмилой, Андрюшей, Женей и Валей 12 марта 1911 года.

Вдумайтесь, гг. присяжные засѣдатели, какъ образовалось показаніе Дуни Наконечной. Я считаю, что, при такихъ условіяхъ, оно не опровергаетъ показанія Людмилы, а, наоборотъ, его подтверждаетъ.

Михаилъ Наконечный началъ выгораживать Бейлиса давно. Еще лѣтомъ 1911 года, какъ только появился Шаховскій, Наконечный побѣжалъ къ судебному слѣдователю, безъ вызова, и заявилъ: «Не вѣрьте тому, что показываетъ на Бейлиса Шаховскій, онъ говоритъ противъ него по злобѣ, онъ хвасталъ, что пришьетъ Менделя къ дѣлу». Вотъ когда Наконечный уже сталъ адвокатомъ Бейлиса. Если онъ тогда устремился къ слѣдователю и сталъ ему это разсказывать, то, разумѣется, онъ сказалъ и дочери: «Не смѣй говорить о томъ, что ты видѣла, не смѣй путать жидовъ»—иначе и быть не могло. Мнѣ скажутъ, что это предположеніе. Да, но иныя предположенія по своей логической связи столь же сильны, какъ и факты. Но подойдемъ къ этому предположенію съ другого конца, который идетъ отъ Бейлиса.

Въ дѣлѣ есть письмо, которое писалъ Бейлисъ изъ тюрьмы своей женѣ и послалъ черезъ арестанта Казаченко. Письмо перехвачено. Изъ письма явствуетъ, что Бейлисъ весьма довѣрялъ Казаченкѣ. Онъ пишетъ женѣ прямо: «На этого человѣка положись, это все равно, что я самъ». Пишетъ дальше о свидѣтеляхъ: «Это мои враги, которые показываютъ на меня ложно». А какъ расправляются евреи со своими врагами — это вамъ, близко знакомымъ съ еврействомъ, — хорошо извѣстно. Дальше читаемъ въ письмѣ: «Дай денегъ на расходъ; если этотъ человѣкъ спроситъ денегъ, дай ему, сколько надо». И въ концѣ письма упоминаніе о присяжномъ повѣренномъ Виленскомъ. На эту фамилію обратите вниманіе. Присяжный повѣренный Виленскій, какъ выяснилось изъ показанія подполковника Иванова и изъ письма Феофилактова, это былъ кассиръ, это былъ человѣкъ, который завѣдывалъ по дѣлу денежными выдачами свыше 50 рублей. Значитъ, что же пишетъ Бейлисъ: 1) Довѣрься Казаченкѣ, 2) имѣй въ виду, что свидѣтели, которые на меня показываютъ — это враги, 3) дай денегъ на расходъ, 4) вспомни о Виленскомъ.

Что же показываетъ по поводу этого письма самъ Казаченко и можемъ ли мы Казаченкѣ вѣрить? Защита понимала, какая ужасная улика заключалась въ его показаніи и вы-

звала спеціальнаго свидѣтеля, для того, чтобы Казаченко опорочить. Но, по моему, неудачно. Это свидѣтель Синява. Онъ говоритъ, что Казаченко пришелъ однажды на Зайцевскій заводъ и тогда Синява, будто бы, сказалъ управляющему заводомъ еврею Дубовику: «Пане Мотко, держись за карманъ». Тотъ спросилъ,—«почему?»—«Да Казаченко плохой человѣкъ. Сначала я у него гостилъ, потомъ онъ у меня. Тутъ была еврейская свадьба. Онъ хотѣлъ евреевъ на свадьбѣ бить, а потомъ взялъ у меня 3 рубля и не отдалъ». Какія же еще данныя, кромѣ сего страннаго показанія Синявы, имѣются для опороченія Казаченко? Больше ничего. Скажутъ, что свидѣтель сидѣлъ въ тюрьмѣ. Да, это правда, но приговоромъ присяжныхъ былъ оправданъ. Впрочемъ, я, конечно, не настаиваю, что Казаченкѣ надо вѣрить только потому, что онъ Казаченко. Это тѣмъ болѣе, что самого свидѣтеля мы не видѣли. Свидѣтель на судъ, за нерозыскомъ, не явился и мы о его показаніи можемъ судить лишь по протоколу предварительнаго слѣдствія. Я хочу только сказать, что если у насъ нѣтъ твердаго основанія для того, чтобы вѣрить на слово Казаченкѣ, то нѣтъ и достаточныхъ данныхъ, чтобы ему не вѣрить, считать его человѣкомъ лживымъ. Значитъ, для рѣшенія вопроса, правду ли онъ говоритъ, надо обратиться не къ личности свидѣтеля, а къ разбору его показанія. Что же показываетъ намъ Казаченко? «Сидя въ тюрьмѣ,—говоритъ онъ,—я вошелъ въ довѣріе къ Бейлису, и Бейлисъ, видя, что меня, какъ оправданнаго, отпускаютъ на свободу, попросилъ, чтобы я ему помогъ. Онъ сказалъ, что надо отравить Фонарщика и Лягушку. Самое лучшее, всыпать имъ стрихнинъ въ водку. Ты,—говорилъ Бейлисъ—пойди къ моей женѣ на заводъ, тамъ есть лечебница, въ ней получишь стрихнинъ, а денегъ тебѣ дадутъ для начала рублей 500, а если удастся, то столько денегъ получишь, что хватитъ на всю жизнь».

Вотъ и разберемся, можно ли выдумать такое показаніе, можно ли его изобрѣсти. Мы убѣдились, что, когда свидѣтели приходили съ измышленными разсказами, то ихъ измышленія сейчасъ же и выплывали наружу, выяснялось, что это выдумка. А здѣсь? Передъ нами прошло 200 свидѣтелей. Я васъ спрашиваю, кто изъ этихъ свидѣтелей, по своимъ показаніямъ, важнѣе, опаснѣе для Бейлиса, чѣмъ Фонарщикъ и Лягушка. Могъ ли Казаченко это знать? Могъ ли Казаченко, сидя въ тюрьмѣ,

додуматься, что именно эти свидѣтели, Фонарщикъ и Лягушка, могутъ быть роковыми для Бейлиса, могъ ли это кто-нибудь подсказать Казаченко со стороны?

Я прямо вамъ говорю — нѣтъ. Огромное значеніе, которое имѣетъ въ дѣлѣ Михаилъ Наконечный, отецъ Дуни Наконечной, выяснилось только впослѣдствіи, уже во время дослѣдованія, въ 1912 году; это выяснилось тогда, когда заговорила Вѣра Чеберякова, когда появилась Люда и когда она сослалась на Дуню — вотъ когда выяснилось, что въ рукахъ у Михаила Наконечнаго была погибель Бейлиса, потому что, если бы Михаилъ Наконечный пришелъ къ слѣдователю и сказалъ: «Господинъ слѣдователь, моя дочь все видѣла, и она вамъ все разскажетъ. Да, вмѣстѣ съ Людой, Валей и Женей Чеберяковыми она и Андрюша катались на мялѣ 12 го марта; она видѣла, какъ бросились за Андрюшей евреи, какъ Бейлисъ схватилъ Андрюшу и поволокъ», если бы Михаилъ Наконечный пришелъ къ слѣдователю и это разсказалъ, если бы Дуня Наконечная это подтвердила — вы сами понимаете, какой оборотъ приняло бы дѣло, вы сами понимаете, какое громаднѣйшее значеніе имѣлъ бы этотъ свидѣтель.

Казаченко «выдумываетъ», но какъ выдумываетъ! Своей выдумкой онъ попалъ въ такихъ двухъ свидѣтелей, какъ Шаховскій и Лягушка. Пусть Казаченко плохой человѣкъ, не заслуживающій довѣрія, но можно было такъ выдумать, или нельзя? Я утверждаю, что такъ придумать невозможно, и вѣдь это подтверждается письмомъ, въ письмѣ написано: «Мои враги, которые показываютъ ложно», «дай денегъ на расходы»—и упоминаніе о Вилепскомъ.

Гг. присяжные засѣдатели. Когда мы сопоставляемъ съ одной стороны разсказъ Люды, сначала наполовину подтвержденный Дуней, а потомъ отрицаніе этой Дуни, которая говоритъ: «Нѣтъ, нѣтъ, евреи тутъ не при чемъ», когда мы видимъ эту страстную защиту Бейлиса Наконечнымъ, когда намъ говорятъ, что было предписано отравить Фонарщика и Лягушку—Шаховскаго и Наконечнаго,—то вѣдь для насъ становится понятнымъ, что такія совпаденія случайными быть не могли, что дѣло было дѣйствительно такъ, какъ я говорилъ вамъ, что отъ усадьбы Захарченко дѣти пошли на мяло, пошла и Люда, и Дуня, которыя все видѣли и которымъ запретили о видѣнномъ говорить. А затѣмъ судьба ихъ была различна: Люда заговорила,

потому что загадочно умеръ ея братъ, заговорилъ ея отецъ, Василій Чеберякъ. Дуня не заговорила, потому что, вмѣсто того, чтобы отравлять ея отца, нашли болѣе удобное, болѣе подходящее средство.

Тутъ возможно еще только одно возраженіе. Мнѣ скажутъ: вѣдь убійство было заранѣе обдумано, у убійцъ былъ, несомнѣнно, заранѣе разработанный планъ и по этому плану они дѣйствовали. А приходъ дѣтей на мяло—явленіе случайное, дѣти могли пойти туда, а могли и не пойти. Какъ же исходъ очень тонко задуманнаго предпріятія ставить въ зависимость отъ случайнаго явленія? Но это противорѣчіе только кажущееся.

За Андрюшей Ющинскимъ, несомнѣнно, была слѣжка черезъ проживавшаго недалеко отъ него на слободкѣ еврея Арендаря. Г. прокуроръ подробно говорилъ вамъ объ этомъ. Слѣдовательно, евреи могли прекрасно знать, что въ субботу 12-го марта Андрюша, у котораго вышелъ весь порохъ, нужный ему для ружьеца, пойдетъ за порохомъ къ Женѣ Чеберяку и будетъ около завода. Если они это знали, то въ ихъ распоряженіи былъ рядъ совершенно вѣрныхъ и безошибочныхъ способовъ заманить Андрюшу на заводъ. Одинъ изъ такихъ способовъ я прямо укажу. Вы знаете, какъ Андрюша Ющинскій, незаконнорожденный, байструкъ, бредилъ своимъ отцомъ. И вотъ, оказывается, нашелся благодѣтельный «дядя Павелъ»,—Файвель Бунимовъ Шнеерсонъ, проживавшій у Бейлиса на заводѣ и часто посѣщавшій Арендаря, который, отбывая воинскую повинность на Дальнемъ Востокѣ, якобы зналъ отца Андрюши, который уѣхалъ на Дальній Востокъ и не вернулся. Слѣдовательно, приманить ребенка на заводъ нѣтъ ничего проще. Стоитъ только «дядѣ Павлу» подойти къ Андрюшѣ Ющинскому и сказать: «Андрюша, я только что получилъ письмо отъ твоего отца и фотографическую его карточку; пойдемъ, я покажу тебѣ», и мальчикъ пошелъ бы. Разъ за нимъ была слѣжка, то могли безошибочно знать, что заманить его на заводъ будетъ легко. Его привлекли къ Женѣ Чеберяку за порохомъ, и ждали, что будетъ дальше. Мальчикъ самъ пошелъ на мяло. Великолѣпно. Этимъ воспользовались тѣ, кто за нимъ слѣдилъ. А если бы онъ самъ не пошелъ на мяло, то его заманили бы на заводъ, хотя бы этимъ письмомъ отъ отца. Такимъ образомъ, кажущаяся случайность того, что онъ былъ на мялѣ, нисколько не идетъ въ разрѣзъ съ общей планомѣрностью всего дѣянія.

Но вотъ Андрюша погибаетъ. Что же происходитъ дальше на заводѣ и около завода? Прежде всего оказывается, что за Женей Чеберякомъ, и притомъ дважды, кто-то гонится. Разъ его хватаетъ кто-то за руку и говоритъ: «покажи пещеру», Женя вырывается и убѣгаетъ. Другой разъ, когда онъ съ дѣтьми Волощенковыми, вечеромъ, вышелъ изъ дому, два какіе-то человѣка бросились за ними и только чеберяковскія собаки помѣшали этимъ незнакомцамъ, кинувшись на нихъ. Люда говоритъ, что изъ окна своей квартиры видѣла этихъ людей и одинъ былъ похожъ на Шнеерсона. Скажутъ: выдумка лживыхъ дѣтей; однако, здѣсь были дѣвочки Волощенковы, свидѣтельницы ничѣмъ не опороченныя, и онѣ это подтверждаютъ.

Скажутъ, что это случай. Какая же, молъ, тутъ связь съ дѣломъ Бейлиса? Погнались случайно, мало ли какой хулиганъ погонится! Пусть такъ, но вотъ двѣ собоки, которые помѣшали погонѣ, очень скоро околѣваютъ неизвѣстно отъ чего. Отравили ихъ или сами онѣ подохли,—неизвѣстно.

Опять случай, опять скажутъ, что никакой связи съ дѣломъ онъ не имѣетъ.

Какъ разъ послѣ ареста Бейлиса умираютъ въ началѣ августа 1911 г. Женя и Валя Чеберяковы при ужасной обстановкѣ Женя мечется, вспоминаетъ Андрюшу, бредитъ и умираетъ тяжелой смертью. Сколько, вообще, тяжелыхъ смертей въ этомъ дѣлѣ! Оказывается, Женя умеръ отъ дизентеріи. Случай. Да, можетъ быть, случай, а можетъ быть его нарочно заразили съ цѣлью умертвить путемъ отравленія. Что было на самомъ дѣлѣ, мы не знаемъ. Опять случай, но уже случаевъ накапливается довольно много, а вѣдь есть предѣлъ, послѣ котораго мы говоримъ: нѣтъ, довольно; разъ случай, два, три случая, а уже дальше—нѣтъ, это не случаи, это нѣчто разсчитанное и планомѣрное.

Что же происходитъ дальше?

10-го октября горятъ на заводѣ конюшня и сарай. Опять случай. Но сгорѣло то, что надо. Лошадей всѣхъ вывели, даже хомуты и почти всю упряжь вынесли, имущество семьи Бейлиса спасли, а вотъ постройки сгорѣли: конюшня, квартира при ней и сарайчикъ. Загорѣлось отъ неизвѣстной причины и пожаръ уничтожилъ именно тѣ постройки, которыя навлекаютъ наибольшее подозрѣніе, не въ нихъ ли было совершено убійство Андрюши. Вы, г.г. присяжные засѣдатели, видѣли во

время осмотра это мѣсто и вѣроятно помните, насколько оно дикое, глухое, прикрытое откосами.

Но случаи этимъ не оканчиваются.

Среди обитателей завода каждый можетъ намъ сказать, почему онъ жилъ на заводѣ, какое онъ имѣлъ основаніе для пребыванія тамъ. Дубовикъ—управляетъ заводомъ съ Кирилловской улицы; Мендель Бейлисъ завѣдуетъ и распоряжается съ Верхне-Юрковской; возчики—возятъ кирпичи; дворникъ—его обязанности извѣстны; шорникъ—починяетъ заводскую упряжь; пальщикъ ремонтируемъ печки. Однимъ словомъ, каждый можетъ съ точностью сказать, какое основаніе онъ имѣетъ, чтобы проживать на заводѣ и только одинъ человѣкъ живетъ тамъ безъ всякаго видимаго основанія и имя этого человѣка—Файвель Шнеерсонъ. Только одинъ онъ жилъ на заводѣ безъ всякаго видимаго основанія. И значится онъ прописаннымъ на заводѣ—когда же?—12-го марта 1911 г., въ день убійства Ющинскаго. Опять случай. Все случай. Но что же этотъ Шнеерсонъ—«торговецъ сѣномъ»—изъ себя представляетъ? Родомъ онъ изъ Любавичъ, а Любавичи это гнѣздо хасидизма, тамъ наслѣдственные цадики изъ семьи Шнеерсоновъ. Оффиціальныя свѣдѣнія о нихъ, какъ объ отъявленныхъ изувѣрахъ, свѣдѣнія, восходящія къ сороковымъ годамъ прошлаго вѣка, вамъ читали. На нихъ останавливался прокуроръ. По Саратовскому дѣлу мы знаемъ, что кровь посылалась изъ Саратова въ Любавичи, любавическому раввину. Вотъ изъ этихъ-то Любавичей родомъ Шнеерсонъ. Опять случай. Дѣло идетъ о ритуальномъ убійствѣ и на заводѣ единственный человѣкъ, живущій тамъ безъ всякаго видимаго основанія, оказывается изъ рода тѣхъ цадиковъ, которые давно считались главарями еврейскаго изувѣрства. Оказывается, что этотъ Шнеерсонъ ходилъ на Слободку, былъ у Арендарей, но разсказывать намъ объ этомъ не хочетъ. Этотъ Шнеерсонъ всячески отрекается отъ Андрюши Ющинскаго: «Не знаю, никогда его не видалъ». Я спросилъ Шнеерсона: «А что, когда былъ найденъ трупъ Ющинскаго, вы не поинтересовались пойти посмотрѣть, какой это убитъ мальчикъ, вѣдь это около васъ, около Лукьяновки?»

Шнеерсонъ отвѣчалъ: «Нѣтъ, не интересовался».

Между тѣмъ, бабушка Андрюши, Олимпіада Нѣжинская, удостовѣряетъ, что, пока они жили на Лукьяновкѣ, то она, то

Андрюша постоянно ходили къ Шнеерсону за сѣномъ для коровы, и Шнеерсонъ прекрасно зналъ Андрюшу.

А вотъ еще «случай», который удостовѣряетъ, со словъ своихъ дѣтей, Василій Чеберякъ, въ чемъ его подтверждаетъ Люда: передъ убійствомъ Ющинскаго, она и Женя застали у Менделя Бейлиса, придя туда за молокомъ, двухъ евреевъ страннаго вида, одѣтыхъ въ необычную одежду.

Опять скажутъ намъ, что дѣти выдумали, изобрѣли.

Выдумали! Но посмотрите, какъ совпала эта ихъ выдумка съ тѣмъ временемъ, когда на территоріи завода происходила закладка синагоги, молитвеннаго дома, о чемъ вѣдь ни Люда, ни Женя, ни даже Василій Чеберякъ 20-го декабря знать не знали и что выяснилось лишь впослѣдствіи. Закладывали эту синагогу совсѣмъ въ другой части завода, до которой Василій Чеберякъ, бывшій постоянно на службѣ, никакого касательства не имѣлъ, да и, закладывая, скрывали и отъ окружающихъ христіанъ и отъ правительства, что это с нагога: увѣряли, что собираются строить столовую для богадѣльни.

Значитъ, какъ ловко выдумала Люда: изобрѣла, что пріѣхали два раввина какъ разъ тогда, когда была закладка синагоги. Но этого мало. Къ кому пріѣхали эти два раввина? Оказывается, они пріѣхали и остановились у того человѣка, который далеко не чуждъ еврейскихъ религіозныхъ обрядовъ, который ѣздилъ нѣсколько лѣтъ подрядъ изъ Кіева въ Григоровку на грандіозное печеніе мацы сотней пудовъ.

Какъ ловко, однако, соврала дѣвочка! Эти два раввина, которыхъ она выдумала, пріѣзжаютъ въ квартиру человѣка, который самъ участвуетъ въ религіозныхъ обрядахъ, хотя бы и въ видѣ служебнаго персонажа, у котораго живетъ Шнеерсонъ, происходящій изъ рода Любавическихъ падиковъ.

Подумайте, г.г. присяжные засѣдатели, можно ли соврать такъ, чтобы послѣдующія обстоятельства, въ моментъ вранья неизвѣстныя, совпали съ враньемъ точка въ точку. Событія, о которыхъ «вравшая» дѣвочка знать не могла, всѣ подтвердили ея «вранье».

Опять случай!

Г.г. присяжные засѣдатели, неужели я не въ правѣ сказать, что все это не случаи, что даже для самаго недовѣрчиваго человѣка случаевъ слишкомъ много, что это обстоятельства, кото-

рыя возникаютъ планомѣрно, послѣдовательно, въ тѣсной связи одно съ другимъ.

Кирпичный заводъ Зайцева былъ не только мѣстомъ выдѣлки кирпича, но и мѣстомъ религіознаго сосредоточенія евреевъ. Тамъ живетъ Шнеерсонъ, тамъ живетъ ѣздившій на печеніе мацы Бейлисъ, туда пріѣзжаютъ два раввина и тамъ, потихоньку отъ правительства, воздвигается еврейскій молитвенный домъ. Андрюша Ющинскій, такъ ужасно погибшій, былъ утромъ 12-го марта около завода; передъ самымъ моментомъ убійства зашелъ на заводъ, катался тамъ на мялѣ, какъ разъ въ тотъ періодъ времени, когда производилась закладка синагоги и пріѣхали раввины. Тамъ Андрюша пропалъ и затѣмъ мы видимъ его трупъ, принесенный въ пещеру съ завода.

Убійство совершено на заводѣ, убійца — Мендель Бейлисъ, безъ его вѣдома и согласія не могло быть такого убійства!

Съ разборомъ фактической части настоящаго дѣла я почти покончилъ. Мнѣ осталось изложить вамъ только одинъ эпизодъ—разобраться въ вопросѣ о работахъ на Зайцевскомъ заводѣ. Намъ стараются представить дѣло такъ, что къ 12-му марта 1911 г. работы по вывозкѣ кирпича были на заводѣ въ полномъ разгарѣ, а это дѣлало невозможнымъ совершеніе убійства. Всюду были подводы, рабочіе, убивать при нихъ было немыслимо.

Дѣйствительно, на предварительномъ слѣдствіи были допрошены судебнымъ слѣдователемъ по особо важнымъ дѣламъ, согласно ссылкѣ Менделя Бейлиса, три свидѣтеля—Андрей Калитенко, Мина Калитенко и Григорій Усенко, которые заявили, что они, рабочіе изъ села Гребенокъ, Кіевской губ., пріѣхали на заводъ въ первыхъ числахъ марта и къ 12-му марта работы были уже въ полномъ ходу. Кромѣ нихъ, работали тогда на заводѣ еще могилевскіе и черниговскіе рабочіе — всѣ усиленно возили кирпичъ, а пальщикъ Борисъ Бобровскій, тоже изъ Гребенокъ, чинилъ обжигательную печь. Тогда показаніе этихъ свидѣтелей, жившихъ во время допроса какъ разъ на Зайцевскомъ заводѣ, никакихъ сомнѣній не вызвало. Но вмѣстѣ съ этими тремя рабочими работалъ и ихъ товарищъ Іовъ Зеленскій. Для полноты предварительнаго слѣдствія, судебный слѣдователь допросилъ по отдѣльному требованію (не лично, а че-

резъ другого судебнаго слѣдователя) въ мѣстечкѣ Фастовѣ этого Іова Зеленскаго. Онъ заявилъ совершенно опредѣленно: «Да, въ мартѣ 1911 г. мы всѣ работали на заводѣ и вмѣстѣ туда пріѣхали — я, Андрей Калитенко, Мина Калитенко, Григорій Усенко и съ нами пальщикъ Бобровскій. А пріѣхали мы вотъ когда: на праздникъ сорока мучениковъ (въ среду, 9-го марта) мы всѣ еще были у себя дома въ Гребенкахъ, потомъ еще день обождали (т.-е. четвергъ, 10-ое марта); выѣхали 11-го, въ пятницу, и пріѣхали на заводъ подъ вечеръ въ субботу». Другими словами, во время убійства, утромъ 12-го марта, никого изъ кіевскихъ рабочихъ на заводѣ не было, какъ это съ полной очевидностью вытекаетъ изъ показанія Іова Зеленскаго.

Въ виду такого противорѣчія, судебный слѣдователь вызвалъ вновь, уже въ Фастовъ, для передопроса, Андрея Калитенко, Мину Калитенко, Григорія Усенко и спрашиваетъ ихъ: «Какъ же, братцы, вы говорите, что въ началѣ марта, числа со 2-го, 3-го вы уже работали на заводѣ, а вотъ вашъ товарищъ разсказываетъ, что на сорокъ мучениковъ всѣ вы еще были въ деревнѣ?»

Отрицать этотъ фактъ ни Андрей Калитенко, ни Мина Калитенко, ни Григорій Усенко не могли, потому что, если бы они вздумали отпираться, то вся деревня ихъ бы изобличила и удостовѣрила, что на сорокъ мучениковъ всѣ они были въ Гребенкахъ. Равнымъ образомъ и пальщикъ Бобровскій долженъ былъ признать на очной ставкѣ съ Іовомъ Зеленскимъ справедливость показанія послѣдняго. Итакъ, 12-го, утромъ, въ субботу, никого изъ нихъ на заводѣ не было. Но обратите вниманіе, что происходитъ дальше: являются эти свидѣтели въ судъ и опять всѣ, кромѣ Іова Зеленскаго, мѣняютъ свои показанія съ явной цѣлью выкрутиться такъ, будто бы 12-го марта утромъ они были на заводѣ. Посмотрите, напримѣръ, какъ мѣняетъ свое показаніе Андрей Калитенко Онъ говоритъ: «Правда, на сорокъ мучениковъ я былъ въ деревнѣ и даже въ тотъ день съ Іовомъ Зеленскимъ ѣздилъ на ярмарку въ Бѣлую Церковь покупать лошадь, но въ Кіевъ я выѣхалъ сразу же послѣ этого, не 11-го, какъ говоритъ Зеленскій, а 10-го». Значитъ, уже вечеромъ въ пятницу Андрей Калитенко былъ на заводѣ, и можетъ удостовѣрить, что 12-го марта утромъ, въ субботу, тамъ все было чинно, мирно и никто никого на заводѣ не убивалъ.

Итакъ, по сравненію съ прежними показаніями Андрея Калитенко, совсѣмъ новая версія, на которой, однако, онъ сейчасъ же попадается. Его спрашиваютъ:

— «Вы покупали лошадь?»

— «Да, говоритъ,—купилъ въ Бѣлой Церкви на ярмаркѣ».

— «Отъ Бѣлой Церкви до Гребенокъ 18 верстъ проѣхали?»

— «Проѣхалъ».

— «Какъ же вы, сдѣлавъ такой конецъ, не давъ лошади отдохнуть, на слѣдующій же день поѣхали въ Кіевъ?»

— «Понадобилось, и поѣхалъ».

Особой надобности, однако, никакой не видно.

Но, мало того: оказывается, въ первоначальномъ протоколѣ судебнаго слѣдователя записано, что Андрей Калитенко работалъ на трехъ лошадяхъ. Его и спрашиваютъ здѣсь на судѣ:

— «Вы говорите, что одну лошадь купили въ Бѣлой Церкви, а откуда же взялись еще двѣ?»

— «Я ихъ купилъ въ Кіевѣ»,—принужденъ отвѣтить Андрей Калитенко.

Г.г. присяжные засѣдатели, среди васъ много крестьянъ и для васъ ясно, что это неправда, что, само собой разумѣется, Калитенко всѣхъ трехъ лошадей покупалъ не въ Кіевѣ, гдѣ лошади гораздо дороже, а на деревенскихъ ярмаркахъ, гдѣ онѣ значительно дешевле.

Посмотрите теперь, какъ мѣняетъ на судѣ свое показаніе пальщикъ Бобровскій. Какъ уже упомянуто, онъ сначала показалъ, что работалъ на заводѣ съ первыхъ чиселъ марта и 12-го былъ тамъ несомнѣнно — чинилъ печь съ какими-то другими рабочими, но съ какими—неизвѣстно. Потомъ, въ Фастовѣ, на очной ставкѣ съ Зеленскимъ, Бобровскій долженъ былъ признать, что 12-го марта на заводѣ не былъ и что въ Кіевъ они пріѣхали изъ Гребенокъ всѣ вмѣстѣ, гуртомъ.

Что же онъ разсказываетъ намъ теперь на судѣ? Оказывается, онъ пріѣхалъ, будто бы, на заводъ 7-го марта, когда и всталъ на работу. Проработалъ 4 дня, а потомъ управляющій заводомъ еврей Дубовикъ сказалъ ему: «Поѣзжай въ Гребенки, привези рабочихъ, надо начинать возку». Бобровскій поѣхалъ и рабочихъ привезъ. Такимъ образомъ, оказывается, что онъ работалъ на заводѣ четыре дня — 8-го, 9-го, 10-го и 11-го, а уѣхалъ 12-го, т.-е. утромъ въ субботу былъ на заводѣ и удо-

стовѣряетъ, опять-таки, что ничего подозрительнаго тамъ не происходило.

Но посмотрите, къ какому непримиримому противорѣчію ведетъ это упорное желаніе, хотя бы путемъ неправды, удостовѣрить, что, молъ, «12-го марта я былъ на заводѣ». Если Бобровскій поѣхалъ за рабочими въ Гребенки только 12-го марта, то вернуться вмѣстѣ съ ними онъ не могъ раньше 14-го, 15-го. Между тѣмъ, всѣ рабочіе изъ Гребенокъ удостовѣряютъ, что они были въ Кіевѣ раньше этихъ чиселъ.

Г.г. присяжные засѣдатели. Если кто-либо говоритъ на судѣ неправду, то, конечно, дѣлаетъ это по извѣстнымъ и весьма серьезнымъ побужденіямъ; на судѣ говорить неправду такъ себѣ, здорово живешь, никто не станетъ. Если даютъ умышленно ложныя показанія, упорно клонящіяся къ тому, что 12-го марта утромъ свидѣтели были на заводѣ, значитъ, есть кто-то иной, кто училъ ихъ такому показанію, кто уговаривалъ ихъ такъ показывать.

Еще одна подробность. Оказывается, всѣ гребенковскіе рабочіе пріѣхали по письму Дубовика. Какое было это письмо (оно не сохранилось), теперь установить трудно. Но содержаніе такого рода писемъ ясно: если управляющій заводомъ вызываетъ изъ деревни рабочихъ, то, очевидно, онъ назначаетъ имъ срокъ, когда пріѣхать—иначе такія письма не пишутся. Если эти рабочіе свободны, ничѣмъ не заняты, ничто ихъ въ деревнѣ не удерживаетъ, то они и пріѣдутъ въ тотъ срокъ, который назначенъ имъ въ письмѣ, а гребенковскихъ рабочихъ ничто въ деревнѣ не удерживало, никакой работы тамъ у нихъ не было. Когда же они пріѣхали? Пріѣхали 12-го вечеромъ. Значитъ, если въ письмѣ былъ назначенъ срокъ (а онъ несомнѣнно былъ назначенъ), то какой же срокъ?—послѣ 12-го марта! Вотъ почему рабочіе пріѣхали 12-го, въ субботу вечеромъ; слѣдующій день, воскресенье, отдыхали и стали на работу въ понедѣльникъ или во вторникъ.

Опять, по стеченію «случайностей», вырисовывается передъ нами это роковое 12-ое число.

Но кромѣ кіевскихъ рабочихъ есть у насъ и черниговскій—это Андрей Ермакъ. Онъ жилъ въ Кіевѣ (но не на заводѣ) еще съ февраля—возилъ какую-то кладь. Недѣли за 2—3 до убійства онъ ѣхалъ по Верхне-Юрковской улицѣ и видитъ Менделя Бейлиса.

Ермакъ спросилъ его:—«Когда мнѣ стать у васъ на работу?»

Что же отвѣтилъ ему Мендель Бейлисъ?

— «А вотъ, пріѣзжай и становись на работу *послѣ 12-го марта*».

Наконецъ, еще одно обстоятельство. Въ слѣдующемъ, 1912 г., судебный слѣдователь осматривалъ Зайцевскій заводъ 14-го марта и никакихъ работъ тамъ еще не было.

Не отрицаю, что небольшая вывозка кирпича можетъ быть и производилась на заводѣ 12-го марта 1911 г., но въ такихъ малыхъ размѣрахъ, что это нисколько не препятствовало убить на заводѣ не только одного человѣка, а хоть 20: вы осматривали заводъ Зайцева и знаете, насколько это глухое, дикое мѣсто. Какія же работы могли быть на заводѣ 12-го марта 1911 года? Никакихъ кіевскихъ, могилевскихъ и черниговскихъ артелей тамъ тогда не было, а работало нѣсколько человѣкъ поденщиковъ, нанятыхъ заводскимъ подрядчикомъ, евреемъ Заславскимъ. Защита намъ представила квитанціи о томъ, что съ завода возили въ то время кирпичъ на усадьбу Гинзбурга. Я бы могъ выдвинуть много соображеній для опороченія этихъ квитанцій. Кто ихъ составлялъ? Подсудимый Бейлисъ и свидѣтель Еремей Холинъ. Намъ усиленно подчеркиваютъ, что это, молъ, русскій рабочій, но мы уже видѣли этихъ русскихъ рабочихъ въ родѣ Калитенко и Бобровскаго, которые давали явно невѣрныя показанія въ пользу евреевъ. Холинъ 18 лѣтъ служитъ на заводѣ еврея Гинзбурга и увѣряетъ, будто вовсе не знаетъ Бейлиса, хотя постоянно проходитъ черезъ Зайцевскій заводъ. Допустимъ, что это такъ. Повѣримъ Холину, повѣримъ его квитанціямъ, хотя, повторяю, мы вполнѣ могли бы и не вѣрить имъ, могли бы признать, что эти квитанціи и накладныя сфабрикованы уже тогда, когда нависла опасность. Это тѣмъ болѣе, что, напримѣръ, въ квитанціяхъ значится, будто бы отправщиками кирпича 7-го и 8-го марта были Калитенко и Усенко, а они пріѣхали, несомнѣнно, лишь 12-го. Но я готовъ уступить здѣсь защитѣ: я признаю квитанціи. Что же въ нихъ написано? Что 12-го марта вывезли Гинзбургу съ Зайцевскаго завода 6,150 кирпичей, принятые Холинымъ. Но, если вѣрить Холину, то будемъ вѣрить ему до конца. Онъ говоритъ, что на каждый возъ, на каждую «грабарку» грузили по 300 кирпичей. Вообще такой клади лошадь вывезти не можетъ: грузятъ обыкновенно 150—200 кирпичей. Но такъ какъ возили на не-

большое разстояніе и подъ гору, то грузили по 300 кирпичей, значитъ, всего былъ 21 возъ (6.150 : 300). Сколько же времени оборачивался каждый возъ, каждая «грабарка»? По удостовѣренію Холина—отъ получаса до часа. Сколько было возовъ, сколько рабочихъ, въ точности неизвѣстно: работали поденщики подрядчика еврея Заславскаго — Дыкуша, Любченко и др.—не менѣе 4-хъ и не болѣе 7-ми человѣкъ. Если было 7 грабарокъ, то вся возка продолжалась 3 часа, кладя на каждый оборотъ по часу. Если работало 4 грабарки, то возка, по самому благопріятному для защиты исчисленію времени, заняла не болѣе 5 часовъ. Такимъ образомъ, эти заводскія работы ни малѣйшимъ образомъ не могли помѣшать убійству. Нѣсколько рабочихъ могли работать въ одномъ концѣ завода, а въ другомъ концѣ можно было дѣлать рѣшительно все, что угодно. Наконецъ, могло быть и такъ, что возка, занявшая лишь нѣкоторую, очень малую часть дня, происходила въ одно время, а убійство—въ совершенно другое.

Ссылка на заводскія работы ни въ коемъ случаѣ не можетъ служить въ оправданіе Бейлиса.

Обращаясь затѣмъ отъ области фактической къ медицинской экспертизѣ, я просилъ бы васъ, господа присяжные засѣдатели, послѣдовать за мною вотъ въ какомъ направленіи мысли: будемъ разсуждать о томъ, что было найдено на трупѣ Ющинскаго, о томъ, что было удостовѣрено лицами, этотъ трупъ вскрывавшими, о томъ, что говорятъ намъ спеціалисты профессора, а о Бейлисѣ, о Чеберяковой пока совсѣмъ позабудемъ, какъ будто ихъ вовсе не существуетъ. Передъ нами трупъ, на немъ раненія; какіе же выводы мы можемъ изъ этихъ данныхъ сдѣлать? О томъ же, кто обвиняется, какими свидѣтелями изобличается, пока не будемъ думать.

Передъ нами были эксперты-медики нѣсколькихъ различныхъ категорій и между этими экспертами возникали разнорѣчія. Слѣдовательно, встаетъ вопросъ, какимъ экспертамъ нужно дать предпочтеніе. Первое обстоятельство для оцѣнки достоинства судебно-медицинской экспертизы заключается въ томъ, какъ судитъ экспертъ: по трупу ли, который онъ вскрывалъ, или только по протоколу вскрытія. Само собой разумѣется, что изъ двухъ экспертовъ, одинаково знающихъ, одинаково свѣдущихъ,

тотъ, кто самъ вскрывалъ трупъ, можетъ судить лучше, основательнѣе, чѣмъ тотъ, который только читалъ протоколъ вскрытія трупа. Это все равно, что слышать живого свидѣтеля, или же судить о немъ по протоколу предварительнаго слѣдствія. Кто же вскрывалъ трупъ Андрюши Ющинскаго? Экспертъ проф. Оболонскій, нынѣ умершій—показаніе его, однако, было здѣсь прочитано. Работалъ надъ частями трупа, дѣлалъ изъ нихъ такъ называемые препараты, которые мы здѣсь видѣли, проф. Туфановъ. Правда, былъ еще другой врачъ, Карпинскій, производившій первое вскрытіе, но, къ сожалѣнію, первое вскрытіе было произведено Карпинскимъ довольно поверхностно, небрежно, недостаточно вдумчиво: это было признано и прокуроромъ, и нами, гражданскими истцами, и, повидимому, самой защитой, которая эксперта городового врача Карпинскаго на судъ не вызвала. Слѣдовательно, на его показаніе, къ сожалѣнію, опираться не приходится, потому что, хотя онъ и произвелъ вскрытіе, но недостаточно удовлетворительно. (Тотъ Карпинскій, который былъ вызванъ сюда защитой — это психоневрологъ, неимѣющій ничего общаго съ тѣмъ врачомъ Карпинскимъ, который вскрывалъ трупъ. Здѣсь простое совпаденіе фамилій). Послѣ вскрытія, произведеннаго врачомъ Карпинскимъ, была сдѣлана провѣрка его дѣйствій такимъ знатокомъ судебной медицины, какъ покойный проф. Оболонскій, а отдѣльныя части трупа спеціально изслѣдовалъ проф. Туфановъ. Я прямо говорю, что, разъ они видѣли трупъ, ихъ сужденія имѣютъ гораздо большую цѣну, чѣмъ сужденія тѣхъ, кто трупа не видѣлъ, считая, разумѣется, знанія сравниваемыхъ лицъ одинаковыми.

Далѣе, необходимо обратить вниманіе на разницу между экспертами по спеціальности. Мы выслушали спеціалистовъ по судебной медицинѣ и спеціалистовъ по хирургіи. Признавая, опять-таки, что знанія ихъ всѣхъ равны, какую категорію врачей мы должны признать болѣе компетентною, могущею лучше разобраться въ интересующихъ насъ вопросахъ? Конечно, это спеціалисты по судебной медицинѣ, потому что они спеціально изучаютъ, какъ выразился проф. Косоротовъ, трупное дѣло: вскрываютъ и изучаютъ трупы, знакомятся на трупахъ съ поврежденіями по преимуществу насильственнаго характера, тогда какъ хирурги занимаются совсѣмъ другимъ дѣломъ—операціями и съ мертвыми тѣлами не соприкасаются. Вотъ отчего

я не по капризу, а по основаніямъ, вытекающимъ изъ обстоятельствъ дѣла, говорю, что для меня преимущественное значеніе имѣетъ экспертиза профессоровъ по судебной медицинѣ Оболонскаго, Туфанова и Косоротова, вполнѣ согласныхъ между собою, имѣетъ значеніе потому, что первые двое сами видѣли трупъ, вскрывали его, а послѣдній является выдающимся знатокомъ спеціальности, какъ разъ относящейся къ данному случаю гораздо больше, чѣмъ хирургія, представителями которой являются вызванные защитой пр фессора Павловъ и Кадьянъ.

Что же говорятъ намъ эксперты? Они говорятъ, что на трупѣ оказалось 47 ранъ. Господа присяжные засѣдатели. Сорокъ семь ранъ! Вы подумайте, часто ли это бываетъ, чтобы на трупѣ было сорокъ семь колотыхъ ранъ? Для чего онѣ нанесены? Только для того, чтобы убить? Нѣтъ, развѣ наносятъ 47 ранъ, если хотятъ только убить и ничего больше. Говорятъ, что мальчикъ предалъ какихъ-то воровъ, но тогда его бы убили топоромъ, хватили бы полѣномъ, ударили разъ-два и онъ былъ бы готовъ, а тутъ—нанесено сорокъ семь ранъ! Для чего? Для того, чтобы не только убить, но и доставить мученія? Да, смерть несчастнаго Андрюши была мучительная, тяжелая, ужасная смерть. Но сказать, что Андрюшу хотѣли только мучить, что мученіе было спеціальной самодовлѣющей цѣлью убійцъ, этого сказать нельзя. Здѣсь согласны между собою всѣ эксперты, потому что тогда убійцы дѣлали бы нѣчто иное: кололи бы подъ ногти, въ особо чувствительныя мѣста, въ половые органы, щипали бы, но этого на самомъ дѣлѣ нѣтъ. Слѣдовательно, хотѣли убить мучительнымъ способомъ, звѣрски, но спеціальной цѣлью мучительство не ставили.

Теперь относительно обезкровленія. Вся группа профессоровъ—судебныхъ медиковъ: Оболонскій, Туфановъ, Косоротовъ прямо говорятъ, что изъ Андрюши было выпущено не менѣе половины всей крови, а можетъ быть даже $^2/_3$ ея, и точно опредѣляютъ: отъ пяти до пяти съ половиной стакановъ. Эксперты-хирурги этихъ выводовъ не рѣшаются отрицать. И они признаютъ, что было выпущено много крови, но только не могутъ опредѣлить, сколько именно. И это вполнѣ естественно, ибо, вѣдь, хирургія такими вопросами не занимается. Слѣдовательно, я могу съ совершенной точностью сказать, опираясь на выводы экспертизы, что трупъ былъ обезкровленъ и было выпущено отъ пяти до пяти съ половиною стакановъ крови.

Этому соотвѣтствуютъ точно установленныя объективныя данныя: блѣдность внутреннихъ органовъ, отсутствіе трупныхъ пятенъ и, такъ называемое, пустое сердце. Пустота сердца опредѣляется тѣмъ, что въ немъ почти не оказалось крови. Не болѣе чайной ложки ея было въ одномъ сердечномъ желудочкѣ, а въ другомъ еще меньше. Проф. Косоротовъ привелъ намъ очень образное сравненіе сердца Андрюши Ющинскаго съ сердцемъ Жени Чеберяка. Женя умеръ отъ кроваваго поноса, во время этой болѣзни онъ потерялъ много крови, но, тѣмъ не менѣе, въ его сердцѣ найдена столовая ложка янтарной жидкости, сукровицы, въ одномъ желудочкѣ сердца почти столовая ложка крови и столько же въ другомъ желудочкѣ, а кромѣ того въ сердцѣ оказалось множество кровяныхъ сгустковъ, тогда какъ въ сердцѣ Андрюши было два совершенно ничтожныхъ сгустка, величиною съ горошину. На судѣ упоминалось о точечномъ кровоизліяніи въ мозгъ. Да, говоритъ проф. Косоротовъ, точечное кровоизліяніе въ мозгъ было, но откройте любой учебникъ судебной медицины, и вы увидите, что это точечное изліяніе отнюдь не мѣшаетъ картинѣ обезкровленія. Проф. Кадьянъ, желая ослабить впечатлѣніе, говорилъ про трупныя пятна: «Дѣйствительно, трупныхъ пятенъ, согласно протоколамъ вскрытія, нѣтъ, но можетъ быть ихъ прозѣвали. Обыкновенно, трупъ лежитъ на спинѣ: тамъ и ищутъ трупныхъ пятенъ. Здѣсь же, трупъ находился въ скрюченномъ, полусогнутомъ состояніи. Значитъ, и трупныя пятна нужно было искать не на спинѣ, а въ иныхъ мѣстахъ. Такимъ образомъ, могли осмотрѣть спину, увидѣть, что трупныхъ пятенъ на спинѣ нѣтъ, и написали, что ихъ нѣтъ вообще».

На это проф. Косоротовъ далъ внушительный отвѣтъ. Онъ сказалъ, что вопросъ о томъ, гдѣ нужно искать трупныя пятна,— азбука дѣла: это знаетъ всякій, даже начинающій врачъ. Каждый врачъ, вскрывающій трупъ, хотя бы небрежно, хотя бы поверхностно, зная, что трупъ не лежалъ на спинѣ, будетъ искать трупныя пятна на конечностяхъ, на рукахъ, на ногахъ. А затѣмъ, допустимъ, что врачъ Карпинскій не досмотрѣлъ, но вѣдь его вскрытіе провѣрялъ проф. Оболонскій, тщательно, по всѣмъ правиламъ науки, которую онъ зналъ въ совершенствѣ. Если Оболонскій пишетъ, что трупныхъ пятенъ не было, а ко времени его вскрытія они пропасть не могли — то это значитъ, что ихъ вообще не было ни на спинѣ, ни въ другихъ мѣстахъ.

Чѣмъ убивали Андрюшу? Убивали швайкой, колющимъ орудіемъ. Вызванные защитою эксперты говорятъ, что это совершенно неподходящій инструментъ для добыванія крови, потому что, когда имъ колешь, то жилка изъ-подъ него выскакиваетъ, въ жилку трудно попасть. Инструментъ, можетъ быть, и не вполнѣ подходящій, но вѣдь, въ результатѣ, онъ подошелъ, кровь выпустили. Проф. Косоротовъ говоритъ, что и скопцы свои операціи дѣлаютъ тоже съ врачебно-хирургической точки зрѣнія неправильно, но, однако, они ихъ производятъ и своей цѣли достигаютъ. Обращу ваше вниманіе еще на одну подробность. Швайка, которой кололи Ющинскаго, имѣла только видъ колющаго орудія, но этому колющему инструменту была придана именно та особенность, которая дѣлала этотъ инструментъ вполнѣ пригоднымъ для пораженія кровеносныхъ сосудовъ: *конецъ швайки былъ заточенъ*. Это было уже не шило, а скорѣе долото, четырехгранный инструментъ, съ остро отточенными краями. Значитъ, такое орудіе, сохраняя видъ колющаго, не только кололо, но и рѣзало. Значитъ, если жилка выскакивала изъ-подъ этого колющаго орудія, то можно было повернуть вонзившійся въ тѣло инструментъ и острыя грани разрѣзали кровеносный сосудъ. Господа присяжные засѣдатели, на это обстоятельство обратите серьезное вниманіе.

Но почему же убійцами выбранъ колющій инструментъ, или, правильнѣе, имѣющій видъ колющаго? На это можно найти отвѣтъ въ ритуальной экспертизѣ. Не потому ли, что *колотую кровь не надо покрывать*, а кровь, которая добыта путемъ разрѣзыванія, путемъ «шехиты», требуетъ, чтобы ее покрывали. Припомните, что намъ говорилъ экспертъ, очень благопріятный для защиты и ею вызванный, профессоръ по кафедрѣ еврейскаго языка Троицкій. По поводу соотвѣтствующихъ мѣстъ Талмуда онъ подробно разсказалъ, какъ, согласно Талмуду, у одного раввина былъ ленъ, который портили мошки; какъ избавиться отъ мошекъ? Нужно покропить кровью, потому что мошки запаха крови не выносятъ. Но какъ же кропить, когда кровь надо покрывать? И вотъ, другой раввинъ выступаетъ съ совѣтомъ: если кровь рѣзанная, отъ «шехиты», то ее надо покрывать, а кровь колотую можно оставить и безъ покрытія. Такъ удостовѣряетъ профессоръ Троицкій, на основаніи текста Талмуда. И замѣтьте, что въ другихъ случаяхъ ритуальныхъ убійствъ, по большей части, на трупахъ бываютъ колотыя раны и трупы «выбрасы-

ваются, какъ падаль»,—не покрываются. Здѣсь раны колотыя, но колющій инструментъ приспособленъ именно къ тому, чтобы поражать кровеносные сосуды,—онъ заточенъ.

Первая рана нанесена несчастному Андрюшѣ въ голову, причемъ онъ былъ тогда еще въ фуражкѣ. Почему это такъ случилось? Вѣдь фуражка мѣшала, вѣдь фуражку ничего ни стоило сбросить, на это потребовался бы всего одинъ моментъ. И, однако, первыя раны нанесены черезъ фуражку. Можетъ быть, это обстоятельство станетъ вамъ понятнымъ, если вы вспомните, что евреи, при совершеніи обрядовъ, покрываютъ голову.

Затѣмъ были нанесены височныя раны. На правомъ вискѣ ихъ оказалось 13. Защита споритъ, говоритъ, что 14. Разберемся, какія данныя за то, что было 14, какія за то, что было 13. Защита заявляетъ, что въ первомъ протоколѣ вскрытія показано 14 ранъ. Вѣрно. Въ протоколѣ Карпинскаго находимъ цифру 14. Но вѣдь этотъ протоколъ неточенъ. Вѣдь это тотъ протоколъ, который понадобилось провѣрить, тотъ протоколъ, который болѣе всего опорачивалъ проф. Павловъ, вызванный самой защитой. Если защита хочетъ опираться на этотъ первый протоколъ, то почему же она не вызвала на судъ врача Карпинскаго, который составлялъ его. А разъ врачъ Карпинскій дѣлалъ первое вскрытіе нѣсколько небрежно, то, очевидно, вопросу о томъ, сколько именно было ранъ на вискѣ: 12, 13, 14 или 15, онъ не придавалъ значенія. Для него было важно установить причину смерти и множественность раненій. А сколько именно колотыхъ ранъ на правомъ вискѣ: 12, 13, или 14, вѣдь это, въ концѣ концовъ, если вскрытіе было поверхностно, казалось тогда безразличнымъ.

Затѣмъ было произведено провѣрочное вскрытіе проф. Оболонскимъ, уже въ то время, когда на всѣ подробности убійства обращено особое вниманіе. Оболонскій произвелъ вскрытіе чрезвычайно тщательно и категорически утверждаетъ, что ранъ на правомъ вискѣ было 13. Проф. Туфановъ снимаетъ фотографію съ височныхъ ранъ, затѣмъ вырѣзаетъ соотвѣтствующій лоскутъ кожи и тщательно его препарируетъ. И вотъ, проф. Туфановъ такъ же категорически, какъ и проф. Оболонскій, утверждаетъ, что ранъ было 13. Того же мнѣнія вполнѣ опредѣленно держится и проф. Косоротовъ. Кто же говоритъ, что ранъ было 14? Проф. Бехтеревъ. Но вѣдь это вовсе не предметъ его экспертизы: онъ психо-невропогъ, а вопросъ о томъ, сколько именно было ранъ—

вопросъ судебно-медицинскій или хирургическій, но ужъ никакъ не психо-неврологическій и Бехтерева касаться не можетъ. Впрочемъ, другой психо-невропогъ, проф. Карпинскій, говоритъ, что, по его мнѣнію, ранъ было 13. Проф. Кадьянъ хорошо не знаетъ: «Можетъ быть 13, а можетъ быть и 14». Проф. Павловъ по этому вопросу также ничего опредѣленнаго намъ не сказалъ. Такимъ образомъ, я въ правѣ, на основаніи акта повторнаго вскрытія, на основаніи удостовѣренія проф. Оболонскаго, который видѣлъ эти раны на трупѣ, на основаніи заключенія проф. Туфанова, который снималъ фотографію и сдѣлалъ подлинный препаратъ (теперь, къ сожалѣнію, отъ времени и отъ частаго разсматриванія нѣсколько испортившійся), и, наконецъ, на основаніи заключенія такого спеціалиста, какъ проф. Косоротовъ,— сказать, что ранъ на правомъ вискѣ было 13.

Для чего онѣ были нанесены? Объ этомъ напрасно спрашивала защита тѣхъ профессоровъ, которыхъ она вызвала: никто этого объяснить не могъ. Зачѣмъ эти 13 ранъ, не проникающихъ, однако, глубоко? Для того, чтобы убить, онѣ не нужны. Для мученія? Но, чтобы мучить, были другіе способы. Добыть кровь? Но кровь добывали изъ шеи. Правда, было кровотеченіе и изъ праваго виска, но очень небольшое. А 13 ранъ нанесены. И вотъ, когда мы обращаемся къ ритуальной экспертизѣ, то она даетъ намъ отвѣтъ о числѣ 13. Не буду ссылаться на заключеніе ксендза Пранайтиса, которое всячески оспаривается защитой. Мнѣ достаточно по данному вопросу экспертизы проф. Троицкаго, вызваннаго самой защитой, Троицкаго, показаніемъ котораго защита была, повидимому, вполнѣ удовлетворена. Что же говоритъ Троицкій о числѣ 13? Онъ удостовѣряетъ, что каждый еврей, умирая, долженъ читать молитву, вся суть которой въ послѣднемъ словѣ «эхадъ» — единое, единъ Богъ, символъ единобожія. Въ этомъ словѣ «эхадъ» все содержаніе молитвы и съ этимъ словомъ отходитъ въ вѣчность всякій благочестивый еврей. Но каждое слово, согласно Каббалѣ, соотвѣтствуетъ извѣстному числу, каждая буква имѣетъ свое цифровое выраженіе. Слову «эхадъ», тому слову, съ которымъ еврей отходитъ въ вѣчность, соотвѣтствуетъ число 13! У Андрюши 13 ранъ на правомъ вискѣ, и никто не можетъ объяснить, зачѣмъ онѣ нанесены.

Послѣ ранъ теменныхъ и височныхъ были причинены шейныя раны, именно тѣ, изъ которыхъ выточена кровь. Убійство,

значитъ, происходитъ такъ: сначала наносятся теменныя раны черезъ фуражку, затѣмъ снимаютъ фуражку, которая мѣшаетъ нанесенію ранъ на вискѣ, и колятъ въ високъ. Послѣ этого приступаютъ къ шейнымъ ранамъ и снимаютъ суконную куртку, которая препятствуетъ ихъ нанесенію, разстегиваютъ воротъ рубашки. Все это категорически удостовѣрено экспертами по судебной медицинѣ, не отрицается и профессорами-хирургами. Проф. Бехтеревъ пробовалъ доказывать, что убійцы находились въ крайне возбужденномъ состояніи, наносили «автоматическіе удары», въ переводѣ на русскій языкъ—удары непроизвольные, независящіе отъ воли убійцъ, настолько они были возбуждены. Какъ вы думаете, если убійцы были въ такомъ состояніи, что сами себя не помнили отъ раздраженія, отъ аффекта, то могли ли они понимать, куда именно наносятъ удары, стали ли бы они снимать куртку и разстегивать воротъ рубахи?

Шейныя раны дали обильное кровотеченіе. Кровь вытекла главнымъ образомъ изъ шейныхъ ранъ. Посмотримъ теперь, что говорятъ относительно шейныхъ ранъ от. Пранайтисъ и проф. Троицкій съ ритуальной, обрядовой точки зрѣнія? Крови придается у евреевъ огромное значеніе. «Душа тѣла въ крови». А откуда выходитъ душа? Оттуда, откуда выходитъ кровь,—по вѣрованію евреевъ, изъ шеи. Рѣжутъ скотъ, перерѣзая шею. Это именно то мѣсто, изъ котораго евреи выпускаютъ кровь, и Андрюшѣ Ющинскому нанесены шейныя раны, изъ которыхъ вытекла вся кровь.

Говорятъ, что было внутреннее кровоизліяніе. Да, часть крови попала внутрь, но этимъ внутреннимъ кровоизліяніемъ нисколько не исключается обезкровленіе. Эти пять, пять съ половиной стакановъ составляютъ ту кровь, которая вылилась наружу. Нѣкоторое пропитываніе кровью внутреннихъ органовъ наблюдается, но оно отнюдь не касается тѣхъ пяти, пяти съ половиною стакановъ, о которыхъ говорятъ намъ эксперты.

Послѣ шейныхъ ранъ начинаютъ наносить раны въ туловище—какъ выразился на судѣ проф. Павловъ,—«въ убойныя мѣста». Главнымъ образомъ—въ сердце. И, наконецъ, наноситъ тотъ ужасный ударъ, который прокалываетъ оба сердечные желудочка, и швайка впивается по рукоятку. Тогда убійца поворачиваетъ эту швайку въ тѣлѣ жертвы такъ, что ободокъ швайки дѣлаетъ ссадину на наружныхъ покровахъ кожи. Намъ говорятъ, что убійцы были возбуждены, что они себя не помнили, но

оказывается, что, нанося удары въ туловище, въ сердце, они поднимали рубашку и кололи въ голое тѣло.

Когда были нанесены первыя раны, а когда послѣднія? Послѣднія раны были нанесены тогда, когда Андрюша уже умиралъ, когда его сердечная дѣятельность угасала. Видно это изъ слѣдующаго: если уколъ, ударъ, пораненіе нанесены при полной дѣятельности сердца, то получается сильное пропитываніе кровью тѣхъ органовъ, которые поражены; если же ударъ нанесенъ тогда, когда сердце ослабѣло, когда оно почти совсѣмъ не бьется или бьется слабо и когда кровь въ организмѣ обращается медленно, то тѣло, его ткани, такъ называемая подкожная клѣтчатка, мало пропитывается кровью. Врачи говорятъ, что на трупѣ Ющинскаго мы видимъ сильное пропитываніе кровью отъ ранъ головныхъ и шейныхъ (полная дѣятельность сердца). Напротивъ, отъ ранъ, нанесенныхъ въ туловище, пропитываніе подкожныхъ тканей кровью чрезвычайно слабое (дѣятельность сердца почти прекратилась). Значитъ, во время ихъ нанесенія мальчикъ умиралъ, и проф. Косоротовъ дѣлаетъ чрезвычайно важный выводъ, котораго не отвергаютъ и другіе эксперты: онъ говоритъ, что между нанесеніемъ первыхъ ранъ въ голову, шею и нанесеніемъ ранъ въ туловище былъ нѣкоторый промежутокъ. Этотъ промежутокъ онъ опредѣляетъ въ 5—7 и даже 8 минутъ. Во всякомъ случаѣ, не менѣе 5-ти минутъ. Подумайте, господа присяжные засѣдатели, зачѣмъ былъ этотъ промежутокъ, что въ этотъ промежутокъ дѣлали? Если я вамъ скажу, что въ этотъ промежутокъ собирали кровь, то согласитесь, что мое заключеніе вытекаетъ изъ научныхъ, строго-провѣренныхъ обстоятельствъ дѣла.

Такова, господа присяжные засѣдатели, картина вскрытія трупа Ющинскаго. Забудемъ пока о Бейлисѣ. Бейлиса въ настоящую минуту нѣтъ, какъ нѣтъ и Чеберяковой. Что мы видимъ на трупѣ, что намъ говорятъ раны, нанесенныя Андрюшѣ? Несомнѣнно, что онъ убитъ религіозными изувѣрами, убитъ для обрядовыхъ цѣлей, для выпусканія крови и убитъ символически, съ этими 13-ю пораненіями на правомъ вискѣ! На немъ, на Андрюшѣ, написали слово «эхадъ», то слово, съ которымъ долженъ умирать каждый благочестивый еврей! А вотъ теперь сопоставьте это съ фактическими обстоятельствами дѣла, вытекающими изъ свидѣтельскихъ показаній, съ тѣмъ, что слѣды мальчика ведутъ къ тому самому Бейлису, который ѣздилъ печь

мацу, у котораго проживалъ Шнеерсонъ изъ Любавичъ, что слѣды ведутъ къ Бейлису въ то время, когда на заводѣ совершается закладка синагоги, а вы помните, от. Пранайтисъ говорилъ намъ, что новая синагога, согласно даннымъ одного изъ ритуальныхъ судебныхъ процессовъ, была окроплена христіанскою кровью. Сопоставьте все это. Не можетъ быть, чтобы все это было случайно. Развѣ такіе случаи возможны? Это несомнѣнное ритуальное убійство, и то, что мы видимъ на трупѣ, совпадаетъ, совершенно совпадаетъ съ тѣмъ, что говорятъ намъ факты, выведенные изъ свидѣтельскихъ показаній. Какъ въ ариѳметикѣ одно дѣйствіе провѣряется другимъ, такъ и здѣсь—мы взяли одну часть дѣла—медицинскую экспертизу и другую часть—фактическую, основанную на свидѣтельскихъ показаніяхъ, и онѣ совпали. Такое совпаденіе могло ли быть случайнымъ?!

Мнѣ остается сказать о ритуальной экспертизѣ. Мы здѣсь видѣли экспертовъ двухъ лагерей: съ одной стороны отецъ Пранайтисъ, съ другой—профессора Троицкій, Коковцовъ, Тихомировъ и раввинъ Мазе. Между этими двумя группами рѣзкое разногласіе. Онѣ являютъ представителей двухъ различныхъ лагерей, спорящихъ между собой много и долго. Есть цѣлый рядъ ученыхъ сочиненій, есть огромная, спеціальная литература, отстаивающая тѣ взгляды, которыхъ держится от. Пранайтисъ. И столь же обширна литература, столь же много ученыхъ, отстаивающихъ взгляды Коковцова, Мазе, Тихомирова и Троицкаго. Это вѣковой научный споръ о томъ, что представляетъ изъ себя Талмудъ, Каббала, Шулханъ-Арухъ, какъ понимать эти книги. Этого ученаго спора мы, конечно, разрѣшить не можемъ. Но, мнѣ кажется, для насъ даже и не важно, кто въ немъ болѣе правъ. Для насъ не важно, что, вотъ, ученый Коковцовъ, или ученый Троицкій возьмутъ извѣстный еврейскій текстъ, сядутъ у себя въ кабинетѣ, обложатся книгами и начнутъ разсуждатъ о томъ, какъ правильнѣе понимать этотъ текстъ съ точки зрѣнія исторической, филологической, синтаксической и многихъ другихъ, а когда и это не поможетъ, то обратятся къ своимъ многочисленнымъ друзьямъ изъ евреевъ, о которыхъ говорилъ намъ проф. Троицкій. Не это важно. Очень можетъ быть, что толкованіе, котораго держатся Коковцовъ, Троицкій, Мазе, болѣе правильно, чѣмъ толкованіе, котораго держится от. Пранайтисъ. Суть не

въ томъ, какъ правильнѣе толковать извѣстный текстъ съ точки зрѣнія глубокихъ научныхъ изслѣдованій, а въ томъ, какъ дѣйствительно понимаютъ этотъ текстъ еврейскіе фанатики-изувѣры. Вотъ почему то обстоятельство, что съ одной стороны былъ только одинъ экспертъ, а съ другой четыре эксперта, что тѣ эксперты, въ особенности раввинъ Мазе, были болѣе рѣчисты, а другой экспертъ менѣе рѣчистъ, хотя бы потому, что онъ не вполнѣ свободно владѣетъ русскимъ языкомъ, все это не имѣетъ рѣшительно никакого значенія. Мы, вѣдь, говоримъ лишь о томъ евреѣ-изувѣрѣ, который въ данномъ текстѣ священной ему книги видитъ для себя основаніе совершить ритуальное убійство. Вы слышали здѣсь о скопцахъ. Вѣдь и скопцы тоже ссылаются на текстъ Священнаго Писанія. «Мы, говорятъ они, вѣрно понимаемъ Священное Писаніе. а вотъ вы—невѣрно». Конечно, всякій ученый, да не только ученый, всякій здравомыслящій православный скажетъ, что пониманіе, которое даютъ Священному Писанію скопцы, невозможное, безсмысленное, но вѣдь они продолжаютъ толковать именно такъ и увѣрены въ своей правотѣ. Они упорно твердятъ: «Мы понимаемъ текстъ Священнаго Писанія какъ слѣдуетъ, мы дѣйствуемъ по Писанію, а не вы».

Такъ и здѣсь. Кто болѣе правъ въ этихъ ученыхъ толкованіяхъ, я повторяю, вопросъ второстепенный. Хотя личное мое мнѣніе, что правда и большая научность на сторонѣ тѣхъ толкованій, которыхъ держится от. Пранайтисъ. Вотъ, хотя бы, напримѣръ, прошелъ передъ нами такой эпизодъ. Въ священныхъ книгахъ еврейскихъ сказано: «Лучшаго изъ гоевъ убей». Казалось бы, здѣсь совершенно ясное, очевидное проявленіе нетерпимости евреевъ, ихъ фанатизма: «Убивай гоевъ!» А гои—это всѣ иноплеменники, въ томъ числѣ и христіане. Но является представитель научной школы, угодной еврейству, и опирающійся, главнымъ образомъ, на еврейскихъ ученыхъ и говоритъ: «Это невѣрно понято. Приведенный текстъ надо понимать въ томъ смыслѣ, что лишь *на войнѣ* убивай лучшаго изъ гоевъ. *Лучшій* изъ враговъ во время войны наиболѣе опасенъ, поэтому его и убивай».

Но, позвольте, въ другомъ мѣстѣ еврейскихъ книгъ этотъ текстъ читается такъ: «Справедливѣйшаго изъ гоевъ убей». Причемъ же тутъ война? А, кромѣ того, въ одномъ изъ мѣстъ Талмуда мы находимъ такое сочетаніе словъ: «Лучшаго изъ

гоевъ убей, самой красивой змѣѣ размозжи голову». Какая же война со змѣями? Змѣй всегда нужно уничтожать.

На эти сопоставленія вызванные защитой эксперты не дали мнѣ отвѣта, но все-таки остались при выводѣ, что «лучшихъ гоевъ» можно убивать евреямъ только на войнѣ. По этому примѣру вы можете убѣдиться, что еще большой вопросъ, на чьей сторонѣ перевѣсъ въ этомъ ученомъ спорѣ. Но, желая, по возможности, выкинуть изъ области моихъ доказательствъ все спорное, я на этомъ и не останавливаюсь. Мнѣ важно другое. Мнѣ важно, какъ, подъ вліяніемъ внѣшнихъ событій, должны были измѣниться первоначальныя нормы еврейской религіи, какъ наростали еврейская нетерпимость, еврейскій религіозный фанатизмъ.

Внѣ всякаго сомнѣнія, въ Ветхомъ Завѣтѣ кровавыя жертвы имѣли огромнѣйшее значеніе. Въ этихъ жертвахъ была суть еврейской религіи. Эксперты приводятъ намъ текстъ изъ Библіи: «Душа тѣла въ крови его и я назначилъ ее вамъ для жертвенника, ибо кровь душу очищаетъ». Приводятъ Посланіе Святого Апостола Павла евреямъ. Онъ несомнѣнно зналъ ихъ нравы. Въ Посланіи его сказано: «Все очищается у васъ кровью и безъ крови нѣтъ прощенія грѣховъ».

Кровавыя жертвы можно было совершать только въ Іерусалимскомъ храмѣ, но Іерусалимскій храмъ разрушенъ римлянами—какъ же быть съ жертвами? Совсѣмъ отъ нихъ отказаться? Да, вѣдь, въ жертвахъ вся суть религіи. Въ нихъ ея корень, ея главная идея. Конечно, у людей, распаленныхъ религіозной идеей, начались исканія. Если нельзя въ храмѣ, ибо храмъ разрушенъ, то надо какъ-нибудь иначе. Неужели таки-таки совсѣмъ отказаться отъ того, что составляетъ въ религіи главную сущность. И вотъ, предъ нами опять весьма знаменательный текстъ изъ священныхъ еврейскихъ книгъ. Рабби Іисусъ (Іешуа) говоритъ: «Я слышалъ, что, хотя нѣтъ храма, совершаются жертвы; хотя нѣтъ жертвенника, дѣлаются возліянія». На-ряду съ такими исканіями у еврейства все болѣе растетъ страшная ненависть къ христіанамъ и понятно почему. Римъ, сдѣлавшійся оплотомъ христіанства, разрушилъ Іерусалимскій храмъ, разсѣялъ евреевъ, уничтожилъ еврейское царство, прекратилъ ихъ самостоятельное политическое существованіе и сдѣлалъ евреевъ кочевой, странствующей расой. Понятно, что у нихъ все болѣе накапливалась страшная ненависть къ христіанамъ и эта не-

нависть находитъ себѣ отраженіе въ еврейскихъ книгахъ. Вотъ вамъ одинъ текстъ: «Лучшаго изъ гоевъ убей, самой красивой змѣѣ размозжи голову». Вотъ вамъ другой текстъ: «Сказалъ рабби Эліазаръ, что не-еврея можно пронзить даже въ день прощенія обидъ, если онъ приходится въ субботу. И отвѣтили рабби Эліазару ученики его: Рабби, лучше скажи заклать, а не пронзить. Нѣтъ, возразилъ рабби Эліазаръ—пронзить, потому что заклать нужно съ Берахой (молитвой), а пронзить можно безъ Берахи».

Когда развивается такая ненависть къ христіанамъ, то, естественно, мысль работаетъ въ томъ направленіи, что самая лучшая жертва, когда нѣтъ храма, нѣтъ жертвенника, самая лучшая жертва въ томъ, чтобы убивать этихъ христіанъ, убивать этихъ гоевъ, про которыхъ сказано: лучшаго изъ гоевъ убей такъ, какъ убиваютъ самую красивую змѣю. Это естественная послѣдовательность мысли. И вотъ въ той части Каббалы, которая именуется Зогаромъ, въ той книгѣ, которая появилась почти одновременно съ распространеніемъ ритуальныхъ убійствъ, есть прямые тексты, которые говорятъ, что «нѣтъ для насъ иной жертвы, какъ та, которая состоитъ въ устраненіи противной стороны». «Истребляй гоевъ, и царица небесная посчитаетъ тебѣ это вмѣсто возліянія, вмѣсто жертвы».

Видите, уже убійство приравнивается къ принесенію жертвы. Настоящихъ жертвъ приносить нельзя—нѣтъ храма, но отказаться отъ жертвы религіозно настроенная еврейская мысль не можетъ, а на-ряду съ этимъ все обостряется ненависть къ христіанству. Значитъ, убіеніе христіанъ и есть эта жертва.

Въ Зогарѣ появляется вотъ какой текстъ:

«И смерть ихъ—от. Пранайтисъ категорически удостовѣряетъ, что это говорится о не-евреяхъ — и смерть ихъ пусть будетъ при заткнутомъ ртѣ, какъ умираетъ животное безъ голоса и рѣчи, а онъ (рѣзникъ) даетъ обѣтъ святому благословенному, что это убіеніе будетъ повторяться ежедневно во *Эхадъ*, какъ совершаются убіенія животныхъ: 12-ю испытаніями ножа и ножомъ, что составляетъ 13».

От. Пранайтисъ опредѣленно, увѣренно, заявляетъ, что онъ даетъ этому тексту правильное толкованіе. Его пробуютъ оспаривать, возражаютъ, что это описывается смерть праведника, который сомкнулъ уста, но въ приведенномъ текстѣ говорится

не о сомкнутыхъ устахъ, а о томъ, что затыкается ротъ. Это разница—сомкнутыя уста, или заткнутый ротъ.

Вотъ вамъ рядъ текстовъ, которые даютъ прямое основаніе ритуальнымъ убійствамъ. Пусть со строго-научной точки зрѣнія эти тексты истолкованы невѣрно, но вѣдь евреи-фанатики могутъ толковать ихъ именно въ такомъ смыслѣ. Дальше происходитъ, въ XVIII вѣкѣ, Львовскій диспутъ, на которомъ одна часть еврейства (франкисты) открыто обвиняла другую часть (талмудистовъ) въ ритуальныхъ убійствахъ и прямо имъ говорила въ присутствіи христіанъ: «Вы совершаете ритуальныя убійства и основываете ихъ на такихъ-то и такихъ-то вашихъ текстахъ».

Эксперты, которые вызваны сюда по ходатайству защиты для разъясненія вопроса о ритуалѣ, какъ разъ этого Львовскаго диспута и не знаютъ. Научныя толкованія текстовъ имъ извѣстны, а то, что происходило на Львовскомъ диспутѣ, гдѣ одна часть еврейства открыто обвиняла другую въ ритуальныхъ убійствахъ, это имъ неизвѣстно. Однако даже и эксперты, вызванные по ходатайству защиты, не отрицаютъ того, что обвинявшіе на Львовскомъ диспутѣ не были побѣждены,— наоборотъ, они, повидимому, даже побѣдили, представивъ такія соображенія, такіе тексты, которыхъ нельзя было опровергнуть ихъ противникамъ.

Въ самыхъ разнообразныхъ странахъ Европы совершается рядъ этихъ «дѣтскихъ» убійствъ съ вытачиваніемъ крови. Совершается въ тѣ времена, когда желѣзныхъ дорогъ не было, сообщеніе было очень затруднительнымъ. Какъ же это такъ? Въ разныхъ государствахъ оказываются одинаково исколотые трупы и всѣ обвиняютъ въ этомъ именно евреевъ. Вѣдь сговориться обвинители не могли, потому что жили въ разныхъ странахъ и между собою общенія почти не имѣли. И, однако, такое совпаденіе: здѣсь исколотый трупъ—обвиняютъ евреевъ; въ другой странѣ такой же трупъ, также исколотый, и тоже обвиняютъ евреевъ. А исколотыми и обезкровленными все находятъ не еврейскихъ, а христіанскихъ дѣтей и непремѣнно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ живутъ евреи. Когда мы спрашиваемъ экспертовъ, вызванныхъ по ходатайству защиты, о причинахъ такого явленія, они говорятъ: «Мы этого не знаемъ, мы не занимались изученіемъ судебныхъ процессовъ о ритуальныхъ убійствахъ» Тогда намъ остается сказать этимъ экспертамъ одно: значитъ,

вы не обладаете тѣми качествами, которыя намъ нужны для данной экспертизы.

Позвольте обратить ваше вниманіе на русскіе ритуальные процессы. Къ сожалѣнію, я этого не могу сдѣлать въ той полнотѣ, въ которой бы желалъ. Я усиленно настаивалъ передъ судомъ на оглашеніи Саратовскаго дѣла. Защита чрезвычайно горячо возражала и намъ въ оглашеніи было отказано, правильно или неправильно, объ этомъ я судить, пока, не имѣю права. Но даже и въ тѣхъ узкихъ рамкахъ, въ которыхъ я могу приводить въ доказательство русскіе ритуальные процессы, они мнѣ представляются весьма убѣдительными. Начнемъ съ Императора Александра I. Въ 1817 г. онъ, дѣйствительно, издалъ Высочайшее повелѣніе о томъ, чтобы евреевъ не преслѣдовали за ритуальныя убійства безъ всякихъ доказательствъ, только по одному предубѣжденію, а преслѣдовали бы, наравнѣ съ прочими, по доказательствамъ, по уликамъ. Однако, изъ этого Высочайшаго повелѣнія никоимъ образомъ нельзя вывести заключенія, что Императоръ Александръ I отрицалъ ритуальныя убійства. Онъ сказалъ лишь то, что мы всѣ теперь говоримъ: «Безъ уликъ, по одному предубѣжденію, конечно, евреевъ преслѣдовать нельзя». Но, значитъ, въ то время уже были ритуальныя убійства въ Россіи, если понадобилось такое Высочайшее повелѣніе. Далѣе, при томъ же Императорѣ Александрѣ I возникло «Велижское» дѣло по личному почину Государя Императора. Послѣ того, какъ преступленіе было почти два года безгласнымъ, при проѣздѣ Государя черезъ Велижъ, къ нему христіанскія женщины обратились съ челобитной. Онъ назначилъ слѣдствіе, о слѣдствіи ему лично доносилъ флигель-адъютантъ и одновременно, по распоряженію Государя Императора, были запечатаны всѣ велижскія синагоги. Государь Императоръ повелѣлъ, чтобы всѣ еврейскіе молитвенные дома города Велижа были запечатаны послѣ того, какъ тамъ злодѣйски, путемъ множества уколовъ, обезкровили и лишили жизни, а затѣмъ выбросили, какъ падаль, малолѣтняго солдатскаго сына Ѳеодора Емельянова, пропавшаго въ Свѣтлое Христово Воскресеніе, 22-го апрѣля 1823 года. Дѣло закончилось уже послѣ смерти Императора Александра I, при Императорѣ Николаѣ I, оправданіемъ евреевъ. Но вы хорошо понимаете, что фактъ, событіе преступленія и виновность даннаго подсудимаго—это двѣ вещи разныя. Да, подсудимые были оправданы за недостаточ-

ностью уликъ, но тотъ фактъ, что мальчикъ былъ весь исколотъ, обезкровленъ при заткнутомъ ртѣ и выброшенъ—этотъ фактъ остался. Вамъ читали резолюцію Государя Императора Николая I отъ 22-го января 1835 года по Велижскому дѣлу. Въ ней не только нѣтъ отрицанія ритуальныхъ убійствъ, но, напротивъ, признаніе ихъ. Государь говоритъ: «Внутренняго убѣжденія, что убійство евреями произведено не было, не имѣю и имѣть не могу. Неоднократные примѣры подобныхъ умерщвленій съ тѣми же признаками, но всегда непонятными, по недостатку закономъ требуемыхъ доказательствъ, и даже нынѣ весьма странное дѣло въ Житомірѣ, доказываютъ, по моему мнѣнію, что между евреевъ существуютъ, вѣроятно, изувѣры или раскольники, которые христіанскую кровь считаютъ нужною для своихъ обрядовъ».

Затѣмъ, при томъ же Государѣ Николаѣ Павловичѣ возникло, въ 1852 году, Саратовское дѣло. Что произошло по Саратовскому дѣлу въ тѣхъ немногихъ частяхъ, которыя удалось установить здѣсь на судѣ, я имѣю право сказать. Были отправлены двѣ бутылки крови изъ Саратова въ Любавичи «любавичскому раввину». Въ мѣстечкѣ Лядахъ, Тамбовской губерніи, въ домѣ еврея Хацкеля Аріева Коникова, по обыску, подъ кіотомъ, гдѣ хранились свитки сейферторе, найдено пропитанное кровью полотенце. Обратите вниманіе на слѣдующее совпаденіе: вамъ здѣсь читали книгу монаха Неофита и защита относилась къ этой книгѣ, какъ къ бреду сумасшедшаго. Между тѣмъ, Неофитъ какъ разъ говоритъ, что кровь сохраняется именно такимъ образомъ, что ею пропитываются полотнища, полотенца, которыя затѣмъ сжигаются, а пепелъ употребляется евреями для религіозныхъ цѣлей. Это писалъ Неофитъ въ Румыніи, въ XVIII вѣкѣ, а въ 50-хъ г.г. XIX в. въ Россіи, гдѣ тогда о книгѣ Неофита не имѣли понятія, находятъ, по обыску, полотенце, пропитанное кровью и завернутое въ листы печатной бумаги, содержащей тексты изъ мистическихъ еврейскихъ сочиненій, на еврейскомъ языкѣ, о принесеніи въ жертву первенцевъ. Таковы факты. Отъ фактовъ не уйдешь. Чѣмъ же закончилось Саратовское дѣло? Вопросъ о догматѣ крови былъ выдѣленъ въ особую комиссію, куда, къ сожалѣнію, были допущены еврейскіе ученые Хвольсонъ и Левисонъ, но вопроса о догматѣ, вѣдь, мы и теперь не рѣшаемъ, а что касается судебнаго дѣла, то по нему состоялось мнѣніе Государственнаго Совѣта, согласно которому трое

евреевъ—Юшкевичеръ, Юрловъ и Шлифферманъ—за убійство въ Саратовѣ двухъ христіанскихъ мальчиковъ черезъ обрѣзаніе и мученія, приговорены къ каторжнымъ работамъ—двое на 20 лѣтъ каждый, и одинъ на 18 лѣтъ. Приговоръ этотъ въ 1860 году былъ утвержденъ Государемъ Императоромъ Александромъ II, Государемъ, который отмѣнилъ крѣпостное право, который былъ любвеобильнѣйшимъ монархомъ, Государемъ, который даровалъ Россіи судъ присяжныхъ, тотъ судъ, по которому вы судите здѣсь теперь настоящее дѣло. И этотъ Государь не усумнился утвердить мнѣніе Государственнаго Совѣта. А мнѣніе прежняго Государственнаго Совѣта—это не то, что теперешніе приговоры: теперь приговоръ вступаетъ въ силу безъ утвержденія Государя Императора. Мнѣніе Государственнаго Совѣта прежде было только проектомъ, не имѣвшимъ никакой самостоятельной силы, мнѣніе это получало силу только тогда, когда Государь Императоръ надписывалъ на немъ: «Согласенъ». Только послѣ того, какъ Государь согласился съ мнѣніемъ большинства Государственнаго Совѣта, саратовскіе евреи, убившіе черезъ обрѣзаніе и мученіе христіанскихъ дѣтей, пошли на каторгу. Какъ же говорить, что ритуальныя убійства—басни, сказки, измышленія какой-то фантазіи. Католическая церковь знаетъ множество святыхъ, замученныхъ евреями. Чтитъ такихъ угодниковъ и церковь православная: вамъ было указано на младенца Гавріила, сопричисленнаго православною церковью къ лику святыхъ, замученнаго евреями, исколотаго, обезкровленнаго и выброшеннаго ими, «какъ падаль».

Ритуальныя убійства доказаны исторически. Они признаны самими евреями, публично обвинявшими въ такихъ убійствахъ своихъ единовѣрцевъ. Ритуальныя убійства удостовѣрены судебными приговорами, признаны въ Россіи ея государями, признаны православною и католическою церковью. Для меня здѣсь вопроса нѣтъ и, мнѣ думается, для человѣка, который не ослѣпленъ еврейскимъ гипнозомъ, тоже вопроса быть не можетъ. Вотъ почему я съ полнымъ убѣжденіемъ говорю: да, еврейскія изувѣрныя убійства существуютъ, и настоящее убійство изувѣрное, оно совершено на заводѣ Зайцева и, несомнѣнно, при участіи Бейлиса. Опять-таки, господа присяжные засѣдатели, ритуальную экспертизу вы сопоставьте и съ экспертизой судебно-медицинской и съ фактическими обстоятельствами дѣла. Вѣдь это все укладывается вмѣстѣ, все совпадаетъ одно съ другимъ. Какъ

я уже говорилъ, заводъ, на которомъ изувѣрно замученъ Андрюша, это не только мѣсто выдѣлки кирпичей, это мѣсто религіознаго сосредоточенія евреевъ: тамъ еврейская синагога, построенная тайно отъ правительства, туда пріѣзжаютъ еврейскіе раввины, тамъ живетъ тотъ самый Шнеерсонъ, который родомъ изъ Любавичъ, а съ любавическими Шнеерсонами связана вся исторія русскихъ ритуальныхъ убійствъ. Неужели нужно еще доказательствъ, неужели нельзя сказать, что вина Бейлиса доказана, установлена фактами. Я, господа присяжные засѣдатели, въ этомъ вполнѣ убѣжденъ, но это не только мое убѣжденіе, это выводъ изъ цѣлаго ряда фактовъ, положеній неопровержимыхъ, съ полной точностью, съ полной добросовѣстностью представленныхъ мною вамъ по дѣлу. Я все время старался говорить о фактахъ, и только о фактахъ, сопоставляя ихъ и объясняя—почему надо вѣрить одному и отвергать другое.

Господа присяжные засѣдатели! Я выступаю здѣсь въ качествѣ повѣреннаго Александры Ющинской. Много она перенесла по этому дѣлу и горя ея, ея страданій не выразишь словами. У нея уже нѣтъ и слезъ, чтобы плакать. Вы вспомните: лишившись сына, замученнаго, обезкровленнаго, брошеннаго, какъ падаль, чему она подверглась!? Это было издѣвательство, надругательство и только простой русскій человѣкъ можетъ снести все это терпѣливо и кротко. Она потеряла сестру, которая любила Андрюшу и не вынесла всего того, что пало на ихъ голову. Она и сама потеряла здоровье и скоро предстанетъ предъ лицо Всевышняго. И вотъ теперь, перенеся все это, все испытавъ, она, простой безхитростный человѣкъ, обращается къ вамъ, изъ которыхъ большинство тоже простые русскіе люди, и проситъ, проситъ точнаго, опредѣленнаго отвѣта—кто убилъ, кто замучилъ ея Андрюшу, отвѣта, который былъ бы данъ не страха ради іудейска, а по совѣсти, по вашей совѣсти русскихъ православныхъ людей. Дайте же этотъ отвѣтъ, его ждетъ отъ васъ не только Александра Ющинская, его ждетъ вся Россія.

II.

Протоколы вскрытія.

1911 года марта 26 дня. Въ зданіи Кіевскаго анатомическаго театра, исполняющій должность судебнаго слѣдователя Кіевскаго Окружнаго Суда по особо важнымъ дѣламъ Фененко въ присутствіи нижеподписавшихся понятыхъ, чрезъ профессора университета Св. Владиміра Н. А. Оболонскаго и прозектора Н. Н. Туфанова, производилъ судебно-медицинское вскрытіе трупа Андрея Ющинскаго, причемъ оказалось слѣдующее:

А. НАРУЖНЫЙ ОСМОТРЪ.

Трупъ въ значительной степени гнилостнаго измѣненія, кожа на волосистой части головы, на правой щекѣ у носа, области шеи и верхней части груди, посрединѣ грудной клѣтки и съ праваго бока, средней линіи живота и въ паховыхъ областяхъ зеленаго цвѣта. Трупное окоченѣніе исчезло. Волосы коротко острижены, русаго цвѣта. На головѣ отъ уха до уха имѣется разрѣзъ, соединенный швомъ, произведенный при предшествовавшемъ вскрытіи. Въ правой височной области имѣется четырехугольной формы кожный лоскутъ, пришитый также шпагатомъ къ краямъ послѣ произведеннаго вскрытія и удаленія изъ этой области куска кожи съ пораненіями для дальнѣйшаго изслѣдованія. Вѣки закрыты, на соединительной оболочкѣ вѣкъ и глазъ имѣются точечныя кровоизліянія, величиною отъ еле замѣтныхъ пятнышекъ до просяного зерна. Глазныя яблоки мягки. Роговицы помутнены, зрачки расширены. Кости носа и хрящи—цѣлы. Ноздри чисты. Губы съ слегка синюшнымъ, піантоическимъ оттѣнкомъ. На внутренней поверхности ихъ имѣются слѣды отъ надавливанія зубовъ съ ссадненіемъ слизистой оболочки. Ушныя раковины—блѣдны, безкровны, чисты. Ногти пальцевъ рукъ темно-багроваго цвѣта. Послѣдняя фаланга указательнаго пальца лѣвой руки—помарана чернилами. Кожа на нижней части предплечья, при переходѣ къ кистямъ рукъ, браслетообразно спята, для изслѣдованія при предшествовавшемъ вскрытіи, на свѣтъ. Задне-проходное отверстіе съ окружающими частями удалено при предшествовавшемъ

вскрытіи и имѣются широкіе разрѣзы кожи на внутренней поверхности реберъ, безъ какихъ-либо реактивныхъ явленій и кровоподтековъ. Половой членъ и мошонка сформированы соотвѣтственно возрасту, блѣдны, безъ какихъ-либо измѣненій. Въ мошонкѣ имѣются оба яичка. На спинѣ и въ поясничной области имѣется слабая трупная окраска, безъ ясно выраженныхъ трупныхъ пятенъ. Отъ подбородка до лобка тянется разрѣзъ, соединенный шпагатомъ, какъ слѣдъ бывшаго вскрытія трупа и отъ этого серединнаго шва идетъ полукруглый разрѣзъ влѣво за лѣвую сосковую линію, начинаясь отъ рукоятки грудины и оканчиваясь на два поперечныхъ пальца выше пупка.

Поврежденія.

На головѣ, при переходѣ лобной въ темянную область, почти на границѣ волосистой части, имѣются двѣ слегка полулунныхъ ссадины по 3 миллиметра длиною, безъ кровоподтековъ; съ лѣвой стороны также почти на границѣ волосистой части на 3 сантиметра отъ уха кпереди и на такое же разстояніе отъ наружнаго угла лѣваго глаза имѣется темно-красное пергаментной плотности ссадненіе съ щелевиднымъ дномъ раненія, проникающимъ черезъ толщу кожи. Ссадненіе это 5-ти миллиметровъ длиною, раненіе имѣетъ 4 миллиметра. Вокругъ этого раненія имѣется сплошное окрашиваніе кожи, распространяющееся сзади почти до самаго уха, а спереди на два пальца не достигая лобнаго бугра. Въ теменной области имѣются три ссадины, величиною въ просяное зерно, въ центрѣ которыхъ имѣется щелевидное раненіе, проникающее въ толщу кожи. При переходѣ теменной въ затылочную область, на три поперечныхъ пальца сзади отъ темени, имѣются три щелевидныхъ пораненія кожи, изъ которыхъ два расположены сзади, проникающихъ черезъ всю толщу кожи, а одно, расположенное спереди, представляется лишь ссадненіемъ—глубокимъ; отъ этого ссадненія второе щелевидное раненіе отстоитъ на одинъ сантиметръ, а третье щелевидное раненіе отъ второго—на 1 сантиметръ и 2 миллиметра. Каждое изъ этихъ щелевидныхъ раненій имѣетъ по 2 милиметра въ длину; по направленію вправо отъ послѣдняго раненія, на 9 сантиметровъ подъ правымъ ухомъ, имѣется линейное, въ 9 миллиметровъ длиною, раненіе, идущее по направленію спереди назадъ, почти параллельно теменному шву. Края этого раненія скошены слѣва направо, ровны, гладки, слегка кровоподтечны, причемъ задній уголъ этой раны представляется совершенно гладкимъ, а передній уголъ слегка ссадненнымъ. Въ затылочной области, съ лѣвой стороны отъ затылочнаго бугра имѣется щелевидной формы раненіе, проникающее въ толщу кожи. Отъ угла лѣваго глаза, на 1 поперечный палецъ книзу, имѣется трехугольной формы ссадненіе, буроватаго цвѣта, пергаментной плотности, 4 миллиметра отъ основанія до верхушки и 3 миллиметра—въ основаніи трехугольника. Посреди этого ссадненія имѣется щелевидное раненіе, проникающее до кости. Надъ этой

ссадиной имѣются поверхностныя ссадненія красновато-желтаго цвѣта безъ реактивныхъ явленій, которыхъ при первомъ вскрытіи присутствующаго городового врача Карпинскаго не было усмотрѣно. Такого же характера ссадненія, безъ какихъ-либо реактивныхъ явленій въ окружности, имѣются у наружнаго края правой скуловой области и у внутренняго края той же стороны на два поперечныхъ пальца выше праваго угла рта. При разсматриваніи шва, стянутаго шпагатомъ на волосистой части головы, обнаруживается, что одинъ шовъ захватываетъ щелевидной формы раненіе въ области лѣваго теменного бугра, проникающее черезъ всю толщу кожи и окруженное ссадненіемъ.

На шеѣ съ правой стороны отъ правой линіи имѣются два овальной формы, проникающія въ глубину, раненія, изъ которыхъ верхнее, расположенное почти посрединѣ шеи, имѣетъ шесть миллиметровъ въ длину, причемъ эта рана идетъ въ горизонтальномъ направленіи, другая—нижележащая на полтора поперечныхъ пальца; ниже этой раны располагается другое раненіе въ 5 миллиметровъ длиной, имѣющее косвенное направленіе справа налѣво и по формѣ своей приближающееся къ треугольнику, причемъ верхушка треугольника обращена книзу.

На три съ половиной сантиметра отступя вправо отъ этого раненія и на $2^1/_2$ поперечныхъ пальца отъ средины правой ключицы кверху имѣется треугольной формы рана, проникающая черезъ толщу кожи въ 7 миллиметровъ длиною, верхушкою обращенная въ лѣвую сторону книзу. Края этой раны въ нижній уголъ совершенно гладкіе, ровные, не зазубренные и только основаніе представляется мелкозубчатымъ, но безъ ссадненій.

На 1 поперечный палецъ отъ верхней описанной на шеѣ раны имѣется овальной формы, но болѣе приближающееся къ треугольной, раненіе длиною въ 9 миллиметровъ, направляющееся справа налѣво, нѣсколько косвенно сверху внизъ; внутренній край раны представляется совершенно гладкимъ, ровнымъ; наружный край—съ краевымъ ссадненіемъ. Почти у наружнаго края грудино-сосковой мышцы, съ правой стороны, имѣется щелевидной формы раненіе въ 6 миллиметровъ длиной, причемъ внутренній уголъ этой раны представляется гладкимъ, ровнымъ, а наружный уголъ—слегка ссадненнымъ. У наружнаго края грудино-сосковой мышцы на $2^1/_4$ сантиметра отъ только что описаннаго поврежденія имѣются два овальной формы раненія, при растягиваніи кожи длиною по 6 миллиметровъ каждое, идущія косвенно сзади напередъ и сверху внизъ, параллельно одно другому, причемъ верхнее отъ нижняго раненія отстоитъ на 4 миллиметра. Въ обоихъ этихъ раненіяхъ внутренніе углы представляются совершенно ровными, гладкими: наружные—нѣсколько зубчатые. У нижняго раненія, кромѣ того, у внутренняго угла имѣется еще поверхностный надрѣзъ кожи.

У нижняго края угла нижней челюсти съ лѣвой стороны имѣется щелевидной формы, какъ бы отъ укола, поврежденіе въ 1 миллиметръ въ діаметрѣ, съ обширнымъ кровоизліяніемъ въ окружности.

Это поврежденіе проникаетъ въ толщу кожи. По подмышечной линіи съ правой стороны, на 6½ сантиметровъ отъ подмышки, имѣется овальной формы, проникающее раненіе 7 миллиметровъ длиною. Края этой раны пергаментны, буроватаго цвѣта, кровоподтечны. На 4¾ сантиметра ниже отъ этой раны и нѣсколько сзади имѣется другое подобное же раненіе съ ссадненіями по краямъ. На 17 миллиметровъ сзади отъ этой раны имѣется такого же вида раненіе овальной формы. Всѣ эти три раны имѣютъ скошенность краевъ снизу кверху. Сзади отъ послѣдней раны, на 17 миллиметровъ отступя, имѣется ссадненіе кругловатой формы, пергаментной плотности съ поверхностнымъ кожнымъ кровоподтекомъ. По лопаточной правой линіи, отъ гребешка подвздошной кости, на 4 сантиметра кверху, имѣются два овальной формы раненія, одно около другого расположенныя, переднее—8 миллиметровъ длиною, заднее—5 миллиметровъ. Края этихъ раненій ссаднены, причемъ зондъ проникаетъ въ глубьлежащія ткани. На полтора поперечныхъ пальца книзу, у гребешка подвздошной кости расположено щелевидной формы раненіе, идущее косвенно сзади напередъ, сверху внизъ, проникающее вглубь, верхній край котораго представляется неровнымъ, зубчатымъ. На 2½ сантиметра книзу. въ направленіи правой ягодицы, имѣется овальной формы раненіе, причемъ наружный уголъ представляется острымъ, ровнымъ, а задній—закрученнымъ. У верхняго края имѣется надрѣзъ кожи. На 2½ поперечныхъ пальца кверху, почти по аксиллярной линіи, имѣется щелевидной формы раненіе, съ ссадненіемъ у задняго угла и совершенно ровнымъ, гладкимъ переднимъ угломъ. Внизу отъ него надъ подвздошной костью имѣется ссадненіе овальной формы въ 7 миллиметровъ длиною.

Б. ВНУТРЕННІЙ ОСМОТРЪ.

При удаленіи шва на мѣстѣ первоначальнаго надрѣза обнаружено, что въ грудной и брюшной полостяхъ сложены вмѣстѣ органы брюшной, грудной и черепной полостей. При разсматриваніи шейной области оказывается, что подкожная клѣтчатка и оставшіяся мышцы съ правой стороны предстаавляются кровянисто-пропитанными. Вены и артеріи вскрыты. Сонная артерія удалена, съ лѣвой стороны имѣется лишь трупная имбибиція подкожной клѣтчатки и мышцъ. На мѣстахъ поврежденій, описанныхъ на грудной полости, имѣются кровоподтеки въ подкожной клѣтчаткѣ и кровяные сгустки по мѣстамъ подлежащихъ мышцъ. Языкъ цѣлъ. На лѣвой стѣнѣ глотки, подъ миндалиной, три кровоизліянія, величиною до крупной горошины. Вся рыхлая клѣтчатка въ окружности пищевода, дыхательнаго горла и внизъ до верхушки легкихъ, а также вокругъ корня легкихъ пропитана кровоизліяніемъ. Слизистыя гортани дыхательнаго горла пропитаны разложившеюся кровью. Хрящи гортани и подъязычная кость цѣлы. Легкія объемисты, съ эмфизематочными краями, блѣдно-красно-бураго цвѣта. Ткань ихъ эластична. Точечныхъ кровоизліяній подъ плеврой легкихъ не усматривается. Часть

праваго легкаго острымъ разрѣзомъ удалена при предшествовавшемъ вскрытіи и сохранена для болѣе тщательнаго изслѣдованія. Сердце отсутствуетъ, также взято для изслѣдованія.

Брюшная полость. Селезенка средней величины, буро-краснаго цвѣта, ткань нормальной плотности и строенія. Отъ печени имѣется лишь лѣвая ея доля. Остальная часть печени взята для изслѣдованія. Ткань печени блѣдно-буро-краснаго цвѣта, нормальной плотности и строенія. Лѣвая почка средней величины, фиброзная капсула снимается легко, ткань буроватаго цвѣта. Желудокъ средней величины. Слизистая оболочка его однообразно-грязна, буровато-желтаго цвѣта, стѣнки желудка средней толщины, мягки, поврежденій слизистой оболочки и стѣнокъ не замѣчается. Кишечникъ умѣренно вздутъ, однообразно грязно-красноватаго цвѣта. Слизистая оболочка тонкихъ и толстыхъ кишекъ блѣдно-сѣраго цвѣта, слегка разрыхлена, безъ особенностей. Въ тонкихъ кишкахъ слизистое содержимое, въ толстыхъ—желтоватый кашицеобразный калъ. Въ желудкѣ около четверти стакана темно-сѣрой пищевой смѣси, съ содержащимися въ ней частицами, повидимому, бурака и картофеля. Брыжевичныя железы увеличены до крупной горошины, блѣднаго цвѣта. Брыжевичныя вены налиты темною жидкою кровью. Мочевой пузырь вскрытъ.

Черепная полость. По удаленіи швовъ, на мѣстѣ сдѣланномъ при первоначальномъ вскрытіи разрѣзомъ покровомъ головы, на послѣднихъ, въ области праваго темянного бугра, имѣется нѣсколько плоскихъ кровоизліяній, величиною въ серебряный гривенникъ. Равнымъ образомъ въ области макушки въ нихъ имѣется кровоизліяніе кругловатой формы, величиною въ мѣдный пятакъ. На два поперечныхъ пальца влѣво отъ послѣдняго кровоподтека имѣется такое же кровоизліяніе, величиною въ серебряные 15 коп. Обширное кровоизліяніе имѣется также въ лѣвой темянно-височной области. Всѣ эти кровоподтеки соотвѣтствуютъ описаннымъ выше раненіямъ волосистой части головы. Твердая мозговая оболочка средней толщины. На лѣвой половинѣ ея въ области макушки имѣется щелевидное раненіе оболочки въ продольномъ направленіи, длиною около 3-хъ миллиметровъ, съ гладкими краями и кровоизліяніемъ въ окружности величиною въ серебряную 15-ти копѣечную монету. Нѣсколько спереди отъ послѣдняго раненія оболочки, въ области продольной пазухи ея, имѣется такое же нарушеніе цѣлости, безъ яснаго кровоизліянія въ окружности. Мозгъ вскрытъ. Мягкая мозговая оболочка нѣжна. Сосуды ея наполнены кровью. На разрѣзѣ сѣрое корковое вещество темно-сѣраго цвѣта съ красноватымъ оттѣнкомъ. Края бороздъ на разрѣзѣ выступаютъ въ видѣ красныхъ полосъ. Бѣлое вещество на разрѣзѣ покрывается большимъ количествомъ красныхъ точекъ. Вещество мозга гнилостно-размягчено. Черепная крышка взята для подробнаго изслѣдованія. На правой височной кости, на разстояніи половины сантиметра отъ края распила, на наружной пластинкѣ имѣется треугольной формы раненіе кости около полутора миллиметровъ въ квадратѣ. Внутренняя пластинка,

повидимому, не повреждена. Часть кости съ раненіемъ вырѣзана и сохраняется для подробнаго изслѣдованія.

Позвоночный столбъ вскрытъ не былъ и наружныхъ измѣненій не представляетъ.

Во время вскрытія по распоряженію судебнаго слѣдователя завѣдующимъ антропометрическимъ кабинетомъ сыскного отдѣленія Корженецкимъ были сдѣланы отпечатки пальцевъ покойнаго Ющинскаго. Исполняющій должность судебнаго слѣдователя Фененко. Профессоръ Оболонскій. Прозекторъ Туфановъ. Понятые (двѣ подписи).

1911 года марта 27 дня Судебный Слѣдователь Кіевскаго Окружнаго Суда по особо важнымъ дѣламъ Фенѣнко, чрезъ профессора университета св. Владиміра Н. А. Оболонскаго и прозектора Н. Н. Туфанова, въ присутствіи нижеподписавшихся понятыхъ, въ кабинетѣ судебной медицины анатомическаго театра, производилъ осмотръ частей трупа покойнаго Ющинскаго, взятыхъ при вскрытіи трупа послѣдняго, произведенномъ 22 сего марта, а также осмотръ вещественныхъ доказательствъ, присланныхъ судебнымъ слѣдователемъ 5-го участка г. Кіева, отъ 24 марта за № 465, причемъ оказалось слѣдующее:

1) Черепная крышка представляется правильно сформированной, кости черепа тонки, соотвѣтственно возрасту, эластичны, средостѣніе хорошо выражено. Костные сосуды просвѣчиваютъ въ видѣ темно-красноватыхъ полосокъ и нитокъ. По срединному (стрѣловидному) шву на разстояніи отъ лобнаго шва 53 миллиметра и отъ затылочнаго шва 55 миллиметровъ имѣется продолговато-четырехугольной формы сквозное отверстіе, имѣющее въ длину 3 миллиметра и въ ширину $1^1/_2$ миллиметра. Края канала представляются какъ бы размокженными, шероховатыми. Входное отверстіе у наружнаго праваго края представляется нѣсколько вдавленнымъ, а у лѣваго края слегка приподнятымъ. Выходное отверстіе имѣетъ отщепленіе по краямъ внутренней костной пластинки, причемъ у верхняго края выходного отверстія крышеобразно отщеплена пластинка, величиною въ 7 миллиметровъ, а у нижняго края, слѣва, костная пластинка лишь слегка выдвинута внутрь.

Кверху и влѣво отъ этого раненія, на лѣвой теменной кости на 3 миллиметра отъ стрѣловиднаго шва и на 8 миллиметровъ кпереди отъ предшествовавшаго поврежденія имѣется неправильно-четырехугольной формы отверстіе въ наружной пластинкѣ кости, причемъ задній край этого отверстія представляется вдавленнымъ, а боковыя стороны (правая и лѣвая) слегка приподнятыми.

На той же лѣвой теменной кости, на разстояніи отъ предшествовавшаго пораненія на 31 миллиметръ и отъ лобнаго шва на 40 миллиметровъ имѣется также четырехугольное, ближе къ ромбоидальной формѣ приближающееся отверстіе, расположенное по наибольшему

діаметру въ продольномъ сзади напередъ направленіи, причемъ наибольшій діаметръ входного отверстія имѣетъ 7 миллиметровъ, а поперечный 4 миллиметра. Передніе края этого отверстія представляются вдавленными, а задніе—слегка приподнятыми. У входного отверстія внутренняя костная пластинка представляется отщепленной, причемъ осколки ея представляются болѣе отодвинутыми вправо, соотвѣтственно скошенности канала раны, имѣющаго также направленіе слегка слѣва направо.

На той же лѣвой теменной кости, на разстояніи 4 миллиметровъ отъ лобнаго шва у границы височной кости, имѣется овальной формы отверстіе въ наружной пластинкѣ, проникающее черезъ всю толщу кости и представляющееся на внутренней пластинкѣ четырехугольною формою, приближающеюся къ ромбической. Верхній край входного отверстія представляется неровнымъ, слегка зубчатымъ и нѣсколько вдавленнымъ. Нижній край его, напротивъ, представляется отщепленнымъ, приподнятымъ на внутренней пластинкѣ. У верхняго края выступаетъ внутрь осколокъ этой пластинки. Каналъ раненія скошенъ сверху внизъ спереди назадъ.

На правой теменной кости, на разстояніи отъ лобнаго шва 24 миллиметра и отъ стрѣловиднаго шва на 47 миллиметровъ имѣется четырехугольной формы раненіе, продольнымъ діаметромъ направляющееся въ поперечномъ направленіи (къ стрѣловидному шву), а меньшимъ діаметромъ (поперечнымъ)—къ лобному шву. Это отверстіе въ длину имѣетъ два миллиметра, а въ ширину полтора миллиметра. Наружный (правый) край этого входного отверстія представляется вдавленнымъ, внутренній (лѣвый) край представляется приподнятымъ.

Въ височной области правой теменной кости на разстояніи отъ лобнаго шва на 23 миллиметра и на 44 миллиметра отъ предшествовавшаго отверстія книзу, имѣется такое же четырехугольное отверстіе, длиннымъ діаметромъ, въ $2^1/_2$ миллиметра, обращенное по направленію къ лобному шву. Ширина отверстія полтора миллиметра. Правый нижній край этого отверстія представляется вдавленнымъ, а лѣвый слегка приподнятымъ.

На внутренней пластинкѣ у внутренняго отверстія послѣднихъ пораненій имѣются крышеобразно выпячивающіяся внутрь отщепленія внутренней пластинки. Книзу и кпереди отъ этого отверстія расположены 4 продольно-четырехугольной формы щелевидныхъ отверстія, изъ которыхъ верхнее отстоитъ отъ лобнаго шва на разстояніи 9 миллиметровъ и имѣетъ въ продольномъ діаметрѣ около 2 миллиметровъ, а въ поперечномъ $^1/_2$ миллиметра. Передній край этого щелевиднаго отверстія представляется приподнятымъ, задній—сдавленнымъ. На внутренней поверхности черепной крышки, соотвѣтственно этому отверстію, имѣется небольшое отщепленіе въ видѣ трещины костной пластинки. Второе, книзу расположенное отъ описаннаго отверстія, отстоящее на 7 миллиметровъ отъ лобнаго шва, отверстіе съ такими же, какъ и у предшествовавшаго, краями. На внутренней пластинкѣ, соотвѣтственно этому отверстію, имѣется еще меньшее

отщепленіе кости. На 2 миллиметра книзу отъ послѣдняго отверстія расположено щелевидно-четырехугольной формы отверстіе въ 1 миллиметръ, съ вдавленными краями. На внутренней пластинкѣ, соотвѣтственно этому отверстію, имѣется еле замѣтное крышеобразное отщепленіе. Кзади, на 10 миллиметровъ отступя отъ указаннаго отверстія, имѣется четвертое четырехугольное щелевидной формы отверстіе, въ полтора миллиметра длиной и четверть миллиметра шириною, съ вдавленнымъ заднимъ и отвороченнымъ слегка переднимъ краемъ. На внутренней пластинкѣ отщепленій, соотвѣтственно этому отверстію, не имѣется. Толщина кости у этого отверстія равняется тремъ миллиметрамъ, а у трехъ предшествовавшихъ поврежденій отъ 1½ до 2 миллиметровъ. Продольнымъ діаметромъ всѣ эти четыре послѣднихъ поврежденія обращены по поперечному діаметру черепа снизу вверхъ и слегка лишь косвенно кпереди.

На затылочной части, у края затылочнаго шва, на 16 миллиметровъ отъ стрѣловиднаго, имѣется продольно-четырехугольной формы поврежденіе длиною 2½ миллиметра, шириною въ 1 миллиметръ. Правый край этого отверстія представляется вдавленнымъ; на внутренней пластинкѣ соотвѣтственно этому отверстію имѣется незначительное отщепленіе. Каналъ ранъ скошенъ справа налѣво.

Книзу отъ вышеописанныхъ поврежденій въ височномъ углубленіи на разстояніи 1½ сантим. отъ послѣдняго описаннаго поврежденія и на разстояніи 12 милл. отъ предшествовавшаго имѣется на выпиленномъ изъ височной кости кускѣ кости щелевидной формы, въ 1½ милл. въ діаметрѣ поврежденіе, непроницающее насквозь кость, причемъ на внутренней пластинкѣ не имѣется также, соотвѣтственно входному отверстію, трещины.

2) На кускѣ кожи, съ подкожной клѣтчаткой, вырѣзанномъ изъ правой височной части, имѣется 13 щелевидной формы колотыхъ раненій, частью проникающихъ черезъ всю толщу кожи частью оканчивающихся въ самой толщѣ кожи. Величина раненій колеблется отъ 2 милл. до 1½ милл. въ длину. Края раненій довольно гладки, окружающая ихъ кожа ссаднена, подсохла, въ видѣ блѣдно-коричневатой, частью буроватой, каемки. Въ подкожной клѣтчаткѣ, соотвѣтственно этимъ раненіямъ, имѣются кровоподтеки, ограниченные каждымъ раненіемъ въ отдѣльности. Изъ числа 13 ранъ 6 болѣе длиннаго діаметра соотвѣтствуютъ 6 описаннымъ на вискѣ костнымъ раненіямъ, причемъ изъ трехъ кожныхъ ранокъ, имѣющихся на кожѣ въ одинаковомъ между собою разстояніи, расположенныхъ по одной линіи и производящихъ впечатлѣніе какъ бы происшедшихъ отъ укола вилкой, только одна проникающая, а остальныя двѣ оканчиваются въ кожѣ. Изъ остальныхъ ранъ четыре ранки расположены одиночно и четыре по двѣ рядомъ.

3) Вырѣзанная изъ лѣвой части грудной стѣнки часть кожи, съ подлежащими мышцами, частью грудины и прилегающихъ реберъ. На кожѣ на 3 сант. ниже грудного соска и на 1 сант. кнутри отъ него имѣется щелевидное раненіе кожи, расположенное почти поперечно, длиною въ ½ сант.. съ довольно гладкими краями и ссад-

неніемъ окружающей кожи въ видѣ широкаго пояса, имѣющаго въ діаметрѣ 1½ сант. Ссадненіе темно-бураго цвѣта въ нижней части съ не рѣзкими зубчатыми очертаніями; въ верхней полуокружности ссадненіе ограничено тонкой дугообразной полоской такого же цвѣта. У лѣваго края ссадненія имѣется щелевидная ранка, поперечная, длиною 1½ милл.

На ½ сант. ниже соска имѣется поперечное щелевидное раненіе длиною въ ½ сант., съ довольно гладкими буровато-подсохшими краями.

На 1½ сант. книзу отъ послѣдней ранки имѣется такое же щелевидное раненіе длиною въ 1½ милл.

Въ разстояніи 3½ сант. вправо отъ праваго края большого раненія съ ссадненіемъ, имѣется щелевидное раненіе вертикальное длиной въ 2 милл.

Подъ тѣмъ же раненіемъ съ ссадненіемъ, на пространствѣ 2½ сант. въ квадратѣ, располагаются три кожныя раны 3-хъ-угольной формы, длиною каждая 3 милл., съ буроватыми краями.

Соотвѣтственно описаннымъ раненіямъ, на грудной плевѣ замѣчаются пять овальной формы разрывовъ, длиною около ½ сант. каждый, изъ коихъ одинъ находится у края грудины въ 3-хъ реберномъ промежуткѣ, три другихъ—рядомъ, подъ нижнимъ краемъ 4-го ребра, и послѣдній у нижняго края пятаго ребра. Грудная плева въ области описанныхъ поврежденій кровоподтечна.

4) Два куска кожи, вырѣзанныхъ изъ предплечья, одинъ длиною 11, шириною 1½ сант., другой длиною 12, шириною 1½ сант. На первомъ кускѣ имѣется въ продольномъ направленіи желобоватое вдавленіе, шириною въ 2 милл., рѣзко выраженное на концахъ куска: здѣсь вдавленіе это имѣетъ буроватый цвѣтъ съ пергаментной плотностью. При разсматриваніи на свѣтъ растянутаго на стеклѣ куска кожи въ области желобоватыхъ вдавленій имѣется множество мелкихъ красноватыхъ пятнышекъ и полосокъ, состоящихъ изъ мельчайшихъ точечныхъ кровоизліяній. Тѣ же измѣненія, въ видѣ желобоватаго вдавленія съ имѣющимися въ области его красноватой пятнистостью и полосатостью наблюдаются и на другомъ кускѣ кожи.

5) Два куска отъ праваго легкаго. На одномъ изъ нихъ, меньшемъ, имѣется разрывъ края легкаго, длиною около 1 сант., съ неровными размочаленными краями; на одинъ сантиметръ отъ него на томъ же краѣ имѣется щелевидное сквозное раненіе на наружной сторонѣ длиною въ 1 сант., а на другой, внутренней сторонѣ — длиною въ 3 милл. На другомъ кускѣ легкаго, отступя на 2½ сант. отъ края, имѣются два колотыхъ раненія 3-хъ-угольной формы, отстоящихъ другъ отъ друга на разстояніи 1 сант. Длина сторонъ ихъ 1½ милл.; раненія эти не проникающія на внутреннюю сторону легкаго.

6) Сердце и околосердечная сорочка. Послѣдняя почти по всей поверхности пропитана кровоизліяніями. На передней поверхности лѣваго желудочка сердца, въ средней его части, въ разстояніи ½ сант. отъ борозды имѣется щелевидное раненіе, длиною 3 милл.,

окруженное кровоизліяніемъ. Такого же свойства и величины раненіе имѣется у верхушки лѣваго желудочка, какъ и первое, поверхностное, глубиною отъ 1 до 1½ милл. У верхушки сердца, въ области праваго желудочка его, почти непосредственно у борóзды и на одинъ сантиметръ отъ самой верхушки сердца имѣется щелевидное раненіе, длиною въ ½ сант., съ неровными краями. Раненіе это проникаетъ въ полость праваго желудочка, а оттуда выходитъ на обратную сторону верхушки сердца, въ формѣ имѣющагося здѣсь же такого же характера щелевиднаго отверстія, длиною въ 3 милл. На задней поверхности праваго желудочка, нѣсколько выше средней части его, въ разстояніи ½ сант. отъ края желудочка, имѣется поверхностный щелевидный уколъ, длиною 2 милл., окруженный кругловатымъ красноватымъ ободкомъ излившейся въ окружность ранки крови. Соотвѣтственно описаннымъ поврежденіямъ на сердцѣ, на околосердечной сорочкѣ имѣются щелевидныя раны, длиною отъ ½ сант. до 3 милл., причемъ надъ раненіемъ сорочки, соотвѣтствующимъ раненію верхушки сердца сзади, имѣется надрѣзъ сорочки щелевидной формы, съ отходящею отъ него, дугообразною книзу, линейною царапиной краснаго цвѣта, длиною 3½ сант. Въ полостяхъ сердца имѣется уплотненная отъ дѣйствія формалина на препаратѣ кровь.

7) Правая почка. Жирная и фиброзная капсула ея у корня пропитана кровью, гдѣ въ разстояніи 1 сант. отъ сосудистаго пучка имѣется щелевидное раненіе, длиною 4 милл. По снятіи капсулы, на поверхности почки, въ соотвѣтственномъ мѣстѣ, обнаружено щелевидное раненіе, длиною въ ½ сант., глубиною около 1 сант., расположенное въ области коркового слоя органа. Углы раненія пропитаны кровью.

8) Печень. На передней поверхности правой долн ея имѣется семь раненій, изъ коихъ два раненія щелевидной формы, съ небольшимъ надрывомъ одного края, 5 остальныхъ частью треугольной, частью звѣдчатой формы. Величина ихъ колеблется отъ 3 милл. длины до 1 сант. Одно, щелевидное, длиною въ 8 милл., находящееся у передняго края печени — сквозное, съ щелевиднымъ же раненіемъ на задней поверхности печени, длиною 4 милл. Окружность раненій подъ капсулой окрашена въ красноватый цвѣтъ.

9) Вырѣзанная часть прямой кишки (задне-проходное отверстіе) съ частью прилегающей кожи. Слизистая прямой кишки сложена въ складки, блѣдно-сѣровато-желтоватаго цвѣта, прилегающая же къ заднепроходному отверстію часть слизистой оболочки — красноватаго цвѣта. Кожа замѣтно складчата и на ней и слизистой оболочкѣ прямой кишки какихъ-либо поврежденій, ссадинъ, язвъ и т. п. не замѣчается.

10) На кускѣ праваго полушарія мозга, подъ мягкой мозговой оболочкой, имѣется кровоизліяніе, величиной въ полуладонь.

И. д. Судебнаго Слѣдователя Фененко. Профессоръ Оболонскій. Прозекторъ Туфановъ. Понятые (двѣ подписи).

III.

Заявленіе раввиновъ Россіи.

Снова драгоцѣнное наслѣдіе отцовъ нашихъ — наша священная вѣра подвергается тяжкому оскорбленію. Снова поднимаетъ голову гнусный кровавый извѣтъ и распространяется злонамѣренное обвиненіе евреевъ въ употребленіи христіанской крови.

Этотъ извѣтъ, возникшій во тьмѣ начала среднихъ вѣковъ, противорѣчащій духу и основамъ еврейской вѣры, — той вѣры, которая первая провозгласила смертнымъ грѣхомъ убійство, которая запретила употребленіе въ пищу крови даже животныхъ, той вѣры въ Единаго Бога, которая первая огненными буквами начертала божественныя слова «люби ближняго, какъ самого себя», — нынѣ вновь служитъ средствомъ для возбужденія вражды противъ евреевъ среди ихъ согражданъ. Въ настоящее время обвиненіе, опровергнутое неоднократно учеными богословами, высшими іерархами христіанскихъ церквей и монархами съ высоты престола видоизмѣняется и обращается противъ будто бы существующей среди евреевъ секты. Въ невѣжествѣ или недобросовѣстности своей обвинители указываютъ на хасидовъ, относя ихъ къ какой-то сектѣ, употребляющей христіанскую кровь.

Мы, раввины, посвятившіе свою жизнь всестороннему изученію еврейской вѣры, ея письменности и устныхъ преданій, протестуемъ съ глубокимъ возмущеніемъ и негодованіемъ противъ кощунственнаго обвиненія и пріемлемъ священный долгъ предъ лицомъ Всемогущаго Бога, Бога Израиля и передъ всѣмъ міромъ торжественно заявить:

Нигдѣ, ни въ Священномъ Писаніи, ни въ Талмудѣ, ни въ комментаріяхъ къ нимъ, ни въ Зогарѣ, ни въ Каббалѣ, ни въ какомъ либо изъ произведеній, имѣющихъ хотя бы самое отдаленное отношеніе къ еврейскому вѣроученію, ни даже въ устныхъ народныхъ преданіяхъ:—нигдѣ не содержится ни малѣйшаго намека, который давалъ бы поводъ къ подобному обвиненію.

Съ тѣмъ же возмущеніемъ и негодованіемъ мы отвергаемъ обвиненіе въ существованіи среди евреевъ секты или отдѣльныхъ лицъ, употребляющихъ христіанскую кровь для ритуальныхъ цѣлей. Еврейскій законъ во всемъ его объемѣ, неизмѣнный и недѣлимый, не имѣетъ разновидностей.

Въ еврействѣ нѣтъ сектъ; еврейская религія не даетъ и не могла дать почвы для кроваваго изувѣрства.

Хасиды, какъ и противупоставляемые имъ миснагиды, не составляютъ секты. У хасидовъ, какъ и у миснагидовъ, дѣйствуетъ одинъ и тотъ же законъ; для нихъ обязательны однѣ и тѣ же, до мельчайшихъ подробностей, религіозные предписанія и обряды.

Всѣ они чтутъ однѣ и тѣ же священныя книги, извѣстныя всему міру; въ еврействѣ нѣтъ ни одной части, у которой были бы въ почитаніи какія-нибудь тайныя религіозныя книги. Воспрещенное нашимъ вѣроученіемъ есть воспрещенное для всѣхъ евреевъ. Предписанія религіи обязательны для всего еврейства.

Много мученической крови еврейской пролито, какъ жертва злостной клеветы на еврейскій законъ. Настоящее торжественное

наше заявленіе передъ Господомъ Богомъ, Богомъ Израиля и передъ всѣмъ міромъ, да послужитъ къ вразумленію тѣхъ, въ комъ совѣсть сохранилась и не угасла въ душѣ искра правды.

Въ упованіи на помощь Всевышняго и въ горячей вѣрѣ, что «правда восторжествуетъ, несправедливость уничтожится и зло исчезнетъ какъ дымъ», мы молимъ Господа Бога, Бога Израиля,—да ниспошлетъ Онъ миръ всему человѣчеству и взаимную любовь между народами земли.

IV.

Къ русскому обществу.

По поводу кроваваго навѣта на евреевъ.

Во имя справедливости, во имя разума и человѣколюбія мы подымаемъ голосъ противъ новой вспышки фанатизма и темной неправды.

Изстари идетъ вѣковѣчная борьба человѣчности, зовущей къ свободѣ, равноправію и братству людей, съ проповѣдью рабства, вражды и раздѣленія. И въ наше время, какъ это бывало всегда,—тѣ самые люди, которые стоятъ за безправіе собственнаго народа, всего настойчивѣе будятъ въ немъ духъ вѣроисповѣдной вражды и племенной ненависти. Не уважая ни народнаго мнѣнія, ни народныхъ правъ, готовые подавить ихъ самыми суровыми мѣрами,—они льстятъ народнымъ предразсудкамъ, раздуваютъ суевѣріе и упорно зовутъ къ насиліямъ надъ иноплеменными соотечественниками.

По поводу еще не разслѣдованнаго убійства въ Кіевѣ мальчика Ющинскаго въ народъ опять кинута лживая сказка объ употребленіи евреями христіанской крови. Это давно извѣстный пріемъ стараго изувѣрства.

Въ первые вѣка послѣ Рождества Христова языческіе жрецы обвиняли христіанъ въ томъ, будто они причащаются кровью и тѣломъ нарочно убиваемаго языческаго младенца. Такъ объясняли они таинство Евхаристіи. Вотъ когда родилась эта темная и злая легенда!.. Первая кровь, которая пролилась изъ-за нея, по пристрастнымъ приговорамъ и подъ ударами темной языческой толпы,—была кровь христіанъ. И первые же опровергали ее отцы и учители христіанской церкви. «Стыдитесь,—писалъ св. мученикъ Іустинъ въ обращеніи своемъ къ римскому сенату,—стыдитесь приписывать такія преступленія людямъ, которые къ нимъ не причастны. Перестаньте!.. Образумьтесь!..»

— «Гдѣ же у васъ доказательства?—спрашивалъ съ негодованіемъ другой учитель церкви, Тертулліанъ.—Одна молва... Но свойства молвы извѣстны всѣмъ... Она почти всегда ложна... Она и жива только ложью. Кто же вѣритъ молвѣ?»

Теперь лживость молвы, обвинявшей первыхъ христіанъ, ясна, какъ день. Но изобрѣтенная ненавистью, подхваченная темнымъ невѣжествомъ, нелѣпая выдумка не умерла. Она стала орудіемъ вражды и раздора даже въ средѣ самихъ христіанъ. Доходило до того, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ католическое большинство кидало такое же

обвиненіе въ лютеранъ, большинство лютеранское клеймило имъ католиковъ.

Но всего болѣе страдало отъ этой выдумки еврейское племя, разсѣянное среди другихъ народовъ. Вызванные ею погромы положили кровавый слѣдъ въ темной исторіи среднихъ вѣковъ. Во всѣ времена случались порой убійства, передъ цѣлями которыхъ власти останавливались въ недоумѣніи. Въ мѣстахъ съ еврейскимъ населеніемъ всѣ такія преступленія тотчасъ же объяснялись обрядовымъ употребленіемъ крови. Пробуждалось темное суевѣріе, вліяло на показанія свидѣтелей, лишало людей спокойствія и безпристрастія, вызывало судебныя ошибки и погромы... Часто истина все-таки раскрывалась, хотя и слишкомъ поздно.

Тогда наиболѣе разумныхъ и справедливыхъ людей охватывало негодованіе и стыдъ. Многіе папы, духовные и свѣтскіе правители клеймили злое суевѣріе и разъ навсегда запрещали властямъ придавать разслѣдованію убійствъ вѣроисповѣдное значеніе. У насъ такой указъ былъ изданъ 6 марта 1817 года Императоромъ Александромъ I и подтвержденъ 18 января 1835 г. въ царствованіе Императора Николая I. Въ 1870 году греческій патріархъ Григорій тоже осудилъ легенду объ употребленіи евреями христіанской крови, назвавъ ее «внушающимъ отвращеніе предразсудкомъ нетвердыхъ въ вѣрѣ людей». Но указы тлѣютъ въ архивахъ, а суевѣрія живучи. И вотъ снова даже съ трибуны Г. Думы распускаютъ старую ложь, угрожающую насиліемъ и погромами.

Въ этой лжи звучитъ та самая злоба, которая нѣкогда кидала темную языческую толпу на первыхъ послѣдователей христіанскаго ученія.

Еще недавно въ Китаѣ та же сказка объ употребленіи дѣтской крови, пущенная китайскими жрецами противъ миссіонеровъ, стоила жизни сотнямъ мѣстныхъ христіанъ и европейцевъ.

Всегда за нею слѣдовали самыя темныя и преступныя страсти, всегда она стремилась ослѣпить и затуманить толпу и извратить правосудіе...

И всегда съ нею боролось чувство любви и правды. Не къ одному римскому сенату были обращены слова христіанскаго писателя, мученика Іустина, который въ свое время боролся съ тѣмъ же суевѣріемъ:

«Стыдитесь, стыдитесь приписывать такое преступленіе людямъ, которые къ тому непричастны. Перестаньте, образумьтесь!»

Мы присоединяемъ свои голоса къ голосу христіанскаго писателя, звучащему изъ глубины вѣковъ призывомъ къ любви и разуму.

Бойтесь сѣющихъ ложь. Не вѣрьте мрачной неправдѣ, которая много разъ уже обагрялась кровью, убивала однихъ, другихъ покрывала грѣхомъ и позоромъ!..

К. К. Арсеньевъ, В. Г. Короленко, М. Горькій, Леонидъ Андреевъ, чл. Г. Сов. М. М. Ковалевскій, чл. Гос. Сов. А. Васильевъ, чл. Г. Сов. Н. Загоскинъ, чл. Г. Сов. И. Озеровъ, чл. Г. Сов. Д. Гриммъ, чл. Г. Сов. М. Стаховичъ, гр. Ив. Ив. Толстой, Григ. Градовскій, Д. Мережковскій, З. Гиппіусъ, Вяч. Ивановъ, Е. Чириковъ, Д. Философовъ, А. Федоровъ, Ѳедоръ Соллогубъ, А. Потресовъ, гр. Алексѣй Толстой, Валент. Сперанскій, С. Сергѣевъ-Ценскій, Александръ Блокъ, Александръ Бенуа, К. Арабажинъ, акад. В. Вернадскій, акад. А. Фамицынъ, Ив. Петрункевичъ, Н. Анненскій, Н. В. Мокіев-

скій, Н. А. Русановъ, В. Семевскій, А. М. Рѣдько, А. Петрищевъ, А. В. Пѣшехоновъ, С. Я. Елпатьевскій, А. И. Иванчинъ-Писаревъ, В. А. Плансонъ, Н. Н. Шнитниковъ, Б. И. Добровольскій, проф. А. А. Пиленко, О. Батюшковъ, Л. Ф. Пантелѣевъ, А. П. Философова, А. Н. Калмыкова, А. С. Милюкова, С. Пантелѣева, К. Баранцевичъ, М. Славинскій, И. Жилкинъ, В. Муйжель, М. Арцыбашевъ, В. Лодыженскій, Ник. Олигеръ, Д. Линевъ, Скиталецъ (Петровъ), проф. А. Жижиленко, проф. М. Туганъ-Барановскій, проф. Эрвинъ Гриммъ, проф. А. Петражицкій, проф. П. Чубинскій, проф. І. А. Покровскій, проф. И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ, проф. Салазкинъ, проф. В. В. Святловскій, Д. В. Стасовъ, Ф. И. Родичевъ, проф. М. Ростовцевъ, В. Д. Набоковъ, акад. Д. Овсяннико-Куликовскій, В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, Петръ Струве, проф. Н. И. Карѣевъ, проф. Ф. Зелинскій, проф. Ив. Гревсъ, В. Водовозовъ, П. Милюковъ, Н. В. Некрасовъ, В. Яковенко, П. Стебницкій, Г. Фальборкъ, Н. И. Фалѣевъ.

Выше (стр. 420, 421) было указано, насколько ошибочна, исторически невѣрна приведенная въ воззваніи ссылка и на русскихъ государей, и на римскихъ папъ.

Столь же исторически неправильно указаніе, будто «темная и злая легенда» объ употребленіи евреями христіанской крови «родилась» изъ обвиненій, возводившихся языческими жрецами на первыхъ христіанъ.

Если бы это было такъ, то сія направленная противъ евреевъ «легенда» и возникла бы въ первые же вѣка послѣ Рождества Христова, однако, обвиненія жидовъ въ ритуальныхъ убійствахъ начались гораздо позже, лишь къ концу XII вѣка, въ чемъ согласны и христіанскіе и еврейскіе историки. Чѣмъ же объяснить такой громадный промежутокъ, въ теченіе котораго, однако, различныя противоеврейскія движенія, иногда очень острыя, возникали неоднократно? И почему вслѣдъ затѣмъ многочисленныя дѣла о ритуальныхъ еврейскихъ убійствахъ, которыхъ раньше совсѣмъ не было, возникаютъ чуть не одновременно въ самыхъ различныхъ странахъ?

Съ моей точки зрѣнія это объясняется распространеніемъ среди евреевъ новаго религіознаго ученія, фанатичнаго и мистическаго, нашедшаго себѣ частичное выраженіе въ Каббалѣ, въ Зогарѣ, появленіе каковыхъ религіозныхъ книгъ относится какъ разъ къ этому періоду. А съ точки зрѣнія авторовъ воззванія сіе совершенно необъяснимо. Если враги евреевъ сочли нужнымъ для борьбы съ ними пустить въ ходъ уже готовую выдумку языческихъ жрецовъ, такъ чего же было ждать цѣлыхъ тысячу лѣтъ?

Хотя среди подписавшихъ воззваніе цѣлый рядъ присяжныхъ историковъ, но ссылка на историческіе факты вышла у нихъ едва ли удачною, а такъ какъ никакихъ иныхъ положительныхъ данныхъ въ воззваніи и вовсе не приведено, то матеріаломъ, хоть сколько-нибудь опровергающимъ существованіе ритуальныхъ убійствъ, сіе творчество, несмотря на увѣренность, запальчивость и широковѣщательность его тона, считать не приходится.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		стран.
Введеніе		III— VI

Часть первая. Фактическая.

Глава	I. Родственники	1— 18
»	II. Мѣсто и время убійства	19— 38
»	III. Дѣянія Мищука	38— 46
»	IV. Вразуль-Брушковскій и поѣздка въ Харьковъ	46— 67
»	V. Красовскій и Дьяконовы	67— 97
»	VI. Махалинъ и Караевъ	97—116
»	VII. Воры	116—139
»	VIII. Чеберяковы	139—159
»	IX. Лукьяновка	160—174
»	X. Заводъ Зайцева	175—186
»	XI. Шпеерсонъ	186—206

Часть вторая. Медицинская экспертиза.

»	I. Общій очеркъ	207—221
»	II. Заключеніе проф. Косоротова и Туфанова	222—237
»	III. Заключеніе проф. Павлова и Кадьяна	238—249
»	IV. Возраженія проф. Косоротова	249—258
»	V. Заключеніе проф. Бехтерева и Карпинскаго	258—268
»	VI. Заключеніе проф. Сикорскаго	269—277

Часть третья. Ритуалъ.

»	I. Талмудъ и Каббала	278—288
»	II. Франкисты	289—298
»	III. Хасиды	298—317
»	IV. Заключеніе каноника Пранайтиса	317—354
»	V. Заключеніе проф. Троицкаго, Коковцова, Тихомірова и раввина Мазе	354—368
»	VI. Дѣла Велижское и Саратовское	368—408
»	VII. «Кровавый Навѣтъ»	408—422
Заключеніе		423 - 429

ПРИЛОЖЕНІЯ:

	стран.
I. Рѣчь Г. Г. Замысловскаго, произнесенная по дѣлу Бейлиса въ Кіевскомъ Окружномъ Судѣ 24 октября 1913 г. . . .	435—504
II. Протоколы вскрытія	505—514
III. Заявленіе раввиновъ Россіи	515—516
IV. Къ русскому обществу по поводу кроваваго навѣта на евреевъ	516—518